8 НОЯ. 1916

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

49 Г
22630

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТ

СЕНТЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

8 НОЯ. 1915

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ. — СЕНТЯБРЬ.

СТР.

I. ВЭНЯ (Исторія одной женской души). — **Бориса Лазаревскаго** 5
II. ВЪ МОЕЙ ДУШѢ ПОКОЙ СТРАДАНІЙ... Стих. — **С. Ростовцева** . . . 70
III. ЭПИЛОГЪ. — **Лидіи Ефимовичъ** . . . 71
IV. ВЕЧЕРЪ. Стих. — **Дм. Семеновскаго** . . . 82
V. ОЛЬГИНЪ СКИТЪ. — **Антона Любимова** . . . 83
VI. ВЪ ГЛУШЬ. Стих. — **И. Бѣлоусова** . . . 107
VII. БУБА. — **Е. Ватмана** . . . 109
VIII. ВОРОНЪ. Стих. — **Вас. Смирнова** . . . 119
IX. КОМПОЗИЦІЯ ВЪ РОМАНѢ ДОСТОЕВСКАГО. — **Леонида Гросмана** . . . 121
X. НЕ НАДО УНЫНЬЯ... Стих. — **М. Ватсонъ** . . . 156
XI. ПО СИБИРИ (Спиртоловы на Маѣ). — **Вл. Войтинскаго** . . 157
XII. ВЪ КИНЕМАТОГРАФѢ. Стих. — **Анатолія Доброхотова** . 177
XIII. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СТАРАГО ПОРЯДКА. *(Оконч.)* **Кн. В. Оболенскаго** . . . 179
XIV. МОЛИЛАСЬ ДУША МОЯ. Стих. — **Филарета Чернова** . . . 196
XV. ТОСКА. Романъ Граціи Деледда *(Продолженіе)*. Пер. съ итал. **З. Журавской** . . . 197
XVI. INTERIEUR. Стих. — **С. Кулаковскаго** . . . 247
XVII. PRÉLUDE. Стих. — **Леонида Долинина** . . . 248
XVIII. ПСИХИКА РУССКАГО ТЕАТРАЛЬНАГО ЗРИТЕЛЯ 60-ХЪ ГОДОВЪ. — **И. Игнатова** . . . 249
XIX. НОЧЬ ЗОЛОТИЛА ЗЕМНЫЕ ПРОСТОРЫ. Стих. — **П. Орѣшина** . . . 288
XX. **ХРОНИКА.** — АМЕРИКАНСКІЯ НАСТРОЕНІЯ (Письмо изъ Нью-Іорка). — **Р. Бланка** . . . 289
XXI. ПОНИЖЕНІЕ КУЛЬТУРЫ ВЪ ГЕРМАНІИ. **М. Лурье** . . . 307
XXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Воинственныя увлеченія въ Германіи. — Рѣчь канцлера въ рейхстагѣ. — Съѣздъ соціалъ-демократической партіи въ Берлинѣ. — Конгрессъ британскихъ рабочихъ союзовъ въ Бирмингамѣ. — Политическое настроеніе во Франціи. — Балканскія дѣла и греческій кризисъ. **Л. Слонимскаго** . . . 349
XXIII. НА ТЕМЫ ДНЯ. Твердыя цѣны на хлѣбъ. — Іерархія совѣщанія. — Главное управленіе здравоохраненія. — Второй товарищъ оберъ-прокурора св. синода. — Два полюса церковной

СТР.

жизни. — Представленіе о награжденіи гласнаго петроградской думы. — Священники, какъ городскіе избиратели. — Новый министръ внутреннихъ дѣлъ. — В. И. Семевскій †. — **К. Арсеньева** 364

XXIV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. Петроградъ, 1916. — Борисъ Садовской. Ледоходъ. Статьи и замѣтки. Петроградъ, 1916. — Императорское Русское Историческое Общество. 1886—1916 гг. Петроградъ, 1916. — **Ч. В—ій.** — П. И. Люблинскій. „На смѣну стараго права". Пгр., 1915. — **В. М.** — Бюллетень Московскаго Общества по подготовкѣ спеціалистовъ земской и городской службы. Вып. I. Москва, 1916. — Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1016—1917 академическій годъ. Годъ 9-й. Москва, 1916. — **Ч. В—ій** 379

XXV. СПИСОКЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И ЛИЦЪ, ПРИСЛАВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ" ВЫРАЖЕНІЕ СОБОЛѢЗНОВАНІЯ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ М. М. КОВАЛЕВСКАГО 395

XXVI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 398

XXVII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 400

XXVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 401

8 НОЯ. 1916

Печать Калязинской Библиотеки. Городской общественной

№ 1668 Литер Ж

ВЭНЯ.

(ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖЕНСКОЙ ДУШИ.)

I.

Съ большой дороги кажется, что въ далекой деревнѣ начался пожаръ или закрутился огромный вихрь.

Такъ подумалъ бы человѣкъ, жившій въ концѣ прошлаго столѣтія, а теперь каждый пастухъ зналъ, что это работаетъ паровая молотилка. Къ вечеру, когда осенній день становился прозрачнѣе, видна была и далекая тоненькая труба, и слышались перебои поршня, и, казалось, что пахнетъ дымомъ. Желтая стерня была короче прежней, — машина брала ровно-ровно, однообразно-скучно, совсѣмъ не такъ, какъ руки человѣческія. Высокія скирды хлѣба издали казались похожими на лиловыя хаты какихъ-то великановъ.

Солнце принизилось.

Старшій мальчикъ-пастухъ всталъ съ земли, снялъ соломенную шляпу, приложилъ ладонь ко лбу и дѣловито сказалъ:

— Пора гнать до дому.

За нимъ лѣниво поднялись и еще три мальчика и двѣ дѣвочки, черноглазая хорошенькая одиннадцатилѣтняя Вэня и курносая улыбающаяся Парасочка. Лѣниво подергалъ задней ногой длинношерстый песъ Рябко, но сейчасъ же побѣжалъ за Вэней, которая старалась заставить своихъ двухъ коровъ, чтобы онѣ перескочили черезъ канаву на дорогу. Свиньи безъ понуканій поняли, въ чемъ дѣло, и побѣжали рысью. Бѣлый бычекъ съ коричневыми пятнами, помахивая хвостомъ, поднялъ вверхъ розовую морду и, не оглядываясь, пошелъ впереди стада.

Мальчики и дѣвочки ускорили шагъ. За цѣлый день наговорились и до самаго села почти молчали. Каждый думалъ о своемъ. Вэнѣ хотѣлось, чтобы скорѣе наступила

суббота и чтобы ея отецъ, Федоръ Ищенко, служившій машинистомъ возлѣ молотилки, вернулся домой на цѣлыя сутки, — онъ всегда приносилъ съ собой какой-нибудь подарокъ: или нѣсколько конфетъ, обернутыхъ въ золотую бумажку, или книгу. Сынъ помѣщицы, однорукій студентъ Сережа, иногда передавалъ спеціально для Вэни книжки съ картинками, а случалось и самъ заходилъ въ хату. Другую руку паничу Сережѣ искалѣчило машиной во время занятій, и ее пришлось отрѣзать.

Впрочемъ, въ хатѣ Федора вообще часто собирались люди, много читали и говорили о непонятномъ для одиннадцатилѣтней дѣвочки. Мать Вэни, Одарка, бывала недовольна этими собраніями и часто бранила Федора, а иногда и плакала и просила оставить службу на молотилкѣ и хорошенько заняться своими тремя десятинами.

— Тамъ я больше пользы принесу, — отвѣчалъ Федоръ.

— Гляди, чтобы тебя за эту пользу не отпровадили подальше, — съ тревогой произносила Одарка.

— Не отпровадятъ, — снова отвѣчалъ женѣ Федоръ и шелъ спать въ маленькую, стоявшую въ собственномъ фруктовомъ саду клуню.

За нимъ плелся Рябко, а Вэня съ матерью располагались въ гудящей мухами хатѣ. Жила съ ними и мать Одарки — баба Палажка, еще бодрая, молчаливая старуха. Она очень любила Федора и скорбѣла о томъ, что онъ такъ мало занимается хозяйствомъ, а больше служитъ по машинамъ. Въ первые годы послѣ женитьбы, Федоръ много отдавалъ времени саду и небольшому баштану надъ заросшимъ прудомъ, доставалъ черезъ панича Сережу хорошія сѣмена дынь и огурцовъ, каллировалъ и щепилъ чудесные сорта шпанскихъ вишенъ, грушъ и яблокъ.

Все хозяйство съ маленькой пасѣкой приносило въ годъ отъ трехсотъ до четырехсотъ рублей.

Съ начала японской войны Федоръ все это забросилъ и сталъ, какъ говорила баба Палажка, „сидѣть и въ книжку читать“, а по воскресеньямъ онъ, женатый, почти все время проводилъ съ паробками, и Одаркѣ это казалось неприличнымъ, затѣмъ поступилъ на паровую мельницу, а съ мельницы на молотилку. И теперь дома съ него только и было пользы, что хорошо замки починялъ, — иногда приносилъ новые...

— Дочь свою Вэню Федоръ началъ учить грамотѣ уже

давно, съ восьми лѣтъ, но изъ этого ничего не выходило, читала она плохо, а писаніе дѣвочкѣ и совсѣмъ не давалось. Зато голосъ у Вэни былъ замѣчательный, и мѣстный регентъ взялъ ее на клиросъ въ хоръ. Федоръ былъ не совсѣмъ доволенъ, а бабѣ Палажкѣ это очень нравилось и льстило.

Съ начала лѣта баба переселялась на баштанъ въ соломенную будку и жила тамъ до уборки всѣхъ овощей и фруктовъ; кашляла, вздыхала и, если кто приходилъ, начинала жаловаться на Федора.

Пастухи и пастушки дразнили Вэню и говорили:

— У всѣхъ людей на баштанѣ дідъ сидитъ, а у васъ баба.

Вэня дергала плечикомъ и отвѣчала:

— Так шож, нехай и баба сідить.

А въ общемъ, семьѣ Федора Ищенка жилось не плохо, — гораздо лучше, чѣмъ другимъ крестьянамъ.

Настоящее имя Вэни было Ѳекла, а по-малороссійски — Вэкла. Ея крестный отецъ, паничъ Сережа, первый назвалъ дѣвочку Вэней, и всѣмъ это имя очень понравилось, такъ оно за ней и осталось. Потомъ, на другомъ краю села, другую дѣвочку Ѳеклу тоже стали называть Вэней.

Однажды Федоръ взялъ дочь къ молотилкѣ. Эта машина сначала ее испугала, а потомъ крѣпко заинтересовала и понравилась, а работа возлѣ молотилки показалась веселой, только пыли было много. Лица у дівчатъ казались сѣрыми, а глаза ввалившимися.

И понравилось Вэнѣ, что всѣ относились къ ея отцу съ уваженіемъ и называли его не просто Федоръ, а Федоръ Михайловичъ и еще — господинъ механикъ.

Вечеромъ, когда люди возвращались съ молотилки, изъ рабочихъ составился огромный хоръ.

Вэня сейчасъ же уловила мотивъ и пѣла вмѣстѣ со взрослыми.

Эту пѣсню, не похожую ни на фабричную, ни на солдатскую, тоже завелъ Федоръ, и особенно нравились Вэнѣ слова:

Ой, налетили гуси
З далекого краю...
Скаламутили воду
В тихому Дунаю...

И представлялся ей этотъ Дунай во много разъ болѣе широкимъ, чѣмъ прудъ за садомъ, а вода въ Дунаѣ — ти-

хой и прозрачной, и небо въ ней отражается голубыми клочками, а когда налетѣли гуси — очень много гусей, — вода заколебалась, и уже не было видно голубыхъ клочьевъ.

Вэня прошла восемь верстъ и не утомилась.

Послѣ Покрова ее отдали въ сельскую школу, но дѣло не пошло лучше: пѣла хорошо, а училась плохо. Короткій будній день весь былъ занятъ, а въ субботу и воскресеніе нужно было пѣть въ церкви на клиросѣ.

Федоръ куда-то пропалъ, не то ушелъ въ городъ, не то на панскую усадьбу.

Затѣмъ случились цѣлыхъ три пожара подъ рядъ, и говорили, что панича Сережу арестовали. Вэня плохо понимала, въ чемъ дѣло. Черезъ недѣлю вернулся Федоръ, худой, блѣдный и оборванный, и въ первый же вечеръ крѣпко поругался съ женой, которая называла его „пройдисвітомъ“ и бродягой. Баба Палажка не ругалась, а только плакала, потомъ надолго стало тихо у нихъ въ хатѣ. Федоръ уходилъ изъ дому, по субботамъ, на какія-то собранія и, какъ слыхала Вэня отъ дівчатъ, говорилъ тамъ больше всѣхъ и лучше всѣхъ, а дома почти молчалъ. Изрѣдка, оставаясь вдвоемъ съ Вэней, отецъ гладилъ ее по головкѣ и печально произносилъ:

— Если меня даже не будетъ, ты школу не бросай, учись и книжки доставай, гдѣ можешь, — ты уже не будешь жить такъ, какъ жили твоя мама и баба, тебѣ нужно больше знать...

Вэня не понимала, зачѣмъ онъ такъ говоритъ, но ей дѣлалось грустно.

Передъ рождественскими праздниками Федоръ устроилъ для Вэни и для дівчатъ интересную штуку: на льду замерзшей рѣки вбилъ большой желѣзный ломъ, а на него надѣлъ старое колесо, къ колесу придѣлалъ два шеста и къ одному изъ нихъ привязалъ санки; а за другой конецъ крутилъ самъ, или брались мальчишки, и тогда санки бѣгали вокругъ скорѣе, чѣмъ поѣздъ желѣзной дороги. Было очень страшно и очень пріятно кататься на нихъ.

И старые, и молодые выходили смотрѣть на эту забаву.

Баба Палажка и Одарка тоже повеселѣли.

По вечерамъ по всему селу гремѣли пѣсни и все новыя, которыхъ раньше Вэня не слыхала. Какъ-то Федоръ сказалъ, что съ новымъ годомъ для всѣхъ придетъ и новая жизнь и нужно радоваться, и говорилъ еще, что земли у

мужиковъ теперь будетъ больше и обрабатывать ее они будутъ иначе, а баба Палажка отрицательно кивала головой и шептала съ печки:

— Ничого не будэ иначе...

По вечерамъ на улицѣ ходило много пьяныхъ, и Вэню не выпускали одну изъ дому, а потому приходилось ложиться спать рано. Въ перинѣ было много блохъ, которыя не давали заснуть, и дѣвочка долго ворочалась, все думала, отчего у нихъ есть баба, а дѣда нѣтъ и брата нѣтъ. Думала, что ея отецъ самый умный и все умѣющій дѣлать человѣкъ, а, между тѣмъ, мать и бабушка его ругаютъ, и что если бы былъ дѣдъ, то онъ, навѣрное бы, этого не позволилъ.

Ей часто снились страшные сны, а разъ приснилось такое, будто всѣ они вышли на рѣку, и отецъ сѣлъ въ саночки, прикрѣпленныя къ колесу, а мать взялась за другой конецъ шеста и стала крутить колесо ужасно быстро, и вдругъ санки вмѣстѣ съ отцомъ оторвались и полетѣли, переворачиваясь, ужасно далеко и потомъ совсѣмъ не стало видно ни санокъ, ни Федора, и всѣ начали плакать, и сама Вэня проснулась въ слезахъ и успокоилась только тогда, когда увидѣла и услышала, что отецъ храпитъ на своемъ матрацѣ.

Начались морозы, да такіе, что не спасали ни платокъ, ни валенки, и еще больше приходилось сидѣть дома, а чтобы не было скучно, читать и писать. Впрочемъ, отецъ не боялся и мороза и опять началъ уходить на цѣлый день, и никто изъ домашнихъ не зналъ куда.

Мать и баба готовились къ „щедрому вечеру", начиняли колбасы, пекли пироги и варили фрукты для взвара. Въ этотъ вечеръ Федоръ вернулся домой и привелъ съ собой и еще какого-то человѣка въ синей блузѣ, нельзя было угадать, кто это — панъ или мужикъ.

Дівчата и паробки пробовали „щедровать", но урядникъ ихъ почему-то разогналъ. Все-таки ужинъ и весь вечеръ прошли очень интересно, и на столѣ все было вкусное, и Вэнѣ позволили ѣсть столько меду, сколько она хотѣла.

Гость остался ночевать, и спать легли поздно, — первой Вэня, и заснула крѣпко и сладко.

Не слышала, какъ пропѣли пѣтухи...

II.

Вэня вдругъ проснулась. Было еще темно, она очень удивилась, когда увидѣла, что опять пришли новые гости:

урядникъ и два стражника. Не снимая фуражекъ, они говорили о чемъ-то съ отцомъ и тѣмъ человѣкомъ, который вчера ужиналъ. Полуодѣтыя, Одарка и Палажка тряслись, точно въ хатѣ былъ морозъ, а потомъ всѣ мужчины одѣлись и ушли вмѣстѣ съ гостями, а мать начала плакать и кричать такъ, какъ это дѣлаютъ бабы, когда въ домѣ покойникъ, и кричала до самаго разсвѣта, а потомъ тоже одѣлась и тоже куда-то ушла. Баба Палажка безъ конца утирала фартукомъ слезы.

Усталая Вэня склонилась на подоконникъ и тихо засопѣла носикомъ. Когда она опять открыла глаза, то зажмурилась отъ яркаго солнца. Была оттепель, и снѣгъ не казался голубоватымъ, а, скорѣе, рыжимъ. Вэня хотѣла сообразить, видѣла ли она странныхъ гостей во снѣ, или на самомъ дѣлѣ, и спросила объ этомъ у бабы.

— Взяли батька, и не вернется онъ назадъ, — пробормотала Палажка и опять начала сморкаться и утирать слезы. Видно было, что она въ очень плохомъ настроеніи и ничего, какъ слѣдуетъ, не разскажетъ. Вэня надѣла чоботы, большой платокъ и побѣжала на улицу къ подругамъ, но и здѣсь ничего не узнала.

Цѣлую недѣлю мать и баба Палажка не варили обѣда, а питались хлѣбомъ и саломъ, пили чай, по вечерамъ куда-то уходили и запирали Вэню въ хатѣ съ собакой Рябкомъ. На Крещеніе не были въ церкви и не ходили даже на „Іордань“ за святой водой. Опять начались морозы, и дѣти крутились на санкахъ вокругъ колеса. А потомъ начались занятія въ школѣ, и все пошло по-старому. Объ отцѣ стали вспоминать рѣже. Вэня совсѣмъ перестала учиться писать, а въ мартѣ, когда показалась первая травка, вмѣсто того, чтобы идти въ школу, чаще стала гулять съ подругами.

Въ тотъ день, когда погнали первый разъ скотину, Вэня крѣпко обрадовалась. Въ полѣ разсказывали сказки и плели изъ пакли новые „канчуки“ для пастушечьихъ кнутовъ.

Пѣли невидимые жаворонки, воздухъ былъ сладкій. Старый песъ Рябко шалилъ и, какъ молодой, пробовалъ заигрывать съ глупымъ бѣломордымъ теленкомъ. Баба Палажка и Одарка посовѣтывались и наняли работника, — пятнадцатилѣтняго Василя. Онъ былъ крѣпкій и серьезный мальчикъ, хорошо ухаживалъ за лошадьми и пахалъ, какъ взрослый, а по вечерамъ перечитывалъ Вэнины книжки, говорилъ рѣдко и немного.

Прошелъ только одинъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Вэня съ отцомъ была на молотилкѣ, но теперь она уже не могла себѣ ясно представить его лица. Передъ праздникомъ Пасхи Федоръ прислалъ письмо, въ которомъ очень просилъ денегъ. Палажка и Одарка хотѣли послать двадцать пять рублей, но потомъ рѣшили, что довольно будетъ и пятнадцати, и послали не скоро, черезъ двѣ недѣли, когда ѣздили въ городъ за покупками.

Василь однимъ только ножикомъ умѣлъ дѣлать маленькія, но совсѣмъ какъ настоящія, вѣтряныя мельницы и коробочки, въ родѣ пеналовъ, былъ хорошимъ товарищемъ, только не умѣлъ пѣть и не любилъ разговаривать, а Вэня уже считалась въ церковномъ хорѣ солисткой и, когда на улицѣ собирались взрослыя дивчата, пѣла вмѣстѣ съ ними. На весенняго Николая ей пошелъ тринадцатый годъ.

Безъ Федора хозяйство стало хуже. Баба Палажка вовремя не спрятала ульевъ, и всѣ пчелы перемерзли, а лѣтомъ на баштанѣ ничего не уродилось, хлѣба хватило только-только „до новины". Работать всѣмъ приходилось гораздо больше, а толку было меньше, но все-таки не голодали и даже продали на сто рублей грушъ и яблокъ...

И черезъ пять лѣтъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ садъ стоялъ въ цвѣту, какъ и при Федорѣ. Вэня съ бабой садили и поливали разсаду, и голосъ Вэни звенѣлъ далеко. Всякую работу она дѣлала съ пѣсней; а когда, отдыхая, стояла подъ яблоней въ бѣлой вышитой узорами сорочкѣ и съ вѣнкомъ изъ ландышей на головѣ, то сама была похожа на молоденькую яблоньку.

По воскресеніямъ ходила на улицу вмѣстѣ съ Парасочкой, съ которой онѣ когда-то пасли скотъ. Вэня считалась самой красивой въ селѣ дівчиной, да это было и на самомъ дѣлѣ такъ.

Коровъ и овецъ теперь пасъ общественный пастухъ, старикъ Якимъ.

Неожиданно пришло письмо отъ Федора (баба Палажка уже отслужила по немъ двѣ панихиды): кромѣ денегъ, онъ очень просилъ, чтобы сама Вэня подробно написала, какъ онѣ живутъ.

— Если бы я умѣла писать, такъ и написала бы, а то я не умѣю, ей-Богу, не умѣю, — отвѣтила Вэня матери и убѣжала на улицу.

Въ этомъ году былъ плохой урожай, и деньги достава-

лись трудно. Василь сталъ совсѣмъ взрослымъ. Съ нимъ что-то произошло: онъ началъ отвѣчать дерзко Одаркѣ и какъ-то особенно, точно волкъ, смотрѣлъ на Вэню. Безъ всякаго основанія требовалъ большой прибавки жалованія. Иногда пьянствовалъ. Передъ самыми „жнивами“ Василь разругался съ Одаркой, забралъ свои деньги и ушелъ куда-то на заработки.

Добрую половину ржи пришлось отдать тѣмъ, кто помогалъ жать и вязать. За августъ мѣсяцъ Вэня похудѣла и почернѣла, какъ цыганка, но стала еще красивѣе.

Почти всю землю вокругъ, и помѣщичью, и многоземельныхъ крестьянъ, заарендовалъ сахарный заводъ подъ свеклу; и когда пришла пора убирать ее, то дівчатамъ платили по полтора и по два рубля въ день. Послѣ уборки своего поля Вэня уже немного отдохнула и рѣшила тоже кой-что заработать „на буракахъ“.

Сначала погоды стояли хорошія, и выкапывать бураки было легко, а потомъ пошли дожди, и всѣхъ работницъ отправили за двадцать верстъ отъ родной деревни, а на ночь загоняли въ огромный деревянный балаганъ, въ которомъ были и мужчины; на подстилку давали солому. Было здѣсь холодно, темно и грязно, а, главное, къ дівчатамъ приставали паробки и надсмотрщики.

Усталая Вэня проснулась отъ жаркаго поцѣлуя въ губы и, не соображая, въ чемъ дѣло, наотмашь ударила кого-то по зубамъ.

— А ты не бей такъ сильно, — сказалъ мужской, очень знакомый голосъ, — ты здѣсь не хозяйка, а такая же наймичка, какъ и я.

Вэня ничего не понимала и вдругъ скорѣе угадала, чѣмъ узнала, что это Василь. Растерялась и вмѣсто того, чтобы прогнать паробка, спросила:

— И давно ты здѣсь?

— Уже цѣлую недѣлю, а въ этотъ балаганъ попалъ только сегодня, — тебя искалъ, хотѣлъ поговорить.

— О чемъ же намъ говорить?

— Осенью хочу тебя сватать...

— Ты пьяный? — спросила Вэня.

— Нѣтъ, трезвый, какъ стекло.

— Отчего же ты объ этомъ прежде не думалъ, когда жилъ у насъ?

— Думалъ, только я зналъ, что твоя мать и баба не

позволятъ мнѣ сказать и слова, — потому и разсчитался. Ты богатая, а у меня хоть и было, но все равно что ничего нѣтъ, только руки есть.

— Я замужъ не собираюсь, а ты уходи и не мѣшай мнѣ спать.

— Нѣтъ не уйду, — и Василь снова обнялъ Вэню.

— Я буду кричать на весь балаганъ, — произнесла она, задыхаясь.

— Здѣсь многія кричатъ, да ничего изъ этого не выходитъ...

Вэня вскочила и, задыхаясь, растрепанная, выбѣжала на воздухъ.

Луна блестѣла въ лужахъ воды, и ярко выдѣлялись тѣни повозокъ. Похоже было на морозъ. Василь догналъ Вэню и перемѣнилъ тонъ. Онъ говорилъ о томъ, что имѣетъ самыя честныя намѣренія и совсѣмъ безплатно будетъ работать у нихъ въ хозяйствѣ до самой смерти, потомъ спросилъ:

— Можетъ быть, ты кого-нибудь другого любишь?

— Никого я не люблю... Сейчасъ пойду разбужу приказчика, а если ты завтра отсюда не уйдешъ, такъ я сама уйду.

Вэня видѣла, какъ загорѣлись глаза паробка, и вспомнила, что такъ же они блестѣли передъ тѣмъ, какъ Василь ни съ того, ни съ сего потребовалъ прибавки жалованія и вдругъ ушелъ. И поняла, что Василь не отстанетъ.

На слѣдующій день была суббота. Четыре плательщика выдавали дівчатамъ и паробкамъ заработанныя деньги. Вэнѣ пришлось четырнадцать рублей. Она завернула ихъ въ платокъ, никому ничего не сказала и пошла домой. Цѣлый день шла, только два раза отдыхала. И мать и баба очень ей обрадовались, сейчасъ же согрѣли воды и выкупали Вэню, потомъ накормили и начали разспрашивать.

Про Василя она ничего не сказала, но чуть не со слезами говорила, что и хотѣла бы работать, да невозможно: плохая ѣда и скверно спать.

Деньги отдала матери и, радостная, хоть и усталая, повалилась на свой матрацъ и укрылась тулупомъ.

На другой день разсказала Одарка, что снова было письмо отъ отца и что снова онъ проситъ денегъ. Рѣшили изъ четырнадцати рублей послать семь, такъ и сдѣлали, только письма не написали, а просто, на бланкѣ, попросили

почтоваго чиновника добавить, что всѣ живы и здоровы. Въ чемъ именно была вина Федора, Одарка не понимала, но ей казалось, что если бы онъ не водился съ разными мало-знакомыми людьми, то все было бы благополучно, и не погибло бы хозяйство, и не могла она въ душѣ это простить ему.

Съ начала зимы Вэня стала ходить на „досвітки“ и здѣсь была первой запѣвалой и разсказчицей, но всѣхъ паробковъ отъ себя гнала, и они считали ее гордой. А дівчата любили ее за то, что не отбивала жениховъ.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ случилось неожиданное. Одинъ изъ пѣвшихъ на клиросѣ басовъ, тридцатилѣтній вдовецъ и богатый человѣкъ, Павло Бугайченко, прислалъ къ Вэнѣ сватовъ, и вышло это не торжественно, а смѣшно, потому что Одарка сначала не поняла и рѣшила, что Бугайченко, считая ее вдовой, хочетъ жениться на ней. Одарка слышала, что жены ссыльныхъ, лишенныхъ правъ, могутъ второй разъ выходить замужъ. А когда дѣло разъяснилось, очень обидѣлась и посовѣтовала сватамъ взять изъ погреба тыкву и идти съ Богомъ обратно. Бугайченко тоже обидѣлся, а Вэня чувствовала себя въ чемъ-то виноватой передъ матерью и затѣмъ три воскресенія подъ рядъ не ходила въ церковь, чтобы не видѣть Бугайченка.

Когда наступила весна, Вэня вдругъ затосковала и перестала посѣщать „досвітки“, а сидѣла дома и что-нибудь вышивала или по складамъ читала бабѣ вслухъ житіе равноапостольной первомученицы Ѳеклы. И Вэнѣ казалось, что она сама похожа на ту мученицу, имя которой носила.

Святая Ѳекла отказалась отъ богатаго жениха, потому что не хотѣла вѣрить въ идоловъ, а хотѣла поклоняться одному Богу и быть свободной.

Вэня читала плохо и очень медленно, но бабѣ Палажкѣ это именно и нравилось и, слушая, какъ святую красавицу Ѳеклу выводили на растерзаніе звѣрямъ, старуха плакала и крестилась.

Добѣжало время и до Пасхи.

Пора было подумать о томъ, чтобы самимъ пахать землю или отдать въ наемъ.

III.

Неожиданно явился Василь въ оборванной чумаркѣ, босой, но въ зимней шапкѣ и униженно сталъ просить Одарку

принять его опять въ работники, за какую угодно плату. Время было очень подходящее. Одарка обрадовалась, хотя сдѣлала видъ, что позволяетъ ему остаться изъ милости.

Въ первую недѣлю Василь почти не разговаривалъ съ Вэней и поглядывалъ на нее искоса, точно старался угадать: сказала она или не сказала матери о томъ, что было въ балаганѣ, на буракахъ. И когда понялъ, что не сказала,— весь посвѣтлѣлъ, обрадовался, подстригъ сзади волосы и самъ помылъ свою сорочку, а въ воскресеніе пошелъ въ церковь.

Затѣмъ наступили весеннія полевыя работы, и не было времени разговаривать. Вечеромъ Вэня всегда держалась возлѣ матери, а на улицѣ возлѣ дівчатъ.

Василь какъ будто и не искалъ случая остаться одинъ-на-одинъ, но Вэня знала навѣрное, что этотъ паробокъ рѣшилъ и умереть возлѣ нея. Ей нравилось иногда покрикивать на работника и, чѣмъ несправедливѣе было замѣчаніе, тѣмъ охотнѣе Василь, не оправдываясь, старался угодить.

Одарка думала, что онъ дорожитъ мѣстомъ, потому что бѣденъ. Хозяйство пошло лучше, чѣмъ въ прошломъ году, и даже лучше, чѣмъ при Федорѣ. Процвѣталъ и баштанъ, и баба Палажка снова переселилась въ соломенную будку. Василь гдѣ-то поймалъ и принесъ въ шапкѣ рой пчелъ. Достали изъ чулана старые ульи и снова завели маленькую пасѣку. И казалось, что благодать опять вернулась въ усадьбу.

Писемъ отъ Федора не было, и никто о немъ не вспоминалъ. Урожай вышелъ великолѣпный, и съ хлѣбомъ убрались раньше времени. Василь молотилъ одинъ вручную. По праздникамъ онъ не ходилъ къ паробкамъ, а сидѣлъ на завалинкѣ и курилъ, о чемъ-то думалъ и улыбался.

Съ половины сентября за Вэней началъ ухаживать самый высокій и самый красивый въ селѣ паробокъ Иванъ по фамиліи Лысый, хотя волосы у него были черные, густые и даже вились. Ухаживалъ онъ неотступно и, не стѣсняясь, присутствіемъ Василя, объяснялся ей въ любви, а Вэня только смѣялась.

Въ октябрѣ вдовецъ Павло Бугайченко повторилъ свое предложеніе, но получилъ опять „гарбуза“ — отказъ. У Бугайченка было пятнадцать десятинъ земли, двѣ пары воловъ и заграничные сакковскіе плуги.

Василь ходилъ и улыбался. Слухъ о томъ, что Вэня

во второй разъ поднесла „гарбуза“ такому богачу, распространился по всей деревнѣ.

Иванъ Лысый повеселѣлъ и не отходилъ отъ Вэни.

Уже начались морозы, уже паробки и дівчата сложились и наняли за три рубля въ мѣсяцъ у старухи Лобкивны. право собираться въ ея хатѣ на „досвітки“. Вышивали здѣсь и пѣли пѣсни, паробки разсказывали про девятьсотъ пятый годъ и смѣялись надъ тѣми, кто вѣрилъ въ передѣлъ земли. Часто играли въ карты. Покупали и водку; но только по воскресеніямъ. Вэня была со всѣми одинаково привѣтлива и, какъ прежде, главной заводчицей всякихъ необычайныхъ шутокъ.

Однажды, въ самомъ началѣ вечера, она шопотомъ попросила Парасочку украсть черную шапку Ивана Лысаго, пойти въ сѣни и выпачкать эту шапку сажей изъ трубы. Парасочка продѣлала все это очень ловко и незамѣтно положила шапку на прежнее мѣсто, на подоконникъ.

Иванъ казался особенно веселымъ, во время пѣнія онъ подсѣлъ къ Вэнѣ и обнялъ ее за талію и не получилъ по зубамъ. Василя не было, да и вообще онъ не посѣщалъ этихъ собраній, а Вэня въ его отсутствіе всегда чувствовала себя гораздо свободнѣе.

Въ этотъ вечеръ она даже выпила стаканчикъ водки и черезчуръ много говорила, была красивѣе всѣхъ, и въ ея глазахъ мелькали огоньки, точно отраженіе лампы на синихъ и красныхъ бусахъ, которыхъ она надѣла очень много. Вэня вдругъ подняла вверхъ указательный палецъ и крикнула:

— Слушайте, всѣ слушайте... Недавно я была въ городѣ и ходила къ ворожкѣ, — настоящей вѣдьмѣ, и она научила меня, какъ влѣзть въ бутылку, и я могу это вамъ показать...

— Можешь сама вся влѣзть въ обыкновенную бутылку? — спросилъ кто-то изъ паробковъ.

— Могу.

— И мы всѣ будемъ это видѣть? — завизжала съ восторгомъ самая молоденькая, Мотря.

— Ну, а если ты сбрешешь, — можно тебѣ будетъ дать тогда по потылицѣ? — произнесъ нараспѣвъ всегда молчавшій Микита.

— Можешь дать и по потылицѣ, — задорно отвѣтила Вэня.

Всѣ присутствующіе были глубоко поражены и потребовали, чтобы Вэня немедленно привела въ исполненіе свои слова.

— Добре, я вамъ покажу, какъ это дѣлается, — отвѣтила она, — но только всѣ вы, во-первыхъ, должны отвернуться къ стѣнкѣ, и дівчата закрыть лица руками, а паробки шапками и не оборачиваться до тѣхъ поръ, пока я не крикну „уже", а когда обернетесь, то что бы вы ни увидѣли, никто не долженъ смѣяться и не долженъ произносить ни одного слова... Если вы мнѣ это обѣщаете, я влѣзу въ бутылку, а если хотя одна душа „гавкнетъ", я сейчасъ же убѣгу домой...

Такое предисловіе заинтересовало молодежь еще больше. То, что обѣщала сдѣлать Вэня, было слишкомъ невѣроятно, но по тону ея голоса всякій могъ рѣшить, что предстоитъ на самомъ дѣлѣ необычайное зрѣлище, и всѣ безпрекословно обѣщали исполнить требованія Вэни, даже побожились.

Заинтересовалась и сама Лобкивна и, всегда скупая, дала два чистыхъ полотенца и бутылку изъ-подъ керосина. Вэня понюхала горлышко бутылки и сказала, что не желаетъ лѣзть въ такую грязную посудину и что ей удобнѣе будетъ употребить для этой цѣли обыкновенную бутылку изъ-подъ водки, но и ее Вэня предварительно обнюхала и затѣмъ попросила Парасочку вымыть чистой водой и еще что-то прошептала Парасочкѣ въ самое ухо.

— Э, шептаться нельзя, — загалдѣли паробки.

— Да не буду, не буду... успокойтесь, — отвѣтила Вэня и крестообразно разложила на столѣ два бѣлыхъ ручника, а посрединѣ поставила чистую бутылку безъ пробки.

Всѣ смотрѣли на нее съ любопытствомъ и уваженіемъ, затѣмъ Вэня сама повернула дівчатъ лицами къ стѣнѣ и сама провѣрила, дѣйствительно ли всѣ подруги крѣпко закрыли ладонями глаза. Съ паробками она сдѣлала нѣсколько иначе: заставила каждаго, поочередно, взять свою шапку и приложить ее къ лицу, а затѣмъ, не оглядываясь, упереться лбомъ въ другую стѣнку. Паробковъ всего было шесть человѣкъ, и она бысто выровняла ихъ спины въ одинъ рядъ.

Лобкивна сидѣла на печкѣ, свѣсивъ ноги, и, мигая красными старческими вѣками, старалась понять, въ чемъ дѣло.

— Теперь, — крикнула Вэня, — когда я скажу: разъ, два, три — и паробки и дівчата, три раза, но не оглядываясь, крѣпко проведите ладонями и шапками по лицу сверху внизъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Д2630

Прошло еще полминуты.

— Разъ, два, три, не оглядывайтесь, пока я не скажу слова „уже“.

Вэня схватила свой „кожухъ“ и платокъ и, пріотворивъ дверь, звонко выговорила:

— У-же...

А сама убѣжала на улицу и, поскрипывая черевичками по снѣгу, направилась прямо домой.

Первой нарушила молчаніе Лобкивна и прошамкала:

— Та вона утікла...

Паробки и дівчата сразу обернулись, открыли лица, посмотрѣли другъ на друга и вдругъ начали хохотать, громко и дико. Не смѣялся одинъ Иванъ Лысый, у котораго вся физіономія была черная. Не понимая, въ чемъ дѣло, онъ безпомощно поворачивалъ свою курчавую голову на казавшейся особенно худой и бѣлой шеѣ и спрашивалъ:

— Почему жъ бутылка пустая?

Въ отвѣтъ ему снова загремѣлъ такой раскатъ смѣха, что Ивану показалось, будто всѣ, кромѣ него, сошли съ ума. Точно старая кошка, безшумно соскочила съ печи Лобкивна, тоже не понимавшая, въ чемъ дѣло, подошла поближе къ Ивану, посмотрѣла внимательно, трижды перекрестилась и плюнула.

Одна изъ дівчатъ сняла со стѣны еще съ лѣта засиженное мухами зеркало и поднесла его къ самой физіономіи Лысаго. Паробокъ протеръ глаза и сдѣлалъ два шага назадъ.

Опять загремѣлъ хохотъ. Лысый кинулся къ столу, разбилъ объ полъ бутылку, схватилъ чистый ручникъ и къ великому ужасу Лобкивны началъ вытирать имъ лицо.

Кто-то взялъ его шапку и опять провелъ ею по лбу Ивана.

Вѣроятно, случилась бы серьезная драка, но Парасочка умышленно или неумышленно загасила лампу, всѣ вдругъ замолчали, и было только слышно, какъ причитываетъ Лобкивна.

Дверь осталась открытой. Клубы морознаго воздуха немного отрезвили молодежь. Опять зажгли огонь. Начали разыскивать свои полушубки и долго еще не могли удержаться отъ смѣха.

Ивана уже не было.

IV.

Вэня сначала шла скорымъ шагомъ, а потомъ ей вдругъ стало страшно на пустынной улицѣ, и она, что есть духу,

побѣжала. Засвистѣлъ вѣтеръ въ ушахъ. Двѣ собаки вырвались изъ-подъ чьихъ-то воротъ и черными клубками покатились за ней по голубоватому снѣгу и не съ цѣлью укусить, а больше потому, что не могли удержаться, чтобы не побѣжать, но скоро отстали. Только возлѣ своей хаты Вэня остановилась и увидѣла съ лѣвой стороны надъ серебряными крышами полумѣсяцъ краснаго золота рожками вверхъ, и то, что онъ былъ слѣва, показалось дурнымъ предзнаменованіемъ.

У воротъ стоялъ Василь, въ кожухѣ внакидку, но почему-то безъ шапки. Вэня хотѣла спросить, почему онъ до сихъ не поръ спитъ, но вмѣсто этого спросила:

— Тебѣ не холодно?

— Ні, — отвѣтилъ онъ и однимъ движеніемъ плеча поправилъ полушубокъ. Опустивъ непокрытую голову, Василь, какъ голодная преданная собака, пошелъ вслѣдъ.

Въ темныхъ сѣняхъ неожиданно для нея и, вѣроятно, и для самого себя, онъ крѣпко взялъ дівчину за обѣ руки. Она не вырвалась, подняла голову и съ недоумѣніемъ и ожиданіемъ глядѣла на работника.

Сквозь щель наружной двери полоска неяркаго свѣта мѣсяца шла по лицу и по лѣвому глазу Василя, и замѣтно, было, какъ блеснулъ и потухъ этотъ глазъ, но не страстью а мольбой. Паробокъ шевельнулся, и полоска свѣта изломалась и очутилась на бревнахъ стѣны.

— Ну, годі, годі — шепнула Вэня и, уже не грубо освободивъ свои руки, вскочила въ хату, не спѣша раздѣлась и легла возлѣ матери. Показалось тепло и уютно, а на душѣ стало безпокойно и жаль было и Василя и одураченнаго Ивана, а прежде она никогда и никого не жалѣла. Легонько стукнулъ дверью Василь, слышно было, какъ онъ снималъ чоботы и ложился спать на лавкѣ.

И только сегодня вспомнила Вэня, что слѣдовало бы дать работнику подушку и что онъ почти полгода спитъ, подложивъ подъ голову світку. Затѣмъ пришло на мысль, что Василь, какъ и Рябко, никогда не покинетъ ихъ хаты и, вѣроятно, умретъ здѣсь.

Когда Вэня задремала, ей пригрезились волки, — сидятъ вокругъ, и глаза у нихъ горятъ, острыя мордочки и стройныя тонкія лапки легли синими тѣнями на искрящемся снѣгу. И знаетъ Вэня, что если пошевельнется или крикнетъ, то конецъ — разорвутъ, а голосъ Василя въ самое ухо шепчетъ:

— Молчи, молчи...

А крикнуть хочется... Крикнула и проснулась и увидѣла, что уже бѣлый день, что нѣтъ въ хатѣ ни матери, ни бабы, ни Василя.

Вэня вскочила и босикомъ подбѣжала къ окну, поковыряла ногтемъ стекло, подышала на ледъ и рукавомъ сорочки протерла, и увидѣла, что на улицѣ очень много народу и толпится этотъ народъ возлѣ хаты отца Ивана Лысаго. И даже крикъ или плачъ какъ будто донесся.

И похолодѣли ноги у Вэни, а къ сердцу будто приложили кусокъ снѣга, и показалось, что все внутри хаты стало зеленымъ. Овладѣла собой и дрожащими руками натянула чоботы.

Въ одномъ платкѣ добѣжала до хаты Лысыхъ и хотѣла спросить, почему собрались люди, но чей-то тяжелый, точно сдѣланный изъ камня кулакъ ударилъ ее по зубамъ, и Вэня повалилась на землю.

Она очнулась въ своей хатѣ на лавкѣ и увидѣла мать и бабку Палажку, обѣ онѣ плакали. На скамейкѣ, возлѣ стола, сидѣлъ и тяжело дышалъ Василь. Его лицо было расцарапано, а вышитая сорочка на груди смята и разорвана въ клочья.

Вэня попросила воды, выпила цѣлую кружку и еще попросила. Сразу стало легче. Чуть приподнялась на локтѣ и удивленно, какъ сумасшедшая, поглядѣла вокругъ.

— Ты знаешь, что случилось? — спросила ее Одарка.

— Ні.

— Ночью, въ своей клунѣ Иванъ Лысый повѣсился.

Зрачки Вэни расширились, и, придерживаясь за подоконникъ, она вскочила и сѣла на лавкѣ.

— И говорятъ, что ты виновата въ его смерти, — добавила Одарка, закрыла лицо руками и завыла, а за ней и баба, и опять показалось Вэнѣ, что вся хата стала зеленой, а затѣмъ голубой.

— А кто меня ударилъ? — спросила она и снова легла.

— Батько Ивана тебя ударилъ, а Василь заступился, такъ и ему попало. Теперь намъ лучше и на улицу не показываться... Говорятъ, будетъ слѣдствіе, урядникъ уже тамъ ожидаетъ станового.

Долго молчали.

— Душно мнѣ, — произнесла Вэня и, придерживаясь за стѣнку, пошла къ дверямъ.

— Не ходи на улицу, не ходи на улицу, — закричала мать.

— Я только въ сѣни, — отвѣтила Вэня и пошатнулась. Василь поддержалъ ее. И хотя въ сѣняхъ былъ морозъ, ей не показалось холодно. Невольно обняла она паробка и положила ему голову на плечо.

— Что жъ теперь будетъ, что жъ теперь будетъ?..

— Ничого не буде. Усе минѐтця — одна правда застанѐтця.

— Охъ, если бы... — И еще крѣпче прижалась къ паробку. И былъ онъ для нея ближе матери и бабы Палажки.

За цѣлый день ничего не ѣли, и никто не вспомнилъ о пищѣ. Только вечеромъ Одарка принесла миску съ солеными огурцами, порѣзала ихъ на кусочки и полила коноплянымъ масломъ, затѣмъ вынула свѣжій хлѣбъ, и начали ужинать. Ночь провели тревожно. Вэнѣ не лежалось, не спалъ и Василь. Хотѣлось разговаривать, но и безъ словъ все было понятно.

Пропѣли уже третьи пѣтухи. Вэня выглянула въ окошко. Небо было еще темное, а внизу на улицѣ свѣтились только окна въ хатѣ Лысыхъ.

Вэня представила себѣ мертваго, лежащаго на столѣ Ивана Лысаго, отдернулась отъ стекла, вцѣпилась въ плечо Василя и пробормотала:

— Ой, боюся же я, боюся...

Василь молча ее обнялъ, и вдругъ стало дівчинѣ хорошо, такъ хорошо, какъ никогда прежде не бывало. Всякій страхъ совсѣмъ исчезъ, и даже хотѣлось, чтобы поскорѣе ее вызвалъ и допросилъ становой, и думалось, что хорошо, если бы пойти туда вмѣстѣ съ Василемъ.

На допросѣ дівчата и паробки показывали, что Вэня всегда издѣвалась надъ Лысымъ, а Лобкивна добавила, что и отецъ Вэни былъ человѣкъ порочный и сосланъ въ Сибирь и что и дочь слѣдуетъ сослать туда же.

Возвратясь домой, Вэня не сомнѣвалась, что такъ оно и будетъ, и уже не радовалась и не печалилась, — точно замерзла. А ночью, когда Василь ей прошепталъ:

— И я съ тобой пойду, — вдругъ оттаяла.

Ясно припомнился отецъ, и было любопытно его увидѣть.

Черезъ недѣлю Вэню вызвали въ уѣздный городъ къ слѣдователю. Она поѣхала туда съ Василемъ. Встали очень рано, когда еще звѣзды горѣли, и вмѣстѣ запрягли кобылу, а

вороного мерина — пристяжку оставили дома. Одарка вынесла котомку съ хлѣбомъ, огурцами и чеснокомъ.

Вышла на крыльцо и баба и вдругъ заголосила. Вырывались у нея слова о томъ, что видно надъ всей семьей тяготѣетъ проклятіе, и что отцу и дочери суждено невинно пострадать. Баба такъ громко причитывала, что даже Одарка махнула рукой и говорила:

— Та годі, уже, годі..

За воротами стало легче, а на большой дорогѣ, среди необъятной степи, сердце вдругъ успокоилось, — знало главное и самое важное — что Василь не уйдетъ. И говорили не о предстоящемъ судѣ человѣческомъ, а о томъ судѣ, который совершается безъ ихъ воли.

Когда на востокѣ, на темно-лиловомъ небѣ легли огненныя полосы, а потомъ золотыя, Вэня произнесла:

— Знаешь, Василь, если бы годъ назадъ мнѣ кто-нибудь сказалъ, что я буду твоей жінкой, то я бы плюнула тому человѣку въ глаза.

Василь пустилъ вожжи, досталъ бумагу и табакъ, долго сворачивалъ на морозѣ папиросу и еще дольше раскуривалъ ее, потомъ выпустилъ цѣлое облако дыма, ударилъ кобылу кнутомъ и сказалъ:

— А я зналъ, что будешь...

И теперь уже оба не волновались и ничего не боялись, хотя были увѣрены, что ждетъ ихъ въ городѣ что-то очень страшное.

Удивительно было, что урядникъ не взялъ ихъ подъ арестъ и не конвоировалъ, а только строго приказалъ, чтобы къ такому-то часу были въ городѣ въ камерѣ судебнаго слѣдователя.

Василь и Вэня пріѣхали, когда еще и на базарѣ никого не было, поставили лошадь на „заѣздномъ дворѣ“ и вышли на улицу, затѣмъ отправились въ трактиръ „Лондонъ“ и долго пили чай съ горячими бубликами. За грязными столиками сидѣло нѣсколько крестьянъ, пріѣхавшихъ на базаръ, и, слава Богу, никого не оказалось знакомаго. Опять вышли на улицу и спросили у городового, гдѣ камера слѣдователя. Городовой самъ довелъ ихъ, но ждать въ камерѣ пришлось очень долго.

Слѣдователь не кричалъ и не ругался и очень спокойно и даже съ любопытствомъ разспросилъ исторію съ бутылкой,

а когда Вэня останавливалась, произносилъ: — „Ну, ну...“ А потомъ сказалъ:

— Ну, что жъ, конечно, вы не могли знать, что глупая шутка кончится такимъ образомъ. Ну, подпишите эту бумагу... Ну, и можете отправляться...

Василя онъ и спрашивать не сталъ.

Вэня взяла въ руку перо и спросила:

— А когда же будетъ судъ?

— Никакого суда не будетъ, — отвѣтилъ слѣдователь, — я не нахожу возможнымъ васъ привлечь, о чемъ вамъ и объявляю, а вы подпишитесь. Грамотная?

— Очень погано грамотная... — Вэня долго выводила свою фамилію.

Этимъ все и кончилось.

V.

На обратномъ пути почти два года молчавшій Василь вдругъ сдѣлался разговорчивымъ, и Вэня въ первый разъ узнала, что у Василя есть мать въ другомъ дальнемъ селѣ, но жить съ ней невозможно, потому что она дерется и выгнала сначала мужа, а затѣмъ сына, а теперь неизвѣстно, гдѣ она находится, а хата стоитъ запертая... Впрочемъ, дьячокъ того села говорилъ, что баба Химка передъ „Успеніемъ“ исповѣдывалась и пріобщилась и у всѣхъ просила прощенія, а затѣмъ ушла на богомолье въ Кіевъ.

И разсказалъ еще Василь, что когда онъ увидѣлъ, что для Вэни былъ и будетъ только „наймитомъ“, то рѣшилъ лучше совсѣмъ уйти, потому и пьянствовалъ, потому и просилъ денегъ нарочно такъ много, чтобы Одарка его прогнала совсѣмъ. Въ то лѣто онъ успѣлъ побывать въ Ростовѣ, въ Таганрогѣ и въ Бердянскѣ, пробовалъ наниматься къ рыболовамъ. И заработки были не плохіе.

— А только безъ тебя не было житья, потому и вернулся, и какъ узналъ, что ты „на буракахъ“, сейчасъ и я туда помчалъ... И хоть ты мнѣ и дала въ зубы и утекла, а только я уже и тогда зналъ, что моихъ рукъ не минуешь, потому и не ревновалъ, а только смѣялся, когда къ тебѣ сватались, а если бы не зналъ, такъ убилъ бы Ивана Лысаго и не сталъ бы ожидать, пока онъ самъ повѣсится.

— Не нужно такъ говорить, — произнесла Вэня. — Развѣ я виновата, что онъ такой дуракъ и шутокъ не понимаетъ?

Василю стало жарко и казалось, что на дворѣ сейчасъ хорошій весенній день, а не зима, и что они счастливѣе тѣхъ, которые живутъ въ своихъ хатахъ и богаче покойнаго Ивана Лысаго.

Василь пустилъ кобылу шагомъ, полѣзъ въ карманъ, вынулъ кисетъ съ табакомъ, скрутилъ папиросу, опять закурилъ и оглянулся на Вэню. Укутанная въ новый платокъ, раскраснѣвшаяся, она сидѣла вся радостная оттого, что слѣдователь, какъ Вэня думала, понялъ, что несчастье произошло не по ея винѣ, и пожалѣлъ, и еще болѣе радостная отъ тѣхъ словъ, которыя сейчасъ слышала.

Василь сдвинулъ сѣрую шапку на затылокъ. Чуть подмораживало, и уже низко было солнце. Слѣва по снѣгу бѣжала голубая, четкая тѣнь лошади, саней и двухъ человѣческихъ фигуръ. И были въ эти минуты паробокъ и дівчина такъ красивы, что залюбовался бы ими художникъ.

Возлѣ „Горѣлаго хутора“ встрѣтили большія ковровыя сани, запряженныя парою сѣрыхъ жеребцовъ. Лошадьми правилъ кучеръ въ синемъ армякѣ и съ рыжей бородой, а въ саняхъ сидѣлъ панъ въ шубѣ съ поднятымъ воротникомъ.

Панъ вдругъ замахалъ рукой и крикнулъ:

— Стой, стой, стой.

Василь съ недоумѣніемъ натянулъ вожжи. Кобыла остановилась.

— Ей, человіче, нѣтъ ли у тебя сѣрника?

— Спички?

— Да, да, да, спички.

Василь подалъ.

Панъ долго не могъ закурить на воздухѣ и держалъ коробочку и спички одной рукой, а когда закурилъ, спросилъ, откуда они ѣдутъ и кто такіе.

— Я Федора Ищенка дочка...

— Котораго сослали?

— Эге жъ.

— А я Сережа, — сказалъ панъ, — товарищъ твоего батька, и тебя знаю.

— Да вы къ намъ заходили, и я видѣла васъ возлѣ молотилки, только вы тогда были безъ бороды.

— Что жъ, ты замужемъ?

— Да пока еще не вышла...

— А за кого выходишь?

Вэня улыбнулась, потупилась и, указавъ глазами на Василя, отвѣтила:

— Да, вотъ за него.

— Ну, пусть Богъ помогаетъ, — отвѣтилъ панъ, возвратилъ коробку со спичками Василю и дотронулся той самой рукой до спины своего кучера.

Когда поѣхали дальше, Василь спросилъ, кто это такой, и Вэня разсказала, что это очень добрый паничъ Сережа, который лѣтъ пять назадъ давалъ книжки ея отцу и самой Вэнѣ, бывалъ у нихъ въ хатѣ и одѣвался очень просто, а потомъ его арестовали, и что было дальше, она не знаетъ.

— Что бы ни было, а только вотъ онъ теперь на сѣрыхъ жеребцахъ ѣздитъ, а твой батько по Сибири въ сѣромъ халатѣ ходитъ, — а можетъ быть, и съ желѣзными путами на ногахъ.

— Нѣтъ, батько писалъ, что теперь гдѣ-то служитъ, только домой ему нельзя; а паничъ Сережа очень постарѣлъ и бородой обросъ, и ему должно быть не легко было, — сказала Вэня.

На ярко-синемъ, уже потемнѣвшемъ небѣ рѣзко вырисовывалось село, и кобыла и безъ кнута вдругъ побѣжала быстрѣе. Постукивало кольцо на дугѣ, и сани закатывались то вправо, то влѣво.

До самой хаты больше никого не встрѣтили.

Одарка совсѣмъ не ожидала увидѣть сегодня же и дочь и Василя. И представлялись они ей почему-то съ опухшими заплаканными лицами и даже поцарапанными. И она, и баба Палажка глазамъ своимъ не повѣрили, когда увидѣли, что Василь и Вэня, веселые и здоровые, слѣзаютъ съ саней. Незамѣтно для Вэни, Василь, пока ее допрашивалъ слѣдователь, сходилъ и купилъ вязку бубликовъ и теперь подалъ этотъ подарокъ бабѣ Палажкѣ — Одаркѣ не посмѣлъ, и сказалъ:

— Это вам бубличків до чаю.

— Ну, да и хитрый ты... — вырвалось у Вэни.

Затѣмъ, цѣлый вечеръ пили чай и со всѣми подробностями разсказывали, о чемъ и какъ спрашивалъ слѣдователь. Разсказали и о встрѣчѣ съ паничемъ Сережей.

Одарка и баба Палажка сразу повеселѣли, а Василь ободрился и неожиданно для самого себя и для Вэни сказалъ, что они рѣшили повѣнчаться.

Цѣлую минуту всѣ молчали.

Одарка вздохнула глубоко; нельзя было понять, радостно или тяжко, и отвѣтила:

— Что жъ, хозяинъ изъ тебя не плохой, а только сейчасъ послѣ похоронъ Лысаго и до праздниковъ этого не нужно дѣлать...

Баба Палажка ее поддержала, оглянулась по сторонамъ и шопотомъ долго говорила о томъ, какіе теперь настали злые люди и злыя времена, и совѣтовала и Василю и Вэнѣ рѣшительно никуда не показываться и особенно вдвоемъ.

— Лысые на всѣхъ насъ теперь злы и нарочно сплетутъ какую-нибудь небылицу и готовы будутъ всякую кражу и всякое происшествіе въ селѣ свернуть на Вэню, или на Василя.

Это была правда, и потому рѣшили повѣнчаться послѣ новаго года, передъ самой масленой, и не дѣлать никакой свадьбы, а чтобы люди не осудили, сказать, что денегъ совсѣмъ нѣтъ. Впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ у Одарки въ скрынѣ мѣдью и серебромъ было всего девять рублей и двадцать копеекъ. Зато хлѣба могло хватить до „новины". Не продавали они въ этомъ году и сѣна. Коровы ѣли много, а молока давали мало, и потому рѣшили одну изъ нихъ продать въ декабрѣ, на николаевской ярмаркѣ.

Опять выпалъ глубокій снѣгъ, и когда Одарка съ Василемъ поѣхали на ярмарку, пришлось плестись шагомъ. Корова не хотѣла идти за санями и мѣшала кобылѣ везти. Весь мокрый плелся позади Рябко, но не смѣлъ вспрыгнуть на сани. Пятнадцать верстъ сдѣлали за четыре часа и опоздали.

У Одарки за голенищами снѣгъ обратился въ воду, и промокла солома въ стелькахъ. Слѣдовало бы переобуться и выпить въ трактирѣ горячаго чаю, но Одарка боялась, что Василь продешевитъ, и прямо отъ шлагбаума вмѣстѣ съ коровой отправилась на ярмарочную площадь.

Здѣсь долго не находилось покупателя, а продавать скотину рѣзникамъ было жаль, и купилъ ее, хотя и очень дешево, тотъ же паничъ Сережа и потомъ долго разговаривалъ и разспрашивалъ о семейныхъ дѣлахъ. Одарку уже всю трясло, но она стѣснялась сказать, что пора домой, и продолжала „балакать".

Когда работникъ панича Сережи взялъ корову и самъ паничъ уѣхалъ, Василь посовѣтовалъ остаться ночевать, потому что было уже поздно, а дорога предстояла трудная, ночью можно было сбиться. Но Одарка отвѣтила, что вѣдь

много людей будетъ возвращаться изъ города, и кобыла побѣжитъ за чьими-нибудь санями.

Какъ на зло, встрѣтили изъ сосѣдняго села мужика, которому еще Федоръ долженъ былъ пятьдесятъ рублей. Кредиторъ „насѣлъ“, и пришлось ему отдать весь долгъ, а самимъ остаться съ десятирублевкой. Василь началъ было усовѣщивать этого человѣка, но Одарка сказала, чтобы онъ не мѣшался не въ свое дѣло, и Василь больше не противорѣчилъ. Онъ и самъ промерзъ и всю дорогу молчалъ. Дома быстро распрягъ лошадь и, когда вошелъ въ хату, то увидѣлъ, что Одарка лежитъ и стонетъ и не хочетъ ничего ѣсть и пить, а только стучитъ зубами. Вэня и баба Палажка провозились съ ней цѣлую ночь, укрывали ее кожухами и растирали водкой. Одарка забылась только къ утру, но спала неспокойно, вскакивала, кричала непонятныя слова и поминала и Лысыхъ.

На дворѣ, должно быть, отъ холода (потому что послѣ метели наступилъ сильный морозъ), подвывалъ Рябко, и Вэня сказала Василю:

— Пойди, впусти его въ сѣни, а то мнѣ сумно.

Василь накинулъ кожухъ и вышелъ во дворъ. Возлѣ сарая, въ которомъ всегда ночевалъ Рябко, была сложена солома, и, когда песъ, услышавъ человѣка, вынырнулъ оттуда, Василь вздрогнулъ и самъ чуть не упалъ.

Овладѣвъ собою, онъ ударилъ собаку въ бокъ ногой и за шиворотъ втащилъ въ сѣни. Въ морозномъ воздухѣ откуда-то издалека, со стороны хаты Лобкивны, слышалась пѣсня, но не веселая, а похожая на церковное пѣніе, и Василь подумалъ, что это плохое предназменованіе; ему самому нездоровилось и очень хотѣлось спать. Въ хатѣ онъ погрѣлъ руки о печку, взялъ бутылку и выпилъ всю оставшуюся въ ней водку, а потомъ легъ и уже ничего не слышалъ.

VI.

Одарка умерла на разсвѣтѣ, когда Вэня, и Василь, и баба Палажка еще крѣпко спали. Первой подняла голову Вэня и прислушалась. Вечеромъ Одарка дышала часто и тяжело, а теперь съ той стороны ничего не было слышно. И правая рука матери неестественно лежала на лбу, — вѣроятно, Одарка хотѣла перекреститься.

Вэня скорѣй угадала, чѣмъ поняла, что произошло, но

заставила себя подойти и приподняла рядно, которымъ была закрыта больная. Одинъ глазъ женщины былъ открытъ, а другой закрытъ, и это показалось такъ страшно, такъ невыразимо страшно, что Вэня заголосила на всю хату:

— А, Боже ж мій, а, Боже ж мій!..

Потомъ бросилась къ Василю и растолкала его, ничего не понимавшаго. Вмѣстѣ они разбудили бабу Палажку, которая, понявъ, въ чемъ дѣло, въ противоположность Вэнѣ, не могла произнести ни одного слова и только трясла головою. Смерть наступила слишкомъ неожиданно.

Черезъ полчаса закутанная платкомъ баба Палажка, опираясь на длинную палку, шла къ священнику. И когда она разсказала, въ чемъ дѣло, батюшка нахмурился и сказалъ:

— Какъ же такъ, не слышно было, чтобы болѣла и вдругъ умерла...

— Да какъ же не слышно? Болѣла она пять дней, а только ни къ намъ никто не ходитъ, ни мы никуда не ходимъ, такъ и неизвѣстно было.

— Мало ли что неизвѣстно, вотъ до сихъ поръ неизвѣстно, отчего Иванъ Лысый повѣсился... Пусть ее осмотритъ сначала фельдшеръ и пришлетъ мнѣ записку, что Одарка умерла своей смертью, а то и хоронить не буду.

Баба Палажка заплакала и пошла къ фельдшеру.

Фельдшеръ, низенькій человѣкъ съ гнилыми зубами, выслушалъ ее и ехидно улыбнулся, потомъ такъ же ехидно произнесъ:

— Вотъ, если бы позвали меня, такъ и была бы жива, — я не гробовщикъ, чтобы къ мертвымъ ходить.

Онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и долго еще бормоталъ и упрекалъ бабу Палажку въ невѣжествѣ, потомъ сказалъ, что у него нѣтъ высокихъ галошъ и пусть Василь пріѣдетъ за нимъ на саняхъ. Когда баба вернулась домой, покойница уже лежала на столѣ омытая. Пришло только двѣ бабы-сосѣдки, которыя это и сдѣлали, а больше никто не пришелъ. Василь запрягъ мерина и поѣхалъ за фельдшеромъ. Вернулся не скоро.

— Я не гробовщикъ, — опять, еще въ дверяхъ, повторилъ ту же фразу фельдшеръ, не снимая шапки, подошелъ къ покойницѣ, развернулъ ей сложенныя крестообразно руки и приложилъ ухо къ груди, потомъ снялъ шапку и сказалъ, что безъ вскрытія нельзя установить, отчего умерла

баба. Всѣ бывшіе въ хатѣ не сразу поняли, въ чемъ дѣло, а когда поняли, поблѣднѣли; одинъ Василь не растерялся, досталъ изъ кармана два серебряныхъ рубля, подошелъ и громко сказалъ:

— Померла отъ воли Божьей, а теперь я васъ, господинъ фельдшеръ, повезу назадъ.

— А конечно, я пѣшкомъ не пойду, — отвѣтилъ фельдшеръ, надѣлъ шапку и запахнулъ шубу.

Въ сѣняхъ Василь подалъ ему два рубля.

— Это вамъ за труды, а теперь поѣдемъ до батюшки.

— Что жъ, поѣдемъ, — отвѣтилъ фельдшеръ и всю дорогу отчитывалъ Василя и всю семью Ищенокъ. Молоденькій меринъ бѣжалъ быстро и пофыркивалъ. Четко стучали по накатанной дорогѣ, какъ по мостовой, кованыя копыта.

„Только бы попъ согласился хоронить, — думалъ Василь. — И отчего они всѣ такіе злые и какъ они не могутъ понять, что Ищенки не хуже и не лучше другихъ людей, а только не везетъ имъ... Боже, Боже, Ты всю правду видишь, поможи намъ“.

Василю пришлось ожидать не больше получаса, но ему казалось, что здѣсь, возлѣ поповыхъ воротъ, онъ стоитъ уже цѣлую вѣчность. Наконецъ, выбѣжала дівчина и тоненькимъ голоскомъ крикнула, чтобы Василь вошелъ въ кухню.

Батюшка выглянулъ изъ дверей и коротко произнесъ:

— Хорони завтра, потому что послѣзавтра большой праздникъ, и, если съ „выносомъ“, такъ меньше пяти рублей не возьму.

Василь шагомъ поѣхалъ домой и думалъ о томъ, что въ Филипповки вѣнчаться нельзя и что придется ожидать до середины января, а за это время случится еще какое-нибудь несчастье. Потомъ вспомнилъ, что за ночь нужно сдѣлать гробъ и что нѣтъ досокъ и придется ихъ купить очень дорого у богача Петренка, да и тотъ можетъ не продать.

Василь встрепенулся и ударилъ кнутомъ мерина. Дома онъ передалъ то, что слышалъ отъ священника, и, обращаясь къ Вэнѣ, добавилъ:

— А я опять поѣду за досками и за инструментомъ, нужно „труну“ [1]) дѣлать и дай мнѣ кусокъ хлѣба.

---

[1]) Гробъ.

Баба Палажка отрѣзала половину поляницы, намазала ее медомъ и трясущейся рукой подала паробку.

— Зачѣмъ вы мажете медомъ? Дайте ему лучше шматокъ сала, — отозвалась Вэня.

— А теперь же постъ, — прошамкала одна изъ старухъ-сосѣдокъ.

Василь махнулъ рукой и поскорѣе вышелъ, но сейчасъ же вернулся за деньгами, пошептался съ бабой Палажкой и взялъ у нея десятирублевку. Во дворѣ у Петренка его чуть не разорвали собаки, и хозяева долго не отворяли дверей.

Самъ Петренко сказалъ, что доски лежатъ гдѣ-то далеко, и посовѣтовалъ придти лучше завтра утромъ. Василь чуть не обругался, сдѣлалъ надъ собой усиліе и заставилъ себя долго и униженно просить и объяснять, почему доски нужны сейчасъ.

Отъ волненія онъ заикался.

Дѣти Петренка смотрѣли на него съ любопытствомъ и смѣялись. Петренчиха цыкнула на нихъ и начала зажигать фонарь, потому что уже было темно.

Доски оказались не такого размѣра, и Петренко потребовалъ за нихъ пять рублей, да за инструментъ рубль и затѣмъ говорилъ, что дѣлаетъ все это изъ милости. Усталый, уже безъ всякихъ мыслей, пріѣхалъ обратно Василь. Вэня помогла распрячь лошадь. Дѣлать гробъ въ сараѣ было невозможно, морозъ усилился, плохо сгибались пальцы, и мѣшала темнота. Пришлось мастерить въ сѣняхъ, не снимая тулупа, а затѣмъ, перейти въ хату.

Василь былъ хорошій плотникъ, но гробовъ раньше никогда не дѣлалъ и провозился цѣлую ночь. Вышло что-то похожее на большое корыто.

Усталость закрывала глаза, и плохо слушались руки, но, когда начался разсвѣтъ, стало легче, и не было въ головѣ уже никакихъ мыслей. Василь молча дѣлалъ то, что ему приказывали бабы. Земля такъ замерзла, что начинать могилу пришлось топоромъ.

Похороны вышли печальными и не только потому, что несли трупъ, — слишкомъ мало было провожавшихъ, а тѣ, которые провожали, сдѣлали это больше изъ любопытства. Бабы не стѣснялись, и Петренчиха почти возлѣ самаго уха Вэни сказала:

— Это ихъ Богъ наказываетъ за Ивана Лысаго.

Пришлось одолжить денегъ у того же Петренка на

водку, на пшеничную муку для пироговъ, на рисъ для кутьи. Нужно было заплатить и звонарю и псаломщику. Нужно было угощать чужихъ и неискреннихъ людей и слушать пьяныя слова.

Василь не спалъ и не ѣлъ, какъ слѣдуетъ, двое сутокъ. Ему жаль было Одарку, но душа больше радовалась тому, что всѣ обряды уже кончены.

Судьба, точно жестокій кучеръ, сорвавшій злобу и вдругъ переставшій бить лошадей, — оставила Ищенокъ въ покоѣ. И если Вэня шла за водой, то встрѣчавшіеся уже не улыбались, какъ прежде, и не произносили фамилію Лысыхъ. Не дразнили ее больше и Василемъ.

Къ празднику опять понадобились деньги. Чуть не продали кобылу, но обошлись. Василь свезъ въ городъ пять мѣшковъ овса и пудъ меду, уторговалъ двадцать рублей, а баба Палажка призналась, что у нея въ сундукѣ спрятано три настоящихъ „дукача“ — имперіала.

По вечерамъ говорили о предстоящей свадьбѣ и вычисляли, во сколько она обойдется.

У панича Сережи завалился погребъ. Зимой его очень трудно было исправлять, но старая пани непремѣнно хотѣла, чтобы къ празднику погребъ снова былъ отстроенъ. Василь услыхалъ объ этомъ и пошелъ договариваться на работу, взялъ еще помощника изъ того села и въ недѣлю заработалъ сорокъ рублей. Вернулся домой радостный. Обрадовались и Вэня съ Палажкой.

Только одинъ мѣсяцъ остался до перваго дня, въ который можно было вѣнчаться. Василь и Вэня жили, какъ мужъ и жена, но беременности не было, и поэтому никто не смѣлъ ничего сказать. Могли бы жить и не вѣнчавшись, но Палажка умоляла „одружиться“ и каждый вечеръ благодарила Бога, который послалъ въ ихъ хату такого хорошаго паробка.

И Вэня и Василь были убѣждены, что они самые счастливые люди. Тихо, но такъ же счастливо прошли и праздники. Зима стояла крѣпкая, снѣжная, и можно было ожидать большого урожая.

VII.

На томъ самомъ прудѣ, гдѣ когда-то маленькая Вэня каталась на санкахъ, готовили „Іордань“. Пилами выпиливали изо льда крестъ. Въ сивой шапкѣ и въ зеленомъ поясѣ

стоялъ въ отдаленіи Василь, глядѣлъ на работу паробковъ и удивлялся ихъ бездарности и неумѣнію. Никто не догадался даже сначала вычертить крестъ, а пилы ставили подъ слишкомъ острымъ угломъ, линіи выходили кривыя. Василь не утерпѣлъ и подошелъ ближе.

— Ничего не выйдетъ, — громко произнесъ онъ.

— А у тебя выйдетъ? — спросилъ весь потный и красный паробокъ и съ досадой бросилъ пилу.

— Можетъ, и выйдетъ. Ты сбѣгай домой да принеси шнуръ да полведерка бураковаго квасу.

Къ удивленію Василя паробокъ кротко отвѣтилъ:

— Что жъ, это можно...

И всѣ его помощники вдругъ оставили работу и посмотрѣли на Василя съ уваженіемъ и съ удивленіемъ. Прежде онъ никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ и даже не здоровался. Другого паробка Василь послалъ за пилой „ножевкой“ и, когда все было принесено, развязалъ поясъ, снялъ бѣлый кожухъ и началъ работать въ одномъ жилетѣ. Пришли поглядѣть и дівчата, а издали стояла на берегу закутанная въ платокъ Вэня и, сложивъ на груди руки, тоже удивлялась и улыбалась, но не подошла.

Паръ валилъ отъ Василя, когда крестъ былъ выпиленъ. Подвели веревки и начали его осторожно приподнимать; чуть-чуть не разбили. Основаніе полили водой, и черезъ полчаса стоялъ онъ уже крѣпко и сіялъ на солнцѣ, какъ шлифованный горный хрусталь. Осторожно Василь приставилъ къ кресту лѣстницу и полилъ его изъ бутылки по угламъ краснымъ квасомъ. Какая-то дівчина принесла шафрану, имъ Василь подкрасилъ самое перекрестіе.

Получилась великолѣпная картина. Никогда еще такого креста не было на водосвятіи. Батюшкѣ крестъ тоже очень понравился, и онъ былъ пріятно удивленъ, когда узналъ, подъ чьимъ руководствомъ велась работа.

Можетъ быть, поэтому, когда Василь черезъ три дня пришелъ поговорить насчетъ вѣнчанія, священникъ былъ съ нимъ особенно ласковъ и цѣну назначилъ всего пятнадцать рублей. Баба Палажка настояла, чтобы Вэня, по древнему обычаю, вся разубранная бумажными цвѣтами и лентами, съ Парасочкой и двумя дівчатами ходила по селу и приглашала „на весилля“. Чуть не со слезами, Вэня согласилась, — боялась, что будутъ ее попрекать Лысымъ, но никто не попрекнулъ. Раскраснѣвшаяся на морозномъ воздухѣ, была

она такая хорошенькая, чернобровая, нѣжнолицая, точно переодѣтая барышня. Баба Палажка дала ей свои красные сапоги, которые лѣтъ тридцать не вынимались изъ сундука.

На свадьбѣ было очень много народу и водки выпили тоже очень много, но обошлось безъ драки, только вдовецъ Павло Бугайченко сидѣлъ безъ шапки на присьбѣ и горько плакалъ, но своими слезами возбуждалъ смѣхъ. Чья-то рука открыла въ окнѣ форточку и полила голову печальнаго вдовца холодной водой, — кажется, это сдѣлала Парасочка, Бугайченко запыхтѣлъ, закрутился и подъ общій хохотъ побѣжалъ къ своей хатѣ.

Откуда взялась вода, онъ такъ и не понялъ.

Скрипка и бубенъ цѣлую ночь пѣли и звенѣли. Василь, весь красный и тоже выпившій, говорилъ мало и, видимо, страдалъ отъ суеты и отъ большого количества гостей, еще такъ недавно полныхъ злобы и презрѣнія къ нему и его молодой женѣ.

Зато баба Палажка сіяла, точно солнце, готовое уйти за горизонтъ навсегда. Послѣдній разъ въ жизни веселилась и даже танцовала, и хорошо танцовала, лучше дівчатъ, — по-старинному. Двое сутокъ шумъ и веселье не выходили изъ хаты.

У Василя было лицо мученика и, когда жизнь черезъ недѣлю пошла совсѣмъ нормально, онъ упрекнулъ бабу Палажку въ томъ, что свадьба стоила слишкомъ дорого и пришлось даже сдѣлать новый долгъ. Но старуха шопотомъ цѣлый часъ разъясняла, что собрать у себя людей было необходимо, чтобы они примирились съ прошлымъ, и что у Вэни, кромѣ нея, теперь нѣтъ никого, кто бы позаботился о свадьбѣ, которая у каждой женщины бываетъ только одинъ разъ. И баба Палажка начала вспоминать свою молодость и разсказывать, какъ въ прежнее время даже кровные враги мирились на свадьбахъ и какъ танцовалъ ея дѣдъ, который потомъ подался „на кубаньскіи степи“.

И шептала она до тѣхъ поръ, пока Василь не заснулъ.

Ничто, въ сущности, не измѣнилось, а, между тѣмъ, ласковѣе и веселѣе стали глаза у всѣхъ и какъ будто болѣе сердечными сдѣлались окружающіе люди. Василь работалъ за троихъ: приготовлялъ бороны, возилъ въ починку плугъ, покупалъ въ земствѣ огородныя сѣмена. Вэня, пока лежалъ снѣгъ, сама, подъ руководствомъ бабы, ткала холстъ, и долго свѣтился всегда огонь въ ихъ хатѣ.

Пасха была поздняя, и пахать начали еще въ посту, взяли изъ-полу еще три десятины у Петренка. Крѣпко утомлялись за день, но въ одну ночь возвращались силы. Баба настаивала на томъ, чтобы взять еще работника, или работницу, но Василь коротко и даже строго отвѣчалъ:

— Управимся и сами.

За святую недѣлю совсѣмъ отдохнули.

Въ „дарную“ субботу сидѣли Василь и Вэня на завалинкѣ. Слѣва отъ хаты Ищенокъ сейчасъ же начиналась большая дорога, уклонялась въ долину и за мостикомъ поднималась вправо на горку.

Издали было видно, если по дорогѣ шли или ѣхали люди и опытный глазъ Василя почти всегда безошибочно угадывалъ, кто именно показался на горкѣ. Сейчасъ видна была какая-то медленно подвигавшаяся баба, съ палкой въ рукахъ и съ котомкой за плечами.

Приложивъ ладонь ко лбу, Вэня говорила, что это возвращается изъ города старуха Лобкивна, потому что одна она ходитъ съ такой высокой палкой. А Василь божился, что это не Лобкивна, а богомолка или нищая. Его привыкшіе къ степи глаза уже замѣтили жестяной чайникъ возлѣ пояса приближавшейся фигуры. Минутъ черезъ десять было ясно видно, что это не Лобкивна и не нищая, а старая и загорѣлая женщина, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, вѣроятно, жительница одного изъ ближайшихъ селъ. Но походка у старухи была еще крѣпкая. Чоботы висѣли на котомкѣ за плечами, и босыя ноги ступали по еще незадушенной колесами молодой травкѣ.

Баба подошла совсѣмъ близко къ Вэнѣ и Василю, замигала красными вѣками, поклонилась и спросила:

— А гдѣ здѣсь хата Федора Ищенка?

Василь вдругъ густо покраснѣлъ и не сразу отвѣтилъ:

— Вотъ, эта самая.

Вэня съ удивленіемъ смотрѣла на мужа, лицо котораго стало почти синимъ.

Прохожая опять замигала вѣками и не такъ твердо произнесла:

— А гдѣ ихъ „пріймакъ“ Василь?

— Это я, мамо, — хрипло отвѣтилъ Василь и всталъ.

Прохожая обняла сына. Вэня не знала, что ей дѣлать, пока Василь не догадался, указывая на нее, сказать:

— А это моя жінка.

Крѣпко взволновалась и баба Палажка, она почему-то была убѣждена, что Василь круглый сирота. Старуху повели въ хату и посадили за столъ, а Вэня не сѣла и горящими глазами слѣдила за каждымъ движеніемъ свекрови. Баба Палажка тряслась, какъ въ то утро, когда узнала, что повѣсился Иванъ Лысый. И, тѣмъ не менѣе, обѣ женщины сейчасъ же догадались предложить старухѣ умыться, а затѣмъ подали на столъ оставшіеся отъ обѣда вареники и свинину съ картошкой въ „макотрѣ". Больше всѣхъ волновался, хотя и не двигался съ мѣста Василь и почему-то радъ былъ, что никто изъ сосѣдей не видѣлъ, когда старуха входила въ хату.

Свекровь церемонилась, но, когда она начала ѣсть, было видно, что бѣдняга очень голодна, и глаза Вэни изъ тревожныхъ сдѣлались жалостливыми и сочувствующими. Послѣ ужина поставили самоваръ и услышали многое интересное.

Разсказъ бабы Химки былъ похожъ на исповѣдь. Говорила она о томъ, какъ мучила ее совѣсть послѣ ссоры съ Василемъ, какъ не хотѣлось ей жить на свѣтѣ, какъ ходила она на богомолье въ Кіевъ, и, когда вернулась и увидѣла, что ея хату злые люди совершенно разорили и поломали въ саду деревья, то поняла, что ей одной не удержать усадьбы... Долго мучилась и вездѣ искала Василя, а потомъ рѣшила продать имущество и за все получила полторы тысячи рублей... Пятьсотъ пожертвовала на монастырь, а тысячу положила въ казначейство.

Баба Палажка подвинулась ближе къ разсказчицѣ и насторожилась. Что-то въ родѣ улыбки промелькнуло на безусой верхней губѣ Василя.

Баба Химка замолчала, вглядѣлась въ каждое лицо и, вѣроятно, прочла недовѣріе. Такъ же молча, она встала съ лавки, развязала свою котомку и достала оттуда сберегательную книжку въ желтенькой обложкѣ, подала сыну и, нагнувъ голову, шопотомъ произнесла:

— От це-жъ твое.

Василь поцѣловалъ ей руку и засопѣлъ, затѣмъ онъ, Вэня и баба Палажка начали просить бабу Химку остаться у нихъ навсегда. Старуха долго отнѣкивалась и говорила, что у нея теперь одно утѣшеніе ходить по монастырямъ, что ей ничего не нужно и что она боится быть въ тягость новой семьѣ.

Затѣмъ всѣ начали плакать и плакали цѣлую ночь, но

не слезами печали. Удивлялись, какъ это мать и сынъ могли цѣлыхъ шесть лѣтъ не видѣться и сердиться другъ на друга... И радовались, что тяжкій грѣхъ кончился.

Вэня не понимала, какимъ образомъ Василь не могъ ужиться возлѣ этой, какъ сейчасъ казалось, кроткой, доброжелательной и несчастной женщины, сберегшей для сына почти все состояніе.

На Ѳоминой недѣлѣ опять начались полевыя работы, и Вэня увидѣла, что слабая на видъ и безсильная свекровь еще отлично можетъ доить коровъ, отжимать творогъ и даже копать на огородѣ. Жилистая была старуха Химка, точно изъ закаленной стали сдѣланная, казалось, что смотритъ она въ землю и нажимаетъ ногою заступъ, а сама видитъ, кто стоитъ у нея за спиной и знаетъ, что думаетъ стоящій.

VIII.

Въ первое время баба Палажка относилась къ бабѣ Химкѣ какъ будто съ недовѣріемъ, а Химка изо всѣхъ силъ старалась показать, что она не лишняя въ хатѣ. Старухи слѣдили другъ за дружкой, и было смѣшно глядѣть, какъ онѣ щурились одна на другую и мигали вѣками.

Въ началѣ мая, баба Палажка замѣтила, что и Василь о чемъ-то шепчется съ матерью. Девятаго числа, на Николая, въ уѣздномъ городѣ бывала ярмарка, и сынъ съ матерью еще съ вечера уѣхали, сказали, что нужно купить два новыхъ колеса и стекло въ разбитое окно.

Послѣ обѣда Вэня и баба Палажка лежали въ цвѣтущемъ саду подъ яблоней на разостланномъ „ряднѣ“ и вспоминали прошлую жизнь. Вэня говорила, что новое счастье пришло въ хату въ видѣ Василя и что напрасно, когда-то давно, баба называла его „пройдисвітомъ“, а у него, вотъ, и деньги оказались и мать еще работница.

— А я ея все-таки боюсь, — отозвалась баба Палажка, — сама не знаю чего, а боюсь.

— А я не боюсь, — отвѣтила Вэня, сняла съ головы „очіпокъ“, распустила волосы и положила голову бабѣ на колѣни. Старуха прищурилась и начала искать... Долбанула гребешкомъ и задумчиво произнесла, точно пропѣла:

— Что меня тревожитъ, такъ это — почему Рябко не можетъ къ ней привыкнуть? Уже пять недѣль, какъ она у насъ живетъ, а собака на нее лаетъ, и смотри, вотъ и не

побѣжалъ съ ними въ городъ, а когда ты ѣдешь или я, всегда бѣгаетъ.

— Богъ съ вами, бабо, зачѣмъ такое разсказывать? Я Рябку бросила кусокъ хлѣба, вотъ онъ, дурень, думаетъ, что еще получитъ, ну и остался.

— Онъ думаетъ больше насъ съ тобой... Старая собака знаетъ не меньше стараго человѣка, а только сказать не можетъ.

И будто желая доказать, что баба Палажка говоритъ правду, изъ кустовъ черной смородины вышелъ Рябко, сладко потянулся, зѣвнулъ, подрыгалъ задней ногой, понюхалъ траву и легъ. Баба указала гребнемъ на собаку и сказала:

— Видишь, видишь...

Вэня такъ разсмѣялась, что ея голова запрыгала, и старуха разсердилась. До окончанія обычнаго праздничнаго занятія онѣ больше не разговаривали. Вэня надѣла новую „корсетку“ и пошла въ гости къ Парасочкѣ, а баба Палажка до самаго вечера сидѣла на призьбѣ, и у ногъ ея лежалъ Рябко.

Все небо стало уже розовымъ. Кричали на деревьяхъ воробьи. Люди уже возвращались съ ярмарки, и надъ дорогой плавала красноватая пыль, а тѣ мѣста, гдѣ не было травы, сдѣлались темно-синими. Возвращалось въ село стадо. Пять овечекъ и баранъ, принадлежавшіе Василю и Вэнѣ, подбѣжали къ воротамъ, затоптались на мѣстѣ и заблеяли громче. Дѣловито подошла рыжая корова, машинально нагнулась и хотѣла боднуть Рябка, песъ огрызнулся и прыгнулъ въ сторону.

Баба Палажка впустила скотъ во дворъ и, мысленно ругая Вэню за опозданіе, начала таскать изъ колодца воду. Корова, не ожидая пока корыто будетъ полнымъ, жадно пила и сопѣла, какъ бегемотъ. У старухи заболѣли руки и послѣ пятаго ведра она передохнула. Скрипнули ворота и отворились. Во дворъ въѣхала телѣга, за спиной которой были привязаны пара воловъ. На полный недоумѣнія взглядъ бабы Палажки, баба Химка, слѣзая съ телѣги, ласково сказала:

— Это мой вамъ подарокъ на хозяйство...

Еще не стемнѣло, когда вернулась Вэня. Василь быстро натаскалъ воды и напоилъ быковъ. Оглядываясь, онъ говорилъ бабѣ Палажкѣ:

— Теперь не шесть, а двадцать шесть десятинъ обработаемъ.

Ужинали, хотя и поздно, но въ саду, и долго разговаривали. Баба Палажка утверждала, что покупать воловъ теперь, когда земля уже обработана, не слѣдовало...

А баба Химка очень резонно отвѣчала, что къ осени волы будутъ цѣниться гораздо дороже, и стоимость лѣтняго прокорма обойдется во много разъ меньше... А во время коповоза быки свое отработаютъ, и чтобы перемѣнить разговоръ, вздохнула и сказала Василю:

— Теперь бы внука мнѣ, а тебѣ сына...

Василь не любилъ, когда ему намекали, что Вэня до сихъ поръ не беременна, и чтобы замять непріятныя слова произнесъ:

— Сына, дастъ Богъ, дождемъ, а вотъ наймита нужно искать, потому что я хочу у пана Сережи взять изъ-полу еще четыре десятины...

— То уже твое хозяйское дѣло, — откликнулась Химка.

Вспомнили Федора, и Вэня выразила желаніе послать ему денегъ, а Химка вытерла платочкомъ губы и сказала, что если бы ему нужны были деньги, такъ Федоръ написалъ бы, а если не пишетъ, значитъ, забылъ, и ничего ему не нужно.

Вэнѣ эта фраза не понравилась и, чтобы ничего не отвѣтить свекрови, она взяла посуду и понесла въ хату. Рябко вскочилъ, поймалъ на ходу майскаго жука и лѣнивою рысью побѣжалъ догонять хозяйку, — Вэня чаще всѣхъ его кормила.

Еще не совсѣмъ потухла за деревьями вечерняя заря и не всѣ звѣзды вышли на свои мѣста на зеленоватомъ куполѣ, а вся семья Ищенокъ уже расположилась на ночлегъ. Впрочемъ, эту фамилію теперь носила только одна баба Палашка. Она долго ворочалась и шептала молитвы. Пара воловъ казалась ей, можетъ и несвоевременнымъ, но огромнымъ пріобрѣтеніемъ, и радостно было, что подарокъ этотъ сдѣлала мать Василя, и думалось, что, вѣроятно, у старухи гораздо больше денегъ, чѣмъ она призналась.

Въ саду у Петренка пѣлъ соловей и такъ громко, что трели его были слышны и тогда, когда гремѣли по дорогѣ колеса телѣгъ все еще возвращавшихся изъ города людей. Пьяный голосъ началъ пѣсню, сфальшивилъ и оборвался, и снова былъ слышенъ маленькій сѣрый пѣвецъ.

И жито и овесъ колыхались пышнымъ зеленымъ ковромъ. Глазъ прохожаго отдыхалъ, глядя на степь. Трава

въ долинахъ пестрѣла полевыми цвѣтами, но еще не достаточно поднялась, и до сѣнокоса было далеко. Домашнія работы Василь почти всѣ закончилъ. Свободнаго времени оставалось много. Онъ мечталъ выпросить на осень у пана Сережи какъ можно больше земли изъ-полу и рѣшилъ въ ближайшее воскресеніе вмѣстѣ съ Вэней съѣздить въ панскую усадьбу, какъ будто въ гости, поздравить молодыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по дѣлу.

Еще не звонили въ церкви къ утрени, а Василь уже запрягъ пару лошадей и выѣхалъ за ворота и, поджидая, пока выйдетъ жена, сворачивалъ изъ газетной бумаги папиросу.

Обѣ старухи вышли провожать.

Много блестящихъ бусъ и всякаго намиста было у молодицы на шеѣ, а на головѣ хорошая темнозеленая шелковая „хустка". Когда Вэня легко вспрыгнула и, подобравъ ноги, усѣлась на возу, Василь оглянулся и подумалъ, что, вѣроятно, во всей губерніи нѣтъ болѣе красивой женщины.

Кобыла пошла сначала шагомъ, но пристяжной меринъ потянулъ, и лошади побѣжали рысью. Василь не погонялъ, — до усадьбы было всего семь верстъ, а паны вставали не раньше восьми часовъ. И все-таки пришлось еще долго ожидать. Кобылу они привязали за воротами, а сами пошли въ кухню. Здѣсь ихъ угостили чаемъ, и кухарка долго разспрашивала, откуда они и зачѣмъ они пріѣхали, а потомъ сама начала разсказывать, какъ женился паничъ Сережа, гдѣ-то далеко и противъ воли матери, но что теперь все уладилось, и молодая пани, Анна Петровна, хорошая хозяйка, но только очень скупая и такъ мало отпускаетъ сала на борщъ людямъ, что вся прислуга обижается, а мяса и совсѣмъ не даетъ и собакъ плохо кормитъ, — потому ихъ и не видно.

Василю надоѣло слушать болтовню, онъ допилъ свой стаканъ чаю и съ кнутомъ въ рукѣ пошелъ по тополевой аллеѣ къ воротамъ поглядѣть, не отвязались ли лошади и подкинуть имъ сѣна. Не доходя до колодца, Василь увидѣлъ пана Сережу въ соломенной шляпѣ и бѣломъ костюмѣ и узналъ его только потому, что одинъ рукавъ пиджака болтался. У пана отросла длинная рыжая борода. Не снимая шляпы, онъ отвѣтилъ на поклонъ Василя и спросилъ:

— Ты кто такой?

— А я мужъ Вэни, которой отецъ былъ Федоръ Ищенко, мы когда-то зимой встрѣтили васъ, и вы у меня спичекъ попросили...

— А, помню, помню... Одинъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, съ женой, она тамъ, на кухнѣ ожидаетъ, поздравить васъ хочетъ.

— Ахъ, да, да, — вѣдь мы почти въ одно время съ тобой поженились — въ январѣ, — и онъ улыбнулся, должно быть вспомнилъ, какъ вѣнчался.

Василю показалось, что наступилъ удобный моментъ и, ступая рядомъ съ паномъ, онъ началъ разсказывать о томъ, какъ неожиданно вернулась его мать, какъ явилась возможность расширить свое хозяйство и какъ мало у нихъ своей земли, и намекнулъ довольно ясно, что было бы хорошо, если бы панъ далъ еще четыре десятины осенью, чтобы вспахать на озимое.

— Если можно будетъ, — дамъ, землею больше завѣдуетъ моя мамаша.

— А вы мамашу попросите.

Незамѣтно вернулись къ дому и увидѣли на балконѣ старую пани и рядомъ съ ней молодую — Анну Петровну. Вэня стояла совсѣмъ близко и, подперевъ правую щеку рукою, что-то разсказывала — оглянулась и поклонилась пану Сережѣ.

— У, да какая же ты франтиха, я тебя и не узналъ.

— Зимой видѣли закутанную, потому и не узнали...

— Да, да, зимой... А гдѣ же твой батько, что о немъ слышно?

— Уже цѣлый годъ, какъ не присылалъ писемъ, и ничего не слышно.

Панъ Сережа снялъ шляпу, вытеръ носовымъ платкомъ лобъ и задумался, потомъ опять надѣлъ шляпу.

— Да, да, мы по одному дѣлу тогда судились, и у меня вышло только годъ тюрьмы, отсидѣлъ и я, а Федоръ дерзостей наговорилъ и предсѣдателя оскорбилъ, а то бы и ему не больше года было; если бы я зналъ его адресъ, я бы послалъ ему денегъ.

Молодая пани сдѣлала шагъ впередъ и сказала:

— Довольно объ этомъ, что было, то прошло!

Панъ Сережа какъ-то съежился и заговорилъ о землѣ со старухой, а та отвѣтила, что хорошему работнику, имѣющему своихъ воловъ, какъ Василь, конечно, можно будетъ

дать осенью четыре десятины. Затѣмъ всѣ паны ушли, а Василь и Вэня посовѣтовались и рѣшили ѣхать домой.

Панъ Сережа вышелъ попрощаться, а его жена — Анна Петровна — и мать больше не показались. Вэнѣ это не понравилось, но Василь нашелъ, что иначе и быть не можетъ.

На обратномъ пути было очень жарко ѣхать; пыль, точно маленькій смерчъ, крутилась за возомъ и падала на новую хустку Вэни. Лошадей не успѣли напоить, и онѣ сами радостно спѣшили домой. Спускаясь къ мостику въ долину, кобыла подняла голову и весело и нетерпѣливо заржала.

IX.

Своего сѣнокоса было очень немного по берегу пруда, и Василь убрался одинъ, а затѣмъ пошелъ косить къ пану за полтора рубля въ день. Но когда пришелъ расчетъ, попросилъ получить не деньгами, а сѣномъ. Волы ѣли сѣчку, а корова ходила въ стадѣ. Сѣно нужно было сохранять на зиму, главнымъ образомъ, для лошадей.

Жнива всегда начинались послѣ Петра и Павла. До праздника оставалась еще цѣлая свободная недѣля. Василь красилъ пустые ульи — собирался увеличить пасѣку, а бабы вымазали хату внутри и снаружи и синькой обвели вокругъ оконъ и подъ крышей. Жито налилось хорошо, хотя было невысокое. Золотились и шелестѣли колосья подъ теплымъ вѣтромъ.

Въ первый день даже баба Химка вышла съ серпомъ въ поле, но къ полудню утомилась и вернулась въ хату. Передъ заходомъ солнца пришла домой и баба Палажка и начала готовить ужинъ, потому что въ поле, кромѣ огурцовъ и хлѣба, ничего съ собой не брали. Василь и Вэня работали допоздна — холодкомъ. Поѣли, умылись и, не разговаривая, сейчасъ же легли спать.

Такъ прошелъ почти весь іюль.

Когда началась война, всѣ даже не повѣрили и не испугались. Василь твердо зналъ, что, какъ единственный сынъ, призыву не подлежитъ, а что возьмутъ не только запасныхъ, но и ополченцевъ — объ этомъ еще никто не думалъ, и жнива закончились благополучно и во-время.

Когда весь хлѣбъ былъ убранъ, Василь съѣздилъ къ пану Сережѣ поговорить о землѣ, но, вмѣсто обѣщанныхъ четы-

рехъ десятинъ, получилъ только двѣ. Панъ Сережа полушутя, полусерьезно сказалъ:

— Не набирай много земли, некому будетъ обрабатывать, да и тебя самого могутъ взять въ солдаты.

— Почему? — удивленно спросилъ Василь.

— Да потому, что война будетъ долгая и страшная.

— Побачимъ... — произнесъ Василь и улыбнулся.

Но возвращаясь домой, не улыбался и думалъ, что теперь, когда онъ изъ жалкаго босяка обратился въ настоящаго хозяина — было бы особенно тяжело разставаться съ семьей и землей. Внутреннее чувство подсказывало, что настоящая бѣда только тогда и приходитъ, когда все очень благополучно. „Если я уйду, тогда и воловъ нужно продать, деньги вернутся, и бабамъ будетъ хорошо; только бы не перегрызлись".

Вэня замѣтила какую-то перемѣну въ мужѣ и сначала думала, что Василь опечаленъ тѣмъ, что получилъ только двѣ десятины, вмѣсто ожидаемыхъ четырехъ, а потомъ рѣшила, что онъ недоволенъ ею, и стала очень ласковой. Когда были одинъ-на-одинъ, брала его за руки (они почти никогда не цѣловались) и шептала:

— Это потому, что были „жнивà", и я много работала, а теперь ты увидишь, у насъ будетъ сынъ и чернявый, на тебя похожій...

— Да, оно бы не мѣшало имѣть наслѣдника, — отвѣчалъ Василь и улыбался, но не веселой улыбкой.

О войнѣ знали мало, одинъ разъ только батюшка служилъ молебенъ и объявилъ, что вышла побѣда — взяли цѣлый городъ.

Передъ самымъ праздникомъ „Введенія" въ хату пришелъ урядникъ и велѣлъ расписаться Василю въ томъ, что онъ долженъ явиться на сборный пунктъ въ уѣздный городъ и что никому и никакихъ льготъ не будетъ. Урядникъ былъ молодой и привѣтливый, уже не тотъ, который арестовывалъ отца Вэни, и началъ говорить, что, дастъ Богъ, пока Василя обучатъ и вся война кончится, но когда онъ ушелъ, всѣ три женщины начали такъ выть, что Василь не зналъ, куда дѣваться, надѣлъ шапку и выбѣжалъ на улицу, но его сейчасъ же догнала Вэня, неодѣтая и безъ платка, хотя было очень холодно. Снова вернулись въ хату. Цѣлую ночь не спали, плакали и разговаривали, какъ тогда, когда умерла Одарка.

Но теперь было страшнѣе.

Василь терпѣлъ, но подъ утро истомился и заснулъ. Вскочилъ и закричалъ на бабъ, чтобы онѣ наконецъ замолчали, а на другой день всталъ поздно, велѣлъ, чтобы поставили самоваръ, и за чаемъ долго и очень толково дѣлалъ распоряженія, какъ поступить съ ульями, какъ тратить сѣно и муку и когда продать воловъ.

Въ городъ поѣхали еще черезъ сутки. Баба Химка и Вэня упросили взять и ихъ, обѣщали не плакать. Набрали съ собой цѣлую торбу сала, соленыхъ огурцовъ и хлѣба, но никто ничего не ѣлъ весь день, и лошади стояли привязанныя на площади и тянулись къ чужому сѣну, потому что имъ забыли положить своего.

Все рѣшилось очень быстро, и никого изъ новобранцевъ не отпустили домой за вещами, а еще черезъ двое сутокъ погнали на вокзалъ.

Шли съ пѣніемъ.

Василь поблѣднѣлъ и упорно молчалъ. На дворѣ товарной станціи онъ строго приказалъ женѣ и матери возвращаться домой. Баба Химка давала ему сто рублей, но онъ взялъ только пятьдесятъ и просилъ объ одномъ: чтобы безъ него не ссорились и работали.

Цѣлымъ обозомъ возвращались односельчане, и не было слышно разговора, гремѣли только колеса по промерзлой землѣ.

И показалось Вэнѣ дома страшнѣе, чѣмъ послѣ похоронъ Одарки. До самаго Рождества было уныніе. Василь писалъ рѣдко, больше открытки, но писалъ, что на позиціи они попадутъ еще очень не скоро, развѣ весной.

Послѣ новаго года въ хатѣ стало какъ-то легче. Почти каждыя двѣ недѣли ѣздили въ городъ и отправляли Василю посылки — то сала, то сорочекъ, то махорки, ѣздили тогда, когда желала этого баба Химка. Въ городѣ было слышно, что на все поднялась цѣна и, особенно, на рогатый скотъ, а волы до сихъ поръ оставались непроданными, и однажды, на возвратномъ пути домой, Вэня сказала бабѣ Химкѣ:

— Волы такъ много ѣдятъ, а пользы отъ нихъ никакой давайте, поведемъ ихъ на ярмарку въ мѣстечко.

— Волы мои, когда захочу, тогда и продамъ, — отвѣтила баба.

— Такъ вы же ихъ подарили Василю.

— А Василь тоже мой.

И слова бабы, и голосъ, которымъ они были сказаны,

очень не понравились Вэнѣ. До самаго дома она молчала. Нездоровилось и промерзла. Вэня легла на печи, баба Палажка уже спала; баба Химка хотѣла зачерпнуть изъ ведра и напиться воды, но тамъ ея было мало.

— Вэкло! пойди, принеси воды, — сказала Химка.

— У меня что-то ноги болятъ...

— Если я приказываю, то хоть и болятъ, а пойди.

Съ досадой въ сердцѣ слѣзла Вэня и, не надѣвая тулупа, пошла къ колодцу, а когда вернулась, громко стукнула полнымъ ведромъ о лавку.

— Я тебя стукну! — крикнула баба Химка.

Вэня расплакалась и снова полѣзла на печку.

Баба Химка никогда не пила молока, а Вэня только имъ и жила и любила вареники съ творогомъ, и когда баба Химка заявила, что рѣшила продать вмѣстѣ съ волами и корову, Вэня не стерпѣла и крикнула:

— Не имѣете права...

— Ты мнѣ такъ не отвѣчай.

И началось...

Каждый день находилась причина для ссоръ. Казалось что баба Химка молодѣетъ, а баба Палажка и Вэня старѣютъ. Обѣ онѣ часто болѣли, а съ наступленіемъ весны работы было много. Василь давно не писалъ, Однажды баба Палажка заикнулась о томъ, что скоро нужно будетъ пахать, а нѣтъ работника и слѣдовало бы поискать наймита.

— А чѣмъ же ты платить ему будешь?—сказала Химка.

— А развѣ у васъ мало денегъ?

— А развѣ это твои деньги? — огрызнулась баба Химка.

На Благовѣщеніе въ уѣздномъ городѣ бывала вторая ярмарка, и баба Химка объявила, что если Вэня желаетъ нанять работника, то пусть продастъ корову, тогда и она поведетъ своихъ воловъ и тоже продастъ. Поѣхали всѣ втроемъ, на саняхъ, хотя снѣга осталось очень мало, — волы и корова шли сзади.

Въ долинахъ стояла вода. То Вэнѣ, то бабѣ Палажкѣ приходилось вставать съ саней и подгонять корову. Въ чоботы набиралась вода. Въ городѣ не успѣли и отдохнуть, — какой-то скупщикъ скота сразу предложилъ за быковъ и за корову пятьсотъ рублей. Баба Химка попросила шестьсотъ, и человѣкъ этотъ согласился.

Баба Химка обрадовалась, но не захотѣла или не могла размѣнять ни одной сторублевки. Сидя на мокромъ сѣнѣ

онѣ ѣли только то, что захватили съ собой. Вэнѣ хотѣлось купить себѣ еще новые чоботы, но постѣснялась попросить денегъ. Когда поѣли, баба Химка посовѣтовала бабѣ Палажкѣ и Вэнѣ ѣхать домой, а сама рѣшила остаться, чтобы завтра, въ будній день, положить деньги на книжку, въ казначейство. Вэня вдругъ повеселѣла. Не слышать цѣлыя сутки ворчливаго баса бабы Химки казалось ей счастьемъ и не жаль даже было, что деньги и за корову баба Химка себѣ присвоила, и не жаль было, что не купила себѣ новыхъ чоботъ.

Баба Палажка дома совсѣмъ разболѣлась, лежала, но улыбалась и говорила Вэнѣ:

— Ой, какъ безъ нея хорошо, тихо да прекрасно...

Цѣлыя сутки блаженствовали. Баба Химка вернулась вмѣстѣ съ Петренками на слѣдующій день вечеромъ. Довольно резонно она приказала Вэнѣ въ ближайшее же воскресеніе пойти пѣшкомъ на панскій дворъ и отказаться отъ двухъ десятинъ, взятыхъ прошлой весной.

У бабы Палажки разболѣлись ноги такъ, что пришлось пригласить фельдшера, который сказалъ, что это ревматизмъ, обѣщалъ прислать какой-то мази, да и забылъ. Въ Вербное воскресеніе Вэня одѣлась во все новое и нерѣшительно сказала, что она запряжетъ кобылу и поѣдетъ. Искусственно-ласковымъ тономъ баба Химка посовѣтовала ей не мучить скотину по такой дорогѣ, когда неизвѣстно, на чемъ лучше ѣхать — на лодкѣ, на саняхъ или на повозкѣ...

— А ты пройдешь по холмикамъ, тамъ, гдѣ подсохло. Развѣ здѣсь далеко?

Вэня молча надѣла платокъ и ушла. Огромныя бѣлыя весеннія облака застыли на ярко-синемъ небѣ, и далеко было видно кругомъ. Кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выступала желтовато-зеленая травка. Тропинка, которая вилась съ краю большой дороги, была почти сухая, но возлѣ панской усадьбы маленькая рѣчушка такъ разлилась, что хоть назадъ возвращайся. Къ счастью, ѣхалъ съ почты панскій кучеръ и довезъ Вэню въ самый дворъ.

И панъ Сережа, и его жена Анна Петровна приняли Вэню гораздо ласковѣе, чѣмъ тогда, когда она была съ мужемъ. Разспрашивали о Василѣ и угощали чаемъ въ столовой, а не въ кухнѣ, и обѣдать оставили, но ѣла Вэня съ горничными въ дѣвичьей. Потомъ ее опять позвали въ комнаты. Вэня замѣтила, что пани беременна и позавидовала ей.

X.

Прежде Веня иногда думала, какъ это молодая и красивая барышня могла выйти за безрукаго панича Сережу, а теперь, когда она глядѣла на болтавшійся рукавъ пиджака, ей было завидно, потому что панъ не могъ пойти въ солдаты. И сказали ей молодые, что послѣ Пасхи собираются уѣхать далеко и поселиться гдѣ-то возлѣ моря, въ чужой сторонѣ.

Отъ прислуги Веня потомъ узнала, что молодая и старая пани ссорятся, и подумала, что и у пановъ родные мужа недоброжелательно относятся къ женѣ сына. Вэню оставляли ночевать, но она отказалась. Просили придти на пасхальной недѣлѣ, и она обѣщала.

За огромную, какъ будто снѣговую, тучу заходило солнце, и черезчуръ краснымъ казалось небо. Когда Вэня подходила къ своему селу, вдругъ полилъ дождь, и какъ-то сразу стемнѣло. Баба Химка прежде всего спросила, какъ рѣшили съ землей и не сердился ли панъ Сережа. Вэня отвѣтила, что не сердился и что собирается уѣзжать въ чужіе края.

— А кто жъ будетъ на хозяйствѣ? — спросила баба Химка.

— Должно быть, старуха.

Баба Палажка совсѣмъ разболѣлась и стонала днемъ и ночью. Оставшіяся три десятины вспахалъ за плату Павло Бугайченко и, когда пришелъ получить деньги, то встрѣтилъ въ сѣняхъ Вэню, остановилъ ее за рукавъ и сказалъ:

— Мнѣ не надо денегъ, я возьму ихъ у бабы Химки и отдамъ тебѣ.

— Зачѣмъ? — удивленно спросила Вэня.

— А такъ... — прошепталъ Павло, взялъ ее крѣпче за руку и еще тише спросилъ:

— А если убьютъ, пойдешь за меня?

Вэня не сразу поняла, но когда поняла, вдругъ покраснѣла и неожиданно для себя почти крикнула:

— Иди, иди, куда шелъ... — и побѣжала дать сѣна лошадямъ.

Павло многозначительно крутнулъ головой и пошелъ получать деньги.

Всю страстную лилъ дождь. Ѣли одну капусту и много ссорились. Должно быть, отъ сырой погоды, баба Палажка очень страдала. Чтобы не быть дома, Вэня рѣшила говѣть и съ удовольствіемъ ходила въ церковь. Какъ разъ передъ

исповѣдью она узнала отъ церковнаго старосты непріятную новость, что баба Химка получила отъ Василя уже два письма, и староста самолично передалъ ихъ ей и самъ читалъ эти письма вслухъ. Теперь онъ сказалъ Вэнѣ, что Василь кланяется женѣ, цѣлуетъ ее и удивляется, отчего она не пишетъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ подошла Вэня къ аналою и неправду сказала священнику, будто ни противъ кого не имѣетъ зла въ душѣ. Вернулась домой и не могла безъ ненависти глядѣть на каждое движеніе бабы Химки.

Ночью Веня твердо рѣшила, на святой недѣлѣ, несмотря ни на какую погоду, пойти къ пану Сережѣ и тамъ написать письмо Василю, написать всю правду, и еще пришло ей въ голову, уѣхать вмѣстѣ съ панами и сдѣлаться нянькой будущаго ребенка пана Сережи и его жены. Было очень жаль бабу Палажку и казалось, что баба Химка съѣстъ ее, когда обѣ старухи останутся вдвоемъ.

Баба Химка объявила, что одна пойдетъ къ заутренѣ, а Вэнѣ приказала оставаться возлѣ больной старухи, и Вэня обрадовалась этому. Сначала прибрала все въ хатѣ, а потомъ подсѣла къ бабѣ, заплакала и разсказала ей о своихъ намѣреніяхъ.

Баба Палажка не стала ее отговаривать и, точно боясь, что можетъ услышать отсутствующая Химка, тихо отвѣтила:

— Убѣгай, милая, убѣгай, а то она тебя съѣстъ, моя жизнь кончена, а ты молодая, и пока Василь не вернется, нельзя тебѣ здѣсь жить.

— А вы же какъ останетесь?

— Я какъ-нибудь... Мною она подавится... Мнѣ ничего не нужно...

Когда баба Химка вернулась изъ церкви, у Вэни уже не было прежней грусти на лицѣ, и скользила иногда даже улыбка. Разговлялись всѣ вмѣстѣ, когда уже наступилъ день. И всѣ вдругъ стали добрѣе. Со стороны могло показаться, что за столомъ ѣдятъ три очень дружелюбно настроенныя женщины. Спали недолго и съ утра опять начали ѣсть холоднаго поросенка и крашеныя руками Вэни яйца.

Зашелъ и похристосовался по три раза съ каждой Павло Бугайченко. Вэня не посмѣла отказаться, но поджала губы и затѣмъ вытерлась рукавомъ. Пришла Парасочка съ ребенкомъ на рукахъ. Мальчикъ былъ славненькій, въ шапочкѣ и съ голубыми глазами. Вэня поманила его пальцемъ, и дитя весело шевельнуло ротикомъ.

Кольнулъ въ сердце Вэню своей улыбкой маленькій.

Вспомнилась прошлогодняя Пасха, полная радостей.

Было тогда совсѣмъ тепло на дворѣ, не сопѣла и не ворчала Химка, никто не думалъ о войнѣ, а Василь былъ такой ласковый — возьметъ за руку, сожметъ пальцы и молчитъ а будто бы говоритъ что-то хорошее, никогда не забываемое.

А теперь? На дворѣ кругомъ сыро. Какъ старая ворона косится баба Химка и мучается несчастная баба Палажка. Пришло въ хату счастье—ребеночекъ малый съ матерью, но чужое оно,—и ушло...

И еще крѣпче стало рѣшеніе Вэни уѣхать съ панами, куда угодно, хоть на край свѣта.

Баба Палажка совѣтовала Вэнѣ не говорить объ этомъ рѣшеніи матери Василя. Вэня молчала, только пошла къ старостѣ и узнала у него новый адресъ Василя. И показалась свѣтлая недѣля—темной. Въ дарную субботу у Вэни не хватило терпѣнія—пріодѣлась и пошла на панскій дворъ.

Весенній вѣтеръ высушилъ почти всѣ лужи; не холодный, онъ пріятно гудѣлъ въ ушахъ, и конецъ платка трепеталъ подъ его порывами. Въ полѣ хорошо думалось и какъ-то сами глаза видѣли и понимали, что свѣтъ не только въ окнахъ родной хаты, а вездѣ и безъ конца.

У пана Сережи были гости, и вышелъ онъ не скоро, но веселый и, какъ будто, даже выпившій, ласково кивнулъ головой и сказалъ:

— А, здорова была, здорова... была... Ну, такъ поѣдемъ съ нами въ Финляндію?

Вэня тоже улыбнулась и отвѣтила:

— Да хочь на край світа.

— Что жъ, развѣ съ свекровью погано живешь?

— Не дай Богъ, какъ погано, грызетъ она меня съ утра и до вечера.

— Это вездѣ одно и то же, нельзя и никогда не нужно молодымъ жить со старыми. Ну, вотъ что, ты погуляй, а позже мы съ тобой поговоримъ, какъ слѣдуетъ, потому что намъ нянька нужна будетъ.

Вэня попросила пана Сережу написать письмо Василю.

— И письмо напишемъ, а теперь иди на кухню колбасу ѣсть.

Прислуга уже знала, что Вэня ѣдетъ съ панами, и всѣ начали разспрашивать, на какихъ условіяхъ, и не вѣрили, когда она отвѣчала:

— Ей Богу, я еще и сама не знаю.

Передъ вечеромъ ее позвали въ комнаты къ молодой пани, которая предложила ей десять рублей жалованія на всемъ готовомъ, и Вэнѣ показалось, что это хорошо. Деньги бабы Химки были противны и не хотѣлось даже потребовать съ нея то, что слѣдовало за проданную корову. Письмо Василю тоже написала Анна Петровна, и такое хорошее, что, когда пани его прочитала вслухъ, то Вэня даже заплакала и представила себѣ, какъ будетъ мужъ читать эти слова. Затѣмъ робко спросила, на чей счетъ будетъ дорога. Въ это время вошелъ въ комнату панъ Сережа и сказалъ:

— А, конечно, на нашъ счетъ...

Онъ посовѣтовалъ остаться ночевать, но Вэня не захотѣла, низко поклонилась и пошла прямо къ воротамъ. Собаки погнались за ней, Вэня бросила имъ по куску бывшаго въ карманѣ хлѣба, и онѣ отстали.

Не хотѣлось спѣшить, вѣтерокъ утихъ, и тоненькій стальной мѣсяцъ уже блестѣлъ съ правой стороны на зеленомъ небѣ, а стволы вербъ казались толще, и было пріятно, что мѣсяцъ справа, а не слѣва. Когда Вэня отворила калитку своихъ воротъ, уже затеплились всѣ звѣзды, а небо сдѣлалось темно-синимъ. Рябко радостно бросился ей навстрѣчу и завилялъ своимъ мохнатымъ хвостомъ. Дверь въ хату оказалась запертой. Вэня легонько постучала, затѣмъ громче стукнула носкомъ сапога. Черезъ минуту ей отворила баба Палажка. Въ хатѣ было темно и тихо, но вдругъ загудѣлъ грубый, похожій на мужской голосъ бабы Химки:

— Ты уже начала таскаться, погоди, погоди, я попрошу, чтобы люди добрые написали твоему мужу, какъ ты себя ведешь...

„Пока ты попросишь, такъ я уже написала“, — подумала Вэня, ничего не отвѣтила и пошла на свое мѣсто.

Съ утра баба Химка была похожа на сорвавшуюся съ цѣпи злую собаку, но Вэня рѣшительно ея не боялась и даже улыбалась. Замѣтивъ эту улыбку, баба Химка перешла отъ словъ къ дѣлу и схватила коромысло. Закрывая руками голову, Вэня спиной выскочила въ двери и убѣжала въ огородъ. Долго сидѣла въ соломенной будкѣ. Было только обидно, но не страшно.

Пришла баба Палажка и начала утѣшать.

— Я завтра же уйду, — отвѣчала Вэня, — и не боюсь ея, пусть она лопнетъ...

Когда онѣ обѣ вернулись въ хату, бабы Химки не было. Вэня наскоро начала собирать чистыя сорочки, новую юбку и всѣ свои вещи въ мѣшокъ, сбѣгала и спрятала мѣшокъ въ будку, опять вскочила въ хату, обняла бабу Палажку и зашептала:

— Какъ же я васъ покину, какъ же я васъ покину, она же васъ замучаетъ, она же васъ съѣстъ...

— Въ ротъ возьметъ, а проглотить не проглотитъ. Я хоть старая и больная, а знаю, что съ такими дѣлать, — отвѣтила баба Палажка и ласково погладила Вэню рукой по головѣ, а потомъ крѣпко поцѣловала.

XI.

Цѣлый день и цѣлую ночь Вэня не отрывалась отъ вагоннаго окна.

Вмѣстѣ съ проволокой подымались и опускались телеграфные столбы, убѣгали назадъ деревни и села, сначала похожія на то, въ которомъ выросла Вэня, а затѣмъ съ деревянными крышами и безъ трубъ, потомъ опять съ желѣзными крышами и съ бѣлыми трубами, но уже не было видно нигдѣ тополей, и рыжеватую землю пахали не плугами, а старинными сохами. Не было видно соломенныхъ брилей на мужчинахъ и цвѣтовъ на головахъ дѣвушекъ. Къ Москвѣ подъѣзжали, когда еще было свѣтло, и удивилась Вэня громадности этого города и залюбовалась безконечными золотыми куполами. Даже страшно стало при мысли, что въ одномъ мѣстѣ живетъ такая масса людей.

А затѣмъ почти все время мелькали желтые стволы сосенъ, и не встрѣчалось не только тополей, но даже самыхъ обыкновенныхъ вишневыхъ деревьевъ и яблонь, и только возлѣ одного изъ далекихъ монастырей завидѣлось что-то бѣлое, какъ будто цвѣтущее.

Въ Петроградѣ была пересадка. За Вэней пришелъ самъ панъ Сережа и повелъ ее въ огромную комнату, гдѣ за столиками сидѣло очень много пановъ и офицеровъ. Гудѣло въ ушахъ и казалось, что стулъ подъ нею качается и ѣдетъ. Должно быть, Вэня очень измѣнилась, потому что панъ Сережа сказалъ:

— Теперь уже скоро отдохнешь, переѣдемъ на другой вокзалъ и черезъ часъ будемъ на моей новой дачѣ.

По городу ѣхали очень долго. Вэня выглядывала изъ

цѣлой массы чемодановъ и картонокъ и удивлялась, что на улицахъ такъ много народу, и думала, что это по случаю войны. Извозчиковъ перегоняли автомобили и ужъ очень скоро они мчались и пугали, — казалось, вотъ-вотъ задѣнетъ. Хотѣлось обо многомъ спросить, но панъ Сережа съ женой были впереди на другомъ извозчикѣ, и виднѣлась только шляпа Анны Петровны.

Переѣхали черезъ большую рѣку по огромному мосту и свернули вправо. Оба извозчика остановились. Здѣсь ждать пришлось недолго. И люди, и вагоны были опять совсѣмъ другіе; впрочемъ, Вэня уже плохо понимала и плохо смотрѣла. Дрожала отъ усталости.

Новый домъ пана Сережи очень понравился Вэнѣ. Двухъэтажный, бѣленькій деревянный, онъ выглядывалъ изъ-за вершинъ молодыхъ сосенъ; только показалось, что земли маловато, подъ всей усадьбой не было и десятины, но панъ Сережа за домомъ разбилъ огородъ, за которымъ должна была смотрѣть Вэня, а передъ параднымъ и передъ чернымъ крыльцомъ — цвѣтники. Готовить обѣдъ тоже должна была Вэня, только воду наверхъ носилъ дворникъ-финнъ.

Въ первомъ этажѣ круглый годъ жили квартиранты, докторъ съ семьей, надъ ними въ трехъ большихъ комнатахъ помѣщался самъ владѣлецъ дачи, панъ Сережа, а въ двухъ другихъ, меньшихъ — дачникъ, чиновникъ Руденко, съ двумя сыновьями-гимназистами.

Первыя двѣ недѣли прошли очень интересно и хлопотно, досадно только было, что кругомъ и дворникъ, и прислуга доктора говорили на непонятномъ языкѣ. Нашлось у Вэни еще одно дѣло: кормить собаку Боя, который былъ ростомъ не меньше теленка. Панъ Сережа купилъ его за двадцать рублей у сосѣдей-дачниковъ, которые должны были уѣхать экстренно. И всю дачу онъ пріобрѣлъ за десять тысячъ, а говорилъ, что она стоитъ не меньше двадцати, — во-время перекупилъ закладныя.

Бой часто порывался убѣгать туда, гдѣ жилъ прежде, и поэтому панъ Сережа держалъ его на цѣпи. Этотъ песъ иногда смотрѣлъ, совсѣмъ какъ человѣкъ: печально-печально и будто хотѣлъ спросить: зачѣмъ его сюда привели и зачѣмъ привязали?.. И Вэня думала, что ихъ Рябко, который рѣдко что ѣстъ, кромѣ сухихъ корокъ, все же гораздо счастливѣе Боя, хотя для него варилась отдѣльная каша и отдавались всѣ остатки послѣ обѣда.

Только черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда, въ воскресеніе вечеромъ, Вэнѣ удалось выйти погулять. Пошла вправо мимо дачъ, свернула въ какой-то переулочекъ, подъ ногами былъ песокъ, а затѣмъ вдругъ открылось синее огромное море, точно небо опустилось и разостлалось. Изъ воды высунулись камни и отражались столбами. Впереди, на островѣ, виднѣлся цѣлый городъ, и ярко блестѣлъ золотой куполъ на соборѣ, потому что заходило солнце. По песку было трудно идти, но люди встрѣчались часто: барышни, мужчины и дѣти; нѣкоторые сидѣли на далеко выступавшихъ гранитныхъ глыбахъ и удили рыбу. Вэня отошла въ сторону и тоже сѣла на большой камень, никогда она не думала, что есть на свѣтѣ такъ много воды, и что придется ей такъ далеко уѣхать отъ родной хаты.

Уже совсѣмъ низко опустилось солнце, и далекій золотой куполъ сталъ краснымъ, только одна точка на немъ осталась блестящей. Все кругомъ было удивительно красиво, но красота эта не радовала и даже пугала. И сами губы Вэни вдругъ отчетливо сказали:

— Ой, Василь мой, Василь!..

Пришло въ голову, что, можетъ быть, онъ еще дальше отъ родины, гдѣ-нибудь въ земляной норѣ, усталый и, навѣрное, въ эти самыя минуты думаетъ и тоскуетъ о ней.

Спряталось за лѣсъ солнце, розовымъ оставалось море, и позеленѣло небо, но не показалась на немъ ни одна звѣзда и позже не показались ни Большая Медвѣдица, ни „Волосожаръ“...

Вэня оглянулась вокругъ. На песчаномъ берегу уже не было людей, всѣ дачи и лѣсъ сдѣлались темно-синими, а море стало еще необъятнѣе. И пришло въ голову Вэнѣ, что все это ей снится, и вдругъ придавилъ страхъ и захотѣлось убѣжать назадъ. Она вскочила и, стараясь не оборачиваться, какъ только могла, быстро пошла по песку. Тяжело дышалось, пока не очутилась на улицѣ.

Съ трудомъ нашла свою дачу. Только по лаю Боя угадала, куда нужно свернуть. Во дворѣ было тихо, и по лѣстницѣ Вэня поднялась, стараясь не стучать ногами. Дверь въ квартиру была заперта, Вэня не скоро рѣшилась позвонить и такъ же не скоро ей отворилъ самъ панъ Сережа, вышедшій въ одномъ бѣльѣ. Лицо у него вдругъ измѣнилось, и онъ захрипѣлъ:

— Второй часъ ночи, а она шляется... Изъ-за тебя, проклятой, я долженъ вставать или не запирать дверей, а

если не запирать, такъ могутъ обокрасть и будутъ убытки, а потомъ изъ твоего жалованія вычитать? Нѣтъ, матушка, если поѣхала, такъ нечего на прогулки ходить, а сиди да огородъ копай, а то я заглянулъ вечеромъ, такъ тамъ такіе бурьяны...

Панъ Сережа провелъ единственной рукой по бородѣ, хлопнулъ дверью и началъ запирать замокъ на нѣсколько оборотовъ ключа.

Вэня очень испугалась и, не раздѣваясь, легла на свою постель въ кухнѣ. Долго не могла заснуть, но какъ только задремала, снова почувствовала на своемъ плечѣ прикосновеніе руки и вскочила. Панъ Сережа, уже одѣтый, бормоталъ:

— Началось... Я побѣгу за акушеркой, а ты не смѣй отходить отъ барыни. Я сейчасъ... Акушерка тутъ, на сосѣдней дачѣ.

Вэня не сразу поняла, въ чемъ дѣло, но побѣжала въ спальню и услышала глухіе стоны. Анна Петровна скрежетала зубами и вытирала со лба потъ. Вэня не знала, чѣмъ ей помочь, и десять минутъ наединѣ съ мучившейся женщиной были дольше сутокъ. Акушерка, не спѣша, велѣла поставить самоваръ. Цѣлую ночь раздавались крики, подъ утро пришелъ докторъ-квартирантъ. Пана Сережу выгнали изъ комнаты. Взволнованный, онъ бѣгалъ взадъ и впередъ по балкону, и качался пустой рукавъ его пиджака.

Къ семи часамъ все окончилось, и, точно далекое пѣніе пѣтуха, долетѣлъ крикъ ребенка въ кухню. Но возни цѣлый день было много, и никто ничего не ѣлъ.

Анна Петровна кормила сама, и Вэнѣ было работы немного, больше мыть пеленки. Приходили еще какія-то сосѣдки-барыни, онѣ убѣждали пана Сережу взять для ребенка особую няню.

— Оно, конечно, ничего, только лишній расходъ; мы разсчитывали держать одну прислугу, а тутъ уже выходитъ двѣ, да нужно кормить, а вѣдь это дорого будетъ стоить, а изъ своего кармана вы не заплатите.

Въ концѣ концовъ, достали и няню, скромную, молчаливую дѣвушку, бѣжавшую откуда-то изъ разореннаго литовскаго мѣстечка. Звали ее Анелька. Она плохо понимала Вэню, а Вэня плохо понимала ее, и спала Анелька съ барыней въ комнатѣ.

Случилась радость, пришло письмо отъ Василя, но при-

несло оно печаль. Солдатъ писалъ о томъ, что Вэня обидѣла его мать и бросила на произволъ судьбы хозяйство, что не слѣдовало продавать воловъ, и выходило такъ, будто эту продажу устроила Вэня. Заканчивалось это письмо еще хуже.

„И дойшли до меня слухи поганіи, что ты говорила мамашѣ, будто пойшла въ панскій дворъ, а тебе видѣли, какъ разговаривала изъ старымъ дуракомъ Бугайченкомъ и шепотомъ шепталася, какъ полюбовниця“...

Когда Вэня прочитала послѣднія слова, ей чуть не сдѣлалось дурно, сами собой полились слезы, и, всегда стѣсняющаяся, она безъ спроса побѣжала въ спальню къ Аннѣ Петровнѣ, показала ей листъ и попросила прочесть еще разъ. Пани прочитала, дернула плечомъ и лѣниво пробормотала:

— Напиши ему, что онъ самъ дуракъ, — затѣмъ разстегнула кофточку и начала кормить ребенка.

Цѣлый день пропалъ. На кухнѣ все не ладилось; борщъ выкипѣлъ, а въ кисель опрокинулась солонка, и Вэня подумала, что это скверное предзнаменованіе.

Панъ Сережа на ѣду былъ не очень прихотливый человѣкъ, но такой обѣдъ отказался ѣсть и велѣлъ сварить молочную кашу. Хлебалъ ее и все время ворчалъ и говорилъ, что вездѣ одни убытки. И былъ голосъ похожъ на голосъ бабы Химки, такъ что даже Анна Петровна заступилась и сказала мужу:

— Да пойми ты, она такое письмо получила, послѣ котораго есть надъ чѣмъ задуматься...

Бѣлыя ночи очень утомляли Вэню, она пробовала завѣшивать окна платками, но и это не помогало. Скучалъ и цѣлую ночь вылъ Бой.

Суевѣрный панъ Сережа выходилъ, кричалъ на собаку и билъ ее ногою, песъ визжалъ и прятался въ будку, но черезъ пять минутъ опять вылѣзалъ и начиналъ свою странную, погребальную пѣсню.

Какъ-то, уже совсѣмъ утромъ, когда Вэня забылась, приснился отецъ, оборванный и въ кандалахъ, и будто кланяется ей въ ноги и проситъ похлопотать, чтобы вернуть его домой.

Проснулась, отворила дверь, поглядѣла на часы въ столовой и увидѣла, что уже давно пора вставать. Засуетилась, наскоро одѣлась, сходила въ лавку, вернулась, поставила самоваръ, затопила плиту, убрала обѣ комнаты квартирантовъ и имъ поставила второй самоваръ, сбѣгала на огородъ, на-

рвала для Анны Петровны редиски, опять спустилась внизъ и, по приказанію пана Сережи, начала поливать цвѣтники и разсаду.

Пробѣжалъ цѣлый день, а къ вечеру, когда немного освободилась отъ работы, вдругъ стало горько-горько на душѣ и захотѣлось и на самомъ дѣлѣ написать мужу что-нибудь очень злое.

XII.

И опять цѣлую ночь плохо спалось, — отъ раскаленной плиты было жарко. Въ четыре часа утра Вэня умылась возлѣ колодца, накормила Боя и вернулась въ кухню. Босая, неслышно она прошла въ комнаты, взяла перо и чернила, достала уже давно купленный почтовый листокъ бумаги и хотѣла Василю написать сама, но изъ этого ничего не вышло, рука не слушалась, а голова, кромѣ поклоновъ и поцѣлуевъ, ничего не могла выдумать.

Послѣ завтрака панъ уѣхалъ въ городъ. Ребенокъ спалъ въ колясочкѣ. Вэня нерѣшительно попросила Анну Петровну написать ей письмо, и та легко согласилась. Быстро забѣгало перо, и въ какія-нибудь пять минутъ заполнился весь листокъ. Пани прочитала, что Вэня живетъ очень хорошо, что люди здѣсь пріятные и что возвращаться на родину не собирается, что баба Химка все наврала, и Василь будетъ дуракомъ, если ей повѣритъ. Все это не очень нравилось Вэнѣ, она была согласна съ содержаніемъ, но думала, что эти самыя мысли слѣдовало бы выразить иначе. Анна Петровна сказала, что лично наклеитъ марку и броситъ письмо.

Не полегчало Вэнѣ.

Когда сдѣлала всю работу и подала обѣдъ, вспомнила, что панъ Сережа велѣлъ почистить свои высокіе сапоги. Вытерла и почистила и машинально поставила ихъ на плиту.

Анна Петровна съ нянькой и ребенкомъ ушли въ гости.

Вэнѣ хотѣлось погулять, но страшно было оставить квартиру. Панъ Сережа такъ много разсказывалъ о воровствѣ, что Вэня пошла и заперла дверь, а потомъ вернулась въ кухню и почувствовала, какъ болитъ у нея все тѣло и рѣжетъ глаза отъ безсонницы. Прилегла на постель и не замѣтила, какъ уснула.

Сразу увидѣла Василя такимъ, какимъ никогда не видѣла его на самомъ дѣлѣ: желтый, худой, злой, онъ подступалъ къ ней съ кулаками и кричалъ:

— Какое ты право имѣла бросить хозяйство, какое ты имѣла право не слушаться моей матери; если тебѣ было тяжело, могла бы потерпѣть, — мы здѣсь терпимъ больше...

Василь все это говорилъ, сидя на землѣ, точно изъ могилы, и это было самое страшное, а потомъ снилась всякая чепуха: волы будто везутъ мертвую бабу Палажку. Когда Вэня проснулась, было ей такъ невыносимо тяжело, что хотѣлось и на самомъ дѣлѣ заплакать, но раздался стукъ въ двери, и явился панъ Сережа. Похвалилъ за то, что она не бросила квартиры и спросилъ — оставлено ли ему обѣдать. Вэня отвѣтила, что борщъ стоитъ на плитѣ.

— Такъ накрой мнѣ на балконѣ, та неси шо тамъ е, — сказалъ панъ Сережа по-малороссійски.

Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Ободренная ласковымъ тономъ, Вэня начала наливать борщъ изъ кастрюли въ чашку и съ ужасомъ увидѣла, что стоявшіе справа сапоги скоробились и потускнѣли. Схватила одинъ и осмотрѣла — подошва потрескалась.

Вэня похолодѣла. Дрожали руки такъ, что едва не выронила чашку съ борщомъ.

Въ своей винѣ она призналась только вечеромъ, когда дома была уже и Анна Петровна. На этотъ разъ панъ Сережа не кричалъ, осмотрѣлъ сапоги, швырнулъ ихъ и сказалъ:

— Они стоили восемнадцать рублей, значитъ, два мѣсяца отслужишь даромъ, а два рубля уже получила, тай годі...

Вэня хотѣла было возразить, что сапоги уже не новые, но промолчала, только подумала о томъ, что если бы и представилась возможность, то уѣхать домой будетъ не на что.

Разболѣлась голова, и опять наступила еще одна безцвѣтная, безсонная и мучительная ночь. Гремѣлъ цѣпью и вылъ несчастный Бой, точно требовалъ отвѣтить: зачѣмъ понадобилось его отвести сюда и за что его наказываютъ и для чего привязали къ будкѣ?

И если бы у него была человѣческая голова, то она бы знала, что на цѣпи Бой очутился только потому, что у пана Сережи явилась возможность купить за двадцатъ рублей то, что стоитъ въ пять разъ больше.

Вѣроятно, перспектива имѣть безплатно прислугу въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, или заплатить за это старыми и ненужными сапогами — радовала пана Сережу, потому что и на слѣдующій день онъ оставался въ такомъ же хорошемъ расположеніи духа и даже шутилъ съ Вэней.

Установилась чудесная погода, и вечера были прозрачные и теплые, будто на Украинѣ. Анна Петровна кормила ребенка, а панъ Сережа вытащилъ на балконъ и поставилъ на столъ граммофонъ, который пѣлъ одну за другой пѣсни родной земли. И странно было слушать эти хоры здѣсь, надъ вершинами невысокихъ сосенъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бѣлесоватаго моря.

Мужской голосъ, очень похожій на голосъ Василя, выводилъ:

Ой не пригорне батько,
Не пригорне мати,
Тільки той при-игорне
Шо дума-а-ае взяти...

Граммофонъ вдругъ замолчалъ, потому что къ пану Сережѣ пришелъ гость — квартирантъ, чиновникъ Руденко, кажется, принесъ деньги за комнату. Панъ Сережа заглянулъ на кухню и крикнулъ Вэнѣ:

— Поставь самоваръ.

Анна Петровна съ няней и ребенкомъ гуляла въ саду. Вэня налила воды и насыпала углей, подняла и поставила самоваръ на плиту, вспомнила сапоги и чуть снова не заплакала.

Легонько гудѣло въ самоварной трубѣ, и было слышно каждое слово гостя и хозяина. Руденко произнесъ:

— А мнѣ всегда и вездѣ на деньги наплевать...

— А для меня деньги, это самое главное въ моей жизни, — сказалъ панъ Сережа и сладко вздохнулъ. Потомъ они надолго замолчали, и опять запѣлъ граммофонъ:

Гетьмани, гетьмани,
Як бы ви встали
Встали подивились...

Вэня подала самоваръ и поглядѣла на небо, — желтое, точно лицо пьяницы. Скучно было безъ звѣздъ. Успокаивала мысль, что рано или поздно наступитъ „хоч гірше, та інше“, окончится когда-нибудь война, и возвратится Василь, и можно будетъ ѣхать домой, а если не возвратится, тогда можно будетъ выйти замужъ за Павла Бугайченка и выкинуть изъ хаты вѣдьму — Химку.

Фантазія разыгрывалась, и Вэнѣ представлялось, какъ

мать Василя будетъ униженно кланяться и просить пожить еще недѣльку, а Бугайченко вдругъ закричитъ:

— Ты, сякая-такая, отдай деньги за корову... Волами, хоть подавись, а корова наша...

Но въ это время панъ Сережа закричалъ съ балкона:

— Давай же самоваръ!

Вернулась въ комнаты Анна Петровна. Гость собирался уходить, казалось, онъ разсердился и, уже стоя, а не сидя, говорилъ пану Сережѣ:

— Какими словами, какими дѣйствіями можно упросить, умолить, убѣдить одно сословіе всегда идти навстрѣчу другому, и одну націю не обижать другую и любить все прекрасное, не на словахъ, а на дѣлѣ... Неужели нѣтъ средствъ въ распоряженіи ума человѣческаго?.. Вотъ вы писателей любите, а развѣ вы завѣты ихъ исполняете. Шевченко снова легъ бы въ гробъ, если бы увидѣлъ, что дѣлается... Неужели нѣтъ средствъ?..

— Есть! — крикнулъ панъ Сережа.

— Какія?

— Деньги...

— Тьфу!..

Смѣшно было, какъ Руденко плюнулъ и убѣжалъ. Пора было уже спать. Шаркая туфлями, подошелъ панъ Сережа, остановился и спросилъ:

— А дверь на лѣстницу заперла?

— Кажись, заперла.

Шаги удалились, и защелкалъ издали замокъ, затѣмъ опять задребезжалъ знакомый голосъ:

— Вотъ и забыла, а что, если бы воры забрались?

Вэнѣ хотѣлось отвѣтить, что воровъ здѣсь нѣтъ и красть нечего, но она промолчала и укуталась съ головой въ платокъ.

Приближался праздникъ Петра и Павла, и Вэня вспомнила, что на слѣдующій день всегда выходятъ у нихъ жать и косить, а здѣсь рожь еще была зеленая, а мѣстами не налившаяся. Хотѣлось поскорѣе хоть какое-нибудь письмо получить изъ дому. Пану Сережѣ приходили извѣстія отъ матери изъ родного села, но ничего не было слышно о Василѣ и о томъ, какъ убираютъ поле баба Палажка и баба Химка, а можетъ, онъ и зналъ объ этомъ, но молчалъ и, какъ всегда, говорилъ только о векселяхъ, о процентахъ и закладныхъ — и днемъ, и вечеромъ...

По какимъ-то дѣламъ панъ рѣшилъ отправиться на цѣ-

лый мѣсяцъ домой, на Украину. Достали съ чердака старый, пыльный чемоданъ. Вэня вытирала его и думала, что полтора мѣсяца назадъ жизнь въ деревнѣ съ бабой Химкой казалась настоящимъ адомъ и хотѣлось увидѣть чужіе края, а теперь она бы согласилась даже, чтобы Химка ее на самомъ дѣлѣ побила коромысломъ, только бы увидѣть звѣздное небо, зеленыя вербы и услышать блеяніе возвращающихся домой овецъ.

И бранила сама себя Вэня и не знала, что предпринять. Работала аккуратно и много, какъ нѣмецкая машина, а душа голодала, кричало сердце — просило другой жизни.

Когда уѣхалъ панъ Сережа, стало еще однообразнѣе, и еще рѣже можно было отлучаться изъ дома. Няня Анелька была совсѣмъ чужая. Иногда разговаривала Вэня съ Руденкомъ и спрашивала, что ей дѣлать, а онъ пожималъ широкими плечами и всегда отвѣчалъ одно и то же:

— Надо ѣхать домой, а здѣсь ты сойдешь съ ума.

Совсѣмъ неожиданно почтальонъ принесъ письмо отъ Василя; у Вэни затряслись руки, она разорвала конвертъ; хоть и не умѣла читать, а сразу узнала неразборчивый, малограмотный почеркъ мужа. Кинулась къ Аннѣ Петровнѣ, но та кормила ребенка, тогда Вэня побѣжала къ Руденку, и онъ съ трудомъ прочелъ сначала молча, а затѣмъ вздохнулъ, какъ всегда, пожалъ плечами и сказалъ, что ничего не понимаетъ, хотя и все разобралъ. Вэня попросила, чтобъ онъ хоть началъ, и услышала:

„Милая моя жена, такъ какъ выходитъ, что ты очень умная, а я по-твоему дуракъ, то не знаю уже, что тебѣ и написать. Конечно, какъ ты умная, такъ можешь только понимать образованный разговоръ и ѣздить по заграницамъ и кушать панскій хлѣбъ, а чтобы ты могла спокойно кушать, такъ мы должны сидѣть въ канавахъ и стрѣлять въ непріятеля и проливать свою кровь. Ну, съ тѣмъ до свиданья, моя умная, а остаюся твой глупый мужъ рядовой Василій“.

Вэня покраснѣла, схватилась руками за голову и сквозь слезы попросила еще разъ прочесть, а потомъ разсказала, какъ ей посовѣтовали отвѣтить Василю, что онъ дуракъ, и такъ и было написано и, вѣроятно, мужъ обидѣлся и потому и написалъ такое ни съ чѣмъ не сообразное письмо.

Она схватила и скомкала листикъ почтовой бумаги, убѣжала въ кухню и упала на кровать.

Не слыхала, что зоветъ Анна Петровна.

XIII.

Пять недѣль стояла хорошая погода и свѣтило солнце, затѣмъ, какъ разъ въ то время, когда на Украинѣ бываетъ жара и возятъ съ поля копны, здѣсь, вдругъ, полилъ дождь, и стало холодно, точно въ октябрѣ.

Вэня сильно похудѣла, — больше отъ мыслей. Какъ-то вечеромъ подала самоваръ Руденку. Землякъ поглядѣлъ на нее и спросилъ:

— Отчего ты такая „смутная"?

Вэня молча вынула изъ кармана въ шестнадцать разъ сложенное письмо и печально произнесла:

— Ось, почитайте еще разъ...

— Такъ его уже и прочесть трудно, все оно въ масляныхъ пятнахъ и поломалось по всѣмъ изгибамъ.

Но Руденко все таки началъ читать, затѣмъ остановился,

— Какъ же можно писать мужу, который страдаетъ, можетъ быть, больше тебя, какъ же можно писать „дуракъ"? Ну вотъ онъ и называетъ тебя умной...

— Такъ я же не сама писала.

Вэня вдругъ повалилась на колѣни и заголосила по-бабьему, жаловалась на то, что она сирота и неграмотная, и умоляла написать мужу настоящее письмо. Руденко, какъ будто испугался, запыхтѣлъ, поднялъ Вэню съ пола и отвѣтилъ:

— Ну, хорошо, я самъ напишу.

И сейчасъ же взялъ бумагу, а Вэня стояла рядомъ, подперевъ щеку, и смотрѣла, какъ двигается перо по водянистымъ линейкамъ. Когда Руденко кончилъ, ей показалось, что написано очень мало:

„Мужъ мой дорогой, не сердись, пожалуйста, на меня и повѣрь моимъ словамъ, что уѣхала я изъ дому оттого, что не было житья, и теперь каюсь, лучше буду дѣлать какую угодно работу, чѣмъ жить здѣсь. Я никогда не была наймичкой и, можетъ быть, потому мнѣ такъ тяжело. Я не хотѣла называть тебя нехорошимъ словомъ. Я неграмотная, и виноватъ тотъ, кто писалъ, а теперь пишу тебѣ всю правду и прошу, не сердись на меня и отвѣчай скорѣе. Я бы сдѣлала такъ, какъ ты хочешь, но у меня нѣтъ денегъ, ихъ вычли за то, что я спалила чоботы. Цѣлую тебя и остаюсь любящая тебя жена Вэня".

Руденко прочиталъ все это вслухъ и вопросительно под-

нялъ рѣсницы. Вэня опять поклонилась въ поясъ, по-деревенски, точно попу.

— Ой, спасибо жъ вамъ, вы, какъ будто, всю душу мою угадали.

Онъ обѣщалъ самъ отправить письмо.

Въ эту ночь опять сыпалъ дождь, и жалобно вылъ Бой. Гудѣли въ кухнѣ мухи, и пахло холоднымъ борщомъ, но Вэнѣ казалось, что на дворѣ тихо и прекрасно, блещутъ давно не виданныя звѣзды, и была крѣпкая увѣренность, что она скоро увидитъ Василя, именно, благодаря этому письму. И сразу и надолго успокоилась. Замѣчанія и выговоры Анны Петровны пропускала мимо ушей. Ходила и улыбалась, а пани говорила:

— Ты похожа на пьяную.

Вэня и на это улыбалась.

Однажды утромъ Анна Петровна позвала Вэню и сказала:

— Пишетъ панъ Сережа, что видѣлъ твою бабу и свекровь, обѣ онѣ здоровы и убрались съ хлѣбомъ и тебѣ кланяются.

Пани, какъ будто, хотѣла и еще что-то сказать, но не сказала.

— А больше ничего не пишутъ? — переспросила Вэня.

— Нѣтъ, касающагося тебя, больше ничего...

Мысль о томъ, что она скоро увидитъ мужа, дѣлалась все яснѣе и опредѣленнѣе. И не смутилъ дурной сонъ, когда увидѣла Василя въ рваномъ бѣльѣ, несчастнаго и ласковаго-ласковаго. Въ этотъ день не было дождя. Руденко самъ былъ на почтѣ. Анна Петровна съ няней ушла къ морю. Вэня полола цвѣтники, и ей пріятенъ былъ запахъ сырой земли. Выпрямилась, потянулась, погладила Боя и опять начала вырывать бурьянъ. Отъ дождей слишкомъ быстро выростали сорныя травы.

Стукнула возлѣ воротъ калитка, и показался въ соломенной шляпѣ Руденко, поднялъ руку и крикнулъ:

— Есть отвѣтъ.

Вэня помчалась къ нему такъ, что юбки загудѣли.

— А ну жъ, прочитайте...

И вся тряслась и покраснѣла. Когда Руденко началъ читать, точно оглохла и каждую минуту переспрашивала.

Василь писалъ, что былъ раненъ въ лѣвую руку не опасно, лежалъ въ госпиталѣ, а теперь получилъ отсрочку на двадцать восемь дней и сейчасъ уже дома; писалъ онъ еще,

что видѣлъ пана Сережу и тотъ говорилъ ему, что Вэня и не собирается въ родное село и совѣтовалъ не вызывать ее напрасно, чтобы не тратить денегъ на проѣздъ. Письмо было короткое и простое, но каждое слово казалось прекрасной музыкой.

— Что жъ мнѣ дѣлать, а вдругъ я пріѣду и его уже нѣтъ?.. И съ чѣмъ я поѣду? — бормотала она.

— Денегъ я дамъ, — сказалъ Руденко, — а вотъ билетъ на желѣзную дорогу достать теперь очень трудно, — развѣ черезъ недѣлю. Я подумаю и посовѣтую.

— А пожалуйста, пожалуйста...

Вэня поняла то, чего не договорила Анна Петровна.

„Значитъ, — думала она, — панъ Сережа видѣлъ Василя и написалъ Аннѣ Петровнѣ, чтобы она мнѣ объ этомъ не говорила... Значитъ, меня хотятъ удержать, только будетъ не по-ихнему, а по-моему“...

Волновалась, но старалась себя сдерживать. Крѣпко хотѣлось пойти и поцѣловать Руденкѣ руку.

Анна Петровна, какъ всегда, легла спать рано, ребенокъ почти не кричалъ, недолго возились и разговаривали и сыновья Руденка. Было такъ тихо, что долеталъ шумъ моря, и у Вэни явилось желаніе пойти на берегъ.

Прекрасно было кругомъ, голубоватыми слоями подходила вода, лизала песокъ, вздыхала, какъ человѣкъ, и возвращалась назадъ. Вэня легла ничкомъ. Было пріятно, что песокъ влажный, мысли пошли ровнѣе. Хотѣлось понять, почему многіе люди, которые сразу кажутся хорошими, дѣлаются потомъ злыми и чужими...

„Вотъ, панъ Сережа, другъ ея отца, когда-то пострадалъ за свой народъ, когда-то, какъ говорили, хотѣлъ раздать мужикамъ землю, а теперь трясется надъ каждой копейкой и готовъ вычесть изъ жалованія стоимость каждой тарелки... И жена его, такая привѣтливая и простая тамъ, въ деревнѣ, здѣсь молчитъ... И баба Химка, которая купила воловъ и принесла денегъ, вдругъ все отняла и начала драться, какъ только ушелъ изъ дому Василь. А Василь, который давно когда-то, на буракахъ въ балаганѣ, показался насильникомъ и животнымъ — одинъ только онъ оказался человѣкомъ“.

Вэня вздрогнула отъ сырости, встала и прошлась по берегу, сѣла на камень, укусила свою собственную руку, подняла голову и почти крикнула:

— Василь мій, Василь!..

Вернулась,

Бой запрыгалъ и загремѣлъ цѣпью, точно каторжникъ. Вэня вошла въ кухню, взяла кусокъ хлѣба и бросила собакѣ. Спать совсѣмъ не хотѣлось. Верхушки сосенъ сдѣлались ярко-оранжевыми, и заблестѣлъ стеклянный шаръ на шпилѣ далекой крыши.

Анна Петровна встала раньше обыкновеннаго и съ нянькой и ребенкомъ, какъ всегда, ушла къ морю. Мальчики Руденка и дѣти доктора возились въ пескѣ. Залаялъ внизу Бой, и сейчасъ же затопалъ ногами по лѣстницѣ почтальонъ. Вышелъ Руденко въ застегнутомъ на одну пуговицу лѣтнемъ пиджакѣ, взялъ газету и письмо и крикнулъ:

— Вэня, это тебѣ.

Сейчасъ же началъ читать. Василь писалъ, что панъ Сережа ему сказалъ, будто безъ паспорта изъ Финляндіи выѣхать нельзя, а паспортъ лежитъ въ среднемъ ящикѣ его запертаго стола, а ключи съ нимъ. Дальше Василь писалъ: „выкрадь свой паспортъ, за те отвѣчать не будешь и скорійше ідь до мене, ідь до мене“!..

Вэня удивленно пожала плечами и сказала:

— Паспортъ у меня, мнѣ его полицейскій отдалъ.

Руденко потеръ лобъ и отвѣтилъ:

— Это значитъ, панъ Сережа сказалъ Василю неправду, чтобы онъ тебя не вызывалъ. Ну, да ничего панъ Сережа не подѣлаетъ. Ты сегодня же скажи такъ барынѣ, что уѣзжаешь, а завтра я самъ тебя отвезу въ городъ и на вокзалъ, и въ вагонъ посажу...

— А пожалуйста, а пожалуйста, — простонала Вэня.

Анна Петровна широко раскрыла глаза, когда услышала, что Вэня уѣзжаетъ, затѣмъ улыбнулась и кротко произнесла:

— А гдѣ же ты денегъ возьмешь?

Вэня тоже улыбнулась, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала сюда, и коротко произнесла:

— У васъ просить не буду...

Пани густо покраснѣла:

— Ты можешь ѣхать, или не ѣхать, но пока ты здѣсь, я дерзостей говорить не позволю, скотина такая, — посади свинью за столъ, она и ноги на столъ, бѣгала за десять верстъ, кланялась, просила, чтобы ее взяли, а теперь нахальничаешь? Это тебя рыжій квартирантъ научилъ.

Вэня молча повернулась и ушла, собрала свои вещи и вдругъ успокоилась. Вечеромъ показала паспортъ Руденку,

а потомъ долго разсказывала ему всю свою жизнь: объ отцѣ, о томъ, какъ повѣсился Иванъ Лысый, о Бугайченкѣ... Какъ умерла мать, какъ явилась баба Химка...

— Тебя жъ эта самая баба Химка съѣстъ, — сказалъ Руденко.

— Э, теперь, когда мужъ дома — подавится...

— Ну, дай Боже... Завтра, значитъ, мы въ три часа выѣдемъ въ Петроградъ, а ты утромъ, все-таки, обѣдъ своей пани изготовь, вѣдь она не виновата, что твой мужъ вернулся.

— А отчего жъ, я съ удовольствіемъ...

Но барыня сама не захотѣла пользоваться услугами Вэни. До двухъ часовъ время тянулось медленно, и все вокругъ казалось такимъ противнымъ, а когда сѣли въ поѣздъ и поѣхали, не хотѣлось смотрѣть на жалкія дачи, на жалкій лѣсъ и на кочковатое болото...

Съ одного вокзала на другой проѣхали въ трамваѣ и узнали, что достать билетъ невозможно.

Вэня поблѣднѣла, Руденко засмѣялся и сказалъ:

— Дадимъ сторожу три рубля, и билетъ будетъ. Ты успокойся, а еще лучше сдѣлаешь, если сама сейчасъ станешь въ очередь передъ кассой, только стоять придется до самой ночи...

— А хоть и до утра, такъ я не боюсь...

Вэня ждала цѣлый день, смотрѣла, какъ вокругъ толкаются и суетятся люди. Къ вечеру стало тяжело, но явился Руденко и принесъ пирожковъ, и показались они ужасно вкусными. Билетъ былъ полученъ за три минуты до отхода поѣзда. Руденко схватилъ его и побѣжалъ, оглянулся и крикнулъ:

— Не отставай.

Уже ударилъ второй звонокъ, когда Вэня вскочила въ вагонъ. Она стала у открытаго окна, дышала, какъ птица въ жару, ничего не могла сказать и плохо понимала то, что слышала, а Руденко улыбался и говорилъ:

— Я тебя, точно птицу изъ клѣтки выпустилъ, лети къ синему небу, къ стройнымъ тополямъ, къ милому мужу и будь счастлива, а я всего этого, вѣроятно, никогда уже не побачу.

И долго махалъ соломенной шляпой вслѣдъ тронувшемуся поѣзду.

XIV.

На той станціи, куда Вэня пріѣхала, — черезъ двое сутокъ, — поѣздъ стоялъ всего одну минуту. Кромѣ помощ-

ника начальника станціи и сторожа здѣсь никого не было видно. Близилось утро, но лиловая тьма еще не расползлась, и догорали звѣзды. Вэня боялась, что эту правду она видитъ во снѣ. Кружилась голова.

Изъ широкой зеленой кадушки она зачерпнула ковшикомъ воды и сразу узнала особый вкусъ той самой „ставковой" воды, которую пила съ дѣтства. Кричали на тополяхъ воробьи. Стлалась по убранному полю лиловая дорога, тоже хорошо знакомая.

Вэня сняла ботинки и пошла пѣшкомъ, и показалось ей, что всѣ двѣнадцать верстъ она сдѣлала за двѣнадцать минутъ. Не замѣтила, когда встало солнце. Блестѣлъ крестъ на церкви, и казались голубыми вербы возлѣ крайней левады. Хотѣлось бѣжать.

Наконецъ плетень и первая хата подъ соломенной крышей, за ней хата Лобкивны... Добѣжала и до своей.

Василь въ солдатской рубахѣ, коротко остриженный, запрягалъ лошадь, оглянулся и выпустилъ дугу. Такъ обрадовались, что даже не поцѣловались.

— Утікла?

— А то жъ, — отвѣтила Вэня и повалилась мужу на грудь. Крутился и вертѣлъ своимъ ни на что не похожимъ хвостомъ старикъ Рябко. Показалась въ дверяхъ баба Палажка, всплеснула руками и убѣжала назадъ.

Только черезъ полчаса всѣ успокоились, сидѣли за столомъ и разговаривали. Молчала одна баба Химка, она сильно посѣдѣла, коричневая шея стала какъ будто тоньше, бѣлый „очіпокъ" сдвинулся на лобъ.

Вэня узнала, что панъ Сережа уѣхалъ только вчера и увѣрялъ Василя, что Вэня не вернется ни въ какомъ случаѣ. Узнала, что лѣвая рука Василя не сгибается и почти навѣрное не придется ему больше пойти на войну. И еще узнала, что умеръ въ Сибири ея отецъ.

Перекрестилась.

Василь нахмурился и спросилъ:

— А какъ зовутъ того пана, который тебя вызволилъ?

— А я и не знаю, знаю, что фамилія Руденко, а имя, какъ будто Александръ, а можетъ и не Александръ.

Затѣмъ Василь и Вэня ушли вдвоемъ въ садъ и здѣсь она разсказала ему все, промолчала только о томъ, что баба Химка хотѣла ударить ее коромысломъ, думала: „это пустяки".

— Послѣ того „пекла" я теперь счастливѣе съ тобою,

чѣмъ Адамъ съ Евой въ раю, — сказалъ Василь и радостно засмѣялся, — а матери не бойся, она тебя и пальцемъ не тронетъ. Подожди, война кончится и опять воловъ купимъ... Не думалъ я, что живымъ останусь, не думалъ, что и тебя увижу. Теперь все дѣло въ комиссіи...

— Что жъ это за комиссія?

— Будутъ доктора мою руку осматривать и скажутъ, можно мнѣ отправляться назадъ или нельзя.

Вэня поблѣднѣла и шопотомъ спросила:

— Ну, а ты самъ какъ надѣешься?

— Не должны взять, вотъ я сейчасъ лошадь запрягалъ, когда ты во дворъ вошла, взялъ дугу въ лѣвую руку, а какъ оглянулся, одними пальцами удержать не могъ. Я счастливый... Много кругомъ народу пропало, а я живой...

О войнѣ Василь разсказывалъ очень неохотно, а если разсказывалъ, то ругался, и нельзя было понять, кого онъ ругаетъ, только слышно было, что мира онъ не хочетъ, и какъ-то вырвалось у Василя:

— Бѣдовый народъ, не дай Богъ, вошли бы къ намъ, сейчасъ бы всѣхъ забрали въ солдаты и хлопцевъ, и маленькихъ. У нихъ все для пользы, а для души ничего и нѣтъ, и все подъ номерами. Разсказываютъ, и въ книгахъ пишутъ, а какъ до дѣла, такъ хуже звѣря. Нашъ плѣнный вернулся, значитъ, убѣжалъ, тамъ ихній хлѣбъ кушалъ, да сталъ рубаху переодѣвать, такъ всѣ ребра видны. Не дай Богъ!.. Не нужно вспоминать...

Еще въ вагонѣ Вэня думала о томъ, какъ разскажетъ мужу, что баба Химка продала корову и денегъ не вернула, а теперь, на всѣ вопросы Василя о бабѣ только отвѣчала:

— Онѣ старый человѣкъ и тоже много муки приняли...

Думалось ей, что злыми бываютъ только несчастные и нѣмцы, вѣроятно, перебѣсились оттого, что у нихъ мало земли и мало хлѣба.

Баба Палажка говорила, что уже давно приходится покупать муку. Василь направилъ конную молотилку и въ одинъ день смолотилъ пудовъ сорокъ, а потомъ поѣхалъ на паровую мельницу и привезъ муки и уже въ августѣ ѣли свой новый хлѣбъ.

Будущее рисовалось хорошимъ, волновала только предстоящая комиссія.

Вэня поѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ уѣздный городъ Думали, что придется пробыть двое сутокъ, а на самомъ дѣлѣ

вышло такъ, что Василя отпустили къ вечеру того же дня и навсегда.

Точно лошадь, отфыркивался онъ, когда подходилъ къ телѣгѣ, моталъ головой и улыбался.

— Ну, что? — спросила Вэня.

Онъ еще разъ помоталъ головой и сказалъ:

— Признали, что я такой самый, какъ панъ Сережа.

Вэня не поняла:

— Какъ такъ?

— А такъ, однорукій, она хоть и виситъ, а толку съ нея мало.

Домой возвращались шагомъ въ теплую, душистую ночь. Пахло коноплей, а когда телѣга спускалась въ долину, дѣлалось свѣжѣе, и былъ слышенъ крикъ дергача въ болотѣ и далекій лай собакъ.

Не вѣрилось, что гдѣ-то далеко и сейчасъ продолжается война.

XV.

Жизнь пошла ровно, только все ужасно вздорожало, и баба Палажка, когда солила огурцы, говорила, что соль обходится дороже самыхъ огурцовъ, а Василь потряхивалъ головой и отвѣчалъ:

— Усе минéтьця, одна правда застанéтьця.

— Не доживемъ мы до этой правды...

Вкусно пахло укропомъ, чеснокомъ и вишневымъ листомъ. Вэня перебирала въ ночевкахъ огурцы, обмывала ихъ и подавала бабѣ; баба Химка давно ничего не дѣлала и все шептала о своихъ грѣхахъ и о томъ, что слѣдуетъ ей опять отправиться въ Кіевъ на богомолье.

— Нѣтъ, ужъ сидите лучше дома, — отвѣчалъ Василь, — ваши грѣхи такіе, какъ и наши. Хотѣли побольше грошей, такъ опять же для насъ... Одинъ только грѣхъ есть тяжкій, и вашъ и нашъ.

— А какой? — спросила баба Химка.

— А такой, что вотъ и вы, и я живемъ въ хатѣ Федора Ищенка, да, кажется, ни разу не послали этому Федору и двадцатипятирублевой бумажки, а въ письмѣ пишется, что умеръ онъ такъ, что и похоронить было не на что.

Вэня нахмурилась и подумала, что это правда.

Къ Покрову баба Химка снова начала собираться на богомолье, да задержала ее болѣзнь бабы Палажки. Ни съ того,

ни съ сего напала на старуху горячка. Она бредила, металась и звала Федора. На другой день къ вечеру утихла, а ночью опять вскакивала, садилась на своей постели и бормотала непонятное.

И Василь, и Вэня, и баба Химка не спали. Коптила лампа, и было ясно для всѣхъ, что старуха не выживетъ.

Больная вдругъ опять сѣла и, показывая рукой на печку, забормотала:

— Вотъ онъ здѣсь, Федоръ мой, несчастный Федоръ, идетъ сюда...

Упала на спину и затихла.

Баба Химка подошла къ ней и поправила одѣяло, потомъ положила свои коричневые, точно восковые пальцы на голову Палажки и наклонилась, опять выпрямилась, обернулась и строго произнесла:

— Василь, возьми изъ-подъ иконы свѣчку и зажги.

Баба Химка перекрестилась. Перекрестились и Василь, и Вэня.

А затѣмъ началась суета. Къ утру хата наполнилась чужими, приносили паляницы, вынимали ихъ изъ-подъ полы, перекрестившись, цѣловали и клали на столъ.

Скупая баба Химка приказала Василю поѣхать въ городъ и купить хорошій гробъ, обитый матеріей.

Хоронили бабу Палажку въ ясный осенній день, и много шло народу за ней и говорили объ одномъ и томъ же, что если обойти все село и спросить и стараго и малаго, то не найдется ни одного человѣка, котораго покойница даже немножко обидѣла словомъ или дѣломъ.

Опустили гробъ на краю кладбища, подъ развѣсистой, уже пожелтѣвшей вербой, и золотые листья посыпались на свѣжую землю.

Та же баба Химка настояла, чтобы былъ устроенъ хорошій обѣдъ, человѣкъ на пятьдесятъ ближайшихъ сосѣдей. Было тепло, и ѣли на дворѣ, на доскахъ. Вэня разносила душистый борщъ и пироги, а Василь ходилъ и извинялся передъ людьми, что не могъ достать водки, затѣмъ на деревянныхъ тарелкахъ подавали вареную баранину, и до самыхъ сумерекъ стоялъ говоръ во дворѣ Василя.

Когда люди ушли, Вэня собрала посуду и мыла ее уже въ хатѣ, а кости откладывала для Рябка.

Убралась, вышла на крыльцо съ костями, знала, что песъ ждетъ. Въ темнотѣ не услышала радостнаго визга и

цоканья когтей по деревяннымъ ступенькамъ, очень удивилась и крикнула:

— Рябко, на, на...

Но собаки не было, не пришелъ песъ и на другой день и неизвѣстно куда и когда дѣвался.

Баба Химка сказала, что это дурное предзнаменованіе, и стала какъ будто еще молчаливѣе. Говорила только о Кіевѣ. Въ понедѣльникъ поѣхала съ Василемъ въ городъ, и, пока ихъ не было дома, Вэня чуть не сошла съ ума отъ страха: все казалось ей, что сейчасъ она увидитъ отца или бабу Палажку. И такъ было жаль старую собаку, какъ и отошедшихъ людей.

Мать и сынъ вернулись засвѣтло, во время ужина баба Химка объявила Вэнѣ, что всѣ свои деньги перевела на Василя, не вытерпѣла и добавила:

— И тѣ семьдесятъ рублей за корову вернула, что ты о нихъ плакала...

— А не нужно того вспоминать, — пробормотала Вэня.

Рано, еще до восхода солнца, ушла баба пѣшкомъ на богомолье. Вэня даже немножко поплакала, а потомъ позавтракала вмѣстѣ съ мужемъ, вымыла и выскребла „діжу́“ и начала мѣсить тѣсто на завтра.

Вдругъ затошнило, и стало такъ дурно, что пришлось сѣсть на лавку. Движеніемъ локтя Вэня отворила окно и жадно пила воздухъ.

Вошелъ Василь, испуганно посмотрѣлъ на нее, взялъ за руку, выпачканную въ тѣстѣ, и спросилъ:

— Что съ тобой?

Вэня перевела дыханіе и не сразу отвѣтила:

— Должно быть, у насъ будетъ ребенокъ...

Глаза Василя обрадовались и заблестѣли, онъ сдержалъ свой порывъ и серьезно произнесъ:

— Пусть родится и пусть растетъ, да только пусть не доживетъ видѣть того, что видѣли его отецъ и дѣдъ, какъ человѣкъ человѣка истребляетъ...

Борисъ Лазаревскій.

* * *

Въ моей душѣ покой страданій,
Въ моей душѣ покой тоски,
Цвѣты желаній — безъ желаній,
Уставшей мысли огоньки...

Въ моей душѣ смѣшались странно
Мгновенья жизни прожитой;
И все, что было такъ желанно,
Запечатлѣлось пустотой...

Я развѣнчалъ земного Бога,
Людскія правды сокрушилъ;
И все что нравственно-убого
Въ основу жизни положилъ...

С. Ростовцевъ.

ЭПИЛОГЪ.

Въ церкви было много народа. Были актеры, актрисы, журналисты, были родственники, друзья и „многочисленные почитатели таланта покойной“, какъ было написано на другой день въ газетахъ.

У гроба лежали темные лавровые и серебряные вѣнки съ длинными лентами, съ надписями: „Гордости русской сцены“, „Незабвенной геніальной артисткѣ“, „Незабвенной дорогой Марьѣ Петровнѣ — неутѣшные товарищи“... Много вѣнковъ подносили всегда Марьѣ Петровнѣ, и корзинъ, и букетовъ, и Марья Петровна улыбалась, протягивала руки къ цвѣтамъ, низко кланялась, кивала головой галеркѣ, привѣтливо махала пучками розъ. А теперь лежала неподвижная, строгая, съ сложенными на груди восковыми руками...

Старые актеры съ обвисшими щеками, старшіе товарищи Марьи Петровны, утирали слезы, шумно вздыхали, грузно опускались на колѣни, подпѣвали пѣвчимъ. И старались отогнать страшную мысль, что скоро и они будутъ лежать такъ неподвижно со сложенными руками, и ленты съ ихъ именами будутъ спускаться отъ гроба.

Актерская молодежь тихо переговаривалась, называла имена извѣстныхъ писателей и критиковъ и съ любопытствомъ оглядывалась по сторонамъ. Знаменитости стояли молча и строго, иногда перекидываясь короткими, тщательно отдѣланными фразами о талантѣ покойной. Репортеры старались уловить, схватить на лету слова, чтобы потомъ въ газетной замѣткѣ вставить! „Извѣстный писатель Х. сказалъ то-то“, „Художникъ Н. выразилъ слѣдующую мысль“...

Ближе всѣхъ ко гробу стояли родные. Старая, сморщенная, никому неизвѣстная тетка, все время тихо плакавшая; сестра, похожая на Марью Петровну, красивая, высокая женщина; мужъ ея, сенаторъ, и мужъ Марьи Петровны, извѣстный актеръ Каратовъ.

— Посмотри, Каратовъ ужасно огорченъ, ужасно, — шептали гимназистки, указывая другъ другу на стройную фигуру и желтое съ морщинами лицо перваго любовника.

— Роль играетъ, — говорили актеры. — И какъ будто не знаютъ всѣ, какъ они жили? Вотъ ужъ въ натурѣ актерство...

Да, они были правы. Въ церкви, передъ толпой молящихся, Каратовъ игралъ роль. Полубезсознательно принималъ онъ видъ мрачнаго, красиваго отчаянія, неподвижно смотрѣлъ въ одну точку или судорожно сжималъ рукой платокъ. Иногда оглядывался и, какъ въ театрѣ, однимъ взглядомъ охватывалъ толпу, сразу запоминалъ всѣ лица, узнавалъ знакомыхъ.

Смотрѣть на Марью Петровну онъ боялся. Чуждая она была и страшная и, когда онъ взглядывалъ на нее, у него начинало что-то тяжело и больно сверлить въ мозгу, ощущалась какая-то физическая неловкость, болѣла шея, пробѣгала дрожь по спинѣ.

Не горе это было, а страхъ. Откуда взяться горю? Уже много лѣтъ они были близки только по имени, жили часто врозь, а когда недолгое время проводили вмѣстѣ, то сколько было ссоръ, упрековъ, безсмысленной, злой, не любовной ревности, профессіональной зависти...

Умерла она въ его отсутствіе. Онъ въ Кіевѣ получилъ телеграмму. Пріѣхалъ прямо къ похоронамъ. И, продолжая гастроли, игралъ теперь трагическую роль безутѣшнаго мужа, роль, которая не обманывала никого, кромѣ восторженныхъ гимназистокъ, и которая не была ему нужна.

„И сотвори ей вѣчную память“...

Замедляя, растягивая и повышая голосъ, произнесъ дьяконъ.

— Вѣчная память, — запѣли пѣвчіе.

Молящіеся опустились на колѣни, послышалось сморканіе, всхлипыванія. Потомъ шумно всѣ поднялись. Старые извѣстные актеры, ветераны сцены, взялись за гробъ и медленно со старческой дрожью въ отяжелѣвшихъ ногахъ, начали выносить его изъ церкви.

Каратовъ прошелъ по церкви, чувствуя на себѣ взгляды толпы, и взялъ подъ руку сестру своей жены. Но мужъ сестры какъ-то очень искусно, незамѣтно для другихъ, отстранилъ Каратова и прошелъ съ женою къ выходу. Каратовъ почувствовалъ обиду. Въ отношеніяхъ съ важными род-

ственниками своей жены онъ всегда испытывалъ какое-то униженіе и ставилъ это въ вину Марьѣ Петровнѣ. И теперь ему захотѣлось сказать Марьѣ Петровнѣ: „Вотъ твои родственники меня оскорбляютъ на каждомъ шагу, они и здѣсь, на похоронахъ“... На похоронахъ... Но вѣдь это же умерла Марья Петровна. Каратовъ почувствовалъ головокруженіе и странную слабость въ ногахъ.

Процессія шла по городу. Останавливались у квартиры Марьи Петровны, у театра и у драматической школы, гдѣ Марья Петровна когда-то училась. Процессія была большая. Много каретъ, автомобилей. Каратовъ шелъ за гробомъ подъ руку со старой теткой. Теткѣ было неудобно идти съ этимъ высокимъ человѣкомъ, котораго она очень мало знала, и хотѣлось, чтобы онъ ее оставилъ. Каратовъ сохранялъ выраженіе мрачнаго отчаянія, такъ же какъ и въ церкви, быстро оглядывалъ толпу, схватывая знакомыя лица. Марьи Петровны онъ теперь не видѣлъ. Только край кисеи виднѣлся изъ гроба. Шли очень долго. Потомъ безконечно долго были на кладбищѣ. Говорили рѣчи у гроба. Извѣстный критикъ Рязанцевъ говорилъ, что въ Марьѣ Петровнѣ было „что-то отъ солнца“ и „что-то нездѣшнее“... Другой критикъ, съ большой сѣдой бородой, говорилъ о нашемъ нервномъ вѣкѣ, объ Островскомъ и о хранителяхъ лучшихъ традицій нашего театра. Немного впалъ въ полемику, но вспомнилъ, что похороны, сконфузился и со вздохомъ отошелъ въ толпу. Старый актеръ Панкратьевъ началъ говорить, расплакался и отъ слезъ не могъ окончить рѣчи.

Гробъ опустили въ могилу, засыпали землей... И начали расходиться съ кладбища. Всѣ чувствовали облегченіе. Какъ будто сбросили что-то очень тяжелое, мѣшавшее. Вполголоса оживленно разговаривали. Рязанцевъ говорилъ что-то сестрѣ Марьи Петровны, и та слушала съ милостивымъ вниманіемъ. Но сенаторъ опять очень ловко и незамѣтно отвелъ ее и, легкимъ поклономъ простившись со всѣми, пошелъ къ воротамъ кладбища.

— Держу пари, что она ему не вѣрна, — сказалъ критикъ, смотря на удаляющуюся пару.

— Красивая баба...

— Сестра была лучше, — сказалъ кто-то.

— Да, оживленнѣе лицо, но вѣдь тутъ красота классическая...

— О женщинѣ одѣтой я съ этой точки зрѣнія судить не могу...

Стало немножко неловко, что такой разговоръ идетъ на кладбищѣ. Скорѣе бы выйти на улицу, будетъ легче, проще.

— Каратовъ постарѣлъ, — сказалъ художникъ Кирилловъ.

— Да, и выдохся, — замѣтилъ Рязанцевъ. — Когда-то онъ былъ очень талантливъ, но это было когда-то... Да, если правду сказать, и Марья Петровна была ужъ немножко на закатѣ...

— Они отвратительно жили...

— Да, ужасно. Въ послѣднее время почти и не жили вмѣстѣ. У него было много женщинъ... По сезонамъ...

— А у нея?

— De mortuis aut bene aut nihil. Впрочемъ, я не считалъ бы bene, если бы она была ему вѣрна... Она была слишкомъ интересная женщина, чтобы быть покинутой и вѣрной женой...

— Говорили объ итальянцѣ...

— Да, и итальянецъ, и князь Волынскій... И другіе...

Стало опять неловко. Разговоръ прервался.

Подошелъ Каратовъ. Взглянувъ на Рязанцева, онъ вспомнилъ, что критикъ недавно выбранилъ его въ рецензіи и что хорошо бы съ нимъ поддержать знакомство. У него очень болѣла голова, но онъ заставилъ себя улыбнуться, сказать нѣсколько фразъ о красотѣ и оригинальности стиля Рязанцева.

Потомъ онъ поѣхалъ домой. Отъ быстрой ѣзды головная боль немного уменьшилась. Но слабость не проходила, ноги странно дрожали. Все неотвязно вспоминалось, какъ мужъ сестры Марьи Петровны отстранилъ его въ церкви. Казалось, что отъ этого такъ неловко ногамъ и шеѣ. Казалось, что въ этомъ было что-то страшное... Нѣтъ, страшно было не то. Страшно было, когда ему захотѣлось сказать Марьѣ Петровнѣ: „Вотъ твои родные меня всегда оскорбляютъ...“ и потомъ вспомнилъ, что Марья Петровна умерла.

Извозчикъ остановился у подъѣзда. Каратовъ поднялся на лифтѣ, позвонилъ. Горничная въ коричневомъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ отворила дверь. Каратовъ вспомнилъ, какъ Марья Петровна когда-то нелѣпо, совсѣмъ напрасно ревновала къ этой горничной. „Вотъ она всегда такъ...“, подумалось Каратову. И испуганно остановилась мысль. Ноги подкашивались, болѣла голова. Чувство не то тревоги, не то тошноты все увеличивалось.

— Покушаете, баринъ? — спросила горничная.

— Да, да, — обрадовавшись, отвѣтилъ Каратовъ. — Мнѣ, кажется, хочется ѣсть.

Онъ пошелъ въ столовую, попробовалъ съѣсть кусокъ ветчины. Но съѣстное было ему противно. Онъ опять вышелъ въ гостиную, большую комнату со множествомъ мягкой мебели, портретами и вѣнками на стѣнахъ, безцѣльно прошелся изъ угла въ уголъ...

Вошелъ въ спальню Марьи Петровны. Какой-то странный холодъ и ощущеніе пустоты увеличили дрожь озноба, которую онъ испытывалъ все время. Онъ остановился посреди комнаты и боязливо оглядѣлся вокругъ. Въ этой комнатѣ, съ тяжелыми голубыми занавѣсками, большимъ зеркаломъ и каминомъ, былъ всегда безпорядокъ. По кресламъ разбросаны были капоты, шелковыя юбки, лежали тутъ же клочки ролей или рукописи — драмы молодыхъ писателей, кровать была смята, на туалетѣ раскрыты флаконы, и острый запахъ дорогихъ духовъ разливался по комнатѣ. Теперь все было прибрано. У иконъ горѣла лампада. Кровать была застлана мраморнымъ одѣяломъ, на подушкахъ лежало вышитое покрывало. Каратовъ долгимъ, внимательнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на эту кровать и впервые отчетливо понялъ, что была смерть, что человѣка, который два дня тому назадъ жилъ въ этой комнатѣ, нѣтъ больше на свѣтѣ. Это было странное и страшное чувство. Можно было выйти изъ этой комнаты, пойти туда, гдѣ есть люди, гдѣ можно говорить. Тогда чувство прошло бы, расплылось, затерялось. Но Каратову хотѣлось его удержать: оно было ново и мучительно властно. И вмѣсто того, чтобы уйти изъ комнаты, онъ подошелъ къ кровати, осторожно и любопытно прикоснулся къ холодному одѣялу, потомъ подошелъ къ письменному столу и сѣлъ около него. Онъ перевернулъ страницы бювара. Начатое письмо лежало въ немъ. „Буду васъ ждать, милая Екатерина Дмитріевна, завтра въ...“ Здѣсь письмо обрывалось. И мысль, что письмо никогда не можетъ быть окончено, опять холоднымъ и блестящимъ остріемъ вошла въ сознаніе Каратова. Онъ закрылъ глаза и отклонился къ спинкѣ стула. Такъ онъ сидѣлъ долго. Потомъ, чтобы отвлечься отъ жуткаго чувства, Каратовъ взялъ альбомъ со стола и началъ перевочивать листы. Здѣсь были все знакомыя, наскучившія и непріятныя лица.

Онъ перевернулъ послѣдній листъ и внимательно посмо

трѣлъ на карточку. Это былъ старый снимокъ. Изображена была Марья Петровна, двадцати двухъ лѣтъ, тоненькая, съ мальчишески задорнымъ лицомъ, въ смѣшномъ теперь платьѣ съ буфами на рукавахъ. Каратовъ посмотрѣлъ названіе фотографіи, городъ. Обрывки воспоминаній, еще неясные, очень далекіе, замелькали, суетливо затолпились передъ его сознаніемъ. Онъ былъ радъ имъ. Они отвлекали отъ страшнаго чувства смерти. И не только отвлекали, волновали точно какимъ-то предчувствіемъ, точно намекомъ на что-то большое, важное и счастливое. И Каратовъ осторожно, тихо началъ переворачивать страницы старой пожелтѣвшей книги, перебирать воспоминанія старыя, давно отброшенныя, давно ненужныя...

Маленькій глухой уѣздный городъ одной изъ южныхъ губерній. Гастролирующая провинціальная труппа заѣхала туда. Онъ и Марья Петровна, еще совсѣмъ неизвѣстные и еще чужіе другъ другу, служатъ въ этой труппѣ. Дѣла плохи, жалованіе получаютъ неполное, служатъ на маркахъ, ѣздятъ по маленькимъ сквернымъ городкамъ. Но май, югъ, степь... Они довольны. Послѣ репетиціи они вдвоемъ,—имъ такъ хочется быть вдвоемъ,—идутъ гулять по незнакомому городу. Каратовъ ясно, отчетливо видитъ большую, немощенную, поросшую травой площадь, старинный соборъ на ней, ярмарочные балаганы. Марья Петровна, тоненькая, въ худомъ синемъ платьицѣ и стоптанныхъ башмакахъ,—что поновѣе, она берегла для сцены,—ходитъ по этой площади, ѣстъ сластены, которыя жирными, грязными пальцами подаетъ ей красивая хохлушка, покупаетъ большія полосатыя конфекты, катается на карусели, заставляетъ Каратова выжимать грузъ на силомѣрѣ и сама тонкими мускулистыми руками, забавно напрягаясь и хмурясь, тянетъ этотъ грузъ...

Потомъ спектакль въ маленькомъ смѣшномъ деревянномъ театрѣ. Въ залѣ какія-то барышни въ яркихъ кофточкахъ, молодые люди... Въ первыхъ рядахъ — нотаріусъ, исправникъ, полныя дамы... Каратовъ и Марья Петровна волнуются, какъ если бы играли въ большомъ театрѣ, но чувствуютъ себя хорошо, весело и легко... Послѣ спектакля всѣ вмѣстѣ весело ужинаютъ на террасѣ клуба. Нотаріусъ ухаживаетъ за Марьей Петровной, говоритъ комплименты... Она отвѣчаетъ ему весело, и по насмѣшливому огоньку ея сѣрыхъ глазъ видно, какъ запечатлѣваются въ ея памяти жесты, слова, выраженія румянаго нотаріуса... Каратовъ очень ве-

селъ. Онъ опьянѣлъ отъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, отъ запаха акаціи, похожаго на сладкое густое вино, отъ шаловливыхъ улыбокъ Марьи Петровны... Сидятъ долго за ужиномъ. Исправникъ совсѣмъ пьянъ. Цѣлуется съ антрепренеромъ и уговариваетъ взять его въ труппу на роли благородныхъ отцовъ. Антрепренеръ, онъ же комикъ, очень умный и хитрый, съ живыми черными глазами, разсказываетъ смѣшно анекдоты, поетъ куплеты къ великому удовольствію всей публики.

Потомъ идутъ гулять по саду. Ходятъ по темнымъ аллеямъ межъ кустовъ отцвѣтающей сирени. У маленькой рѣчки, заросшей травами, слушаютъ кваканье лягушекъ и пѣніе соловья. Эти звуки, такіе непохожіе, странно гармонируютъ, и лягушки не кажутся лишними. Стоятъ всѣ тихо, зачарованные, опьяненные южной, весенней, сладко волнующей ночью. Рука Марьи Петровны опирается на руку Каратова. Ночь проходитъ быстро. Настаетъ тяжелый предразсвѣтный часъ. Очарованіе ночи исчезло. Радость утра не наступила. Синій однообразный свѣтъ и холодъ. Соловей уже не поетъ. Кусты сирени точно ежатся отъ холода. Всѣмъ становится тоже холодно и дремотно. Лица у всѣхъ кажутся сѣрыми. Позѣвываютъ, кутаются въ накидки; уходятъ изъ сада. Каратовъ идетъ медленно, подъ руку съ Марьей Петровной, и слѣдятъ они оба напряженно, какъ все свѣтлѣе и свѣтлѣе становится кругомъ, точно глаза у нихъ раскрываются все шире. Синій свѣтъ рѣдѣетъ, смѣняется бѣлымъ, И какъ ни слѣдятъ они, а кажется чудомъ, когда на площади съ бѣлымъ соборомъ становится совсѣмъ свѣтло. Оживаютъ, колышатся мокрыя травы. Пахнетъ чебрецомъ и крѣпкимъ, здоровымъ запахомъ навоза. Медленно поднимается солнечный шаръ. Милостиво и лѣниво выполняетъ свою обязанность.

— Я никогда не видѣла, какъ всходитъ солнце, — взволнованно шепчетъ Марья Петровна.

„Люблю“, хочется сказать Каратову. Но онъ молчитъ, только крѣпко пожимаетъ ея руку и такъ же, какъ она, смотритъ на солнце. А на него уже больно смотрѣть. Жмурятся глаза отъ его лучей. Лучи падаютъ на бѣлый соборъ, потомъ на травы, на Марью Петровну. Она вдругъ поднимаетъ руки, точно птица раскрываетъ крылья, и груднымъ своимъ, громкимъ, сильнымъ голосомъ говоритъ въ пространство:

— Солнце, степь, соборъ, карусель! Всѣхъ васъ беру въ свидѣтели, что мы съ нимъ будетъ знамениты! И что я... —

она останавливается, — и что я буду любима! — кричитъ она и бѣжитъ прочь отъ Каратова по мокрой травѣ. Онъ бѣжитъ за ней, догоняетъ ее, прижимаетъ къ себѣ ея худенькое сильное тѣло и на румяныхъ, покорныхъ губахъ цѣлуетъ лучи восходящаго солнца...

А вотъ они въ незнакомомъ губернскомъ городѣ, въ номерѣ гостиницы. Осень. Видно сѣрое небо. Капли дождя уныло липнутъ къ окнамъ. Стучатъ неуклюже колеса по неровной мостовой. Въ номерѣ неуютно, чуждо. Марья Петровна, закутанная въ большой платокъ, сидитъ съ ногами на кровати. Каратовъ читаетъ вслухъ новую пьесу, которую скоро будутъ ставить въ театрѣ. Пьеса хорошая, интересная, умная, интересные люди... Марья Петровна и Каратовъ читаютъ съ жадностью, съ наслажденіемъ, забывая обо всемъ... Они воплощаютъ мысленно образы героевъ, имъ хочется сыграть сейчасъ эти роли... Пьеса кончена. Они откладываютъ книгу, начинаютъ говорить, спорятъ о характерахъ, объ оттѣнкахъ... Огонь творчества разгорается въ нихъ... Проходитъ незамѣтно тусклый, сѣрый день... И такъ по новому близки они другъ другу послѣ этого дня...

. . . . . .

Театръ того же большого города, теперь знакомаго и милаго. Весь залъ полонъ народа. Нарядныя дамы. Изъ первыхъ рядовъ на сцену доносится запахъ духовъ. На галеркѣ барышни, студенты, семинаристы. Всѣ они апплодируютъ, бросаютъ цвѣты. „Каратовъ“ раздаются пронзительно-звонкіе голоса. „Раевская!“, гремятъ студенты. Этими криками два хора, — мужской и женскій, — пикируются другъ съ другомъ.

Это бенефисъ Каратова. Ему поднесли вѣнокъ, чернильный приборъ и папку съ адресомъ отъ молодежи. Его первый бенефисъ и такъ пріятны эти подношенія, этотъ гулъ — шумное дыханіе славы. За кулисами толпится много народа. Какія-то дамы приглашаютъ участвовать въ спектаклѣ въ пользу читальни. Гимназистки просятъ карточки и цвѣтовъ изъ букета, цѣлуются съ Марьей Петровной, краснѣютъ и крѣпко сжимаютъ другъ другу руки. Пробѣгаетъ сердитый, красный, обливающійся потомъ помощникъ режиссера... Рабочіе несутъ мебель и задѣваютъ кого-то по головѣ. Со сцены дуетъ. А въ уборныхъ жарко, душно, и Каратовъ чувствуетъ, какъ подъ гримомъ у него льется потъ. Но онъ веселъ онъ

не перестаетъ улыбаться, горячо пожимаетъ чьи-то руки, говоритъ привѣтливыя слова, радостно мигаетъ глазами... Марья Петровна сидитъ у маленькаго туалета, одѣтая въ красное шелковое, расшитое золотомъ платье. У нея черные волосы, синіе огромные глаза съ ярко-красными точками въ углахъ вѣкъ и ярко-красныя губы. У нея усталое и блаженное лицо. „Ты очень хорошо играешь сегодня", говоритъ она просто. Но какъ радостны эти простыя слова! Онъ обнимаетъ ее, цѣлуетъ горячія, намазанныя помадкой губы... Черный плащъ Акосты обсыпанъ пудрой, на лицѣ размазалась краска... Марья Петровна хохочетъ и плакомъ отираетъ ему лицо.

— На сцену! — раздается испуганный голосъ помощника режиссера. Каратовъ и Марья Петровна встрепенулись... Быстро кладутъ послѣдніе мазки грима, быстро повторяютъ роль...

Вотъ Каратовъ уже на сценѣ, въ саду съ картонными деревьями и статуями: раввинъ, какіе-то люди со шпагами, въ беретахъ, и это уже не онъ, Каратовъ, любитъ Марью Петровну, а онъ, Акоста, любитъ прекрасную черноволосую Юдифь...

Изсохнешь ты въ томленьи по любви,
Не встрѣтивши ни разу въ женскомъ сердцѣ
Горячаго привѣта...

Зловѣщимъ голосомъ возглашаетъ де-Сентосъ, резонеръ и „злодѣй" Добротворскій.

„Лжешь, раввинъ!", груднымъ, сильнымъ голосомъ вскрикиваетъ Юдифь. И въ порывѣ любви бросается къ Акостѣ. Близко, близко видитъ онъ красныя губы, великолѣпное, горящее восторгомъ лицо, глаза огромные, странные, синіе влажные отъ настоящихъ слезъ...

Они хорошо играютъ въ этотъ вечеръ, онъ это знаетъ. И когда послѣ четвертаго акта бѣшеными оваціями разражается вся зала и онъ выходитъ на вызовы, блѣдный, изнеможенный, съ горящими глазами, въ разорванной на груди одеждѣ, его душа полна восторга, счастья и гордости... А когда кончается пьеса, они много разъ выходятъ вдвоемъ съ Марьей Петровной. Студенты бросаютъ имъ шапки, гремятъ стульями, кричатъ... Въ глазахъ туманъ, голова кружится...

Онъ накидываетъ шубу на плечи Марьи Петровны, укутываетъ ее, быстро выходитъ съ ней изъ театра. Морозъ весело пощипываетъ, звѣзды, кивая, поздравляютъ съ успѣхомъ,

сани ѣдутъ быстро... Марья Петровна блаженно улыбается... И дрожитъ, прижимаясь къ нему...

. . . . . .

Еще одна минута жизни вспоминается Каратову. Въ Крыму это было. Они поѣхали туда послѣ удачнаго, полнаго успѣховъ сезона. Утомленные нервной работой, они наслаждались отдыхомъ, праздностью, жаркими лучами августовскаго южнаго солнца. Купались, устраивали прогулки. Познакомились съ извѣстными литераторами и актерами, понемногу входили въ блестящій столичный кружокъ, тогда казавшійся такимъ интереснымъ... Марья Петровна, слегка пополнѣвшая, расцвѣтшая, съ новымъ спокойно-увѣреннымъ выраженіемъ, была очень красива...

Какъ-то поздно вечеромъ имъ захотѣлось кататься. Они вышли изъ отеля, взяли хорошую „корзину" и поѣхали по верхнему шоссе, къ Оріандѣ. Ночь была теплая и очень свѣтлая. Полная луна освѣщала все яркимъ, торжественнымъ свѣтомъ. Было бѣло шоссе, дачи. Кипарисы только чернѣли, всегда строгіе и мертвые. Море часто скрывалось за деревьями, но чувствовалось его дыханіе, его близость, и отъ этой близости казалось все значительнѣе, прекраснѣе... Коляска мѣрно колыхалась, теплая струя воздуха ласкала ихъ лица, чуть шевелила длинный голубой шарфъ Марьи Петровны, бѣлое платье, свѣтлые волосы... Спокойная, свѣтлая, торжественная, какъ эта ночь, сидѣла она съ нимъ рядомъ. Казались темными только глаза. Какъ были темны кипарисы у бѣлой дороги. Каратовъ посмотрѣлъ на нее, на далекую вершину Ай-Петри, на круглую равнодушную луну... И вдругъ странное чувство вошло въ его спокойное и счастливое сердце: ясно, такъ ясно, какъ ясна была лунная ночь, онъ ощутилъ, что счастье проходитъ, прошло, что скоро, очень скоро будетъ что-то новое, совсѣмъ иное и тягостное... Прекрасна была жаркая августовская ночь, свѣтлое небо, женщина, сидѣвшая съ нимъ рядомъ, желто-розовыя грозди винограда, что лежали на ея колѣняхъ... Но въ яркомъ свѣтѣ, покоѣ, роскошной зрѣлости видѣлъ онъ ясно страшный призракъ разрушенія... Тоска и страхъ сжимали сердце... Надо остановить этотъ призракъ, помѣшать ему войти... Марья Петровна что-то спросила, онъ отвѣтилъ, заговорилъ кучеръ-татаринъ... Странное чувство исчезло такъ же быстро и безпричинно, какъ появилось... Спокойные, они вернулись домой.

. . . . . .

. . . . . .

Каратовъ очнулся отъ воспоминаній. Стемнѣло. Только лампада свѣтила, да слабый свѣтъ уходящаго дня заглядывалъ въ окна. Было очень тихо. И тяжелыми, больными ударами билось сердце. Снова сталъ Каратовъ тревожно перелистывать книгу воспоминаній. Страницы тяжелыя, кошмарныя замелькали передъ нимъ. Нелѣпыя, безобразныя сцены, утонченно-жестокіе упреки, уколы злости, зависти... Преступленіемъ они лежали на сердцѣ.

Каратовъ, молча, смотрѣлъ кругомъ. На пустую кровать, на столъ съ карточками... Въ зеркалѣ, освѣщенномъ лампадой, видѣлъ свое лицо, желтое, морщинистое, жалкое лицо... Стоялъ неподвижно, не сознавая времени, не ощущая жизни... Не страхъ передъ смертью человѣка былъ въ немъ теперь, но острая горькая, безумная тоска по самомъ дорогомъ, самомъ близкомъ, единственномъ существѣ... И ужасъ одиночества, безсилія и старости...

Лидія Ефимовичъ.

ВЕЧЕРЪ.

Кто-то блѣдный, одѣтый въ закатное золото,
Надъ полями угасъ, свѣтозаренъ и тихъ,
Какъ аккордъ умирающій арфы расколотой,
Какъ на скорбныхъ устахъ недоконченный стихъ...

Кто-то темный съ очами безумно-усталыми
На просторахъ земныхъ всталъ въ смертельной тоскѣ,
Письменами гигантскими, знаками алыми
Край небесъ исчертилъ вдалекѣ...

И пылали багрово скрижали вечернія...
Исполинскія буквы вѣщали: печаль.
Кто-то темный въ великой тоскѣ все безмѣрнѣе
Бороздилъ письменами закатную даль...

Дм. Семеновскій.

ОЛЬГИНЪ СКИТЪ.

Уже больше недѣли Вершининъ жилъ на Бебутовской улицѣ, уже больше недѣли собирался взобраться на окружающія горы — и все не успѣвалъ, то за хлопотами по дѣлу, для котораго пріѣхалъ сюда, то за фланировкой по улицамъ города, имѣвшаго свое лицо, незнакомое и возбуждающее любопытство, не какъ плоскія, безъ выраженія, одно на другое похожія лица русскихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ.

Солалаки — гдѣ Бебутовская улица — лучшая часть Тифлиса: вся на горѣ; улицы расположены одна надъ другой; многія изъ нихъ названы именами литературными: Грибоѣдова, Лермонтова, Тургенева. Бебутовская самая высокая изъ нихъ; выше ея только горы. Такъ, что сады ея домовъ, по-восточному всегда внутренніе, упираются въ отвѣсную скалу горнаго кряжа. По восточному разбитые сады улицы не мѣшаютъ ея домамъ быть совсѣмъ европейскими — всѣ они построены въ стилѣ маленькихъ французскихъ „отелей", безъ какихъ не обходится ни одинъ буржуа Passy, достигшій состоянія рантье. Отели въ стилѣ quasi-ренессанса, веселые и очень приличные на видъ. Такъ какъ кварталъ аристократическій, то лавокъ почти нѣтъ; обитатели или русскіе чиновники, занимающіе хорошія мѣста, или армяне, не только одѣвающіеся по-европейски, но и стригущіе свои бороды совсѣмъ какъ въ Парижѣ: съ необыкновенной тщательностью. Не всѣ армяне такіе французы, а только тѣ, которые живутъ въ Солалакахъ, ходятъ на Эриванскую площадь, гдѣ размѣстились банки, конторы, разныя торговыя и дѣловыя бюро съ необычайно солидной дубовой мебелью, стеклянными перегородками, зелеными на блестящихъ мѣдныхъ палочкахъ сторами и расфранченными барышнями, такъ изящно пишущими на ремингтонѣ, будто играютъ на піанино.

Трамваи, барышни, пишущія машинки и по-французски причесанные мужчины — это тамъ, внизу, куда не тянетъ,

откуда хочется уйти, если можно, навсегда. Но не только нельзя уйти навсегда отъ этого низа, а, наоборотъ, нельзя подняться наверхъ; и даже въ горахъ живущіе, странные, безъ шапокъ, съ густыми черными волосами, съ большими карими глазами, въ лохмотья одѣтые люди ежедневно спускаются съ горъ и проходятъ по Бебутовской улицѣ, гоня передъ собой то стадо барановъ, то буйволовъ, то ословъ.

Крестьянинъ-грузинъ одѣтъ плохо; хуже его одѣвается только мусульманинъ-горецъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя, разоривъ, взяли себѣ казаки; онъ любитъ носить солдатскую шинель; ее встрѣчаешь повсюду, она продается солдатами, уходящими въ запасъ, а можетъ и тѣми, кто промышляетъ продажей казеннаго имущества. Такая шинель выслужила всѣ сроки, даже ея грубое сѣрое сукно вытерлось, стало тонкимъ; подолъ обычно изорванъ, хлястика нѣтъ; но иногда какимъ-то чудомъ уцѣлѣли погоны и всегда — петлицы: синія, красныя, бѣлыя. Въ такой шинели есть своя гордость, говорящая о суровой, полной борьбы и лишеній жизни. На Кавказѣ все сурово: горы, ущелья, рѣки, исторія. Вездѣ кровь, и солдатская, старая до дыръ вытертая шинель идетъ къ этой суровости, напоминаетъ Оленина, Лукашку, Азамата, Бэлу, старинныя, еще тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка гравюры войны...

Мирные крестьяне-грузины, одѣтые въ такія шинели, часто съ кинжаломъ у тонкаго ременнаго, съ блестящими бляшками пояса, идущіе съ непокрытыми головами, съ трубкой въ зубахъ, загорѣлые и съ разстегнутой грудью, похожи на настоящихъ воиновъ, всегда готовыхъ взяться за оружіе.

Азія, примѣсь крови былыхъ владыкъ и поработителей не испортили основъ красоты кавказскаго типа. Вершининъ здѣсь снова увидѣлъ ясность, блескъ глазъ, такъ рѣзко отличающіе взглядъ западнаго европейца и жителя горъ отъ неоживленнаго, неокрашеннаго взгляда обитателя русской равнины.

Иное солнце, иная жгучесть лучей отражается въ такихъ глазахъ; горячность, нервность, страстность даетъ человѣку юга его солнце, но горы не даютъ простора чувству, загоняютъ его глубоко во внутрь, и горецъ очень сдержанъ, спокоенъ, молчаливъ, почти важенъ. Глядя на него, на его движенія, ясно видишь, что онъ можетъ, когда надо или когда не совладаетъ съ собой, быть совсѣмъ другимъ; у

горца всегда есть запасъ душевной и мускульной силы, которой онъ не даетъ полнаго проявленія.

Страшная исторія покоренія и уничтоженія горскихъ племенъ, а потомъ управленіе по формулѣ oderint dum metuant — наложили свою печать на лицо кавказскихъ народностей. Оно нервно, тонко, часто полно показной презрительной покорности и глубоко внутри сдерживаемаго гнѣва; на немъ нерѣдко выраженіе человѣка, которому запрещаютъ говорить на своемъ языкѣ, заставляютъ изъясняться знаками, но который внутри себя все время, безпрестанно, не переставая ни на одну минуту, мечтаетъ объ одномъ: заговорить на своемъ языкѣ такъ, какъ говоритъ дѣйствительно свободный, никакой власти надъ собой не признающій человѣкъ.

Немного Зелимъ-хана есть въ каждомъ горцѣ, и удивительно не это, а то, что каждый изъ нихъ не Зелимъ-ханъ.

Впрочемъ, настоящіе горцы рѣдкіе гости въ городѣ, а въ Тифлисѣ, въ этомъ грузинскомъ городѣ, гдѣ хозяева армяне, а начальники русскіе, горцевъ и вовсе нѣтъ.

По Бебутовской улицѣ съ горъ гонятъ барановъ, буйволовъ или ословъ не горцы, а грузины. Все у нихъ не такое, какъ у насъ: бараны свѣтло-шоколаднаго цвѣта, съ длинной шерстью, съ противными тяжелыми жирными курдюками, которые такъ болтаются, что вотъ-вотъ оторвутся; буйволы черные, похожіе на бизоновъ прерій, съ рогами широкими у основанія, идущими сначала назадъ и потомъ остро выступающими впередъ. Глаза большіе или пугливые и свирѣпые, но люди знаютъ, какъ укрощать силу и мужество животнаго: они оскопляютъ его. Зато ослики всегда напоминали Вершинину картинки въ книжкахъ дѣтскихъ сказокъ о „Мальчикѣ съ пальчикъ“, о „Котѣ въ сапогахъ“ или о „Мельникѣ и волкѣ“.

Они совсѣмъ маленькіе — эти ослики; у нихъ бѣлыя на концѣ морды и вокругъ глазъ бѣлыя пятна, отчего они кажутся слѣпыми и наивными со своими длинными мягкими ушами и чолкой, лежащей на лбу, какъ у ребятъ лежатъ волосы. На маленькихъ осликахъ возятъ большія тяжести: болтаются съ двухъ сторонъ корзины съ яблоками, картошкой, деревенской живностью; глиняные кувшины съ молокомъ или угли (не угли даже, а обожженные длинные сучья), собранные въ вязанки горѣлаго хвороста, ломающагося по длинѣ на цилиндрики цвѣта лоснящагося черно-сѣраго графита Вязанки перевиты бечевкой и перекинуты вьюкомъ черезъ

спину; нижній конецъ доходитъ почти до земли, а верхній высоко торчитъ надъ спиной, и кажется, что будто бы эти вязанки сами ковыляютъ на двухъ ногахъ, такъ они скрываютъ ослика, идущаго низко, опустивъ голову. Когда такихъ осликовъ много, то кажется, будто видишь одну изъ сценъ балета „Сонъ въ лѣтнюю ночь", гдѣ по сценѣ на двухъ ногахъ ходятъ кусты, цвѣты, лягушки, крысы и еще какія-то невиданныя животныя, смѣшныя, необыкновенныя, наивныя.

Сбруи на осликахъ нѣтъ никакой, даже недоуздка нѣтъ, морды совсѣмъ голыя; часто погоняетъ ихъ мальчикъ съ пальчикъ, въ разорванныхъ штанишкахъ, босой, курчавый, загорѣлый, съ большими карими глазами и алымъ ртомъ. Столпятся ослики на рельсахъ трамвая, испугаются, и они и ихъ погонщики взбираются на тротуары, не знаютъ, куда броситься, какъ пройти узкую улицу, пока прохожіе не распихаютъ ихъ по мѣстамъ...

Чѣмъ дольше жилъ Вершининъ въ Салолакахъ, тѣмъ больше ему нравился тихій кварталъ съ тротуарами, усаженными платанами, съ дѣтскими садами, гдѣ ребятишки носятъ такіе же tabliers, что и школьники во французскихъ écoles maternelles.

Все армянскія школы. Армяне любятъ своихъ дѣтей, балуютъ, старательно, по-европейски, учатъ ихъ, зная, что будущее народа въ дѣтяхъ. У нихъ большія семьи, въ которыхъ внуки и внучки учатся въ Парижѣ, Берлинѣ и Лондонѣ, бабушки носятъ старинный національный костюмъ, покрываютъ голову какимъ-то чернымъ плоскимъ колечкомъ съ золотыми и другими украшеніями, дѣдушки пашутъ землю около Арарата, дядья подтачиваютъ Турецкую Имперію, возставая то въ Битлисѣ, то въ Ванѣ.

Для человѣка, у котораго бьется жилка этнографа, Кавказъ то же, что для путешественника неизвѣстная земля. Здѣсь, сейчасъ за горнымъ хребтомъ, начинается рѣка Евфратъ, омывавшая райскіе берега.

Говоря о Кавказѣ съ грузинами или мусульманами, Вершининъ поражался ихъ влюбленности въ свою родину. Миша Лобженидзе приносилъ ему книги, напечатанныя по-грузински, и заставлялъ десять разъ соглашаться съ нимъ въ томъ, что самый красивый шрифтъ въ мірѣ — грузинскій. Онъ вслухъ по-грузински читалъ ему поэму великаго грузинскаго поэта Шоти Руставели — „Барсова кожа".

— Она переведена на всѣ европейскіе языки, кромѣ рус-

скаго, это стыдно, это позорно! — говорилъ Миша, — ему было много за тридцать, волосы серебрились, но онъ просилъ его называть „просто Миша, меня всѣ такъ зовутъ“.

— Ну, что вы скажете?! — спрашивалъ онъ, требуя взглядомъ, всей позой — не то мольбы, не то угрозы, — похвалъ „Барсовой кожѣ“ и грузинскому языку.

Вершининъ хвалилъ и поэму и языкъ, не понимая ни той, ни другого, и Миша, успокоенный, прибавлялъ:

— А они смѣютъ еще говорить!

„Они“ — это армяне, о которыхъ интеллигентъ-грузинъ, мечтающій о величіи Грузіи, болѣющій ея болями и видящій, что не все идетъ такъ, какъ надо, не можетъ говорить безъ пѣны у рта, безъ жестовъ, столь выразительныхъ, что слушатель, принимающій слова au tragique, можетъ серьезно испугаться за участь армянъ.

— Мы ихъ спасли въ 1905 году! А ужъ теперь довольно! — и Миша дѣлалъ страшный жестъ вокругъ своей шеи.

Но шея у него была худая, не сильная, совсѣмъ не армянская, да и весь онъ былъ какой-то словно некормленный, хотя и могъ, послѣ двухчасовой лекціи рабочимъ по исторіи грузинской литературы, говорить четыре часа безъ перерыва, не выпивъ ни одного стакана чая; онъ не признавалъ ни одной степени сравненія, кромѣ превосходной, когда говорилъ о Грузіи, ея поэтахъ, художникахъ, писателяхъ.

— Князь Чавчавадзе!? Публицистъ, экономистъ, финансистъ, этнографъ!

Книгу стихотвореній Акакія Церетели онъ клалъ на столъ такъ благоговѣйно, какъ не всякій священникъ ставитъ св. дары на алтарь, и, произнося его стихи, полузакрывалъ глаза. Противъ армянъ готовъ былъ пользоваться аргументами Величко, но когда Вершининъ напоминалъ ему это, онъ досадливо махалъ рукой, причмокивалъ языкомъ и говорилъ:

— Ну, самъ знаю, самъ знаю, нэхорошо, а нэ магу, нэ магу, что оны съ намы дѣлаютъ!

— Да что же, Миша, что?

— А говорятъ, что „Барсова кожа“ не грузынская поэма!

— Да вѣдь теперь уже не говорятъ.

— Говорили, князь Чавчавадзе, доказалъ, Джаваховъ доказалъ, перестали говорить.

— Ну, и хорошо, что перестали.

— А выборы въ думу отчего не назначаютъ?!

И отъ царя Ираклія до послѣдней статьи послѣдняго номера газеты все служило поводомъ къ вспышкѣ гнѣва.

Когда народъ, въ лицѣ своей интеллигенціи, чувствуетъ, что теряетъ почву, захватываемую сосѣдомъ, и когда теряетъ отчасти по своей винѣ, несправедливость, преувеличеніе, мелочность все служитъ выраженіемъ одного чувства: страха.

Страхъ и виднѣлся въ глазахъ Лобжанидзе, когда онъ говорилъ объ армянахъ, о будущемъ Грузіи.

Глядя на Мишу, онъ вспоминалъ армянскаго епископа Нерцеса, котораго онъ интервьюировалъ въ епископскомъ домѣ ванкскаго собора.

Старинный соборъ, холодныя, почти пустыя комнаты дома, но телефонъ на столѣ, и епископъ все время отрывался, чтобы поговорить то съ управляющимъ банка, то съ полицеймейстеромъ, то съ канцеляріей намѣстника. Громадный, съ бровями, полусѣдыми, густыми, какъ лѣсъ; борода у корня волосъ бѣлая и черная на концахъ. Носъ выдающійся, толстый, но большія ноздри уменьшали обиліе мяса и придавали ему выраженіе мощи; глаза съ юношескимъ блескомъ, пристальностью слѣдователя и хитростью духовнаго лица.

Онъ поправлялъ наперсный крестъ такъ, какъ поправляютъ кинжалъ. Епископъ — воинъ и дипломатъ; священникъ, ведущій онкольные счета своихъ прихожанъ, армянскій монахъ, дающій интервью русскому радикальному журналисту и лавирующій между младотурками и старо-руссами. Такихъ епископовъ у армянъ много, тогда какъ у грузинъ синодское духовенство, дворянство, служащее, въ офицерахъ русской арміи, и депутаты Государственной Думы, работающіе въ рудникахъ нерчинской каторги.

„Кто, въ самомъ дѣлѣ, сильнѣе? — думалъ Вершининъ, слушая Мишу, — тѣ или эти? Радикализмъ или консерватизмъ? Прошлое или будущее? Власть мертвыхъ или живыхъ?“

Въ словахъ Лабжанидзе иногда слышалась настоящая страсть, на многое способная, и переводчикъ армянинъ, бывшій учитель, объяснявшійся по-французски съ левантинскимъ акцентомъ, человѣкъ за пятьдесятъ лѣтъ, преподававшій въ Персіи и промышлявшій въ Марсели, говорилъ ему, разсказывая о 1905 годѣ:

„Тцсъ — ой, ой, ой! Какіе русскіе и грузины храбрые! Тутъ казаки, тутъ солдаты, стрѣляютъ, бьютъ, а они идутъ, идутъ, нэчэго на руки нэтъ — только потомъ бомба бросали!“

Миша, епископъ Нерсесъ, переводчикъ, татаринъ, извозчикъ персъ, банщикъ горецъ, арестантъ или стражникъ молоканинъ — русскій, малороссъ — казакъ, великороссъ-торговецъ или переселенецъ, никогда не сѣявшій ничего, кромѣ ржи, ничего не видавшій, кромѣ сосны и березы, а на Кавказѣ вынуждаемый воздѣлывать хлопокъ и шелковичное дерево; нѣмецъ-колонистъ, — всѣ они, каждый по-своему, учили Вершинина понимать Кавказъ и, прежде всего, больше всего любить его, такъ какъ всѣ единогласно повторяли: „кто изъ Куры рѣки воду пилъ — нашъ будетъ".

Февраль приближался къ концу, окружающія городъ горы чернѣли — снѣгъ таялъ; еще двѣ-три недѣли, и можно будетъ пойти вслѣдъ за осликами, взбирающимися туда, наверхъ. Вершининъ уже не разъ подымался на Ботаническую гору, откуда весь Тифлисъ виденъ отъ края до края. Карточные домики съ зелеными и красными крышами, серебряныя вышки армянскихъ и грузинскихъ церквей, рѣка желтая, узкая, съ высоты кажущаяся неподвижной, крѣпостные профили на скалѣ построеннаго Мехтедскаго замка, окруженнаго стѣной, такой высокой, что штыкъ часового и крестъ арестантской церкви на одной высотѣ.

Въ Ботаническомъ саду зацвѣли анемоны, олеандры, родендроны, миндаль; водопадъ съ каждымъ днемъ шумѣлъ сильнѣе, вода потока мутнѣе покрывалась желтою пѣною, онъ вбиралъ въ себя ручьи, бѣгущіе съ горъ...

Въ одинъ изъ такихъ весеннихъ дней Грузія хоронила своего національнаго поэта — Акакія Церетели; гробъ съ тѣломъ несли черезъ весь городъ въ церковь, что на горѣ св. Давида, гдѣ лежитъ Грибоѣдовъ, съ трогательною надписью на гробницѣ, сдѣланною женой его.

Гора св. Давида — настоящая гора: высокая, обрывистая, бока ея похожи на контрфорсы готическаго собора или на почернѣвшія отъ времени ребра чудовищнаго допотопнаго животнаго; на вершину бельгійцы провели фуникулеръ, а русскіе и грузины устроили кабачки, въ которыхъ подаютъ мутное и крѣпкое вино, шашлыкъ, жареный надъ жаровней, съ обуглившимися краями, такой крѣпкій и жилистый, что, когда жуешь сверху сгорѣвшіе, а внутри сырые куски мяса, то болятъ виски, и приходится, изъ любезности къ угощающимъ, глотать ихъ цѣликомъ.

Впрочемъ, въ это время года на вершину горы св. Давида публика не поднимается — кабачки закрыты; мальчикъ

пастухъ пасетъ стадо барановъ съ большими завитыми рогами, длинною шерстью, взбирающихся на выступы, совершенно отвѣсные, на такомъ узкомъ карнизѣ, что даже ему негдѣ поставить ноги прямо, и онъ стоитъ такъ, что переднія и заднія сходятся въ одной точкѣ, образуя треугольникъ, потомъ прыгнетъ — кажется, что сорвался — и, напрягая тонкія переднія ноги, взбирается на мѣсто, гдѣ пошире. Сзади, надъ плато вершины, только одна гора выше и уже такая, что даже довольно высоко проходящія тучи задѣваютъ за нее, оставляя куски свои на уступахъ, дымящихся, какъ сырой костеръ.

Эту дымящуюся гору сперва и увидѣлъ Вершининъ, выйдя изъ станціи фуникулера, а когда обернулся лицомъ на западъ, то вдругъ почувствовалъ себя тѣмъ семилѣтнимъ ребенкомъ, котораго больше тридцати лѣтъ назадъ взяли смотрѣть панораму русско-турецкой войны. Какъ тогда онъ не зналъ, грезитъ или видитъ наяву, какъ тогда, ребенкомъ, у него закружилась голова отъ ощущенія необъятнаго простора, высоты и необычайности увидѣннаго, такъ и теперь, сѣдой и сорокалѣтній, онъ стоялъ и не понималъ: правда ли то, что онъ видитъ? Не обманъ ли это зрѣнія?

Прямо громадная котловина съ полого подымающимися боками, покрытыми молодой, изумруднаго цвѣта травой; дальше — синія горы съ горностаево-бѣлыми полями снѣга, а еще дальше цѣпь снѣговыхъ вершинъ. Марены ихъ ледниковъ казались гигантскими лапами шкуры бѣлаго медвѣдя, постланной сверху; одна изъ вершинъ походила на его голову съ толстой шеей и острой мордой, поднятой къ небу; другія поднимались сахарными конусами въ голубой сводъ и слегка розовѣли.

Вершининъ стоялъ одинъ; молчаніе горъ захватило его, и все стихло въ душѣ, подчиняясь покою, безмолвію.

Съ чѣмъ сравнить такія переживанія? Какъ передать ихъ? Плачемъ Руссо на вершинахъ Савойскихъ альпъ? Стихами Лермонтова?

Вершининъ вспомнилъ сонъ, приснившійся ему въ тюрьмѣ: рѣшетчатое съ толстыми желѣзными прутьями окно, помѣщенное подъ потолкомъ камеры; луна, поблѣднѣвшая отъ мороза, словно шаръ висѣвшая почти надъ крышей, бѣлой отъ снѣга; громадная, мертвая, льдомъ скованная рѣка, и онъ, лежащій на желѣзной койкѣ, привинченной къ стѣнѣ. Все такъ же безмолвно, какъ здѣсь; вдругъ онъ, какъ въ дѣтствѣ, чувствуетъ, что сейчасъ полетитъ; тихо, босыми ногами, встаетъ на черный асфальтовый полъ, съ рѣзкими полосами тѣней

желѣзной рѣшетки, подходитъ круто къ срѣзанному подоконнику, чувствуетъ, что все тѣло его наполняется какимъ-то эѳиромъ, подымающимъ его къ окну, проносящимъ сквозь прутья рѣшетки — и полетъ начинается все выше и выше, прямо къ звѣздамъ. Уже сверху онъ видитъ и тюрьму, освѣщенную луной, покрытую снѣгомъ, рѣку, скованную льдомъ, блестящую иглу шпица Петропавловской крѣпости, весь мертвый городъ, надъ которымъ онъ одинъ живой паритъ и смотритъ съ великой презрительной жалостью...

Недѣли двѣ спустя, Вершининъ пошелъ пѣшкомъ въ Мцхету по Военно-Грузинской дорогѣ. Сейчасъ же за городомъ кончилась власть трамвая; еще верста-другая, и можно идти, если хочешь, босикомъ, если хочешь — въ шкурѣ барана, шерстью вверхъ, какъ ходятъ чабаны.

Въ началѣ шоссе громадный крестъ на гранитномъ постаментѣ, съ почти стертыми надписями когда-то золотыхъ буквъ. Насилу можно разобрать, что на этомъ мѣстѣ въ 1830 году какая-то очень высокая особа была чудесно спасена отъ какого-то несчастнаго случая. Крестъ стоитъ на поворотѣ; немного глубже и сзади — желтое, странно яркое, словно праздничное платье деревенской щеголихи, зданіе табачной фабрики, имя владѣльца которой — Эмфиаджіанцъ — почему-то напомнило Вершинину романъ Андрея Бѣлаго „Петербургъ". За поворотомъ, съ одной стороны шоссе, Кура, съ другой — начинающееся предгорье. Еще верста, и послѣдній слѣдъ города: гостиница съ номерами, стоящая на голомъ мѣстѣ, не окруженная даже палисадникомъ. У гостиницы нѣсколько паръ конныхъ фаэтоновъ, къ ней и изъ нея на извозчикахъ и въ автомобиляхъ ѣдутъ мужчины съ женщинами. Но это уже послѣдній отбросъ города, въ родѣ свалки нечистотъ, за которой начинаются чистыя поля, лѣса, горы.

Здѣсь только горы и Кура, желтая, мутная, съ плескомъ, шумомъ, водоворотами несущая свои воды, пухнущія отъ талаго снѣга. На берегу какой-то сарай, съ черепичной красной крышей, около сарая какіе-то толстые, вбитые въ землю колья съ поперечинами; около кольевъ на землѣ человѣка три возятся надъ громадной черной тушей, издающей глухое мычанье.

„Что это? — подумалъ Вершининъ. — Неужели бойня? — и онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, желая обойти группу людей, копошащихся надъ черной тушей. — Но вѣдь

не можетъ же быть, чтобы скотину рѣзали у края проѣзжей дороги, — опять подумалъ онъ и, преодолѣвая чувство отвращенія и боязнь крови, мученій и смерти, подошелъ къ людямъ и сейчасъ же успокоился — сарай оказался кузницей, колья, вбитые въ землю, станкомъ для ковки, а черная туша, лежащая на землѣ, не лошадью, а буйволомъ. Громадное животное лежало на боку, ноги связаны по двѣ, задраны вверхъ и привязаны къ толстому шесту, продѣтому такъ, какъ продѣваютъ палку, чтобы нести на ней. Морда обмотана толстой веревкой около носа; отсюда веревка шла къ рогу, зацѣплялась за него и прикручивала голову, почти ломая шею, къ ребрамъ. Глаза буйвола налились кровью и страшно блестѣли, онъ дышалъ коротко, съ хрипомъ, но не могъ сдѣлать ни одного движенія.

Кузнецъ посмотрѣлъ на вытянутое, любопытствующее лицо Вершинина, засмѣялся его слишкомъ видимому испугу и сказалъ:

— Куетъ, иначе нельзя! Большой корова!

Ковали гладкой подковой, и подковать, не сваливъ и не связавъ могучее животное, дѣйствительно было нельзя.

„Почему, — подумалъ Вершининъ, — ни одинъ художникъ не написалъ вотъ этой картины ковки? Сколько силы въ связанномъ и поваленномъ буйволѣ, сколько вниманія и напряженія въ рукѣ кузнеца, на его лицѣ, на лицахъ хозяевъ арбы, стоящей здѣсь же на нелѣпыхъ огромныхъ колесахъ, уткнувшись въ землю дышломъ, сдѣланнымъ изъ цѣлаго дерева“.

Другой буйволъ лежалъ спокойно, отрыгивая жвачку.

А какой фонъ! Рѣка, съ одной стороны шоссе, подымающееся предгорье и замыкающія горизонтъ синія горы съ бѣлыми вершинами.

Онъ никогда раньше и въ Швейцаріи даже не видалъ такого богатства, мощности, разнообразія тоновъ, оттѣнковъ красокъ. Всѣ переливы, всѣ контрасты и все, сведенное къ господству немного суровой синевы, переходящей въ фіолетовый цвѣтъ съ красными прослойками доломитовъ, желтыми известняка, пестрыми гнейса!

Трехъ верстъ не прошелъ Вершининъ, какъ увидѣлъ сады, спускающіеся къ рѣкѣ. Стоялъ мартъ — начало кавказской весны, уже одѣвающей деревья молодымъ, нѣжнымъ, какъ пухъ цыплятъ, листомъ.

Но не зелень деревьевъ останавливала его взглядъ, а цвѣты алыги и персиковъ.

Необыкновенное цвѣтеніе! Все дерево, прямо по сучьямъ, усажено бѣлыми, чуть розоватыми цвѣтами. Нѣтъ ни одного листа, только цвѣты; они неподвижные, немного восковые, словно цвѣты, положенные на гробъ.

Онъ долго шелъ вдоль такихъ садовъ съ неподвижными неправдоподобными деревьями безъ листьевъ, съ сучьями сплошь усаженными какъ бы искусственными цвѣтами. По дорогѣ встрѣчались арбы, фуры, запряженныя пятью, иногда шестью лошадьми, маленькими, но горячими, тянувшими изъ всѣхъ силъ страшно нагруженную повозку; на тюкахъ сидѣли и лежали то солдаты, то казаки; картинно, какъ описываютъ въ кавказскихъ повѣстяхъ и разсказахъ, проѣзжали стражники въ черкескахъ, громадныхъ папахахъ, съ винтовками за плечами.

Но лучше, когда никого нѣтъ: идешь одинъ, въ головѣ то образы прошлаго, то все еще безпокоящія мечты о будущемъ; только о томъ, что сейчасъ, что есть, не думаешь, такъ какъ что о немъ думать, у кого оно похоже на то, на что когда-то надѣялся?

Вершининъ перешелъ каменный крѣпкій мостъ; шоссе огибало горный массивъ, навалившійся на него всѣмъ брюхомъ, словно гора хотѣла спихнуть дорогу въ рѣку, но дорога шла упорно прямо, проложенная по чертежной линейкѣ, вывѣренная по нивелиру. За поворотомъ шоссе заблестѣли рельсы, и два пути, каменный и желѣзный, пошли параллельно.

Желѣзная дорога въ горахъ имѣетъ совсѣмъ особенную, свою физіономію; здѣсь она, дѣйствительно, „торжество человѣческаго разума“, то могущество духа, которое еще Горація заставило сказать: „Nil mortalibus arduum est“. По ней и ѣздить-то страшно, такъ высоко идетъ она, такъ нагибаются на сторону вагоны надъ самою пропастью. А каково ее строить, взбираться на высоту семи-восьми тысячъ футовъ?

Среди хаоса нагроможденныхъ скалъ ея линія идетъ двумя параллельными полосками съ абсолютной непрерывностью по абсолютной плоскости, и на протяженіи тысячи верстъ нѣтъ ни одного вершка, невыровненнаго рукой человѣка! Все закрѣплено, все точно, любая кривизна имѣетъ свое уравненіе, и вся она похожа на гигантскій чертежъ, сдѣланный не на бумагѣ, а на землѣ, на горѣ, вотъ на этомъ откосѣ, словно валъ крѣпости, спускающійся къ рѣкѣ...

Мцхета!

Желѣзнодорожная станція маленькая; на ней поѣзда едва-едва пріостанавливаются, паровозъ переведетъ духъ, и снова, послѣ минутнаго лязга желѣза, свистковъ и звонковъ, тишина, покинутость; начальникъ идетъ спать, телеграфистъ читаетъ романъ, дымя папиросой, буфетчикъ подаетъ чай — пятый или шестой чайникъ кипятку — проѣзжему священнику, дожидающему какого-то необычайнаго поѣзда, проходящаго разъ въ сутки.

Вершининъ выпилъ чаю въ залѣ I и II класса, гдѣ посерединѣ стоящій столъ украшенъ искусственными пальмами и будто бы серебряными ведрами, въ какихъ подаютъ шампанское въ шикарныхъ ресторанахъ; въ залѣ почти никого; онъ посидѣлъ, отдохнулъ и вышелъ. Не хотѣлось спрашивать дорогу, и онъ шелъ, вспоминая описаніе мѣстности, сдѣланное Мишей, даже нарисовавшаго ему планъ, на которомъ не былъ обозначенъ ни сѣверъ, ни югъ. Начиная отъ станціи, вдоль дороги, около мостовъ стояли солдаты-ополченцы. Черныя рубахи съ красными погонами, фуражки однѣ съ козырьками, другія безкозырки, а то и просто деревенскія шапчонки съ ополченскимъ крестомъ, вытертые, обвислые штаны — все сборное, кое-какъ пригнанное. Корявые, съ нечесанными бородами мужики, или парни съ бѣлыми усами, скуластые, курносые. Только винтовки аккуратныя, съ маленькимъ чернымъ отверстіемъ дула и острымъ штыкомъ. Вершининъ не любилъ вооруженныхъ людей, среди нихъ онъ испытывалъ ощущеніе тревожнаго ожиданія, похожаго на страхъ голаго человѣка при приближеніи собаки, могущей укусить; онъ старался обходить мѣста, гдѣ были разставлены часовые, держался берега рѣки и вѣрно вышелъ къ деревнѣ — когда-то столицѣ грузинскихъ царей...

Маленькіе домишки въ садахъ; видъ бѣдности, старающейся быть чистой, заплатать дыры; на улицѣ — телята, свиньи, куры, ребятишки. Вѣчная, неизмѣнная картина деревенскаго быта здѣсь, — потому что избы каменныя — еще замѣтнѣе.

Какъ-то неожиданно, совсѣмъ не въ связи съ окружающимъ, Вершининъ вышелъ на площадь противъ бѣлой высокой стѣны съ башенками, бойницами; мѣстами штукатурка облупилась, змѣились трещины, и кирпичъ зіялъ кровавою раной. Старинная восточная кладка кирпича, да и самъ онъ совсѣмъ не такой, какъ нашъ: широкій и тонкій; одинъ рядъ кирпичей ставится на ребро, на него, плашмя, съ прослойкой

цемента между каждымъ, кладется другой, слѣдующій рядъ опять на ребро, какъ книги на полкѣ — однѣ корешками наружу, другія сверху, плашмя на нихъ. Такая кладка не поддается дѣйствію буквально тысячелѣтій, и на Кавказѣ повсюду встрѣчаешь развалины зданій, башенъ, построенныхъ изъ камня съ почти цѣлыми фундаментами, сложенными изъ кирпичей.

За такой, девятьсотъ лѣтъ простоявшей, стѣной, Вершининъ увидѣлъ крышу собора, сразу поражавшую гармоніей и простотой линій.

Вокругъ собора кладбище, небольшое, старое до того, что на большинствѣ плитъ надписи стерлись; ни деревца, ни кустика, даже трава едва пробивается между камнемъ. Тишина покинутаго храма... и кажется, что соблюдать ее велитъ тысячелѣтній соборъ, самъ возносящійся къ небу въ совершенномъ покоѣ совершеннѣйшихъ линій. Стѣны собора выложены изъ гладкихъ плитъ камня, такъ плотно пригнанныхъ, что незамѣтно шва, и вся громадная стѣна подымается единой поверхностью, кое-гдѣ пожелтѣвшей, какъ старая слоновая кость, кое-гдѣ ставшей зеленой, какъ мраморъ, а мѣстами розовая, какъ яшма — это время, бури и солнце такъ расцвѣтили ее. Едва замѣтное кружево восточной орнаментики по карнизу; порталъ, немного больше украшенный, но, какъ въ храмахъ V и VI вѣковъ, видѣнныхъ Вершининымъ въ Пуату, лежащій ниже уровня почвы.

Пришелъ дьяконъ, въ короткомъ старенькомъ подрясникѣ; сѣдая голова, вьющаяся, небольшая съ сильной просѣдью на черномъ волосѣ борода, живые каріе большіе глаза. Онъ открылъ дверь собора музейно-громаднымъ ключемъ; потянуло сыростью, холодомъ, и ихъ шаги звонко раздались подъ сводами. Суровая бѣдность внутри собора. Небогатъ и тронъ грузинскихъ царей; тѣла ихъ погребены здѣсь же, надъ ними простые каменные саркофаги; начиная съ конца XVIII ст., надписи на мѣдныхъ доскахъ сдѣланы и по-русски. Все Багграты, и почти на каждой плитѣ: убитъ при штурмѣ такого-то укрѣпленія; палъ въ бою съ горцами; погибъ въ сраженіи съ турками.

Слѣды этихъ боевъ видны на стѣнахъ, на украшеніяхъ, на иконахъ собора: турецкій ятаганъ отрубилъ руку изображенію святого, персидская сабля раздвоила полотно живописи, изрубила столбы иконостаса.

Русскіе подновляли соборъ: выкрасили стѣны синей

охрой, которую деревенскій богомазъ той мѣстности, гдѣ выросъ ребенкомъ Вершининъ, называлъ „божественно-іерусалимскою“, густо мажа ею внутреннюю сторону куполовъ для приданія имъ сходства съ небомъ. Потомъ эту охру скоблили, чтобы открыть средневѣковую живопись собора, но не могли отскоблить всю, и стѣны около алтаря словно въ проказѣ покрыты линялыми синими пятнами, изъ-подъ которыхъ проступаютъ то ноги, то руки, то головы замазанныхъ охрой фигуръ.

— А это церковь св. Нины, — сказалъ дьяконъ, подводя его къ маленькой, словно модель, церковкѣ, приткнувшейся къ стѣнѣ собора, занимающей не больше девяти квадратныхъ аршинъ пола и въ вышину, до самаго надглавнаго креста, сажени двѣ. — Здѣсь она и жила, здѣсь и молилась, а потомъ цари грузинскіе построили этотъ соборъ.

Дверь въ церковь св. Нины такая низкая и узкая, что пройти въ нее можно только согнувшись; окна еще уже; все сдѣлано такъ, чтобы убить плоть, заставить ее смириться, поставивъ голыми колѣнями на сырой, холодный каменный полъ, лишивъ свѣта, не давая поднять голову, чтобы не видѣть красоты неба, не соблазниться ею.

Сильна должна быть плоть у подвижниковъ, разъ ее надо укрощать и вязать такими же толстыми веревками, въѣдающимися въ тѣло, какими вязали буйвола во время ковки!

Сильна плоть, но силенъ и духъ этой долженъ быть, маленькой, измученной, съ горящими глазами женщины!

Рядомъ съ ея церковью купель, гдѣ она крестила царя Вихтинги, перваго царя Грузіи, принявшаго христіанство. Простая, въ грубомъ камнѣ выдолбленная чаша, стоящая прямо на землѣ.

Больше нечего было смотрѣть въ соборѣ, пустомъ, заброшенномъ, не имѣвшемъ ни одной драгоцѣнности; но выйдя изъ него, Вершининъ долго сидѣлъ на могильной плитѣ, не отрываясь, смотрѣлъ на камень, такъ высоко поднятый и такъ гармонично уложенный. Навѣрно, его архитекторъ, его рабочіе чувствовали себя счастливыми и, втаскивая тяжелыя плиты, не замѣчали, какъ онѣ рѣзали имъ плечи.

Кромѣ собора, никакихъ слѣдовъ столицы грузинскихъ царей въ деревнѣ нѣтъ. Онъ пошелъ по ея улицамъ, и одна изъ нихъ привела его къ рѣкѣ, къ Арагвѣ, сливающейся съ Курой.

Мѣсто, воспѣтое Лермонтовымъ! Широкое, сплошь мелкимъ булыжникомъ и валунами усѣянное русло рѣки; настоящее каменное ложе; рѣка прорыла нѣсколько то узкихъ, то пошире притоковъ; она шумитъ, будто гдѣ-то недалеко мельница, пѣнится и вливается въ Куру своею, по цвѣту отдѣльной полосой.

На разливѣ, по колѣно въ водѣ, стоялъ буйволъ, съ морды капала вода, могучая голова съ сзади напередъ торчащими рогами не шевелилась.

Немного выше рѣку переходилъ въ бродъ обозъ арбъ; однѣ еще были въ водѣ, другія выбирались на ту сторону, медленно вползая на крутизну. Солнце свѣтило вдоль рѣки, вытекающей изъ ущелья, и лучи его доходили до буйвола, дѣлая его огненнымъ.

На той сторонѣ берегъ быстро и круто поднимался, переходя въ горы, замыкавшія горизонтъ; на самой вершинѣ, видная на фонѣ неба въ малѣйшихъ изгибахъ контура, высилась башня Джеварисъ-Сакдари — Семи Стариковъ.

Наглядѣвшись на рѣку, горы и башни, Вершининъ шелъ обратно по селу къ станціи; его провожали любопытные, почти испуганные взгляды дѣтей и женщинъ. Немного не доходя соборной площади, онъ услыхалъ злобный крикъ и плачъ ребенка, увидѣлъ нѣсколько женщинъ, изъ которыхъ одна, совсѣмъ молодая, стояла на колѣняхъ и смотрѣла на него, болѣзненно искрививъ брови, отталкивая отъ себя рукой мальчика лѣтъ пяти съ курчавой, черной головой; мальчикъ, злобно захлебываясь, плакалъ, кричалъ, топалъ ноженками, теребилъ за грудь женщину, стоявшую на колѣняхъ. Наконецъ, ему удалось разстегнуть кофточку — онъ схватилъ вышедшую наружу полную бѣлую грудь, припалъ къ ней, началъ сосать жадно, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, а женщина, не обращая вниманія на него, все тѣмъ же изумленнымъ, болѣзненнымъ взглядомъ провожала Вершинина...

По дорогѣ къ станціи проходили солдаты, неся котелки съ кашей, короваи чернаго хлѣба подъ мышкой; изрѣдка проносился автомобиль, подымая пыль, густую и нерасходящуюся, какъ дымъ на пожарѣ. Проѣхала старомодная плетушка, въ ея корзинѣ, качаясь на гнущихся старыхъ грядкахъ, сидѣлъ запыленный священникъ съ большимъ зонтикомъ между ногъ. Линейка, тоже моды сороковыхъ годовъ, на которой въ провинціальныхъ городахъ отвозятъ съ вокзаловъ дачниковъ, возвращалась со станціи. На такихъ линей-

кахъ сидятъ спиной другъ къ другу, на нихъ одна рессора, лежащая поперекъ сзади; кожа крыльевъ страшно облуплена, а изъ дыръ потертой, когда-то синей обивки подушекъ торчитъ мочала. По мощеной дорогѣ такая линейка долго ѣхать не можетъ, такъ она ветха, слаба и такъ ее трясетъ; ея возница, обыкновенно мужикъ, кажущійся здоровѣе обѣихъ клячъ, запряженныхъ въ экипажъ, сворачиваетъ съ камня шоссе на грунтъ поля, все время стегая, дергая и понукая лошадей. Когда ѣдешь по камню, линейка такъ дребезжитъ, что надо кричать на ухо сосѣду, чтобы услышать, а когда сворачиваешь, или попадаешь въ выбоины, что случается постоянно, то судорожно хватаешься за кучера, за изорванную обивку подушекъ, за что попало, чтобы не выпасть.

Вершининъ, какъ на старушку, вышедшую погулять, посмотрѣлъ на линейку; на ней сидѣли три подпрыгивающія женщины и одинъ мужчина, — дачники, перебирающіеся въ поселокъ, что недалеко отъ Мцхеты. Женщина постарше — видимо, мать двухъ другихъ — ѣхала съ лицомъ, на которомъ было написано: „всю жизнь страдала и буду страдать; пытайте — я все вынесу“. Молодыя, дочери, увидѣвъ Вершинина, хотѣли что-то сказать одна другой, наклонились, ихъ мотнуло, онѣ чуть не стукнулись лбами, махнули рукой, замолчали, конфузливо улыбаясь. Мужчина, еще молодой, сидѣлъ, сгорбившись, весь уйдя въ воротникъ выцвѣтшаго пальто; шею онъ повязалъ кашне, налѣзавшимъ ему на затылокъ, лицо у него было сѣрое, чахоточное...

Поѣзда обратно не было; Вершинину сказали, что и не будетъ до глубокой ночи — къ Батуму шли одинъ за другимъ воинскіе поѣзда, а всѣ встрѣчные задерживались, давая имъ дорогу. На платформѣ, благодаря перерыву движенія, стало оживленнѣе: собралось человѣкъ двадцать, хотящихъ ѣхать въ Тифлисъ; кто сидѣлъ въ залѣ, кто гулялъ по линіи, чтобы поглядѣть на санитарный поѣздъ, стоящій на запасныхъ путяхъ. На крышахъ вагоновъ краснѣлъ крестъ, густо нарисованный краской; солдаты-санитары сидѣли на площадкахъ, лѣниво куря; сестра милосердія играла на рельсахъ съ двумя собаками, прыгавшими вокругъ нея; высокій, худой и старый военный докторъ прогуливался съ другой сестрой, принаряженной, полной, въ желтыхъ туфляхъ съ громадными каблуками.

Откуда-то, казалось, сверху, слышался колоколъ, звонившій къ вечернѣ; звукъ былъ жидкій, немного, но пріятно,

надтреснутый; Вершининъ прошелъ вдоль санитарнаго поѣзда и на откосѣ увидѣлъ дорожку, уходящую вверхъ. Онъ пошелъ по ней и чѣмъ выше взбирался, тѣмъ слышнѣе звонилъ колоколъ. Слѣва отъ дорожки тянулся заборъ сада, раздавались дѣтскіе голоса: гимназистъ и двѣ дѣвочки съ заплетенными косами, чистенькія и свѣжія, бѣгали по саду, собирали цвѣты, перекликались. Садъ густо заросъ яблонями, вишнями, смородиновыми и другими кустами. Всѣ деревья покрылись цвѣтами. Чуть виднѣлись окна дачи, ея русской рѣзьбой и конькомъ украшенная крыша.

„Кто это такъ хорошо поселился?“ — подумалъ Вершининъ и почти тотчасъ же услышалъ полный, довольный, начальственный голосъ, спокойно, но такъ громко говорившій, что вездѣ было слышно:

— Дѣти, домой! Довольно гулять!

Приказывалъ мужчина лѣтъ за сорокъ, свѣжій, будто только что вышедшій отъ парикмахера, брови у него, что называется соболиныя, глаза большіе, выпуклые, бакенбарды прямо роскошныя, такія пышныя и черныя. Полное, даже чуть съ брюшкомъ, тѣло облекала необычайной бѣлизны форменная тужурка, брюки съ кантомъ не скрывали, а показывали здоровенный задъ, жирныя ляжки.

— Домой, я сказалъ! — повторилъ мужчина, и снизу донеслось дѣтское, покорное:

— Сейчасъ, папочка!

На Вершинина онъ посмотрѣлъ очень строго, словно спрашивая робкаго просителя:

— Что? По какому дѣлу?

Выше сада и дома дорожка суживалась, превращалась въ тропинку, черезъ нее, словно страшно надутыя жилы, перебѣгали корни, она становилась все круче и круче, подходила къ самому краю, извивалась, и вдругъ, на поворотѣ, Вершининъ уже далеко внизу увидѣлъ уменьшенную станцію, рельсы, санитарный поѣздъ съ красными крестами на крышахъ вагоновъ. Дальше поднималась крыша собора, на ней вышка колокольни, съ тускло-бѣлыми листами жести, за нимъ долина Арагвы и та замыкающая горизонтъ возвышенность, на которой стоитъ башня Семи Стариковъ, вся видная на фонѣ неба, кажущаяся темно-красной въ лучахъ уже опускавшагося солнца.

И опять ощущеніе полета охватило Вершинина...

Онъ стоялъ, смотрѣлъ... Заставилъ его очнуться коло-

колъ, звонившій гдѣ-то совсѣмъ недалеко, но все еще выше. Та же тропинка, опять ставшая пошире, повела его; зашумѣла вода: ключъ, надъ нимъ бѣлый большой крестъ съ хорошо нарисованнымъ блестящими лаковыми красками католическимъ Распятіемъ: низко склоненная голова въ терновомъ съ большими шипами вѣнцѣ, алая кровь, льющаяся изъ зіяющей раны въ боку. Ключъ чистый, обильный, бьющій съ силой и смѣлостью, одинъ живой, лепечущій что-то быстро-быстро среди безмолвія камня. Кругомъ ключа росли фіалки, первыя, весеннія, сплошнымъ чуть фіолетовымъ ковромъ покрывая землю. Онѣ пахли такъ сильно, какъ будто бы разбился флаконъ съ духами, и они облили и платье, и руки. Весь уголокъ около родника расцвѣлъ необыкновенно богато: по стволамъ деревьевъ вился темный плющъ, кусты шиповника, какія-то неизвѣстныя Вершинину деревья юга съ лоснящейся сѣрой корой, собирающейся въ складки около сучьевъ, словно кожа слона; слива, орѣшникъ — все одѣвающееся въ зеленыя платья, все перевитое дикимъ виноградомъ, сочное, обильное, плодоносное...

Еще нѣсколько шаговъ вверхъ, и Вершининъ увидѣлъ маленькую, бѣлую церковку, колоколъ которой привелъ его сюда. Надъ дверьми, открытыми настежь, чугунное, черное, опять католическое Распятіе. Около церкви сидѣла на корточкахъ послушница, бравшая изъ жаровни уголь въ кадильницу; набравъ углей, она встала, насыпала ладону, и синій пахучій дымъ густыми клубами медленно расходился между деревьями.

Человѣкъ десять старыхъ ополченскихъ солдатъ тѣснились у входа; они развѣсили фуражки по сучьямъ, и красные околышки казались колечками, повѣшенными дѣтьми для украшенія.

— Войдите, — сказалъ одинъ изъ нихъ Вершинину, — здѣсь по-русски служатъ.

Онъ вошелъ, и ему показалось игрушечнымъ: маленькая плащаница подъ стекломъ, маленькія хоругви около маленькаго иконостаса. Наверху была галлерейка, оттуда неслось пѣніе пѣвчихъ. Солдаты, какъ всѣ крестьяне, молились истово, вздыхая, съ полной увѣренностью въ томъ, что находятся въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ. Чтобы такъ молиться, надо быть необычайно высокаго мнѣнія о себѣ, быть увѣреннымъ въ томъ, что Богу очень интересно и важно позаботиться о хорошемъ урожаѣ въ Саратовской или Пензен-

ской губерніи, о торговомъ, служебномъ или иномъ благополучіи Ивана Панкратова, Василія Солуянова.

Кто такъ запросто и съ такими просьбами обращается къ безконечно высшему существу, у того небольшая мѣра для него и непропорціонально великая для себя.

Смотря, какъ крестились и кланялись мужики-ополченцы, Вершининъ не чувствовалъ ни умиленія, ни былой жалости къ нимъ — больно ужъ круто разошлись ихъ умы, слишкомъ много ими и имъ содѣяннаго раздѣляло ихъ. Онъ зналъ, что его мысли, его взгляды, желанія, чувствованія у нихъ вызвали бы озлобленіе, ощущеніе почти поганости, испытываемое нетронутымъ русскимъ ко всему чужому, иностранному.

Онъ тысячу разъ, поживъ въ Европѣ, въ недоумѣніи спрашивалъ себя: „Кто выдумалъ легенду о безнаціональности русскаго народа? Кто первый сталъ увѣрять и какъ другіе повѣрили будто бы русскій необыкновенно легко — легче, чѣмъ всѣ другіе — перевоплощается въ француза, англичанина, кажется, даже индуса!? Когда, въ чемъ выразилъ народъ русскій свою международную душу? Всѣ великіе мастера русскаго слова, всѣ большіе писатели — а только они и даютъ содержаніе народной души — глубоко-національны: Пушкинъ, Толстой, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій.

Чувствуя, что его настроеніе все дальше и дальше уводитъ его изъ церкви, не желая такимъ чужимъ стоять рядомъ съ ополченцами, какъ бы обманывая ихъ, поддѣлываясь подъ нихъ, онъ вышелъ, сталъ спускаться съ горы, на самой вершинѣ которой стоялъ военный постъ; его солдаты и пришли помолиться въ церковку.

Придя на станцію, онъ снова услышалъ, что поѣзда въ Тифлисъ нѣтъ и не скоро будетъ. Вершининъ рѣшилъ сходить въ Самтаврскій женскій монастырь; съ его настоятельницей онъ познакомился на похоронахъ Акакія Церетели. Они долго стояли на площадкѣ церкви св. Давида, говоря о войнѣ, о Грузіи, о Россіи. Похороны кончились поздно, стемнѣло, внизу, въ городѣ, зажигались безчисленные огни; настоятельница, еще одна высокая, худая княгиня-грузинка, бѣдная до необходимости давать и въ старости уроки, Миша и онъ не расходились. Хотѣлось такъ постоять, вѣдь не часто бываетъ и такая обстановка, и такая весенняя ночь, и то, что чужіе, до сихъ поръ не знавшіе его люди, говорили съ нимъ искренно, ничего не тая, жалуясь по-женски тихо и горько... Вершинина не отталкивало и то, что бывшая кня-

гиня, феодальная владѣтельница, еще имѣвшая настоящихъ рабовъ, сдѣлалась настоятельницей монастыря. Какой это монастырь! Нѣтъ, настоящій: въ немъ двадцать монахинь, женщинъ, боящихся міра, или выкинутыхъ имъ, воспитывали тридцать-сорокъ дѣвочекъ-сиротъ. Воспитывали, учили, пахали, сажали овощи въ огородѣ, яблони и сливы въ саду. Жили трудомъ рукъ своихъ, молились Богу, больше всего, напуганныя и боящіяся, прося о пощадѣ, прощеніи и милости...

Когда онъ пришелъ въ маленькій монастырь, всенощная кончилась, монахини и дѣвочки ушли въ трапезную; никого не было на дворѣ, только ласточки носились такъ низко по землѣ и такъ близко налетали на него, что хотѣлось посторониться — какъ бы не столкнуться. Скворцы свистѣли, кричали, то вдругъ взлетая всей стаей, то шумно усаживаясь на деревьяхъ, стоящихъ въ цвѣту. А кругомъ горы.

Онъ сѣлъ на крылечкѣ одной изъ службъ. Къ нему подошелъ старикъ, сгорбленный, сѣдой до желтизны, и спросилъ: что ему надо? Выслушавъ, присѣлъ рядомъ и разсказалъ, что онъ бывшій садовникъ теперь сторожъ; отъ кого могъ сторожить этотъ согбенный полуслѣпой старикъ? — Онъ и самъ понималъ, что ни отъ кого, и потому прибавилъ:

— Такъ, для примѣру, что сторожъ, а по правдѣ такъ пожелала княгинюшка, и какъ съ желѣзной дороги, лѣтъ двадцать назадъ погнали, такъ и сказала: живи тутъ, можетъ, что и поможешь. Сначала я садовничалъ, а теперь не вижу, ну, такъ и живу; желѣзная дорога два рубля въ мѣсяцъ пансіону платитъ.

Вершинину захотѣлось попытать счастья — поразспросить старика, живущаго здѣсь десятилѣтія, что за церковь построена на горѣ.

Ему повезло, старикъ оживился, зашамкалъ и началъ:

— Церковка-то, Ольгинъ-скитъ она называется — а почему?

Онъ посмотрѣлъ на Вершинина слезящими глазами помолчалъ, но видя, что молчитъ и Вершининъ, снова заговорилъ:

— Барыня, что ее строила, Ольгой прозывалась, такъ по ей и скитъ Ольгинымъ стали звать.

— Да зачѣмъ она скитъ-то строила?

— Зачѣмъ церкви строятъ? Грѣхи замолить, Бога умилостивить!

— Что же, грѣшница она была большая?

— Большая, большая, — убѣжденно сказалъ старикъ. — Перво, что за поляка замужъ пошла, вѣрѣ своей измѣнила, а потомъ тутъ съ горы бросалась, жизни себя хотѣла рѣшить.

Старикъ былъ твердо убѣжденъ, что жить надо при всякихъ обстоятельствахъ, и о томъ, что барыня покушалась на самоубійство, сказалъ даже съ нѣкоторымъ омерзѣніемъ, но, найдя слушателя, продолжалъ разсказывать.

Дѣло было вотъ въ чемъ: когда здѣсь англичане строили желѣзную дорогу въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ — онъ служилъ сторожемъ при конторѣ; о томъ, что и онъ былъ тогда молодъ и что его любили дѣвки, старикъ не упустилъ упомянуть. Служилъ онъ у русскаго инженера Миронова, вдоваго, у котораго была дочь — Ольга, потомъ пріѣхалъ инженеръ, англичанинъ, „молодой еще и собой видный, только голова была сѣдая". Ну и было то, что всегда бываетъ и будетъ; Ольга влюбилась въ пріѣхавшаго инженера, а онъ въ Ольгу. Трехъ мѣсяцевъ не прошло, какъ они ужъ и поженились. „Хорошо жили, смотрѣть было весело". Служилъ на постройкѣ по счетной части, а больше для надзора за писцами, да и за другими, „господинъ Савельевъ". Старикъ такъ и сказалъ: „господинъ Савельевъ", хотя самъ же и добавилъ; „только онъ вовсе не изъ господъ былъ, а въ Польшѣ раньше жандармъ служилъ, не молодой уже, лѣтамъ къ пятидесяти, толстый, вина много пилъ, лысый. Мало и въ конторѣ бывалъ, все больше либо въ духанѣ у армянина сидитъ, либо по линіи ходитъ, глядитъ и слушаетъ; его къ работѣ не вынуждали, рады даже были, что онъ не сидѣлъ. Разъ какъ-то зашелъ въ комнату, гдѣ онъ занимался, барышни Мироновой мужъ — не упомню фамилію, бытто бы Колисовъ.

— Должно быть, Коллинсъ, — поправилъ Вершининъ.

— Може и такъ, — недовольно отвѣтилъ старикъ, — да, вышелъ онъ, а Савельевъ такъ на него и уставился и все смотритъ, все смотритъ; онъ, положимъ, на всякаго такъ смотрѣлъ, словно иголку искалъ, все осмотритъ; ему и конторскіе говорили: „Что это вы, г-нъ Савельевъ, такъ на насъ смотрите, будто, что мы украли?" А Савельевъ-то: „Украсть, говоритъ, всякій можетъ, всѣ воры, это еще ничего, а похуже воровства дѣла есть". — Скажетъ это и замолчитъ, а потомъ плюнетъ: — „Ну, васъ всѣхъ къ шуту, никакого съ вами и дѣла не сдѣлаешь", — пойдетъ къ духанщику вино пить. А тутъ, то-исть, какъ Колисова, мужа-то барышни, увидѣлъ, такъ и затрясся.

Тотъ на него тоже уставился, конторщики сказывали, поблѣднѣлъ, только глаза одни живые.

Старикъ тягуче, подробно передавалъ, какъ Савельевъ заподозрилъ въ Коллинсѣ поляка-эмигранта, участника 1864 г., начальника отряда, взявшаго въ плѣнъ и Савельева, и еще нѣсколькихъ жандармовъ, изъ которыхъ кое-кого повѣсили. Савельевъ взялся за дѣло удостовѣренія личности Коллинса съ выдержкой, потихонько; прошло чуть ли не полгода, пока онъ собралъ всѣ нужныя ему свѣдѣнія; и, только собравъ ихъ, онъ явился къ заподозрѣнному; что между ними произошло, осталось неизвѣстно въ точности, но Савельевъ прямого доноса не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ сразу, а принялся его шантажировать.

— И раньше, — говорилъ старикъ, — все почитай время у духанщика проводилъ, а ужъ какъ съ Колисовымъ познакомился, такъ совсѣмъ закутилъ, распухъ даже отъ вина. Придетъ когда въ контору, сядетъ, стукнетъ кулачищемъ по столу и рявкнетъ: „Всѣхъ васъ въ Сибирь сошлю! Мнѣ ни почемъ, что англичане, всѣхъ сошлю, коли бѣглыхъ бунтовщиковъ, убивцевъ, каторжниковъ держать да укрывать станете“. Всѣ перепугаются: „Что вы, что вы, г. Савельевъ, говорятъ, кого мы укрываемъ? Какихъ каторжниковъ, бунтовщиковъ?! Мы всѣ люди русскіе, православные; а что англичане строятъ, мы тому не виноваты, имъ это позволено!“ Ну, а онъ еще пошумитъ и пойдетъ либо спать, либо вино пить.

По словамъ старика, Савельевъ продолжалъ пить и шумѣть мѣсяца три, всѣ надѣялись, что онъ окончательно сопьется и сгоритъ отъ вина, но здоровый, впившійся въ спиртъ организмъ человѣка едва за сорокъ выдерживалъ безпробудное пьянство.

Его то и дѣло видѣли на крыльцѣ домика Коллинса, куда онъ приходилъ или окончательно пьяный, влекомый инстинктомъ мучительства, или относительно трезвый, очевидно, за деньгами. Видали, какъ жена Коллинса, беременная, выбѣгала на крыльцо и уводила пьянаго, страшнаго мужика въ комнаты, когда тотъ невнятно, заплетающимся языкомъ рычалъ какія-то угрозы и ругательства.

Наступилъ день, когда Савельева нашли съ разбитой головой у подножія „вонъ той горы“ — старикъ показалъ пальцемъ по направленію Ольгина скита. Осмотръ трупа обнаружилъ двѣ пулевыя раны въ области сердца — значитъ, голову разбилъ при паденіи, а раньше кто-то застрѣлилъ его. Ста-

рикъ говорилъ, что убійства были не рѣдкостью на линіи и не стали бы очень доискиваться, кто убилъ, если бъ не то, что Савельевъ былъ раньше жандармомъ и агентомъ; а здѣсь вспомнили его угрозы бунтовщикамъ, вспомнили странные и частые визиты какого-то писца къ инженеру, буйство въ домѣ лица неизмѣримо выше его стоящаго, и слѣдствіе направили такъ, что не сегодня-завтра надо было ожидать ареста Коллинса. Ждать ареста тотъ не сталъ и застрѣлился.

— Что жъ, вы думаете, жена-то сдѣлала? — спросилъ старикъ и самъ отвѣтилъ.

— Побѣжала, какъ была тяжелая, на самый верхъ горы, а тамъ круча прямо внизъ идетъ, да оттуда и прыгнула! Да вотъ поди жъ ты — зацѣпилась за сукъ платьемъ и повисла. За ней почитай, что слѣдомъ бѣжали, видали, какъ и внизъ покатилась; насилу потомъ достали, рабочіе по веревкамъ спускались — думали только косточки соберутъ — нѣтъ, жива осталась.

Старикъ помолчалъ и прибавилъ:

— А младенца-то тутъ же нашли, мертваго, родила, значитъ.

Молчалъ и Вершининъ, онъ на силу, на силу могъ, долго спустя, спросить:

— А скитъ кто же построилъ?

— Да она же и строила, эдакъ черезъ годъ сюда опять пріѣхала; сначала было и не признали: сѣдая, хромая стала. Церковку построила, домикъ себѣ тоже еще повыше, да недолго пожила, кажись и года не будетъ; землю-то ея родственники себѣ взяли, можетъ видѣли дачу тамъ, это ейнаго дяди сынъ владѣетъ.

Опять наступило молчаніе: Вершининъ всталъ, сказалъ: „прощай“ и пошелъ.

Стало быстро темнѣть; съ юга надвигалась темная туча, но между ней и вершинами изъѣденнаго горнаго кряжа, на которомъ была церковь и скитъ, еще свѣтлѣло небо, и на фонѣ его рѣзко вырисовывались неровности контура горъ, словно зубы гигантской челюсти: одни поломанные, старые, другіе острые, торчащіе. Вдоль ущелья, по которому проложена дорога, дулъ сильный холодный вѣтеръ. На станціи горѣли огни. Подошелъ воинскій поѣздъ; солдаты съ чайниками въ рукахъ бросились за кипяткомъ. Едва успѣли набрать, какъ рѣзкій, звенящій рожокъ горниста затрубилъ сборъ. Горнистъ, выпучивъ глаза, надувъ щеки, страшнымъ напряженіемъ всей груди выдувалъ двѣ-три ноты мѣднаго рожка, ко-

торыя, повышаясь и понижаясь безъ всякаго перехода, дико пронизывали воздухъ, вызывали тревогу въ душѣ, заставляли жаться другъ къ другу. Поѣздъ тронулся, солдаты вскакивали на ходу; мелькали платформы, на нихъ повозки съ оглоблями, торчащими вверхъ, прямо въ небо, и такъ же угрожающе въ небо были направлены дула орудій, погруженныхъ по два; понтоны казались чудовищными черными рыбами; лошадиныя морды, выглядывавшія изъ вагоновъ, огни папиросъ красными точками свѣтились въ темнотѣ, невѣрно и мгновенно освѣщая рты и носы курившихъ. И люди, и животныя, и повозки, и пушки, все проносилось съ грохотомъ, лязгомъ, туда въ черную ночь, гдѣ все исчезало; красный огонь сигнальнаго фонаря послѣдняго вагона еще виднѣлся, но и онъ исчезъ вдругъ, словно погасъ. Вершинину показалось, что поѣздъ никогда не проходилъ, а только пригрезился ему.

Антонъ Любимовъ.

ВЪ ГЛУШЬ!

1.

Куда ведетъ — не знаю
Среди лѣсныхъ кустовъ
Безвѣстная тропинка —
Мой проводникъ безъ словъ;

Но я ему довѣрюсь, —
Не все ли мнѣ равно:
Къ невѣдомому тянетъ
Меня уже давно.

Что брошу, — пожалѣю ль?
Да стоитъ ли жалѣть!
Здѣсь одному не страшно,
А страшно — буду пѣть.

Я знаю, эти пѣсни
Прольются изъ души, —
Пусть слушаютъ деревья,
Задумавшись въ глуши.

Пусть слушаютъ ихъ птицы
И людямъ отнесутъ, —
Меня припомнятъ люди,
Сюда же не придутъ!...

2.

Въ свѣтлыхъ зоряхъ вижу радость,
Въ темныхъ тучахъ — грусть, печаль.

Гдѣ найти мнѣ жизни сладость?
Какъ уйти въ нѣмую даль?

Тамъ безъ тучъ и безъ разсвѣта
Проведу остатокъ дней,
Въ созерцаніяхъ поэта,
Въ пѣсняхъ для души своей!...

И. Бѣлоусовъ.

БУБА.

Посвящаю Жиночкѣ Ж.

I. СТРАННЫЯ СЛОВА.

Буба живетъ въ маленькомъ домикѣ съ широкими, почти въ цѣлую стѣну, окнами и высокимъ крылечкомъ. Домикъ стоитъ въ глубинѣ двора, и въ немъ круглый день такія горячія солнечныя пятна на полу — то изъ одного, то изъ другого окна. На улицѣ уже давно нѣтъ дѣда мороза, и Буба часто теперь бѣгаетъ цѣлыми днями въ одной рубашонкѣ, а пухлыми босыми ногами становится на горячія желтыя пятна пола и, смѣясь, отдергиваетъ ногу.

— Тетя Надя, солнышко опять кусаетъ Бубину ногу. Тетя Надя!

Тетя Надя шьетъ у раскрытаго окна. Въ окно лукаво заглядываютъ и трепещутъ въ легкихъ струйкахъ вѣтра изящные листики ползущихъ снаружи вьюнковъ. А тутъ, по окнамъ, важныя банки комнатныхъ цвѣтовъ, за которыя Буба тихонько прячетъ набранные на дворѣ камешки и липкія косточки сушеныхъ абрикосовъ.

Тетя Надя отрываетъ отъ работы голову, смотритъ на Бубу и улыбается.

— Тетя Надя, знаешь, Буба сейчасъ взглянетъ на солнышко, прямо-прямо! Вотъ, смотри!

Буба снова осторожно становится на краешекъ солнечнаго пятна. Затѣмъ, смѣшно изогнувшись толстымъ тѣльцемъ, почти коснувшись головой пола, запрокидываетъ лицо и заглядываетъ снизу вверхъ въ окошко.

Солнечный лучъ падаетъ ей въ лицо. Буба ожесточенно таращитъ глаза, но черезъ моментъ уже крѣпко сжимаетъ ихъ, закрывая толстыми растопыренными пальцами.

— Тетя Надя, солнышко въ глазки попалось... еще... еще... — много маленькихъ солнышекъ!.. та-акъ... поплыли...

Буба широко разводитъ руками, хватаетъ въ горсть воздухъ и раскрываетъ глаза.

Маленькихъ радужныхъ солнышекъ, яркихъ, какъ мыльные пузыри, больше нѣтъ. Только кругомъ стало какъ-то темнѣе, чѣмъ прежде.

— Не надо, Бубяка, глазки испортишь Солнышко не любитъ, когда на него смотрятъ.

— А звѣздочки, тетя Надя?

— На звѣздочки смотрѣть можно, только немножко, а потомъ спать. А то и звѣздочки разсердятся...

Буба подхватываетъ:

— Мѣсяцъ тоже расердится... Послѣзавтра Буба долго-долго смотрѣла изъ кровати на мѣсяцъ, сначала лежала, а потомъ сѣла и все смотрѣла-смотрѣла. А мѣсяцъ расердился и теперь мѣсяца нѣтъ, мѣсяцъ ушелъ... далеко... гдѣ дѣдъ морозъ, тетя Надя, да?

— Да, Бубочка, гдѣ дѣдъ морозъ.

Тетя Надя сложила руки на работѣ и снова улыбается.

Да, Буба внимательная собесѣдница, пожалуй, даже черезчуръ внимательная, и память у нея блестящая, надо сознаться. Только вотъ это трудныя вещи: вчера, позавчера, завтра, послѣзавтра... Но, сами согласитесь, съ ними дѣйствительно очень трудно имѣть дѣло, и, ужъ само-собой, не всякій же разъ тутъ попадешь куда нужно. Ошибки совершенно неизбѣжны, а потому, въ концѣ-концовъ, смущаться тутъ нечего.

И Буба съ истиннымъ героизмомъ никогда и не пытается уклониться или обойти эти трудныя, коварныя слова, а всегда смѣло пускается въ загадочную и темную область ихъ, ввѣряясь случаю и счастью. Вѣдь за нее весь пылъ и чистота ея стремленій, ясность души, неомраченность совѣсти!

Смѣлая дѣвочка, и смѣлая самой возвышенной смѣлостью — смѣлостью мысли и дерзанія. И, надо сказать, она великолѣпна въ этомъ ясномъ спокойствіи своего духа, въ благородномъ сознаніи честности своей мысли и своего поведенія. Вотъ почему обычнымъ яснымъ взглядомъ она глядитъ вамъ въ лицо, отчетливо и звонко произнося эти варварскія слова: вчера, на-дняхъ, послѣзавтра...

Она честна какъ въ отношеніи къ себѣ, такъ къ нимъ и къ вамъ: она не избѣгаетъ этихъ непріятныхъ словъ, но она вкладываетъ также всѣ силы своего ума и памяти, чтобъ ихъ понять и не забыть. А остальное, право, не въ ея власти.

Такъ что, если словамъ этимъ угодно было отвѣчать ей лишь коварствомъ, если имъ угодно дѣлать такъ, что она непремѣнно говоритъ „вчера“, когда надо было сказать „завтра“ или наоборотъ — то она тутъ ужъ ничего не можетъ подѣлать. Ясно, вѣдь, что она тутъ не при чемъ, а потому-то въ ясной улыбкѣ ея, расцвѣтающей вамъ навстрѣчу, нѣтъ ни тѣни смущенія или затаеннаго лукавства: улыбка эта такъ же прелестна и невинна, какъ и всегда.

Странно только, что вы-то, слушая Бубу, ужъ очень много и какъ-то особенно всегда улыбаетесь, а то и прямо хохочете. Но такъ дѣлаете не только вы, такъ почему-то дѣлаютъ всѣ. Очевидно, это ужъ такъ и бываетъ, когда говорятъ съ маленькими...

Быть маленькой, вообще говоря, не очень пріятно. Маленькимъ нельзя однимъ ходить по улицамъ, забираться въ комоды, лазать по стульямъ, вертѣть за колесо швейную машинку, брать въ руки ножницы и рѣзать бумагу — такъ, мелко-мелко, пока хватаютъ пальцы... Вѣдь изъ-за одного этого можно проплакать иногда весь вечеръ!

Но это — вообще. А въ данномъ случаѣ — ничего, это совсѣмъ даже ничего. Вѣдь Бубино лицо такъ создано, что неизмѣнно подхватываетъ и отражаетъ всѣ обращенныя къ нему — даже не къ нему, а такъ, въ пространство или къ другимъ людямъ — улыбки: оно почти всегда сіяетъ и свѣтится, какъ ясная весенняя лазурь. Улыбкой напоена душа Бубы, улыбка дрожитъ въ уголкахъ ея рта, въ ясной синевѣ ея чуть удивленныхъ глазъ. А смѣяться такъ хорошо, совсѣмъ не то, что плакать.

И потому — пусть улыбаются себѣ, склоняясь къ ней, пусть. Буба ничего не имѣетъ противъ. Вотъ и тетя Надя сейчасъ — пусть смѣется. Бѣдь Буба чувствуетъ себя такъ, словно ее ласкаютъ этой улыбкой...

---

2. ПРОДОЛЖЕНІЕ ТОГО ЖЕ И ДЯДЯ ВЕСЕЛЫЙ.

...Только вотъ эти слова всякія, — они все же немножко мучатъ Бубу.

Внезапно Буба задаетъ вопросъ:

— Тетя Надя, а дядя веселый къ Бубѣ придетъ?

— Придетъ.

Бубѣ вспомнилось — потому и вопросъ такой.

А все слова эти...

Хотя, правда, тутъ были ужъ немножко не такія... но все равно, дядя веселый смѣялся не меньше, а еще больше, чѣмъ бываетъ обычно. Онъ даже покраснѣлъ весь, закашлялся и вынулъ платокъ. Ну, а случилось все вотъ какъ.

Дядя веселый пришелъ однажды вечеромъ, вмѣстѣ съ тетей Галей. (У Бубы же двѣ тети, потомъ папа, потомъ мама, бабушка и дядя Кумочка.) Дядя веселый былъ гость. Буба сначала испугалась, только совсѣмъ немножко, а потомъ ничего.

Дядя веселый сидѣлъ въ креслѣ у окна. Дядя веселый онъ потому, что всѣ дяди раздѣляются на сердитыхъ и веселыхъ, ну, а онъ былъ, несомнѣнно, изъ числа веселыхъ. Дяди сердитые непріятны, а то и прямо страшны, и отъ нихъ, во всякомъ случаѣ, хочется держаться подальше. А дяди веселые любятъ смѣяться, разговаривать съ Бубой, не хватая ее, однако, на колѣни, и не гоняясь за ней по комнатамъ. Они показываютъ ей занятныя вещи, которыя обычно прячутъ по своимъ карманамъ, такъ что можно подумать, что ихъ и совсѣмъ у нихъ нѣтъ.

Итакъ, дядя веселый сидѣлъ у окна. Тетя Надя готовила чай, мама и тетя Галя сидѣли на диванѣ.

Бубѣ показалось, что она должна занимать гостя. Онъ ей положительно нравился. Она принесла свой столикъ, тетрадь, разграфленную клѣточками, и разноцвѣтные карандаши. Сосредоточенно выбрала самый длинный, съ носкомъ, который совсѣмъ хорошо писалъ, и подала дядѣ веселому.

Онъ разсмѣялся и взялъ.

— Это твой карандашъ, Буба? — спросилъ онъ.

— Твой.

Онъ удивленно поднялъ брови.

— А этотъ столикъ твой?

— Твой, — снова отвѣтила Буба.

Тетя Галя и мама тихонько смѣялись на диванѣ.

Дядя снялъ свое пенснэ.

— А эти очки мои, Бубочка?

— Мои, — пристально глядя въ его измѣнившееся безъ стеколъ лицо, спокойно подтвердила Буба.

Дядя веселый разсмѣялся такъ громко, что Буба, вторя ему, даже всплеснула руками, завизжала и полѣзла на его колѣни, закрѣпивъ этимъ окончательно свое знакомство и симпатію.

А за чаемъ тетя Галя, смѣясь, говорила дядѣ веселому:

— Ну, сегодня вы оскандалились невѣроятно! Педагогъ, а не знаетъ, что съ тѣми, кого зовутъ Бубой, нельзя еще объясняться этими дикими словами: мои-твои, наши-ваши... Вотъ и получили урокъ. Довольны?

— Но не такъ же строго, Галина Алексѣевна: позвольте мнѣ „исправиться“...

— Хорошо.

— Буба, это чья чашка?

— Бубина.

— А это — дядина?

— Нѣтъ, мамина.

— Ну, вотъ, вы видите: „исправился“.

Всѣ снова смѣялись. Было очень весело, такъ весело, что и сейчасъ, вспомнивъ все это, Буба звонко засмѣялась и подбѣжала къ тетѣ Надѣ.

— Что ты, Бубенокъ?

Буба, захлебываясь, разсказывала.

— Помнишь, пришелъ дядя веселый, Буба принесла столикъ, тетрадку... Веселый дядя снялъ очки. Какъ смѣялся!.. Смѣялись, тетя Надя, — да?

Буба въ восторгѣ присѣла и подпрыгнула. Тетя Надя снова смотрѣла и улыбалась.

---

3. КУМОЧКА И ВОЙНА.

Теперь на улицѣ все время жарко, подъ окнами на большой клумбѣ давно цвѣтутъ левкои, а за домомъ на грядкахъ Буба иногда тихонько ковыряетъ подъ корешками красныя короткія морковки и видитъ, что онѣ уже совсѣмъ круглыя и толстенькія.

Тетя Надя удивляется, придя на огородъ, что морковь вянетъ. Усердно поливаетъ каждый вечеръ.

Въ домикѣ непривычно пусто и тихо. Буба выбита изъ колеи, томится, бродитъ безцѣльно и скучаетъ. Вѣдь онѣ съ тетей Надей однѣ: уѣхали всѣ — и папа, и мама, и тетя Галя, и бабушка, и даже Кумочка!

У Бубы навертываются на глазахъ слезы. Господи, какъ весело бывало съ Кумочкой!

Кумочку иначе еще зовутъ дядя Кумъ, или дядя Саша, а большіе его зовутъ просто Саша.

Кумочку почему-то часто спрашиваютъ, носилъ ли онъ Бубу вокругъ купели. Буба не знаетъ, что такое купель, но когда Кумочка отвѣчаетъ: „нѣтъ“, она обижается, тянетъ руки и кричитъ:

— Нѣтъ, носилъ, носилъ, дядя Кумочка!

Ни съ кѣмъ не бываетъ такъ весело, какъ съ Кумочкой. Ахъ, какъ они съ нимъ играютъ!

Кумочка приходитъ передъ обѣдомъ изъ гимназіи, бросаетъ фуражку и книги. Буба ужъ тутъ, — стоитъ и ждетъ. Кумочка растегиваетъ блестящія пуговицы своей куртки — чтобъ было свободнѣй, говоритъ онъ, — снимаетъ поясъ съ широкой пряжкой и тащитъ въ кучу подушки со всѣхъ кроватей.

Буба въ радостномъ возбужденіи торопливо карабкается на кровать, куда сѣлъ Кумочка, барахтается въ подушкахъ и, выбравшись изъ нихъ, встаетъ, широко разставивъ для устойчивости ноги.

Кумочка взмахиваетъ подушкой.

— Ну, Буба, ты — нѣмецъ. Кричи: hoch! Ну, въ атаку!

Буба, высоко поднявъ руки и округливъ глаза, кидается впередъ.

— Хохъ! Хо-охъ!

Кличъ получается устрашающій, даже съ басовыми нотами.

— Ура! — кричитъ Кумочка, — ура! Атаку отбили! Ура-а! Нѣмцы засыпаны гранатами! Ура!

Подушки летятъ одна за другой. Буба уже давно лежитъ подъ ними и барахтается ожесточенно, но безнадежно. Наконецъ, начинаетъ пищать.

— Ну, отступай, отступай. Ну, вылѣзай, бѣги на ту кровать, туда, къ бабушкѣ! Бей отбой!

Буба кубаремъ катится на полъ и, вся красная, съ прилипшими на лбу волосами летитъ къ бабушкѣ.

— Ура! Нѣмцы выбиты изъ траншей! Тамъ развѣвается русское знамя! Побѣда за нами! Ура-а!

Буба сидитъ въ безопасности на бабушкиной кровати, сіяетъ глазами и вдругъ съ неостывшимъ еще пыломъ подхватываетъ:

— Ура-а!

Кумочка хохочетъ.

— Ты, Бубка, вѣдь нѣмецъ, ты hoch кричи, кричи: ho-och!

— Хохъ, хо-охъ! — съ той же готовностью и одушевленіемъ подхватываетъ Буба, — хохъ!

Бабушка находитъ, что Кумочка несправедливъ: онъ всегда русскій, а Буба — нѣмецъ. Но Буба человѣкъ особенный и исключительный въ своихъ сужденіяхъ: ей все равно. Вѣдь кричать „Хохъ“ такъ же азартно, ничуть не меньше, чѣмъ — „Ура“. Такъ въ чемъ же дѣло?

Смѣшная, пушистая головенка-такъ свободно и смѣло приходитъ къ своимъ прямолинейнымъ выводамъ, что, право, почему-то становится неловко...

---

4. ТЕТЯ ГАЛЯ.

Послѣ Кумочки всѣхъ интереснѣй было съ тетей Галей. Тетя Галя знала всякія исторіи. Про мышку, про елочный пряникъ, про звѣздочки, про зайку, — про все.

Вечерами тетя Галя садилась надъ Бубиной постелькой и тихонько шептала Бубѣ на ухо:

— Бубикъ — дѣточка, Буба — звѣздочка, Буба — птичка моя полевая...

Въ голосѣ ея Бубѣ почему-то иногда слышались слезы. Буба порывисто хватала ея руку.

— Нѣтъ, тетя Галя — звѣздочка, птичка моя полевая!

— Нѣтъ, Бубикъ — звѣздочка...

Такъ спорили онѣ. Но голосъ Бубы звучалъ все тише, тише и, наконецъ, замолкалъ.

Въ окно мигали звѣзды.

Тетя Галя сидѣла неподвижно. Потомъ вдругъ страстно цѣловала разметавшіеся пушистые волосенки и быстро уходила.

Тетя Галя тосковала.

Буба слышала разъ, какъ въ столовой тетя Надя, вся взволнованная, говорила Бубиной мамѣ:

— Она страшно тоскуетъ, она только съ Бубой еще и отдыхаетъ, она измучилась вся... Вотъ послушай. Мнѣ не спалось вчера. Лежала-лежала, наконецъ, вижу, что все равно не усну, рѣшила выйти на улицу. Скользилъ мѣсяцъ за тучами, крутилась легкая метель, и была такая бѣлесоватая мгла. Я тихо скрипнула дверью, ступая на крыльцо, и вдругъ едва не вскрикнула: на ступеняхъ кто-то сидѣлъ. Я броси-

лась впередъ: Галя! Она медленно подняла голову, посмотрѣла на меня и слабо улыбнулась. Я прямо испугалась ея лица — такая тоска и отчаяніе застыли на немъ... А ноги и шубку ея уже покрылъ толстый слой снѣга — около нея намело цѣлый сугробъ. Сколько тутъ она такъ сидѣла — Богъ знаетъ... Ахъ, хоть бы письмо скорѣй!

Буба поняла, что тетя Галя очень печальна, что она ждетъ дядю почтальона, сидитъ на крыльцѣ, и ее заметаетъ снѣжокъ.

Правда, когда тетя Галя получала письма, она становилась веселѣй. Буба уже знала ея письма: такіе всегда грязные почему-то конверты, и на нихъ красный или синій кружокъ, а въ кружкѣ что-то написано.

— „Полевая почта,“ — прочиталъ разъ Кумочка.

Буба вдругъ вся просіяла.

— Вотъ и правда: полевая, полевая! Тетя Галя — птичка моя полевая!

И Буба бросилась съ письмомъ къ тетѣ Галѣ.

Тетя Галя сидѣла лицомъ къ окну, и въ рукѣ ея былъ сжатъ платокъ.

— Тетя Галя! Ты — полевая! Ты — птичка моя полевая! Вотъ тутъ, въ письмѣ, Кумочка прочиталъ!

Тетя Галя уронила платокъ, вспыхнула и быстро схватила письмо. Потомъ оглянулась на дверь, подняла Бубу на руки и крѣпко прижала къ себѣ.

Она цѣловала ее такъ долго и такъ крѣпко, что Бубѣ стало больно.

А потомъ пришелъ еще одинъ разъ дядя почтальонъ съ письмомъ, на которомъ тоже былъ кружокъ и еще красный крестикъ посрединѣ.

Тетя Галя въ тотъ же день уѣхала... далеко. Буба знаетъ куда — въ Москву.

Вечеромъ, уже въ шубкѣ и шапочкѣ, тетя Галя стояла надъ Бубиной кроватью, безъ конца цѣловала Бубу и за улыбкой прятала слезы.

Буба смотрѣла уже сонными глазами, видѣла, что всѣ собрались почему-то вокругъ ея постельки, видѣла тутъ даже дядю веселаго, — только съ серьезнымъ, печальнымъ лицомъ, — и говорила:

— Зачѣмъ шляпу, тетя Галя? Сними. Солнышко спать ушло, гулять нельзя. Сними...

Утромъ Бубѣ сказали, что тетя Галя уѣхала въ Москву.

Дядя веселый съ тѣхъ поръ не приходилъ въ Бубинъ домикъ.

Когда Буба вырастетъ большая, она поѣдетъ въ Москву.

---

5. СТРАННЫЯ ЧУВСТВА.

Все это было еще тогда, когда на улицѣ былъ дѣдъ морозъ.

А теперь Буба поѣдетъ еще въ Кіевъ — къ папѣ. Вѣдь папа тоже уѣхалъ — въ Кіевъ. Дядя почтальонъ принесъ и ему письмо, только безъ крестика, а съ большой печатью.

Въ этотъ день всѣ плакали.

Папу взяли въ солдаты, и онъ теперь ужъ не папа, а юнкеръ, ваше благородіе.

Стало такъ тоскливо и скучно, какъ не бывало никогда. Вѣдь съ папой уѣхали всѣ: и мама, и бабушка, и даже Кумочка. Тети Гали нѣтъ давно, — вотъ онѣ и остались съ тетей Надей однѣ.

Тетя Надя говоритъ, что всѣ скоро вернутся. Только папа уѣхалъ такъ же, какъ тогда тетя Галя: его все не будетъ, не будетъ и не будетъ.

Бубѣ такъ смутно, тоскливо и непонятно.

— Зачѣмъ такъ уѣзжаютъ, — такъ далеко-далеко куда-то? И кто теперь поѣдетъ еще?

Буба вздрагиваетъ.

— Кумочка! Бабушка часто ему говорила: ты же совсѣмъ взрослый, скоро въ солдаты возьмутъ.

У Бубы жалобно растягиваются губы.

— Что жъ это? Папу въ солдаты, Кумочку въ солдаты, тетю Галю, должно быть, тоже въ солдаты... Нѣтъ, Буба не хочетъ, Буба заплачетъ, Буба скажетъ: не надо въ солдаты, не ходи, Кумочка, въ солдаты. И Кумочка не пойдетъ...

Буба радостно смѣется и бѣжитъ къ тетѣ Надѣ.

— Тетя Надя, нѣтъ, Кумочка не пойдетъ въ солдаты, не пойдетъ? Буба придумала, Буба скажетъ: не ходи, Кумочка, въ солдаты, и Кумочка не пойдетъ. Да, тетя Надя?

Тетя Надя удивленно вскидываетъ на Бубу глазами и отвѣчаетъ:

— Да, моя дѣточка.

Но голосъ у нея дрожитъ, — вотъ такъ, какъ раньше у тети Гали.

Буба печально никнетъ головой.

Темный страхъ просыпается гдѣ-то въ глухихъ тайникахъ маленькой смѣющейся души, тяжелый, гнетущій и угрюмый страхъ завтрашняго дня, страхъ неизбѣжности и рока.

Буба порывисто прижимается къ тетѣ Надѣ и прячетъ голову въ плечи.

— Вѣдь Буба такая маленькая, и право же такъ страшно и огромно то, что глухо подымается въ ея душонкѣ...

Въ маленькихъ комнаткахъ попрежнему неслышно скользятъ на желтомъ блестящемъ полу горячія солнечныя пятна, и мирно жужжитъ у потолка назойливо звонкая муха.

Е. Ватманъ.

ВОРОНЪ.

На лафетъ большой разбитой пушки
Одноглазый старый воронъ сѣлъ...
Всю равнину вдоль лѣсной опушки
Взрылъ огонъ снарядовъ. Сотни тѣлъ

Костенѣли другъ на другѣ въ кучахъ,
Какъ ненужный позабытый хламъ,
У тенетъ изъ проволокъ колючихъ
И въ зубастыхъ пастяхъ волчьихъ ямъ.

Кровянымъ удушливымъ туманомъ
Былъ насыщенъ воздухъ заревой;
А за лѣсомъ грознымъ ураганомъ
Вылъ, ревѣлъ ожесточенный бой:

Грохотали пушки въ отдаленьи
Такъ, что тяжко охала земля.
Черный дымъ зажженнаго селенья
Плылъ косматой тучей на поля.

Высоко, среди дымковъ шрапнели,
На огромномъ коршунѣ стальномъ,
Рѣялъ летчикъ, намѣчая цѣли
Для орудій, скрытыхъ за холмомъ...

Воронъ замеръ, словно погрузился
Въ полусонъ. Багряный западъ гасъ;
И, казалось, думою свѣтился
Старой птицы потускнѣвшій глазъ:

„Много знаю грозныхъ я сраженій,
Приводившихъ въ ужасъ прошлый вѣкъ.

Никогда твой всемогущій геній
Не былъ такъ коваренъ, человѣкъ!

Никогда не видѣло былое,
Чтобъ глумился такъ злорадно онъ
Надъ отвагой воина-героя,
Надъ священной доблестью знаменъ!"

Вас. Смирновъ.

КОМПОЗИЦІЯ ВЪ РОМАНѢ ДОСТОЕВСКАГО.

I.

Достоевскій долго и терпѣливо учился писательскому ремеслу. Не сомнѣваясь въ своемъ призваніи, онъ задолго до своихъ первыхъ печатныхъ выступленій пріучаетъ себя внимательно всматриваться въ пріемы литературной техники знаменитыхъ писателей отъ Гомера до Гюго, прилежно изучая правила и законы словеснаго искусства по его величайшимъ образцамъ.

Проблема формы — вотъ первая творческая задача, возникшая передъ нимъ на зарѣ литературной дѣятельности. Прочная арматура внѣшней композиціи, оберегающая внутреннюю жизнь идей, становится уже въ школьномъ возрастѣ главнымъ предметомъ его изученія. Увлекательность содержанія, оригинальность замысла, волнующая сила драматической коллизіи, — все, что обыкновенно всецѣло поглощаетъ вниманіе читателя-подростка, не можетъ отвлечь Достоевскаго отъ главнаго вопроса: какъ это сдѣлано? Почему эта страница возбуждаетъ интересъ, въ чемъ захватывающая сила этого описанія, какъ достигается поразительная жизненность этого пейзажа, этого лица или этого діалога, — вотъ какія тайны творческой лабораторіи и литературной механики преимущественно занимаютъ этого семнадцатилѣтняго романтика тридцатыхъ годовъ.

Для разрѣшенія ихъ онъ обращается къ спеціальнымъ статьямъ и руководствамъ. Изъ теоріи словесности, изъ исторіи литературы и современной художественной критики, изъ мемуаровъ писателей и ихъ переписки онъ узнаетъ невѣдомые для профановъ случаи, преданія, факты и анекдоты о чудесахъ терпѣнія въ изнурительной работѣ лучшихъ творческихъ умовъ. Съ затаеннымъ безпокойствомъ, словно пред-

чувствуя будущія муки своего писательскаго пути, онъ внимательно вчитывается въ эти безчисленныя свидѣтельства жертвъ и усилій великихъ подвижниковъ слова, выходящихъ побѣдителями изъ борьбы съ непокорной формой, но часто съ разбитой душой, отуманеннымъ сознаніемъ и одряхлѣвшими мускулами.

Его письма надолго сохраняютъ слѣды этого жаднаго интереса къ вѣчному мартирологу писательскихъ судьбъ. Онъ сообщаетъ брату, что Шатобріанъ переправлялъ „Аталу" семнадцать разъ, Гоголь восемь лѣтъ работалъ надъ „Мертвыми душами", Пушкинъ клеилъ и неутомимо передѣлывалъ самое коротенькое стихотвореніе, Стернъ исписалъ сто дестей бумаги для маленькой книжечки своихъ путешествій и, наконецъ, только недостатокъ въ переработкахъ вызвалъ столько чудовищностей и безвкусія у величайшаго изъ великихъ — у самого Шекспира. „Рафаэль писалъ года, отдѣлывалъ, отнизывалъ, и выходило чудо!" — вотъ путеводный лозунгъ его творческихъ исканій и первое слово его обрѣтенной эстетики.

Все это возбуждаетъ его энергію, повышаетъ работоспособность и окрыляетъ его влеченіе къ будущимъ творческимъ подвигамъ. Весь періодъ его литературной формаціи охваченъ этой потребностью учиться и совершенствоваться, постоянно расширять свои художественныя возможности и безпрерывно обогащаться въ изобразительныхъ средствахъ всѣми великими открытіями своихъ предшественниковъ.

Отсюда такое обиліе разнообразнѣйшихъ теоретическихъ и техническихъ свѣдѣній въ раннихъ письмахъ Достоевскаго. Вопросы формы стоятъ у него всегда на первомъ планѣ. Онъ интересуется статьей французскаго критика Низара о Гюго не меньше, чѣмъ самимъ поэтомъ, и самые патетическіе монологи Родриго или Федры не могутъ отвлечь его главнаго интереса отъ конструкціи Корнелевской трагедіи по образцамъ Сенеки. Съ такимъ же вниманіемъ къ словесной техникѣ и даже къ вопросамъ метрики онъ сближаетъ Ронсара, и конечно, несправедливо — съ Третьяковскимъ и говоритъ о „холодномъ риѳмачѣ" Мальэрбѣ. Онъ возмущается ходячей пренебрежительной оцѣнкой романтиковъ: „классическая форма!" и негодуетъ на брата за его заявленіе о слабой внѣшности французскихъ трагиковъ: — „Говоря о формѣ, ты почти съ ума сошелъ!" возмущенно бросаетъ онъ этому легкомысленному хулителю классицизма.

Такъ же характерны его заботы о языкѣ. Онъ обра-

щаетъ особенное вниманіе на чистоту и выразительность слога, указываетъ брату неточности въ его переводахъ, проситъ не засорять русскій текстъ барбаризмами. Кажется, этотъ ранній поклонникъ Гофмана и Бальзака и будущій отважный изобрѣтатель неологизмовъ въ періодъ своихъ первыхъ литературныхъ работъ не перестаетъ вдохновляться своимъ школьнымъ Буало:

Surtout qu'en vos écrits la langue révérée
Dans vos plus grands excès vous soit toujours sacrée!

По раннимъ письмамъ Достоевскаго можно ожидать, что въ зрѣломъ возрастѣ изъ него выработается писатель академической правильности и классической законченности, разрабатывающій свои литературные проекты съ математической точностью и обтачивающій свой стиль съ флоберовскимъ упорствомъ. Онъ не перестаетъ мечтать объ „отчетливо-хорошей" формѣ для всѣхъ своихъ замысловъ, онъ тоскуетъ по высокому совершенству исчезающихъ старыхъ школъ, и слово „chef d'oeuvre" не сходитъ съ его писемъ для оцѣнки чужихъ и его собственныхъ писаній. Для каждаго ранняго произведенія онъ мечтаетъ о безукоризненно точномъ, строгомъ и стройномъ планѣ, о самыхъ выразительныхъ чистыхъ и звенящихъ словахъ. Для завоеванія прекраснаго ему нужно оружіе изъ самой крѣпкой, самой блестящей, самой отточенной и закаленной стали съ рукоятью, усыпанной алмазами.

Какимъ же образомъ этотъ прилежнѣйшій словесный труженикъ, этотъ неутомимый школяръ ès — lettres, этотъ фанатическій искатель литературнаго совершенства и горячій поклонникъ Пушкина и Расина выработалъ неожиданный типъ своего хаотическаго романа, въ которомъ, рядомъ съ глубочайшими началами философіи, религіи и общественности, безпорядочными и сырыми кусками легли элементы газеты, мелодрамы, уголовной хроники и бульварнаго романа?

II.

Условія журнальной работы и требованія литературной карьеры постепенно понижали неумолимую строгость этой юношеской поэтики. Въ процессѣ печатанія и изданія своихъ первыхъ произведеній Достоевскому пришлось считаться съ мнѣніями и впечатлѣніями окружающихъ, сознательно приспособляться къ болѣе гибкимъ требованіямъ текущей журна-

листики и даже незамѣтно смягчать, по ея указаніямъ, свою строгую теорію творчества. Какъ большинство крупныхъ писателей, обреченныхъ съ первыхъ же своихъ строкъ на заработки перомъ, онъ, не теряя, впрочемъ, ни на минуту изъ виду своихъ завѣтныхъ творческихъ задачъ, сталъ понемногу согласовывать свою капризную манеру одинокаго новатора съ господствующими читательскими вкусами.

Школьный принципъ классическаго совершенства, выработанный надъ теоріями словесности и писательскими мемуарами, отступилъ передъ новымъ неожиданнымъ тезисомъ, подсказаннымъ ему журнальной работой. Отъ ранняго преклоненія предъ началами художественной законченности онъ переходитъ къ новому верховному принципу повѣствовательнаго искусства — занимательности. Онъ считаетъ теперь возможнымъ жертвовать всѣми канонами формы и классическими предписаніями академій во имя осуществленія своей главной задачи — поразить, заинтриговать или ошеломить читателя съ первыхъ же строкъ, чтобъ затѣмъ до конца не выпускать его изъ-подъ власти своего разсказа.

Повѣствователь долженъ быть прежде всего увлекательнымъ — вотъ новая аксіома Достоевскаго, вытѣснившая завѣты его раннихъ теорій. „Талантливо составить, значитъ занимательно составить,— формулируетъ онъ впослѣдствіи основной законъ литературнаго искусства, — потому что самая лучшая книга, какова бы она ни была и о чемъ бы ни трактовала, — занимательная“.

Съ годами озабоченность внѣшнимъ интересомъ разсказа становится господствующей въ повѣствовательной техникѣ Достоевскаго. Какъ придать своему изложенію способность захватить самаго апатичнаго читателя — вотъ тотъ главный теоретическій вопросъ, къ которому почти цѣликомъ свелась въ позднѣйшій періодъ его творческая доктрина.

Но эта забота объ увлекательности изложенія не перестаетъ занимать его до самаго конца. Достоевскій охотно надѣляетъ своихъ героевъ умѣніемъ сразу же подчинить себѣ слушателя. Степанъ Трофимовичъ Верховенскій произноситъ одну только начальную фразу своей рѣчи передъ шумной и возбужденной аудиторіей, жаждущей во что бы то ни стало скандала, и сразу же всецѣло овладѣваетъ ею. „Вся зала разомъ притихла, всѣ взгляды обратились къ нему, иные съ испугомъ. Нечего сказать, умѣлъ заинтересовать съ перваго слова. Даже изъ-за кулисъ выставились головы“. Ѳетюко-

вичъ начинаетъ говорить послѣ произведшей чрезвычайное впечатлѣніе рѣчи прокурора и — „все затихло, когда раздались первыя слова знаменитаго оратора, вся зала впилась въ него глазами“. Другой его герой приступаетъ при совершенно иныхъ условіяхъ къ своему разсказу, но достигаетъ того же дѣйствія. „Я помню, сообщаетъ „подростокъ“, что мнѣ удалось какъ-то очень ловко начать разсказывать. Мигомъ на лицахъ ихъ обнаружилось страшное любопытство“; одна изъ слушательницъ „такъ и впилась въ меня глазами“.

Во всемъ этомъ чувствуется постоянная забота самого Достоевскаго заинтересовать съ перваго слова и сразу же возбудить „страшное любопытство“. Въ началѣ своей дѣятельности онъ стремится придать своимъ повѣстямъ „потрясающій трагическій интересъ“, хочетъ даже превзойти „Дюмасовскій интересъ“, и гораздо позже, заканчивая „Идіота“, онъ горюетъ, что развязка романа недостаточно эффектна.

Замѣчательно, что въ своихъ журналахъ рядомъ съ серьезнѣйшимъ литературно-научнымъ матеріаломъ Достоевскій помѣщаетъ криминальныя исторіи бульварнаго типа. При этомъ онъ считаетъ необходимымъ снабжать ихъ возбуждающими редакціонными примѣчаніями. Въ одной изъ книжекъ „Времени“ печатается подробнѣйшая исторія процесса Лассенера съ подзаголовкомъ „изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи“ и подробнымъ примѣчаніемъ возбуждающаго характера. Какъ большинство редакціонныхъ замѣтокъ журнала, оно, вѣроятно, принадлежитъ перу Достоевскаго.

„Мы думаемъ угодить читателямъ, если отъ времени до времени будемъ помѣщать у себя знаменитые уголовные процессы. Не говоря уже о томъ, что они занимательнѣе всевозможныхъ романовъ, потому что освѣщаютъ такія темныя стороны человѣческой души, которыхъ искусство не любитъ касаться, а если и касается, то мимоходомъ, въ видѣ эпизода, — не говоря уже объ этомъ, чтеніе такихъ процессовъ, намъ кажется, будетъ не безполезно для русскихъ читателей. Мы думаемъ, что, кромѣ теоретическихъ разсужденій, помѣщаемыхъ такъ часто въ нашихъ журналахъ, узнаніе практическаго нагляднаго примѣненія этихъ теорій къ разнымъ процессамъ на западѣ было бы тоже не безполезно для нашихъ читателей. Выбирать процессы мы будемъ самые занимательные. За это ручаемся. Въ предлагаемомъ процессѣ дѣло идетъ о личности человѣка феноменальной, загадочной, страшной и интересной. Низкіе инстинкты и малодушіе пе-

редъ нуждой сдѣлали его преступникомъ, а онъ осмѣливается выставлять себя жертвой своего вѣка. И все это при безграничномъ тщеславіи. Это типъ тщеславія, доведеннаго до послѣдней степени. Процессъ былъ веденъ доблестно-безпристрастно, переданъ съ точностью дагерротипа, физіологическаго чертежа [1])"...

Это замѣчательное свидѣтельство. Оказывается сырье стенографическаго отчета о судебныхъ засѣданіяхъ имѣетъ для читателя какія-то значительныя преимущества передъ искусствомъ романиста. Оно глубже зондируетъ психологію темныхъ страстей, раскрываетъ въ самой жизни присутствіе личностей „феноменальныхъ, загадочныхъ, страшныхъ и интересныхъ", а главное — оно „занимательнѣе всевозможныхъ романовъ". Вотъ теоретическое оправданіе обычнаго пріема Достоевскаго, который такъ широко пользовался текущими громкими процессами для конструкціи своихъ фабулъ.

Требованіе занимательности отъ каждаго печатнаго матеріала до конца продолжаетъ служить ему руководящимъ принципомъ. Уже за нѣсколько недѣль до смерти онъ совѣтуетъ Ив. С. Аксакову „усиленно поразить и завлечь вниманіе первыми номерами" своего идейнаго органа. — „Дѣлайте „Русь" разнообразнѣе, занимательнѣе, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. А то скажутъ: умно, но невесело, — и читать не станутъ". Таковъ основной завѣтъ этого стараго журналиста, никогда не забывающаго своей редакторской озабоченности объ увлекательномъ печатномъ матеріалѣ.

Эта забота объ интересѣ, захватившая всю литературную дѣятельность Достоевскаго, была первой причиной нарушенія его ранней теоріи прозы. Къ ней примѣшались и другія обстоятельства.

Въ процессѣ писательской работы Достоевскій пришелъ къ убѣжденію въ необходимости для новаго романиста освободиться отъ всѣхъ стѣснительныхъ каноновъ классической теоріи искусства. Зачитываясь литературой романтизма, онъ проникся стремленіемъ новой школы къ освобожденной и всеобъемлющей формѣ романа. Задача универсальнаго и свободнаго воплощенія жизни во всей ея полнотѣ и разнообразіи шла, очевидно, въ разрѣзъ съ принципами рафаэлев-

---

[1]) „Процессъ Лассенера. Изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи". „Время", 1861 г., № 2, стр. 1 (отд. 2).

скаго „отнизыванія“ сюжетовъ и тщательной фильтровки жизненнаго матеріала сквозь густыя сѣти строгой литературности. Черезъ послѣднихъ эпигоновъ романтизма, уже вплотную подошедшихъ къ смѣняющимъ его реалистическимъ теченіямъ, черезъ Гюго, Бальзака, Жоржъ-Зандъ — Достоевскій узналъ всѣ удобства этой новой формы „свободнаго романа“, отрывочной по построенію и многообразной по составу героевъ, полной эпизодовъ и катастрофъ, въ безпрерывномъ столкновеніи которыхъ раскрывается наибольшая возможность для автора безъ поученій и отступленій выразить всю полноту своихъ идей о мірѣ, жизни и человѣкѣ.

Этотъ романтическій принципъ свободы формы въ романѣ совпалъ съ основной творческой потребностью Достоевскаго въ зрѣлый періодъ его дѣятельности. Стремленіе схватить и зафиксировать всѣ житейскія впечатлѣнія въ ихъ первоначальномъ видѣ, не приводя ихъ въ систему, сохраняя за ихъ отраженнымъ ходомъ всю случайность, безпорядочность и даже растерянность ихъ отрывочнаго движенія въ дѣйствительности, — все это сильно способствовало разложенію классическихъ принциповъ его ранней доктрины.

У него постепенно вырабатывались совершенно новые пріемы творчества. Стремленіе къ отчетливости въ контурахъ, къ законченности въ отдѣлкѣ, къ рельефности формъ и чистотѣ линій смѣнилось лихорадочнымъ набрасываніемъ красочныхъ пятенъ, тѣневыхъ мазковъ и свѣтовыхъ бликовъ, безъ заботы о постепенности въ оттѣнкахъ и цѣльности рисунка. Въ этомъ сказалась основная потребность Достоевскаго раскрыть и отразить жизнь не въ ея законченныхъ и отстоявшихся формахъ, а въ ея вѣчно возникающихъ, зрѣющихъ и создающихся образованіяхъ.

Въ этой глубокой неудовлетворенности старыми образцами и безпокойномъ исканіи новыхъ формъ передъ Достоевскимъ возникъ вопросъ: можно ли пользоваться безнаказанно всякимъ жизненнымъ матеріаломъ, вводя его въ литературу безъ переработки, сырыми кусками и нерастворенными комками, но сохраняя при этомъ художественную значительность всего произведенія?

На этотъ вопросъ Достоевскій далъ безусловно утвердительный отвѣтъ и сразу разрѣшилъ имъ главнѣйшее затрудненіе въ дѣлѣ построенія своего романа.

III.

Композиція его свелась цѣликомъ къ двумъ основнымъ принципамъ: значительность философскаго замысла и занимательность внѣшней интриги.

Исходнымъ пунктомъ въ романѣ Достоевскаго является идея. Отвлеченный замыселъ философскаго характера служитъ ему тѣмъ стержнемъ, на который онъ нанизываетъ всѣ многочисленныя, сложныя и запутанныя событія фабулы. Пестрота интриги придаетъ ходу романа ту силу движенія и внѣшняго интереса, которая здѣсь особенно необходима въ виду доминирующаго надъ всѣмъ разсказомъ отвлеченнаго положенія. Главный секретъ всей композиціи въ стремленіи компенсировать читателю занимательной внѣшней интригой всѣ утомительныя напряженія его вниманія надъ философскими страницами.

По этому принципу построены всѣ романы Достоевскаго. Ихъ первоначальное зерно въ отвлеченной идеѣ морально-психологическаго, религіозно-философскаго и политико-общественнаго характера. Это стержень романа, объединяющій всѣ событія его фабулы. Проблема сверхчеловѣка-неудачника въ „Преступленіи и наказаніи“, изображеніе абсолютно прекраснаго человѣка въ „Идіотѣ“, психологія русской безшабашности въ „Игрокѣ“, духовное разложеніе отъ революціоннаго дѣйствія въ „Бѣсахъ“, распадъ и случайность русскаго семейства въ „Подросткѣ“, путь очищенія отъ великой грѣховности въ незаконченныхъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ — вотъ, въ упрощенныхъ формулахъ, тѣ основныя идеи, которыя прежде всего нужны были Достоевскому для работы надъ романомъ.

Установивъ этотъ философскій стержень, Достоевскій разворачивалъ вокругъ занимающаго его абстракта цѣлый вихрь событій, не брезгуя всѣми средствами бульварной занимательности.

Случай необыкновеннаго по своей обстановкѣ или цѣлямъ убійства и всѣ перипетіи тонкаго поединка слѣдственной власти съ фактическимъ или предполагаемымъ преступникомъ („Преступленіе и наказаніе“, „Братья Карамазовы“), подпольная дѣятельность заговорщиковъ, тревожащихъ цѣлое общество своими убійствами, поджогами и скандалами („Бѣсы“), борьба за важный документъ, осложенная всѣми уловками шантажа („Подростокъ“), волненія азарта и борьба за

игорнымъ столомъ („Игрокъ"), эксцессы мрачной страстности, борьба за женщину, милліонныя наслѣдства, убійства и безуміе („Идіотъ") — таковы рѣзкія средства повышенія повѣствовательнаго интереса во всѣхъ романахъ Достоевскаго. Его никогда не останавливало соображеніе о бульварной сенсаціонности этихъ первоначальныхъ сырыхъ матеріаловъ романа. Онъ знаетъ, что низкая художественная стоимость отдѣльныхъ эпизодовъ, полезныхъ для возбужденія и поддержанія читательнаго интереса, искупается глубиной основного замысла и жизненностью въ разработкѣ характеровъ. Онъ увѣренъ, что интересъ философской идеи романа и углубленность психологической разработки спасутъ фабулу отъ паденія до уровня бульварнаго фельетона и выдержатъ все произведеніе на высотѣ художественно-значительнаго.

И дѣйствительно, композиція романовъ Достоевскаго, при всей своей сложности, сохраняетъ всегда единство общаго впечатлѣнія. При отсутствіи заботъ о равномѣрномъ распредѣленіи матеріала, при той широкой щедрости въ эпизодахъ и побочныхъ темахъ, отъ которыхъ еще Страховъ предостерегалъ автора „Преступленія и наказанія", въ романахъ Достоевскаго всѣ развѣтвленія разсказа неизмѣнно сводятся къ его главной, центральной идеѣ, и это единство внутренняго замысла сообщаетъ необходимую цѣльность разбросанному ходу событій.

Но потребность облегчить читателю воспріятіе философскаго матеріала неизмѣнно приводитъ Достоевскаго къ стремленію безпрерывно разнообразить главную тему всѣми средствами оживленія разсказа. Онъ прежде всего усиленно развиваетъ діалоги, драматизирующіе и оживляющіе философскіе замыслы живыми интонаціями человѣческаго голоса и всѣми увлекательными свойствами непосредственной передачи. Онъ обращается также къ тѣмъ пріемамъ столкновенія катастрофъ и частой смѣны загадочныхъ или эксцентрическихъ героевъ, которые въ сферѣ конструкціи возводятъ романъ Достоевскаго къ одному изъ его первоначальныхъ образцовъ — къ старинному роману приключеній.

IV.

Достоевскій имѣлъ разнообразныхъ литературныхъ учителей. Помимо плеяды своихъ великихъ наставниковъ изъ классическаго пантеона мірового творчества, онъ учился

своему искусству и по инымъ образцамъ. Цѣлый рядъ позабытыхъ теперь писателей, отвергнутыхъ вниманіемъ потомковъ и литературнымъ преданіемъ, фигурировалъ среди его любимыхъ чтеній.

Тѣ произведенія, которыя мы условно обозначаемъ общимъ терминомъ „романъ приключеній", относились къ различнымъ литературнымъ группамъ порубежной эпохи XVIII и XIX вв. и послѣдующихъ первыхъ десятилѣтій прошлаго столѣтія. Сюда входятъ и англійская школа ужаса, и французскій романъ-фельетонъ, съ его претензіями на соціальную проповѣдь, и русскій историческій романъ 30-хъ годовъ. Но во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ этотъ литературный видъ сохраняетъ основную черту — обиліе эпизодовъ и многочисленность героевъ, нагроможденіе происшествій и безконечное усложненіе интриги — все то, что служитъ опредѣляющимъ признакомъ для стараго романа приключеній.

Достоевскій зналъ и любилъ этихъ далекихъ представителей roman d'aventures прежнихъ столѣтій. Онъ восхищается „Донъ-Кихотомъ", который остается, несмотря на свою дидактическую задачу борьбы съ рыцарской литературой, типичнымъ романомъ приключеній; онъ знаетъ и, повидимому, цѣнитъ „Жиль-Блаза", все содержаніе котораго сводится къ изложенію безчисленныхъ занимательныхъ происшествій. Но непосредственными учителями Достоевскаго въ композиціи романа были не столько Сервантесъ или Лессажъ, сколько цѣлая плеяда позднѣйшихъ представителей „авантюрной" литературы.

Быть можетъ, во главу исторіи европейскаго романа XIX вѣка слѣдуетъ поставить англійскую школу кошмара, въ лицѣ прямыхъ предшественниковъ романтизма — Анны Редклифъ, Люиса и Матьюрина. Позднѣйшіе учителя Достоевскаго — Гофманъ и Вальтеръ Скоттъ, Жоржъ Зандъ, Бальзакъ и Гюго вынесли не мало сильнѣйшихъ впечатлѣній изъ чтенія этихъ первыхъ психологовъ ужаса и сатанистовъ новой литературы. Но Достоевскій и непосредственно былъ знакомъ съ ними.

Задолго до Эдгара По, который произвелъ впослѣдствіи такое сильное впечатлѣніе на Достоевскаго, онъ еще въ эпоху своихъ дѣтскихъ чтеній нашелъ въ старинномъ романѣ приключеній первые очерки психологіи мучительства. И какъ бы онъ ни относился впослѣдствіи къ этимъ примитивнымъ изобразителямъ ужасовъ, Анна Редклифъ и Матьюринъ

сыграли свою роль въ дѣлѣ развитія его художественнаго вкуса.

Честь основанія „кошмарной школы“ въ европейскомъ романѣ принадлежитъ женщинѣ. Англійская романистка Анна Редклифъ, написавшая на исходѣ XVIII вѣка цѣлую серію фантастическихъ романовъ, считается непосредственной предшественницей позднѣйшихъ „сатанистовъ“ — Люиса и Матьюрина. Ранніе романтики высоко оцѣнили ея главный новаторскій пріемъ, — изображеніе всѣхъ жуткихъ и темныхъ сторонъ существованія, исключительное пристрастіе ея къ описанію преступленій, агоній, сумасшествій, казней, пытокъ и всяческихъ истязаній. Но и позднѣйшіе эпигоны романтизма, зачинавшіе реалистическій романъ — Вальтеръ Скоттъ, Гюго, Бальзакъ, Жоржъ Зандъ продолжали цѣнить Анну Редклифъ, какъ увлекательную разсказчицу и неистощимую изобрѣтательницу сложныхъ и занимательныхъ положеній.

У насъ европейскій романъ приключеній пользовался въ началѣ прошлаго столѣтія широкой популярностью. Объ этомъ свидѣтельствуютъ прежде всего каталоги старыхъ библіотекъ, эти тщательные книжные списки, гдѣ простыя цифровыя данныя о количествѣ изданій или одновременномъ появленіи нѣсколькихъ переводовъ столько говорятъ намъ о читательскихъ увлеченіяхъ и книжныхъ вкусахъ отдаленной поры.

Мы узнаемъ изъ нихъ, что съ 1794 по 1809 г. вышли въ переводахъ четырнадцать романовъ Дюкре-Дюмениля, изъ которыхъ многіе выдержали по три изданія. Мы узнаемъ объ интересѣ читателей къ Пиго-ле-Брену или Люису, которыхъ переводчики неизмѣнно обозначаютъ съ буквальной орѳографической точностью Ле-Брюнемъ или Левисомъ. Но особенной популярностью пользуется г-жа Редклифъ. Сопиковъ перечисляетъ десять романовъ ея — т. е. все, написанное англійской романисткой, при чемъ большая часть ихъ выдержала по нѣскольку изданій. Подъ однимъ изъ номеровъ, отмѣчающихъ романъ „Монахъ, или пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей“, Спб., 1802, прилежный библіографъ отмѣчаетъ въ квадратныхъ скобкахъ: „Извѣстно, что авторъ сей книги есть Левисъ; но для большаго расходу оной на русскомъ (sic!) издана подъ именемъ Редклифъ“.

Это было, повидимому, вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпечить книгѣ „большой расходъ“. „О, мистриссъ Редклиффъ! — восклицаетъ кн. Шаликовъ въ своихъ „Плодахъ свободныхъ чувствованій“, — для чего не имѣю я твоего божественнаго

дарованія? Какими бы ты пріятными очаровательными путями повела читателя своего къ открытію видѣннаго и слышаннаго моею героинею!". И въ дальнѣйшемъ своемъ разсказѣ этотъ старинный романистъ не перестаетъ восхищаться „волшебной кистью несравненной мистриссъ Редклиффы". Это, повидимому, общее увлеченіе. Характеризуя читательскіе вкусы начала XIX столѣтія, одинъ мемуаристъ отмѣчаетъ:

„...Никто не пользовался такою славою, какъ г-жа Редклиффъ. Ужасное и чувствительное — вотъ были, наконецъ, два рода чтенія наиболѣе по вкусу публики. Чтеніе этого рода замѣнило, наконецъ, прежнія книги..." По свидѣтельству этого очевидца, на обложкахъ русскихъ переводовъ Редклифъ эпитетъ Славная печатался рядомъ съ ея фамиліей.

Русскіе журналы и въ позднѣйшую эпоху продолжаютъ давать Аннѣ Редклифъ такія же хвалебныя оцѣнки. „Сынъ Отечества" приводитъ авторитетный отзывъ популярнаго романиста: „Г-жа Редклифъ, — писалъ Вальтеръ Скоттъ, — обезоружила критика, и ея слава возросла еще болѣе по изданіи въ свѣтъ „Таинствъ Удольфскихъ". Одно уже заглавіе служило приманкою, и публика съ жадностью кинулась на эту книгу. Въ многочисленныхъ семействахъ томы сего романа переходили изъ рукъ въ руки; нетерпѣливые чтецы вырывали ихъ другъ у друга, и повсемѣстныя жалобы на остановки въ нужныхъ дѣлахъ, причиненныя сею книгою, служили общею данью, приносимою генію сочинительницы"... [1]).

Многіе ранніе читатели этой англійской литературы ужасовъ сохранили надолго свои симпатіи къ ней. Такіе знатоки новѣйшей европейской литературы, какъ Дружининъ или Аполлонъ Григорьевъ, въ эпоху ликвидаціи романтизма, продолжали восхищаться этими предшественниками, уходящаго движенія. Такъ уже въ 1849 г. Дружининъ рѣшился протестовать противъ того величаваго презрѣнія, съ кото-

---

[1]) Сопиковъ. „Опытъ россійской библіографіи", II, 125—125, IV, 174—175. П. Шаликовъ. „Плоды свободныхъ чувствованій", III, 10—11. Приведено у В. В. Сиповскаго „Очерки изъ исторіи русскаго романа", т. I, вып. I, Спб. 1909, 17—19. И. А. Дмитріевъ. „Мелочи изъ запаса моей памяти. Москва, 1869, стр. 47—48. „Сынъ Отечества", 1826 г. 105, стр. 141, см. Н. К. Козминъ „О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго", Спб. 1904 г., стр. 5.

рымъ многіе современные писатели смотрятъ на страшныя и фантастическія исторіи. „Можно не вѣрить невѣроятному и съ жадностью, съ трепетомъ сердца читать сказку Гофмана или разсказъ Матьюрина; не боясь показаться смѣшнымъ, я признаюсь предъ всѣми, что еще недавно съ полнымъ удовольствіемъ перечиталъ единственный удачный романъ г-жи Редклифъ, знаменитыя „Видѣнія въ Пиренейскомъ замкѣ". Сочиненія Редклиффъ до сихъ поръ высоко цѣнятся въ Англіи, и Жоржъ Зандъ очень хорошо усвоила себѣ манеру англійской писательницы въ нѣсколькихъ главахъ „Консуэло". Только справедливость требуетъ сказать, что описаніе покинутыхъ замковъ, подземелій и страшныхъ явленій у г-жи Редклиффъ вышли гораздо рѣзче и разительнѣе. Подобныя сцены и описанія составляли спеціальность автора „Удольфскихъ тайнъ" [1]). Дружининъ заканчиваетъ пожеланіемъ о переизданіи романовъ Матьюрина и Редклифъ съ критическими обзорами родственныхъ имъ по духу Льюиса и Гофмана, гарантируя издателямъ быстрое распространеніе ихъ книгъ и отмѣчая ихъ огромную пользу для читателей.

Вспоминая свои дѣтскія чтенія, Аполлонъ Григорьевъ съ особенной теплотой останавливается на „магическомъ вліяніи" Анны Редклифъ. Онъ отмѣчаетъ совершенно рембрандтовскій колоритъ ея описаній, „нервическое чутье жизни тѣней, привидѣній и призраковъ", „отзывчивость на мрачныя и звѣрскія страсти"... [2]). Какую родную и близкую своимъ вкусамъ школу нашелъ здѣсь Достоевскій!

Романы Редклифъ были однимъ изъ его первыхъ литературныхъ впечатлѣній. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, еще не умѣя читать, онъ въ долгіе зимніе вечера слушалъ, „разиня ротъ и замирая отъ восторга и ужаса", какъ родители его читали на сонъ грядущій безконечные романы Редклифъ, отъ которыхъ самъ онъ потомъ бредилъ во снѣ въ лихорадкѣ. Это важное свидѣтельство. Литературныя впечатлѣнія ранняго дѣтства никогда не забываются. Впослѣдствіи въ „Селѣ Степанчиковѣ" онъ надѣляетъ одного изъ героевъ начитанностью въ романахъ Редклифъ, и на послѣднихъ страницахъ своего предсмертнаго романа онъ, черезъ 55 лѣтъ, вспоминаетъ снова англійскую романистку. Для характеристики

---

[1]) „Письмо иногородняго подписчика", апрѣль 1869 г. Соч. Дружинина, т. VI, 112—113.

[2]) Ап. Григорьевъ. „Мои литературныя и нравственныя скитальничества". „Эпоха", 1864 г. май, стр. 150.

фантастическаго романтизма приключеній, онъ вкладываетъ въ уста Ѳетюковича восклицаніе о подвалахъ Удольфскаго замка [1]).

Сюжетъ „Удольфскихъ тайнъ“ являетъ типичную фабулу авантюрной литературы. Эта исторія бѣдной сироты, отданной на попеченіе свирѣпой тетки и разлученной со своимъ возлюбленнымъ. Таинственный мужъ ея опекунши оказывается разбойникомъ, свившимъ свое грабительское гнѣздо въ уединенномъ замкѣ Удольфо среди Апенинскихъ горъ. Здѣсь тиранническимъ обращеніемъ онъ доводитъ свою жену до смерти, а ея воспитанницу до отчаяннаго бѣгства изъ этого проклятаго мѣста неслыханныхъ ужасовъ. Безконечныя скитанія и злоключенія бѣглянки въ поискахъ ея исчезнувшаго жениха составляютъ главное содержаніе дальнѣйшаго повѣствованія, а встрѣча съ пропавшимъ влюбленнымъ, бракъ и начало семейнаго счастья завершаютъ эту эпопею загадочныхъ и жуткихъ происшествій.

И если устами Ѳетюковича Достоевскій въ своемъ послѣднемъ романѣ добродушно иронизируетъ надъ фантастической изобрѣтательницей удольфскихъ тайнъ, была пора, когда и онъ, подобно Аполлону Григорьеву, высоко цѣнилъ рембрандтовскій колоритъ ея описаній и лихорадочно реагировалъ на ея „нервическое чутье“ жизни тѣней, привидѣній и призраковъ.

V.

Славу Анны Редклифъ раздѣлялъ въ началѣ столѣтія авторъ популярнѣйшаго въ ту эпоху романа „Мельмотъ-скиталецъ“ Матьюринъ. Онъ былъ однимъ изъ любимыхъ писателей нѣсколькихъ литературныхъ наставниковъ Достоевскаго — Гофмана, упомянувшаго его въ „Элексирѣ дьявола“, Гюго, испещрившаго свои первые романы эпиграфами изъ Матьюрина, Бальзака, признавшаго его величайшимъ современнымъ геніемъ, достойнымъ стать въ рядъ съ Мольеромъ и Гете. У насъ Пушкинъ высоко цѣнилъ Матьюрина и даже поставилъ его рядомъ съ Байрономъ:

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный...

---

[1]) „Тайны Удольфскаго замка“ — „The Misteries of Udolpho, a Romance interspersed with some pieces of Poetry“, London, 1794, — одинъ изъ популярнѣйшихъ романовъ Редклифъ.

Въ примѣчаніи къ этой строфѣ „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ записываетъ: „Мельмотъ — геніальное произведеніе Матьюрина“. Къ концу романа этотъ герой фигурируетъ среди новыхъ масокъ Онѣгина, который, быть можетъ, предстанетъ передъ читателями въ послѣдней части романа „Мельмотомъ, космополитомъ, патріотомъ“ [1]).

По свидѣтельству Григоровича, Достоевскій высоко цѣнилъ Матьюрина и зачитывался его романами. Онъ горячо рекомендовалъ своимъ товарищамъ вмѣстѣ съ книгами Гофмана и матьюриновскую „Исповѣдь англичанина, принимавшаго опіумъ“. Но среди романовъ Матьюрина нѣтъ подобнаго заглавія, и, вѣроятно, Григоровичъ имѣетъ здѣсь въ виду знаменитаго „Мельмота-скитальца“.

Это тема „Фауста“, разработанная въ духѣ романа приключеній. Одинъ изъ первыхъ Мельмотовъ, современникъ Кромвеля, оставилъ Ирландію, гдѣ основалась его семья, и долгое время прожилъ на континентѣ, занимаясь магіей, астрологіей и колдовствомъ. Имъ рано овладѣлъ „великій ангельскій грѣхъ“ умственной гордыни, и впослѣдствіи онъ всецѣло подчинился безграничному стремленію къ запретному знанію. Имѣя на своей совѣсти тяжесть этого перваго смертнаго грѣха, онъ рѣшается всячески оттянуть часъ своей смерти и загробнаго суда. Онъ выговариваетъ себѣ у дьявола даръ многовѣковой жизни подъ условіемъ предавать ему время отъ времени людскія души. Въ цѣляхъ собственнаго спасенія, Мельмотъ долженъ всячески увеличивать грѣхи и преступленія на землѣ, чтобы приготовлять своему адскому контрагенту тѣ человѣческія жертвы, цѣной которыхъ ему будетъ дарована отсрочка его наказанія. Онъ устанавливаетъ для себя безпощадный кодексъ величайшей враждебности ко всѣмъ, чьи грѣхи могутъ смягчить его участь, и въ своихъ скитаніяхъ не перестаетъ примѣнять законъ „перемѣщенія страданій“ — эту, по его словамъ, тонкую и возвышенную алхимію, способную превращать чужую преступность въ чистое золото собственнаго искупленія.

Существованіе Мельмота, послѣ его договора съ дьяволомъ превращается въ безпрерывное блужданіе вокругъ величайшихъ страданій въ поискахъ тѣхъ изнемогающихъ мучениковъ, которые согласились бы принять ужасныя условія дьявольскаго торга за избавленіе отъ невыносимыхъ пытокъ

---

[1]) „Евгеній Онѣгинъ“, гл. III, строфа III, гл. VIII, строфа VIII.

настоящаго. Онъ получаетъ способность мгновенно переноситься изъ страны въ страну и съ инстинктомъ хищника, издалека чующаго падаль, мчаться за тысячи верстъ ко всѣмъ очагамъ человѣческихъ страданій. Онъ появляется въ Испаніи, во Франціи, въ Ирландіи, въ Индіи, проносясь надъ морями, безпрепятственно проникая въ потайныя кельи монастырей и казематы темницъ. Онъ искушаетъ страдальцевъ всякаго рода: здороваго человѣка, попавшаго въ домъ умалишенныхъ, узниковъ, заключенныхъ въ тюрьмы инквизиціи, нищихъ, готовыхъ задушить своихъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ мученій голодной смерти. Онъ неизмѣнно является у смертнаго одра членовъ своего рода, когда ихъ пороки и грѣхи превращаютъ ихъ агонію въ томительнѣйшую пытку предчувствія наступающей кары. Коллекціонированіе неслыханныхъ страданій остается главной нитью повѣствованія, и шесть томовъ „Мельмота-скитальца", на всемъ своемъ протяженіи, являются сплошной эпопеей ужасовъ и мученій.

Въ этой безконечной серіи фантастическихъ приключеній не мало слабыхъ и наивныхъ сторонъ; примитивный сатанизмъ Мельмота, его театрально демоническая внѣшность — глаза, пылающіе адскимъ огнемъ на неподвижно строгомъ лицѣ; нагроможденіе мелодраматическихъ ужасовъ и нелѣпыхъ эпизодовъ, въ родѣ мученій двухъ влюбленныхъ въ одиночномъ заключеніи, гдѣ подъ конецъ они собираются съѣсть другъ друга — все это, при утомительномъ вплетеніи одного вставного разсказа въ другой до полнаго затемненія исходной фабулы, дѣлаютъ романъ Матьюрина въ наши дни совершенно неудобочитаемымъ.

Но сквозь всѣ недостатки романа очевидны тѣ достоинства, которыя могли вызвать восхищеніе такихъ цѣнителей, какъ Пушкинъ или Бальзакъ, признавшихъ даже геніальность Матьюрина. Изумительное богатство фантазіи и неистощимая изобрѣтательность въ обогащеніи основной фабулы занимательными побочными эпизодами, обостреніе интереса до захватывающей увлекательности, разнообразіе лицъ и положеній, наконецъ, размахъ главнаго замысла и обиліе сильныхъ и замѣчательныхъ идей, несомнѣнно, приближающихъ Мельмота къ такимъ міровымъ образамъ, какъ Манфредъ или Лермонтовскій Демонъ (эпизодъ съ Иммали) — все это дѣйствительно обнаруживаетъ въ Матьюринѣ творческій даръ недюжиннаго калибра.

Но особенно понятно увлеченіе Достоевскаго этимъ ро-

маномъ. Это сплошная эпопея психологическихъ пытокъ и жизненныхъ ужасовъ должна была сильно захватить его. Романтизмъ и мистическій элементъ „Мельмота-скитальца“ какъ нельзя лучше подходили къ его настроенію начала 40-хъ годовъ. Онъ, вѣроятно, тогда же высоко оцѣнилъ и апологію христіанства у Матьюрина и описанія кощунственныхъ соблазновъ его героевъ. Но особенно должна была поразить его въ англійскомъ романѣ богатѣйшая психологія мучительства.

Въ одной изъ главъ Мельмотъ рисуетъ передъ случайнымъ здоровымъ плѣнникомъ сумасшедшаго дома, заключеннымъ туда происками родственниковъ, ожидающую его перспективу медленной потери разсудка отъ вѣчнаго пребыванія въ средѣ умалишенныхъ. Онъ разворачиваетъ передъ нимъ полную картину этого неизбѣжнаго нарастанія безумія отъ безцѣльной и ужасной пустоты его существованія среди криковъ и воплей помѣшанныхъ, онъ предсказываетъ ему зарожденіе невольной потребности упиваться бредомъ сумасшедшихъ, чтобъ избавиться отъ собственныхъ мыслей, затѣмъ страшное сомнѣніе въ здоровомъ состояніи своего ума, наконецъ, мучительное желаніе какъ можно скорѣе самому погрузиться въ безуміе, чтобъ избавиться отъ убійственнаго сознанія своего медленнаго душевнаго умиранія. Эту мастерски написанную страницу психологической пытки Мельмотъ заканчиваетъ сравненіемъ этого состоянія нормальнаго человѣка въ атмосферѣ безумія съ ощущеніемъ тѣхъ смѣльчаковъ, свѣсившихся надъ пропастью, которые подъ конецъ готовы броситься въ нее, чтобъ избавиться отъ невыносимаго головокруженія.

Эти предтечи романтизма, которыми гораздо позже восхищались ихъ отдаленное потомки — Бодлэръ и Эдгаръ По, находились среди любимыхъ книгъ подростка Достоевскаго. По ихъ страницамъ онъ могъ узнать, что уже въ ясную эпоху Вольтера и Державина старинное равновѣсіе было нарушено первыми попытками новой литературы изображать таинственную тягу человѣческаго духа къ міру болѣзненнаго и чудеснаго.

VI.

Помимо англійскаго романа приключеній Достоевскій нашелъ не мало образцовъ того же рода и въ своей любимой французской литературѣ. Въ эпопею ужасовъ англійскихъ

авторовъ французскій романъ приключеній вноситъ нѣкоторые новые элементы. Онъ выдвигаетъ на первый планъ судебныя драмы и подробно воспроизводитъ засѣданія уголовныхъ судовъ, внося въ точное изображеніе судебнаго процесса цѣлый рядъ фантастическихъ инцидентовъ. Съ обычной склонностью французской литературы въ сторону рѣзкихъ антитезъ, онъ стремится постоянно развивать фабулу въ двухъ параллельныхъ плоскостяхъ — трущобной и великосвѣтской жизни. Упрощая и искажая нѣкоторыя уже носящіяся въ воздухѣ идеи романтической школы, французскій романъ-фельетонъ задолго до Гюго развиваетъ такія соединенія крайностей, какъ прелесть безобразія, честность каторги или цѣломудріе проституціи. Онъ даже проявляетъ въ полной мѣрѣ тотъ чисто романтическій культъ порока, грѣха и преступленія, который лучше всего возбуждаетъ въ читателѣ интересъ къ разсказу.

Въ этой вѣчной озабоченности о внѣшней занимательности повѣствованія французскіе творцы фельетоннаго романа очень искусно умѣли сообщать его ходу острый драматическій интересъ, пересыпая изложеніе всякихъ катастрофъ живыми, бойкими и интригующими діалогами, умѣло обрывая главы въ моментъ наивысшаго напряженія трагической фабулы и сообщая всему ходу дѣйствія безпрерывное и ускоренное движеніе. Таковъ по крайней мѣрѣ романъ-фельетонъ въ лицѣ его двухъ крупнѣйшихъ представителей — Фредерика Сулье и Евгенія Сю. Оба они были хорошо знакомы Достоевскому.

Эти представители тогдашняго бульварнаго романа во Франціи — Евгеній Сю, Фредерикъ Сулье, Поль де Кокъ были такими же любимцами русскихъ читателей 30-хъ и 40-хъ годовъ, какъ и англійскіе сатанисты. Ими зачитывались у насъ, на ряду съ Бальзакомъ, Жоржъ Зандъ и Дюма. Пока верхи тогдашней интеллигенціи углублялись въ манящія перспективы нѣмецкой философіи, читательскія массы набрасывались на всѣ соблазны французскаго романа. Пока Бакунины и Станкевичи до пресыщенія питали себя гегельянствомъ и шеллингизмомъ, свѣтская молодежь и даже провинціальныя барыни зачитывались трущобными приключеніями парижской бульварной литературы. Всѣ будущіе классики русскаго романа увлекались въ молодые годы этой литературой приключеній.

„Въ то время только начинали появляться „Монтекристо“

и разныя „Тайны“, „и я зачитывался романами Сю, Дюма и Поль де Кока“, разсказываетъ Толстой въ „Юности“. Гончаровъ, на ряду съ Жоржъ Зандъ и Бальзакомъ, зачитывается въ молодые годы всѣми представителями европейскаго романа приключеній во главѣ съ Анной Редклифъ, Евгеніемъ Сю, Фредерикомъ Сулье. Его увлеченіе Сю такъ велико, что частичный переводъ Атаръ-Гуля является первымъ литературнымъ трудомъ Гончарова, напечатаннымъ въ „Телескопѣ“ 1842 г.

Таковы же свидѣтельства Тургенева и философски-настроеннаго автора „Русскихъ Ночей“. Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Варвара Петровна зачитывается Бальзакомъ, Евгеніемъ Сю и Поль де Кокомъ, а одна изъ героинь Одоевскаго признается въ своемъ пристрастіи къ новымъ французскимъ романистамъ — Бальзаку, Евгенію Сю, Фредерику Сулье и Жоржъ Зандъ. Самъ Одоевскій признаетъ „Mémoires du Diable“ Сулье замѣчательной книгой.

Мнѣніе перваго критика подтверждало эти читательскія увлеченія. Бѣлинскій, принципіально признавшій обязанностью критика слѣдить за литературными вкусами толпы, поддался, въ данномъ случаѣ, ея настроенію и послѣ недолгихъ колебаній призналъ Поль де Кока однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ корифеевъ современной французской литературы, а Евгенія Сю — высокимъ и человѣчнымъ талантомъ [1]).

Неудивительно, что Достоевскій съ его жадной литературной впечатлительностью не остался внѣ этого общаго увлеченія.

Въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, мечтая о переводѣ міровыхъ классиковъ, Достоевскій, на ряду съ Бальзакомъ и Шиллеромъ, собирается переводить и Евгенія Сю. Послѣднія книжки необыкновенно популярнаго въ 40-е годы французскаго романиста были отобраны у Достоевскаго во время обыска 1847 г. Еще сильнѣе онъ восхищался непосредственнымъ предшественникомъ и учителемъ Евгенія Сю, творцомъ романа-фельетона — Фредерикомъ Сулье. Это имя пользовалось широкой популярностью въ кругу литературной молодежи 40-хъ годовъ. Михаилъ Лонгиновъ въ

---

[1]) Л. Н. Толстой, соч. 1903 г., I, 319. — П. Н. Сакулинъ. „Изъ исторіи русскаго идеализма. Кн. В. Ѳ. Одоевскій“. М. 1913. II, 123, 373. — Бѣлинскій, сочиненія (изд. С. А. Бенгерова). III, 430. — Гончаровъ. Вторая автобіографія. Первая автобіографія. „Русская Ст.“, 1911, CXLVIII, X, стр. 37.

своемъ „Листкѣ изъ воспоминаній“ (Собраніе сочиненій А. В. Дружинина, томъ 8, Спб. 1867, стр. XI) разсказываетъ о радостно возбужденномъ настроеніи сотрудниковъ молодого „Современника“. „Пародіи, посланія, поэмы и всевозможныя литературныя шалости составили цѣлую рукописную литературу. Кто-то предложилъ связывать всѣ наши imbroglio нитью длиннаго романа на манеръ „Mémoires du Diable“ или „Confession générale“ Фредерика Сулье.

Григоровичъ разсказываетъ, что вскорѣ послѣ выхода изъ инженернаго училища Достоевскій „очень пристрастился къ романамъ Фредерика Сулье“, при чемъ особенно восхищали его „Записки демона“. Этотъ фантастическій романъ („Les mémoires du Diable“), написанный въ духѣ „Хромого чорта“ Лессажа, замѣчателенъ тѣмъ, что уже на первыхъ своихъ страницахъ онъ даетъ подробный теоретическій манифестъ бульварнаго творчества. Достоевскій, восхищавшійся „Записками демона“, долженъ былъ хорошо запомнить это мѣсто. Впослѣдствіи, вводя въ свои романы самые примитивные и потрясающіе эффекты народныхъ зрѣлищъ, онъ часто только осуществлялъ остроумные завѣты отца бульварнаго романа и всецѣло опирался на его авторитетный опытъ.

„О, молодые люди, — обращается Сулье къ начинающимъ авторамъ, — вы мечтали только о возвышенномъ трудѣ геніевъ, о чистомъ и священномъ пѣніи прекраснѣйшихъ міровыхъ голосовъ, объ искреннемъ и глубокомъ раскрытіи истины, — вы ошибались, молодые люди, вы жестоко заблуждались. Когда вы попросите у публики вниманія для вашихъ прямодушныхъ и прекрасныхъ рѣчей, вы увидите, какъ она бросится слушать грубые разсказы самыхъ тривіальныхъ авторовъ и ошеломляющія извѣстія уголовныхъ листковъ. Вы увидите, какъ эта старая развратница станетъ издѣваться надъ дѣвственностью вашей музы и начнетъ кричать ей: „Да ну же, блудница, или убирайся къ чорту, или займи меня! Мнѣ нужны сильныя возбуждающія средства, чтобъ оживить притупленную впечатлительность“. — „Послушай-ка, говоритъ теперь читатель автору, есть ли у тебя въ запасѣ дикія кровосмѣшенія и чудовищныя измѣны, потрясающія оргіи преступленій и страстей, неудобныя даже для передачи? Если нѣтъ, замолчи сейчасъ же и отправляйся влачить свои дни въ нищетѣ и безвѣстности“. Слышите ли вы это, молодые люди? Нищета

и безвѣстность — вѣдь не къ этому вы стремитесь! Что же вы предпримите? Вы возьмете перо, листъ бумаги и надпишете на немъ заголовокъ: „Воспоминанія дьявола“...

Таковъ былъ одинъ изъ уроковъ, которые далъ юношѣ Достоевскому современный французскій романъ. Въ эпоху образованія его литературной манеры, среди любимыхъ книгъ его, находился этотъ романъ, всецѣло посвященный изображенію мрачнѣйшихъ ужасовъ и несчастій, грабежей, подлоговъ, кровосмѣшеній и убійствъ. И впечатлѣніе отъ него было настолько сильно, что даже на послѣднемъ романѣ Достоевскаго можно еще уловить его отголоски. Чортъ Ивана Карамазова мѣстами, несомнѣнно, выдержанъ въ стилѣ демона Сулье. Общій тонъ разговора у обоихъ дьяволовъ одинаковъ. Чортъ „Мемуаровъ“ пародируетъ библію, цитируетъ Дидро и Ювенала, мадамъ де-Сталь, Мальбранша и Вольтера. Онъ съ насмѣшливымъ спокойствіемъ и легкой скукой издѣвается надъ міромъ, людьми, своимъ собесѣдникомъ и самимъ собою, жонглируя знаменитыми именами, научными теоріями и историческими фактами, чтобъ неожиданно проявить какую-то странную серьезность, временами даже грустную вдохновенность, и затѣмъ опять вернуться къ скучающей ироніи[1]).

Непосредственный ученикъ Фредерика Сулье — Эженъ Сю достигъ въ этомъ литературномъ родѣ величайшей виртуозности. Въ его романахъ было не мало сторонъ, которыя должны были сильнѣйшимъ образомъ заинтересовать Достоевскаго. Это прежде всего вѣчная тема о нищетѣ большихъ городовъ, это затѣмъ традиціонная романтическая смѣсь фантастики съ реальнымъ, которая въ „Вѣчномъ жидѣ“ сказывается въ странномъ замыслѣ помѣстить въ Европѣ XIX столѣтія воскресшіе образы Саломеи и Агасфера.

Цѣлый рядъ другихъ чертъ и замысловъ Сю мы находимъ впослѣдствіи въ повѣстяхъ и романахъ Достоевскаго.

---

[1]) Вотъ одинъ изъ характерныхъ образцовъ его діалоговъ: „Читалъ ли ты когда-нибудь Мольера? — Сатана, ты злоупотребляешь моимъ терпѣніемъ! — Но все же, читалъ ли ты когда-нибудь Мольера? — Да, я его читалъ, прочелъ и перечиталъ. — Ну, если ты его читалъ, прочелъ и перечиталъ, замѣтилъ ли ты когда-нибудь, что этотъ шутливый поэтъ обладалъ самой серьезной мыслью всей своей эпохи? Замѣтилъ ли ты, что этотъ писатель, говорившій обо всемъ въ такихъ сырыхъ выраженіяхъ, былъ самой цѣломудренной душой своего времени? Замѣтилъ ли ты, что этотъ забавный насмѣшникъ имѣетъ самое грустное сердце своего вѣка“ и т. д.

Рѣзкая критика католицизма и полемика съ іезуитами, апоѳеозъ Наполеона, изображенія новыхъ ночныхъ оргій столичныхъ рабочихъ, оправданіе всякаго преступленія, какъ неизбѣжнаго продукта соціальныхъ неравенствъ — вотъ основныя тенденціи романовъ Сю. Въ средѣ его героевъ мы находимъ нищую мачеху, отправляющую свою 16-лѣтнюю падчерицу торговать своимъ тѣломъ (Маделена и Волчица), бѣглыхъ каторжниковъ, способныхъ на чудовищныя кощунства (Шуринеръ), героически-благородныхъ блудницъ (Гуалэза) маркизовъ-эпилептиковъ (д'Арвиль), графовъ, совершающихъ подлоги (Сенъ-Реми), и дряхлыхъ сладострастниковъ, умирающихъ въ конвульсіяхъ старческой похоти (нотаріусъ Ферранъ). Нужно ли напоминать имъ въ параллель аналогичные образы Достоевскаго — Катерину Ивановну, отсылающую на уличный промыселъ падчерицу Соню, Ѳедьку Каторжнаго, Настасью Филипповну и ея эпилептика-князя, старика Карамазова или князей Валковскихъ и Сокольскихъ, совершающихъ всякія преступленія и подлоги?

Но особенно должны были привлечь автора „Бѣдныхъ людей" quasi соціальныя тенденціи этой литературы. Популяризируя ходячія идеи Фурье, Сенъ-Симона и Овена, Эженъ Сю постоянно претендовалъ на званіе общественнаго трибуна и соціальнаго реформатора. Ему удалось добиться этого признанія далеко за предѣлами Франціи [1]). Если такіе журналы, какъ „Dèmocratie pacifique" отзывались о Евгеніи Сю, какъ о пламенномъ защитникѣ демократическихъ идей, новомъ законодателѣ и достойнѣйшемъ преемникѣ Ж. Ж. Руссо, — удивительно ли, что у насъ Бѣлинскій принялъ бульварныя эпопеи этого ловкаго разсказчика за серьезные опыты соціальнаго романа, а экзальтированный юноша Достоевскій собирался переводить „Матильду" Сю на ряду съ „Евгеніей Гранде"?

Это, во всякомъ случаѣ, не пройдетъ для него безнака-

---

[1]) Въ статьѣ о Евгеніи Сю, Валеріанъ Майковъ, отмѣчая всѣ недостатки французскаго романиста и замѣтное паденіе таланта въ его послѣднихъ произведеніяхъ, даетъ любопытную характеристику его „Парижскихъ тайнъ". „Авторъ Саламандры поставилъ себѣ задачей изобразить въ широкихъ рамкахъ всю бездну несчастій, тяготѣющихъ надъ классомъ неимущихъ, безпріютныхъ передъ закономъ, малолѣтнихъ, лишенныхъ воспитанія, слабоумныхъ, больныхъ всей многочисленной страждущей братьи. Парижъ доставилъ ему богатый матеріалъ"...

занно. „Униженные и оскорбленные“, „Преступленіе и наказаніе“, даже „Бѣсы“ еще мѣстами окрашены въ тона „Парижскихъ тайнъ“ [1]).

VII.

Къ этой старинной литературѣ приключеній былъ необыкновенно близокъ историческій романъ, созданный романтической школой. Его крупнѣйшіе представители, Вальтеръ Скоттъ и Гюго, были горячими поклонниками авантюрной литературы. Одинъ изъ первыхъ русскихъ историческихъ романистовъ, Загоскинъ, былъ воспитанъ на Аннѣ Редклифъ.

Такимъ образомъ, помимо непосредственнаго знакомства съ авторами „Удольфскихъ тайнъ“ и „Мельмотовъ-скитальцевъ“, Достоевскій продолжалъ воспитываться въ ихъ школѣ, зачитываясь „Айвенго“, „Соборомъ Парижской Богоматери“ и даже „Юріемъ Милославскимъ“. Историческій романъ, смѣнившій литературу приключеній, продолжалъ разрабатывать въ прежнемъ направленіи методы его повѣствовательной техники.

Въ раннюю эпоху Достоевскій высоко цѣнилъ Вальтеръ-Скотта. Онъ прочелъ его еще въ первомъ пансіонѣ и затѣмъ заставляетъ своихъ раннихъ героинь — Настеньку въ „Бѣлыхъ ночахъ“ и Неточку Незванову — зачитываться авторомъ „Айвенго“.

Эти увлеченія понятны. Въ шотландскомъ романистѣ было не мало свойствъ, которыя должны были вызвать сильнѣйшія симпатіи въ Достоевскомъ.

Сюда относится прежде всего средневѣковый мистицизмъ Вальтера Скотта, его вѣра въ чудесное, его загадочные разсказы о явленіяхъ „второго зрѣнія“, вся демонологія и магія

---

[1]) Опубликованные недавно новые матеріалы подтверждаютъ длительность увлеченія Достоевскаго нѣкоторыми прочитанными имъ въ молодости писателями, въ частности Эженомъ Сю. Е. А. Штакеншнейдеръ въ своемъ дневникѣ 1884 г. („Голосъ Минувшаго“ 1916, II, стр. 80) приводитъ данныя, указывающія на положительное отношеніе Достоевскаго къ Эжену Сю уже въ 70-е годы. „Любимымъ писателемъ Достоевскаго былъ Диккенсъ; но еще любилъ онъ и не разъ рекомендовалъ мнѣ прочесть Жиль Блаза, „Martin l'Enfant trouvé“ Сю... У Сю тоже есть сходство съ Достоевскимъ. Трое они, т. е. Диккенсъ, Сю и Достоевскій, пѣвцы униженныхъ и оскорбленныхъ...“ Здѣсь любопытно отмѣтить интересъ Достоевскаго къ тому роману Сю, въ которомъ разрабатывается излюбленная тема литературы приключеній — потерянный и найденный ребенокъ — частично отразившаяся на фабулѣ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“.

его романовъ. Онъ едва ли не первый сообщилъ драматическій характеръ романическому дѣйствію и далъ своимъ преемникамъ обильные образцы того живого, разнообразнаго, гибкаго и выразительнаго діалога, которому суждено было вытѣснить прежнія длинныя описанія, вступленія и авторскія разъясненія.

Рѣдкое искусство Достоевскаго въ діалогѣ, быть можетъ, беретъ начало въ школѣ Вальтеръ Скотта [1]).

Но несравненно значительнѣе было его увлеченіе Викторомъ Гюго, длившееся и въ позднѣйшую эпоху. Оно не ограничилось историческими романами французскаго поэта и захватило его творчество почти въ полномъ объемѣ.

Уже въ инженерномъ училищѣ онъ прочитываетъ стихотворенія и ранніе романы Гюго (оставляя непрочитанными, повидимому, однѣ только драмы: „Викторъ Гюго, кромѣ Кромвеля и Гернани", сообщаетъ онъ брату о своихъ чтеніяхъ). Онъ признаетъ автора „Одъ и балладъ" величайшимъ лирикомъ съ „чисто ангельскимъ характеромъ, съ христіанскимъ, младенческимъ направленіемъ поэзіи", съ которымъ не могутъ въ этомъ сравниться ни Шиллеръ, ни Шекспиръ, ни Байронъ, ни Пушкинъ. „Только Гомеръ, заключаетъ онъ — съ такою же непоколебимою увѣренностью въ призваніи, съ младенческимъ вѣрованіемъ въ Бога поэзіи, которому служитъ онъ, похожъ въ направленіи источника поэзіи на Victor'a Hugo".

Это увлеченіе сказывалось и въ позднѣйшую эпоху. Съ первыхъ же книжекъ своего перваго журнала „Время", Достоевскій начинаетъ печатать переводъ „Соборъ Парижской Богоматери". Путешествуя за границей въ 1862 г., онъ, по свидѣтельству Страхова, проглатываетъ въ недѣлю по три-четыре тома только что появившихся „Les miserables". Уже въ 1876 году онъ ставитъ себѣ въ образецъ шедевръ Виктора Гюго „Послѣдній день приговореннаго къ смертной казни" и признаетъ этотъ психологическій этюдъ французскаго романиста „самымъ реальнѣйшимъ и самымъ правдивѣйшимъ изъ всѣхъ имъ написанныхъ".

Идейная близость Гюго и Достоевскаго во многомъ очевидна. Темы о „бѣдныхъ людяхъ" (у Гюго есть поэма

---

[1]) Въ замѣчательномъ автобіографическомъ отрывкѣ Достоевскаго „Петербургскія сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ", напечатанномъ въ журналѣ „Время" 1861 г. и перепечатанномъ въ „Русской Мысли", январь 1916 г., Достоевскій вспоминаетъ романъ „Монастырь" Вальтеръ Скотта.

„Les pauvres gens“, написанная послѣ романа Достоевскаго), объ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, протесты противъ смертной казни, реабилитація преступниковъ, наконецъ, проповѣдь общечеловѣческаго единенія, — все это одинаково вводитъ въ романы Гюго и Достоевскаго соціальные мотивы и сообщаетъ имъ богатѣйшій матеріалъ для психологическихъ изслѣдованій.

Но не меньшее вниманіе Достоевскій обратилъ на сложную архитектонику романовъ Гюго. Онъ разсмотрѣлъ въ ней исконное стремленіе автора возбуждать въ читателѣ острый интересъ къ темѣ и безпрерывно держать его вниманіе въ состояніи крайняго напряженія. Онъ замѣтилъ всѣ средства, направленныя къ достиженію этой главной цѣли: сгущеніе красокъ, безмѣрныя преувеличенія, игра контрастами, внесеніе антитезъ не только въ слогъ, но и въ замыслы и образы, безпрерывная смѣна исключительныхъ эффектовъ, нагроможденіе необычайныхъ приключеній и неожиданныхъ катастрофъ и, наконецъ, громадное количество героевъ, набранныхъ изъ самыхъ противоположныхъ общественныхъ круговъ и открывающихъ широкую возможность автору смѣнять съ неимовѣрной быстротой разнообразнѣйшія романическія положенія.

Смѣсь всевозможныхъ повѣствовательныхъ элементовъ въ „Les miserables“, — историческія страницы о Ватерлоо, о революціи 1830 г., изображеніе каторжниковъ, сыщиковъ, гризетокъ, епископовъ въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства, нищихъ мечтателей, исповѣдующихъ культъ Наполеона (общій психологическій рисунокъ Раскольникова сильно напоминаетъ героя „Отверженныхъ“ Марія Понмерси), наконецъ, разнообразіе главныхъ мѣстъ дѣйствія — каторга, монастырь, милліонный городъ, парижская клоака, фабричные центры, поля сраженій — все это продолжало указывать Достоевскому на необходимость безконечно разнообразить среду, дѣйствіе и героевъ въ романахъ, ставящихъ передъ собой такія чисто философскія задачи, какъ изображеніе путей отъ зла къ добру, отъ несправедливости къ правѣ, отъ атеизма къ вѣрѣ.

Русскій историческій романъ тогдашней эпохи, вскормленный образцами Вальтеръ Скотта, продолжалъ укрѣплять въ поэтикѣ Достоевскаго тѣ же принципы увлекательнаго повѣствованія. Загоскинъ и Лажечниковъ фигурировали въ программѣ семейныхъ чтеній штабъ-лѣкаря Маріинской больницы еще въ срединѣ 30-хъ годовъ. Черезъ десять лѣтъ

Достоевскій въ почтительномъ тонѣ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ „Рославлева". Фабула знаменитаго „Юрія Милославскаго" сводится къ типичному изображенію тѣхъ безчисленныхъ препятствій, которыя приходится преодолѣвать сподвижнику князя Пожарскаго для вступленія въ бракъ съ боярышней Кручиной-Шелонской. Это обычный стержень стариннаго романа приключеній и, въ частности, это руссифицированный сюжетъ тѣхъ „Удольфскихъ тайнъ", которыми Загоскимъ зачитывался въ молодые годы [1]).

Но изъ отечественной литературы начала прошлаго столѣтія Достоевскій особенно увлекался однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей русскаго романа приключеній.

Среди учителей Достоевскаго находился и тотъ полузабытый писатель, котораго Бѣлинскій призналъ родоначальникомъ русскихъ романистовъ, — авторъ „Россійскаго Жильблаза", Нарѣжный.

Уже заглавіе его крупнѣйшаго произведенія по образцу знаменитаго романа Лессажа открыто указываетъ на зависимость малорусскаго эпика отъ европейскаго roman d'aventures. По свидѣтельству прилежнѣйшей изслѣдовательницы творчества Нарѣжнаго, „романъ съ приключеніями" всего замѣтнѣе отразился на его произведеніяхъ, сообщивъ имъ утомительное разнообразіе самыхъ причудливыхъ и неправдоподобныхъ приключеній, съ множествомъ вводныхъ лицъ и крайне запутанною любовною завязкой.

По примѣру западныхъ образцовъ, Нарѣжный въ своихъ большихъ романахъ ставитъ себѣ задачей изображеніе людей разнообразнѣйшихъ типовъ и общественныхъ категорій.

---

[1]) И. И. Замотинъ доказываетъ тождество фабулъ „Юрія Милославскаго" и „Войны Монтроза" Вальтеръ Скотта. По словамъ этого изслѣдователя, „Загоскинъ нуждался не въ простой, а въ занимательно построенной и эффектно обставленной фабулѣ", каковую онъ и нашелъ въ цѣлой группѣ романовъ шотландскаго писателя. Онъ впервые примѣнилъ на русской почвѣ литературную манеру Вальтеръ Скотта. Но Достоевскаго онъ могъ привлекать не только внѣшней стороной своихъ писаній, но всѣмъ своимъ направленіемъ. „Повѣсть о русской духовной правдѣ и объ иностранной, въ особенности французской, кривдѣ — вотъ неистощимая тема его произведеній, замѣчаетъ И. И. Замотинъ. Романтическій націонализмъ Загоскина былъ близокъ къ славянофильскому міровоззрѣнію, и въ этомъ отношеніи романъ Загоскина является несомнѣннымъ свидѣтельствомъ связи по идеѣ и формѣ между русскимъ славянофильствомъ и западноевропейскимъ романтическимъ идеализмомъ. — И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ въ русской литературѣ т. I, 347 и слѣд., 377.

Съ этой цѣлью онъ параллельно проводитъ въ романѣ нѣсколько фабулъ, какъ бы объединяя группу разнородныхъ повѣстей приключеніями главнаго героя. Завязка развѣтвляется въ безчисленныхъ новыхъ эпизодахъ, и судьбы дѣйствующихъ лицъ запутываются въ нарастающей серіи всевозможныхъ похожденій.

Достоевскій прочелъ Нарѣжнаго еще въ школьномъ возрастѣ, когда, по свидѣтельству брата, онъ неоднократно перечитывалъ „Бурсака". Это типичнѣйшій романъ приключеній начала вѣка. Похищенія съ переодѣваніями, разбойничьи шайки, сраженія, возстанія, бѣгства, неожиданныя столкновенія, совпаденія и встрѣчи, потерянныя дѣти, неожиданно находящія своихъ родителей, гонимые любовники, проклятые ихъ отцами — вотъ главный матеріалъ для нанизыванія безчисленныхъ эпизодовъ. На протяженіи всего своего разсказа авторъ не перестаетъ возбуждать вниманіе читателя разжигающими предупрежденіями и подчеркиваніями сенсацій.

„Происшествія дня сего были для меня такъ диковинны, что голова кружилась"... „Въ сіе время начали колебаться умы отъ политической заразы. Сперва тайно, а потомъ и явно начали говорить на базарахъ, въ шинкахъ и въ классахъ семинаріи, что гетманъ"... и т. д. „Теперь приступаю къ описанію одного изъ важнѣйшихъ происшествій моей жизни, имѣвшаго великое вліяніе на дальнѣйшіе случаи". Таковы образцы тѣхъ предупрежденій читателя о готовящихся катастрофахъ, которыя являются одной изъ характернѣйшихъ особенностей повѣствовательной манеры Достоевскаго.

Но самымъ типическимъ признакомъ романа приключеній является въ „Бурсакѣ" основной узелъ фабулы — тема о потерянномъ и найденномъ ребенкѣ. Главный герой Неонъ только передъ смертью своего пріемнаго отца, дьячка Варуха, узнаетъ, что онъ не родной сынъ священника. Подъ конецъ романа послѣ безчисленныхъ треволненій и похожденій, когда несчастный Неонъ стоитъ передъ судомъ грознаго гетмана, ожидая жестокаго осужденія, неожиданно обнаруживается, что онъ родной внукъ своего судьи, т.-е. сынъ гетманской дочери, бѣжавшей отъ отца и давно имъ проклятой. На послѣднихъ страницахъ романа старый гетманъ, изнемогая и теряя силы, мчится передъ смертью въ послѣдній разъ взглянуть на своихъ дѣтей послѣ двадцатилѣтней разлуки, чтобы простить, наконецъ, своей дочери грѣхъ ея

ослушанія. Въ окончательной развязкѣ обнаруживается, что первая юношеская любовь Неона — прелестная Мелита — его родная сестра, а жена его, Неонила, вынуждена пройти черезъ аналогичную сцену примиренія съ разгнѣваннымъ отцомъ.

Такими романами Достоевскій зачитывался въ 30-е и 40-е годы. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ и въ позднѣйшую эпоху сохранилъ сочувственное отношеніе. Составъ его литературныхъ учителей отличался всегда пестротою и, рядомъ съ классическими именами, совмѣщалъ тѣхъ повѣствователей необыкновенныхъ приключеній, которые не переставали направлять его литературные вкусы и творческія наклонности въ сторону мелодрамы.

Въ своихъ собственныхъ созданіяхъ онъ часто насмѣшливо отзывается объ этой пестрой литературѣ и даже мимоходомъ пытается иногда пародировать нѣкоторыя типическія черты ея. Уже въ первой повѣсти онъ иронизируетъ надъ русскими бульварными романами, надъ всякими „Итальянскими страстями“ или „Ермаками и Зюлейками“, съ ихъ пламенными пассажами: — „Графиня! — вскричалъ онъ, — графиня!.. Вся кровь твоего мужа не зальетъ бѣшенаго клокочущаго восторга любви моей!“.. Онъ насмѣшливо вспоминаетъ въ „Селѣ Степанчиковѣ“ тѣ романы, которые стряпались въ Москвѣ въ 30-е годы десятками подъ кричащими заглавіями „Атаманы бурь“, „Сыновья любви или русскіе въ 1104 г.“.

И все же нѣкоторыя черты этой или близко ей родственной литературы, несомнѣнно, отмѣтятъ его творчество. Увлеченіе Матьюриномъ, Фредерикомъ Сулье или Евгеніемъ Сю не проходитъ безнаказанно. Дорогой цѣной антихудожественныхъ запутываній и грубыхъ эффектовъ своихъ собственныхъ страницъ Достоевскій заплатитъ за свое восхищеніе „Тайнами Парижа“ или „Мемуарами дьявола“. До конца его философскій романъ не вполнѣ избавится отъ многихъ налетовъ фельетоннаго эпоса бульварныхъ романистовъ, и всѣ метафизическія „pro“ и „contra“ его богословскихъ диспутовъ не смогутъ устранить изъ основной фабулы тѣхъ запутанныхъ и загадочныхъ приключеній, которыя обращаютъ насъ къ Аннѣ Редклифъ или Фредерику Сулье.

Во всякомъ случаѣ, всѣхъ этихъ неистощимыхъ изобрѣтателей ужасовъ и интригъ нужно извлечь изъ архивной пыли, чтобы понять пріемы и технику одного изъ величайшихъ романистовъ новаго времени.

VIII.

Каковы же слѣды этой старинной романической литературы на творчествѣ Достоевскаго? И поддаются ли точному учету эту отдаленныя отраженія его юношескихъ чтеній на позднѣйшихъ страницахъ окончательно сформировавшагося писателя?

Въ области романической композиціи эти элементы старой литературы приключеній можно установить съ достаточной точностью. Мы, конечно, не найдемъ у Достоевскаго ни дворцовыхъ подваловъ, ни потайныхъ дверей, ни черныхъ плащей и широкополыхъ фетровъ, ни кинжаловъ и ядовъ, — словомъ, ничего изъ того опернаго балласта мелодрамы, который Вальтеръ Скоттъ, Гюго и Бальзакъ еще подчасъ пытались использовать въ своихъ романахъ. Но если вся эта декорація и бутафорія не могутъ найти себѣ примѣненіе въ изображеніи русскаго быта середины прошлаго столѣтія, едва ли не всѣ остальныя черты романа-мелодрамы вошли въ творчество Достоевскаго.

Онъ прежде всего воспроизвелъ — единственный разъ во всей исторіи классическаго русскаго романа — типичныя фабулы авантюрной литературы. Традиціонные узоры европейскаго романа приключеній не разъ послужили Достоевскому эскизными образцами для построенія его интригъ.

Онъ пользовался даже трафаретами этого литературнаго жанра. Въ разгарѣ спѣшной работы онъ соблазнялся ходячими типами авантюрныхъ фабулъ, захватанныхъ бульварными романистами и фельетонными повѣствователями. Онъ зналъ, что въ его рукахъ этотъ низкопробный матеріалъ поднимется путемъ углубленныхъ психологическихъ этюдовъ и оживленныхъ діалоговъ до степени и значенія лучшихъ образцовъ романической литературы.

Онъ использовалъ и самый характерный типъ романа фельетона: „Негодяй, украшенный сіятельнымъ титуломъ и чертами демонической красоты, обольщаетъ кроткую дѣвушку, забираетъ ея состояніе и бросаетъ ее на произволъ судьбы. Бѣдная дѣвушка, покинутая злодѣемъ-любовникомъ и проклятая суровымъ отцомъ, погружается въ нищету, заболѣваетъ чахоткой, сходитъ съ ума и бродитъ по шумнымъ и равнодушнымъ улицамъ милліоннаго города, выпрашивая милостыню съ ребенкомъ на рукахъ. Вскорѣ она умираетъ отъ истощенія и горя, не отомстивъ сіятельному негодяю и

не получивъ прощенія отъ безпощаднаго отца. Узнавъ объ агоніи дочери, онъ, впрочемъ, смягчается и спѣшитъ къ ней со словами прощенія, но поспѣваетъ уже только къ остывающему трупу. Начинается новая эпопея маленькой нищенки, исполненная мрачныхъ гоненій и чудесныхъ благодѣяній — побоевъ, болѣзней, насильственныхъ продажъ въ дома разврата и неожиданныхъ спасеній, пока, наконецъ, въ развязкѣ не обнаруживается, что несчастная нищенка — дочь извѣстнаго князя, который оказывается, въ довершеніе всѣхъ этихъ неожиданностей законнымъ мужемъ ея покойной матери. Такова фабула „Униженныхъ и оскорбленныхъ".

Легкое измѣненіе въ комбинаціи этихъ элементовъ, и получается новый сюжетъ. Опять маленькая нищенка, опять чердакъ, болѣзнь, безуміе, трагическая смерть чахоточной матери, а рядомъ княжескія палаты и цѣлая сѣть неожиданныхъ совпаденій, сплетающихъ эти два крайнихъ полюса столичной жизни. Въ центрѣ загубленный талантъ, безумный художникъ, поэтъ или безпутный музыкантъ, непризнанный геній, охваченный на своемъ чердакѣ маніей величія, а вокругъ него разворачиваются сцены жестокости, самоотверженности, издѣвательства, и главный узелъ фабулы осложняется неожиданной находкой старыхъ, забытыхъ писемъ, раскрывающихъ еще живыя тайны. Таковъ абрисъ незаконченной „Неточки Незвановой".

Достоевскій пользовался этими типами бульварнаго романа и въ позднѣйшій періодъ своего творчества. Даже въ своихъ послѣднихъ романахъ онъ прибѣгаетъ къ этому своеобразному пріему очерчивать внѣшнюю судьбу своихъ глубочайшихъ психологическихъ образовъ по обычнымъ контурамъ мелодрамы.

Въ этомъ отношеніи необыкновенно любопытна судьба загадочнаго „принца Гарри" — Ставрогина. Основной абрисъ его жизни — это обычная канва мелодрамы. Злодѣй, аристократъ, богачъ и красавецъ, отмѣченный обязательными чертами демонизма, онъ блистаетъ въ гвардіи и въ столичномъ высшемъ свѣтѣ. Но бретерство, публичныя оскорбленія свѣтскихъ женщинъ и жестокіе поединки приводятъ его къ суду и разжалованію въ солдаты. Отбывъ наказаніе, онъ снова появляется въ столицѣ, но уже въ самыхъ грязныхъ трущобахъ среди нищихъ, пьяницъ и послѣдняго отребья столичнаго населенія. Здѣсь этотъ аристократъ находитъ свою жену въ лицѣ нищей калѣки и

идіотки. Затѣмъ, послѣ періода загадочнаго исчезновенія, онъ снова всплываетъ на поверхность общества, хотя тайно продолжаетъ поддерживать свою связь съ бѣглымъ каторжникомъ. По его приказу, этотъ разбойникъ зарѣзываетъ неугодныхъ ему лицъ и поджигаетъ цѣлые кварталы, пока его повелитель, какъ новый Неронъ, любуется среди любовной оргіи пылающимъ городомъ.

Какое бы художественное и философское значеніе ни получилъ въ обработкѣ Достоевскаго образъ Ставрогина, онъ все же, несомнѣнно, обязанъ своимъ происхожденіемъ бульварному роману. Генезисъ героя „Бѣсовъ" уходитъ своими корнями въ „Тайны Парижа". Внѣшняя исторія Ставрогина — точное воспроизведеніе приключеній Родольфа. Этотъ образъ Эжена Сю необыкновенно типиченъ. Владѣтельный князь (извѣстно, что Ставрогинъ, по первоначальному плану Достоевскаго, тоже былъ княземъ), богатый, умный, богатырски энергичный и властный, обладающій изумительной силой воли и геркулесовской мощью мускуловъ, способный перескочить черезъ всѣ препятствія и повалить къ своимъ ногамъ опытнѣйшаго боксера, этотъ герой Сю блещетъ своимъ тончайшимъ остроуміемъ въ салонахъ и можетъ съ одинаковой ловкостью поразить эпиграммой свѣтскаго хлыща и уложить кулакомъ быка на аренѣ. Всѣмъ окружающимъ женщинамъ онъ внушаетъ чувство непреодолимой страсти и священнаго благоговѣнія. Но пренебрегая любовью великосвѣтскихъ львицъ и уваженіемъ сильныхъ міра, опускается на дно столичныхъ трущобъ, гдѣ находитъ какое-то странное удовлетвореніе въ дружбѣ съ бывшимъ каторжникомъ и нищей проституткой. По одному только образу этого бульварнаго Ставрогина, можно судить о длительности вліяній на Достоевскаго его юношескихъ чтеній.

Нѣтъ, кажется, ни одного атрибута стараго романа приключеній. который не былъ использованъ Достоевскимъ. Помимо таинственныхъ преступленій и массовыхъ катастрофъ, титуловъ и неожиданныхъ состояній, мы находимъ здѣсь типичнѣйшую черту мелодрамы — скитанія аристократовъ по трущобамъ и товарищеское братаніе ихъ съ общественными подонками. Среди героевъ Достоевскаго это черта не одного только Ставрогина. Она въ равной степени свойственна и князю Валковскому, и князю Сокольскому, и даже отчасти князю Мышкину. Одинъ изъ нихъ даже оказывается чуть ли не фальшивомонетчикомъ. — „Я уголов-

ный преступникъ и участвую въ поддѣлкѣ фальшивыхъ акцій —ской дороги“ — ошеломляетъ этотъ представитель древняго княжескаго рода своего собесѣдника, не болѣе подготовленнаго къ этому признанію, чѣмъ и читатель романа.

Мы находимъ у Достоевскаго и стремительный, катастрофическій исходъ сложной громоздкой фабулы. Развязка „Бѣсовъ“ своимъ обиліемъ ужасовъ и смертей превосходитъ самыя кровавыя мелодрамы. Пожаръ половины города, трое зарѣзанныхъ въ подожженномъ и несгорѣвшемъ домѣ, подпольное убійство Шатова, загадочное убійство Федьки Каторжнаго, открытое убійство Лизы Дроздовой разсвирѣпѣвшей толпой, самоубійство Кириллова, самоубійство Ставрогина, наконецъ, естественная смерть родоначальника и невольнаго патріарха всѣхъ этихъ „бѣсовъ“ — Степана Трофимовича, — такое количество труповъ въ одномъ художественномъ произведеніи позволялъ себѣ безнаказанно, кажется, одинъ только Шекспиръ.

Этимъ не ограничилось воспроизведеніе главныхъ пріемовъ романа приключеній. Достоевскій ввелъ въ свое повѣствованіе и другіе характерные атрибуты его—подслушиваніе важныхъ и таинственныхъ разговоровъ, часто даже изъ сосѣднихъ квартиръ (Свидригайловъ, Долгорукій), обладаніе скандальными документами, невидимо объединяющими цѣлый рядъ враждующихъ между собою лицъ („Подростокъ“), невольныя посвященія въ нераскрытое еще преступленіе, публичные скандалы, дуэли (Ставрогинъ, Зосима), внезапные обмороки, эпилептическіе припадки и даже неожиданныя пощечины, все съ той же цѣлью искусственнаго усиленія интереса и живости повѣствованія.

Этимъ послѣднимъ пріемомъ, который относится къ роду примитивнѣйшихъ народныхъ зрѣлищъ, Достоевскій положительно злоупотребляетъ. Пощечины, которыя князь Мышкинъ получаетъ отъ Гани Иволгина, Ставрогинъ отъ Шатова, Верховенскій отъ Федьки Каторжнаго, Версиловъ отъ князя Сокольскаго, Долгорукій отъ Бьоринга, являются обыкновенно рѣзкимъ обозначеніемъ новаго этапа въ запутанной романической интригѣ или же спасительнымъ coups de théâtre въ сложныхъ сценахъ, требующихъ усиленной смѣны эффектовъ.

Въ старинномъ романѣ, какъ и въ драмѣ XVIII вѣка, фамиліи героевъ обозначали ихъ нравственныя свойства. Въ средѣ героевъ Нарѣжнаго, напримѣръ, имѣются Сердоболины, Честоны, Правдолюбовъ, Петиметровъ, князь Промотайловъ

и графиня Модникова. Какъ это ни странно, Достоевскій ввелъ и этотъ пріемъ романа приключеній въ свои композиціи. И у него фамиліи героевъ намѣчаютъ ихъ характеръ. Нетрудно, конечно, въ Разумихинѣ предвидѣть позитивнаго практическаго дѣятеля, въ Раскольниковѣ — мятежника и протестанта, отколовшагося отъ общепринятаго канона, въ Лебезятниковѣ — дохленькаго пошляка, въ Свидригайловѣ — какую-то косматую похотливость сатира, въ Прохарчинѣ — униженнаго, забитаго и жалкаго отброса, въ Карамазовѣ — оттѣнокъ восточной косности, въ Смердяковѣ — всю гнусность человѣческой природы. Достоевскій пошелъ еще дальше въ примѣненіи этого оставленнаго пріема старинной литературы и въ „Идіотѣ" рѣшился назвать студента, „по убѣжденіямъ своимъ матеріалиста, атеиста и нигилиста", Кислородовымъ, а въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" учителя исторіи — Дарданелловымъ.

Наконецъ, онъ широко примѣнилъ въ своемъ романѣ обычный въ авантюрной литературѣ пріемъ сближенія контрастовъ — сопоставленіе духовныхъ козлищъ и агнцевъ, праведниковъ и грѣшниковъ, злодѣевъ и героевъ. Это привело его къ склонности изображать, по примѣру старинныхъ романистовъ, типы исключительныхъ героевъ. Въ каждомъ его романѣ чувствуется это вѣчное тяготѣніе его къ изображенію необыкновенныхъ натуръ. По его собственнымъ признаніямъ, въ „Идіотѣ" онъ стремился изобразить „положительно прекраснаго человѣка", а „Братья Карамазовы", въ своемъ недовершенномъ цѣломъ, должны были явиться жизнеописаніемъ „великаго грѣшника".

При всей своей психологической сложности, герои Достоевскаго отличаются чертами рѣзкой прямолинейности: Раскольниковъ, Федоръ Карамазовъ, Рогожинъ, Верховенскій сынъ — всѣ они носители одной идеи или страсти, всѣ въ большей или меньшей степени маніаки и однодумы.

Ни у Толстого, ни у Тургенева, ни у Гончарова, ни у Чехова мы не находимъ этой странной маніакальности героевъ Достоевскаго. Мягкіе, матовые, расплывчатые оттѣнки въ сумеречномъ душевномъ мірѣ русскихъ Гамлетовъ, этихъ мягкосердечныхъ и мягкотѣлыхъ Лаврецкихъ, Обломовыхъ, Безухихъ — всѣ полутона ихъ нерѣшительныхъ, колеблющихся измѣнчивыхъ раздумій и поступковъ — представляютъ полную противоположность фаталистическимъ порывамъ одержимыхъ героевъ Достоевскаго.

Это въ высшей степени своеобразная и необычайная для русской литературы черта. Въ творчествѣ Достоевскаго она явно иностраннаго происхожденія. Злодѣи и жертвы, преступники и мученики, несчастныя дѣти, потерянныя или чудесно найденныя, „возвышенныя куртизанки“, очищенныя отъ грѣховъ страданіемъ и любовью, знаменитыя „Офеліи мелодрамы“, безумныя невѣсты, тоскующія по исчезнувшимъ женихамъ (Лебядкина) — всѣ эти образы своими основными чертами восходятъ къ старому англо-французскому роману приключеній. Намъ нечего распространяться здѣсь о томъ геніальномъ преображеніи, какое всѣ они получаютъ подъ перомъ Достоевскаго.

IX.

Съ какимъ бы уваженіемъ ни относиться къ творчеству Достоевскаго, приходится признать этотъ неожиданный фактъ. По своей архитектоникѣ, его крупнѣйшія созданія вышли изъ стариннаго романа приключеній, и намъ остается только попытаться разрѣшить невольно возникающее недоумѣніе: чѣмъ объяснить это странное пристрастіе великаго писателя къ литературному роду, граничащему съ мелодрамой? Какимъ образомъ низшій видъ писательскаго искусства оказался наиболѣе удобнымъ выраженіемъ для творческихъ замысловъ геніальнаго художника-философа?

Причинъ тому нѣсколько. Прежде всего романъ приключеній занимательностью своихъ фабулъ блестяще разрѣшалъ основную задачу творческой поэтики Достоевскаго. Онъ давалъ ему непревзойденные во всей классической литературѣ образцы захватывающаго повѣствовательнаго интереса и этимъ отвѣчалъ его главной потребности въ области романической техники.

Уже въ началѣ своей дѣятельности Достоевскій, зачитываясь послѣдними новинками европейской литературы, зналъ, что въ его время романъ, обнимающій всѣ области мышленія, и трагедію, и философію, и исторію, и религію, долженъ въ силу многосложности своихъ частей быть внѣшне интереснымъ. Онъ понималъ, что трудный путь, предстоящій читателю черезъ лабиринтъ теорій, образовъ и человѣческихъ отношеній, заключенныхъ въ одной книгѣ, долженъ быть всячески облегченъ ему живостью и занимательностью фабулы. И на протяженіи всей своей дѣятельности онъ не переставалъ тратить громадныя усилія для разрѣшенія этой сложной за-

дачи, постоянно вспоминая свои дѣтскія увлеченія романами Редклифъ и юношескія восхищенія „Мемуарами дьявола“.

Онъ нашелъ въ романѣ-фельетонѣ еще одно скрытое качество. Это та дремлющая подъ густыми налетами всякаго пепла и сора искра симпатіи къ униженнымъ и оскорбленнымъ, которая чувствуется за всѣми приключеніями осчастливленныхъ нищихъ и спасенныхъ подкидышей. Съ какой бы цѣлью ни обращались авторы мелодрамъ къ своимъ трущобамъ, каторгамъ и больницамъ, они, во всякомъ случаѣ, подготовили пути будущему соціальному роману. По идеѣ своей, „Бѣдные люди“ Достоевскаго, можетъ быть, столько же обязаны проповѣди состраданія Сю и Сулье, сколько и гуманической философіи всѣхъ филантроповъ и утопистовъ начала столѣтія.

И, наконецъ, широко раздвигая обычныя границы стараго романа и внося въ этотъ опредѣленный литературный родъ всѣ виды творчества отъ философскихъ доктринъ до балаганныхъ эффектовъ народнаго театра, Достоевскій частично разрѣшалъ свои вѣчныя исканія новой формы. Среди заговоровъ и насильственныхъ смертей, въ атмосферѣ уголовщины и скандала, среди каторжниковъ, преступниковъ, проститутокъ, нищихъ, князей, чудаковъ и безумцевъ, онъ нашелъ широкую возможность пріурочивать къ примелькавшимся явленіямъ дѣйствительности все странное, необычное и выходящее изъ рамокъ ежедневной жизни. Во всѣхъ элементахъ мелодрамы, составляющихъ обычную фабулу его произведеній, помимо главной цѣли — поразить и увлечь читателя, отчетливо сказалась исконная черта всего его творчества: стремленіе внести исключительность въ самую гущу повседневности, слить воедино, по романтическому принципу, возвышенное съ гротескомъ и незамѣтнымъ претвореніемъ довести образы и явленія обыденной дѣйствительности до границъ фантастическаго.

Отсюда всѣ своеобразнѣйшія черты сложныхъ композицій „Идіота“, „Бѣсовъ“, „Карамазовыхъ“. Романъ Достоевскаго это — философскій діалогъ, раздвинутый въ эпопею приключеній, это — Федонъ въ центрѣ „Парижскихъ тайнъ“ или смѣшеніе — Платона съ Эженомъ Сю.

Леонидъ Гроссманъ.

* * *

Не надо унынья, не надо сомнѣній,
И пѣсенъ печальныхъ не надо намъ пѣть...
Въ дни грозной борьбы и кровавыхъ сраженій
Не лучше ль огнемъ вдоховенныхъ стремленій,
Надеждою пламенной душу согрѣть?

Кругомъ насъ такъ много и жертвъ, и страданій,
Такъ ужасовъ много, — ихъ столько, что власть,
Одна только власть лучезарныхъ мечтаній,
И яркихъ, прекрасныхъ, святыхъ упованій
Не дастъ намъ въ безумье, въ отчаянье впасть...

Настанутъ дни сказки волшебной: народы,
Ликуя, вздохнутъ полной грудью тогда.
Для нихъ возсіяютъ счастливые годы —
Духъ равенства, братства, духъ правды, свободы
Средь нихъ поселится навѣкъ, навсегда!..

М. Ватсонъ.

ПО СИБИРИ.

СПИРТОЛОВЫ НА МАѢ.

I.

Народу на „Соболѣ“ было немного. Но рѣдко приходилось встрѣчать мнѣ болѣе пеструю, болѣе разношерстную публику.

Были тутъ и якуты, и тунгусы, и корейцы, и ленскіе чалдоны, наполовину позабывшіе русскую рѣчь, и россіяне, на которыхъ Сибирь не наложила еще мѣстнаго отпечатка. Преобладали прокаленныя на солнцѣ, обвѣтренныя лица, фантастическіе костюмы охотниковъ и золотоискателей. Рѣзко выдѣлялись среди нихъ одѣтые по-европейски и по-европейски бѣлолицые классные пассажиры, — представители чиновнаго міра и культурнаго капитализма.

Вотъ землемѣръ въ кителѣ и въ фуражкѣ съ зеленымъ околышкомъ. Вотъ почтовый чиновникъ въ потрепанной тужуркѣ съ свѣтлыми пуговицами. Вотъ разодѣтая, пышная, изнывающая отъ жары купчиха съ дочкой-гимназисткой. Курсистка изъ Москвы, реалистъ изъ Иркутска, сосланный въ Сибирь студентъ изъ Петрограда...

А рядомъ съ ними типы Майнъ-Рида и Бретъ-Гарта. Мрачныя лица, почернѣвшія отъ солнца и отъ дыма лѣсныхъ костровъ руки, широкополыя шляпы съ сѣткой отъ мошкары, ружья, патронташи, сумки... Мало говорятъ между собой, мало смотрятъ другъ на друга. Брови нахмурены, глаза опущены или устремлены вдаль, движенія неторопливыя, осторожныя. И за этими движеніями чувствуется привычка къ полной опасностей жизни.

Сидитъ на палубѣ бородачъ съ патронташемъ черезъ плечо. Сидитъ неподвижно, обхвативъ обѣими руками колѣни. Шляпа сбита на затылокъ, въ зубахъ коротенькая трубка. И чувствуется, что такъ привыкъ онъ сидѣть въ

глухой тайгѣ, прислушиваясь къ шуму деревьевъ. И не угадать, пришелъ ли въ тайгу онъ, разыскивая золото, или промышляя пушнину, или бѣжавъ изъ острога.

Стоитъ на носу рослый молодецъ въ выцвѣтшей красной рубахѣ. Вымѣряетъ длиннымъ шестомъ глубину рѣки на перекатѣ. Широкими, увѣренными движеніями выбрасываетъ впередъ пестро окрашенный шестъ и хриплымъ голосомъ выкликаетъ отмѣтки:

— Восемь! Семь! Девять! Подъ табанъ!..

И въ этомъ молодцѣ, съ кирпично-красной шеей, съ глазами-щелками, съ хриплымъ голосомъ, чуется что-то родственное со старыми казаками-разбойниками, много лѣтъ тому назадъ плававшими по этой рѣкѣ.

Чѣмъ-то стародавнимъ и дикимъ вѣетъ отъ публики на „Соболѣ“...

Замѣтилъ я въ толпѣ мужичка великорусскаго типа.

Степенный на видъ старикъ, еще бодрый и сильный, кряжистый, какъ дубъ въ лѣсу. Длинные русые волосы съ просѣдью. Русая борода. Угрюмо сдвинутыя лохматыя брови. Одѣтъ въ темный озямъ, обутъ въ смазные сапоги, на головѣ, несмотря на жару, мѣховая шапка.

Замѣтилъ я этого человѣка, потому что держался онъ какъ-то странно, не такъ, какъ слѣдовало ожидать по его степенному виду, и не такъ, какъ держались остальные, ѣхавшіе на пароходѣ люди. Все время былъ онъ въ движеніи, появлялся то на верхней палубѣ, то внизу, то на носу подлѣ якорной цѣпи, то на кормѣ у палатки матросовъ, — все время какъ будто искалъ чего-то.

Землемѣръ сказалъ мнѣ, указывая на мужика:

— Обратите вниманіе! Любопытный типъ, — нигдѣ, кромѣ Якутской области, такого не встрѣтите.

— Вы его знаете?

— Онъ въ городѣ часто бываетъ. Его у насъ всѣ знаютъ. А у меня онъ бывалъ по межевому дѣлу.

— А кто онъ такой?

— Фамилія его — Макаровъ, живетъ на Маѣ, а промыселъ его — спиртоловство.

— Какъ вы сказали? — переспросилъ я.

— „Спиртоловъ“ онъ, спиртъ ловитъ.

— Это что же за занятіе? Что-нибудь въ родѣ таможеннаго надсмотрщика или объѣздчика?

— Нѣтъ. У насъ это дѣло нѣсколько иначе поставлено. Вы о „спиртоносахъ“ слыхали?

— Слыхалъ мелькомъ, но лично не встрѣчалъ никогда.

— Много потеряли. Народъ это интересный. Въ прежніе годы я ихъ частенько встрѣчалъ при своихъ разъѣздахъ по области, а теперь они вывелись, теперь нѣтъ имъ ходу.

И землемѣръ принялся разсказывать мнѣ о „спиртоносахъ“.

„Спиртоносы“ появились въ сибирской глуши одновременно съ первыми золотоискателями.

Предпріимчивые, смѣлые и жадные люди шли въ то время за золотомъ въ таежную глушь. Шли по рѣкамъ, по ручьямъ, по дикимъ ключамъ. Забирались въ погонѣ за кладомъ все дальше и дальше. Завороженные голосами золотоносныхъ ключей, ослѣпленные блескомъ самородковъ, они долгіе годы проводили въ тайгѣ, ютясь въ жалкихъ шалашахъ или землянкахъ, похожихъ на звѣриныя норы. Годами не видѣли они куска хлѣба, питались лишь поджаренной у костра дичью. Но зато въ ихъ рукахъ былъ чудесный металлъ, и здѣсь, въ тайгѣ, исхудалые до костей, оборванные, какъ нищіе, они были все же богачами.

И окруженные золотомъ, въ погонѣ за новыми кладами, они жили хуже, чѣмъ послѣдній поденщикъ въ городѣ или въ деревнѣ. И тяжелѣе всего была для нихъ невозможность хоть на мигъ уйти изъ угрюмаго лѣса. Нельзя было уйти, — золото, лежащее въ землѣ, не отпускало отъ себя своихъ жертвъ. Ушедшій могъ потерять дорогу къ кладу. Ушедшаго могъ смѣнить надъ золотоноснымъ ключикомъ другой золотоискатель, выслѣдившій его сквозь чащу вѣтвей. И нашедшій золото становился его рабомъ.

Съ каждымъ днемъ все мучительнѣй становилось это рабство. И вотъ, золотоискатель готовъ былъ отдать свое богатство, лишь бы забыться, лишь бы вырваться изъ проклятой тайги, — вырваться изъ нея, хоть на мигъ, хоть въ пьяномъ угарѣ.

И шли въ лѣсъ, слѣдомъ за золотоискателями, „спиртоносы“. Въ бочонкахъ, мѣхахъ и высушенныхъ бычачьихъ кишкахъ тащили они съ собой драгоцѣнную влагу. Глотокъ водки нерѣдко шелъ за горсть золота, стаканъ спирта — за стаканъ золотого песку. Золотоискатели находили золото, извлекали его изъ земли. „Спиртоносы“ выносили его изъ тайги.

За „спиртоносами“ слѣдили другіе хищники. Крестьяне

деревень, расположенныхъ на границѣ тайги, подкарауливали „горбачей“, когда они возвращались съ контрабанднымъ золотомъ и пескомъ изъ лѣсу. Нерѣдко ихъ убивали, и охота на „горбачей“ была въ то время болѣе выгоднымъ дѣломъ, чѣмъ охота на краснаго звѣря.

Разсказъ землемѣра воскресилъ передо мною картины таежной жизни недавняго прошлаго. Такъ жила сибирская тайга какихъ-нибудь сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. А въ глухихъ мѣстахъ, — напримѣръ, въ Якутскѣ, — такъ жила тайга и позже, — въ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ.

Промыселъ „спиртоносовъ“ палъ подъ вліяніемъ конкурренціи крупнаго капитала. Связь золотопромышленности съ торговлей водкой осталась, но приняла новыя формы.

Въ Ленскомъ краѣ и теперь не рѣдкость золотопромышленникъ, который, по мѣстному выраженію:

— Золото бочкой промываетъ.

У такого промышленника имѣются пріиски, но бѣдные золотомъ. Работаютъ у него „старатели“ (по-иному — „золотничники“). Условія работы, на первый взглядъ, весьма льготныя:

— Работай, кто хочетъ! Добывай золото, какъ умѣешь! А добытое сдавай въ контору пріиска по вольной цѣнѣ.

Какъ можетъ приносить доходъ такой пріискъ?

Очень просто: всѣ припасы рабочіе забираютъ въ лавочкѣ хозяина пріиска, и, такимъ образомъ, хозяинъ получаетъ обратно почти всѣ деньги, уплаченныя конторой пріиска „старателямъ“ за добытое ими золото. Не возвращаются хозяину лишь жалкіе гроши, съ которыми покидаютъ пріискъ „золотничники“.

Нерѣдко главнымъ предметомъ торговли въ пріисковой лавочкѣ оказывается водка. Водкой спасаются пріисковые рабочіе отъ сырости и отъ стужи. Водкой празднуютъ они удачу въ добычѣ золота. Въ водкѣ топятъ они тоску, навѣваемую шумящимъ вокругъ пріиска лѣсомъ.

Про пріиски, оборотъ которыхъ сводится къ водочной торговлѣ, на Ленѣ и говорятъ:

— Здѣсь золото бочкой моютъ.

На такихъ пріискахъ нечего дѣлать „спиртоносу“ съ его скудными запасами водки. Нечего дѣлать ему и на благоустроенныхъ пріискахъ, поставленныхъ на манеръ крупныхъ промышленныхъ предпріятій. А вольныхъ хищниковъ, одиночекъ-„копачей“, которыхъ обслуживали въ былое время „спиртоносы“, становится въ тайгѣ все меньше и меньше...

„Спиртоношество“ изъ золотоносной тайги передвинулось на дальній сѣверъ, богатый пушниной и заселенный полудикими инородцами. Все благопріятствовало здѣсь „спиртоносамъ“, — отсутствіе путей сообщенія, разбросанность населенія, его низкое развитіе и запрещеніе торговли водкой въ заселенномъ инородцами районѣ. Здѣсь спиртъ сбывался за шкуры. Бутылка водки шла за 10—15, иногда и за 20 бѣличьихъ шкурокъ. Ведро спирта приносило удачливому и ловкому „спиртоносу“ по 300—400 рублей барыша.

Но и на сѣверѣ настигла „спиртоносовъ“ конкуренція крупнаго капитала.

За послѣдніе годы дѣло спаиванья инородцевъ перешло здѣсь въ руки крупныхъ торгово-промышленныхъ фирмъ. Водку ужъ не тащатъ за тысячи верстъ въ бычачьихъ кишкахъ, а везутъ на лошадяхъ и оленяхъ цѣлыми бочками. Везутъ ее, какъ контрабанду. Но везутъ все же открыто, на глазахъ у всѣхъ, принимая лишь мѣры къ тому, чтобъ объ этомъ не вѣдали тѣ, кому надлежитъ это вѣдать.

Таежный охотникъ-тунгусъ забираетъ теперь у купца спиртъ подъ пушнину точно такъ же, какъ беретъ у него муку, масло и порохъ. А прежніе „спиртоносы“ частью превратились въ скромныхъ купеческихъ приказчиковъ на учетѣ и мѣсячномъ жалованьи, частью стали еще болѣе скромными возчиками, — возятъ спиртъ, но безъ надежды на быстрое обогащеніе, получая лишь плату за каждый конецъ.

Въ Якутской области встрѣчаются цѣлыя деревни, существующія, главнымъ образомъ, извознымъ промысломъ особаго рода, — доставкой спирта и водки въ удаленные пункты. А деревни, осчастливленныя близостью казенки и расположенныя на границѣ инородческаго района, куда воспрещенъ ввозъ спиртныхъ напитковъ, на водкѣ, на контрабандѣ и корчемствѣ, зарабатываютъ больше, чѣмъ сколько даетъ земледѣліе.

Про эти деревни я слышалъ на Ленѣ: „Здѣсь на бочкѣ и пашутъ, и сѣютъ“.

Развитіе контрабанды, провозимой открыто, на глазахъ у всѣхъ, вызвало появленіе на сѣверѣ новаго промысла — охоты за спиртомъ. Появились здѣсь особые промышленники — „спиртоловы“. И однимъ изъ такихъ „спиртолововъ“ оказался Кузьма Макаровъ.

II.

— За ввозъ спирта въ инородческія селенія, — разсказывалъ мнѣ землемѣръ, — по закону полагается штрафъ — тройная цѣна перехваченной контрабанды.

— Порядочный штрафъ, — замѣтилъ я.

Землемѣръ только усмѣхнулся:

— Вы мѣстныхъ условій ясно себѣ не представляете. Вѣдь продается на сѣверѣ спиртъ въ 20, 40, а то и 50 разъ дороже противъ казенной цѣны. Значитъ, если за половину запасеннаго спирта купецъ тройной штрафъ заплатитъ, и тогда на другой половинѣ онъ достаточно заработаетъ... Это, если бы половина контрабанды перехватывалась. А перехватывается одна бочка изъ сотни; девяносто же девять проходятъ и, благодаря запрету, въ тайгѣ и въ тундрѣ цѣны имъ нѣтъ... Тройной штрафъ — это такіе пустяки, что о немъ здѣшній купецъ и не думаетъ. Его больше тревожитъ, чтобъ спиртъ до мѣста дошелъ, а въ этомъ ему „спиртоловы" и мѣшаютъ.

— „Спиртоловы" изъ любви къ искусству, что ли, контрабанду ловятъ?

— Не совсѣмъ. По закону, открыватель контрабанднаго спирта получаетъ половину штрафа, значитъ — полуторную стоимость перехваченнаго транспорта. Больше всего за этимъ вознагражденіемъ и гоняются. А иной разъ могутъ и въ натурѣ спиртомъ попользоваться.

— Ловятъ и тутъ же выпиваютъ?

— Иной разъ выпьютъ, а иной разъ поймаютъ, да сами потомъ и сбываютъ инородцамъ.

— Оригинально!

— Да! А всего оригинальнѣе, что здѣшній купецъ, заранѣе всѣхъ „смазавъ" да ублаготворивъ, такъ до самаго конца и не знаетъ, съ какого конца ему грозы ждать. Съ начальствомъ у него все обдѣлано, а тутъ вдругъ какой-нибудь Макаровъ выскочитъ, выслѣдитъ транспортъ, — и все дѣло разстроилось...

— А кто этотъ Макаровъ?

— Откуда онъ появился, сказать вамъ не берусь. Онъ увѣряетъ, будто съ Амура сюда переселился, и бумаги у него всѣ въ порядкѣ. Но я такъ думаю, не изъ бѣглыхъ ли онъ: больно на варнака похожъ... Вотъ, будемъ мимо проѣзжать, я вамъ покажу, гдѣ онъ живетъ. Разбойничье мѣсто какое

для усадьбы выбралъ! Какъ разъ на косѣ, при поворотѣ рѣки, — въ одну и другую сторону все видать съ его двора.

— Зачѣмъ ему это?

— Онъ говоритъ, будто косу эту выбралъ потому, что вокругъ покосы хороши. Можетъ, и правду говоритъ. Вначалѣ онъ, дѣйствительно, сѣно снималъ, — да не только со своихъ покосовъ, а и съ чужихъ, — гдѣ только могъ. Тогда онъ оленей и лошадей держалъ, чаи возилъ, звѣря промышлялъ, — однимъ словомъ, жилъ, какъ всѣ здѣсь живутъ. А потомъ бросилъ все, пошелъ спиртъ ловить. Теперь хозяйство его жена ведетъ.

Впослѣдствіи я узналъ подробнѣе исторію Кузьмы Макарова.

Макаровъ появился на Маѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Оборванный, угрюмый, съ ружьемъ за плечами, пришелъ онъ сюда прямо изъ чащи лѣса. Говорилъ, будто пришелъ съ Амура и паспортъ показывалъ. Начальство, разумѣется, ни разсказу, ни паспорту его не вѣрило. Но безпокоить его не было повода.

Отличный стрѣлокъ и неутомимый охотникъ, Макаровъ быстро пріобрѣлъ извѣстность среди мѣстныхъ промышленниковъ и торговцевъ. Промышлялъ онъ много и всегда зналъ цѣну своей добычѣ, такъ что надуть его и взять у него шкуры за безцѣнокъ было невозможно. У Макарова вскорѣ появились деньги. Женившись на тунгускѣ, онъ срубилъ себѣ зимовье на берегу Маи, завелъ оленьи стада, купилъ пару лошадей. Съ полдесятка оленей взялъ онъ въ приданое за женой. Какъ дальше увеличивалъ онъ стадо, — никто не зналъ въ точности. Говорили, будто онъ воруетъ оленей у сосѣдей-тунгусовъ и мѣняетъ ихъ мѣтки. Но поймать его и уличить не удавалось.

Мужика обуяла жадность.

Онъ взялъ въ домъ четверыхъ подростковъ-тунгусовъ изъ того же рода, изъ котораго взялъ жену. Четыре года кормилъ, одѣвалъ ихъ, водилъ съ собой на охоту, пріучалъ къ извозному дѣлу. А спустя четыре года у него оказались въ хозяйствѣ крѣпкіе помощники-работники, — всѣ, какъ на подборъ, рослые, здоровые, сильные. Такъ и остались они у Макарова, — не то батраками, не то, какъ пріемные сыновья. Живутъ дружно, но воля старика — непреложный законъ для всѣхъ въ домѣ.

Съ приростомъ семьи, Макарову стало тѣсно на облюбованной имъ косѣ. Онъ сколотилъ себѣ порядочную избу, со-

орудилъ и амбары и дворовыя службы. Прикупилъ еще лошадей. Прежде всего, тѣснота и сказалась на лошадяхъ, — не хватало имъ сѣна съ участка, занятаго Макаровымъ. Тогда Макаровъ принялся захватывать сосѣдніе участки, — острова и береговыя лужайки, которыми до тѣхъ поръ пользовались тунгусы. Захватывалъ силой: приходилъ со своими молодцами на чужіе участки и снималъ сѣно. Ребята его косятъ, а старикъ сидитъ съ ружьемъ подъ деревомъ, караулитъ.

Узнаетъ тунгусъ, что Макаровъ убираетъ сѣно съ участка, которымъ онъ пользовался десятки лѣтъ, прибѣжитъ защищать свое добро. Кричитъ Макарову:

— Оставь! Не смѣй брать!

Макаровъ отвѣчаетъ:

— Мое сѣно! Всѣ лужайки здѣсь мои!

— Врешь! Моя лужайка и сѣно мое.

— Твое? Покажи гумагу! Безъ гумаги кто тебѣ повѣритъ?

Тунгусъ знаетъ, что бумага всесильна среди русскихъ; но никакой бумаги на лужайку у него нѣтъ и не было никогда. Просто, онъ первый набрелъ на эту лужайку и съ тѣхъ поръ ежегодно беретъ сѣно съ нея, и никто кругомъ не сомнѣвался до сихъ поръ въ его правѣ на это сѣно. А вдругъ, оказывается, нужна какая-то бумага...

Тунгусъ смущенъ. И пользуясь его смущеніемъ, Макаровъ начинаетъ насѣдать на него:

— Коли гумаги не имѣешь, такъ уходи, пока цѣлъ! Убирайся, а то стрѣлять буду!

У тунгуса и самого ружье за плечами и стрѣляетъ онъ, быть можетъ, не хуже Макарова; но стрѣлять изъ-за ссоры въ человѣка онъ не рѣшится никогда. Подъ направленнымъ на него ружейнымъ дуломъ онъ теряется и отступаетъ.

Макаровъ пытался раздобыть въ Якутскѣ бумагу, предоставляющую въ его распоряженіе всѣ покосы и лужайки по берегамъ Маи на протяженіи 100—150 верстъ. По этому дѣлу обращался онъ и къ землемѣру. Но бумаги ему не выдали, укрѣпили за нимъ лишь участки, примыкающіе къ занятой имъ косѣ. Но эта неудача не остановила Макарова. Онъ продолжалъ обижать сосѣдей. Дошелъ до того, что сталъ снимать сѣно даже съ лужаекъ, огороженныхъ нельканскими купцами-подрядчиками. Въ короткое время безпокойный мужикъ вооружилъ противъ себя всѣхъ кругомъ — и тунгусовъ, и русскихъ.

На него нѣсколько разъ подавали жалобы и въ судъ и губернатору. Но ничего не могли подѣлать съ Макаровымъ: у жалобщиковъ не было документовъ, подтверждающихъ ихъ право, а доказать, что Макаровъ грозился убить ихъ, жалобщики не могли за отсутствіемъ свидѣтелей. Къ тому же, неправдоподобно какъ-то выходило, что одинъ человѣкъ держитъ въ страхѣ и грабитъ всѣхъ сосѣдей.

Макаровъ зналъ, что сосѣди ненавидятъ его. И жилъ онъ въ вѣчномъ страхѣ, какъ бы не убили его изъ-за угла, какъ бы не подожгли его дворъ, не порубили его лодку, не сгубили его оленей. Онъ пакостилъ всѣмъ, гдѣ только могъ. Ему платили той же монетой. Никуда онъ не выходилъ изъ дому безъ винчестера. Завелъ злыхъ собакъ. Замучилъ сосѣдей безконечными судебными кляузами. Изводилъ своими жалобами якутскія канцеляріи. А хозяйство его, между тѣмъ, процвѣтало и развивалось. Все такъ же удачно шла у него охота. Съ годами, какъ будто острѣе становилось его зрѣніе, вѣрнѣе становилась рука, звѣрь самъ бѣжалъ на него, а ружье било безъ промаха. Пока старикъ промышлялъ, его молодцы возились съ оленями и зимою возили чаи съ Охотскаго моря на Маю, а лѣтомъ работали на сплавѣ.

Подошелъ случай, — и Макаровъ сталъ и спиртоловомъ.

Толкнулъ его на этотъ путь нельканскій урядникъ, — единственный во всей округѣ человѣкъ, сохранившій съ Макаровымъ добрыя отношенія.

Трудно сказать, что сблизило урядника съ безпокойнымъ мужикомъ: Макаровъ не заискивалъ передъ нимъ, не пытался купить его, даже не пилъ съ нимъ. Но уряднику нравились всѣ повадки Макарова, — нравилась рѣшительность его въ столкновеніяхъ съ тунгусами, нравились его ссылки на „гумагу“, нравилась настойчивость, съ которой засыпалъ Макаровъ, якутскія канцеляріи кляузными прошеніями. И когда изъ Якутска запрашивали урядника, онъ неизмѣнно давалъ отзывъ въ пользу Макарова.

Нельканскаго урядника сближало съ Макаровымъ и то, что оба были на одинаковомъ счету у сосѣдей. Отличался урядникъ чрезмѣрной предпріимчивостью, и благодаря этому у него вѣчно выходили столкновенія со всѣми, и жилъ онъ, воюя съ окрестными тунгусами и съ нельканскими купцами. Въ силу своего безпокойнаго нрава урядникъ проявлялъ большую энергію въ погонѣ за контрабанднымъ спиртомъ, и

даже за взятку не всегда соглашался смотрѣть сквозь пальцы на проходящій мимо обозъ съ водкой.

Отправляясь ловить спиртъ, урядникъ нерѣдко бралъ лошадей у Макарова, останавливался въ его избѣ для ночевки, посвящалъ его въ свои планы, совѣтовался съ нимъ, бралъ его съ собой въ качествѣ понятого, заставлялъ его скрѣплять крестомъ — вмѣсто подписи — протоколы о захваченной контрабандѣ, сдавалъ ему отобранный спиртъ на храненіе. А въ награду за эти услуги, урядникъ составлялъ Макарову прошенія и жалобы къ якутскимъ властямъ.

Близость съ урядникомъ и навела Макарова на мысль, что онъ можетъ дѣйствовать самостоятельно „по правилу закона".

Однажды Макаровъ узналъ черезъ одного изъ своихъ молодцовъ, что мимо должны провезти нѣсколько бочекъ со спиртомъ для нельканскаго подрядчика Меркулова. Хотѣлось мужику сообщить эту вѣсть уряднику, да урядникъ, какъ на грѣхъ, за два дня передъ тѣмъ выѣхалъ въ Якутскъ. А съ Меркуловымъ были у Макарова старые счеты: у подрядчика въ прошломъ году пропали олени, и онъ заявилъ подозрѣніе на Макарова, подалъ на него жалобу въ судъ. Кузьма тогда же обѣщалъ подрядчику посчитаться съ нимъ, да все непредставлялось случая. Рѣшилъ теперь воспользоваться возможностью напакостить своему недругу...

III.

Макаровъ видѣлъ, какъ проѣхалъ по замерзшей рѣкѣ мимо его избы обозъ съ покрытой рогожами кладью. Одѣлся, взялъ со стѣны винчестеръ и, приказавъ слѣдовать за собой двумъ своимъ молодцамъ, вооруженнымъ берданками, пошелъ за обозомъ.

Съ обозомъ шли амгинскіе мужички. Было ихъ трое, и всѣ были вооружены. Но Макаровъ не побоялся бы напасть на нихъ, такъ какъ зналъ, что мужички не устоятъ передъ натискомъ таежниковъ. Но о нападеніи онъ и не помышлялъ. Рѣшилъ онъ дѣйствовать „по закону".

Пропустивъ впередъ возчиковъ, Макаровъ незамѣтно, безъ шуму, шелъ слѣдомъ за ними 12 верстъ. Дошли до тунгусской „урасы". Возчики зашли обогрѣться. Лошадей привязали къ кольямъ, вбитымъ въ землю у дверей „урасы". Ружья сложили на санки, — въ жилье ихъ не взяли, чтобъ стволы не запотѣли въ теплѣ.

Тутъ и настигъ ихъ Макаровъ. Подкравшись къ „урасѣ“, онъ вынулъ замки изъ оставленныхъ возчиками ружей. Затѣмъ, оставивъ своихъ молодцовъ у саней со спиртомъ, самъ вошелъ въ жилье съ винчестеромъ наготовѣ.

Вошелъ и крикнулъ по-начальнически:

— Выходи во дворъ!

Застигнутые врасплохъ мужички-возчики повскакали съ мѣстъ:

— Чаво, паря! Зачѣмъ выходить?

— А затѣмъ, что спиртъ везете! Не приказано сюда спиртъ возить.

— А ты кто такой выискался?

— Такой и выискался... Выходи!

— Ладно же!

Выскочили возчики изъ жилья. Бросились къ санямъ, хватились за ружья, — замковъ нѣтъ.

А Макаровъ командуетъ, держа винчестеръ наизготовку:

— Отдавай спиртъ!

— Да бери, дьяволъ!

— Кому везете?

— Меркулову.

— Много?

— Шестнадцать ведеръ.

— Заворачивай коней, веди ко мнѣ! Пусть у меня полежитъ.

Двинулись въ путь, — спереди возчики, сзади Макаровъ и его молодцы.

Когда разобрали кладь, оказалось три боченка спирта, по пяти ведеръ въ каждомъ, да еще четыре четвертныхъ бутыли. Двѣ четверти Макаровъ, на радостяхъ, подарилъ возчикамъ.

— Съ холоду выпить хорошо!

Пили возчики, пили макаровскіе молодцы, выпилъ и самъ хозяинъ. Всѣ были довольны тѣмъ, какъ кончилось дѣло.

Урядникъ принялъ у Макарова конфискованный спиртъ, похвалилъ его за то, что все было выполнено „по закону“, просилъ его стараться и впредь. А Меркуловъ, встрѣтивъ Макарова въ Нельканѣ, осыпалъ его ругательствами и грозился въ острогѣ сгноить за разбой на большой дорогѣ. Макаровъ въ долгу передъ нимъ не остался.

— Я тебѣ ни бутылки не пропущу! — грозился онъ подрядчику. — А за этотъ спиртъ ты еще въ тюрьмѣ насидишься.

Подрядчикъ изъ себя выходилъ.

— Варнакъ! — кричалъ онъ. — Я тебя научу, какъ разбойничать, я до твоего гнѣзда давно добираюсь.

Такъ они и разстались.

Кузьма Макаровъ весь ушелъ съ этихъ поръ въ ловлю спирта, — даже охоту оставилъ.

Перехватывалъ спиртъ онъ довольно успѣшно. Но съ конфискуемой имъ контрабандой творилось что-то неладное.

За цѣлый годъ урядникъ передалъ Макарову въ видѣ вознагражденія отъ казны 24 р. 50 к., тогда какъ по расчету Кузьмы ему слѣдовало получить что-то свыше 300 рублей. При такихъ условіяхъ охота за спиртомъ оказывалась явно убыточной.

Зато отобранный спиртъ урядникъ принималъ снисходительно: не только не провѣрялъ, не разбавленъ ли спиртъ водой, но даже не настаивалъ на точномъ счетѣ бутылокъ и ведеръ. Въ домѣ Макарова появилось даровое вино, и Кузьма, съ варнацкой щедростью, угощалъ имъ своихъ недавнихъ враговъ — тунгусовъ. Сосѣди стали смотрѣть на него, какъ на щедраго „тайона"; промышленники стали сдавать ему часть своей добычи.

Новое занятіе оказалось выгоднѣе, чѣмъ охота на пушного звѣря. И Макаровъ былъ доволенъ своимъ промысломъ „спиртолова".

Теперь онъ воевалъ лишь съ нельканскими купцами да амгинскими и усть-майскими крестьянами. А на его сторонѣ были мѣстные тунгусы, не говоря объ урядникѣ, который поддерживалъ съ нимъ самую тѣсную дружбу...

Вотъ, что узналъ я впослѣдствіи о Кузьмѣ Макаровѣ.

Попытался я разговориться съ таежникомъ.

Улучивъ моментъ, когда Макаровъ стоялъ рядомъ со мной у перилъ верхней палубы, я спросилъ его:

— Куда ѣдете?

Взглянувъ на меня подозрительно и недружелюбно, онъ отвѣтилъ:

— Домой.

— Изъ города?

— Да.

— Въ городъ по дѣламъ ѣздили?

— А то безъ дѣла?

— По судебнымъ дѣламъ? Или спиртъ сдавали?

Макаровъ нахмурился.

— Мы этимъ не занимаемся. Промышленники мы, бѣл-

ковщики. А съ судами намъ путаться некогда. И спиртъ да водка до нашего дѣла не касаемы.

Говорилъ онъ сдержанно, угрюмо. А глазами такъ и сверлилъ меня, стараясь угадать, что я за человѣкъ и что мнѣ отъ него надо.

Я замѣтилъ, насколько могъ, прямодушно:

— Мнѣ извѣстно, что вы водку и спиртъ представляете начальству. Я и думалъ, что и сейчасъ вы за этимъ въ городъ ѣздили.

Макаровъ рѣшилъ, что я „изъ начальства". Но недовѣріе его ко мнѣ не разсѣялось окончательно. Глаза стали менѣе суровы, потухъ враждебный огонь, свѣтившійся въ нихъ, а рѣчь стала еще болѣе сдержанной, еще болѣе осторожной.

— Дѣйствительно, и это у насъ бываетъ. Бѣлковщики мы, а свое поведеніе знаемъ и должны начальству содѣйствовать. Когда мимо спиртъ везутъ, а намъ извѣстно, мы и содѣйствуемъ — по закону. Только вознагражденіе намъ, какое полагается, не всегда выходитъ. Обижены мы на это. И въ городѣ къ акцизному ходили докладывать. Да больно они — господинъ великатный, великатитъ себя, ажъ съ эту гору, — и то и это имъ нехорошо. Ногами на меня топали.

— За что? — спросилъ я.

— Великатятся надъ нами. А что имъ насчетъ душегубства да разбоя говорили, такъ врутъ все. На такія дѣла мы не пойдемъ. На такія дѣла отчаянности у насъ нѣтъ. А если мимо везутъ, такъ мы содѣйствуемъ. Иной возчикъ самъ привезетъ... „Бери, говоритъ, Кузьма! Представь по начальству!" Мы и представляемъ.

— А сами вы конфискованнымъ спиртомъ не поторговываете?

Макаровъ ничуть не смутился, — онъ ждалъ этого вопроса.

— Такъ меня и акцизный выспрашивали. А откуда вамъ это доложено? Меркуловъ, да Куроптевъ, да Егоровъ, да Антипинъ, да еще Васька Соловьевъ писали?.. Всѣ здѣшніе разбойники, — у нихъ я спиртъ бралъ, такъ они хотятъ меня обидѣть. А хорошій человѣкъ про меня плохо не скажетъ. Такъ про меня и полиція докладываетъ, а полиція все лучше видѣть должна.

— Вы служите въ полиціи?

По тону, какимъ я произнесъ этотъ вопросъ, Макаровъ понялъ, что я никакого отношенія къ начальству не имѣю.

Окинулъ меня снова пристальнымъ, пытливымъ взглядомъ и, будто угадавъ во мнѣ ссыльнаго, круто перемѣнилъ тонъ.

— Нигдѣ мы не служимъ. Отъ „духовъ“ и мы пострадали... Теперь промышленники мы, бѣлковщики. А противъ хорошаго человѣка въ полицію идти, — этого мы не позволимъ. Довольно они нашу кровь пили. Крещеному человѣку отъ насъ зла не будетъ. А купцовъ мы, дѣйствительно, не любимъ, жалѣть ихъ не станемъ...

Замолчалъ, какъ будто жалѣя о томъ, что зря распустилъ языкъ и наговорилъ лишняго постороннему человѣку.

Больше за всю дорогу не добился я отъ Макарова ни слова. Нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ. Но мужикъ, молча, отворачивался и отходилъ въ сторону.

Все такъ же сновалъ онъ взадъ и впередъ по пароходу, появляясь внезапно то здѣсь, то тамъ. Ясно было, что на пароходѣ онъ ищетъ спиртъ, ловитъ контрабанду.

И зная о примитивныхъ методахъ, къ которымъ прибѣгаетъ этотъ „спиртоловъ“ въ тайгѣ, вооруженной силой останавливая, отбивая обозы, я ждалъ съ любопытствомъ проявленій его дѣятельности на пароходѣ.

Неужто и здѣсь онъ наставитъ ружье на пассажира, котораго заподозритъ въ провозѣ спирта, отберетъ у него контрабанду и стащитъ добычу въ свое гнѣздо на рѣчной косѣ?..

Все кончилось менѣе фантастично. И самая фигура таежнаго „спиртолова“ стала менѣе романтичной, менѣе яркой, какъ-то выцвѣла, стушевалась, когда на пароходѣ появился нельканскій урядникъ.

IV.

Вынырнула изъ-за острова узкая длинная „вѣтка“ изъ березовой коры. Посерединѣ ея стоитъ человѣкъ въ форменной фуражкѣ, въ зеленой тужуркѣ съ погонами и шашкой черезъ плечо. На носу и на кормѣ — смуглые инородцы, — одинъ съ двуручнымъ весломъ, другой съ двумя палочками, при помощи которыхъ отталкиваются отъ дна мѣстные тунгусы, когда подымаются противъ теченія по горнымъ рѣкамъ.

Урядникъ что-то кричитъ, машетъ рукой. Пароходъ замедляетъ ходъ и останавливается. Спускаютъ лѣсенку къ водѣ. Урядникъ взбирается на палубу. Лодочку подводятъ къ баржѣ. Туда подымаются инородцы, гребцы урядника; втаскиваютъ за собой на баржу и „вѣтку“. Свистокъ,—и мы продолжаемъ путь.

Урядникъ — очень смуглый молодой человѣкъ, средняго

роста, съ сильными, порывистыми движеніями, съ лицомъ инородческаго типа, съ рѣдкой растительностью и черными, бѣгающими по сторонамъ глазами.

Макаровъ подошелъ къ уряднику. Тотъ, не поворачиваясь, бросилъ нѣсколько словъ по-якутски и нетерпѣливо махнулъ рукой: на людяхъ, дескать, не подходи, — потомъ сговоримся.

Часа черезъ три зашелъ я въ общую каюту. Урядникъ сидѣлъ за столомъ и бесѣдовалъ съ Макаровымъ. На столѣ лежала развернутая папка съ бумагами.

Урядникъ оглядѣлъ меня и немного смутился. Взглянулъ на Макарова, тотъ мотнулъ ему головой. Опредѣливъ, что я ихъ дѣлу не помѣшаю, урядникъ вѣжливо обратился ко мнѣ:

— Извините-съ, что каюту мы заняли. Какъ при мнѣ полагается канцелярія, такъ другого вполнѣ соотвѣтствующаго помѣщенія найти мы не могли. А вамъ, надѣюсь, мы въ вашихъ занятіяхъ не помѣшаемъ и не нарушимъ?

— Нисколько, нисколько! Продолжайте, пожалуйста!

Я взялъ книгу и сѣлъ въ уголокъ. Приготовился слушать бесѣду „спиртолововъ“.

Урядникъ обратился къ Макарову:

— Говоришь, сорокъ ведеръ? Много однако...

— Сорокъ.

— Самъ считалъ?

— Самъ не считалъ, тунгусъ-возчикъ говорилъ. А бочки и самъ видѣлъ. Меньше сорока не будетъ.

— Видѣлъ, какъ грузили?

— Ночью грузили. Какъ грузили и куда клали, не видѣлъ. А только съ вечера на берегу лежали, а поутру я пришелъ,—ужъ нѣтъ.

— На берегу, значитъ, видѣлъ?

— Видѣлъ.

— А если ихъ не здѣсь везутъ?

— Гдѣ жъ быть имъ, коли не здѣсь?

— Назадъ могли отправить...

— Говорю, здѣсь везутъ! Не на пароходѣ, — такъ на баржѣ. Вѣрно говорю!

— А данныя у тебя есть?

Макаровъ не сразу понялъ. Урядникъ пояснилъ:

— У тебя негласныя свѣдѣнія по дѣлу. А для дѣлопроизводства по формѣ требуется, чтобъ они при дознаніи гласными объявились по совокупности уликъ.

Пояснилъ,—и украдкой взглянулъ въ мою сторону—хорошо, дескать, сказано?

Кузьма подтвердилъ упрямо:

— Вѣрно говорю, — здѣсь спиртъ.

— Гдѣ?

— Спрятанъ.

— Гдѣ?

— Не я пряталъ.

Урядникъ задумался. Затѣмъ, принявъ рѣшеніе, поднялся и коротко бросилъ:

— Ну, ступай! Слѣди! Поищемъ...

Три дня нашъ пароходъ былъ въ осадномъ положеніи. Молодой урядникъ въ административномъ рвеніи разрывался на части. Днемъ и ночью шнырялъ онъ по палубѣ, заглядывалъ во всѣ уголки, то и дѣло—будто бы по ошибкѣ—заходилъ въ чужія каюты. Нѣсколько разъ перебирался на баржу, спускался въ трюмъ.

Помогали ему пріѣхавшіе съ нимъ гребцы и Макаровъ. Они украдкой ощупывали мѣшки палубныхъ пассажировъ.

Но поиски ни къ чему не приводили. И вечеромъ, въ общей каютѣ, усталый, измученный, изливалъ урядникъ свое горе.

— Что же? Немного, выходитъ, оконфузился полицейскій урядникъ нельканскаго района... А почему? Потому—развѣ можетъ что одинъ человѣкъ, когда онъ—администрація, но лишенъ подчиненныхъ и установленъ въ единственномъ числѣ?

Пассажиры были недовольны безпокойнымъ урядникомъ. Капитанъ грозилъ жаловаться на него въ городѣ. Купцы злорадно посмѣивались надъ нимъ. А палубные пассажиры отпускали ему нецензурныя словечки.

Я спросилъ урядника:

— Есть у васъ инструкція, что дѣлать на пароходѣ при розыскѣ контрабанды?

— Зачѣмъ мнѣ инструкція? Я — полицейскій урядникъ, инструкція мнѣ ни къ чему.

— Но вамъ все же указано, какъ поступать, что дѣлать?

— Ничего не указано. Но какъ полицейскій урядникъ, то я самъ долженъ знать, какъ мнѣ поступать, и еще другимъ указать могу...

— Такъ на какомъ основаніи вы всѣхъ на пароходѣ безпокоите? Откуда вы знаете, что на пароходѣ спиртъ везутъ? Со словъ Макарова? Такъ онъ свидѣтель плохой, — онъ уго-

ловщиной, разбоями занимается... Смотрите, попадется онъ, и васъ подведетъ..

Урядникъ густо покраснѣлъ, глаза его быстрѣе забѣгали по сторонамъ.

— Про Макарова много зря говорятъ. А только онъ администрацію почитаетъ и содѣйствіе ей оказываетъ. Потому его компетентныя личности и не любятъ.

— Слишкомъ вы на Макарова полагаетесь.

— Вовсе я не по заявленію Макарова дѣйствую, — возразилъ урядникъ. — У меня данныя предварительнаго дознанія налицо.

— Уже? Какія это данныя?

— Негласныя; но со временемъ мы ихъ гласными проявимъ.

И, чтобъ окончательно убѣдить меня, урядникъ прибавилъ.

— Видите ли, полицейскіе урядники бываютъ разные. Иному и колѣнкой подъ спину можно дать очень свободно, а другому не дашь. Иной еле грамотный, а другой — съ цѣлой канцеляріей... Вотъ и я, примѣрно. Какъ урядникъ,—я не имѣющій класснаго чина. А между тѣмъ, я — съ исполненіемъ обязанностей канцелярскаго служащаго, то есть, если прямо сказать, то я подъ видомъ урядника, въ родѣ, какъ будто завѣдующаго полицейской частью нельканскаго района...

Проговоривъ эту рѣчь, урядникъ законфузился и, схвативъ фуражку, выбѣжалъ изъ каюты, — побѣжалъ ловить спиртъ.

Подъ конецъ, когда оставалось не больше полуторыхъ сутокъ ѣзды до Нелькана, счастье улыбнулось представителю власти: у меркуловскаго приказчика, занимавшаго отдѣльную каюту II класса ему удалось обнаружить двухведерный боченокъ спирту и пять четвертныхъ бутылей. Это была мелочь, сравнительно съ сорока ведрами, о которыхъ докладывалъ уряднику Макаровъ. Но все же, никто не могъ теперь упрекнуть урядника въ томъ, что онъ даромъ потерялъ нѣсколько дней и зря пассажировъ безпокилъ на „Соболѣ“.

Съ торжествомъ стащилъ урядникъ обнаруженный спиртъ въ свою каюту и зашелъ ко мнѣ похвалиться успѣхомъ.

— Въ своемъ правѣ мы оказались, однако! Пусть надъ администраціей не смѣются! Отобрали, что слѣдуетъ.

— Много обнаружили?

Урядникъ объяснилъ, сколько.

— А чей спиртъ?

— Меркулова. Нельканскій купецъ. Всегда старается полицію обидѣть. Пусть теперь штрафъ заплатитъ!

— Спиртъ предназначался для продажи инородцамъ?

— Этотъ не предназначался. Мало слишкомъ. Этотъ для себя везъ. Три ведра — годовой запасъ.

— Зачѣмъ же вы отобрали?

— По закону. Долженъ я правило соблюдать? За прошлый годъ онъ ведеръ сто провезъ, мнѣ ничего не попало. А на этотъ разъ удалось накрыть...

Спустя часъ, на верхней палубѣ парохода подошелъ къ уряднику Меркуловскій приказчикъ. Это — человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, блѣдный, худой, давно не бритый. Одѣтъ по-городскому, но неряшливо, грязновато. Щека повязана чернымъ платкомъ, какъ при зубной боли. Въ дорогѣ онъ все время держался около „образованныхъ людей“ и въ разговорѣ съ ними старался не ударить въ грязь лицомъ.

Теперь онъ сильно разстроенъ, — и пропавшаго спирта жаль ему чуть не до слезъ, и боится, что отъ хозяина попадетъ, и передъ пассажирами совѣстно, — будутъ думать, что интеллигентный человѣкъ оказался контрабандистомъ, да къ тому же еще — неумѣлымъ, неловкимъ контрабандистомъ.

Видимо, нервничая, подошелъ приказчикъ къ уряднику

— Ну-съ, господинъ полицейскій урядникъ! Будемъ протоколъ писать, какъ вы у господина Меркулова пять бутылокъ взяли.

Это было сказано громко, съ вызовомъ, съ расчетомъ, чтобы всѣ на палубѣ слышали.

Урядникъ поправилъ съ достоинствомъ:

— Боченочекъ забыли, Семенъ Егорычъ. Съ боченкомъ три ведра будетъ съ одной четвертью.

— Да, три ведра съ четвертью. Только я предварительно вамъ свое мнѣніе выскажу...

— Говорите, пожалуйста!

— Мое мнѣніе такое, что смотрю я на васъ послѣ всего, что случилось, съ самой предосудительной точки зрѣнія и поведеніе ваше понимаю въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ.

Семенъ Егорычъ выражался съ изысканностью, которая сильно дѣйствовала на урядника.

Урядник краснѣетъ:

— Я по закону дѣйствую... Я — администрація и долженъ слѣдить.

— Да, — соглашается приказчикъ, — какъ администрація,

вы, можетъ быть, правильно поступили. Но, какъ человѣкъ, вы большой подлецъ оказались. И я, какъ человѣкъ человѣку, прямо это сказать вамъ могу.

— Почему? — все больше смущается урядникъ.

Приказчикъ отвѣчаетъ вопросомъ:

— У кого вы спиртъ отобрали? А?

— У господина Меркулова!

— А кто есть господинъ Меркуловъ?

— Господинъ Меркуловъ лицо компетентное, — уступаетъ урядникъ. — Но администрація не можетъ слушаться компетентныхъ лицъ. Администрація должна слѣдить.

— А къ кому вы зимой пойдете, когда у васъ керосину, или сахару, или табаку, или муки не станетъ? Къ господину Меркулову пойдете! У него просить будете! Ему кланяться будете... Вотъ, какая личность господинъ Меркуловъ! А вы ему непріятность дѣлаете. И должнывы понять, что нельзя жить безъ спирту, — особенно при удручающемъ гнетѣ природы на крайнемъ сѣверѣ!

— Ну... — мнется урядникъ.

А приказчикъ продолжаетъ, все болѣе воодушевляясь:

— Это и въ священномъ писаніи сказано: „сердце веселитъ душу человѣка".

— Ну...

Урядникъ, повидимому, готовъ сдаться. Но приказчикъ спѣшитъ окончательно добить своего противника и переходитъ на обличительный тонъ.

— Къ Меркулову вы изъ-за вражды пристаете.

— А зачѣмъ онъ низшую администрацію обижаетъ?

— Затѣмъ, что вы себя интенсивно проявлять начали. Онъ и долженъ былъ васъ изолировать.

— Я господина Меркукова первый не трогалъ. [illegible] началъ, онъ меня первый обидѣлъ.

— Это, когда онъ у васъ шашку отобра[illegible] васъ? Такъ онъ правильно поступилъ, ко[illegible]же въ гостяхъ, напились, какъ свинья, и [illegible]ломать. И это, по моему мнѣнію, и есть предо[illegible]ка зрѣнія вашего поведенія.

Урядникъ, весь красный, вскакиваетъ съ мѣста.

— Я съ вами, какъ должностное лицо, при исполненіи обязанностей, разговаривать не намѣренъ и слушать васъ не желаю, а спирта вамъ не верну. Протоколъ писать въ каюту пожалуйте!

И онъ рѣшительными шагами направляется къ каютамъ.

Приказчикъ слѣдуетъ за нимъ. Проходя мимо меня, бросилъ сквозь зубы:

— Мы должны бороться съ полицейскимъ произволомъ.

Но на лицѣ его не видно воодушевленія борьбой. Лицо его уныло. Болятъ зубы, а кромѣ того — и спирта жаль и отъ хозяина предстоитъ нагонка за провалъ контрабанды.

Вл. Войтинскій.

ВЪ КИНЕМАТОГРАФѢ.

Мелькаютъ цвѣтныя картины
На бѣломъ широкомъ экранѣ —
Священнаго Ганга долины
И гордыя Альпы въ туманѣ...

Шумитъ океанъ горделивый
На синемъ мятежномъ просторѣ,
И солнцѣ спѣшитъ торопливо
На смѣну стыдливой Аврорѣ...

А послѣ идетъ мелодрама
И грустной звучитъ пасторалью,
Какъ нѣжно влюбленная дама
Не справится съ мощной печалью...

Смертельны сердечныя раны, —
Отъ нихъ изнываетъ наяда,
Находитъ блаженство нирваны
Въ холодныхъ струяхъ водопада...

И тутъ же, смѣясь, расцвѣтаютъ
Идилліи нѣжной картины:
Влюбленные сладко мечтаютъ,
Колышатся лавровъ вершины...

И въ каплѣ воды незамѣтно
Побѣдная жизнь отразилась...
И ночь на Босфорѣ привѣтно
Каскадомъ огней засвѣтилась...

Мелькаютъ великія лица,
Моря и далекія страны,

Героевъ, шутовъ вереницы
На бѣломъ широкомъ экранѣ...

Ахъ, всѣ мы — наивныя дѣти,
Довольныя рѣдкой игрушкой!
Иллюзіи розовой сѣти
Насъ ловятъ искусной ловушкой.

Мы жаждемъ волшебныхъ мгновеній,
Лелѣемъ красивыя грезы,
Мы жаждемъ минувшихъ забвеній
Отъ жизненной мелочной прозы...

Уходятъ печаль и кручины —
Живемъ мы въ цѣлящемъ обманѣ...
Какъ быстро мелькаютъ картины
На бѣломъ широкомъ экранѣ!

Анатолій Доброхотовъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ СТАРАГО ПОРЯДКА.

(Окончаніе [1].)

МИЛИЦІЯ.

. . . . . .

Обсудивъ съ нѣсколькими своими знакомыми создавшееся положеніе, я около шести часовъ вечера, т. е., черезъ два часа послѣ прекращенія погрома, отправился на квартиру къ городскому головѣ просить его о немедленномъ созывѣ экстреннаго засѣданія городской думы, или частнаго совѣщанія гласныхъ

Звѣрства и погромъ, только что перенесенные гражданами Симферополя, не помѣшали этому почтенному старцу мирно покоиться въ послѣобѣденномъ снѣ. Къ большому удивленію горничной я просилъ немедленно его разбудить. Черезъ пять минутъ передо мной предстала заспанная фигура добродушнаго старика. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ моимъ внезапнымъ визитомъ и совершенно растерялся отъ предложенія немедленно созвать думу.

— Зачѣмъ это, — бормоталъ онъ, — при чемъ же тутъ дума?

Ему очень не хотѣлось вмѣшиваться въ это непріятное дѣло.

Видя, однако, мою настойчивость, онъ сталъ доказывать что торопиться некуда, что гласные не поспѣютъ получить повѣстокъ, что, если это такъ нужно, можно назначить засѣданіе думы на слѣдующій день и т. д. Въ концѣ концовъ, я все-таки добился отъ него согласія немедленно разослать управскихъ сторожей съ повѣстками и назначить совѣщаніе гласныхъ на 9 часовъ вечера.

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы", Августъ 1916 г.

Въ девять часовъ я пошелъ въ управу. Гласныхъ собралось человѣкъ пятнадцать и столько же примѣрно постороннихъ лицъ. Всѣ были въ очень подавленномъ настроеніи, такъ какъ у всѣхъ среди убитыхъ были знакомые, а у нѣкоторыхъ и друзья. Передавали другъ другу страшныя подробности убійствъ...

Засѣданіе открылось. Въ тотъ моментъ никому не было дѣла до формальностей, и какъ-то само собой вышло, что не только гласные, но и всѣ, присутствовавшіе въ залѣ, приняли въ засѣданіи активное участіе.

Прежде всего рѣшили отправить депутацію къ губернатору, чтобы . . . . . .
. . . . . .
. . . . просить принять энергичныя мѣры для предотвращенія погрома на слѣдующій день. Губернаторъ далъ знать по телефону, что онъ самъ сейчасъ пріѣдетъ въ городскую управу, и дѣйствительно черезъ пять минутъ появился среди насъ.

По его разстроенному лицу было видно, что онъ страшно потрясенъ всѣмъ случившимся. Онъ совершенно не ожидалъ, что дружелюбная бесѣда его съ патріотической манифестаціей будетъ истолкована тайными ея организаторами, какъ поощреніе погрома, и на сыпавшіеся съ нашей стороны указанія . .
. . . . . могъ только сконфуженно оправдываться и обѣщать, что больше ничего подобнаго не допуститъ.

Много горькихъ истинъ пришлось выслушать бѣдному растерявшемуся администратору. Несмотря на слабые протесты съ его стороны, мы твердо стояли на своемъ, что . . .
. . . . . .
. . только городская милиція можетъ спасти городъ отъ повторенія погрома.

Слово „милиція“ очень пугало губернатора, и послѣ долгихъ споровъ съ нами онъ категорически заявилъ, что милиціи, никакими законами не предусмотрѣнной, онъ разрѣшить не можетъ, но, если при городской управѣ создастся организація для охраны порядка, то онъ, съ своей стороны, обѣщаетъ сдѣлать распоряженіе по полиціи, чтобы послѣдняя въ этомъ дѣлѣ оказывала содѣйствіе представителямъ города.

Для насъ дѣло, конечно, было не въ названіи.

Послѣ ухода губернатора мы сейчасъ же выбрали изъ своей среды гласнаго Р. на должность муниципальнаго полицеймейстера, подѣлили городъ на районы, назначили завѣ-

дующихъ районами и поручили каждому образовать свой отрядъ.

Хотя на слѣдующій день начавшійся было съ утра погромъ былъ моментально прекращенъ полиціей, мы все-таки рѣшили не отказываться отъ намѣченной организаціи.

Каждый вечеръ собиралась „обновленная“ дума, въ которой засѣдали вмѣстѣ съ законными гласными гласные „явочнымъ порядкомъ“, какъ насъ называли. Нашъ полицеймейстеръ докладывалъ намъ о настроеніи умовъ въ городѣ, а затѣмъ обсуждались вопросы общественной безопасности. По окончаніи засѣданія мы направлялись по своимъ районамъ и, вооружившись револьверами, обходили дозоромъ пустынныя улицы Симферополя.

Теперь невольно улыбаешься, когда вспоминаешь эти ночныя прогулки мирныхъ обывателей города, большинство которыхъ едва ли сумѣло бы выстрѣлить изъ револьвера, неизмѣнно покоившагося у каждаго въ карманѣ. Но тогда, подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, почтенные сѣдобородые гласные-обыватели какъ-то вдругъ сдѣлались романтиками Донъ-Кихотами. И не смѣшно было это превращеніе, такъ какъ въ немъ чувствовалось зарожденіе русскаго гражданина...

Между тѣмъ въ Симферополѣ, какъ и въ другихъ городахъ Россіи, начался періодъ политическихъ митинговъ. Каждое воскресенье происходили митинги, привлекавшіе массу народа не только изъ горожанъ, но и изъ жителей сосѣднихъ деревень. Стали устраивать митинги и будущіе союзники, тогда называвшіеся октябристами и дѣйствительно входившіе въ организацію 17-го октября, основанную въ столицахъ чистыми людьми, но у насъ, въ провинціи, быстро попавшую въ грязныя руки правыхъ демагоговъ, открыто выступавшихъ съ проповѣдью еврейскаго погрома. Атмосфера сгущалась и становилась тревожной; среди еврейскаго населенія начиналась паника; ждали возобновленія событій 18-го октября.

Наша горсточка милиціонеровъ почувствовала свое ничтожество передъ надвигавшимися событіями. Мы рѣшили расширить организацію и прежде всего упрочить формальную почву нашего существованія, такъ какъ словесное разрѣшеніе губернатора не могло насъ удовлетворить.

Въ тѣ времена это было просто: на основаніи октябрьскаго манифеста, провозгласившаго свободу союзовъ и со-

браній, мы созвали учредительное собраніе „общества охраны жителей Симферополя“, на немъ выработали уставъ, избрали комитетъ и приступили къ организаціи дѣла.

Администрація намъ не препятствовала.

Согласно уставу, общество было учреждено при городской управѣ, въ комитетъ его входили предсѣдатель и два члена по выбору общаго собранія и два члена отъ городской думы; средства общества составлялись изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій и ассигнованій думы. На первыхъ порахъ мы располагали суммой около 400 рублей, изъ которыхъ 200 рублей получили отъ думы.

Комитетъ, засѣдавшій въ городской управѣ, сталъ прежде всего составлять списки желающихъ поступить въ милиціонеры. Желающихъ нашлось много. Тутъ были гласные думы, интеллигенція, купцы, приказчики и рабочіе, стали записываться и молодые люди, принадлежавшіе къ „самообороне“, совершенно дезорганизованной послѣ 18-го октября, когда выяснилась полная ея несостоятельность.

Мы принимали въ милицію, конечно, не всѣхъ записывавшихся, а только по рекомендаціямъ, устанавливавшимъ ихъ моральную благонадежность (внѣ зависимости отъ политическихъ направленій). Само собой разумѣется, наиболѣе активнымъ элементомъ оказалась молодежь, принадлежавшая тогда исключительно почти къ лѣвымъ партіямъ.

Каждый милиціонеръ получалъ отъ насъ билетъ за моей, какъ предсѣдателя комитета, подписью, который долженъ былъ предъявлять полиціи въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній. Впрочемъ, за все время существованія милиціи произошло только одно непріятное недоразумѣніе, когда какой-то студентъ-милиціонеръ въ пьяномъ видѣ сталъ стрѣлять изъ револьвера на улицѣ. Онъ былъ задержанъ и немедленно исключенъ изъ состава милиціи.

Съ первыхъ же шаговъ дѣятельности комитета ему пришлось разрѣшать весьма трудную проблему: какъ и чѣмъ вооружить свое войско? Револьверы достать было крайне трудно. Собственные револьверы были у немногихъ, а для общаго пользованія удалось пріобрѣсти всего четыре штуки. Но голь на выдумки хитра... Одному изъ членовъ пришла въ голову мысль воспользоваться въ качествѣ вооруженія резиновыми шлангами, разрѣзанными на куски въ $^3/_4$ аршина. Въ то время одесскіе хулиганы еще не примѣняли знаменитыхъ резинъ при избіеніи евреевъ, а потому честь изобрѣте-

нія этого оружія по справедливости принадлежитъ не имъ, а симферопольскому комитету охраны.

Сказано — сдѣлано... И вотъ мнѣ вспоминается странная картина: въ залѣ засѣданій городской думы, на полу, большой кучей навалены резиновые шланги; мой товарищъ по комитету рѣжетъ ихъ на куски и пересылаетъ въ „нашу" комнату, куда являются милиціонеры, по группамъ въ десять человѣкъ. Милиціонеры предъявляютъ мнѣ билеты, послѣ чего я каждому вручаю кусокъ шланга.

Обернувъ шланги вокругъ пояса, подъ верхними одеждами, они удаляются въ парномъ строю, съ начальникомъ десятка во главѣ, и, выйдя изъ управы, въ торжественномъ и приподнятомъ настроеніи направляются охранять новорожденную свободу собраній, еще не связанную правилами 4-го марта.

Члены комитета поочередно дежурили въ городской управѣ, а въ праздничные и воскресные дни, когда происходили митинги, производилась общая мобилизація милиціи.

Недолго просуществовала наша организація. Погромныя настроенія стали постепенно разсѣиваться, и мы съ нашими резинами почувствовали себя лишними. Наше „общество охраны" не закрылось, но просто фактически перестало существовать.

Трудно сказать, насколько существованіе его было необходимо. Возможно, что въ случаѣ возникновенія организованнаго погрома, мы оказались бы не въ силахъ съ нимъ справиться, но, несомнѣнно, одинъ фактъ существованія нашей организаціи вліялъ успокаивающимъ образомъ на населеніе. О нашихъ силахъ ходили преувеличенные слухи. Передавали, напримѣръ, что мы имѣемъ связи съ революціонными севастопольскими матросами, которые, въ случаѣ погрома, явятся на усмиреніе съ оружіемъ въ рукахъ, что часть этихъ матросовъ, переодѣтыхъ въ штатское платье, уже находится въ Симферополѣ среди нашихъ милиціонеровъ и т. под.

Само собой разумѣется, что болѣе революціонно настроенная молодежь смотрѣла на милицію, какъ на этапъ въ революціонной борьбѣ, и относилась къ намъ, болѣе зрѣлымъ людямъ, стоявшимъ во главѣ дѣла, недовѣрчиво, видя въ насъ помѣху для осуществленія своихъ плановъ. Приходилось соблюдать извѣстную осторожность.

Помню, какъ разъ, во время моего дежурства, явился ко мнѣ молодой парень-милиціонеръ и рѣшительнымъ тономъ заявилъ:

— Керимъ прислалъ меня къ вамъ за револьверами.

— Кто такой Керимъ?

— Какъ, вы не знаете Керима?

На его лицѣ выразилось полное недовѣріе и презрѣніе ко мнѣ за мою неосвѣдомленность.

Оказалось, что „Керимъ" — кличка одного гимназиста, лидера одной изъ профессіональныхъ группъ революціонныхъ рабочихъ.

— А зачѣмъ Кериму револьверы?

— Мы собираемся группой идти на митингъ октябристовъ и выставить нашего оратора.

— Ну такъ что же?

— Какъ, что? Октябристы народъ аховый, безъ револьвера къ нимъ ходить опасно.

— Если опасно, не ходите, но револьверовъ я вамъ не дамъ.

Юноша былъ крайне возмущенъ моимъ отношеніемъ къ ихъ предпріятію, рѣзко повернулся и ушелъ, демонстративно пожимая плечами.

Несмотря на большое число революціонной молодежи, находившейся въ рядахъ симферопольской милиціи, организація эта все время сохраняла безпартійный характеръ и не выходила за предѣлы офиціально намѣченныхъ задачъ. Но все-таки мнѣ странно, что впослѣдствіи, въ періодъ ликвидаціи, когда создавались дѣла о Новороссійской, Читинской и другихъ республикахъ, мы тоже не оказались на скамьѣ подсудимыхъ. Отчего не создалось дѣло о Симферопольской республикѣ? Отчего наши четыре револьвера и резиновые шланги не оказались на столѣ вещественныхъ доказательствъ? Очевидно, подъ счастливой звѣздой родились симферопольцы.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ ВЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ.

Въ ноябрѣ 1905 года въ Симферополь стали возвращаться большія партіи запасныхъ, уволенныхъ съ дѣйствительной службы, и земство стало прекращать ихъ семьямъ выдачу пособій. Внезапное прекращеніе пособій, въ особенности для жителей городовъ, было очень чувствительно, такъ какъ вернувшіеся изъ похода солдаты не сразу могли пріискать себѣ подходящіе заработки. Такимъ образомъ, выходило, что семья

переставала получать пособіе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ ней появлялся лишній ѣдокъ.

Незадолго до ноябрьскаго земскаго собранія ко мнѣ, какъ къ члену губернской управы, завѣдывавшему выдачей пособій, пришло нѣсколько человѣкъ запасныхъ, настаивавшихъ на продленіи земскаго пайка. Я отвѣтилъ имъ, что управа безъ разрѣшенія земскаго собранія этого сдѣлать не можетъ, и предложилъ подать заявленіе въ собраніе, которое должно было состояться черезъ нѣсколько дней, обѣщавъ, что управа, съ своей стороны, готова просить о разрѣшеніи продлить пособіе еще на одинъ мѣсяцъ.

Прошеніе было составлено, но запасные ходатайствовали въ немъ о пособіи въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ.

Я еще разъ имъ повторилъ, что больше, чѣмъ на мѣсячное пособіе, размѣръ котораго въ общей сложности составляетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, они разсчитывать не могутъ. Видимо, на большее они въ этотъ моментъ и не разсчитывали и, поблагодаривъ меня, ушли.

Въ первый же день собранія я долженъ былъ докладывать ходатайство запасныхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ земскихъ собраніяхъ стали подыматься политическіе вопросы, публики на нихъ бывало много. Но въ этотъ періодъ „дней свободы“ земство уже не стояло въ центрѣ общественной жизни. Движеніе захватило болѣе широкіе слои населенія, и громадные митинги въ разныхъ частяхъ города происходили безпрепятственно.

Поэтому я былъ крайне удивленъ, когда, во время чтенія моего доклада, черезъ открытыя двери зала, съ лѣстницы, послышался шумъ и гулъ голосовъ, свидѣтельствовавшіе о вторженіи въ зданіе управы большой толпы народа.

Шумъ все усиливался.

Гласные взволнованно ерзали на стульяхъ и безпокойно поглядывали на двери, черезъ которыя сталъ вливаться въ залъ засѣданія цѣлый потокъ людей, совершенно не похожихъ на обычную публику земскихъ собраній. Увидѣвъ впереди входящей толпы физіономіи моихъ недавнихъ знакомцевъ, съ которыми я велъ переговоры о пособіи, я сразу догадался, что пришли запасные, лично подкрѣплять свое ходатайство.

А толпа все росла и росла...

Быстро заполнялись не только мѣста для публики, но и все свободное пространство зала вокругъ стола, за которымъ сидѣли гласные. Въ залѣ сразу стало душно, запахло чело-

вѣческимъ потомъ и сапогами. Какой-то запасной дышалъ мнѣ прямо въ затылокъ и обдавалъ меня тяжелымъ запахомъ виннаго перегара. Я уже не читалъ, а кричалъ свой докладъ, но голосъ мой терялся въ гулѣ толпы и въ шумѣ сдвигавшихся стульевъ.

Засѣданіе не могло продолжаться въ такой обстановкѣ, и предсѣдатель объявилъ перерывъ. Гласные быстро повскакали съ своихъ мѣстъ и вышли изъ зала.

Когда черезъ нѣсколько минутъ я вернулся, то засталъ митингъ въ полномъ разгарѣ. На стулѣ стоялъ молодой человѣкъ и произносилъ рѣчь демагогическаго характера на тему о классовыхъ интересахъ земства, которую докончилъ слѣдующими словами: „Итакъ, товарищи запасные, потрясите хорошенько мошну этихъ толстосумовъ!“

Одинъ изъ гласныхъ, отставной полковникъ, понадѣявшись на обаяніе своего мундира, рѣшилъ убѣдить толпу запасныхъ очистить помѣщеніе и, принимая оратора тоже за запасного, обратился къ нему съ отеческимъ увѣщеваніемъ: „Послушай, братецъ, не дѣло ты говоришь“...

— „Я вамъ не братецъ и прошу меня не тыкать“, — отвѣтилъ обиженный молодой человѣкъ.

Полковникъ смутился, покраснѣлъ, но быстро оправился, пріосанился и, очевидно, сообразивъ, что по переживаемымъ временамъ нужно приспособляться къ революціонному жаргону, поднялъ руку и громко крикнулъ: „Товарищи!..“

Дальше онъ ничего не могъ сказать. Поднялся невѣроятный гвалтъ. Изъ толпы стали награждать добродушнаго полковника весьма нелестными эпитетами, послышались замѣчанія: „Тоже, товарищъ, какой ты намъ товарищъ! Ишь, пузо отъѣлъ (полковникъ человѣкъ очень худощавый), а тоже въ товарищи лѣзешь!“ и т. под.

Оскорбленный полковникъ быстро ретировался, и молодой человѣкъ продолжалъ со стула свою рѣчь, придавая ей все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ. Оратора этого я зналъ въ лицо, зналъ, что онъ ничего общаго съ запасными не имѣетъ и принадлежитъ къ одной изъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій. Было очевидно, что организація эта рѣшила воспользоваться недовольствомъ запасныхъ, чтобы начать среди нихъ агитацію „для проясненія ихъ сознанія“. Но предпріятіе это оказалось не только неудачнымъ, но и весьма опаснымъ. Запасные, явившіеся въ земское собраніе, представляли собой толпу весьма пеструю по своему составу. Ко-

нечно, были, среди нихъ и такъ называемые, „сознательные“, прошедшіе черезъ школу митинговъ въ Азіатской и Европейской Россіи, усвоившіе обрывки революціонныхъ идей и фразъ и проникнутые революціоннымъ настроеніемъ. Эта группа съ разгоряченными глазами слушала оратора и прерывала его рѣчь бурными одобреніями. Но значительная часть пришла въ собраніе совсѣмъ не для выслушиванія революціонныхъ рѣчей, а исключительно съ цѣлью добиться продленія земскаго пособія. Первыя рѣчи они слушали спокойно, но когда революціонная фразеологія приняла обычный на такихъ митингахъ затяжной характеръ, среди нихъ начался ропотъ. Послышались замѣчанія: „Чего пустое болтать, разговорами сытъ не будешь“. „Мы не на балъ сюда пришли“...

Ропотъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Напрасно партійные ораторы и „сознательные“ изъ запасныхъ старались водворить спокойствіе. Недовольство ими росло и начинало принимать угрожающій характеръ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ запасныхъ были выпивши. Оратора стянули за рукавъ со стула, и одну минуту казалось, что вотъ-вотъ начнется побоище. По счастью среди публики оказался находчивый человѣкъ — сотрудникъ мѣстной газеты. Вскочивъ на стулъ и перекрикивая галдѣвшихъ запасныхъ, онъ рѣшительно предложилъ: „Господа, не будемте зря шумѣть, а сядемте за столъ, покинутый гласными, и обсудимъ спокойно ваши требованія“.

Затѣмъ, онъ подошелъ къ предсѣдательскому мѣсту и позвонилъ въ предсѣдательскій звонокъ.

Толпа сразу стихла, и запасные, чуть-чуть не вступившіе между собой въ рукопашную, стали неловко и сконфуженно подходить къ столу. Болѣе смѣлые изъ нихъ сѣли за столы на мѣста гласныхъ; остальные плотнымъ кольцомъ расположились вокругъ.

Странный видъ имѣло это импровизированное засѣданіе. На предсѣдательскомъ мѣстѣ, на которомъ мой земскій глазъ такъ привыкъ видѣть важныя фигуры въ мундирахъ и вицъ-мундирахъ, сидѣлъ маленькій сѣдоватый человѣкъ въ потертой австрійской курткѣ, рядомъ съ нимъ, на мѣстѣ предсѣдателя управы помѣстилась какая-то толстая женщина — очевидно, жена запасного, а далѣе, кругомъ стола, видны были потныя и красныя лица запасныхъ съ жесткими, торчащими усами.

Несмотря на тревожность момента, нельзя было удер-

жаться отъ улыбки при видѣ этой странной перемѣны дѣйствующихъ лицъ при сохраненіи прежней декораціи. А изъ дѣйствующихъ лицъ, обычныхъ участниковъ даваемыхъ въ этой залѣ представленій — изъ губернскихъ гласныхъ къ этому моменту уже почти никого не осталось въ зданіи управы. Въ началѣ митинга гласные находились еще въ кабинетѣ предсѣдателя управы, откуда изрѣдка высовывались ихъ встревоженныя физіономіи, но, когда митингъ принялъ бурныя формы, они быстро одинъ за другимъ стали расходиться.

Когда открылось засѣданіе запасныхъ, за земскимъ столомъ, кромѣ меня, въ качествѣ члена управы, завѣдывавшаго выдачей пособій, „вѣдомственно" связаннаго съ происходившими событіями, изъ всего состава собранія остались въ залѣ только двое гласныхъ. Мы сѣли въ мѣста для публики и стали ожидать, что изъ всего этого выйдетъ.

— Объявляю засѣданіе открытымъ, — провозгласилъ предсѣдатель. — Кто желаетъ высказаться?

Запасные сконфуженно молчали.

Предсѣдатель поставилъ вопросъ болѣе конкретно: „Какое пособіе отъ земства вы желаете получить"? „Двадцать пять рублей на брата", крикнулъ кто-то, запасные зашумѣли: „зачѣмъ двадцать пять, это мало, пятьдесятъ нужно положить", „сто рублей, сто рублей" раздавались голоса, перебивая другъ друга. Я подошелъ къ столу и попросилъ слово.

— Слово принадлежитъ члену губернской управы, — заявилъ предсѣдатель.

Я началъ съ ариѳметическаго расчета: запасныхъ было взято въ ряды войскъ въ Таврической губерніи 12 тысячъ человѣкъ. Если каждому изъ нихъ выдать по сто рублей, земству придется израсходовать 1.200.000 рублей. Эта сумма въ два раза больше той, которую губернское земство собираетъ со своихъ плательщиковъ. При томъ же главные плательщики тѣ же крестьяне, поставившіе запасныхъ на войну... На этомъ мѣстѣ моей рѣчи меня прервали возгласами со всѣхъ сторонъ: „А вы съ помѣщиковъ возьмите, зачѣмъ съ крестьянъ, или съ купцовъ — эти выдержатъ", „богатые должны платить, а не бѣдные"... Съ послѣднимъ положеніемъ я согласился.

Богатые должны платить больше, чѣмъ бѣдные, но какъ примѣнить этотъ принципъ на практикѣ теперь же? „Допустимъ, говорилъ я, что земское собраніе согласилось и постановитъ взыскать въ пользу запасныхъ милліонъ рублей съ по-

мѣщиковъ и купцовъ. Но какъ взыскать съ нихъ эту сумму? Сами они добровольно платить не станутъ, а закона такого нѣтъ, чтобы помѣщики и купцы содержали запасныхъ. Постановленіе земскаго собранія поэтому будетъ незаконное, и полиція взыскивать съ нихъ денегъ не станетъ".

Я видѣлъ, что мои аргументы подѣйствовали и заставили собравшихся запасныхъ нѣсколько критически отнестись къ своимъ требованіями. Я снова усѣлся въ мѣста для публики.

Нѣсколько времени продолжалось молчаніе, но вотъ поднялся одинъ запасной, до сихъ поръ молчавшій и флегматично переписывавшій книжку земскихъ смѣтъ и раскладокъ.

— Вотъ, позвольте вамъ доложить, — началъ онъ съ язвительностью въ голосѣ, господинъ членъ управы говорилъ намъ, что у земства нѣтъ для насъ денегъ, а вотъ извольте посмотрѣть, на что у нихъ деньги идутъ. Вотъ напечатано въ отдѣлѣ первомъ ихней смѣты: жалованье предсѣдателю семь тысячъ рублей, четыремъ членамъ управы, по три тысячи каждому — двѣнадцать тысячъ. Я такъ считаю, что для предсѣдателя хорошее жалованье три тысячи, а для членовъ по двѣ тысячи. Не такъ ли? Вотъ ужъ намъ шесть тысячъ набѣжало. Это я на первой страницѣ столько набралъ. Если бы такъ всѣ ихъ расходы поразобрать, много бы такихъ тысячъ нашли".

Запасные очень обрадовались сдѣланному открытію, и со всѣхъ сторонъ послышались одобрительные возгласы. Но возбужденіе уже улеглось, и озлобленіе смѣнилось добродушной веселостью. Всѣ радовались, что ихъ братъ запасной такъ ловко поддѣлъ члена управы. Видя такое настроеніе собранія, я не счелъ нужнымъ продолжать моихъ возраженій. Въ частности я былъ согласенъ съ ораторомъ изъ запасныхъ, что въ жалованіи состава управы можно сдѣлать нѣкоторую экономію.

Не помню, чѣмъ кончилось это удивительное засѣданіе. До окончанія его запасные стали постепенно расходиться по домамъ, и собраніе само собой стало постепенно таять. Ушелъ и я, не дождавшись его окончанія.

На слѣдующей день къ началу собранія опять передъ зданіемъ управы собралась толпа запасныхъ. Я вышелъ къ нимъ и просилъ не идти всей гурьбой въ залъ засѣданій, такъ какъ вчерашній день показалъ, что ничего путнаго изъ

этого выйти не можетъ, а совѣтовалъ выбрать нѣсколько депутатовъ для переговоровъ.

Мое предложеніе было принято, и мы сейчасъ же съ шестью депутатами устроили маленькое засѣданіе, на которомъ подвергли подробному обсужденію всѣ поднятые вчера вопросы. Не знаю, удалось-ли мнѣ ихъ убѣдить въ томъ, что земству неоткуда достать просимаго милліона, но послѣ нашей часовой или полуторачасовой бесѣды, мы разстались друзьями, земское собраніе единогласно приняло предложеніе пособія семьямъ запасныхъ еще на одинъ мѣсяцъ...

КОНЕЦЪ „ДНЕЙ СВОБОДЫ".

Какъ сонъ прошли 72 дня первой Государственной Думы, и вотъ два года я снова живу въ Симферополѣ. Опять весна, воздухъ пропитанъ дурманящимъ запахомъ акацій... Но настроенія уже не весеннія... Союзъ русскаго народа находится въ апогеѣ силы и распоряжается властью.

Давно не слыхать о митингахъ, безслѣдно исчезли молодые люди въ черныхъ рубашкахъ, заполнявшіе симферопольскіе бульвары въ ясные „дни свободы" и устраивавшіе политическіе клубы подъ открытымъ небомъ, нѣтъ больше безконечныхъ споровъ между эсъ-деками и эсъ-эрами...

Несмотря на жаркую погоду, я гдѣ-то сильно простудился и лежалъ въ постели, въ жару.

Бреда у меня не было, но разъ ночью мнѣ приснился довольно привычный русскому обывателю сонъ наяву: около моей кровати стоялъ жандармскій ротмистръ и любезно предлагалъ мнѣ одѣться, чтобы показать ему содержимое моего письменнаго стола.

Когда я вышелъ въ кабинетъ, я увидѣлъ еще нѣсколько жандармовъ, а въ передней — цѣлый взводъ городовыхъ. Въ окно было видно, что домъ нашъ кругомъ былъ оцѣпленъ полиціей. Очутившись въ такой обстановкѣ, я усомнился, точно ли это я, а не знаменитый кавказскій разбойникъ Зелимъ-ханъ. Обыскъ производился въ моей квартирѣ необыкновенно тщательно. Жандармы перерыли всѣ комоды, переворошили все грязное бѣлье, шарили подъ тюфяками спящихъ дѣтей, лазили на чердакъ... Казалось, что они ищутъ складъ оружія или что-либо въ этомъ родѣ. Я доставилъ ротмистру только одну минуту радости, когда онъ

нашелъ въ моемъ столѣ заряженный револьверъ, но и тутъ его постигло разочарованіе, такъ какъ на револьверъ имѣлось установленное разрѣшеніе. Обыскъ окончился часовъ около пяти утра, былъ подписанъ протоколъ, и я уже собирался вернуться къ своей постели, когда жандармъ съ любезной улыбкой предъявилъ мнѣ бумагу, въ которой я прочелъ, что подлежу аресту, независимо отъ результатовъ обыска. Я спросилъ, не можетъ ли арестъ быть отложенъ до моего выздоровленія, но получилъ рѣшительный отказъ. И вотъ я на извозчикѣ въ сопровожденіи жандармскаго унтеръ-офицера направляюсь въ симферопольскую тюрьму.

Когда мы съ моимъ спутникомъ вошли въ грязную и вонючую канцелярію тюрьмы, съ лавки поднялся толстый заспанный человѣкъ въ штатскомъ платьѣ и, подойдя къ столу, потягиваясь и зѣвая, сталъ вписывать меня во входящую книгу.

— Ужъ, извините, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — вамъ придется здѣсь обождать до прихода начальника тюрьмы. Другого арестанта мы бы сразу помѣстили куда-нибудь, а относительно васъ никакъ нельзя распорядиться безъ начальника. Начальникъ уже какъ-нибудь устроитъ васъ. Только трудно, тюрьма нынче такъ переполнена, что не приведи Богъ.

Я поинтересовался узнать у толстаго незнакомца, нельзя ли мнѣ послать телеграмму моей сестрѣ о своемъ арестѣ.

— Отчего же, сдѣлайте одолженіе, извольте бумагу и чернила.

Онъ разбудилъ спящаго на полу молодого человѣка, который сейчасъ же охотно взялся за небольшую мзду снести мою телеграмму на вокзалъ.

Тѣмъ временемъ любезный незнакомецъ велѣлъ сторожу подогрѣть самоваръ и, угощая меня чаемъ, старался завязать разговоръ. Я, однако, чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ и оказался плохимъ собесѣдникомъ. Молчали мы довольно долго. Я подремывалъ, прислонившись къ стѣнѣ, а онъ что-то старательно писалъ, сидя за грязнымъ, обшарпаннымъ столомъ.

— Извините, позвольте васъ спросить объ одной вещи, — вдругъ обратился онъ ко мнѣ, — вамъ, вѣроятно, это извѣстно: какъ въ прошеніяхъ на Высочайшее имя слѣдуетъ титуловать Государя Императора?

— То есть, какъ титуловать?

— А нужно ли выписывать полный титулъ, т. е. Императоръ Всероссійскій, Царь Польскій и т. д.

Я отвѣтилъ, что, насколько знаю, этого не требуется.

Изъ разговора, завязавшагося по поводу прошенія, я наконецъ понялъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

Оказалось, что мой собесѣдникъ не кто иной, какъ проворовавшійся исправникъ, который, присвоивъ крупную сумму казенныхъ денегъ, бѣжалъ въ Харбинъ, гдѣ проживалъ подъ чужимъ именемъ и, попавшись снова въ какомъ-то мошенничествѣ, былъ арестованъ. Теперь онъ отбывалъ наказаніе по приговору суда. Во время его предварительнаго заключенія въ симферопольской тюрьмѣ, взбунтовавшіеся уголовные арестанты убили тюремнаго врача и помощника смотрителя и чуть было не завладѣли всей тюрьмой. Тюремное начальство совершенно растерялось, но проворовавшійся исправникъ проявилъ необыкновенное присутствіе духа: онъ вбѣжалъ въ канцелярію, телефономъ соединился со своимъ бывшимъ начальствомъ и вытребовалъ войска. Только благодаря его вмѣшательству въ эту исторію, бунтовщики были своевременно усмирены, и предполагавшійся ими побѣгъ не удался. Это обстоятельство повліяло на приговоръ суда, смягчившаго участь распорядительнаго исправника, а теперь онъ своимъ подвигомъ хотѣлъ воспользоваться, какъ аргументомъ для стяжанія себѣ амнистіи...

Тюремное начальство тоже учитывало особое положеніе администратора-арестанта, и онъ сдѣлался въ канцеляріи тюрьмы своего рода начальствомъ. Я видѣлъ его въ это утро даже свободно выходящимъ за тюремныя ворота.

Со мною онъ все время былъ необыкновенно любезенъ и предупредителенъ.

Когда утромъ въ канцелярію тюрьмы вошелъ молодой тюремный врачъ, исправникъ покровительственно поздоровавшись съ нимъ, торжественно произнесъ:

— Позвольте васъ познакомить: нашъ тюремный врачъ (жестъ въ его сторону), нашъ членъ первой Государственной Думы (торжественный жестъ въ мою сторону).

И званіе народнаго представителя такъ гордо звучало въ устахъ бывшаго исправника, какъ будто я находился не въ тюрьмѣ, въ качествѣ арестанта, а у него на вечеринкѣ, въ числѣ именитыхъ гостей...

Наконецъ, пришелъ начальникъ тюрьмы. Мы съ нимъ были немного знакомы, такъ какъ раньше мнѣ приходилось навѣщать кое-кого изъ заключенныхъ.

— Боже мой, — воскликнулъ онъ, — и васъ сюда привели!

Онъ въ большомъ волненіи сталъ шагать изъ угла въ уголъ по канцеляріи.

. . . . . .

. . . . . А тюрьма биткомъ набита. Въ одиночныхъ камерахъ по четыре человѣка сидятъ. Развивается эпидемія тифа... И вотъ ежедневно по нѣсколько человѣкъ новыхъ арестантовъ привозятъ . . . . . .

. . . .

Онъ сѣлъ за столъ, уныло облокотившись на обѣ руки.

— . . . . . Понимаете ли, на меня доносъ состряпали, будто я бунтъ въ тюрьмѣ подстроилъ и для отвода глазъ отпускъ взялъ, чтобы все это произошло въ мое отсутствіе.

Онъ безнадежно махнулъ рукой и опять сталъ ходить по комнатѣ.

— Вотъ теперь задача, куда мнѣ васъ посадить? Прямо ни одной камеры нѣтъ свободной.

Онъ позвалъ смотрителя и сталъ долго съ нимъ обсуждать всякія комбинаціи, куда кого перевести, чтобы мнѣ очистить мѣсто. Наконецъ, комбинація была выбрана.

— Ужъ вы извините, никакъ цѣлой одиночной камеры для васъ не выкроишь, придется вамъ немного потѣсниться, вдвоемъ съ другимъ арестантомъ сидѣть.

Раздался телефонный звонокъ. Начальникъ тюрьмы нервно вздрогнулъ.

— Я ужъ знаю, что опять это вице-губернаторъ, . . .

. . . . . .

Затѣмъ взялъ трубку и, сдѣлавъ любезную физіономію, произнесъ:

— Такъ точно, ваше превосходительство, я у телефона.

Сдѣлавъ нѣсколько любезныхъ репликъ, онъ съ раздраженіемъ повѣсилъ трубку и сталъ снова бѣгать по комнатѣ. Видно было, что онъ окончательно выведенъ изъ себя возникшимъ о немъ „дѣломъ“.

Наконецъ, явился надзиратель и повелъ меня въ приготовленный номеръ.

Номеръ этотъ оказался тѣснымъ и вонючимъ.

Въ наказаніе за недавній бунтъ, арестанты были лишены права ходить въ общія отхожія мѣста и посажены на, такъ называемый, „парашечный режимъ“. А такъ какъ тюрьма не

была приспособлена къ такому режиму и въ инвентарѣ ея благоустроенныхъ парашъ не имѣлось, то во исполненіе воли начальства были куплены на базарѣ и поставлены въ камеры небольшія деревянныя открытыя шайки, исполнявшія обязанности парашъ. Шайки эти распространяли ужасное зловоніе.

Надзиратель ввелъ меня въ камеру, устроилъ постель.

— Ну вотъ, вамъ такъ хорошо будетъ, можете ложиться.

Послѣ безсонной ночи и безконечнаго сидѣнія въ канцеляріи тюрьмы, я съ наслажденіемъ растянулся на постели тѣмъ болѣе, что чувствовалъ приступъ лихорадки.

Надзиратель все не уходилъ и какъ-то сконфуженно мялся, исподлобья меня разглядывая. Вдругъ онъ осклабился и спросилъ:

— А вы членъ первой Думы будете — и получивъ утвердительный отвѣтъ, широко и привѣтливо улыбнулся, еще немного неуклюже помялся около меня и вышелъ.

„Аще возьму крили мои и рано и спущуся въ послѣднихъ моря, и тамъ бо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя“, вспомнилъ я текстъ изъ катехизиса. Да, десница первой Думы охраняла меня; ореолъ ея дѣйствовалъ и на бывшаго исправника, и на суроваго надзирателя... Даже въ Крестахъ, гдѣ я черезъ годъ отбывалъ наказаніе за подписаніе выборгскаго воззванія, вымуштрованные, корректно-холодные надзиратели ко мнѣ относились съ особымъ оттѣнкомъ предупредительности. Иногда мой младшій надзиратель, потихоньку отъ старшаго, заходилъ въ камеру и заводилъ разговоры о политикѣ:

— Я такъ думаю, ваше сіятельство, что отъ третьей Думы намъ ждать нечего. Это что жъ за Дума! Вотъ если бы ваша первая была, такъ она бы произвела все, какъ слѣдуетъ...

Въ камерѣ, какъ меня предупреждали, я оказался не одинъ.

Мой сожитель, блѣдный молодой человѣкъ въ арестантскомъ халатѣ и туфляхъ, ходилъ быстрыми шагами по камерѣ. Три шага въ одну сторону, поворотъ, три шага въ другую сторону, поворотъ и т. д.

Я лежалъ, полузакрывъ глаза, и смотрѣлъ на равномѣрное мотаніе моего компаньона. Видно было, что это мотаніе стало у него привычкой, какая создается у звѣрей, много лѣтъ просидѣвшихъ въ клѣткѣ, которые ежедневно съ утра до вечера автоматически продѣлываютъ одно и то же привычное

движеніе. На меня онъ не обращалъ никакого вниманія, и я невольно сталъ дремать подъ тихое шлепанье его туфель.

Проснулся я отъ легкаго, но настойчиваго постукиванія въ дверь. Сожитель мой уже не ходилъ по комнатѣ, а лежалъ, растянувшись на своей койкѣ. Постукиваніе продолжалось. Я подошелъ къ двери и услышалъ черезъ замочную скважину шепчущій голосъ:

— Товарищъ, будьте осторожны, вы сидите съ провокаторомъ.

Я оглянулся на него. Блѣдный юноша лежалъ на своей койкѣ и смотрѣлъ на меня, какъ мнѣ показалось, нѣсколько растеряннымъ взглядомъ. Повидимому, жуткія слова незнакомца изъ коридора долетѣли и до его слуха.

Я почувствовалъ, что необходимо съ нимъ сейчасъ же объясниться, но, не желая прямо ставить унизительнаго вопроса, началъ разговоръ издалека, надѣясь, что онъ, понявъ, что я посвященъ въ его тайну, самъ попытается объясниться со мной. И я не ошибся. Онъ сразу почувствовалъ, куда клонится разговоръ и, бросивъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ репликъ, поднялся и, снова замотавшись по комнатѣ, вдругъ произнесъ какимъ-то уныло-равнодушнымъ голосомъ:

— Вы, вѣдь, знаете, что товарищи считаютъ меня провокаторомъ?

Наступило неловкое молчаніе.

— И что же, это — вѣрно? — нерѣшительно спросилъ я у него.

— Нѣтъ, неправда, но все-таки они въ этомъ увѣрены и хотятъ убить меня.

— Но, если это неправда, то неужели вы не можете какъ-нибудь снять съ себя это ужасное подозрѣніе?

— Какъ же мнѣ оправдаться? Меня здѣсь никто не знаетъ и мнѣ не вѣрятъ.

— Да вы-то сами знаете, въ чемъ, собственно, васъ обвиняютъ?

— Нѣтъ.

— Хотите, я завтра на прогулкѣ поговорю съ товарищами и постараюсь выяснить ваше дѣло?

— Не поможете, ихъ не разувѣришь! Они все равно меня убьютъ... И начальство это знаетъ, потому и отдѣлило меня въ одиночку.

Все это онъ говорилъ тихимъ, печальнымъ голосомъ, но

спокойно, безъ волненія. Видно было, что этотъ юноша уже пережилъ свою тяжелую драму и покорился судьбѣ...

Я рѣшилъ на слѣдующій день узнать подробно, въ чемъ, собственно, его обвиняютъ и, если окажется, что обвиненіе вздорное, попытаться его реабилитировать.

Къ этому несчастному, молча мечущемуся по камерѣ блѣдному юношѣ, который такъ не походилъ на провокатора, я испытывалъ чувство глубокой жалости.

Онъ снова сѣлъ на койку и закашлялъ частымъ сухимъ кашлемъ.

— Вы больны?

— Да, я чахоточный.

Постепенно я выспросилъ у него краткую исторію его скитальческой жизни. Она оказалась весьма незамысловатой.

1905 годъ засталъ его семнадцатилѣтнимъ вольноопредѣляющимся 2-го разряда въ одномъ изъ московскихъ полковъ, въ которомъ велась пропаганда соціалистами-революціонерами. Во время московскаго возстанія въ полку произошелъ бунтъ, въ которомъ онъ принялъ участіе. Затѣмъ тюрьма, судъ и ссылка на каторгу. Въ каторгѣ онъ попалъ на работы проводившейся тогда Амурской дороги. Работать приходилось въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, въ нездоровой болотистой мѣстности. Мало кто выдерживалъ эти работы. Многіе заболѣвали, многіе бѣжали. Мой юноша сдѣлалъ и то, и другое. Заболѣлъ туберкулезомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣжалъ. Добравшись до Европейской Россіи, онъ добылъ себѣ подложный паспортъ и поселился въ Ялтѣ, гдѣ уже въ качествѣ профессіональнаго революціонера пристроился къ партійной работѣ. Теперь онъ снова въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда и ссылки на длительную, если не на безсрочную каторгу.

Выслушавъ этотъ незамысловатый разсказъ, я лежалъ на своей койкѣ и думалъ о томъ, что въ жизни бываютъ такія положенія, изъ которыхъ самоубійство можетъ казаться лучшимъ исходомъ. Вѣдь этому юношѣ судьба приготовила лишь два пути, изъ которыхъ оба вели къ близкой смерти; позорная смерть провокатора отъ ножа товарища или угасаніе отъ чахотки въ каторжной тюрьмѣ...

А со двора доносился рѣзкій лязгъ кандаловъ и веселый говоръ двадцати четырехъ каторжниковъ, ожидающихъ смертной казни за тюремный бунтъ...

Мнѣ такъ и не удалось выяснить исторію провокаторства моего сожителя, ибо на слѣдующее утро ко мнѣ явился над-

зиратель и вызвалъ къ начальнику тюрьмы. А въ тюремной канцеляріи мнѣ сообщили, что я свободенъ.

Впослѣдствіи мнѣ все-таки удалось кое-что узнать. Его судили и приговорили къ каторгѣ. На судѣ выяснилось также, что онъ дѣйствительно выдалъ кого-то изъ товарищей, но, повидимому, выдалъ по слабости, запуганный, больной, вѣроятно, обнадеженный какими-нибудь обѣщаніями...

Черезъ два мѣсяца мнѣ была вручена бумага, въ которой значилось, что „за принадлежность къ революціоннымъ партіямъ“ (во множественномъ числѣ!) я высылаюсь изъ предѣловъ Таврической губерніи и отданъ подъ гласный надзоръ полиціи на два года, съ правомъ избранія мѣста жительства.

По дорогѣ въ Финляндію, я заѣхалъ въ Петроградъ узнать у тогдашняго товарища министра внутреннихъ дѣлъ завѣдывавшаго полиціей, о причинѣ постигшей меня кары.

Товарищъ министра, перелистывая мое „дѣло“, сообщилъ мнѣ, что я изобличенъ въ сношеніяхъ съ революціонерами, но болѣе подробно изложить составъ моего преступленія рѣшительно отказался.

На мой вопросъ о томъ, какъ мнѣ доказать неправильность взведенныхъ на меня обвиненій, если я не знаю конкретнаго ихъ содержанія, я услышалъ классическій отвѣтъ, который помню дословно: „Представьте доказательства вашей невиновности, и кара съ васъ будетъ снята“.

Садясь въ вагонъ на Финляндскомъ вокзалѣ, я встрѣтился въ дверяхъ съ начальникомъ симферопольской тюрьмы.

— Вы куда ѣдете? — спросилъ онъ меня.

Я разсказалъ ему, что ѣду въ Финляндію „подъ надзоръ“ и что только что былъ у товарища министра.

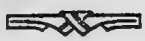
— И вѣдь я тоже отъ него, — воскликнулъ онъ. — Представьте себѣ, вѣдь . . . . . таки доняли меня своими доносами, и меня уволили. Вотъ и поѣхалъ объясняться сюда.

— Ну, что же?

— Э, развѣ . . . . . что-нибудь можно сдѣлать?!..

Товарищи по несчастью, тюремщикъ и арестантъ, простились, горячо и сочувственно пожимая другъ другу руки...

Кн. В. Оболенскій.



МОЛИЛАСЬ ДУША МОЯ.

Молилась душа моя... Пламень лампадный
На темные лики святыхъ упадалъ.
Молилась душа моя... Глубокій и жадный,
Я взоръ мой къ суровымъ святымъ обращалъ.

Клубяся, дымилися дымы кадильные,
И гулкія пѣсни — молитвы неслись.
Молилась душа моя... Слезы обильныя
На плиты холодныя жарко лились...

Молилась душа моя... Купола мглистаго
Сумракъ суровый пустынно темнѣлъ...
Молилась душа моя... Свѣчи лучистыя
Всѣ погасали, и храмъ опустѣлъ...

Вышелъ послѣднимъ я съ горькимъ рыданіемъ, —
Къ звѣздному храму я взоръ устремилъ:
Горько молился я звѣзднымъ мерцаніямъ,
Плакалъ о Богѣ, о Богѣ грустилъ...

Филаретъ Черновъ.

ТОСКА.

РОМАНЪ ГРАЦІИ ДЕЛЕДДА.

(Продолженіе [1].)

VIII.

Реджинѣ приснилось, будто она идетъ по берегу По съ Маріанной, компаньонкой м-мъ Макулиной, будто Маріанна пріѣхала за ней, чтобъ отвезти ее обратно въ Римъ.

— Мосье Антоніо страшно взбѣшенъ, — по-французски говорила Маріанна: — онъ пришелъ къ madame и все ей разсказалъ, и упросилъ ее одолжить ему десять тысячъ лиръ, чтобъ взять хорошую квартиру и красиво обставить ее. Потомъ послалъ меня сюда, чтобъ я уговорила васъ вернуться.

Во снѣ Реджина дрожала отъ гнѣва на себя и униженія и быстро шла по берегу, направляясь къ Віаданѣ, чтобы послать Антоніо грозную телеграмму.

— Онъ, навѣрно, еще не истратилъ этихъ денегъ, — говорила она, рыдая. — Пусть сейчасъ же вернетъ ихъ княгинѣ, сейчасъ же, я такъ хочу. Мнѣ ничего не надо; я и такъ вернусь къ нему, завтра же, даже, если бъ онъ сталъ еще бѣднѣе прежняго, даже если бъ намъ пришлось жить на чердакѣ.

Охваченная невыразимой печалью, она старалась ускорить шаги, заставляла себя бѣжать, но, какъ это часто бываетъ во снѣ, ноги ея не слушались. Ночь спускалась на землю, отъ рѣки поднимался туманъ; Віадана какъ будто все отдалялась...

А Маріанна бѣжала за Реджиной и трещала безъ умолку, разсказывая ей, какъ она встрѣтила на Віа дель Тритоне того самаго пожарнаго, который спасъ ее изъ огня во время пожара въ Одессѣ.

---

[1]) См. августъ, стр. 151.

— Онъ былъ переодѣтъ священникомъ. Но какой кокетъ! Вы только представьте себѣ: подъ сутаной у него были шелковыя dessous съ тремя воланами, и они такъ шелестѣли...

Она смѣялась, и ея недобрый смѣхъ злилъ Реджину до нервной спазмы въ горлѣ. Ей казалось, что Маріанна смѣется вовсе не надъ пожарнымъ, но надъ чѣмъ-то другимъ, невѣдомымъ, загадочнымъ и страшнымъ. Она проснулась, но тяжелое и непріятное впечатлѣніе, оставленное этимъ сномъ, весь день не покидало ея.

Она пыталась снова уснуть и не могла. Было еще темно, но въ предразсвѣтной тишинѣ уже раздавались первые шумы, первые звуки просыпавшейся деревенской жизни: съ берега доносилось звяканье бубенчиковъ, все отдалявшееся, и этотъ серебристый, настойчивый, какой-то ребяческій звонъ казался Реджинѣ невыразимо печальнымъ.

Тысячи воспоминаній проносились въ ея умѣ, такихъ же неотвязныхъ, ребяческихъ и грустныхъ, какъ этотъ серебристый звонъ бубенчиковъ...

„Вся моя жизнь прошла безплодно, — думала она. — А теперь, теперь, когда у меня могла быть цѣль въ жизни, я сама отшвырнула ее отъ себя, какъ старую тряпку. Но какая же цѣль могла у меня быть? А развѣ свить гнѣздо, создать семью — развѣ это не можетъ стать цѣлью жизни? Все въ жизни относительно, и хорошая жена, создавшая хорошую семью, содѣйствуетъ усовершенствованію общества не меньше какого-нибудь рабочаго или моралиста. Я тѣшила себя пустыми грезами, и только...“

Ей вспомнился сонъ, который ей приснился на вторую ночь послѣ пріѣзда въ Римъ. Будто княгиня Макулина умерла и оставила ей въ наслѣдство замокъ...

Неожиданно до нея донесся легкій шорохъ и едва уловимый слабый стонъ, словно изданный во снѣ какимъ-то крохотнымъ созданьицемъ.

— Что это? Ласточка? Неужели и она видитъ сны? Развѣ птицы тоже мыслятъ и грезятъ? Я думаю, да. Почему же эта ласточка здѣсь одна? А онъ гдѣ?

И ее охватила радость при мысли, что сегодня она получитъ письмо отъ Антоніо.

Время шло. Прошелъ и тотъ часъ, когда обыкновенно приносили почту, а почтальона не было. Реджина ушла гулять въ поле, чтобы скрыться отъ себя самой, забыть, уйти

отъ страха, угнетавшаго ея душу; долго бродила она по лѣсу, по тропинкамъ, по залитому солнцемъ берегу; но всюду страхъ преслѣдовалъ ее, какъ тѣнь.

— Онъ не простилъ мнѣ; онъ не пишетъ. На его мѣстѣ я сдѣлала бы то же. Онъ хочетъ наказать меня своимъ молчаніемъ... Или, быть можетъ, самъ пріѣдетъ за мной? Принудитъ меня возвратиться... Жена должна жить тамъ, гдѣ мужъ, и всюду слѣдовать за нимъ. Иначе мужъ вѣдь вправѣ требовать развода. Какъ же мнѣ тогда быть?

Изъ гордости она не хотѣла сознаться себѣ, что, если Антоніо потребуетъ, чтобъ она тотчасъ же вернулась въ Римъ, она поѣдетъ, лишь бы только онъ попросилъ ее; но, по мѣрѣ того, какъ время шло, гордость ея слабѣла и сгибалась; воспоминанія затопляли нѣжностью ея душу; при мысли прожить лучшіе годы молодости безъ любви, она готова была горько плакать.

„Но почему же я раньше обо всемъ этомъ не думала?“ — спрашивала она себя. И вспомнила, что думала объ этомъ, но такъ смутно, такъ поверхностно, что опасенія не удержали ее отъ той глупости, которую она учинила. Съ другой стороны, она разсуждала такъ:

„Это-ужъ у меня натура такая, что я всегда всѣмъ недовольна. Мой характеръ сотканъ изъ противорѣчій; измѣнчивъ, какъ волна... Почему, собственно, у меня такъ скоро измѣнилось настроеніе? Если я вернусь въ Римъ, я тотчасъ же раскаюсь, что не выполнила своего плана, который, быть можетъ, разумнѣе и лучше, чѣмъ мнѣ кажется. Можетъ быть, и онъ призналъ его вполнѣ разумнымъ, но еще не рѣшается написать мнѣ, что принимаетъ его. Вотъ маргаритка: погадаю, согласенъ ли онъ?..

Она нагнулась, но не сорвала маргаритки. Мысль, что Антоніо не огорченъ, не мучится, не рвется всѣми силами вернуть ее, осыпать укоризнами, измучить и потомъ приласкать, чтобъ она почувствовала и его боль, и его безумную любовь, печалила и обижала ее.

— Онъ и не станетъ писать; онъ самъ пріѣдетъ — завтра, послѣзавтра, какъ только вернется. Какъ же я встрѣчу его?..

Но при мысли о встрѣчѣ съ Антоніо радость вытѣсняла въ ея душѣ все остальное.

Онъ не писалъ и не ѣхалъ.

Дни и часы шли своей чередой, медлительные и жестокіе.

Ожиданіе съ каждымъ днемъ становилось мучительнѣе. Реджина дивилась тому, какъ вѣрно было ея предчувствіе, подсказавшее ей въ первый же вечеръ, что Антоніо вовсе не отвѣтитъ ей. Потомъ она замѣтила, что мать слѣдитъ за ней и, въ свою очередь, тревожится, не видя писемъ отъ Антоніо; прекрасные глаза ея, обыкновенно ясные, теперь были печальны и тревожны. И вотъ, однажды утромъ, Реджина сдѣлала видъ, будто пошла навстрѣчу почтальону и получила письмо отъ мужа.

— Онъ нездоровъ; у него лихорадка, — сказала она, входя въ кухню съ конвертомъ въ рукѣ.

Синьора Катарина вскрывала ножницами серебристое брюшко рыбы, пойманной въ рѣкѣ; она едва взглянула на дочь, но Реджина сразу почувствовала, что мать не вѣритъ. И скользнувшій по ней грустный взглядъ матери взволновалъ ее до глубины души.

Серебристая рыбка, внутри которой виднѣлась другая, маленькая, черная, напомнила ей мечты Антоніо: „Будемъ кататься на лодкѣ, удить рыбу по вечерамъ...“, и вся мучительная нѣжность послѣдняго вечера, проведеннаго вмѣстѣ, истомой сжала сердце...

Она поднялась къ себѣ наверхъ и написала мужу письмо, въ которомъ гордость не позволила ей высказаться напрямикъ, но гдѣ между строкъ можно было прочесть все безпокойство, страхъ, тревогу и раскаяніе, томившіе ее.

Онъ не отвѣтилъ.

Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ боленъ? Что онъ дѣлаетъ? И гдѣ живетъ? На ихъ квартиркѣ или снова со своими?.. Однажды вечеромъ Реджина сѣла писать Ардуинѣ, чтобы отъ нея узнать что-нибудь объ Антоніо; но тотчасъ устыдилась этой мысли. Нѣтъ, всѣ эти людишки, которыхъ Антоніо пришла несчастная мысль поставить между ними въ первые дни ихъ брака, — всѣ эти людишки, быть можетъ, главная причина той муки, которую они оба теперь переживаютъ, были ей противны и ненавистны.

Она еще разъ написала мужу; Антоніо не отвѣтилъ.

Тогда Реджина почувствовала, что въ ней какъ будто напряглась какая-то пружина; то была ея гордость.

Ей казалось, что Антоніо чутьемъ угадываетъ скрытую драму раскаянья и угрызеній, развертывающуюся въ ея душѣ, и караетъ ее свыше мѣры.

— Онъ злоупотребляетъ своей властью надо мной; но мы еще посмотримъ, кто изъ насъ сильнѣе.

„Антоніо, — писала она ему, — вотъ уже двѣ недѣли я жду и мучаюсь. Не понимаю твоего молчанія. Если ты не понялъ письма, которое я тебѣ оставила въ Римѣ, и не простилъ меня, ты написалъ бы мнѣ объ этомъ (кто не можетъ простить, тотъ такъ и скажетъ); если ты понялъ его и простилъ меня, ты точно такъ же долженъ былъ мнѣ написать. Не думаю также, чтобы ты былъ боленъ; если бы ты захворалъ, кто-нибудь изъ твоихъ далъ бы мнѣ знать. Твое поведеніе очень странно и, въ данный моментъ, оно больше оскорбляетъ меня, чѣмъ огорчаетъ. Вѣдь я же не дѣвочка, чтобы наказывать меня, какъ провинившагося ребенка. Можетъ быть, съ моей стороны это и былъ капризъ, но, во всякомъ случаѣ, капризъ не дѣтскій, — одинъ изъ тѣхъ капризовъ, которые, если за нихъ черезчуръ строго наказывать, могутъ стать роковыми. Антоніо не думай, что твое молчаніе вынудитъ меня вернуться къ тебѣ съ поджатымъ хвостомъ, какъ побитую собаку; если ты этого ждешь, если, зная, какъ я страстно люблю тебя, если ты думаешь сыграть на этомъ, ты ошибаешься.

„Я не вернусь къ тебѣ, пока ты самъ не позовешь меня и, скоро или не скоро, я вернусь, это должны рѣшить мы оба. Или напиши мнѣ, или же пріѣзжай. Если черезъ недѣлю я не получу отъ тебя отвѣта, больше я писать тебѣ не стану, — по крайней мѣрѣ, пока ты самъ мнѣ не напишешь. Но не знаю, смогу ли я тогда отвѣтить тебѣ такъ, какъ могла бы отвѣтить теперь. Въ концѣ концовъ, Антоніо, вѣдь мы съ тобой — мужъ и жена, а не любовники, которые могутъ позволять себѣ всѣ игры и капризы страсти, быть можетъ, обреченной погаснуть и стать для нихъ только воспоминаніемъ. Мы связаны обязанностями и узами болѣе серьезными, болѣе глубокими и, быть можетъ, даже трагическими, чѣмъ преходящая страсть. Если я и была (допустимъ это) легкомысленна, или не въ мѣру романтична, это еще не причина и тебѣ поступать такъ же. И, если ты хочешь быть такимъ, я больше не хочу. Потому и пишу тебѣ это письмо и жду отвѣта. Повторяю: или отвѣчай мнѣ или пріѣзжай. Рѣшимъ все вмѣстѣ. Теперь отъ тебя зависитъ, будетъ ли вина всецѣло на моей сторонѣ, или же на твоей, или раздѣлена между обоими.

Реджина“.

Два дня спустя Антоніо отвѣтилъ телеграммой.

„Выѣзжаю завтра утромъ, встрѣть Казальмаджоре. Привѣтъ и поцѣлуй“.

„Привѣтъ и поцѣлуй!“ Значитъ онъ простилъ, забылъ, пріѣдетъ?

Реджинѣ казалось, что она проснулась отъ страшнаго сна, и глубокая, нѣжная, немного грустная радость, весь этотъ день наполнявшая ея душу, надолго врѣзалась ей въ память. Ей казалось, что она проиграла битву: вѣдь это она, хоть и соблюдая „аппарансы“, первая подошла къ Антоніо. Съ виду она казалась побѣдительницей, но на самомъ дѣлѣ была побѣжденной. И въ то же время это была ея побѣда надъ собой, въ которой она испробовала свои скрытыя силы, и онѣ оказались такими могучими, такими неисчерпаемыми, что теперь она могла спокойно идти навстрѣчу всѣмъ кознямъ жизни.

„Жизнь принадлежитъ сильнымъ, — думала она, — и кто знаетъ, быть можетъ, и мнѣ удастся заставить судьбу улыбнуться мнѣ. Теперь я стала совсѣмъ другая.

Нѣтъ, это мнѣ только кажется, что я стала другая; все та же, — думала она, прохаживаясь взадъ и впередъ по берегу, одиноко, точно влюбленная. — Человѣческая душа полна такихъ странныхъ противорѣчій. Кто это сказалъ, что человѣкъ сотканъ изъ противорѣчій? Несомнѣнно, наши несчастія сплошь и рядомъ — результатъ того, что мы обидчивы, ко всему придираемся и, изъ гордости, не хотимъ бороться съ собой, какъ бы слѣдовало, какъ намъ часто хочется самимъ...

— „И все же... — думала она, сама себѣ дивясь. — И, все же, странно... Мѣсяцъ тому назадъ — какихъ-нибудь двѣ недѣли тому назадъ, я думала и чувствовала совсѣмъ иначе. Почему же я такъ измѣнилась? Вотъ, я уже готова безъ сожалѣнія покинуть родныя мѣста, по которымъ я такъ тосковала, готова слѣдовать за мужемъ, вернуться къ однообразной, скромной жизни, которую я ненавидѣла и которая теперь ужъ не пугаетъ меня. Отчего это? Оттого, что я люблю Антоніо? — Да, конечно; но тутъ есть еще и другое, непонятное мнѣ. И я не хочу понимать? Не хочу больше мучить себя: хочу только одного: убѣдить себя, что счастье въ любви, у домашняго очага, въ тихой семейной жизни, въ самой жизни, а не въ красотѣ ея рамки. Однако, какъ же я перемѣнилась, если могу такъ разсуждать. Когда въ романахъ читаешь о такихъ

душевныхъ переворотахъ, они кажутся невѣроятными, неправдоподобными; а вотъ въ жизни это бываетъ. Какая странная вещь человѣческая душа! Довольно; не хочу больше. Онъ завтра пріѣзжаетъ — это главное; остальное не важно".

Она ходила безъ конца, анализируя себя и въ то же время смакуя свою радость. Съ невыразимой нѣжностью представляла она себѣ мысленно глаза, уста, руки Антоніо. Ей! Ей принадлежитъ онъ, молодой, любимый, весь, душой и тѣломъ! До этого момента она не понимала, какое это огромное блаженство знать, что человѣкъ твой, весь твой...

Она бродила до заката солнца. Хоть это было и въ концѣ іюля, какъ только солнце заволакивалось легкимъ облачкомъ, отъ земли вѣяло прохладой.

По бѣлой плотинѣ, обросшей по краямъ травой и клеверомъ, по временамъ проѣзжала телѣга, нагруженная зерномъ; бѣлокурый возница распѣвалъ по-дѣтски беззаботно; колеса поднимали прозрачныя облака пыли, пронизанной фіолетовыми лучами заката.

Отъ края до края горизонта тянулась рѣка, спокойная, торжественная, свѣтлая, казавшаяся такой счастливой и доброй отъ сознанія своей мощи. И ясностью своей веселила свою возлюбленную, безконечную равнину. И спокойствіе, разлитое по этой безпредѣльной равнинѣ, мягкость линій горизонта, величавая и нѣжная прелесть пейзажа, лѣсовъ и береговъ, благодатнымъ покоемъ наполняли душу Реджины, и ей мнилось: это божество приняло образъ рѣки. Снова она чувствовала себя маленькой дѣвочкой. Все въ ней и вокругъ нея было прекрасно, чисто, поэтично, зло и скорбь отошли далеко, унесенныя волнами за предѣлы горизонта.

На западѣ небо окрасилось пурпуромъ, бархатистымъ и пламеннымъ; тамъ волны По горѣли и сверкали, а берега были изумрудные и фіолетовые; на этомъ яркомъ фонѣ лѣса казались густо черными; травы благоухали.

Все было красиво, слишкомъ красиво, до того, что Реджинѣ становилось грустно и, глядя на лодку, полную людей, ѣхавшихъ съ того берега, изъ Чиконьяры, она спрашивала себя, не кроется ли подъ всѣмъ этимъ миромъ и красотой какого-нибудь коварства, не такъ ли и съ ними, какъ съ наносными островками, покрытыми зеленью, которые рѣка любовно омываетъ, готовая, однакожъ, поглотить ихъ при первомъ разливѣ — такіе волшебно-красивые на видъ островки, а ступишь ногой — увязнешь въ грязи.

Невдалекѣ отъ берега, тамъ, гдѣ остановилась Реджина плавали три мельницы; дерево ихъ потемнѣло отъ времени и отъ воды; одна изъ этихъ мельницъ съ давнихъ поръ привлекала вниманіе молодой женщины грубой росписью ея наружныхъ стѣнъ: какіе-то доисторическіе рисунки, изображающіе Мадонну, Санъ-Джіакомо, кустъ, лодку. Серебристо зеленая вода вертѣла блестящее колесо, разсыпаясь сверкающею пылью. Подъѣзжали и отъѣзжали лодки, нагруженными бѣлыми мѣшками; на площадкѣ мельницы появлялась бѣлая фигура мельника и иной разъ, рядомъ съ нимъ, — молодой женщины.

Реджина часто видѣла рядомъ эти двѣ фигуры: мельникъ, уже въ лѣтахъ, но еще бодрый и прямой, съ бритымъ, худощавымъ и сѣрымъ лицомъ, лукаво прищуренными, зеленоватыми глазами; молодая женщина съ ясными, но тоже жмурившимися глазами, высокая и гибкая, очень миловидная, несмотря на слишкомъ красное лицо и огненно-рыжіе растрепанные волосы.

„Это, должно быть, дочка мельника, — думала Реджина. — Навѣрное, влюблена въ батрака, и онъ въ нее, и жизнь на мельницѣ простая и счастливая“.

Потомъ она узнала, что молодая женщина не дочь, а жена мельника, что онъ ревнивъ и пьяница, жену не отпускаетъ ни на шагъ отъ себя, — и вообразила себѣ мрачную драму, разъигрывающуюся изо дня въ день въ этомъ древнемъ жилищѣ, помнящемъ еще свайныя постройки, подъ грохотъ мельничнаго колеса, которое, вертясь, разсказывало вѣчную повѣсть человѣческаго горя: о старомъ ревнивомъ мужѣ, противномъ, вѣчно пьяномъ, и о молодой женѣ, съ огненными волосами и огневымъ темпераментомъ, съ мятежными и грѣховными помыслами...

Лодка причалила къ берегу, и Реджина узнала среди сидящихъ въ ней нѣсколькихъ знакомыхъ, которые пригласили ее идти съ ними на мельницу ѣсть клецки. Она приняла приглашеніе.

Вода отражала алыя краски заката, золотистыя тучки, опрокинутый лѣсъ — цѣлый заколдованный міръ, затонувшій въ рѣкѣ. Реджина любовалась и молчала, слушая болтовню компаніи, сидѣвшей въ лодкѣ. Говорили о духахъ. Старикъ Джоакинъ, богатый торговецъ зерномъ, здоровенный мужчина съ багровымъ лицомъ и сонными голубыми глазами, однажды ночью, ѣдучи въ бричкѣ черезъ плотину, видѣлъ, какъ изъ-

за куста выскочила бѣлая собака и побѣжала за нимъ, но не залаяла, и долго, упрямо бѣжала за бричкой.

Кто же повѣритъ, что эта бѣлая собака на самомъ дѣлѣ была бѣлой собакой? Это было, конечно, привидѣніе!

А Петринъ, лодочникъ, однажды, въ лунную ночь, съ лодки видѣлъ, какъ по плотинѣ промчалось какое-то странное животное, все сверкающее.

— Навѣрно кто-нибудь проѣхалъ на велосипедѣ, — сказалъ старый Джоакинъ, выбивая пепелъ изъ пустой трубки о ладонь руки.

— Да, но тогда и собака была обыкновенною собакой.

Тѣмъ временемъ лодка доплыла до мельницы; мельникъ выбѣжалъ навстрѣчу, сіяющій, и протянулъ руку Реджинѣ.

— Какъ чудесно! Какая честь, синьора Реджина. Я отлично знаю васъ; а это — моя жена; она тоже васъ отлично знаетъ.

Рыжая женщина застѣнчиво попятилась назадъ; лицо ея выражало испугъ.

— Какъ поживаешь? — спросила Реджина, съ любопытствомъ вглядываясь въ нее. Вблизи и мельникъ былъ не такъ ужъ старъ, и мельничиха не такъ молода, какъ они казались издали. Внутри мельницы все блистало чистотой; возлѣ очага, на которомъ пылалъ огонь, стояла кровать, деревянная, крѣпко сколоченная; въ шкапу чинно стояла грубая фарфоровая посуда, словно выкопанная изъ земли при какихъ-то раскопкахъ. Устройство мельницы было самое примитивное: два большихъ круглыхъ сине-багровыхъ жернова вертѣлись одинъ на другомъ, приводимые въ движеніе мельничнымъ колесомъ; золотистая мука, скользя между ними, медленно сыпалась въ мѣшокъ. А колесо все вертѣлось, подталкиваемое ударявшейся объ него и отскакивавшей отъ него съ шумомъ водой; колесо и вода словно играли между собой въ какую-то игру, съ виду шутливую, на дѣлѣ жестокую и безпощадную.

Старикъ Джоакинъ взялъ за плечи мельничиху и началъ трясти ее.

— Живо! Сдѣлай намъ клецки, мельничиха, да побольше, такихъ, какъ твои пальцы.

Женщина глупо захохотала, глядя на свои пальцы, и въ самомъ дѣлѣ огромные, но тотчасъ же взяла пригоршню муки и замѣсила ее на водѣ, зачерпнувъ воды изъ рѣки.

Реджина, замѣтивъ, что ея присутствіе смущаетъ мель-

ничиху, вышла на площадку, сѣла на мѣшокъ съ мукой и вся ушла въ созерцаніе дивнаго заката. Солнце уже касалось рѣки, вливая въ нее длинный столбъ расплавленнаго золота; но у мельницы вода была ужъ не такая яркая, а дальше къ востоку совсѣмъ бѣлая и отливала перламутромъ. Мѣстами вода клубилась и сверкала — это были водовороты похожіе на гигантскія жемчужныя раковины; колесо сосѣдней мельницы подбрасывало къверху золотую воду, словно развертывая огромный металлическій вѣеръ, и ниспадавшія капли, преломляя въ себѣ косые лучи заходящаго солнца, переливались всѣми цвѣтами радуги.

Мельникъ подошелъ къ молодой синьорѣ и нагнулся надъ нею. Онъ былъ босъ, съ голыми до локтей руками, съ голыми худыми ногами. Зеленые глазки его лукаво смѣялись.

— Дозвольте сказать вамъ словечко? — почтительно забормоталъ онъ.

— Пожалуйста.

Онъ повѣдалъ ей много интереснаго: напримѣръ, что у него всѣ зубы цѣлы, что онъ платитъ сто лиръ налога за недвижимость, что колесо останавливаютъ посредствомъ веревки, что мельничиха пуглива, застѣнчива и что это она сама ходитъ неотступно по пятамъ за мужемъ. Реджина слушала, немножко недовольная тѣмъ, что выдуманная ею драма существуетъ только въ ея воображеніи.

— Такъ вотъ изволите ли видѣть, — говорилъ мельникъ, не переставая ощупывать свои руки и почесывать одну ногу другою, — очень бы мнѣ хотѣлось, чтобы моя баба пожила недѣльки двѣ, а то и мѣсяцъ одна безъ меня...

— Зачѣмъ? — наивно спросила Реджина.

— Да затѣмъ что... видите ли, синьора Реджина... — мельникъ сконфузился и еще яростнѣе сталъ почесываться.— Вѣдь вотъ и у васъ тоже нѣтъ дѣтокъ, правда? И вамъ тоже хотѣлось бы имѣть дѣтокъ? И будутъ, вотъ увидите. Теперь, когда вы пробыли цѣлый мѣсяцъ безъ мужа, навѣрное, будутъ. Пойдемте со мной; я вамъ покажу, какъ останавливаютъ колесо, — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что позволилъ себѣ слишкомъ много.

Реджина пошла за нимъ; старикъ веревкой остановилъ колесо и попросилъ гостью потрогать муку, жерновъ, мѣшокъ, и среди тишины, вдругъ наступившей, какъ только колесо перестало вертѣться, неожиданно расхохотался, повидимому, безъ причины.

Густой дымъ окутывалъ все внутри мельницы; мельничиха, вся раскраснѣвшаяся, варила клецки, продолжая конфузиться присутствія синьоры; на золотистомъ фонѣ площадки выдѣлялись черными пятнами фигуры другихъ гостей.

Мельникъ смотрѣлъ на Реджину и смѣялся; и она тоже неожиданно громко засмѣялась, сама не зная чему.

Расхлябанная коляска Петрина, дребезжа пуще прежняго, катила по безлюдной плотинѣ. Ночь была темная, теплая и сырая.

Поговоривъ о пустякахъ, Антоніо и Реджина умолкли, захваченные безмолвіемъ равнины.

Оба молчали, но Реджина мысленно разсуждала сама съ собой, какъ это часто съ ней бывало.

— Антоніо не тотъ, что былъ. Нѣтъ, на этотъ разъ я не ошибаюсь: его какъ будто подмѣнили. Выйдя изъ вагона онъ, какъ безумный, кинулся цѣловать меня. Словно боялся, что ужъ больше не увидитъ меня. Но лицо у него измѣнилось. Въ глазахъ что-то мрачное и подозрительное. Илионъ больше не вѣритъ мнѣ? Что-то стоитъ между нами. Впрочемъ, этого и слѣдовало ожидать. Къ завтрему все пройдетъ. Однакожъ...

Сердце ея билось часто и сильно. Неожиданно она взяла Антоніо за руку; рука его была холодная и вялая, и снова жуткая дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

„Что съ нимъ? Онъ не простилъ мнѣ?“ — думала она.

— Ты слышишь? — сказала она вслухъ, кладя себѣ на сердце руку мужа.

Рука эта вдругъ ожила.

— У тебя сердце все еще побаливаетъ? — спросилъ Антоніо, какъ будто вспомнивъ объ ея болѣзни.

— Да нѣтъ же. Оно бьется отъ радости, — возразила она и принялась оживленно болтать.

— Знаешь, вчера я съ компаніей была на мельницѣ, той размалеванной. Мы ѣли клецки. Много смѣялись. Закатъ былъ такой дивный. Какой занятный этотъ мельникъ!..

Она разсказала Антоніо о пророчествѣ мельника; потомъ сообщила, что она навѣстила и маэстро.

— Вотъ еще комикъ! Ты знаешь, онъ совсѣмъ съ ума сошелъ. Хочетъ непремѣнно отправить обоихъ своихъ дѣтей въ Римъ — дочку учиться, чтобъ она стала знаменитостью,

а сына, — чтобъ онъ тамъ нашелъ себѣ хорошее мѣсто. Онъ говоритъ... — Она удачно передразнила голосъ и манеру говорить учителя.

Антоніо смѣялся, но холоднымъ, насмѣшливымъ смѣхомъ, какъ будто доносившимся издалека.

„Да что же съ нимъ такое? — думала Реджина, уже съ тревогой и болью. Ей казалось, что Антоніо смѣется надо всѣмъ и главнымъ образомъ надъ нею — такого ироническаго смѣха она у него прежде не слыхала. — Вздоръ. Глупости. Воображеніе. Какъ только мы останемся одни, я возьму его за плечи, тряхну хорошенько и крикну ему: Да говори же, что съ тобой! Ты не можешь простить мнѣ? Довольно глупить, а? Достаточно съ насъ и тѣхъ глупостей, которыя мы уже надѣлали".

Они снова умолкли. Небольшая колясочка ѣхала почти въ темнотѣ, влажной и теплой, пропитанной запахами травы и цвѣтовъ. Молодой лѣсокъ на берегу вырисовывался черный во мракѣ, еще чернѣй самаго мрака; все вокругъ безмолвствовало, все благоухало. Отъ нагрѣтой земли, отъ влажнаго песка, отъ тропинокъ, покрытыхъ росистой травой, шелъ острый, волнующій запахъ, словно тихое, полное нѣги дыханіе. Словно за каждой изгородью притаилась женщина въ ожиданіи своего милаго и своею радостью заполняла пустоту этой теплой, бархатной ночи.

— Завтра будетъ луна, — сказала Реджина, которая положительно не въ состояніи была молчать, — полюбуемся ею. Когда я пріѣхала, чудесно свѣтила луна. Правда, Петринъ?

Возница не отвѣтилъ.

— Онъ спитъ. Того и гляди опрокинемся, — съ досадой сказалъ Антоніо.

— Ну, что ты: лошадь привычная, сама знаетъ дорогу,— успокоила его Реджина. И, зная теперь ужъ навѣрное, что Петринъ не услышитъ ея, прибавила съ нѣжностью: — Какъ мнѣ было грустно въ тотъ вечеръ!

— Почему? — спросилъ Антоніо, словно позабывъ все прошедшее.

Реджина повернулась къ нему въ полъ-оборота, вся дрожа отъ волненія: она не могла больше ждать.

— Антоніо, — шепнула она, тяжело дыша, обнимая его одной рукою за шею. — Почему ты такой? Что съ тобой? Что съ тобой?

— Ты меня спрашиваешь объ этомъ? — чуть слышно, пробормоталъ онъ, не оборачиваясь. И въ этомъ шопотѣ Реджина разслышала цѣлый ураганъ обиды и гнѣва.

— Ты не хочешь простить мнѣ? — сказала она, отодвигаясь отъ него. Но онъ ужъ повернулся и вновь прижалъ ее къ себѣ, цѣлуя ее со страстью отчаянія, какъ показалось Реджинѣ.

Въ это мгновеніе по плотинѣ разнесся голосъ Адамо:

— Антоніоооо! Реджинаааа!

Пыльная спина Петрина закачалась изъ стороны въ сторону; свистнулъ въ воздухѣ кнутъ.

— Экій малецъ! — соннымъ голосомъ бормоталъ про себя извозчикъ. — Даже въ страхъ вогналъ...

Антоніо и Реджина отодвинулись другъ отъ друга, и она въ темнотѣ покраснѣла, словно невѣста. Сердце ея билось часто и сильно, но въ его радостномъ тукъ-тукъ проскальзывали подчасъ скорбныя нотки.

Послѣ ужина, какъ и въ вечеръ пріѣзда Реджины, всѣ, за исключеніемъ синьоры Катарины, пошли гулять на плотину. Тоскана съ братьями снова затѣяли обычныя игры и шалости и убѣжали впередъ, оставивъ сестру съ мужемъ позади.

— Да, — говорила Реджина, — мама права. У тебя такое лицо. Ты вправду болѣлъ лихорадкой?

Онъ не сразу отвѣтилъ, какъ бы придумывая, съ чего начать разговоръ, и не находя нужныхъ словъ.

— И у матери твоей измученное лицо, — выговорилъ онъ, наконецъ. — Сколько огорченій ты доставила ей, Реджина!

— Я? Да вѣдь я же ей ничего не разсказывала.

— Будто?

— Какъ? Ты не вѣришь мнѣ? Это я увѣрила ее, что ты боленъ, чтобъ объяснить твое молчаніе.

— Будто? — повторилъ онъ недовѣрчиво. — А я думалъ, ты именно подъ вліяніемъ ея совѣтовъ стала... менѣе жестокой.

— Менѣе жестокой? Что ты хочешь сказать этимъ? — холодно спросила она.

Антоніо, должно быть, съ своей стороны, трусилъ, думая, что ошибся, предположивъ, будто Реджина раскаивается и готова слѣдовать за нимъ, потому что, въ концѣ концовъ, онъ оживился и нашелъ нужныя слова.

Часъ объясненій насталъ.

Реджина ничего лучшаго и не желала, но ощущеніе у нея получалось странное — вѣрнѣе, она замѣчала, что не ощущаетъ всего того волненія, радости и нѣжности, какихъ она ждала отъ этого момента примиренія. Наоборотъ, ей было больно: она чувствовала, что мужъ простилъ ее, что онъ страдалъ безъ нея и теперь рѣшилъ во что бы то ни стало увезти ее съ собой, что онъ любитъ ее больше прежняго, съ неподдѣльною страстью, прилѣпился къ ней всѣмъ своимъ сердцемъ и всѣми чувствами, — и, несмотря на это, она не была довольна. Что-то стояло между ними, раздѣляя ихъ — и это что-то было горше прежняго и непреодолимо.

Какъ прежде, они шли рука съ рукой, и пальцы ихъ переплелись, но въ то же время ихъ раздѣляло огромное пространство, словно рѣка, широкая, коварно притаившаяся, какъ та рѣка, что поблескивала внизу, за черными деревьями.

Реджина, несомнѣнно, изъ нихъ двоихъ наиболѣе проницательная, очень скоро подмѣтила одно загадочное обстоятельство. Прежде е я душа ускользала отъ Антоніо, нагромождая между ними кучу преградъ изъ мелочей, тщеславія, несбыточныхъ желаній и неудовлетвореннаго честолюбія, теперь, наоборотъ, его душа, словно отталкиваемая темною, враждебной силой, отдалялась отъ нея.

— Онъ любитъ меня, онъ простилъ, но не довѣряетъ, боится меня, — говорила она себѣ, силясь разъяснить эту загадку.

— Реджина, — началъ Антоніо, — скажи мнѣ, какія у тебя намѣренія.

— Ты вѣдь знаешь.

— Я ничего не знаю; пока еще ничего толкомъ не знаю... Твое послѣднее письмо было еще хуже и злѣе перваго. Не хочу корить тебя; все равно — ты сама говоришь — это было бы безполезно: но другой на моемъ мѣстѣ... Ну, будетъ... Ты сотни разъ мнѣ говорила, что я не понимаю тебя. Можетъ, я и, въ самомъ дѣлѣ, не понимаю, но ты же видишь: я хочу понять — прошу тебя: объясни все сама...

— Вѣдь я же тебѣ написала, — возразила она и задорно, и смиренно. — Вѣдь я тебѣ писала: все зависитъ отъ тебя.

— Словомъ, какъ говоритъ твой учитель, ты согласна вернуться со мной въ Римъ?

— Да.

— Ну, и отлично. Повторяю тебѣ, я готовъ забыть все

происшедшее. Ты мнѣ только одно скажи: почему ты такъ скоро отказалась отъ своей идеи? Я говорю: идеи, а не каприза, потому что мнѣ твое предложеніе показалось очень серьезнымъ, да оно такимъ и было...

— Кто знаетъ? Развѣ мы можемъ объяснить, откуда берутся наши идеи, или капризы? Зови какъ хочешь. Развѣ тебѣ не случалось противорѣчить самому себѣ? Сегодня думаешь такъ, завтра иначе. Какъ будто люди властны надъ собой! Минуту назадъ ты говорилъ: „Если бъ на моемъ мѣстѣ былъ другой...“ Я поняла, что ты хотѣлъ сказать. Другой, быть можетъ, изругалъ, избилъ бы меня. А ты вотъ любишь попрежнему, быть можетъ, больше прежняго. Ты можешь объяснить себѣ, почему ты, вмѣсто того, чтобы возненавидѣть меня за злую шутку, которую я съ тобой сыграла, любишь меня сильнѣе прежняго?

Реджина сама была не очень убѣждена въ томъ, что говорила, но ей хотѣлось убѣдить Антоніо. И, повидимому, это ей удалось, такъ какъ онъ задумался и вполголоса повторилъ себѣ ея вопросъ. Потомъ, усмѣхнувшись, молвилъ:

— Что жъ, можетъ быть, ты и права...

— Не будемъ больше говорить объ этомъ. Это былъ капризъ, „ошибка молодости“, — продолжала Реджина голосомъ маэстро. — Забудемъ прошлое.

Но развѣ можно было не говорить о немъ?

— А все-таки ты жестоко обидѣла меня, унизила... — настаивалъ Антоніо. — Предательски нанесла мнѣ ударъ, а а потомъ...

— Кто же не дѣлаетъ ошибокъ? А другія жены? Мало ли такихъ, которыя на самомъ дѣлѣ вѣроломны, измѣняютъ мужьямъ?..

— Да, конечно, — съ живостью подхватилъ онъ, — но вѣдь есть и мужья, которые измѣняютъ женамъ. Сплошь и рядомъ жены становятся дурными оттого, что мужья дурно съ ними обращаются, — я, кажется, никогда ничѣмъ тебя не обидѣлъ. Что я не знатенъ, не богатъ, ты это знала; развѣ я обѣщалъ тебѣ что-нибудь такое, чего не могъ сдержать? Мало ли что... надо было имѣть терпѣніе, вѣрить въ будущее. Кто знаетъ, обстоятельства въ одинъ день могутъ измѣниться, положеніе улучшиться. Богачемъ я никогда не стану, но положеніе мое, несомнѣнно, улучшится...

— Да будетъ же! Довольно! — взмолилась Реджина. —

Неужели тебѣ и въ голову не приходило, что мой капризъ скоро пройдетъ?

— А тебѣ приходило это въ голову, когда ты писала свое письмо? Дорогая моя, то, что дѣлается въ серьезъ, въ серьезъ и принимается. Ну, ладно, будетъ! Вопросъ исчерпанъ, забудемъ прошлое, какъ говоритъ маэстро. При томъ же, я долженъ сообщить тебѣ кое-что. Быть можетъ, твое посланіе принесло намъ и свою долю пользы. Я сразу понялъ, что, до извѣстной степени, ты права: всякій старается устроиться получше, хлопочетъ, тужится... ножку подставляетъ сосѣду: „Сойди, молъ, прочь, я хочу стать на твое мѣсто"... Ну, я и сказалъ себѣ: погоди; можетъ, и мнѣ удастся какъ-нибудь выйти въ люди. И началъ хлопотать, уцѣпился за Ардуину, заставилъ ее бѣгать съ утра до вечера — и къ дядюшкѣ-сенатору, и къ принчипессѣ, и къ ея пріятелямъ-журналистамъ и депутатамъ...

— Я не оскорблю тебя предположеніемъ, что ты ей разсказалъ...

— Я ей сказалъ только: „Мнѣ необходимо попасть секретаремъ къ которому-нибудь изъ министровъ — значитъ, дѣйствуй. За это я тебѣ навербую съ полдюжины подписчиковъ на твой журналъ изъ моихъ сослуживцевъ". Она расхохоталась и принялась за дѣло. Подняла на ноги всѣхъ, кого можно было — но напрасно: ни одной вакансіи, всѣ мѣста заняты. И все же Ардуина подала мнѣ недурную мысль. Помнишь, какъ-то вечеромъ княгиня присылала за мной, чтобъ попросить меня навести кой-какія справки для нея на биржѣ. Я сразу понялъ, что она не довѣряетъ своему агенту, кавалеру Р., который уже много лѣтъ играетъ на биржѣ за нее. И вотъ, Ардуина, которая, въ сущности, вовсе не глупа, поняла, что мнѣ безусловно необходимо улучшить свое положеніе, вывѣдала у Маріанны, что мадамъ, дѣйствительно, сомнѣвается въ честности кавалера Р. и хотѣла бы, чтобъ кто-нибудь присматривалъ за нимъ. „Почему бы тебѣ не сдѣлаться довѣреннымъ madame?" говорила мнѣ Ардуина. Я подумалъ: а и вправду? И я самъ пошелъ къ княгинѣ и предложилъ ей свои услуги. Она должна была уѣхать двѣнадцатаго, а я пошелъ къ ней пятаго. И поговорилъ съ нею на чистоту: сказалъ ей, что должность наблюдателя немножко мнѣ претитъ, но я берусь за нее, такъ какъ меня вынуждаетъ къ тому неотложная нужда въ деньгахъ. Она начала убѣждать меня, что съ моей стороны тутъ ничего некрасиваго нѣтъ, что некрасиво поведеніе Р. и что, если я сумѣю быть ей полезнымъ, она сумѣетъ быть

мнѣ благодарной. Это было пятаго іюля, а девятаго у меня уже были въ рукахъ доказательства, что Р., дѣйствительно, игралъ на биржѣ на деньги княгини, но барыши при этомъ оставлялъ себѣ.

— Какъ же ты узналъ это? — спросила Реджина, которой было не по себѣ отъ этого разсказа.

— Сейчасъ объясню... Имѣй въ виду, что принчипесса, хоть она и милліонерша, ничего не смыслитъ ни въ банковскихъ и биржевыхъ операціяхъ, ни вообще, по счетной части. Само собой, ей приходится поручать всѣ свои дѣла довѣреннымъ лицамъ, или, вѣрнѣе, тѣмъ, къ кому она питаетъ неограниченное довѣріе, принимать ихъ предложенія и результаты ихъ денежныхъ операцій, не имѣя возможности ихъ контролировать. Кавалеръ Р. уже много лѣтъ служитъ у княгини и, по всей вѣроятности, въ началѣ былъ очень добросовѣстенъ и въ своихъ финансовыхъ операціяхъ за ея счетъ, и въ предъявленіи счетовъ; но потомъ, замѣтивъ, что она, не глядя, принимаетъ всѣ его отчеты, рѣшилъ воспользоваться этимъ. Маріанна съ нѣкотораго времени стала замѣчать, что ихъ доходы постепенно уменьшаются; кавалеръ Р. объяснялъ это особыми условіями иностранныхъ рынковъ, денежнымъ кризисомъ, застоемъ въ торговлѣ, вызваннымъ войной. Однакожъ, у madame уже явилось подозрѣніе, и она, какъ я уже тебѣ говорилъ, предложила мнѣ послѣдить за нимъ. Я попросилъ madame передать мнѣ ежедневные отчеты кавалера о денежныхъ операціяхъ, производимыхъ имъ за ея счетъ, обѣщая безпристрастно провѣрить ихъ. На другой же день она прислала мнѣ счета, и сразу мнѣ бросилась въ глаза несообразность: онъ мѣнялъ марки на лиры, получая меньше, чѣмъ онъ долженъ былъ получить по курсу и покупалъ акціи Аква Марчіа по 1465 лиръ, когда, по-моему, онѣ должны были стоить дешевле. Я заглянулъ въ офиціальный „Биржевой Листокъ" и убѣдился, что за 10.000 марокъ онъ долженъ былъ получить по 123,37 лиръ, а не по 123,20, какъ показано въ его отчетѣ; акціи же компаніи Аква Марчіа котируются на биржѣ по 1460 лиръ, а не по 1465. Словомъ, на этой маленькой разницѣ цѣнъ кавалеръ Р. за одинъ день нажилъ 57 лиръ. Я взялъ у madame его отчеты за весь іюнь мѣсяцъ и, сравнивъ ихъ съ биржевыми бюллетенями и данными, которыя мнѣ далъ знакомый маклеръ, доказалъ ей со счетами въ рукахъ, что Р. за этотъ мѣсяцъ по мелочамъ отложилъ въ свою пользу сотню слишкомъ лиръ.

— И что же?

— Какъ что? Мадамъ горячо благодарила меня и сказала, что воспользуется своимъ отъѣздомъ, чтобъ отказаться отъ услугъ кавалера. А по возвращеніи — по крайней мѣрѣ, такъ я понялъ ее — поручитъ всѣ эти операціи мнѣ. А пока что, она надавала мнѣ кучу разныхъ порученій. Кстати, мнѣ придется подзаняться нѣмецкимъ языкомъ, который я почти забылъ, такъ какъ у нея много дѣлъ въ Германіи.

Реджина инстинктивно вынула свою руку изъ руки Антоніо и снова спросила:

— И что же?

— То есть?

— Что она тебѣ дастъ за это?

— Покамѣстъ — сто лиръ въ мѣсяцъ. А затѣмъ, я стану ея фактотумомъ... Но только мнѣ придется изучить нѣмецкій языкъ, чтобы свободно говорить на немъ.

Онъ, повидимому, былъ очень озабоченъ этой необходимостью изучить нѣмецкій языкъ и долго еще говорилъ объ этомъ, но Реджина уже не слушала его.

— Пора возвращаться, — неожиданно молвила она... — Ты, навѣрно, усталъ. Тоскана. Джиджи. Вы идете? Домой пора! — крикнула она братьямъ. — Ну, идемъ; они нагонятъ насъ. Какъ странно! Я видѣла во снѣ, что будетъ такъ — кажется, на другой день послѣ пріѣзда сюда...

Она разсказала ему свой сонъ о десяти тысячахъ лиръ, о Маріаннѣ, о пожарномъ.

— Да, сны иной разъ бываютъ очень странные...

Онъ не отвѣтилъ.

— А почему же, — послѣ нѣкотораго колебанія спросила Реджина, — почему же ты не написалъ мнѣ?

— Что же мнѣ было писать тебѣ? Ты сама рѣшила для себя вопросъ, я хотѣлъ рѣшить его иначе, а препираться въ письмахъ мнѣ казалось безполезнымъ. При томъ же, я рѣшилъ поѣхать самъ къ тебѣ.

Реджина не настаивала, хотя объясненіе мужа не удовлетворило ея.

Онъ снова началъ излагать ей свои планы будущаго.

— Въ будущемъ году я буду держать конкурсный экзаменъ и, вотъ увидишь, выдержу. Самое позднее, въ октябрѣ будущаго года я получу мѣсто секретаря. А до тѣхъ поръ мы можемъ разсчитывать на триста двадцать пять лиръ въ мѣсяцъ, это уже вѣрныхъ, не считая случайныхъ заработ-

ковъ. Какъ видишь, наше положеніе уже улучшилось. Я уже нашелъ, кому передать нашу квартирку, а для себя присмотрѣлъ чудесный мезонинчикъ въ віа Бальбо: восемьдесятъ лиръ въ мѣсяцъ; три комнаты отличныя, окнами на улицу; одна во дворъ, но комната прекрасная, большая, свѣтлая и вся залита солнцемъ. Мы можемъ сдѣлать двѣ гостиныхъ...

Реджина слушала, слушала — и никакой радости не ощущала. Новости Антоніо не веселили ея, ибо голосъ у него какъ-то измѣнился, сталъ монотонный и какой-то далекій — совсѣмъ не звучный, веселый голосъ прежняго Антоніо, всегда веселаго и радостнаго.

Двѣ гостиныхъ. Да, она понимала, о чемъ онъ хлопочетъ. Онъ хочетъ дать ей хоть что-нибудь изъ того, о чемъ она, глупая, не только мечтала, но еще и имѣла глупость требовать этого отъ него — хочетъ дать ей хоть маленькую иллюзію барской, обезпеченной, красивой жизни. И этотъ даръ онъ ей подносилъ почти смиренно, словно виноватый былъ онъ и готовъ на всякія уступки, только чтобъ его простили.

Она предпочла бы трагическій потокъ укоровъ и затѣмъ сладость прощенія — бурю, которая развѣяла бы тучи, нависшія надъ ихъ домашнимъ очагомъ и очистила атмосферу.

Но, съ другой стороны, она видѣла, что Антоніо слѣпо любитъ ее, ради этой любви готовъ на все, и въ глубинѣ души это доставляло ей грустное удовлетвореніе.

Они все шли, постепенно приближаясь къ дому, такъ поглощенные своими мелкими житейскими заботами, что уже не замѣчали ни тайны теплой и нѣжащей ночи, ни пейзажа, прорѣзаннаго теперь ужъ безцвѣтной рѣкой, ни темной линіи горизонта, на которой лѣсъ вырисовывался, недвижный и черный, какъ на бронзовомъ барельефѣ.

По временамъ сверкалъ въ глаза фонарикъ велосипеда, который безшумно проносился мимо, а впереди его бѣжала тѣнь, похожая на огромную бабочку. Лишь изрѣдка чей-нибудь голосъ нарушалъ безмолвіе и неподвижность дремлющей земли; темный воздухъ, мягкій и теплый, какъ бархатъ, навѣвалъ волшебныя, сладострастныя грезы, но чары его уже не имѣли власти надъ юной четой. Антоніо весь ушелъ въ свои маленькіе расчеты и планы на будущее; Реджина была охвачена жалостью къ человѣку, котораго ея капризъ такъ глубоко измѣнилъ и принизилъ.

IX.

Въ половинѣ августа они вернулись въ Римъ и первымъ дѣломъ переѣхали на другую квартиру; мезонинъ былъ и вправду роскошный, но одна изъ гостиныхъ первое время стояла безъ мебели.

— Давай сдадимъ одну комнату, — предложила Реджина.

Антоніо разсердился,

— Ну, вотъ, теперь ты становишься мѣщанкой.

— Что жъ, такова жизнь; она мѣняетъ человѣка, — не безъ горечи замѣтила Реджина. — Съ годами ко всему приспособляешься и на все начинаешь смотрѣть иначе.

Она, дѣйствительно, приспособлялась; сама не знала, почему, но приспособлялась; иной разъ ощущала въ себѣ и вокругъ себя, въ своей тихой, размѣренной жизни съ Антоніо, какую-то пустоту, какъ въ новой гостиной безъ мебели, но ужъ не возмущалась этимъ.

Послѣ обѣда мужъ и жена подъ руку шли гулять, какъ подобаетъ мирнымъ обывателямъ, заглушая скуку своего существованія сидѣніемъ въ кафэ Араньо или на площади Колонна, или же кружили около площади делла Стаціоне.

Передъ Гамбринусомъ и Мортео за столиками всегда, казалось, царило веселье, смѣхъ и шутки; всегда толпа народу была на тротуарахъ, залитыхъ электрическимъ и луннымъ свѣтомъ, экипажи то и дѣло переѣзжали черезъ площадь, бѣлую, посрединѣ которой рельсы трамвая сверкали, какъ двѣ струйки воды.

Послѣ тишины и покоя, царившихъ на берегу По, Реджинѣ казалось, что она во снѣ видитъ эту толпу, этотъ холодный и яркій свѣтъ электрическихъ лампочекъ, спрятанныхъ въ зелени, какъ маленькія луны. Изъ раскрытыхъ дверей кафэ падали на набережную полосы свѣта; ложились зловѣщими бликами на мраморные столики; отъ освѣщенныхъ луною деревьевъ тянулись странныя тѣни и пятна, черныя съ бѣлымъ. Толпа, проходя мимо, заглядывала внутрь кафэ, гдѣ, въ свою очередь, была толпа, отражаемая и умноженная зеркалами; по временамъ, въ глубинѣ Мартео, въ облакахъ дыма, выдѣлялась пляшущая фигурка шансонетной пѣвички, животно-визгливые выкрики которой смѣшивались съ заунывнымъ пѣніемъ скрипокъ и говоромъ толпы. Сотни лицъ, тупыхъ, но довольныхъ грубымъ, животнымъ довольствомъ, были обращены къ пѣвичкѣ.

Сама не зная почему, Реджина испытывала странное наслажденіе, вглядываясь въ эту толпу, въ мертвенно-блѣдныя отъ электричества лица, въ свѣтлыя платья женщинъ, въ физіономіи мужчинъ, не отрывавшихъ глазъ отъ пѣвицы, отъ обнаженныхъ, жалкихъ, напудренныхъ рукъ этого жалкаго созданія.

Однажды вечеромъ она разглядѣла въ толпѣ гуляющихъ дѣвочку въ зеленомъ платьѣ, съ густыми волосами, ниспадавшими рыжеватымъ каскадомъ на худенькія плечики; изъ-подъ короткаго платья видны были худенькія ножки и огромныя ступни въ желтыхъ туфляхъ. Эта дѣвочка напомнила Реджинѣ какую-то болотную птицу, и внезапно, подъ этими деревьями, словно потемнѣвшими отъ зноя столькихъ тысячъ горячихъ дыханій, ей вспомнилась могучая родная рѣка, бѣлые тополи, недвижные, какъ свѣчи, зажженныя луной, длинная плотина, врѣзывающаяся, словно діаметръ, въ обширный кругъ равнины, — и она удивилась, не ощутивъ, какъ прежде, грусти и тоски по родинѣ.

Антоніо предложилъ ей зайти въ кафэ; но она предпочитала толкаться въ толпѣ, постепенно приближаясь къ концу віа Волтурно, гдѣ торговцы и торговки арбузами перебранивались между собой, крикливо и пронзительно, словно разсерженные пѣтухи.

— Favorischino, signori!

При трепетномъ свѣтѣ факеловъ на черныхъ мокрыхъ столахъ алѣли нарѣзанные ломтями арбузы, выдѣляя пріятный запахъ свѣжести. Мальчишки, рабочіе, порой студентъ, или бабенка, пригнувшись къ столу, подъ вздрагивающимъ свѣтомъ факеловъ, погружали лицо въ красную мякоть сочнаго арбуза.

— Favorischino, signori, favorischino! Товаръ первый сортъ. Живая кровь, не арбузъ. Не угодно ли ломтикъ, синьора?

Въ концѣ тупика, передъ небольшимъ ларькомъ, прислоненнымъ къ стѣнѣ, разносчикъ снисходительно посматривалъ на груды арбузовъ, наваленныхъ на столѣ, и на людей, ихъ окружавшихъ; его бѣлесоватые глаза и перекошенный ротъ усмѣхались съ видомъ насмѣшливаго превосходства; но какъ только кто-нибудь подходилъ ближе и взглядывалъ на его ящики и коробочки, онъ мгновенно повертывался къ подходившему и торжественно вопрошалъ:

— Что угодно синьору?

А изъ красной трубы граммофона, заведеннаго другимъ бродячимъ торговцемъ, лились странные, хриплые звуки — то металлическій, сердитый голосъ, то пѣсня радости, горя, грѣха, молитвы или скорби; но все, и горе, и радость были поддѣльныя, и въ этомъ человѣческомъ голосѣ, исходившемъ изъ желѣзной трубы, была и мольба, и насмѣшка, безсознательныя и грустныя невыразимо.

Реджинѣ чудилось, что въ этихъ звукахъ слились всѣ голоса шумной и пестрой толпы: и голосъ блѣдной молодой куртизанки, съ красными волосами, просвѣчивающими сквозь тюль огромной черной шляпы, которую она видѣла сидящей одиноко и задумчиво въ одинокомъ раздумьѣ за столикомъ въ Матео, и голосъ дѣвочки, напоминающей болотную птицу, и выкрики голодной пѣвички, и торговки арбузами, и голосъ старика въ красной рубашкѣ и съ блестящими глазами, и вонъ того синьора съ толстыми губами и жестокимъ взглядомъ, унылаго толстяка, и дамы, которая чуть не до колѣнъ подняла красное платье, и нарядной кормилицы съ еврейскимъ профилемъ, и желтаго, какъ воскъ, младенца, котораго держала на рукахъ кормилица, и маленькой женщины въ траурѣ, съ откинутымъ назадъ вуалемъ, которая бѣжала за трамомъ, и четы влюбленныхъ идіотовъ, стоявшихъ въ романтической позѣ у рѣшетки сада...

— И мой голосъ тутъ есть, и голосъ Антоніо, — говорила себѣ Реджина, и порой изъ глубины ея души поднималось отвращеніе къ этой толпѣ, но отвращеніе, смягченное жалостью.

И, оборачиваясь назадъ, она съ жалостью глядѣла и на разносчика съ ларькомъ и на дамочку въ траурѣ, и на унылаго толстяка, и на кормилицу, и на даму въ кричащемъ красномъ платьѣ; но больше всего на тощую пѣвичку, которая, навѣрно, была голодна, и на куртизанку съ задумчивымъ и чистымъ профилемъ. И ей казалось, что Антоніо тоже съ участіемъ смотритъ на эту послѣднюю, и она думала про себя:

„Кто знаетъ, можетъ быть, они были знакомы. — Но не обижалась, а только жалѣла всей душой и эту погибшую женщину, и мужа, и себя, и всѣхъ, невѣдующихъ, что они творятъ, богатыхъ и бѣдныхъ, всѣхъ, кто тоскуетъ и кто не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки.

Порой мужъ и жена присаживались на каменную скамью въ тѣни; Антоніо задумывался, тоже какъ бы охваченный тоскою и усталостью; Реджина же, какъ очарованная, слѣдила

взглядомъ за горящими зелеными и красными глазами трамовъ, за телѣжками, нагруженными газетами, развозившими по городу новый грузъ сплетенъ и славы, за сновавшими мимо людьми, за разскачивающимися тѣнями деревьевъ, за бѣгомъ облаковъ на серебряномъ фонѣ горизонта.

Луна смотрѣла съ неба, бѣлая и нѣжная; изъ кафэ доносились звуки скрипокъ и мандолинъ, порою колокольный звонъ или, откуда-то издали, ревъ фабричнаго гудка.

— Все поетъ и звенитъ, — замѣтила однажды вечеромъ Реджина; — какъ будто всюду праздникъ и всѣ веселятся...

— А, между тѣмъ, наоборотъ, по-твоему, всѣмъ грустно? — не безъ ироніи возразилъ Антоніо.

— Нѣтъ, хуже: всѣмъ тяжело и нудно, и мнѣ всѣхъ такъ безумно жаль...

Онъ не отвѣтилъ; со времени ихъ возвращенія онъ какъ бы не удостаивалъ возражать на грустныя фразы жены, когда она начинала хандрить, что, впрочемъ, теперь бывало рѣдко.

Въ сентябрѣ Реджина замѣтила, что предсказаніе стараго мельника сбылось. Она была матерью.

Это событіе не особенно умилило, но и не огорчило ни ея, ни Антоніо. Только вызвало легкое препирательство между ними, изъ-за того, что Антоніо сейчасъ же объявилъ, что надо будетъ взять кормилицу, Реджина же хотѣла кормить сама.

— Не желаю, — заявилъ онъ почти грубо.

— А если средствъ не хватитъ?

— Хватитъ.

Прошелъ годъ; съ виду, ничего необыкновеннаго не случилось. Эту зиму Реджина вовсе не бывала въ обществѣ и никого не принимала у себя; перестала ходить даже къ свекрови, подъ предлогомъ, что ей тяжело подниматься въ пятый этажъ, а, когда къ ней заходила Ардуина, она приказывала горничной говорить, что господъ нѣтъ дома. Отлично сознавала, что это неблагодарность съ ея стороны, такъ какъ, въ конечномъ счетѣ, Антоніо былъ обязанъ Ардуинѣ своимъ теперешнимъ мѣстомъ у мадамъ, но не могла побѣдить въ себѣ отвращенія и антипатіи, которую внушали ей всѣ родственники мужа.

Въ продолженіе беременности она почти все время пребывала въ состояніи какой-то моральной летаргіи: но это было состояніе скорѣе пріятное, несмотря на постоянныя физическія разстройства: и все же мысль о томъ, что у нея будетъ ребенокъ, не приводила ее въ восторгъ. Въ эту долгую зиму она проглотила безконечное множество романовъ, которые мужъ приносилъ ей изъ библіотеки, или же часами сидѣла въ креслѣ у камина, который устроилъ для нея Антоніо въ одной изъ гостиныхъ, не скучая въ своемъ одиночествѣ.

Антоніо уходилъ рано, обыкновенно, когда она еще спала, приходилъ только къ обѣду, послѣ обѣда снова уходилъ и возвращался только вечеромъ, просидѣвъ нѣсколько часовъ въ конторѣ надъ книгами, или же потративъ ихъ на бѣготню по дѣламъ принчипессы. Реджина, въ концѣ концовъ, привыкла быть одна.

Все шло хорошо. Быть можетъ, слишкомъ хорошо. Денегъ хватало на все; помимо двойного жалованья, Антоніо, по его словамъ, прирабатывалъ еще кое-что сверхурочными занятіями въ канцеляріи; однакоже, въ половинѣ апрѣля, когда уже недолго оставалось ждать рожденія ребенка, онъ, подсѣвъ какъ-то вечеркомъ къ женѣ, разсказалъ ей довольно странную исторію.

— Если ты обѣщаешь не браниться, я тебѣ покаюсь въ одномъ своемъ грѣхѣ.

— Разъ ты уже совершилъ его и раскаялся, что же пользы бранить тебя?

— Раскаялся? Нѣтъ; въ томъ-то и бѣда, что не раскаялся. Слушай: вечеромъ въ день твоего отъѣзда, годъ тому назадъ, одинъ пріятель увлекъ меня въ игорный домъ...

— Ахъ! — вырвалось у Реджины.

— Не пугайся: это было одинъ только разъ. Естественно, я былъ золъ, раздраженъ, сердитъ... почти въ отчаяніи. Но, видишь ли — мы объ этомъ никогда еще не говорили; но долженъ же я сказать тебѣ это хоть теперь — я былъ тогда золъ больше на себя, чѣмъ на тебя. Кто знаетъ. Можетъ быть, ты и была права: я былъ неостороженъ, или не предусмотрителенъ... не разъяснилъ тебѣ какъ слѣдуетъ всѣхъ непріятныхъ мелочей жизни на небольшія средства въ большомъ городѣ... Ну, будетъ, не стóитъ говорить объ этомъ. Итакъ, я былъ страшно золъ на себя за то, что не умѣю выбиться, въ то время, какъ другіе хлопочутъ, интригуютъ, втираются и умѣютъ пробраться всюду. „Проваливай отсюда —

я хочу стать на твое мѣсто". Ну-съ, и я сталъ играть. Если припомнишь, у меня было сто лиръ; я всѣ ихъ бросилъ на зеленое сукно. Въ тотъ вечеръ — скажу тебѣ въ скобкахъ — я убѣдился, что я еще во многихъ отношеніяхъ большой ребенокъ. Я думалъ, что знаю и людей, и себя, а между тѣмъ... Въ игорномъ домѣ я встрѣтился съ нѣсколькими сослуживцами; замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ плутуетъ; другой надняхъ помѣнялся своимъ мѣстомъ въ министерствѣ съ однимъ интендантскимъ чиновникомъ, получилъ съ него за это двѣ тысячи лиръ и всѣ ихъ принесъ туда. У этого моего сослуживца было трое дѣтей и беременная жена, которая уже два мѣсяца не выходила изъ дому, потому что ей не въ чемъ было выйти. Онъ помѣнялся мѣстомъ съ интендантскимъ чиновникомъ, именно потому, что хотѣлъ уѣхать изъ Рима, расплатиться съ долгами и оставить что-нибудь женѣ на роды; въ тотъ вечеръ у него было въ карманѣ двѣ тысячи лиръ, и онъ ихъ проигралъ всѣ до одной. Я сперва выигрывалъ, дошелъ до тысячи восьмисотъ лиръ; потомъ началъ проигрывать; у меня осталось всего пятьдесятъ лиръ; счастье везло поперемѣнно, это всегда такъ бываетъ; къ тремъ часамъ ночи у меня было въ карманѣ двѣ тысячи лиръ. Мнѣ спать хотѣлось; я измучился, усталъ до тошноты. Все думалъ о тебѣ: если бъ Реджина это знала... Неожиданно возникъ споръ между однимъ изъ игроковъ и моимъ сослуживцемъ, тѣмъ, который плутовалъ... Дошло до оплеухъ, вмѣшался хозяинъ пригона, поднялось нѣчто невообразимое... Я всталъ и ушелъ, унося съ собой честно заработанныя двѣ тысячи лиръ.

Реджина слушала, сидя у окна; Антоніо стоялъ возлѣ нея, облокотясь на подоконникъ. Сумерки уже почти окутали землю, съ красивой затихшей улицы, на которой чуть замѣтно поблескивали огоньки фонарей въ послѣднемъ розоватомъ отсвѣтѣ длительнаго заката, изъ садовъ нарядныхъ виллъ напротивъ, ближнихъ и дальнихъ, вѣяло теплымъ и сладкимъ благоуханіемъ римской весны. Въ глубинѣ улицы, надъ домами, уже черными, на лиловато-розовомъ небѣ стоялъ молодой мѣсяцъ, зеленоватый, какъ четвертушка незрѣлаго апельсина. Реджинѣ вспомнился вечеръ, когда она, вотъ такъ же, сидя у окна, жаловалась, что въ это окно не видно даже звѣздъ. Какъ все измѣнилось въ ней и вокругъ нея.

Въ тотъ вечеръ она формулировала себѣ ясно планъ бѣгства изъ столицы и разлуки съ мужемъ. Теперь же... теперь все происшедшее казалось ей сномъ. Почему это

жизнь такъ мѣняетъ людей? Вотъ и Антоніо перемѣнился; онъ самъ сознался въ этомъ.

„Я былъ ребенкомъ и не зналъ этого...“ А теперь... теперь онъ разсказывалъ цѣлую исторію, а Реджина слушаетъ, и почему-то ей кажется, что все это неправда. Зачѣмъ онъ лжетъ? Она не знала... ничего не знала... но, даже не пытаясь объяснить себѣ свое недовѣріе, чувствовала, что Антоніо все это выдумалъ. И это смутно тревожило ее. Ужъ лучше бы онъ на самомъ дѣлѣ пошелъ въ игорный домъ и выигралъ или проигралъ — это неважно — лишь бы только не лгалъ ей.

А онъ между тѣмъ продолжалъ разсказывать:

— Слушай же: самое лучшее впереди. Когда въ карманѣ у меня завелось двѣ тысячи лиръ, я началъ строить планы! Хотѣлъ ѣхать къ тебѣ, хотѣлъ еще играть; потомъ далъ эти деньги Ардуинѣ, чтобъ она попыталась мнѣ пріобрѣсти на нихъ мѣсто секретаря министра. Потомъ, отправившись на биржу по дѣламъ княгини, купилъ пять акцій итальянскихъ каменноугольныхъ копей. Тогда онѣ стоили по триста лиръ; теперь — знаешь, сколько теперь даютъ за нихъ? Ну-ка, скажи.

Помимо воли и Реджина взволновалась. Антоніо нагнулся къ ней и, хотя голосъ его звучалъ спокойно, почти равнодушно, она чувствовала, что внутри его что-то дрожитъ.

Недовѣріе ея разсѣялось. Нѣтъ, теперь Антоніо уже не лгалъ ей: выраженіе его глазъ, впившихся въ ея лицо, было правдивымъ и смѣлымъ; она привыкла видѣть эти глаза влюбленными, томными, читать въ нихъ желаніе — теперь это были глаза человѣка, который хочетъ во что бы то ни стало помѣряться съ судьбой.

— Ну? Сколько же? Какъ ты думаешь? — повторилъ онъ.

— Откуда же мнѣ знать?

— Ну, угадай.

— Пятьсотъ лиръ?

— Подымай выше.

— Шестьсотъ?..

— Больше... больше...

— Тысячу? — робко выговорила она.

— Еще больше.

— Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ мы богаты! — вскричала она съ напускной ироніей, не давая овладѣть собой волненію.

— Еще не богаты, но можемъ разбогатѣть. Лиха бѣда начало, милая моя! Наши пять акцій стоятъ теперь по тысячѣ двѣсти лиръ каждая. Могутъ и еще подняться; но я завтра же продамъ ихъ; половину вырученнаго отдамъ тебѣ, а на другую половину рискну еще. Судьба всегда покровительствуетъ тому, кто умѣетъ заставить ее служить себѣ... Но только ты не смѣй пугаться. Чего ты поблѣднѣла?

Реджина, дѣйствительно, поблѣднѣла.

— Почему ты мнѣ раньше не сказалъ объ этомъ?

— Зачѣмъ? А если бъ акціи упали въ цѣнѣ?

Какъ въ тотъ далекій вечеръ, который Реджина настойчиво припоминала во всѣхъ подробностяхъ, пришла служанка доложить, что обѣдъ на столѣ, и юная чета перешла въ столовую. При свѣтѣ лампы Антоніо замѣтилъ что у Реджины кровинки нѣтъ въ лицѣ, но не сказалъ ей этого, а только пошутилъ:

— Пожалуйста, только ты не вздумай теперь, заднимъ числомъ, ужасаться...

Они долго разсуждали о томъ, нравственно ли играть на биржѣ и можно ли ввѣряться случаю и счастью.

— Все это вздоръ! — рѣшилъ Антоніо. — Вѣдь сама жизнь — игра, и надо либо играть, либо помирать; иного выхода нѣтъ. А теперь идемъ гулять.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ продалъ акціи, предварительно показавъ ихъ женѣ, и вручилъ ей три тысячи лиръ. Двѣ тысячи Реджина рѣшила снести въ сберегательную кассу, на третью купить мебель въ гостиную, а остальное отложить на расходы по родамъ и крещенію ребенка.

— Я, вѣроятно, умру, — говорила она мужу въ послѣдніе дни ожиданія. — Вотъ увидишь, теперь, когда мы немножко разбогатѣли, я умру...

— Не говори глупостей! — сердился на нее Антоніо.

Она не умерла, но дала жизнь крохотному, слабенькому созданьицу, дѣвочкѣ, похожей на котенка, черной, волосатой, съ огромной головой.

Въ первые дни, при видѣ этого уродца, юная мать плакала отъ отвращенія и горя.

— Хоть бы умирала скорѣе! — безжалостно твердила она. — Зачѣмъ, зачѣмъ я родила ее?

— Синьорина, — сказала ей однажды кормилица, мону-

ментальная бабища съ бронзовымъ лицомъ, обрамленнымъ бирюзовой повязкой: — предоставьте ее мнѣ. Вы ее родили — ну и будетъ въ васъ: и больше вы не думайте объ этомъ? Положитесь на меня, синьора!

И, такъ какъ Реджина особой вѣры въ нее не обнаруживала, мамка обижалась, дулась, ссорилась со служанкой, твердившей, что дѣвочка не жилица на этомъ свѣтѣ, что она скоро умретъ. Однажды кормилица сцѣпилась съ Маріанной, которая пришла провѣдать родильницу и объявила, что ея дочка — не ребенокъ, а котенокъ.

— Ну, погодите же: дайте ей вырасти, такъ она съѣстъ васъ, потому что, если синьорина Катерина похожа на котенка, вы точь-въ-точь похожи на мышь.

Къ половинѣ мая Реджина уже оправилась. Очень похорошѣла и чувствовала себя счастливой и сильной.

Мамка сдержала слово: здоровое мужицкое молоко вливало жизнь и силы въ тщедушнаго городского ребенка: уродливое черное личико постепенно свѣтлѣло, черты выравнивались; огромные молочно-голубые глаза принимали, какъ выразилась Реджина, человѣческій видъ.

Порою дѣвочка, казалось, улыбалась про себя; тогда личико ея оживлялось, и у Реджины получалось странное, двойственное впечатлѣніе: ей казалось, что ея дѣвочка красива, и въ то же время она думала, что это ей только такъ кажется, что она уже заразилась болѣзненной страстью матерей находить все красивымъ въ своихъ дѣтяхъ. А впрочемъ, ей было хорошо: она радовалась, что жива, здорова, свободна, и чувствовала себя вполнѣ счастливой. Послѣ первыхъ восхитительныхъ прогулокъ подъ руку съ Антоніо, она начала выходить на прогулку съ кормилицей и ребенкомъ. Утра были чудесныя; теплый душистый вѣтерокъ ласкалъ лицо; полосы словно живого серебра бороздили лучезарный куполъ небесъ.

Какъ эта весна была не похожа на прошлогоднюю. Реджина ощущала приливы нѣжности ко всѣмъ и ко всему; налетавшій порывами теплый вѣтеръ, мчавшійся съ южныхъ равнинъ, уже согрѣтыхъ солнцемъ, на сѣверъ, гдѣ стояли еще холода, словно уносилъ съ собой ея душу, вольную, какъ птица, упивавшуюся свѣтомъ и просторомъ.

Однажды утромъ она пошла гулять совсѣмъ одна, и ей казалось, что она похожа на героя разсказа Достоевскаго, ко-

горый жилъ въ большомъ городѣ, но совсѣмъ не зналъ его, и когда случайно вынужденъ былъ пройти по главнымъ улицамъ, ему показалось, что онъ началъ жизнь сызнова.

Спускаясь по віа Національе, Реджина озиралась вокругъ съ дѣтскимъ любопытствомъ. Впервые она замѣтила, что Квириналъ сѣроватый — прежде онъ ей всегда казался желтымъ; въ первый разъ разглядѣла кампанилью англиканской церкви, полосатую, какъ женское платье; восхитилась дивной перспективой улицы Четырехъ Фонтановъ, постояла на солнечномъ коврѣ, покрывавшемъ лѣстницу Выставки. Краснолицый извозчикъ, съ маленькими зелеными глазками, поглядѣлъ на нее и поднялъ два пальца, принявъ ее за иностранку, которой нуженъ экипажъ, негръ, одѣтый по-европейски, проходя мимо, остановилъ на ней пристальный взглядъ; цвѣточница предлагала купить у нея цвѣтовъ. Все это казалось Реджинѣ интереснымъ, а годъ назадъ мучительно надоѣдало. Она спустилась по улицѣ Змѣй и, по мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, на фонѣ глубокой небесной лазури вырисовывались арки Колизея, и чудилась — онѣ глядятъ на нее большими синими глазами, полными сновъ вѣчности. Она очутилась почти одна передъ огромнымъ мертвымъ сфинксомъ. Лишь бѣлокурый мальчикъ съ розовымъ лицомъ, въ зеленой курткѣ и штанахъ, стоявшій между двухъ корзинъ съ апельсинами, какъ будто сторожилъ у входа. Стволы поваленныхъ колоннъ на солнцѣ отливали металлическимъ блескомъ; отъ деревьевъ Палатина вѣяло ароматомъ полей, несся немолчный птичій гомонъ.

Реджина бѣгомъ взбѣжала на холмъ и остановилась подъ одною изъ арокъ, охваченная нежданнымъ холодомъ; священникъ прошелъ мимо нея, весь черный, въ развѣвающейся сутанѣ, похожій на большую унылую птицу. Она пошла дальше, раскрыла путеводитель, но не стала читать. Игра тѣней и свѣта пестрила солнечными пятнами внутренность покинутаго цирка; стѣны, поросшія травой и желтыми цвѣтами, казались выступами горъ; затѣненные углы, зеленые отъ мховъ, которыми обросли камни, казались маленькими сырыми ложбинами; таинственныя пещеры раззѣвали большія черныя пасти; за стѣнами пронзительно кричали вороны, хрипло и жалобно. Здѣсь было царство сна, разрушенія, смерти; даже черезчуръ яркая лазурь небесъ, видимая отсюда, навѣвала грусть.

„Никогда я не любила исторіи, — думала Реджина. —

Есть же люди, которые пріѣзжаютъ издалека, чтобъ разсыпаться въ восторгахъ передъ камнемъ, на который, предполагается, когда-то ступала грязная нога римскаго воина. Мнѣ это кажется нелѣпостью. Зачѣмъ? Для меня камень — камень и ничего больше; со мною вещи говорятъ не о прошломъ а о настоящемъ. Прошлое — смерть; настоящее — жизнь. Вотъ надъ этимъ, напримѣръ, зданіемъ трудились, воздвигая его, десять тысячъ рабовъ... или сколько? (она опять раскрыла справочникъ, но не заглянула въ него); львы раздирали здѣсь на части христіанъ; а жестокія очи императоровъ, женщинъ и плебеевъ, еще менѣе сознательныхъ, чѣмъ львы, наслаждались ужасающимъ зрѣлищемъ; но все это — прошлое и уже не волнуетъ меня. Я чувствую только грозную силу времени, которое все разрушаетъ. Ага, вонъ и туристы тащатся, словно утки, барахтающіяся въ стоячей водѣ пруда. Пора уходить.

И она ушла. Подъ небомъ, словно пронизаннымъ свѣтомъ, деревья Палатина трепетали отъ вѣтра; четкимъ темнымъ силуэтомъ вырисовывалась на небѣ колокольня Санта Франческа Романа; арка Константина словно рамкой обрамляла аллею свѣжей зелени, въ глубинѣ которой виднѣлись зеленовато-серебряныя облака.

Реджина прошла по аллеѣ и присѣла отдохнуть на верхней ступенькѣ лѣстницы, ведущей въ Санъ-Грегоріо; впереди нея, отъ высокой пиніи, въ листвѣ которой щебетали птицы, до выступавшаго вдали розовымъ видѣньемъ кусочка города, все было свѣтомъ, жизнью, радостью; позади нея, въ монастырѣ обросшемъ влажнымъ мхомъ, въ портикѣ, охраняемомъ гробницами, въ заброшенномъ садикѣ при монастырѣ, — все было безмолвіемъ и печалью. И здѣсь опять таки рѣзкій контрастъ. Однакоже, она, трепещущая жизнью, вошла въ эту обитель смерти и позволила показать себѣ храмъ монаху, походившему на скелетъ, одѣтый въ желтую тунику. Осмотрѣла часовни, гдѣ дивные образа кисти Рени и Доменикино тускнѣли, выцвѣтая, словно люди, обреченные жить въ безмолвіи и одиночествѣ; прошла черезъ запущенный садикъ и съ глубокой жалостью поглядѣла на монаха, который хоть и шагалъ впереди нея, но уже умеръ для жизни.

Реджина думала о своей дѣвочкѣ, маленькой Катеринѣ, которую ей хотѣлось бы научить любить жизнь, цѣнить ее и наслаждаться ею. „Сколько на свѣтѣ живыхъ мертвецовъ! — думала она. — И я еще недавно была, какъ они — живая

тѣломъ, мертвая душой; теперь немного ожила; но никогда уже не буду совсѣмъ живой, какъ будетъ моя дочка; я могу быть лишь воскресшей изъ мертвыхъ, но еще сохранившей въ душѣ память о склепѣ".

Передъ уходомъ она положила монетку на желтую ладонь монаха, и по тому, какъ онъ бережно спряталъ въ карманъ деньги и посмотрѣлъ на посѣтительницу, замѣтила, что въ немъ еще теплится искорка жизни, въ этомъ блѣдномъ скелетообразномъ человѣкѣ.

Она почти бѣгомъ выбѣжала изъ-подъ этого портика, охраняемаго гробницами; ей хотѣлось скорѣе на солнце, къ людямъ, въ шумъ, на просторъ.

X.

Наканунѣ „русскаго" Рождества Реджина и Антоніо пошли въ гости къ княгинѣ. Съ ними была маленькая бѣлокурая дѣвушка, скромно одѣтая въ черное — Габрія, дочь маэстро; мечта ея осуществилась — она поступила въ учительскую семинарію.

Уже два мѣсяца она училась тамъ, мужественно терпя лишенія въ крохотной комнаткѣ на віа Санъ Лоренцо, въ семьѣ тапера, который одно время былъ органистомъ на родинѣ Реджины.

Сказать правду, Венутелли предлагали ей жить у нихъ но она отказалась, хотя бывала у нихъ, позволяла иногда свести себя въ театръ и въ этотъ вечеръ даже снизошла до того, что вмѣстѣ съ ними отправилась въ гости къ м-мъ Макулиной — больше изъ любопытства. Ей хотѣлось увидать вблизи, какъ живутъ богачи, и описать, это своей аристократической подругѣ изъ Саббіонеты. Наивно, или иронически (Реджина еще не могла понять, наивна Габрія или лукава) она поясняла:

— Я хочу подразнить эту барышню: я ей уже послала красивую открытку съ изображеніемъ охоты на волковъ: охота на волковъ, автомобили и знатныя дамы — вотъ идеалы этой дѣвушки.

Это было сказано и съ презрѣніемъ, и съ жалостью.

— И столькихъ другихъ, — добавилъ Антоніо, какъ будто про себя.

Онъ шелъ немного впереди жены и Габріи, казалось, погруженный въ свои мысли, чопорный и элегантный въ широчайшемъ черномъ рагланѣ.

— Вы это обо мнѣ? — подумавъ, спросила Габрія. Потомъ, не дожидаясь отвѣта, словно раскаявшись въ вопросѣ, прибавила: — Богъ мой, вамъ не тяжело въ этомъ пальто, синьоръ Антоніо? У нашего учителя исторіи было такое, такъ мои подруги увѣряли, будто онъ, выйдя изъ дому, черезъ десять минутъ спѣшитъ вернуться, чтобы отдохнуть, настолько тяжело ему было въ этомъ пальто.

— Вотъ какъ! — разсѣянно сказалъ Антоніо.

Они уже пришли къ виллѣ Макулиной. Вечеръ былъ тихій, теплый; въ голубоватомъ сіяніи полной луны меркли огни фонарей. Улица была безлюдна, Реджина вспомнила первый свой визитъ къ мадамъ и, сама не зная почему, улыбнулась и вздохнула.

Большія двери распахнулись; изъ нихъ хлынула волна свѣта; лакей не улыбался, но его безстрастное лицо любезно просіяло при видѣ вновь прибывшихъ.

— Много народу? — спросилъ Антоніо въ то время, какъ лакей снималъ пальто съ Реджины.

— Нѣтъ, немного, — вполголоса отвѣтилъ тотъ.

Реджина смотрѣла на Габрію; Габрія, окинувъ быстрымъ взглядомъ фигуры волковъ у подъѣзда, украдкой разглядывала теперь лакея; лакей понесъ дамскія шубки въ сосѣднюю комнату; Антоніо, какъ свой человѣкъ, не дожидаясь его, открылъ дверь направо.

— Погоди, — остановила его Реджина, поправлявшая волосы передъ зеркаломъ. Она была розовая, хорошо причесана, немножко пополнѣла. Свѣтлое платье съ высокимъ воротникомъ, изъ плиссированнаго тюля очень шло къ ней; она казалась совсѣмъ юной и почти красивой. Замѣтивъ это, она вошла въ гостиную съ довольнымъ видомъ.

— Какъ здоровье малютки? — тотчасъ же освѣдомилась м-мъ Макулина.

— Благодарю, отлично. Позвольте вамъ представить мою подругу.

Габрія поклонилась принчипессѣ, которая почти не обратила на нее вниманія; потомъ усѣлась на диванъ въ углу и просидѣла тамъ весь вечеръ, спокойная, застѣнчивая, молчаливая.

Гости были обычные — старики и старухи; гостиная по обыкновенію жарко натоплена.

Единственная, не слишкомъ старая изъ дамъ, блондинка, съ большими свѣтлыми глазами, съ опущенными длинными

золотистыми рѣсницами, вся въ голубомъ, какъ дѣвочка, сидѣла рядомъ съ принчипессой, около которой, полукругомъ, возсѣдали двѣ старухи и три старика, въ томъ числѣ и синьоръ съ черепомъ изъ розоватаго фарфора.

Madame молчала и, вытягивая шею, слушала разсказы нѣмца, только что возвратившагося изъ Индіи; еще жирнѣй, еще блѣднѣй, жеманнѣе обыкновеннаго, въ своемъ нелѣпомъ платьѣ изъ чернаго бархата съ бѣлыми кружевами, она казалась одною изъ тѣхъ старухъ средневѣковья, безобразіе которыхъ увѣковѣчено кистью великихъ художниковъ той эпохи: только глаза были живые на этомъ разбухшемъ лицѣ трупа.

Синьора въ голубомъ спрашивала у нѣмца, читалъ ли онъ статьи Пьера Лоти объ Индіи (безъ англичанъ), помѣщенныя въ „Revue des Deux Mondes".

— Онъ, какъ всегда, преувеличиваетъ. Погребеніе, если можно такъ назвать это, труповъ въ Гангѣ, въ описаніи Лоти, кажется поэмой. Въ дѣйствительности же, это...

— Une grande saleté, — докончила Маріанна, усаживаясь неподалеку отъ Габріи и понижая голосъ, чтобы не быть услышанной madame, которая всегда ее журила за некорректный способъ выражаться.

Габрія, которую подруга аристократка увѣряла, будто знатныя дамы никогда не употребляютъ гадкихъ словъ, вскинула глаза на Маріанну и снова опустила ихъ, тихая и скромная, забившаяся въ уголокъ.

— У Лоти всѣ описанія такія лживыя, — продолжаетъ нѣмецъ. — Одна японская писательница, м-мъ Чіансахма, говорила мнѣ какъ-то, что, когда ей хочется немного посмѣяться, она беретъ одну изъ книгъ Лоти.

— Но вѣдь и мы смѣемся, когда м-мъ Чіансахма обезьянничаетъ, притворяясь европейской дамой, — замѣтила синьора въ голубомъ.

— Какъ она ухитрилась разглядѣть, что дѣлаетъ м-мъ Чіансахма? — шопотомъ спросила Маріанна, придвигаясь къ Реджинѣ.

Реджина, сидѣвшая около Габріи, въ свою очередь, придвинулась къ ней и указала ей глазами на синьору въ голубомъ.

— Она слѣпая, да?

— Слѣпая. Ничего не видитъ. Впрочемъ, — неожиданно добавила Маріанна, — слѣпые иной разъ видятъ больше зрячихъ.

Габрія, тихая и чинная, между двухъ молодыхъ синьоровъ, слушала и смотрѣла. Всѣ говорили, она одна молчала, миніатюрная, бѣлокурая и бѣленькая въ своемъ скромномъ черномъ платьицѣ; теперь предметомъ ея наблюденій была слѣпая дама въ голубомъ, которая вертѣлась и говорила, не переставая.

И хозяйка дома теперь разговорилась. Антоніо, красивый изумительно, но серьезный болѣе, чѣмъ это было нужно, разговаривалъ съ старой дѣвой, въ свѣтломъ полупаричкѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись остатки собственныхъ рыжихъ волосъ. Обрывки фразъ, отдѣльныя слова и смѣхъ, порою покрывая общій говоръ, долетали въ уголокъ, гдѣ сидѣли Реджина, Габрія и Маріанна.

— Вы знаете исторію этой синьоры? — спросила Маріанна. — Она покушалась на убійство мужа, даромъ что слѣпая, за то, что онъ былъ причиной ея слѣпоты.

— Какимъ образомъ?

— Я вамъ послѣ разскажу; теперь надо бѣжать...

Она вскочила на ноги и отошла, шелестя шелковыми юбками; но, неожиданно вернувшись съ полдороги, подошла опять къ Реджинѣ и сказала ей:

— Я видѣла вашу дѣвчурку съ этой вѣдьмой кормилицей. И опять обозлила эту бабищу: сказала ей, что на-дняхъ у насъ будетъ землетрясеніе.

— Да, да, я знаю, — засмѣялась Реджина. — И она теперь все время въ страхѣ.

— Въ страхѣ? Въ самомъ дѣлѣ? А у нея не испортится отъ этого молоко? — уже серьезно спрашивала Маріанна. — Впрочемъ, я, дѣйствительно, читала, что скоро надо ждать землетрясенія.

— Серьезно? — подала, наконецъ, голосъ Габрія. — Какъ я рада.

Маріанна поглядѣла на нее и какъ будто только теперь замѣтила ее. И спросила у Реджины:

— Эта барышня ваша родственница?

— Дальняя.

— Это и видно. Но, Боже мой, я и забыла...

Она снова убѣжала въ припрыжку, потомъ опять вернулась:

— Ахъ, я вамъ что-то хотѣла сказать, синьора; идемте со мной въ ту комнату, я вамъ скажу... Какая вы сегодня изящная! Вы оправдываете мою теорію.

— То есть?

— Идемте, — повторила Маріанна, беря ее подъ руку.

— Пойдемъ и ты съ нами, Габрія.

Дѣвушка поднялась было, но, сообразивъ, что, можетъ быть, Маріанна хочетъ сказать Реджинѣ что-нибудь по секрету, попросила разрѣшенія остаться въ гостиной.

— Ты скучаешь? — спросила Реджина.

— Да нѣтъ же, нисколько. Иди.

Реджина ушла, но вскорѣ вернулась и предложила Габріи пройти съ ней въ столовую, гдѣ Маріанна разливала чай. Передъ столомъ, уставленнымъ чашками и тортами, гости пили и ѣли, стоя. Маріанна, сидѣвшая за самоваромъ, разливала красноватый, дымящійся чай въ японскія чашечки, тонкія и прозрачныя, словно цвѣты; Антоніо разносилъ чашки дамамъ.

Принесъ онъ чашечку и Габріи, стоявшей позади княгини, которая по-нѣмецки бесѣдовала съ гостемъ, пріѣхавшимъ изъ Индіи; и дѣвушка поблагодарила его своей еще дѣтской улыбкой.

— Что — занятно? — спросилъ Антоніо.

— Очень. Только я не все понимаю. Реджина тоже, оказывается, говоритъ по-французски. И хорошо говоритъ.

Антоніо посмотрѣлъ на жену, такую бѣлую, стройную, элегантную. Реджина замѣтила, что онъ на нее смотритъ, подошла и спросила.

— Ты что такъ смотришь на меня?

— А что? Развѣ мнѣ нельзя смотрѣть на свою жену? Ты немножко блѣдна: ты была розовѣй, когда пріѣхала — что съ тобой?

— Со мною? Ничего. Это правда, Габрія, что я блѣдна?

— Немножко, но это идетъ къ тебѣ еще больше краситъ тебя.

— О, merci.

— Ты здѣсь всѣхъ красивѣй, — продолжала дѣвушка, озираясь вокругъ. — Не правда ли, синьоръ Антоніо?

— Всѣхъ красивѣе и всѣхъ изящнѣй.

— Да что вы сговорились сегодня сконфузить меня! — засмѣялась Реджина. — Ахъ вы, льстецы...

— Она пополнѣла, Реджина — правда? — спрашивалъ Антоніо у Габріи. — Помните, какая она прежде была худущая? О Боже! Какая она была некрасивая!

— Спасибо, милый. Вотъ такъ комплиментъ!

— Нѣтъ, некрасивой она никогда не была. Худенькой

да. Но вѣдь и когда она пріѣхала къ намъ, въ прошломъ году, она тоже была ужасно худенькая. И зеленая какая. И всегда въ дурномъ настроеніи, ты помнишь? Она боялась, что вы здѣсь измѣняете ей. И все поглядывала въ окно, не идетъ ли почтальонъ...

— Какъ? Кто тебѣ это сказалъ? — изумилась Реджина.

— Никто. Сама замѣтила. А потомъ, когда пріѣхалъ синьоръ Антоніо...

— Ну, если ты вправду хочешь стать писательницей, наблюдательности тебѣ не занимать стать, милая моя...

Разговоръ шелъ невдалекѣ отъ принчипессы. Неожиданно эта послѣдняя повернулась къ нимъ. Въ маленькихъ ручкахъ, унизанныхъ бриллiантами, она держала тарелочку съ ломтикомъ торта и серебряную вилочку и ѣла, не спѣша, прожевывая каждый кусокъ; кусочекъ шоколада прилипъ къ ея верхней губѣ и казался уродливымъ родимымъ пятнышкомъ. Никогда еще она не была такъ безобразна.

— Синьорина изъ Віаданы? — спросила она, глядя на Антоніо и вилочкой указывая на Габрію.

— Нѣтъ, она моя землячка, — отвѣтила Реджина, ласково глядя на дѣвушку. И ей показалось, что блѣдное личико Габріи выразило непобѣдимое отвращеніе.

Дни шли за днями, мѣсяцы за мѣсяцами.

Однажды утромъ, пробудившись, Реджина увидала золотую ниточку, тянущуюся черезъ уголъ комнаты, отъ запертыхъ ставенъ къ голубыхъ обоямъ на стѣнѣ. Это солнце свѣтило въ окно.

Въ безмолвіи еще не проснувшагося дома явственно слышно было дребезжанье стеколъ, отголосокъ грохота проѣхавшей мимо телѣги.

Реджина чувствовала, что настала весна, и душа ея была полна радостью. Она и не видѣла, какъ прошла зима, не замѣчала времени, такой счастливой она себя чувствовала. Подчасъ ей становилось даже страшно; ея счастье казалось ей призрачнымъ; даже и въ это солнечное утро, обрадовавшись солнцу, она тотчасъ же посмотрѣла на мужа, еще спавшаго, и подумала:

„А, если бы онъ умеръ. И онъ, и я, и Катерина можемъ вѣдь умереть въ любой моментъ; этотъ яркій свѣтъ, озарившій мнѣ душу, можетъ погаснуть съ минуты на минуту“...

Приподнявшись на локтѣ, смотрѣла на мужа. Прекрасная голова, недвижная на подушкѣ, въ этомъ золотистомъ полусвѣтѣ, поражала благородствомъ и чистотою линій. На опущенныхъ вѣкахъ выступали голубоватыя жилки; на всемъ лицѣ лежала печать кротости.

По вечерамъ онъ поздно теперь возвращался домой. Но Реджина не ревновала. Бѣдный Антоніо весь день работаетъ, онъ такъ усердствуетъ, онъ только вечеромъ и можетъ развлечься, погулять, пожить немножко для себя; и Реджина не спрашивала его, гдѣ онъ проводитъ эти часы отдыха. Впрочемъ, онъ самъ всегда расказывалъ ей, гдѣ онъ былъ.

Бывали дни, когда мужъ и жена видѣлись только утромъ въ спальнѣ, да и то, если имъ случалось проспать, Антоніо поспѣшно вскакивалъ съ постели, наскоро умывался, пилъ кофе и бѣжалъ на службу.

При всемъ томъ, или, можетъ быть, именно потому, супружеская жизнь ихъ текла мирно и спокойно, какъ тихій прозрачный ручеекъ.

Кормилица, расказывавшая Реджинѣ, что до нихъ она жила у господъ, которые и въ постели дрались между собою, нерѣдко говорила:

— Такъ же нельзя, барыня. Вы бы хоть разочекъ поругались съ бариномъ, а то, вотъ увидите, это плохо кончится.

— Типунъ вамъ на языкъ.

— Дайте мнѣ хоть куколку-то откормить; смотрите, какая она стала миленькая.

Антоніо проснулся и, еще не открывая глазъ, почувствовалъ, что Реджина смотритъ на него.

— Навѣрно, уже поздно? — сказалъ онъ, увидавъ золотую полоску.

— Нѣтъ, это солнце начинаетъ къ намъ заглядывать, а часъ не поздній: всего безъ четверти восемь. Принести тебѣ дѣтку.

— Погоди, — взмолился онъ. — Сначала поцѣлуй меня. Мы съ тобой почти не видимся.

Онъ придвинулся къ ней и обнялъ ее, весь прижавшись къ ней, какъ маленькій. Она цѣловала его въ высокій, чистый лобъ, въ волосы, издававшіе все тотъ же особенный, лишь имъ присущій запахъ опаленныхъ цвѣтовъ; и чувствуя,

что онъ весь ея, ласковый и нѣжный, такой молодой и красивый, такой довѣрчивый, вся проникалась нѣжностью къ нему, острой до боли. Нѣсколько минутъ они лежали такъ, обнявшись, молча, въ полумракѣ теплой спальни съ голубыми обоями.

За окномъ просыпалась улица, но шумы доносились до нихъ заглушенные, какъ бы расплывающіеся въ необычайной тишинѣ воздуха.

— Не знаю, почему, — говорилъ Антоніо, — но у меня такое ощущеніе, какъ будто мы лежимъ въ лѣсу. Я еще не проснулся, какъ слѣдуетъ; я бы такъ лежалъ съ тобою безъ конца.

— Весна, — усмѣхнулась Реджина. — И у меня сейчасъ передъ глазами лѣсъ, а за лѣсомъ рѣка и столько цвѣтовъ. . .

— Ты сегодня идешь на Пинчіо.

— Нѣтъ, я пойду навѣстить Габрію: она нездорова, бѣдняжка, три дня уже въ постели.

Антоніо ничего не сказалъ; онъ никогда не спрашивалъ отчета у жены, какъ она проводитъ время внѣ дома, какъ она не спрашивала у него. Но, по ассоціацій идей, онъ вспомнилъ, что Реджина хотѣла въ іюнѣ съѣздить на родину, и спросилъ:

— Когда она держитъ экзамены?

— Кто? Гарбія? Кажется, въ іюлѣ.

— Значитъ, вы не ѣдете вмѣстѣ, какъ ты собиралась?

— Нѣтъ.

Оба смолкли. Столько времени прошло, такъ много перемѣнъ было за это время; Реджина еще два раза ѣздила къ своимъ и возвращалась, и капризъ, заставившій ее уѣхать въ первый разъ, казался теперь ребячествомъ, далекимъ и затушеваннымъ послѣдующими событіями. И все же, каждый разъ, какъ между ними заходила рѣчь объ отъѣздѣ, о разлукѣ, хотя бы даже въ самыя интимныя и сладкія минуты близости, какъ нынче утромъ, молодые люди смущенно умолкали, словно какая-то чуждая обоимъ и враждебная сила отодвигала ихъ другъ отъ друга. Но это скоро проходило. При томъ же сегодня утромъ весна смѣялась имъ въ окно; день былъ солнечный, небо безоблачно, а Реджина и Антоніо были слишкомъ молоды и здоровы и слишкомъ влюблены другъ въ друга, чтобы, какъ птицы, не забыть о зимней стужѣ и не запѣть звонкаго гимна радости.

Онъ осыпалъ ее ласками и тысячью нѣжныхъ, ласка-

тельныхъ именъ; она восхищалась имъ, увѣряя его, впрочемъ отъ чистаго сердца, что красивѣй его нѣтъ на свѣтѣ.

Сквозь ставни солнце глядѣло на нихъ, казалось, ласково и добродушно.

Реджина проводила кормилицу и свою дѣвочку въ садикъ возлѣ вокзала и пошла къ Габріи, неся ей книгу, букетикъ фіалокъ и бисквитовъ. На душѣ у нея было легко и весело; ей казалось, что она дѣлаетъ доброе дѣло. Вокзальные часы показывали десять. Въ воздухѣ, такомъ недвижномъ, что деревья на улицахъ казались нарисованными, пахло нарциссами и свѣжей травой; вдали, за вокзаломъ, горы, голубоватыя, чуть вырисовывались, словно отраженныя въ прозрачной водѣ озера.

Реджину обогналъ продавецъ птицъ; праздникъ весны былъ такъ веселъ и ярокъ, что въ обѣихъ клѣткахъ, которыя несъ въ рукѣ унылый продавецъ, всѣ птицы — и маленькіе, еще безкрылые дрозды, и рѣполовы, словно перепачканные кровью, и канарейки, желтыя, какъ жонкили, радостно щебетали. Реджинѣ захотѣлось купить птичку для своей дѣвочки — но на что она Катеринѣ. Дѣтка задушитъ ее, даже не успѣвъ поиграть съ ней. Нѣтъ: Реджина не станетъ пріучать свою дѣвочку къ безполезнымъ развлеченіямъ и жестокимъ прихотямъ. „Но, — думала она, — если я куплю птичку, я доставлю минуту радости этому унылому продавцу, который сегодня, очевидно, еще ничего не продалъ“.

— Да нѣтъ же! Съ чего она взяла, что онъ унылый? Можетъ быть, и онъ счастливъ по-своему. Это мы любимъ, воображать себѣ, будто ближній нашъ страдаетъ, тогда какъ онъ почти всегда счастливѣй насъ. Было время, когда мнѣ всѣ люди казались несчастными; а теперь я вижу, что тогда я ошибалась.

Весна заглянула и въ пятиэтажный домъ, гдѣ жила Габрія; лѣстница, которую Реджина всегда видѣла мокрой и липкой отъ грязи, была чисто вымыта; площадки тоже, въ пріотворенную дверь одной изъ квартиръ виднѣлся коридоръ съ блестящимъ натертымъ воскомъ поломъ. Бѣдняки, населявшіе этотъ домъ, отъ перваго этажа, гдѣ занималъ „роскошную квартиру“ бухгалтеръ-счетоводъ, до четвертаго, гдѣ обиталъ эксъ-органистъ, спустившійся до тапера, играющаго въ

харчевняхъ и кинематографахъ, вымыли и выскребли весь домъ, чтобы достойно встрѣтить теплую Пасху, этого злѣйшаго недруга врага бѣдняковъ — холода. Реджинѣ доставляло странное удовольствіе прислушиваться къ шуршанью своей зеленой шелковой юбки по ступенькамъ лѣстницы. Она не думала о своей шелковой юбкѣ, какъ не помнила въ эту минуту о томъ, какъ хорошо живется ей, какая у нея славная, свѣтлая квартира, невысоко, съ двумя гостиными, о томъ, что у нея теперь есть деньги въ сберегательной кассѣ и абонементъ въ Костанци; но сознаніе, что у нея есть все это, веселило ее и дѣлало сантиментальной. Она сама казалась себѣ знатной дамой, несущей съ собой солнечное тепло и запахъ фіалокъ, несущей дыханье весны въ этотъ домъ бѣдняковъ, трудящихся, учащихся и обездоленныхъ. Ей хотѣлось на порогѣ каждой квартиры положить по фіалкѣ; припомнилось, какъ въ одно изъ прежнихъ ея посѣщеній изъ квартиры № 9 вышелъ студентъ, молоденькій, безкровный, съ сѣрыми губами и глазами, блѣдными, какъ сорванные гіацинты, въ наглухо застегнутомъ пальто, сильно поношенномъ, но чистомъ; и ей захотѣлось встрѣтиться съ этимъ студентомъ, чтобъ поздороваться съ нимъ и дать ему понять, что она любитъ бѣдняковъ, которыхъ она прежде такъ презирала.

Но студентъ не вышелъ, и она продолжала подниматься до площадки, на которой квадратный кусочекъ картона, приколотый четырьмя кнопками, возвѣщалъ посѣтителямъ, что сосѣдняя квартира имѣла счастье пріютить:

МАРІО ЭННІО КОЛОРНИ
эксъ-органиста и орфеониста,
предподавателя игры на скрипкѣ.

Карточка эта не произвела впечатлѣнія на Реджину, такъ какъ она уже видала ее. Отецъ Габріи, ея бывшій учитель, просилъ ее навѣщать его дѣвочку и лично убѣдиться, вправду ли „среда, въ которой она живетъ, такъ подозрительна и опасна, какъ по разсказамъ пріѣжающихъ изъ Рима, опасны для молодой дѣвушки всѣ мебилированныя комнаты въ, такъ называемомъ, кварталѣ Санъ-Лоренцо“. И Реджина добросовѣстно исполняла его просьбу.

Ей отворила синьора Колорни, миніатюрная женщина, въ черномъ чепчикѣ и синихъ очкахъ, похожая на дѣвочку, на-

ряженную по-старушечьи; она не сразу узнала посѣтительницу и, впустивъ, глядѣла ее съ какой-то дѣтской недовѣрчивостью; но Реджина дала ей понюхать фіалки и спросила на мантуанскомъ нарѣчіи:

— Вы не узнали меня? Какъ здоровье Габріи?

Хозяйка, только что выздоровѣвшая отъ тифа, послѣ котораго у нея выпали волосы, отнялся языкъ, и глаза почти перестали видѣть, кротко улыбнулась и отошла въ сторонку, уступая дорогу гостьѣ.

Реджина прошла черезъ переднюю, очень опрятную, въ которой вкусно пахло жаренымъ, прямо въ столовую, съ запертымъ окномъ, завѣшеннымъ желтоватой кисейной занавѣской, и оттуда черезъ отворенную дверь увидала, что комнатка Габріи, только что убранная синьорой Колорни, пуста.

Она повернулась къ хозяйкѣ; нѣмая улыбнулась сквозь синіе очки и указала рукой на окно.

— Какъ? Ея нѣтъ дома? Но, вѣдь, она же мнѣ писала, что больна, лежитъ въ постели, — удивилась Реджина, входя въ комнату подруги.

Маленькая женщина покачала головой въ черномъ чепцѣ, закашлялась и дотронулась до лба, въ знакъ того, что Габрія, дѣйствительно, была больна; потомъ снова улыбнулась, еще разъ указала на окно, взяла стулъ и поставила его передъ Реджиной.

— Она скоро вернется? Куда она пошла?

Хозяйка взяла со столика жилички конвертъ и приложила его къ стѣнкѣ.

— Пошла опустить письмо въ ящикъ? Да? Ну, такъ я посижу немножко, я устала. А синьоръ Энніо?

Дѣвочка-старушка снова улыбнулась, сдѣлала видъ, будто играетъ на скрипкѣ, потомъ развела руками, вѣроятно, желая сказать, что мужъ далеко играетъ на скрипкѣ гдѣ-то за городомъ, въ остеріи.

Реджина сѣла; хозяйка ушла въ кухню.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ полная тишина царила въ чистенькой квартиркѣ, пропитанной запахомъ жаренаго; комнатка Габріи, съ желтыми въ розовыхъ цвѣточкахъ обоями, съ бѣлой дѣвичьей кроваткой, съ небольшимъ столикомъ, заваленнымъ книгами и тетрадями, открытое окно, въ которое виднѣлось небо, жемчужно-лазоревое, была точно гнѣздышко, свитое на верхушкѣ тополя. „Да, — думала Реджина, —

жизнь можетъ быть прекрасной и для бѣдняковъ. Все относительно. И этотъ бродячій музыкантъ, который вечеромъ приноситъ двѣ-три, иной разъ даже пять лиръ своей онѣмѣвшей женѣ, опрятной и заботливой хозяюшкѣ, и находитъ домъ чистымъ и убраннымъ и уже въ передней слышитъ вкусный запахъ жареной баранины, счастливѣе, быть можетъ, многихъ милліонеровъ".

А Габрія, съ ея мечтами и надеждами, съ ея мужествомъ и стойкостью, — Габрія, передъ которой вся жизнь лежитъ, свѣтлая и чистая, какъ это небо, которое она видитъ въ окно — развѣ нельзя позавидовать ея счастью?

— Счастье не въ томъ, что окружаетъ насъ, а въ насъ самихъ, — размышляла Реджина. — Одно время я считала себя несчастной, потому что жила въ пятомъ этажѣ, хоть и въ зажиточномъ кварталѣ; теперь мнѣ кажется, что я была бы такъ же счастлива и здѣсь, въ этомъ жилищѣ бѣдняковъ, у входа въ царство обездоленныхъ.

Габрія не возвращалась. Ну что жъ, тѣмъ лучше, если она выздоровѣла. Реджина посмотрѣла на свои крохотные часики; половина одиннадцатаго — можно еще минутку подождать.

Она встала и подошла къ окну; справа, слѣва, вверху — все то же небо, ослѣпительно яркое; внизу — линія желѣзной дороги, огромные дома, на солнцѣ желтые; громыхающій вдали поѣздъ, кусочки зелени, неуловимый запахъ весны и жизни.

И все было прекрасно.

Габрія не возвращалась. Пора идти. Реджина подошла къ столу, чтобъ положить фіалки, которыя она продолжала держать въ рукахъ. Среди окружающей тишины громко прошелестѣло ея платье.

Да, все здѣсь прекрасно, въ особенности, этотъ столикъ съ тетрадками и дневниками, въ которыхъ заключены мечты, самое существо чистой, юной души, какъ зеркало, глубокой и прозрачной. Реджина взяла въ руки раскрытую тетрадь.

Ей вспомнилось, что одно время и она собиралась сдѣлаться писательницей — однакожъ, не собралась написать и двухъ фразъ въ заготовленной тетрадкѣ. Добьется ли своего Габрія? Надо надѣяться, что она пойдетъ дальше Ардуины. Реджина задумалась. Какъ измѣнились ея отношенія къ родственникамъ мужа! Теперь они почти исчезли изъ ея жизни, или, по крайней мѣрѣ, стушевались, какъ фигуры,

появляющіяся въ первыхъ главахъ романа и потомъ заброшенныя авторомъ. Реджина позволяла мамкѣ носить ребенка въ гости къ бабушкѣ и слушала разсказы мужа о своихъ; но сама бывала у нихъ очень рѣдко и, хотя теперь они не казались ей ни симпатичнѣй, ни антипатичнѣй тысячи другихъ, съ которыми она встрѣчалась, оставаясь къ нимъ совершенно равнодушной, въ ихъ присутствіи она не могла преодолѣть въ себѣ нѣкоторой враждебности къ нимъ.

Но почему она думаетъ о нихъ сейчасъ, перелистывая тетрадку Габріи? Ей захотѣлось разобраться въ этомъ. Ахъ, понятно. Смутно она соображала, что, если бы Антоніо, вмѣсто квартиры матери — этой ненавистной квартиры холодной, полутемной, и загроможденной безобразной мебелью и непріятными людьми, привелъ ее въ тихую, свѣтлую квартирку, — ну, вотъ такую хоть, какъ эта, хотя бы и такую же скромную, ея медовый мѣсяцъ, не былъ бы такимъ мучительнымъ.

Она положила тетрадку, взяла другую, и мысли ея сразу измѣнились, словно вѣтеръ разогналъ тучи.

— Нѣтъ; я бы страдала, вѣроятно, еще больше; мнѣ нужно было узнать страданіе, пережить кризисъ. Какъ, вѣроятно, и всякой интеллигентной женщинѣ, вышедшей замужъ. А теперь... теперь не удивительно, что мнѣ все кажется красивымъ: я счастлива и живется мнѣ легко. О! Что это?

„Барышня, лѣтъ шестнадцати, малокровная, изъ знатной, но упадочной семьи. Лицемѣрка, тщеславная, завистливая, честолюбивая, умѣетъ прятать свои недостатки подъ холодноватой привѣтливостью, повидимому, непритворной. Только и рѣчи, что объ аристократіи. Кто-то ей сказалъ, что она похожа на дѣвственницъ Боттичелли, и съ нѣкоторыхъ поръ она принимаетъ сантиментальныя позы и придаетъ своему лицу выраженіе экстаза. Что не мѣшаетъ ей быть постыдно влюбленной въ живописца вывѣсокъ“...

Реджинѣ вспомнилось, съ какимъ энтузіазмомъ маэстро читалъ ея матери выдержки изъ этой остроумной характеристики; передъ ея глазами проплыла гостиная, вся залитая свѣтомъ яркаго заката, скользящія по небу облака, похожія на фіолетовыхъ птицъ на зеленоватомъ фонѣ неба, отъ котораго и вода въ рѣкѣ отливала зеленымъ.

— Нѣтъ, вы обратите вниманіе, какая наблюдательность, — говорилъ маэстро. — Это типъ для будущаго раз-

сказа, дорогая синьора Катарина. Отъ моей Габріи ничто не ускользнетъ; она все примѣчаетъ; увидитъ типъ и сейчасъ зарисуетъ въ памяти. Какъ хорошая хозяйка, которая ничего не бросаетъ, потому что все можетъ пригодиться...

И въ выдержкахъ, которыя читалъ маэстро, всѣ узнавали зарисованную Габріей съ фотографическою точностью благородную синьорину изъ Саббіонетта.

Тетрадка Габріи вся была полна такихъ „зарисованныхъ типовъ". Реджина безцеремонно перелистывала ее; на послѣднихъ страницахъ были „зарисованы" типы профессоровъ, студентокъ; тутъ же и Кларетта, „кокетка, истеричка, развращенная", которую Габрія нѣсколько дней тому назадъ встрѣтила у нея.

— Однако, она страшна, эта будущая писательница! Это уже не зеркало, а рентгеновскій аппаратъ.

Реджина, подстрекаемая любопытствомъ, стоя у стола, продолжала, перелистывая тетрадь, читать отдѣльные отрывки.

— „Молодая синьора, близорукая, брюнетка, на крохотномъ личикѣ какъ будто только и есть, что ротъ и глаза; чрезвычайно интеллигентна, немножко странная, чуточку загадочная. Изъ разорившейся аристократической семьи, дѣлаетъ видъ, будто не помнитъ о своей голубой крови, а можетъ быть, и вправду не думаетъ объ этомъ; но кровь у нея все же голубая, и она это чувствуетъ и хочетъ быть аристократкой. Любитъ роскошь, богатыхъ людей; вышла замужъ за бѣдняка и заставила его много зарабатывать..."

„Ба! Да это я, — подумала Реджина; ей было смѣшно и въ то же время нѣсколько досадно. — Однако, эта дѣвочка не очень благосклонна ко мнѣ. Что она хотѣла сказать послѣдними двумя строками?"

Неожиданно ей вспомнилось, какъ Габрія однажды передавала ей разсказы, слышанные ею отъ товарокъ студентокъ.

— Однако, какъ у васъ тамъ сплетничаютъ! Это не учительская школа, а школа злословія, — возмутилась Реджина.

— Да ужъ. Попадись только — обработаютъ въ лучшемъ видѣ, — подтвердила Габрія.

— „Писательница, высокая, тощая, желтая, маленькіе бѣлесоватые глазки, маленькій ротъ съ испорченными черными зубами, волосы солооменнаго цвѣта, носъ кривой. Жалко

смотрѣть на нее, слушать ее; а съ мужчинами туда же — кокетничаетъ“...

„А это Ардуина. Ловко: въ трехъ строкахъ убила наповалъ“, — подумала Реджина.

Далѣе слѣдовали портреты Массимо, Маріанны — „маленькая, съ крохотнымъ, оливковаго цвѣта личикомъ, лукавымъ и недобрымъ; глаза, какъ пуговочки, черные; увѣряетъ, будто всегда говоритъ правду; но скульпторъ озаглавилъ бы ее: „бронзовая статуэтка, изображающая воплощеніе злорадства“. Потомъ слѣпая дама, еще нѣсколько фигуръ изъ числа гостей м-мъ Макулиной, къ которой Реджина еще нѣсколько разъ брала съ собою Габрію, и, наконецъ: „иностранка; богатая; высокая и грузная; волосы. крашеные, черные, какъ смоль; губы толстыя, синебагровыя; глаза маленькіе, быстрые и блестящіе, какъ у сердитой кошки. Никогда не смѣется; скорѣе старая, чѣмъ молодая; всѣмъ разсказываетъ, что ея тетка была подругою Жоржъ Зандъ. Типъ чувственной женщины; имѣетъ молодого любовника“.

И вслѣдъ за ней сейчасъ же:

— „Чиновникъ; секретарь старой принчипессы. Молодъ, блондинъ, очень хорошъ собой; высокій, стройный; прелестные глаза, удлиненные, томные; свѣжій ротъ, такой алый, что кажется накрашеннымъ. Характера веселаго. Добрый, страшно влюбленъ въ жену — и, тѣмъ не менѣе, любовникъ принчипессы“.

XI.

Однажды Реджинѣ приснилось солнечное затменіе. Читая эти строки Габріи, она припомнила свой сонъ: впечатлѣніе было то же — надвинувшейся жуткой темноты, грознаго безмолвія и тревожнаго ожиданія.

И, какъ затменіе, это было мгновенно. Мигъ спустя, она уже снова видѣла яркое солнце, слышала трепетъ жизни, видѣла, что все кругомъ осталось тѣмъ же, стояло на томъ же мѣстѣ, и ничто не измѣнилось. Но она была уже не та: вокругъ нея, вблизи, вдали, снова свѣтило солнце; ея душу попрежнему окутывали сумерки.

Она положила тетрадь на столъ, взяла фіалки, книгу, пакетъ съ печеньемъ и ушла. Потомъ уже замѣтила, что ушла она, чтобъ не поддаться пошлому искушенію разспросить Габрію, принудить ее, хотя бы силой, сказать, какъ она угадала эту страшную тайну, или отъ кого узнала о ней

Но и въ эту минуту, какъ всегда, ее поддерживала гордость, холодная и стойкая, какъ желѣзный остовъ статуи.

Нѣмая маленькая женщина бѣжала за уходящей гостьей и дѣлала ей знаки, которыхъ та не поняла. Эта странная фигурка дѣвочки, замаскированной старухой, вызывала въ Реджинѣ какое-то злобное отвращеніе. Зачѣмъ живетъ этотъ уродецъ? Зачѣмъ природа, или общество не устраняетъ всѣхъ слабыхъ, изуродованныхъ, безполезныхъ?..

До конца жизни Реджина вспоминала съ глубокимъ отвращеніемъ, какъ что-то невыразимо гнусное и мерзкое, эту чистенькую квартирку, крутую лѣстницу, подозрительныя площадки, пыльную швейцарскую этого огромнаго дома на віа Санъ Лоренцо. Больше она никогда сюда не возвращалась.

Машинально, какъ во снѣ, шла она снова по залитой солнцемъ улицѣ, черезъ площадь, по аллеямъ сада и думала:

— „Сейчасъ же разскажу это Антоніо, и мы посмѣемся вмѣстѣ". — Но тотчасъ же она замѣтила, что руки ея дрожатъ отъ волненія и, вмѣсто того, чтобы вернуться въ садъ, гдѣ ее ждала кормилица, сѣла на ближайшую скамейку, первую отъ входа, напротивъ Термъ.

Почему она не пошла дальше, не кликнула кормилицу, не вернулась домой съ ней вмѣстѣ? — Она не могла.

Внезапно ей почудился какой-то отдаленный гулъ, словно поѣзда, громыхавшаго гдѣ-то въ далекой, невидимой жизни.

— Боже мой, Боже мой! Что же это такое?

Дама съ толстою рыжей косой, свернутой узломъ на затылкѣ, прошла мимо, пристально глядя на нее, и потомъ еще раза два обернулась.

Реджина провела рукою по лицу и сообразила, что она блѣдна, и лицо ея, должно быть, выдаетъ ея волненіе; а доносящіеся словно издали шумъ и трепыханье исходятъ изъ глубины ея внутренняго міра, отъ ея сердца, бьющагося пугливо и тревожно.

Она вся затрепетала, какъ разбуженная птица, и оглядѣлась вокругъ. На колѣняхъ у нея лежалъ букетъ фіалокъ и пакетикъ. Зачѣмъ она взяла ихъ обратно? — Ну да, инстинктивно ей захотѣлось отомстить Габріи, которая воткнула эту занозу въ ея сердце.

„Какая мелочность! — подумала она. — Чѣмъ же Габрія виновата, если... это правда? Но можетъ ли это быть правдой? А почему же нѣтъ? И почему же сразу я не усомнилась..."

Зачѣмъ ему могло это понадобиться?..

Ахъ! она хорошо знала, зачѣмъ: еще раньше, чѣмъ съ губъ ея сорвался этотъ безполезный вопросъ, кровь, застучавшая въ ея виски, въ кончики пальцевъ, въ каждой жилкѣ, сказала ей, зачѣмъ.

Онъ продался. Реджина ни на мигъ не усомнилась въ этомъ, точно такъ же, какъ ни на одинъ мигъ не мелькнула у нея нелѣпая мысль, что онъ могъ быть, еще до женитьбы на ней, безкорыстнымъ любовникомъ княгини.

Онъ продался. Продался для нея — совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ женщины — чтобы дать ей красивую обстановку, свѣтъ, солнце, наряды, побрякушки, дорогія перчатки, шелковыя юбки... все, чего она просила у него и упрекала, что онъ не умѣетъ дать ей этого.

— Несчастный!.. Глупый мальчикъ, жалкое, малодушное созданіе... вотъ я вернусь домой и надаю тебѣ пощечинъ, какъ скверному мальчишкѣ. Ты долженъ, долженъ былъ понять меня...

Но, браня мужа, она въ то же время чувствовала, что ея укоры глупы и неосновательны; и въ глубинѣ ея души, въ ея сердцѣ, колотившемся, какъ безумное, шевелилась совсѣмъ иная правда.

Это она — трусливая и жалкая. Это она не поняла, что жизнь не шутка, что извѣстные поступки вызываютъ извѣстныя послѣдствія, и вотъ, теперь, жизнь надавала ей пощечинъ, какъ скверной дѣвчонкѣ, какой она и была.

Щеки ея горѣли, на вискахъ бились жилки, словно и взаправду кто-то отхлесталъ ее по щекамъ. Сколько времени она просидѣла на скамьѣ? Проходившіе мимо смотрѣли на нее; молодые люди оборачивались; одинъ ей улыбнулся, сперва полюбовавшись на ея сѣренькіе башмачки и рубецъ нижней юбки, выглядывавшій изъ-подъ волановъ верхней.

Она думала о томъ, что въ саду кормилица дожидается ея, но не могла сдвинуться съ мѣста. Сквозь вуаль своей тоски она видѣла проходившихъ мимо людей, деревья, развалины, заросшія плющемъ; желтый шатеръ среди развалинъ; двухъ голубей, пятнистосѣрыхъ, цѣловавшихся въ просвѣтѣ плюща; телеграфныя проволоки, бороздившія яркую лазурь небесъ; видѣла объявленія, покрывавшія уголъ Термъ, различала охотничью сценку надъ колоссальною рекламой, читала ненужныя ей слова: „Одоль, Одоль, Одоль“ — которыя потомъ долго звенѣли у нея въ ушахъ; видѣла каменщи-

ковъ, работавшихъ въ глубинѣ площади, и навсегда запомнила грязно-розовый цвѣтъ ихъ рубахъ; слѣдила взглядомъ за сверкающими спицами колесъ... Эта будничная картинка, видѣнная ею сотни разъ, почему-то волновала ее, привлекала, поглощала все ея вниманіе... потомъ ей показалось, что эту странную прикованность она сама выдумываетъ, чтобъ оттянуть время, не идти въ садъ, отдалить минуту возвращенія домой.

Ей жутко было вернуться въ этотъ домъ, одно воспоминаніе о которомъ приводило ее въ ужасъ: — тамъ все было загрязнено, все, все, все...

Ей хотѣлось раздѣться донага, сорвать съ нѣжнаго тѣльца своей дѣвочки, чистаго, какъ расцвѣтающая роза, одежды стыда и униженія, потомъ прижать ее, голенькую, къ своей обнаженной груди и убѣжать съ ней прочь изъ этого дома...

Бѣжать! Бѣжать... Эта идея снова завладѣла ею; но въ этотъ разъ Реджинѣ хотѣлось бѣжать не на родину, а дальше, много дальше, за рѣку, которую нельзя уже переплыть обратно.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Съ итал. пер. **З. Журавская.**

INTERIEUR.

Закатное солнце лучами багряными
Играетъ на тусклыхъ паркетахъ,
Лиловыя тѣни дрожатъ надъ диванами,
Въ углахъ и старинныхъ портретахъ.

И въ рамѣ тяжелой широкаго зеркала
Темнѣетъ игра отраженій,
Какъ будто въ его глубинѣ не померкнула
Расплывчатость давнихъ видѣній.

Куранты хрипятъ на каминѣ томительно
Наскучившій маршъ статуэткѣ,
И сервская модница смотритъ презрительно
Съ холодной улыбкой кокетки.

С. Кулаковскій.

PRÉLUDE.

Проведу я рукой по струнамъ моей лиры пѣвучей,
И одну за другой разбужу я на лирѣ струну;
И, въ мечтахъ, улетѣвъ за поднявшимся роемъ созвучій,
На широкій напѣвъ свою новую пѣсню начну.

Подъ рукою моей струны лиры застонутъ отъ страсти,
Зажурчатъ, какъ ручей, затрепещутъ, гудя и звеня...
И подъ гулъ ихъ и звонъ я спою свою пѣсню о счастьи,
Что мелькнуло сквозь сонъ и, какъ сонъ, обмануло меня.

Леонидъ Долининъ.

ПСИХИКА РУССКАГО ТЕАТРАЛЬНАГО ЗРИТЕЛЯ 60-ХЪ ГОДОВЪ.

I.

Шестидесятые годы. Въ общемъ представленіи — время бодрости, энергіи, иниціативныхъ побужденій, общественной устремленности; эпоха, которую всегда ставятъ въ примѣръ послѣдующей „малообщественной", „бездѣятельной", „безпринципной". Достаточно произнести слово „шестидесятникъ",—и стойкость идеаловъ, стремленіе къ справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ, энергія, вѣра всплываютъ въ нашемъ представленіи, какъ неотдѣлимые спутники эпохи.

Идеалы, стойкость стремленій, энергія. Кто станетъ отрицать ихъ не только у выдающихся людей знаменитой эпохи, но и у цѣлыхъ группъ молодежи, хотя бы членамъ этихъ группъ не пришлось оставить потомству ни единаго воспоминанія о своемъ когда-то дѣятельномъ существованіи? Были энергичные, стремившіеся къ справедливой общественности люди, были убѣжденія, была вѣра, — все это не подлежитъ сомнѣнію, все это изслѣдовано, изучено, подочтено. Это были прекрасные цвѣты, выросшіе на почвѣ, которая, очевидно, способна порождать пышныя растенія, но способность которой давать питательные соки сѣменамъ, упавшимъ изъ сердцевины прекрасныхъ цвѣтовъ, въ разныя эпохи различна. Какова была эта способность въ шестидесятые годы? Была ли она выше или ниже, чѣмъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія или въ годы, непосредственно послѣдовавшіе за севастопольскимъ крушеніемъ?

Конечно, этой почвой является вся страна, весь народъ. Для изученія всѣхъ вліяній, подъ которыми находятся извѣстныя умственныя движенія, само собой разумѣется, необходимо ознакомленіе со всей разнообразной психикой разнообразныхъ общественныхъ слоевъ. Но есть слой, который до нѣ-

которой степени можетъ служить показателемъ легкости или трудности, съ которой сѣмена лучшихъ растеній проходятъ въ почву, могущій показать, насколько данный моментъ благопріятенъ или нѣтъ для произрастанія тѣхъ прекрасныхъ цвѣтовъ, которые временно покрыли его поверхность. Этотъ слой — столичный театральный зритель. По самому своему положенію зрителя, онъ какъ бы не призванъ къ дѣятельности; онъ долженъ только смотрѣть, слѣдить, одобрять или порицать. Вокругъ происходятъ событія, болѣе или менѣе шумныя, и зритель своимъ отношеніемъ къ совершенно постороннимъ совершающемуся явленіямъ можетъ показать, долго ли еще продлится шумъ, или онъ заранѣе осужденъ на безслѣдное прекращеніе. И въ годы тишины театральный зритель можетъ обнаружить своимъ отношеніемъ, что тишина фиктивна, что уши и глаза посѣтителей театра охотно воспримутъ внѣ театральнаго зданія звуки, нарушающіе привычную тишину.

Театральный зритель нерѣдко барометръ политической погоды, хотя бы къ политикѣ онъ по внѣшности не имѣлъ никакого отношенія. Еще болѣе часто онъ—показатель энергическихъ или апатичныхъ настроеній, вѣры или безвѣрія, склонности къ дѣйствіямъ или къ бездѣятельности, — показатель психическаго подъема, тѣхъ неуловимыхъ душевныхъ движеній толпы, которыя свидѣтельствуютъ объ ея способности или неспособности въ данный моментъ заражаться дѣятельными импульсами.

Какъ ни странно, какъ ни противорѣчитъ это общему представленію о 60-хъ годахъ, но барометръ, стоялъ тогда низко. Особенно велико было его паденіе — сравнительно съ тѣмъ, что наблюдалось во второй половинѣ 50-хъ годовъ вскорѣ послѣ окончанія крымской кампаніи. И предсказанія барометра оправдались: послѣдовавшая дурная погода показала, какъ мало было въ потенціи солнечныхъ творческихъ началъ, въ какихъ дурныхъ условіяхъ приходилось растить сѣмена, посѣянныя въ 60-е годы. Уже въ эту эпоху исторія театральнаго зрителя показала, что восьмидесятые годы съ ихъ безвѣріемъ, разочарованіемъ, апатіей неизбѣжны, ибо не было въ почвѣ той воспріимчивости, которая необходима для широкаго творчества, ибо отдѣльные цвѣты были осуждены на одиночество посреди чертополоха апатіи и бездѣятельности. Какъ ни странно, но именно въ эту эпоху барометръ показалъ готовность толпы относиться съ презрѣніемъ къ какимъ бы то ни было актив-

нымъ стремленіямъ, ея разочарованное отрицаніе прошлаго и насмѣшливое отношеніе къ будущему. Театральная толпа конца 60-хъ годовъ не безучастна къ земному и не безстрастна, но какъ ни странно примѣненіе слова снобизмъ, къ толпѣ, состоявшей изъ чиновниковъ, заурядныхъ студентовъ, купцовъ, приказчиковъ, разночинцевъ, но черты снобизма были въ театральной толпѣ 60-хъ годовъ, быстро пережившей и пробужденіе, и надежды, и удары, и разочарованія, и колебаніе, и отрицательное отношеніе къ прошлому и будущему.

II.

Русскій зритель пробудился еще въ концѣ николаевскаго царствованія. Періодъ внѣшней правительственной реакціи былъ для театральной толпы временемъ активной дѣятельности, моментомъ ясныхъ стремленій и опредѣленныхъ требованій. Хотѣли изображенія дѣйствительности, требовали ознакомленія съ жизнью Россіи, желали приближенія сцены къ ежедневному и обыденному. Устали воодушевляться похожденіями незнакомыхъ героевъ, распаленными страстями чуждыхъ людей; ждали былыхъ восторговъ отъ иныхъ картинъ, надѣялись на прежнія наслажденія отъ изображенія знакомаго и близкаго. И когда это пришло, когда бытъ со своими темными сторонами былъ показанъ зрителю, а, вслѣдъ за его появленіемъ, во внѣшней жизни Россіи произошли событія, указавшія на многочиленныя общественныя несовершенства, тогда въ театръ пришла общая царившая въ литературѣ и въ жизни страсть къ разоблаченіямъ и указаніямъ на гражданскую безпорядочность. Какъ прежде иноземные герои изливали на сценѣ свою страсть въ пылкихъ монологахъ, указывавшихъ на необузданность желаній, такъ теперь громоносные монологи неслись со сцены по поводу злоупотребленій чиновниковъ и необходимости измѣнить русскую жизнь. Обвиняли, оправдывали, спорили, полемизировали; сцена какъ бы превратилась въ трибуну, зрительную залу, въ „собраніе“. Надимовъ Соллогуба („Человѣкъ“) съ пылкостью новообращеннаго нападалъ на взяточничество и недобросовѣстность чиновниковъ. Герой Львова („Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“ или „Предубѣжденіе“) со сцены полемизировалъ съ Надимовымъ; онъ отстаивалъ мелкихъ чиновниковъ и нападалъ на крупныхъ. Онъ защищалъ тѣхъ, на кого нападали всѣ, и публика Александринскаго театра, въ значительномъ количе-

ствѣ состоявшая изъ чиновниковъ, кричала ему и автору: „Спасибо! спасибо!..“ Было опредѣленное стремленіе къ измѣненію существующаго, жила ясная надежда, что вслѣдъ за этимъ измѣненіемъ жизнь превратится въ „добро зѣло“ [1]).

Обычныя сѣтованія театральныхъ рецензентовъ на отсутствіе хорошаго репертуара, на скудость достойныхъ театральныхъ новостей измѣнялись еще съ конца николаевскаго царствованія. „Съ нѣкотораго времени въ нашемъ русскомъ театрѣ, — писалъ рецензентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ 1851 году, — замѣтно что-то въ родѣ движенія впередъ, какое-то еще смутное, правда, стремленіе сойти съ избитаго проселочнаго пути на дорогу болѣе широкую. Можетъ быть, я ошибаюсь, но кажется, что вкусъ публики становится нѣсколько взыскательнѣе, что чахлые водевили, пересаживаемые на русскую сцену съ парижскаго театра, начинаютъ надоѣдать ей, что ей хочется чего-нибудь получше, да при томъ своего“. („С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1851, № 284). Рецензентъ не ошибся: движеніе было замѣтно, сильно и властно. „Не сѣтовать и не жаловаться, — восклицала та же газета въ началѣ 1853 года, — будемъ мы сегодня, а радоваться: Русская сцена пріобрѣла писателя съ самостоятельнымъ, прекрасно направленнымъ дарованіемъ... Намъ стоило большихъ усилій, чтобы не начать фельетона по-гомеровски воззваніемъ къ музѣ“... Эти восторженные отзывы объяснялись, главнымъ образомъ, появленіемъ Островскаго, но онѣ не прекращались и позднѣе, когда рѣчь заходила о сенсаціонныхъ новинкахъ, направлявшихся къ разоблаченіямъ. Было общее увлеченіе, чувствовалось единство въ ожиданіяхъ, вѣра въ какія-то возможности въ театрѣ и въ жизни.

И если отъ этой идилліи единенія, сказывавшейся въ творчествѣ писателей, торопившихся удовлетворить требованіямъ публики (даже Островскій написалъ въ эту эпоху „Доходное мѣсто“, поставленное по цензурнымъ условіямъ нѣсколькими годами позднѣе), — если отъ такихъ идиллическихъ картинъ мы прямо перешагнемъ къ театральнымъ отзывамъ и репертуару второй половины 60-хъ годовъ, мы будемъ поражены неожиданнымъ измѣненіемъ: увѣренность, опредѣленность, бодрость, единеніе перваго періода смѣнились разобщенностью, враждебностью, растерянностью въ 60-хъ го-

---

[1]) Подробно о зрителяхъ и театрѣ 50-хъ годовъ я говорю въ „Голосѣ минувшаго“ (Сентябрь, 1916 г.).

дахъ. Правда, и въ томъ и въ другомъ періодѣ игрались во множествѣ пьесы безразличныя; и въ 50-хъ и даже въ 60-хъ годахъ было ныряніе въ глубину старой мелодрамы, водевильнаго зубоскальства, воскрешенія старины. Но то, что можно назвать боевымъ, характеризующимъ эпоху репертуаромъ, разнилось въ обѣ эпохи, какъ гармонія отъ разноголосицы.

Въ первый періодъ „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей" могъ на сценѣ полемизировать съ „Чиновникомъ", но самая полемика указывала на единство настроенія, на опредѣленность общихъ взглядовъ. Соллогубъ нападалъ на мелкаго чиновника за его взяточничество, невѣжество, негодность для занимаемаго поста и предлагалъ замѣнить бѣдняка состоятельнымъ человѣкомъ, чтобы уничтожить соблазнъ взяточничества. Львовъ спорилъ и доказывалъ, что между маленькими чиновниками есть истинно честные люди, а вотъ крупные-то, прикрываясь шумихой громкихъ фразъ, позволяютъ себѣ творить истинно скверныя дѣянія. Но ни тотъ, ни другой, ни кто-либо третій не позволили бы себѣ въ этотъ періодъ доказывать, что вообще гражданственность — вздоръ, что сторонники реформъ — только „говоруны", а въ корнѣ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій лежатъ гадкій расчетъ и своекорыстіе. Нѣтъ, нѣтъ! — заявляли тогда, — обличайте, призывайте, кричите на всю Россію (слова Надимова въ „Чиновникѣ" Соллогуба), долой взяточничество, да исправятся воры, да займетъ мѣсто продажнаго столоначальника или станового молодой идеалистъ съ благороднымъ сердцемъ и пылкимъ стремленіемъ облагодѣтельствовать Россію своими полицейскими погонами. Тогда „обличительное слово лилось съ каждаго пера" и благородный столоначальникъ получалъ въ награду сердце и руку вдовы-графини, а благородный становой дѣлался зятемъ богатаго генерала. Театральная публика этихъ призывовъ требовала, благороднымъ становымъ сочувствовала, исправленія порядковъ ждала.

Но вотъ наступили 60-е годы. Какъ мало прожито, какъ много пережито! Чиновникъ надоѣлъ; надоѣло и многое, вмѣстѣ съ нимъ волновавшее и прельщавшее публику конца 50-хъ годовъ. Сцена жила быстро, торопясь удовлетворить требованіямъ, несшимся изъ взволнованной, кипѣвшей все новыми впечатлѣніями зрительной залы. Какъ „гость благодатный съ чужой стороны", показался и безвозвратно прошелъ счастливый періодъ незатуманенныхъ надеждъ, безгрозныхъ небесъ, наивныхъ ожиданій, казавшагося неразрывнымъ объ-

единенія. Наступило похмелье, минутами тяжелое, нудное, зловѣщее, минутами отпускающее и опять поселяющее въ душѣ какія-то надежды. Воцарилась вражда, подозрительность, осужденіе.

Если сравнить пьесы Соллогуба, Львова, Потѣхина, поставленныя въ концѣ 50-хъ годовъ, многочисленныя произведенія менѣе извѣстныхъ авторовъ, прославлявшихъ даже въ заглавіяхъ „Честность", — если сравнить ихъ съ „Гражданскимъ бракомъ", съ „Расточителемъ", съ „Говорунами", съ тѣмъ „современнымъ" репертуаромъ, который подавался позднѣе, то, не зная условій русской жизни, нельзя понять, какъ съ такой быстротой могли мѣняться требованія зрителей. Нужно хотя бы минутное воскрешеніе въ памяти той атмосферы, въ которой жилъ за послѣдніе годы этотъ приходившій по вечерамъ въ театръ зритель.

III.

Надо вспомнить, черезъ какую массу переживаній прошелъ обыватель отъ николаевской эпохи до 66-го или 67-го годовъ. Надо вообразить себѣ ту гнетущую тишину, которая послѣдовала въ Россіи вслѣдъ за событіями 48-го года на Западѣ. Боялись всего; особенно подозрительно относились къ печати, къ театру, ко всему, гдѣ звучало „слово". Попечитель учебнаго округа, высказывавшій пожеланіе, чтобы въ Россіи никто не смѣлъ и не могъ читать романовъ, или великій князь Михаилъ Павловичъ, говорившій Красовскому о своемъ „глубокомъ отвращеніи" къ журналистамъ и къ журналамъ, были далеко не одни. Да они и не доходили до самыхъ верховъ подозрительности и брезгливости по отношенію къ слову: романы и журналы даже николаевскаго времени могли претендовать на волненіе умовъ. Истинные герои времени заподозрѣвали все. Министръ съ ужасомъ взиралъ на гадальную книгу, допрашивая цензурный комитетъ, на какомъ основаніи она пущена въ свѣтъ и почему ея авторъ рѣшается думать, будто звѣзды оказываютъ вліяніе на судьбу людей. Комитетъ не могъ ничего отвѣтить, кромѣ того, что ему неизвѣстны основанія, на которыхъ авторъ строитъ свое убѣжденіе во вліяніи звѣздъ на судьбу человѣка. Пріобрѣтая въ такихъ вопросахъ начальства руководство къ своей дѣятельности, цензурные дѣятели боялись безъ подтвержденія министра разрѣшать въ географическомъ сочиненіи помѣще-

ніе свѣдѣній о томъ, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Но если географія могла найти спасеніе въ многообъемлемости министерскихъ знаній, то исторія ни въ комъ не находила поддержки: разъ навсегда она должна была забыть, что между римскими императорами значились такіе, которыхъ убили ихъ собственные подданные: исторія могла лишь свидѣтельствовать, что они „погибли". И даже когда прежнее царствованіе кончилось, когда ждали новыхъ событій, устрашенная цензура боялась пропустить сказку о Конькѣ-Горбункѣ на томъ основаніи, что въ ней излагаются „несбыточныя происшествія".

И вдругъ общество почувствовало, что надъ нимъ нѣтъ прежняго гнета; была въ первое время робкая недовѣрчивость, потомъ радость, надежда, распрямленіе затекшихъ конечностей. Даже угрюмый, пессимистически настроенный Никитенко заносилъ въ свой дневникъ: „И въ обществѣ начинаетъ прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей... Многіе у насъ теперь даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ отправленіемъ дѣлъ". Восторженная В. С. Аксакова въ первый же моментъ послѣ полученія извѣстія о происшедшей перемѣнѣ въ царствованіи писала: „Всѣ невольно чувствуютъ, что какой-то камень, какой-то прессъ снятъ съ каждаго, какъ-то легче стало дышать; вдругъ возродились небывалыя надежды; безвыходное положеніе, къ сознанію котораго почти съ отчаяніемъ пришли, наконецъ, всѣ, вдругъ представилось доступнымъ измѣненію". (Дневникъ В. С. Аксаковой, стр. 66.)

Бюрократія, взяточничество, лихоимство, злоупотребленія, — долго таившіяся слова, — выступили не какъ „мани, текелъ, ѳаресъ", не какъ непонятная и зловѣщая угроза, а какъ свидѣтельство о возможности, если не требовать, то громко желать лучшаго и говорить, говорить, говорить.

Пытались, впрочемъ, и дѣлать. Устраивали воскресныя школы, читали лекціи, открывали женщинамъ дверь въ университетъ, въ медицинскую академію. Казалось, что не только въ результатахъ полученія знаній посѣтителями воскресныхъ школъ скрыта необыкновенная польза, но что въ самомъ ихъ существованіи, въ работѣ для нихъ, въ провозглашеніи ихъ необходимости заключается тотъ самый „прогрессъ", о которомъ запрещено было говорить въ офиціальныхъ бумагахъ. Не только научныя пріобрѣтенія могла дѣлать женщина, проникая въ святилища науки, открытыя до сихъ поръ только

для мужчинъ, но самымъ фактомъ своего проникновенія въ эти очаги она совершаетъ уже какой-то подвигъ просвѣщенія и гражданственности. „Я рвалась раздѣлить участь тѣхъ нѣсколькихъ женщинъ,—сестеръ Конради, Богдановой и др.,—которыя рѣшились вступить въ университетъ и пошли на первую лекцію Костомарова, но мать не пустила меня и поѣхала сначала одна“, — разсказываетъ Е. Ф. Юнге... Раздѣлить участь! Точно дѣло идетъ о ссылкѣ въ каторжныя работы, о смертной казни, во всякомъ случаѣ, о подвигѣ. „Я провела часы ея отсутствія въ большомъ волненіи и бунтовала, — продолжаетъ Юнге; — во что бы то ни стало буду на лекціяхъ, пойду одна, пойду противъ мамы... Къ моей радости она вернулась очень довольная, и на третьей, кажется, лекціи я уже присутствовала. Съ какимъ священнымъ трепетомъ я вступала въ университетъ, какъ все въ немъ, чуть ли не самыя стѣны, внушало мнѣ чувство благоговѣнія, какъ скоро стало близкимъ и роднымъ. Студенты были очень любезны съ дамами. Въ большой, биткомъ набитой актовой залѣ... намъ всегда сохраняли лучшія мѣста; съ незнакомыми прежде молодыми людьми мы встрѣчались какъ съ братьями. Говорили, спорили безъ конца; вся зала гудѣла, какъ пчелиный рой“. (Воспоминанія Е. И. Юнге 1843—1863, стр. 215.) „Въ этотъ счастливый годъ общественная жизнь,—поясняетъ Юнге,—широко развернулась: конца не было лекціямъ, публичнымъ чтеніямъ, литературно-музыкальнымъ вечерамъ“. Устраивались публичные диспуты. Казалось необыкновенно важнымъ для прогресса, чтобы въ спорѣ Костомарова съ Погодинымъ о происхожденіи варяговъ правымъ оказался первый, а не второй:... „Жмудь стала нашимъ лозунгомъ, нашимъ знаменемъ. Когда Костомаровъ всталъ, раздался такой аплодисментъ, такой крикъ, что долго не могли его прекратить; тщетно раздавались: „Довольно! по мѣстамъ“, — все гудѣло и ревѣло“...

Все это возбужденіе отъ разоблаченій, просвѣтительныхъ стремленій, хлопотъ о прогрессѣ, объ эмансипаціи отразилось въ театрѣ тѣми выступленіями, о которыхъ было говорено выше. Начались призывы къ дѣлу, началась оргія чиновничьихъ разоблаченій, монологи о честности, общественномъ служеніи, борьбѣ съ неправдой. Переносили реформаторскую дѣятельность въ деревню, и театръ откликался на заботы о народѣ безконечной серіей народныхъ драмъ и деревенскихъ комедій. „На партеръ вѣетъ однимъ лишь запахомъ дубле-

ныхъ полушубковъ и трудового пота нашихъ меньшихъ братій", — жаловались нѣкоторыя газеты.

Жили быстро. Наблюдатель эпохи заносилъ въ дневникъ впечатлѣнія отъ общественнаго большого „озера, въ глубинѣ котораго дѣйствуютъ подземные огни". Казалось, будто все кипитъ и волнуется, и мѣняется. „Нѣтъ ни одной вчерашней мысли, какъ бы она ни была основательна, которая сегодня уже не казалась бы старой... Какая-то невидимая сила, какъ бѣсъ, гонитъ насъ, кружитъ, выбрасываетъ изъ колеи!" Можетъ быть, и не съ такой головокружительной быстротой мѣнялись идеи, какъ это казалось Никитенкѣ, но послѣ тихихъ лѣтъ николаевскаго царствованія шумъ оглушалъ и утомлялъ однихъ, возбуждалъ и подгонялъ другихъ.

Такъ жили стремительной, чего-то ожидавшей, окрашенной будущими отблесками жизнью. Но 61-й годъ — грань, за которой объединеніе кончилось, началась вражда, взаимныя оскорбленія въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣмъ можно было говорить, одностороннія обвиненія потомъ, когда право на слово сдѣлалось достояніемъ одного направленія.

Помимо извѣстной розни взглядовъ на крестьянскую реформу, въ которой находили несовершенство и недостаточность одни и чрезмѣрность другіе, — самый вопросъ о реформахъ волновалъ и заставлялъ ждать катастрофъ. Уже въ началѣ 61-го года подозрительность поднимаетъ голосъ противъ воскресныхъ школъ; уже подается въ высшія сферы записка объ ихъ пагубности; но пока школы еще встрѣчаютъ защитниковъ во вліятельныхъ кругахъ: отъ нихъ ждутъ пользы, имъ приписываютъ важное государственное значеніе. Борьба за просвѣщеніе оканчивается временно побѣдой послѣдняго. Но подозрительность уже проснулась, и воскреснымъ школамъ не сдобровать, какъ не сдобровать „свободному слову". Въ „Искрѣ" напечатано: „Слышно, будто въ нынѣшнемъ году явится новая планетная система въ Млечномъ Пути, новое солнце съ 14-ю спутниками главными и 208 малымъ; что въ теченіе 10 лѣтъ оттуда каждый мѣсяцъ будетъ падать на землю и именно въ Россію, такое огромное количество печатныхъ листовъ, что они покроютъ все наше отечество... Подозрительныя очи цензоровъ различаютъ: 14 главныхъ спутниковъ— члены высокопоставленной семьи, 208 малыхъ — столько же генераловъ и флигель-адъютантовъ; печатные листы—кредитные билеты". Идутъ, допрашиваютъ, обсуждаютъ, какіе принять мѣры, пока не находятъ объясненіе въ рекламѣ объ изда-

ніи энциклопедическаго словаря Краевскимъ: „солнце — самъ Краевскій, у него 14 редакторовъ и 208 сотрудниковъ, 10 лѣтъ— срокъ изданія лексикона, выпуски котораго будутъ являться ежемѣсячно“.

Это — смѣшные пустяки, но пробудившаяся подозрительность не стихаетъ, какъ не замираютъ испытываемая частью общества жажда дѣятельности и ощущаемое другой частью безпокойство. Поводовъ для жажды и безпокойства много. Ждутъ 19 февраля объявленія манифеста о волѣ. Его нѣтъ, боятся крестьянскихъ волненій изъ-за его отсутствія. Онъ появляется 5 марта, и крестьянскія волненія не заставляютъ себя ждать. Присоединяется смута въ университетѣ. Студентовъ арестовываютъ, допрашиваютъ въ Петропавловской крѣпости; оставшіеся на свободѣ не хотятъ брать „матрикулъ“ съ новыми правилами университетскаго распорядка. Изъ одной столицы волненіе переносится въ другую; происходитъ столкновеніе учащейся молодежи съ чернью, которая немилосердна къ студентамъ, подозрѣвая въ нихъ сторонниковъ крѣпостного права. Но въ обществѣ университетское движеніе расцѣнивается иначе: „Всѣ точно объѣлись дурману,— ужасается лѣтописецъ, — всѣ на студентовъ смотрятъ, какъ на мучениковъ“ (Никитенко, т. II, стр. 48). „Само правительство еще не уяснило себѣ своихъ видовъ“, — отвѣчаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, когда ему задаютъ вопросъ о направленіи, которое должна принять новая правительственная газета. Еще реакція не вполнѣ охватила эти слои; еще колеблются, какой путь избрать. Но уже видятъ передъ собой что-то страшное, какую-то назрѣвающую смуту. „Настоящее молодое поколѣніе, — говорится въ запискѣ, представленной въ главное управленіе цензуры 11 ноября 1861 года, — большею частью воспитывается на идеяхъ „Колокола“, „Современника“ и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ „Русскаго Слова“. Въ извѣстномъ возрастѣ, при извѣстной степени умственнаго возбужденія и развитости, умами овладѣваетъ родъ сладострастія мысли, не менѣе пылкаго и обаятельнаго, какъ и сладострастіе физическое“... Чтобы унять сладострастіе, предполагаютъ закрыть „Русское Слово“ и „Современникъ“, но пока ограничиваются предостереженіемъ: позднѣе, когда событія кажутся принимающими совсѣмъ зловѣщій оборотъ, ихъ закрываютъ навсегда.

Въ части общества, наиболѣе привыкшей къ тихой подавленности николаевскаго времени, безпокойства и тревожныя

ожиданія сильны. Что-то волнующее носится въ воздухѣ; говорятъ о подметныхъ письмахъ, о какихъ-то тайныхъ силахъ, угрожающихъ бѣдствіями. Одни смѣются надъ страхами, другіе откровенно предаются имъ. Въ маѣ 1862 года начинаются пожары. Одновременно загорается въ нѣсколькихъ мѣстахъ столицы. На другой день то же, на третій опять. Говорятъ о поджогахъ; увѣряютъ, что нѣкоторыхъ поджигателей поймали, что въ подметныхъ письмахъ и прокламаціяхъ обѣщаются еще пожары, что огонь грозитъ всей столицѣ. Тревога растетъ; обыватель боится отойти далеко отъ дома; выходя на улицу, онъ видитъ облака дыма: горитъ Щербаковъ переулокъ, въ огнѣ Троицкій, пожаръ на Пескахъ, весь Апраксинъ дворъ уничтоженъ, истреблены лавки Щукина двора... Душа трепещетъ въ ожиданіи новыхъ бѣдствій; каждую минуту приходитъ вѣсть о новыхъ пожарахъ, по большей части фантастическихъ, но тѣмъ болѣе ужасныхъ. Изъ столицы страхи переносятся вглубь страны, еще болѣе преувеличенные, приковывающіе къ себѣ вниманіе и зажигающіе сердце обывателя ненавистью къ поджигателямъ, „прогрессистамъ", „новаторамъ", „реформаторамъ".

При такихъ условіяхъ колебанія правительства невозможны: было бы преступнымъ нерадѣніемъ по службѣ, если бы въ подобныхъ обстоятельствахъ дозволить безпрепятственное существованіе воскресныхъ школъ и дать покой печати, — закрываютъ воскресныя школы, останавливаютъ на 8 мѣсяцевъ „Русское Слово" и „Современникъ". Но безпокойства обывателя не останавливаются; говорятъ о массовыхъ отравленіяхъ, о какихъ-то покушеніяхъ, о новыхъ угрозахъ, брошюрахъ, прокламаціяхъ. Начальственное око не дремлетъ: арестовываютъ Писарева, подвергаютъ заключенію Чернышевскаго.

Приходитъ 1863 годъ, а съ нимъ польскій вопросъ принимаетъ чрезвычайно острый характеръ. Поднимается Катковъ, теряетъ въ авторитетѣ Герценъ; реакція находитъ въ настроеніи значительной части обывателей благопріятную почву. Даже умѣренные одобрительно относятся къ тому, что женщинъ рѣшено болѣе не допускать въ медико-хирургическую академію. Студентка представляется испуганному воображенію непремѣнно въ видѣ „нигилистки" съ остриженными волосами, папироской во рту, въ очкахъ! Появляется „Взбаламученное море" Писемскаго; Лѣсковъ, ранѣе еще пошатнувшій свою репутацію статьей въ „Сѣверной Пчелѣ", публикуетъ романъ „Некуда".

Настроеніе одной части общества рѣзко опредѣляется; другая, оскорбляемая и подозрѣваемая, обособляется. Между ними — колеблющійся слой, прибѣгающій къ возгласамъ „караулъ“, когда угрожаетъ опасность отъ „нигилистовъ“, и втихомолку возмущающійся правительствомъ, когда реакція жестоко запускаетъ когти въ тѣло общественнаго обновленія. Бѣгутъ встрѣтить на вокзалъ Муравьева, прославившагося извѣстными подвигами въ Западномъ краѣ, но относятся съ осужденіемъ къ приговору надъ Чернышевскимъ, — осужденіемъ, не идущимъ, впрочемъ, дальше молчаливой передачи близкимъ знакомымъ протестующихъ замѣчаній насчетъ неосновательнаго судебнаго рѣшенія. Лишь одна молодая дѣвушка находитъ въ себѣ достаточно рѣшимости, чтобы бросить приговоренному букетъ цвѣтовъ, когда его возводятъ на эшафотъ для прочтенія приговора. Она тотчасъ же становится добычей жандармовъ. „Эхъ“ — укоризненно вздыхаетъ въ своемъ дневникѣ Никитенко по поводу этого новаго ареста.

IV.

Театръ при такихъ условіяхъ растеривается. Онъ не знаетъ, какъ угодить этой „взбаламученной“ разностремительной, обезпокоенной владычицѣ. Сцена продолжаетъ въ одной части служить тѣмъ чувствамъ, которыя были такъ живы нѣсколько лѣтъ назадъ: долгъ гражданина, служеніе обществу, самостоятельность женщины — лозунги, вызывающіе къ жизни эти чувства. Но для значительной части публики, лозунги потеряли интересъ новизны; другая къ нимъ уже холодно-враждебна. Театръ имѣетъ въ виду и эту другую; для нея онъ осмѣиваетъ нигилистовъ, доказываетъ глупости гражданскаго брака, негодяйство „говоруновъ“, шарлатанскую сущность „прогрессистовъ“. Нѣкоторыя экскурсіи въ эту область встрѣчаются съ большимъ интересомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ пріятно, когда „нигилистъ“, который передъ этимъ такъ высоко поднялъ голову, такъ пренебрежительно смотрѣлъ на всѣхъ, такъ много заставилъ тревожиться, появится на сценѣ разоблаченнымъ во фразерствѣ, негодныхъ поступкахъ и отвратительной внутренней сущности. Такая пьеса, несомнѣнно, должна пріятно взволновать и доставить наслажденіе всей той публикѣ, которая и прежде, можетъ быть, не съ большимъ удовольствіемъ слѣдила за разоблаченіями стараго и вторженіями новаго. Она будетъ принята съ радостью всѣми устав-

шими отъ разоблаченій, гражданскихъ призывовъ и связанныхъ съ ними безпокойствъ. Часть зрителей будетъ взволнована пьесой по другимъ причинамъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если оперетка Бутковскаго „Женскій клубъ", гдѣ Стрѣльская и Антарова, по словамъ „Антракта" (1867 г., № 20), хорошо копировали костюмъ нигилистокъ и ихъ пріемы, дѣлитъ театръ на двѣ части: одна восторженно аплодируетъ, другая безудержно шикаетъ.

Театръ не знаетъ, куда двинуться, по какой равнодѣйствующей направить путь. Въ дѣйствительной жизни наступаетъ время путаницы, противоположныхъ теченій, противорѣчивыхъ вліяній, — время, которое Гл. Успенскій изобразилъ, въ картинномъ сопоставленіи Рубинштейна, съ волкомъ. „Изъ превосходнаго вагона желѣзной дороги, — писалъ Успенскій, — пассажиръ вылѣзаетъ прямо въ лужи грязи, грязи непроходимой, изъ которой никто не придетъ васъ вынуть, потому что машина прошла въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отроду не было ни народу, ни дорогъ... Прежняя, старинная грязь и лужи прежніе гнилые заборы съ нищими на углу, поющими „подайте, Христа ради", а надъ головой нищей, на томъ же углу, „Парижская жизнь", оперетка, изуродованные куплеты которой заглушаются буханьемъ въ колоколъ у Никитья, гдѣ завтра престолъ. Вдругъ, нежданно-негаданно налетитъ по желѣзной дорогѣ Рубинштейнъ, Давыдовъ... Вдругъ забѣжитъ волкъ и перекусаетъ возвращающихся съ концерта меломановъ..." Къ этимъ сопоставленіямъ новшествъ и старины въ жизни можно было бы прибавить сообщеніе „Московскихъ Вѣдомостей" (1868 г., № 15) о томъ, что въ вагонѣ 2-го класса Николаевской желѣзной дороги, „при переѣздѣ изъ Петербурга въ Москву" замерзъ пассажиръ...

И этотъ волкъ, и Рубинштейнъ, и прекрасный вагонъ 2-го класса, холодный до того, что тамъ до смерти замерзаютъ люди, переносятся и въ театръ. Часть публики за Рубинштейна, за новизну, за всѣ тѣ призывы, которые уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, неслись со сцены. Другая лучше готова видѣть волка, лишь бы Рубинштейнъ и все то новое, что съ нимъ, не давало бы своихъ концертовъ. Обличенія со сцены не прекращаются, но ихъ объектомъ становится уже не чиновникъ, предметомъ ихъ конечнаго стремленія не новизна: обличаютъ прежнихъ обличителей, кричатъ противъ „нигилистовъ", стараются опрокинуть все то новое, что поднималось противъ старыхъ устоевъ. Параллельно идутъ и прежніе

выпады, раздаются громкіе призывы къ „дѣлу“, къ общественности, къ гражданственности. Рубинштейнъ все-таки продолжаетъ „налетать“, но и волкъ не прекращаетъ набѣговъ, и сцена представляетъ собой нѣчто многоликое, гдѣ тенденціи впередъ и назадъ борются и одинаково поражаются, не побѣждая. Все-таки насмѣшки надъ прежними обличителями какъ будто больше нравятся публикѣ, чѣмъ повторенія уроковъ о борьбѣ со стариной. Слишкомъ уже знакомы эти уроки: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они раздавались, не умолкая, и прискучили. Насмѣшки надъ обличителями — нѣчто новенькое, въ нихъ больше разгула, меньше требовательности, въ нихъ — возможность для массы посмѣяться надъ тѣмъ, чего не понимаешь.

Однако направленіе конца 50-хъ годовъ сдается не сразу. Призывы и обличенія продолжаются и временами имѣютъ даже колоссальный успѣхъ. Рекомендуются новые типы молодыхъ людей, дѣятели „реформеннаго“ періода, рѣзкіе, строгіе, преслѣдующіе какія-то важныя общественныя цѣли, которыми оправдывается ихъ строгость и рѣзкость. Они говорятъ о многомъ, говорятъ, между прочимъ, объ ужасахъ крѣпостного права, уже сошедшаго въ вѣчность, о необходимости освобожденія женщины, о трудѣ, дѣлѣ, долгѣ, о чемъ-то неопредѣленномъ, но важномъ.

Крѣпостное право уже приказало долго жить, но ужасы рабства представляются и въ художественной, и въ дидактической формѣ. „Горькая судьбина“, написанная еще до знаменитаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ, появляется лишь въ эту эпоху. Она имѣетъ огромный успѣхъ: разъ за разомъ она выдерживаетъ 12 представленій съ непрерывающимися аплодисментами, вызовами, восторгами. Нѣкоторыя сценическія воспоминанія о крѣпостномъ правѣ удостаиваются офиціальнаго признанія. Авторы пьесы „Было да прошло“ получаютъ отъ государства по бриллiантовому перстню въ воздаяніе за ихъ заслуги по дискредитированію отжившаго и осужденнаго института. Рецензенты находятъ, что дискредитированіе въ значительной степени запоздало, но публика не согласна: „Было да прошло“ выдерживаетъ въ одномъ сезонѣ 18 представленій, постоянно встрѣчаемое одобрительными возгласами. „Помѣшанный“ Ѳедорова изображаетъ ужасы предразсудковъ, связанныхъ съ отжившимъ институтомъ; онъ не забываетъ, впрочемъ, напомнить и о благородныхъ дѣяніяхъ новаго послѣкрѣпостного начальства, — уничтожаю-

щаго старую неправду. Помѣщикъ, — разсказываетъ пьеса, — вознамѣрился жениться на крѣпостной дѣвицѣ; родные жениха увидали въ этомъ удобный поводъ, чтобы объявить его сумасшедшимъ. Все грозило торжествомъ неправды, все клонилось къ гибели безкорыстнаго помѣщика и достойной, хотя и крѣпостной, дѣвицы, если бы не вмѣшательство новаго хорошаго губернатора, при посредствѣ котораго злая махинація потерпѣла пораженіе.

На ряду съ ужасами крѣпостного права изображаются ужасы подневольнаго положенія женщины, демонстрируется геройство молодыхъ дѣвушекъ, старающихся искоренить неправду. Лиза Ѳомина (въ пьесѣ того же названія), дочь богатаго купца, внезапно узнала, что родитель ея негодяй, что онъ не платитъ долговъ, разоряетъ кредиторовъ, прячетъ въ подвалъ деньги, болѣе чѣмъ достаточныя для расплаты. Она выноситъ изъ подвала денежные мѣшки, отдаетъ ихъ, кому велитъ справедливость, пишетъ прощальное письмо жениху и... бросается въ воду. Зрители хлопаютъ и рыдаютъ; имъ нравится это соединеніе старой мелодрамы съ новыми мотивами, утрированныя страданія самоубійцы съ эмансипированной рѣшимостью молодой дѣвушки. „Бѣдная племянница“ не имѣетъ успѣха „Лизы Ѳоминой“, но все же не проходитъ незамѣченной. Здѣсь женскій трудъ, женское справедливое стремленіе и женская приниженность. Но смѣлости въ авторѣ нѣтъ: трудъ, которымъ занимается героиня, вполнѣ приличенъ, это — не медицина, не наука, не конкуренція съ мужчиной, нуждающаяся непремѣнно въ стриженыхъ волосахъ и очкахъ; бѣдная племянница — художница, получающая за свои рисунки и картины большія деньги. Но художница живетъ у негодяйки-тетки, которая эксплоатируетъ работу бѣдной племянницы, пользуется ея деньгами и въ довершеніе негодяйства старается отбить у несчастной труженицы богатаго жениха для своей дочери... Къ счастью, дѣло кончается благополучно, и милліонеръ жениться на Ольгѣ.

Но все это какъ бы матеріалъ для поученій. Другія пьесы учатъ „эмансипаціи“, требуютъ самостоятельности женщины, указываютъ на небходимость свергнуть „вѣковой“ гнетъ. „Виноватая“ Потѣхина — пьеса обличающая и самодурство, и инертность, карающая устами прогрессивнаго наблюдателя и тирановъ жертвъ, и гнетущихъ, и раздавленныхъ. Она „виноватая“, выданная за нелюбимаго деспота-мужа, терпитъ до тѣхъ поръ, пока умный и прогрессивный Шабровъ до-

казываетъ ей, что необходимо жить въ бо́льшемъ согласіи съ принципами личнаго влеченія. Она бѣжитъ отъ нелюбимаго мужа къ родителямъ, которые возвращаютъ ее мужу. Покрытая позоромъ, осужденная родителями, угнетаемая мужемъ и презираемая умнымъ и прогрессивнымъ Шабровымъ „виноватая“ умираетъ при общемъ сочувствіи зрителей.

Шабровъ, укоряющій „виноватую“, — идейный человѣкъ. Этотъ типъ продолжаетъ занимать видное мѣсто въ пьесахъ прогрессивныхъ, но онъ пристраивается и къ пьесамъ противоположнаго характера. „Отечественныя Записки“ сравниваютъ идейнаго человѣка современныхъ имъ пьесъ съ закупоренной бутылкой. Дѣйствіе развивается какимъ-нибудь своимъ путемъ, завязывается, и потихоньку развязывается „узелъ“ пьесы, но въ опредѣленный моментъ актеръ-бутылка (имъ на Александринской сценѣ, увѣряетъ журналъ, всего чаще является Нильскій) откупориваетъ себя, и пѣна идейности начинаетъ покрывать всѣ діалоги и дѣйствія окружающихъ: вся пьеса — лишь длинное приложеніе къ короткимъ идеямъ, вложеннымъ въ бутылку авторомъ.

Прогрессивныхъ бутылокъ еще много въ эту эпоху. „Отрѣзанный ломоть“ Потѣхина лишь въ этотъ моментъ находитъ мѣсто на сценѣ. Долго его не пускали за чрезмѣрное недовѣріе къ дворянскому сословію, но, наконецъ, пустили. Шумный успѣхъ сопровождалъ выступленіе на сцену молодого дѣятеля, отметавшагося отъ стараго, громившаго прежнее, добровольно становившагося отрѣзаннымъ ломтемъ. Конечно, никто изъ зрителей не могъ бы сказать, что дѣлалъ или намѣривался дѣлать „дѣятель“. Цѣли его были смутны; плановъ какъ будто не существовало; онъ лишь рѣзко обнаруживалъ отчужденность отъ другихъ людей своего круга и во имя этой отчужденности подавалъ руку приходившимъ къ нему крестьянамъ, сажалъ ихъ на кресла въ гостиной, что-то выслушивалъ, что-то обѣщалъ. Однако, кромѣ пожиманія рукъ и сажанія крестьянъ на кресло въ гостиной, дѣятельность отрѣзаннаго ломтя ни въ чемъ не проявлялась. Внезапно налетѣлъ онъ въ семью, обострилъ отношенія между самодуромъ-отцомъ, матерью и сестрой, обнаружилъ тяжелое положеніе крестьянъ и такъ же внезапно уѣхалъ, ничего не уладивъ, не исправивъ, даже не обнаруживъ желанія исправить и уладить. Въ теченіе 14-ти представленій показывалъ онъ превосходство мужика надъ старымъ бариномъ, пока начальство не нашло, что такая

демонстрація неприлична нашему строю, и не сняло пьесу съ репертуара. „Отрѣзанный ломоть“ приказалъ долго жить.

Это все — образцы тѣхъ воздѣйствій зрителя на репертуаръ, которыя можно отнести въ циклу „Рубинштейна“. Настоящаго рубинштейновскаго искусства здѣсь было очень мало, но всѣ вмѣстѣ они составляли нѣкоторый согласный концертъ, удовлетворявшій желанію той публики, которая продолжала жить недовѣріемъ къ старому, желала хорошихъ вагоновъ, а не родимыхъ лужъ и припѣва „Христа ради“. И если бы о психикѣ зрителя судить по количеству такихъ пьесъ „рубинштейновскаго“ цикла, то можно было бы придти къ заключенію, будто между 50-ми годами и этой эпохой большой разницы не было. Но для противодѣйствія этому циклу „волкъ“ выдвинулъ свой запасъ вліяній. Набѣги его изъ случайныхъ стали превращаться въ обычные; смѣлость росла; новое терпѣло пораженіе за пораженіемъ.

V.

Волкъ явился прежде всего осудителемъ „словъ“. Прежній лозунгъ „дѣло“ былъ принятъ и противоположнымъ направленіемъ, но принятъ съ цѣлью укорить и уронить „говоруновъ“. Однимъ изъ первыхъ укорителей выступилъ нѣкій Устряловъ съ пьесой „Слово и дѣло“. Нужна не мечта, необходимы не слова, а дѣло, хотя бы оно требовало жертвъ. Вертяевъ — человѣкъ дѣла. Онъ отвергаетъ все недѣловое, отрицаетъ музыку и даже приноситъ жертву: отказывается отъ брака съ любимой дѣвушкой ради дѣла. Чѣмъ же онъ занимается? Онъ дѣлаетъ мыло.

Путаница въ головахъ нѣкоторыхъ драматурговъ достигаетъ высочайшихъ размѣровъ. Направляя бѣгъ по накатанной поверхности прославленія „дѣла“, они приглашаютъ восхищаться даже подлостью, если въ ней скрыто стремленіе къ какому-то неопредѣленному, но важному дѣлу. Лозунгъ „меньше словъ, больше дѣла“ является и укоромъ говорунамъ-обличителямъ и въ то же время уступкой прогрессивному стремленію къ энергичному вмѣшательству въ жизнь. Получается нѣчто гибридное, безформенное, неопредѣленное и прежде всего нелѣпое. Молодой помѣщикъ Лабадинъ („Въ глуши“) желаетъ купить лѣсъ сосѣдней помѣщицы. Онъ — дѣятель, и, понятно, зритель въ представленіи автора долженъ сочувствовать покупкѣ лѣса и желать, чтобы помѣщикъ пріобрѣлъ его какими

угодно путями. Помѣщица не согласна на продажу ни при какихъ условіяхъ, кромѣ одного: пусть Лабадинъ женится на ея дочери. Дѣятель готовъ: онъ сейчасъ же предлагаетъ руку и сердце, ведетъ все дѣло къ благополучному концу, расточаетъ любезность и подготовляетъ покупку лѣса. Но когда дѣло съ купчей покончено, лѣсъ пріобрѣтенъ и надо ѣхать въ церковь для вѣнчанія, Лабадинъ благоразумно покидаетъ семью и предоставляетъ невѣстѣ право для предотвращенія позора выйти замужъ за пьяницу и урода. Драматургъ убѣжденъ, что среди другихъ ничтожествъ одинъ только Лабадинъ — не ничтожество и не мошенникъ: вѣдь онъ ведетъ „дѣло", какъ же ему иначе поступить? Это — проявленіе смѣшанныхъ желаній, свидѣтельство о стремленіи не совсѣмъ понимающаго моментъ драматурга отгородиться отъ „словъ" и понравиться публикѣ прославленіемъ дѣла.

Увы! онъ не попадаетъ въ русло современности. Та часть публики, которая продолжаетъ держаться прежняго стремленія къ гражданственности и общественному перерожденію, понимаетъ ускользающую отъ драматурга разницу между общественнымъ дѣломъ и личной выгодой; другая совсѣмъ не раздѣляетъ прежнихъ стремленій: она готова обличать слово, но не хочетъ призывовъ къ „дѣлу", она насыщена и мечтателями и нигилистами, и людьми дѣла; она носитъ въ сердцѣ недовѣріе къ новому и страхъ передъ нимъ. Въ значительной своей части она озлоблена переживаніями, испытанными и въ 61-мъ, и въ 62-мъ, и въ 63-мъ, и въ послѣдующихъ годахъ, и требуетъ удовлетворенія своей злобы сценой. Отвѣчая ея требованіямъ, торопится драматургъ сбросить съ пьедесталовъ тѣхъ кумировъ гражданственности, общественнаго перерожденія, честности, долга, которые только что были поставлены на нихъ. Новыя идеи осмѣиваются; новые люди изобличаются въ низостяхъ; новыя начинанія разбиваются.

Нескончаемое число пьесъ обрушивается съ насмѣшками и обличеніями на прежнихъ „обличителей", „нигилистовъ", „говоруновъ", соблазнителей молодыхъ сердецъ и молодыхъ умовъ. Все то новое, что въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ говорилось о семейныхъ основахъ, о правахъ женщины, о „разумныхъ" началахъ въ человѣческихъ отношеніяхъ, вновь подвергается осужденію, изобличается въ гнусностяхъ и отвергается. Огромный прочный, всероссійскій успѣхъ имѣетъ пьеса Чернявскаго „Гражданскій бракъ". Новыя мысли о лучшихъ семейныхъ отношеніяхъ, возмущеніе скован-

ностью и гнетомъ быта, мечты о большей свободѣ пригвождены къ позорному столбу, и это публичное распятіе недавнихъ увлеченій одобрено значительной частью зрителей. Носителемъ опозориваемыхъ идей является въ пьесѣ столичный чиновникъ Новосельскій. Онъ убѣждаетъ Любу Стахѣеву вступить съ нимъ въ гражданскій бракъ, добивается своего и черезъ нѣсколько времени бросаетъ обольщенную. И дѣянія, и мысли Новосельскаго, и гражданскій бракъ находятъ общительную оцѣнку въ рѣчахъ дѣйствующихъ резонеровъ пьесы, монологи и реплики которыхъ, однако, не спасаютъ Любу: она умираетъ отъ чахотки, прощая грѣхи присутствующихъ... Печальная повѣсть о страданіяхъ Любы и мерзостяхъ Новосельскаго, вскорѣ послѣ постановки на императорскихъ сценахъ и въ провинціи, издается отдѣльной книгой; изданію предпосылается предисловіе автора о значеніи брака. И своими утвержденіями, и своей полемикой съ осуждавшими пьесу авторъ подтверждаетъ ея значеніе, какъ враждебнаго выпада противъ новыхъ теченій.

Не одни только воззрѣнія на бракъ и семейныя основы осмѣиваются и разбиваются новой драматургіей. Всѣ новые люди, всѣ новыя стремленія оказываются, если не мошенническими, то пустыми и вздорными. „Говоруны“ Манна высмѣиваютъ и старичковъ, поклоняющихся „реформамъ“, и осудителей бюрократіи, „недоучекъ“, кричащихъ объ эмансипаціи женщины, и (нѣкоторая дань либерализму) чиновниковъ, по-начальнически рѣшающихъ дѣла безъ дѣйствительнаго знакомства съ ними. Всѣ эти „говоруны“ достойны не только осмѣянія, но и осужденія, потому что въ основѣ своей они негодяи, и возвышенное говореніе покрываетъ самыя низменныя побужденія. Старички, говорящіе о необходимости реформъ и правосудія, непремѣнно настаиваютъ на несправедливомъ рѣшеніи судебнаго дѣла въ ихъ пользу. Ненавистники бюрократіи хлопочутъ о полученіи хорошенькаго административнаго мѣстечка и рады открывающемуся передъ ними посту вице-губернатора. Студенты-недоучки, кричащіе объ эмансипаціи женщины, обираютъ собственныхъ сестеръ; крупные чиновники, думающіе своей повелительностью разрѣшить трудное дѣло, только еще болѣе запутываютъ его. Все низменно, все своекорыстно, все смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ пошло и подло.

Публика аплодируетъ. Увлеченіе прошло; восторги новымъ миновали; обличеніе направлено противъ тѣхъ, кто

видитъ въ „реформаторскихъ“ сужденіяхъ нѣчто положительное. Напрасно „Отечественныя Записки“ салтыковско-некрасовской редакціи пытаются остановить восхищеніе новыми обличителями, — и публика, и газетная пресса на сторонѣ расправы съ тѣми, кто еще такъ недавно своими проповѣдями увлекалъ всѣхъ. Либеральничающій „Голосъ“ въ восторгѣ отъ „Говоруновъ“, въ которыхъ онъ видитъ отсутствіе тенденціи. „Видно было, — говоритъ рецензентъ тотчасъ послѣ представленія, — что публикѣ понравилась вторичная (послѣ „Паутины“) попытка автора держаться въ сторонѣ отъ всякихъ тенденцій и общественныхъ вопросовъ. Новое произведеніе Манна не только не служитъ ни одной изъ современныхъ тенденцій, но и схватываетъ ихъ всѣ однимъ общимъ ироническимъ изображеніемъ, только подсмѣиваясь надъ ними. Прежде въ обществѣ нашемъ просто жили, служили, женились, кутили, а теперь все ставятъ разные вопросы и рѣшаютъ разныя задачи; каждый изъ нихъ воображаетъ себя реформаторомъ и политическимъ дѣятелемъ; создались въ воображеніи какія-то небывалыя партіи, и вся Россія заспорила и заораторствовала“. („Голосъ“, 1868, № 28.) Газетный критикъ, повидимому, убѣжденъ, что тенденціей называется приглашеніе въ повѣствовательной или драматической формѣ къ реформамъ и гражданской дѣятельности, а осмѣяніе этихъ стремленій и приглашеніе къ обратному должно носить имя „пребыванія въ сторонѣ отъ всякихъ тенденцій и общественныхъ вопросовъ“.

Проходитъ нѣсколько дней. „Говоруны“ продолжаютъ собирать съ публики дань заслуженныхъ одобреній. Рецензентъ „Голоса“ вновь посѣщаетъ театръ, взвѣшиваетъ аргументы за и противъ и съ убѣжденіемъ восклицаетъ: „Смѣло говоримъ, что возрастающій успѣхъ пьесы зависитъ отъ ея серьезныхъ достоинствъ“... Такими же серьезными достоинствами полны многія другія пьесы. Нѣкоторыя самыми названіями своими говорятъ о проникающей ихъ тенденціи: „Прогрессистъ-самозванецъ“, „Демократическій подвигъ“, „Общее благо“... Авторомъ послѣдняго является все тотъ же Маннъ, которому опять аплодируетъ публика и выдаютъ похвальный отзывъ театральные рецензенты. „Общее благо“, о которомъ такъ много и такъ краснорѣчиво говорили „въ тѣ дни, когда намъ было ново значеніе правды и добра“, оказывается, увы, то ширмой для гнусностей, то пустымъ звукомъ, не препятствующимъ своекорыстію его проповѣдниковъ. За

словами „общее благо“ общественный дѣятель, князь Хотьевскій, скрываетъ мелочное честолюбіе, охоту поживиться на общественныя деньги, полнѣйшее равнодушіе къ интересамъ окружающихъ людей. Другой общественный дѣятель, Былимовъ, любящій дочь князя, рѣшается на взятку для спасенія тестя. И этотъ выводъ: „всѣ люди, всѣ — человѣки, и всѣ мошенники“ охотно принимается публикой и той мелкой прессой, которая такъ часто выражаетъ мнѣніе рядового зрителя. „Авторъ показалъ, — говоритъ московскій карикатурный журналъ „Развлеченіе“, — что въ общественныхъ дѣятеляхъ, посвятившихъ себя безкорыстно честному служенію общему благу, таится далеко не то недосягаемое величіе, не та гражданская доблесть, въ которую они драпируются“. Журналъ особенно доволенъ смѣлостью автора, обличившаго еще такъ недавно „неприкосновенныхъ общественныхъ дѣятелей“.

Часть публики, однако, протестуетъ противъ такихъ заключеній. Пьеса „Прогрессистъ-самозванецъ“, въ которой неокончившій студентъ Пындрикъ очень печально рекомендуетъ своей фигурой „прогрессистовъ“, — одобряется частью публики, вызывающей автора пьесы. Другая часть недовольна и, когда со сцены объявляется, что „автора въ театрѣ нѣтъ“, съ облегченіемъ кричитъ: „И не надо! И хорошо, что нѣтъ!“

Отношеніе печати къ направленію драматургіи не одинаково. Есть органы опредѣленнаго политическаго настроенія, враждебнаго застою; они видятъ въ негодованіи новыхъ обличителей стремленіе угодить неустойчивой публикѣ, фальшивый паѳосъ, неискреннюю возмущенность. Они стараются предохранить читателей отъ тлетворнаго вліянія „новыхъ обличителей“, окрещивая ихъ направленіе названіемъ „положительнаго нигилизма“. Но большая часть публики не на ихъ сторонѣ.

Другіе органы сочувствуютъ новымъ обличителямъ. Третьи хотятъ оторвать театръ отъ политической и общественной озабоченности, на томъ основаніи, что сценѣ приличны ея собственные, а не гражданскіе интересы; она должна строго держаться въ области чистой художественности. Журналъ Баженова „Антрактъ“ настаиваетъ на возвращеніи къ классическому репертуару. „Довольно современныхъ негодныхъ пьесъ, — восклицаетъ онъ, — довольно нелѣпостей, гдѣ „въ припадкѣ словоблудства“ происходитъ травля жизни, „атуканье на жизнь“. Журналъ пользуется такимъ вліяніемъ въ

театральныхъ сферахъ, что его проповѣдь возвращенія къ классическому репертуару на нѣкоторое время увѣнчивается успѣхомъ: внимаетъ начальство, внимаютъ бенефиціанты, но внимаетъ ли публика?

Въ сѣверной столицѣ продолжаютъ ставить пьесы, „атукающія на жизнь"; Москва пытается воспроизводить Шекспира. Ставятся „Виндзорскія проказницы". Журналъ „Антрактъ" хочетъ лестью повліять на зрителей: „Наша, именно наша московская публика всегда съ большою чуткостью относилась и будетъ относиться ко всему истинно-прекрасному: одна уже университетская молодежь, которая всегда составляетъ значительную часть ея, развѣ можетъ отнестись равнодушно къ постановкѣ на московскую сцену шекспировскихъ пьесъ?" („Антрактъ", 1866 г., № 31.) Но „Виндзорскія проказницы" встрѣчаются зрителями холодно; „Мнимый больной" Мольера принимается нѣкоторой частью публики съ брезгливостью, и журналъ, только что прославлявшій „чуткость" Москвы, съ горечью долженъ констатировать нетерпимое отношеніе извѣстной части публики къ „промывательнымъ клистирамъ" у Мольера въ то время, какъ горячіе аплодисменты привѣтствуютъ г-жу Семенову, танцующую канканъ въ „Орфеѣ въ аду".

Тѣмъ не менѣе журналъ не уступаетъ; онъ настаиваетъ на постановкѣ классическихъ пьесъ, и настолько сильно его вліяніе, что репертуаръ Шекспира, Мольера, Кальдерона на нѣкоторое время воцаряется на сценѣ Малаго театра. Газеты другой столицы отмѣчаютъ быстрое превращеніе московской сцены въ классическую. Долго ли это продолжается, однако? „Антрактъ", отвѣчая газетамъ другой столицы, признаетъ, что въ началѣ сезона, дѣйствительно, такъ и было: представлялся Шекспиръ, въ обиліи игрался Мольеръ, видѣли Кальдерона, — все какъ будто шло такъ, какъ было бы желательно; повидимому, и публика привыкала къ образцовому репертуару, какъ пьяница къ трезвости. Но стоило показаться первой рюмочкѣ, какъ вся напускная трезвость пошла прахомъ, — запой начался. Вторгся на сцену „Гражданскій бракъ", — и весь съ трудомъ подготовленный классическій репертуаръ свалился подъ тяжестью равнодушія зрителей. „Антрактъ" пытался доказать, что дѣло поправимо, что неудача объясняется какимъ-то „бойкимъ временемъ", что только одинъ сезонъ испорченъ и то не коренными москвичами. „Случайно вошедшая въ репертуаръ пьеса пользуется столько же слу-

чайнымъ успѣхомъ, благодаря бойкому времени да пестротѣ и разнокалиберности театральной публики, которая въ это время, если не преимущественно, то на половину состоитъ изъ пріѣзжихъ, жадно накидывающихся на театры, вовсе неразборчивыхъ и неприхотливыхъ" (1867, № 9).

Однако, разборчивая или неприхотливая, пріѣзжая или туземная публика упорна въ своихъ симпатіяхъ; она явно отдаетъ предпочтеніе „Гражданскому браку" и „Говорунамъ" передъ Шекспиромъ и Кальдерономъ. Послѣднимъ почетъ и равнодушіе, первымъ — любовь и привязанность. Даже отечественные авторы, не похожіе на Манна или Чернявскаго, не обличающіе нигилизмъ и не смѣющіеся надъ новаторами и реформаторами, встрѣчаются холодно. Послѣ „Грозы" и „Доходнаго мѣста", послѣ 1863 года, почти ни одно произведеніе Островскаго не имѣетъ большого успѣха. Даже рецензенты не относятся къ знаменитому драматургу съ прежнимъ уваженіемъ и восторгомъ. Журналъ „Русская Сцена" рѣшается помѣстить на своихъ страницахъ отзывъ, сводящій прежнюю дѣятельность Островскаго къ забавѣ гимназистовъ и купчиковъ: „Г. Островскій, пріобрѣвшій самодурными пьесами своими заслуженную извѣстность между купчиками и гимназистами, любующимися, какъ въ „Грозѣ" Катерина въ теченіе получаса старается смять въ рукѣ своей ключъ отъ калитки"... („Русская Сцена", 1864 г., № 8.) „Пучина" осуждается; тотъ же „Антрактъ" находитъ, что ея глубина не превышаетъ глубины „самой мелкой тарелки":

Какихъ диковинокъ не производитъ сцена?
Простая лужа тамъ пучиной названа,
И тонутъ люди въ ней; а между тѣмъ она
Едва ль и воробью придется по колѣна.

Историческія пьесы Островскаго оцѣниваются необыкновенно низко; къ нимъ относятся почти что съ пренебреженіемъ. „Черствымъ же гостинцемъ угостилъ насъ г. Садовскій", — говоритъ „Антрактъ" (1867, № 4) по поводу постановки „Минина" въ бенефисъ Садовскаго... „Воеводу" не хвалятъ. Пора Островскому отказаться отъ экскурсій въ область исторіи, — почти общій отзывъ.

Теперь, когда яснымъ сталъ провалъ классическаго репертуара, когда вернуть публику къ „высокохудожественнымъ наслажденіямъ", даваемымъ „неумирающими образцами" драматическаго искусства оказалось невозможнымъ, „Антрактъ"

уже иначе оцѣниваетъ „чуткую“ и отзывчивую московскую публику. Онъ суровъ и къ вершинамъ, къ райку, къ галлереѣ, и особенно къ нижнимъ зрителямъ. „Верхнюю, особенно воскресную публику... составляетъ нашъ рабочій столичный людъ“. Къ нему журналъ не пытается приложить сколько-нибудь серьезныхъ требованій, но итогъ общей характеристики нижней публики неумолимъ: „Если въ пьесѣ встрѣчалось нѣсколько сильныхъ и трескучихъ эффектовъ, которые произвели мимолетное впечатлѣніе, публика уже и довольна; она чуждается умственнаго наслажденія и смотритъ на театральное зрѣлище исключительно какъ на препровожденіе времени“.

VI.

Слова „Антракта“ относятся, конечно, не ко всей публикѣ. Мы видѣли, съ какимъ интересомъ часть ея слѣдитъ за сценическимъ изображеніемъ, какъ горячо реагируетъ на непріятные для нея выпады, какъ споритъ съ ней другая, противоположная ей по воззрѣніямъ, часть зрителей. Напомнимъ снова случай съ опереткой Бутковскаго „Женскій клубъ“, когда одни съ негодованіемъ шикали, другіе съ восторгомъ аплодировали тому, какъ высмѣивались „нигилистки“, — и чѣмъ сильнѣе было негодованіе однихъ, тѣмъ рѣзче выражались радость и смѣхъ другихъ. Чувствовалось въ театрѣ существованіе двухъ партій, правда немногочисленныхъ сравнительно съ прочей массой, о которой будетъ рѣчь ниже, но все же партій, имѣвшихъ опредѣленныя мнѣнія относительно „цивическаго“, какъ говорили тогда, значенія той или другой пьесы, того или другого героя.

До сихъ поръ дѣленіе публики на партіи опредѣлялось симпатіями или антипатіями къ тому или другому артисту. Съ особенной силой враждовали балетоманы. Въ 40-хъ годахъ поклонники Санковской выступали въ театрѣ съ неимовѣрной рѣзкостью противъ друзей Андріановой. Въ эпоху, о которой идетъ дѣло, наиболѣе рьяные посѣтители балета дѣлились въ Москвѣ на сторонниковъ Гранцевой и друзей Карпаковой. Усердствовали, хлопали, дѣлали подношенія одной, шикали, бранили, оскорбляли другую. Противоположная партія награждала аплодисментами и подношеніями соперницу первой и всячески стремилась испортить лавры, которыми враги засыпали свою звѣзду. Поклонники Гранцевой и Карпаковской не доходили въ проявленіяхъ своей страсти до

того безудержа, которымъ отличались восторженные почитатели Санковской, бросившіе Андріановой на сцену дохлую кошку съ надписью „первая танцовщица“, — но симпатіи къ одной обязательно требовали непріязненнаго отношенія къ другой. Когда при аплодисментахъ почитателей, Карпаковой подносили „цвѣтное колесо“, сторонники Гранцевой не оставались индифферентны, — они добросовѣстно и настойчиво шикали и свистали. Карпаковисты не унимались, и остальная публика съ недоумѣніемъ слѣдила за полемикой упорно державшихся на своихъ позиціяхъ партій. Театральное начальство вмѣшивалось въ конфликтъ и по окончаніи представленія распоряжалось уничтожать освѣщеніе для того, чтобы темнота разогнала усердныхъ поклонниковъ Карпаковой. Усердные балетоманы при выходѣ попадали въ оркестръ, натыкались на инструменты, ломали ихъ. Полемика переносилась въ печать, и почитатели Гранцевой искренно утверждали, что для восхищенія Карпаковой „нужно не имѣть не только вкуса, но и глазъ“.

Раздѣленіе публики бывало прежде и въ драматическихъ спектакляхъ, но яблокомъ раздора были люди, исполнители, а не мнѣнія. Только въ очень отдаленныя времена, въ дни полемики Полевого съ Писаревымъ, можно было найти нѣкоторый намекъ на перенесеніе въ театръ идейныхъ разногласій. Большинство же конфликтовъ происходило изъ-за разницы взглядовъ на личности, изъ-за неодинаковой оцѣнки исполнителей. Даже въ эту эпоху (въ сезонъ 1864—65 годовъ) часть московской публики ополчилась противъ актера Вильде, котораго преслѣдовала своими насмѣшками; во время представленія „Горе отъ ума“ она не пропускала безъ явныхъ знаковъ неодобренія ни одной его фразы, ни одного выхода. „Шиканье, какъ шорохъ осеннихъ листьевъ, не прекращалось почти все время“, — писала „Русская Сцена“ (1864 г., № 10). Послѣднія слова Чацкаго вызвали хохотъ, крики, непріятныя пожеланія. „Вонъ изъ Москвы“, — только что успѣлъ сказать Вильде-Чацкій, какъ часть публики съ хохотомъ, свистомъ, гиганьемъ стала кричать: „Съ Богомъ! Вонъ! Вонъ!“ Другая часть зрителей стала кричать на первую; произошелъ обмѣнъ сильныхъ выраженій, который даже перешелъ въ печать.

Разбивалась театральная публика на партіи и въ итальянской оперѣ, и, чтобы не удаляться изъ описываемой эпохи, достаточно вспомнить, когда потерявшему голосъ Тамберлику

верхніе ярусы московскаго театра выразили свое неодобреніе; нижняя публика защищала пѣвца, и оживленный обмѣнъ нелестныхъ эпитетовъ продолжался довольно долго. Слова „наемный сбродъ“, „расходившаяся сволочь“ повторялись на другой день даже въ печати.

Все это бывало и раньше; все это относилось къ неодинаковой оцѣнкѣ исполнителей, а не къ какому-нибудь идейному расхожденію. Теперь одна часть публики враждовала съ другой, перенося въ театръ свои общественные взгляды, свою оцѣнку нѣкоторыхъ сторонъ русской жизни. И даже тогда, когда въ „Дочери второго полка“ отдѣльныя группы зрителей шикали Лядовой, онѣ выражали не недовольство ея игрой, и не видѣли въ ней соперницу съ другой, болѣе симпатичной имъ актрисой (въ своемъ жанрѣ Лядова была превосходна, и никто къ ней не могъ предъявить никакого упрека съ этой стороны), — шикали и негодовали потому, что смотрѣли на нее, какъ на носительницу извѣстнаго знамени, въ которомъ выражалась враждебность гражданской озабоченности „политически настроенныхъ“ зрителей. И въ отвѣтъ на эти шиканія поклонники новаго театральнаго жанра неистово рукоплескали и вызывали Лядову. Эта борьба въ публикѣ очень нравилась нѣкоторымъ наблюдателямъ: корреспондентъ „Голоса“ находилъ, что она вноситъ „оживленіе“ (1868 г., № 337).

Однако, если присмотрѣться внимательнѣе, характерная особенность момента заключалась не въ этомъ. Конечно, полемизировали; конечно, дѣлали театръ мѣстомъ столкновенія противоположныхъ общественныхъ взглядовъ. Но зрителей, съ пылкостью относившихся къ высказываемымъ мнѣніямъ, было сравнительно немного. Жаръ общественнаго служенія, охватившій значительную массу театральной публики, прошелъ, и рядовой зритель переживалъ особую полосу, не равнодушія только, но чего-то болѣе опредѣленно отрицательнаго къ „цивической“ дѣятельности. Иначе не могли бы проходить „при общемъ сочувствіи“ „Говоруны“, сдѣлался бы предметомъ спора „Благодѣтель“, кричала и неистовствовала бы публика при изображеніи „Общаго блага“. Въ дѣйствительности сцены, подобныя той, которая произошла при представленіи оперетки Бутковскаго „Женскій клубъ“ или при выходѣ Лядовой въ „Дочери второго полка“, были сравнительно рѣдки. Публика спокойно смотрѣла, смѣялась или зѣвала, въ зависимости отъ того, насколько весела или скучна была насмѣшка. Театральная толпа по внѣшности можетъ

быть такова въ любой моментъ, но въ данную эпоху внѣшнему безразличію отвѣчало опредѣленное внутреннее содержаніе, бывшее результатомъ всѣхъ переживаній обывателей за полтора десятка лѣтъ.

Въ психикѣ театральной толпы произошло несомнѣнное измѣненіе сравнительно съ тѣмъ, что представляла она въ періодъ успѣха пьесъ Соллогуба и Львова. Измѣненіе это трудно, пожалуй, назвать кризисомъ или переломомъ, — словами, предполагающими бурную внутреннюю жизнь, шумный переходъ отъ одного настроенія къ другому. Здѣсь не было ни бури, ни шума, но толпа стала иной. Прежній порывъ, прежняя стремительность, прежняя готовность къ дѣйствію исчезли. Можетъ быть, безсознательно, но вполнѣ послѣдовательно толпа стала пассивной и инертной: вмѣсто порыва явилась апатія, вмѣсто вѣры — насмѣшка, вмѣсто радостной устремленности — пренебрежительная увѣренность въ ненужности совмѣстныхъ дѣйствій для улучшенія общественной жизни.

Театральная толпа въ свое время пережила критику старины. Чтобы воспринять Островскаго, перечувствовать и „Своихъ людей“, и „Тяжелые дни“, и „Доходное мѣсто“, и „Грозу“, нужно было нѣчто бо́льшее, чѣмъ благодушное одобреніе или порицаніе. Надо было вырвать съ корнемъ многое изъ привычекъ, изъ души, изъ „второй“ и изъ первой натуры. Прошелъ Островскій по русской сценѣ, и, какъ отъ вихря или бури, исчезло многое въ душѣ рядового зрителя, и, какъ отъ плодоноснаго дождя послѣ засухи, многое неожиданно появилось и стало расти. Къ старому не было возврата, — ждали иного. Суженное практическими рамками, это новое показалось на сценѣ не съ той глубиной захвата и не въ той художественности изображенія и обобщенности, какъ у Островскаго. Новое лишь отвѣчало потребностямъ текущаго момента, что-то отметало, что-то намѣчало для достиженія, но неопредѣленная тяга зрителя къ инымъ перспективамъ этими новыми сценическими пріобрѣтеніями до нѣкоторой степени удовлетворялась. Общественно настроенный зритель требовалъ актуальности, нынѣшняго момента, злободневныхъ откликовъ.

И все до поры до времени шло хорошо. Обличать такъ обличать, громить такъ громить, радоваться новымъ горизонтамъ такъ радоваться. Но въ радостныхъ цвѣтахъ новой весны вдругъ показались шипы. Вмѣстѣ съ 60-ми годами, вмѣстѣ съ осуществляемыми реформами сошло въ душу обы-

вателя безпокойство. Не однимъ только дымомъ петербурскихъ пожаровъ затемнились красивыя перспективы грядущаго; въ театрѣ разрушались и старина и новое; слышались призывы къ дѣятельности и насмѣшки надъ призывами; проповѣдовали „эмансипацію“ и издѣвались надъ „эмансипаторами“. Между враждующими „прогрессистами“ и „реакціонерами“ шла борьба; то сей, то оный на бокъ гнулся, а рядовой зритель переживалъ тихую, мало замѣтную для другихъ перегруппировку душевныхъ влеченій и болѣе всего притягивался къ своей роли зрителя не только въ театрѣ, но и въ дѣйствительной жизни. Потерявъ вѣру въ старину, онъ подозрительно сталъ относиться и къ новому, и все его поведеніе въ театрѣ показывало одинаково насмѣшливое и одинаково безразличное отношеніе ко всему, что передъ нимъ происходило. Сцена громила старое, и онъ сочувствовалъ разгрому, если это было занимательно: и „Горькая судьбина“, и „Отрѣзанный ломоть“, и „Лиза Ѳомина“ встрѣчались аплодисментами широкой публики. Въ большинствѣ же случаевъ отъ экскурсій въ область низверженнаго и разрушеннаго зритель скучалъ: слишкомъ хорошо успѣлъ онъ усвоить себѣ увѣренность въ негодности старины. Болѣе возможности для забавы, больше новизны представляла насмѣшка надъ противниками старины, надъ „нигилистами“, „реформаторами“, „прогрессистами“. Она была новинкой заманчивой, интересной, по большой части смѣшной. Развѣ не смѣшны говоруны, болтающіе о правахъ человѣчества и за возвышенными рѣчами обдѣлывающіе свои низменныя дѣлишки? Развѣ не забавно смотрѣть, какъ обличаются крикливые провозвѣстники общаго блага, залѣзающіе въ общественный карманъ и даже берущіе замаскированную взятку? Все это очень интересно, очень забавно, — и все это очень ясно свидѣтельствуетъ, что между старымъ и новымъ нѣтъ большой разницы, что мошенники тамъ, мошенники здѣсь, негодяйство было, негодяйство есть и негодяйство будетъ. Толпа охотно развѣнчиваетъ идеальное, когда прошелъ порывъ и когда развѣнчиваніе такъ легко, какъ было въ тѣ годы.

Рядовой зритель дѣлался Собакевичемъ, не допускающимъ исключенія даже для прокурора. Театральная толпа, — куда входилъ и купецъ, и приказчикъ, и мелкій чиновникъ, и заурядный студентъ, и человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, — уже въ это время представляла собою вмѣстилище недовѣрія и насмѣшки. Она уже много словъ слышала, многому

не вѣрила и надъ многимъ, если не надъ всѣмъ, смѣялась. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она рукоплескала Надимову, приглашавшему „крикнуть на всю Россію“ о необходимости борьбы съ общественными пороками? Семь, восемь, десять? Но развѣ этими ничтожными цифрами опредѣляется возрастъ постарѣвшаго зрителя? Тотъ былъ Адуевъ-племянникъ, только что увидавшій жизнь, съ его вѣрой въ жизнь и въ вещественные знаки невещественныхъ отношеній; этотъ хуже, чѣмъ Адуевъ-дядя, ибо такъ немного прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ сжегъ все, чему поклонялся и не поклонился ничему. Въ эти-то годы особливый успѣхъ, можно сказать, un succés fou выпалъ на долю оперетки.

VII.

Оперетка завершаетъ образованіе насмѣшливаго и невѣрящаго русскаго зрителя; она является логическимъ результатомъ его развитія, удовлетвореніемъ его требованій, хотя происхожденіе ея и не русское. Какъ водка, какъ оспа, какъ всякая повальная болѣзнь производитъ у дикарей неизмѣримо болѣе страшныя опустошенія, чѣмъ у тѣхъ цивилизованныхъ народовъ, которые ее занесли въ дикое мѣсто, — такъ оперетка прилѣпляется въ эти годы къ психикѣ русскаго зрителя, опустошаетъ его душу отъ послѣднихъ остатковъ вѣры въ человѣческое совершенствованіе, населяетъ ее призраками, танцующими канканъ надъ какими бы то ни было устоями.

Конечно, не „чувственной“ своей стороной такъ дѣйствуетъ оперетка на русскаго зрителя. Разнузданность ея не въ этомъ и не въ той „лихости“, съ которой отплясывается канканъ. Оперетка звучитъ въ унисонъ съ появившимся въ душѣ русскаго зрителя скептическимъ отношеніемъ ко всему и ко всѣмъ. Она смѣется, отрицаетъ, развѣнчиваетъ и къ этому развѣнчиванію не относится трагически. Все тлѣнъ, все прахъ, все гнусность и обманъ; единственное, для чего стоитъ жить, — веселіе и беззаботность.

Михайловскій сравнивалъ ея вліяніе съ дѣйствіемъ теоріи Дарвина на воспринимающіе ихъ умы. Можетъ быть, современнику такъ и можно было разсуждать, но историкъ видитъ, что геній и злодѣйство болѣе совмѣстимы, чѣмъ гипотеза объ эволюціонномъ происхожденіи видовъ и оперетка.

Можно ли перечислить всѣ послѣдствія толчка, даннаго наукѣ теоріей Дарвина? Здѣсь все — движеніе, все просторъ

и ширь, и безконечные горизонты научныхъ открытій, и неизмѣримая даль идейныхъ полетовъ. Та оперетка, о которой идетъ дѣло, подводила къ стѣнѣ скептицизма и не пускала дальше. Французы знали обходныя дорожки и могли свободно продолжать путь. Безхитростный и лѣнивый русскій рядовой зритель надолго уперся въ стѣну отрицанія и насмѣшки и не пошелъ разыскивать обходныхъ тропинокъ. Конечно, не оперетка только сдѣлала его такимъ: всѣмъ ходомъ послѣднихъ лѣтъ онъ былъ подготовленъ къ ея воспріятію, какъ къ пріему опьяняющаго напитка, требовалъ этого напитка и радовался его полученію.

Дѣло началось съ сравнительно безобидной и невинной „Десять невѣстъ и ни одного жениха". Она не потрясала никакихъ устоевъ, шла не изъ Франціи, ни на что, повидимому, не покушалась, но уже однимъ своимъ успѣхомъ какъ бы предсказывала, какое значеніе долженъ имѣть новый жанръ драматическаго искусства. Въ первый же сезонъ она прошла въ Александринскомъ театрѣ 50 разъ. Привлекалъ уже новый жанръ; чувствовалась необходимость покончить съ „идейностью" и отдаться высмѣиванію. Правда, канканъ, который потомъ считался элементомъ, неотдѣлимымъ отъ оперетки, пытался показать себя и въ „Десяти невѣстахъ". Въ московскомъ Маломъ театрѣ обязанность канканировать въ этой опереткѣ была возложена на танцовщицу Семенову. Но, конечно, не одинъ канканъ игралъ роль: если бы въ немъ было главное дѣло, публика посѣщала бы Излера и Берга и оставила бы казенные театры, гдѣ, конечно, соблазнительный танецъ не нашелъ бы такой благодарной арены и такого широкаго примѣненія, какъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ.

Но „Десять невѣстъ" были только слабымъ началомъ феерическаго полета оперетки. Опредѣлилась и показала свои горизонты и возможности оперетка лишь съ появленіемъ „Орфея въ аду". Онъ шелъ въ императорскихъ театрахъ обѣихъ столицъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Въ Александринскомъ театрѣ, — какъ съ восторгомъ констатировали „Отечественныя Записки" Краевскаго въ 1866 году, — „Яблочкинъ и Озеровъ (Юпитеръ и Платонъ) заставляютъ хохотать до боли въ подреберьѣ; Прокофьева канканируетъ; публика заставляетъ ее повторять канканъ, заставляетъ аркадскаго принца повторять куплеты, и всѣ очень довольны"... Въ Москвѣ „Орфей" дается въ Большомъ театрѣ, ибо Малый, очевидно, не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Роль аркад-

скаго принца возложена на перваго комика драматической труппы, на артиста, давшаго бытовой комедіи своеобразную окраску, бывшаго лучшимъ интерпретаторомъ Островскаго, — на П. М. Садовскаго. Онъ поетъ куплеты, мѣшаетъ древность съ современностью, миѳологію съ обличеніемъ, адъ съ Невскимъ проспектомъ или Кузнецкимъ мостомъ и приводитъ въ восторгъ зрителей, отказывающихся отъ прежнихъ стремленій къ „гражданственности" на сценѣ. Вскорѣ Садовскаго смѣняетъ другой артистъ, не имѣющій имени, и куплеты аркадскаго принца продолжаютъ возбуждать любопытство и смѣхъ, — но прошлое участіе Садовскаго знаменательно, какъ знаменательно исполненіе ролей Юпитера и Плутона извѣстными артистами Малаго театра, Живокини и Никифоровымъ. Оперетка уже становится твердою ногою на почву русской сцены; она уже открываетъ въ душѣ русскаго зрителя уголки, которые до тѣхъ поръ были затемнены для наблюдателя.

„Орфеемъ въ аду" развѣнчивались, конечно, не одни древніе боги. Какимъ бы гнуснымъ поведеніемъ ни отличался Юпитеръ, какія бы ужасныя разоблаченія ни дѣлали возмутившіеся противъ него боги, какъ бы хитеръ и наглъ ни оказался Плутонъ, — для русскаго зрителя это было „въ высокой степени наплевать". Оперетка вездѣ и во всемъ открывала ложь, лицемѣріе, мошенничество. Въ „Орфеѣ" и въ „Прекрасной Еленѣ" она сводила къ ничтожеству и героизмъ, и величіе, и властей, и жрецовъ, и боговъ, и семейный очагъ, и женскую добродѣтель, и простую честность. Она шла гораздо дальше тѣхъ потрясеній стараго, которымъ готовы были сочувствовать враги старины; и если въ ней можно было видѣть своего рода „популяризаторшу отрицательныхъ доктринъ", то отрицаніе относилось одинаково и къ старому, и къ новому, и къ богамъ, и къ смертнымъ. Оперетка какъ бы завершила тотъ курсъ ученія, который только что продѣлалъ русскій зритель. Онъ только что узналъ, какъ его обманули „прогрессисты", „говоруны", радѣтели о „благѣ общемъ". Все это разсказывали ему со сцены и ко всему этому была открыта его душа. Оперетка дала послѣдній coup de main новонаправленной душѣ, поставила точки надъ і, гдѣ ихъ не доставало, оформила и назвала по имени то, чему еще не было прозвища и что представлялось въ смѣшанномъ, безформенномъ видѣ. Она говорила русскому зрителю: не вѣрь никакимъ устоямъ, ни старымъ, ни новымъ, ни тому, что отжило и во что тебя всегда приглашали вѣровать, ни обѣщаніямъ

будущаго, ни святошамъ, ни героямъ; подвиги, идейная сила, возвышенныя увѣренія — вздоръ, лицемѣріе, поддѣльный громъ Калхаса.

Само собой разумѣется, что оперетка шла дальше, чѣмъ зритель. Конечно, даже разочарованный, даже обманувшійся въ ожиданіяхъ и испугавшійся зритель не отрицалъ всѣ „законы, совѣсть, вѣру“ и не все, что предъ собой онъ видѣлъ, онъ презиралъ иль ненавидѣлъ. Но сѣмена скептицизма разрастались въ его душѣ, пускали большіе глубокіе корни, и внѣшнимъ проявленіемъ глубины этихъ корней былъ успѣхъ отрицательно относившихся къ новымъ теченіямъ русскихъ пьесъ и блистательная судьба иностранной оперетки.

„Орфея“ посѣщали; на „Орфеѣ“ театръ былъ полонъ. Но истинной притягательной силой, „камертономъ современнаго искусства“ (какъ пѣлось въ опереткѣ „Всѣ мы жаждемъ любви“) была „Прекрасная Елена“. Она появилась въ обѣихъ столицахъ сначала по-французски, потомъ на отечественномъ языкѣ. Какой-то генералъ жаловался сотруднику „Голоса“, что два его сына, учащіеся въ закрытомъ учебномъ заведеніи 1-го разряда, не пропустили ни одного представленія „Прекрасной Елены“, дававшейся во французскомъ театрѣ по субботамъ. Но французскій театръ могли посѣщать только привилегированные зрители; настоящее значеніе пьеса пріобрѣла, когда ее поставили на русской сценѣ. Да и тутъ первое представленіе оказалось доступно лишь немногимъ. „Все въ этомъ спектаклѣ, — писалъ о первомъ представленіи „Елены“ въ Александринскомъ театрѣ „Голосъ“, — было необыкновенно, начиная съ цѣны мѣстамъ. Ложи бель-этажа стоили 20 руб., и были всѣ заняты. Публика была самая отборная, какой въ русскомъ театрѣ даже на бенефисахъ не бываетъ. Кресла заднихъ рядовъ охотно перекупались по 10 рублей“. Газета задумывается надъ тѣмъ, какъ характеризовать зрителей перваго представленія. „Не назвать ли публику балетной? Лучше эпитета не найти. Балетная публика наполняла театръ“...

Уже по одному этому опредѣленію состава публики можно видѣть отношеніе газеты Краевскаго къ новой пьесѣ. „Голосъ“ заранѣе вооруженъ противъ нея: оперетка, легкій жанръ, канканъ... Какъ органу, стремящемуся показать передовыя стремленія, не протестовать противъ нихъ? „Прекрасная Елена“ должна быть оцѣнена низко, артистовъ необходимо жалѣть за то, что они принуждены участвовать въ такой воз-

мутительной пьесѣ. Но когда доходитъ дѣло до оцѣнки, трудно опредѣлить, противъ чего такъ сильно вооружается газета, почему такъ жалѣетъ артистовъ участвующихъ и такъ благодаритъ не участвующихъ. Непонятно даже, слѣдуетъ ли упрекать пьесу за „чувственную“ сторону, или театръ за то, что „чувственность“ была затушевана. „Бѣдные русскіе актеры не ударили лицомъ въ грязь, имъ аплодировали, ихъ вызывали... Мы скорѣе грустили, чѣмъ восхищались, что актеры, способные играть, принуждены были паясничать“. Разбирая пьесу, рецензентъ находитъ въ ней „рядъ невообразимыхъ стародавнихъ пошлостей“. Даже ничего современнаго нѣтъ, кромѣ пошлой насмѣшки надъ мировымъ судомъ. Въ Орфеѣ, сошедшемъ въ адъ (надѣемся навсегда), хоть были остроты насчетъ быстрой ѣзды и обилія нѣмцевъ въ канцеляріяхъ, — въ Еленѣ и этого нѣтъ; все въ ней плоско и пошло“. Даже насмѣшки надъ жрецами не кажутся рецензенту достаточно сильными. Гораздо сильнѣе, — думаетъ онъ, — выражаетъ насмѣшку надъ ними давнишнее четверостишіе:

Жрецы издревле доказали
Неистовство утробъ своихъ
И въ древности такъ много жрали,
Что прозвали жрецами ихъ.

Если бы, — утверждаетъ газета, — замѣнить первое слово другимъ, то стихотвореніе оставило бы позади всѣ насмѣшки надъ Калхасомъ, всю эту разрушительную сторону оперетки. Да и „игривости нѣтъ въ Еленѣ вовсе: все необычайно скромно; костюмы, изъ которыхъ ноги актрисъ только чуть видны, канканъ, болѣе походящій на кадриль въ клубѣ, чѣмъ на канканъ... Елена была подана у насъ, такъ сказать, на постномъ маслѣ“... Общій осудительный тонъ продолжается и въ оцѣнкѣ канкана, болѣе похожаго на кадриль, чѣмъ на разнузданный танецъ, и въ описаніи костюмовъ, изъ-подъ которыхъ ноги чуть видны. Газета не поясняетъ, лучше ли было бы, если бы ноги были хорошо видны и вся пьеса „была подана“ на скромномъ маслѣ. Она знаетъ, что надо осуждать, потому что въ „Еленѣ“, несомнѣнно, скрыто что-то достойное осужденія, но разобраться въ новомъ явленіи не можетъ, то упрекая, то сокрушаясь и относя къ области огорчительныхъ явленій даже чрезмѣрную скромность нарядовъ и танцевъ и общее отсутствіе „игривости“.

И такъ судятъ многіе. Что-то запретное, соблазнительное,

но развращающее скрыто, кажется имъ, за новымъ театральнымъ жанромъ; скорѣе по догадкѣ, по внутреннему чутью, чѣмъ сознательно, различаютъ они въ немъ походъ противъ „устоевъ“, — какихъ? старыхъ? новыхъ? — они не знаютъ, не думаютъ, но чувствуютъ и ворчатъ, одни только для того, чтобы, какъ „Голосъ“, очистить свою совѣсть, другіе искренно и съ надеждой своимъ протестомъ помѣшать успѣху новаго театральнаго искусства. Такъ поступаютъ даже актеры, находящіе неприличнымъ играть въ „Прекрасной Еленѣ“. Та же газета сообщаетъ: „Двое изъ лучшихъ нашихъ актеровъ отказались, какъ мы слышали изъ достовѣрныхъ источниковъ, отъ роли Калхаса, спасибо имъ за это!“

Какъ, однако, недолговѣчна человѣческая добродѣтель и какъ преждевременна благодарность за нее! Если дѣйствительно лучшіе актеры съ возмущеніемъ отказывались отъ ролей въ „Прекрасной Еленѣ“ въ 1867-мъ году, то въ 1870-мъ, когда оперетка была поставлена на императорской сценѣ въ Москвѣ, артисты, по словамъ того же „Голоса“ (1870, № 324), добивались, „какъ чести“, возможности играть въ прославленной пьесѣ. И сама газета отнеслась уже къ московской постановкѣ иначе, чѣмъ къ игрѣ въ Александринскомъ театрѣ. Устами своего московскаго корреспондента она выражала опасеніе, что пьеса будетъ разыграна плохо изъ-за дурного распредѣленія ролей; и когда спектакль состоялся, она негодовала на исполнителей не за то, что имъ хотѣлось участвовать въ пьесѣ, а за ихъ дурную игру. Райчева, исполнявшая роль Елены, — говорило письмо изъ Москвы, — „ниже всякой посредственности“; „некрасивая, неграціозная, крикливая Елена произвела, видно, непріятное впечатлѣніе на публику; Додоновъ пѣлъ очень хорошо, но игралъ плохо... очень смахивалъ на мясника изъ Охотнаго ряда... Владиславовъ игралъ не безъ шика, но пѣлъ своимъ, т. е. козлинымъ голосомъ“. Кромѣ Никифорова-Калхаса и Щепиной („Щепина въ роли Ореста, — восклицалъ корреспондентъ, — восхитительна“), всѣ плохи. И тонъ, и требованія, и упреки, и хвалы газетъ уже другіе, чѣмъ раньше. Газета не радуется тому, что плохо поставленная оперетка сойдетъ со сцены, — она негодуетъ: „Выхватили изъ балета маленькую г-жу Гилертъ и, окрестивъ ее именемъ г-жи Райчевой, дали ей прямо роль Елены“. И хотя послѣ слова „прямо“ газета ставитъ въ скобкахъ восклицательный знакъ, неизвѣстно кого упрекающій или осмѣивающій, тѣмъ не менѣе ясно осужденіе за передачу отвѣтственной и

важной роли незначительной и неопытной актрисѣ. Оперетка завоевала положеніе, „Прекрасная Елена“ пробила себѣ дорогу. Послѣ замѣны г-жи Райчевой г-жею Кронебергъ, упрекъ въ несоотвѣтствіи лица съ ролью падаетъ, и „Елена“ производитъ почти то же впечатлѣніе, что на Александринской сценѣ.

Тамъ успѣхъ полный, успѣхъ исключительный; общій интересъ, общіе восторги. Прежде, чѣмъ сдѣлаться, такъ сказать, общественнымъ достояніемъ, пьеса три раза ставится въ бенефисы, и всѣ три раза бенефиціанты, назначающіе высокія цѣны, получаютъ полный сборъ. Затѣмъ она идетъ съ непрерывнымъ успѣхомъ многое число разъ, привлекая въ Александринскій театръ всю столицу, всѣхъ зрителей, и не одну „балетную“ публику, какъ въ первое представленіе. Конечно, и исключительная, не александринская, „балетная“ публика продолжаетъ посѣщать „Елену“, какъ посѣщала она „Десять невѣстъ“, когда въ теченіе 59 представленій „крайняя ложа 2-го яруса была занята правовѣдами преимущественно 5-го класса“ (Вольфъ, „Хроника Пет. Театраловъ“, 1864—65). Но идутъ въ огромномъ количествѣ и всѣ обычные посѣтители Александринскаго театра, вся та смѣшанная публика, которая въ былыя времена восхищалась „Жизнью игрока“, аплодировала Каратыгину, потомъ кричала „спасибо!“ автору „Предубѣжденія“. Она выстаиваетъ, эта публика, долгіе часы передъ кассой, записывается на билеты заранѣе, пользуется всякими знакомствами, чтобы добыть билетъ на знаменитую пьесу.

Лядова отдаетъ весь свой пылъ исполненію отвѣтственной роли. Еще до перваго представленія, готовая посвятить талантъ знаменитой опереткѣ, она рѣшается вырвать крѣпкіе, но некрасивые зубы и замѣнить ихъ вставными, чтобы красивая супруга Менелая, была дѣйствительно безупречна по внѣшности. Она дрожитъ за успѣхъ роли и прежде, чѣмъ выйти на сцену, испуганно крестится. И ея труды и волненія вознаграждаются. Она возбуждаетъ бурю восторговъ, покоряетъ сердца не однихъ только воспитанниковъ закрытыхъ учебныхъ заведеній: вся столица хочетъ ее видѣть и не одинъ, не два раза. Ее упрекаютъ въ излишней скромности („Елена подана на постномъ маслѣ“), но скоро недостатокъ исправляется: „Лядова въ объятіяхъ Париса падаетъ на софу“ и слѣдящая за нравственностью газета восклицаетъ: „Какую публику можетъ образовать театръ, на которомъ въ одинъ и тотъ же вечеръ... идетъ и Мольеръ, и оперетка Оффенбаха,

въ исполненіи которой канканъ выступаетъ на первый планъ?.. У насъ оффенбаховская музыка отодвигается на задній планъ, а на первый выступаетъ поблажка чувственности. Какъ скоро нѣчто подобное завелось на театрѣ, тотчасъ является расколъ въ публикѣ: является золотая юность, рукоплещущая каждому чувственному движенію, — къ ней пристаютъ гостинодворскіе молодцы" („Голосъ", 1867, № 318).

Трудно сказать, какую роль въ успѣхѣ „Прекрасной Елены" играетъ „чувственность", но, конечно, не главную. Какъ бы Лядова ни „падала на софу въ объятіяхъ Париса", но вѣдь это одна коротенькая сценка, не могущая искупить непріятностей цѣлаго, если бы цѣлое дѣйствительно, не привлекало. „Чувственность", о которой говорятъ газеты, канканъ, возбуждающій искренніе и лицемѣрные протесты, — только необходимое движеніе къ общему разлагающему анализу, продѣлываемому опереткой. Это, такъ сказать, положительная сторона перспективъ, рисуемыхъ и „Еленой", и „Орфеемъ", и „Фаустомъ на изнанку". Отрицательная сторона свидѣтельствуетъ о негодности людей, объ отсутствіи доблестей и нравственныхъ устоевъ; положительная твердитъ: отдайтесь веселью, да здравствуетъ канканъ!

Гостинодворскіе молодцы, по свидѣтельству газетъ, сходятся съ „золотой молодежью" въ прославленіи новаго жанра. Трудно предположить, чтобы къ нимъ не присоединялся мелкій чиновникъ, — тотъ самый, который кричалъ „спасибо!" автору „Предубѣжденія"; едва ли остается при отдѣльномъ мнѣніи и пріѣзжій помѣщикъ, — та публика, которая когда-то составляла наибольшую массу зрителей Александринскаго театра. Можетъ быть, въ нѣкоторомъ отдаленіи стоитъ уже образовавшаяся „интеллигенція", да и то вся ли? Театральный зритель въ огромномъ большинствѣ съ ними, съ „Еленой", съ „Орфеемъ", съ „Фаустомъ на изнанку", съ развѣнчиваніемъ боговъ, героевъ, добродѣтели и чистыхъ стремленій. Зритель не говоритъ: „Ничего нѣтъ священнаго", — для рѣзкихъ формулировокъ не представляется надобности, да и нужно ли ему задумываться и „умозаключать"? Но въ душѣ его прочно залегаетъ смутное скептическое отношеніе къ лозунгамъ, въ которыхъ звучитъ призывный голосъ, гдѣ напоминается объ усиліяхъ для лучшаго устроенія жизни, гдѣ слышится энтузіазмъ и чувствуется вѣра... Недовѣрчивая и холодная къ призывамъ толпа окружаетъ небольшой кружокъ

вѣрящихъ энтузіастовъ и заранѣе обрекаетъ на долгую безплодность всѣ его усилія.

Это вліяніе оперетки смутно чувствуется тѣми, кто стоитъ за „устои“, въ чемъ бы они ни состояли. И поклонники старины, и дѣятели прогрессивнаго направленія сходятся въ отрицательномъ отношеніи къ новому театральному жанру. Они пытаются даже въ театрѣ оспаривать право оперетки на существованіе, но тщетно: всѣ ихъ протесты только укрѣпляютъ положеніе завоевателей. Въ имени Лядовой видятъ они символъ враждебнаго имъ направленія и стараются уменьшить ея престижъ. Даже когда она выступаетъ въ „Дочери второго полка“, вмѣстѣ съ восторженными рукоплесканіями слышатся настойчивыя и упорныя шиканія. Въ Москвѣ „Прекрасной Еленѣ“ оказывается довольно рѣзко выраженное противодѣйствіе. Кто тѣ „таинственныя силы“, которыя стремились помѣшать ея воцаренію на сценѣ и успѣху, сказать теперь трудно, но противодѣйствіе было рѣзкое и настойчивое. Когда впервые ее ставили на сценѣ Артистическаго кружка, таинственные недруги „Елены“ заранѣе распространяли извѣстіе, что билеты всѣ проданы, что попать въ театръ нѣтъ возможности. Писали объ этомъ карандашемъ на стѣнахъ, и даже пріѣзжающихъ за билетами подкарауливали съ заявленіями, что свободныхъ мѣстъ нѣтъ. („Развлеченіе“, 1870, № 3). Все съ единственной цѣлью сорвать первый спектакль. Зато со стороны нѣкоторой части прессы, въ особенности той, которая выражала мнѣніе массового зрителя, отношеніе было явно сочувственное. Уже проснулась смѣлость, уже открыто защищаетъ „Елену“ мелкая печать и возмущается тѣми, кто агитируетъ противъ постановки знаменитой оперетки. „Развлеченіе“, передавая отчетъ о спектаклѣ, многое находитъ достойнымъ похвалы: Агамемнонъ, напримѣръ, „особенно хорошъ въ сценѣ канкана“; исполнительница главной роли, г-жа Келлеръ, „производитъ впечатлѣніе болѣе эстетическое, чѣмъ эротическое“.

Когда „Елена“ готовится къ постановкѣ на императорской московской сценѣ, протестъ въ нѣкоторой части прессы принимаетъ необычное направленіе. „Современныя Извѣстія“, — газета, издаваемая Гиляровымъ-Платоновымъ, помѣщаетъ письмо, якобы идущее отъ „мастерового“. Неожиданный корреспондентъ газеты требуетъ народнаго театра съ хорошими пьесами: „Говорятъ, — пишетъ онъ, — въ Петербургѣ уже есть народный театръ; тамъ представляютъ какую-то „Прекрас-

ную Елену"; одинъ нашъ товарищъ жилъ тамъ и видѣлъ эту пьесу и говорилъ о ней намъ. Намъ такихъ пьесъ не нужно; у насъ и безъ этихъ пьесъ разврата много. Можетъ, эта „Прекрасная Елена" вещь хорошая, — наши чувства-то къ изящному не приготовлены. Я помню одну пьеску, — „Русскій человѣкъ добро помнитъ", — я смотрѣлъ ее лѣтъ десять назадъ и сейчасъ въ памяти"... Но ни протесты „мастерового", ни происки какихъ-то „таинственныхъ силъ" не оказываютъ вліянія: оперетка проникаетъ и на московскую сцену, какъ проникла въ Александринскій театръ.

За „Прекрасной Еленой" въ этомъ театрѣ Лядова проводитъ нѣсколько другихъ оперетокъ. Во „Всѣ мы жаждемъ любви" она заслуживаетъ многочисленные похвальные отзывы; „Голосъ" находитъ, что „она была лучше, чѣмъ когда-либо" (1869, № 40). „Фауста на изнанку" такъ же, какъ „Прекрасную Елену", даютъ не въ одинъ бенефисъ. Первое представленіе по очень повышеннымъ цѣнамъ собираетъ полный театръ въ пользу режиссера Яблочкина; второе, также по увеличеннымъ цѣнамъ, уступается г-жѣ Левкѣевой. Успѣхомъ „Фаустъ на изнанку" или, какъ его называютъ „Маленькій Фаустъ", „можетъ похвалиться". Къ серіи развѣнчанныхъ героевъ и понятій прибавляется Маргарита и дѣвическая чистота; кокотка въ лицѣ Гретхенъ дополняетъ разрушенія, содѣянныя опереткой.

Побѣдоносное шествіе продолжается. „Прекрасная Елена", „Всѣ мы жаждемъ любви", „Орфей", „Птички пѣвчія", — оперетка на драматической сценѣ не знаетъ соперниковъ и соперницъ: въ сезонъ 1868—1869 гг. она занимаетъ почти четвертую часть всѣхъ данныхъ въ Александринскомъ театрѣ представленій. „Елена" обгоняетъ всѣхъ, — всего Шекспира, всего Мольера, Островскаго съ его „Грозой", Сухово-Кобылина съ его прославленной „Свадьбой Кречинскаго"; она обгоняетъ „Ревизора".

И вдругъ тріумфальный походъ заканчивается, торжественный маршъ обрывается; надъ опереткой подымается невидимая рука и уноситъ лучшій ея алмазъ. Внезапно, отъ неудачной операціи, умираетъ Лядова. „Несмѣтная толпа" („Ежегодникъ Имп. Театровъ" 1910, вып. I) провожаетъ останки „любимой артистки"; вплоть до могилы на Смоленскомъ кладбищѣ, гробъ несутъ на рукахъ. По подпискѣ собираютъ деньги на памятникъ съ барельефомъ артистки въ роли „Прекрасной Елены" и увѣковѣчиваютъ воспоминаніе о той, съ чьимъ

именемъ связанъ короткій, но блестящій періодъ въ жизни театра.

Этой смертью исполненію оперетки на императорской сценѣ наносится ударъ. Для „Прекрасной Елены“ выписываютъ изъ Москвы Кронебергъ, поручаютъ роль очень красивой Чернявской, но замѣнить Лядову для публики Александринскаго театра ни та, ни другая не можетъ.

Оперетка все-таки не сдается. Постановки продолжаются; кое-какія изъ нихъ имѣютъ успѣхъ: нравится, напримѣръ, поставленный въ бенефисъ Абариновой „Зеленый островъ“,— другія проходятъ мало замѣченными. Блестящій періодъ оперетки миновалъ, и хроникеръ столичныхъ театровъ, резюмируя сезонъ 1873—1874 гг., уже заноситъ въ свою лѣтопись: „Оперетка, очевидно, доживала свой вѣкъ, — новыя „Парижская жизнь“ и „Легкая кавалерія“ прошли вяло, а старыя больше не привлекали публику“ (Вольфъ. „Хроника Пет. Театровъ“ 1873—1874).

Всему бываетъ конецъ: оперетка отжила, но она сдѣлала свое дѣло, завершила тотъ путь, которымъ шелъ рядовой зритель отъ упоительныхъ надеждъ 50-хъ годовъ до разочарованія и скептицизма позднѣйшаго времени. „Цивическое бѣснованіе“, какъ ехидно называли тогда стремленіе къ лучшему устройству гражданской жизни, надолго было вытравлено изъ души рядового зрителя; надолго было исключено уваженіе къ героическому, возвышенному, идейному. Вокругъ „идеалистовъ“, кто бы они ни были, образовалась широкая зона равнодушныхъ и безстрастныхъ. Пускай въ личной жизни они не были тѣми веселыми жрецами Венеры, о которыхъ пѣлъ Парисъ въ „Прекрасной Еленѣ“, пускай огромное большинство изъ нихъ продолжало оставаться въ частномъ быту и элементарно честными, и внѣшне вѣрующими, пускай видимость житейскаго обихода не измѣнилась, — но душа рядового театральнаго зрителя была опустошена отъ вѣры въ старину и въ новизну еще задолго до наступленія сѣраго сумрака и безнадежной „хмурости“ восьмидесятыхъ годовъ.

И. Игнатовъ.

* * *

Ночь золотила земные просторы,
Робко смотрѣлъ я въ звенящія дали...
Звѣздъ одинокихъ крылатые взоры
Радость великую мнѣ сообщали.

Мудрость Творца на землѣ необычна...
Слышу журчаніе собственной мысли...
Смотришь — и кажется — будто навѣчно
Небо застыло и звѣды повисли.

П. Орѣшинъ.

АМЕРИКАНСКІЯ НАСТРОЕНІЯ.

(ПИСЬМО ИЗЪ НЬЮ-ІОРКА.)

I.

Я прибылъ въ Нью-Іоркъ въ первые дни осады Вердена. Мои мысли всѣ были тамъ, въ траншеяхъ и на вершинахъ, отдѣляющихъ французскую твердыню отъ прусскаго кронпринца, на этихъ поляхъ, орошаемыхъ потоками крови цвѣта молодежи двухъ великихъ народовъ. А здѣсь всѣ мысли, казалось, были заняты исключительно наживой и развлеченіемъ Дни проходятъ въ лихорадочной погонѣ за долларами, ночи — въ горячечныхъ вакханаліяхъ. Балы стали повседневнымъ развлеченіемъ, чуть ли не обязательнымъ придаткомъ къ каждому обѣду и ужину, часто даже — къ завтраку... Въ нѣкоторыхъ ресторанахъ балъ открывается уже въ 11 ч. утра, продолжаясь до глубокой ночи. Такъ проводятъ время въ Америкѣ, когда Европа переживаетъ самые ужасные дни своей исторіи...

Грустно это для насъ, европейцевъ; но, положа руку на сердцѣ, можемъ ли мы ручаться за то, что наши европейцы держались бы лучше, если бы были на мѣстѣ американцевъ?.. Впрочемъ, вѣдь Америка и населена, главнымъ образомъ, европейцами, а Нью-Іоркъ даже очень свѣжими выходцами изъ старой Европы... Въ Нью-Іоркѣ теперь страшно много „шальныхъ“ денегъ, и онѣ-то создали эту лихорадочную атмосферу.

Сколько теперь такихъ денегъ въ Америкѣ, можно себѣ составить нѣкоторое представленіе по даннымъ подоходнаго налога въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣдній фискальный годъ, закончившійся 30-го іюня. Общая сумма подоходнаго налога составляетъ для этого года (въ округленныхъ цифрахъ) 124.867.000 долларовъ. Такъ какъ налогъ составляетъ 1% дѣйствительнаго дохода, то это указываетъ на доходъ однихъ только тѣхъ круговъ населенія, которые къ этому налогу привлечены — въ 12.486 милліоновъ долларовъ. Изъ этой колоссальной суммы львиная доля падаетъ на Нью-Іоркъ, доходы котораго увеличились въ теченіе послѣдняго

фискальнаго года на 20—25% противъ предшествовавшаго, также весьма недурнаго года. Это форменный золотой дождь. Въ атмосферѣ „страны долларовъ“ онъ не могъ дать другихъ плодовъ, какъ тѣ, которые мы выше отмѣтили. Америка и безъ того была издавна обѣтованной землей Маммона.

Духовныя потребности человѣка, однакожъ, достаточно сильны, чтобы проявить себя и въ этой атмосферѣ. Сколько сектъ, сколько религіозныхъ обществъ и союзовъ, сколько церквей и всевозможныхъ учрежденій для удовлетворенія духовныхъ потребностей. И повсюду чувствуется крѣпкій жизненный пульсъ. Церкви полны, но полны также и антицерковныя собранія. Идетъ большая духовная работа. Жизнь повсюду бьетъ ключомъ. Также въ области общественности и политики.

Въ политической области выдвинулся въ послѣднее время на очередь великій вопросъ о сліяніи всѣхъ разнообразныхъ народностей, населяющихъ Соединенные Штаты въ единую „націю“, — вопросъ объ „американскомъ націонализмѣ“. Это звучитъ парадоксально: американскій націонализмъ означаетъ, въ сущности, денаціолизацію всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ республики. Но это стало, по общему признанію, важной проблемой практической политики. Война обнаружила опасность нынѣшняго положенія, расколовъ страну на два непримиримыхъ лагеря: англо-французскій и австро-германскій. Усилія президента о сохраненіи нейтральнаго настроенія потерпѣли полное фіаско; онъ самъ не могъ удержаться на нейтральной позиціи и долженъ былъ, какъ извѣстно, рѣшительно выступить и противъ Германіи, и противъ Австріи, возстановивъ этимъ противъ себя почти всѣхъ американцевъ германскаго происхожденія. Такимъ образомъ, національное происхожденіе стало политическимъ факторомъ и факторомъ весьма опаснымъ для единства и цѣлости страны. Но противъ націонализма сепаратнаго, центробѣжнаго можетъ успѣшно выступать только націонализмъ общій, объединяющій, центростремительный. Это и стало политическимъ лозунгомъ нашихъ дней, и обѣ большія политическія партіи Соединенныхъ Штатовъ, демократическая и республиканская, поставили его во главу угла своей программы.

„Серьезная проблема стоитъ теперь передъ американскимъ народомъ, а именно: заключеніе процесса постройки націи. Это значитъ: привести нашъ домъ въ порядокъ“, сплоченіе — Америки. Это означаетъ подчиненіе всѣхъ личныхъ стремленій, всѣхъ классовыхъ интересовъ, всѣхъ расовыхъ привязанностей одной господствующей идеѣ о свободной, справедливой, могущественной, стремящейся впередъ Америкѣ, призванной сыграть въ исторіи роль на-

рода, видящаго свою миссію и свое величіе въ служеніи человѣчеству".

Такъ опредѣлилъ народную политическую проблему Соединенныхъ Штатовъ Николасъ Мэррей Бэтлеръ, президентъ университета Колумбія (Нью-Іоркъ) въ большой рѣчи, произнесенной имъ 25-го апрѣля н. ст. на съѣздѣ представителей печати въ Нью-Іоркѣ.

Какъ видимъ, американскій націонализмъ носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ вульгарный націонализмъ Стараго Свѣта, названный Бэтлеромъ въ его рѣчи націонализмомъ матеріалистическимъ и эгоистическимъ, видящимъ въ собственной націи цѣль бытія, превыше всего святого, „выше законовъ, выше морали, выше религіи". Такой націонализмъ здѣсь въ настоящее время невозможенъ. Концепція американскаго націонализма очень высокая и, если она удержится на этой высотѣ, то этотъ націонализмъ, не только не будетъ сопротивляться свободному проявленію естественныхъ и справедливыхъ національныхъ стремленій, но будетъ ихъ высшимъ хранителемъ и покровителемъ.

Однако, далеко не всѣ американцы понимаютъ такъ „американизмъ", т. е. американскій націонализмъ. Обнаруживаются также прямо шовинистическія тенденціи à la Prusse. Благодаря имъ Соединенные Штаты едва не были вовлечены въ войну съ Мексикой. Президенту Вильсону удалось удержать страну отъ этого рокового шага, но это едва ли не его личная заслуга; если бы на его мѣстѣ сидѣлъ Рузвельтъ, то, можетъ быть, роковой Рубиконъ былъ бы уже перейденъ, и Соединенные Штаты были бы на прямомъ пути къ милитаризму прусскаго образца, несмотря на то, что Рузвельтъ страстный противникъ Пруссіи. Мексиканскій конфликтъ былъ пробнымъ камнемъ для „американизма". Много было сторонниковъ разрѣшенія этого конфликта огнемъ и мечомъ даже въ передовыхъ слояхъ американской общественности. Такъ, напр., „Outlook", одинъ изъ руководящихъ еженедѣльниковъ Соединенныхъ Штатовъ, настойчиво рекомендовалъ военное вмѣшательство послѣднихъ въ видѣ временной оккупаціи въ Мексикѣ „стратегическихъ центровъ" и установленія надъ ней протектората, подобнаго протекторату Соед. Штатовъ въ Кубѣ, Порто Рико и на Филиппинахъ. Мотивъ: полный развалъ государственной власти въ Мексикѣ и безсиліе мексиканскаго народа одолѣть анархію безъ посторонней помощи.

„Три года Мексика управляется чернью... Называть самую крупную группу черни „фактическимъ правительствомъ" (de facto governement — это офиціальная квалификація мексиканскаго правительства со стороны правительства Соединенныхъ Штатовъ) — со-

вершенная безсмыслица. Это только самая многочисленная, самая сильная и наилучше организованная часть черни, опустошающей Мексику" — такъ характеризуетъ „Outlook" внутреннее положеніе Мексики.

Однакожъ, сторонники мира были болѣе настойчивы, и они одержали верхъ на этотъ разъ. Большую роль сыграла при этомъ соціалистическая партія, численно слабая но, какъ повсюду, наиболѣе дѣятельная и наиболѣе выдержанная въ принципіальномъ отношеніи. Ея точка зрѣнія по мексиканскому вопросу прямо противоположна точкѣ зрѣнія „Outlook'а": истиннымъ виновникомъ конфликта надо считать не мексиканскую анархію, а — нью-іоркскую биржу; бандитовъ, нарушающихъ спокойствіе Америки, надо искать не въ горахъ Мексики, а на вершинахъ американскаго капитализма, зарящагося на обильныя естественныя богатства Мексики. Выступили также многочисленныя въ странѣ организаціи, посвященныя цѣлямъ международнаго мира, крайне взволновавшіяся перспективой вовлеченія Соединенныхъ Штатовъ въ войну съ маленькой Мексикой въ то время, когда ихъ ожидаетъ такая значительная роль въ возстановленіи и упроченіи мира среди великихъ европейскихъ народовъ.

Рѣшилъ вопросъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ самъ, впрочемъ, говоритъ, что послушался лишь голоса народа. Въ безчисленныхъ письмахъ, получаемыхъ имъ каждодневно отъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ гражданъ, его умоляли о томъ, по его словамъ: „Г-нъ президентъ, не вѣрьте никакимъ убѣжденіямъ, будто нашъ народъ желаетъ войны съ кѣмъ бы то ни было!" — „Еще вчера, замѣтилъ онъ въ рѣчи, произнесенной 30-го іюня н. ст., — когда я, выходя изъ поѣзда, прощался съ машинистомъ, онъ мнѣ сказалъ на прощаніе: „Г-нъ президентъ, держитесь подальше отъ Мексики!.." „Я являюсь теперь, господа, — продолжалъ президентъ, — выразителемъ этого народнаго голоса. Я недаромъ изучалъ исторію: я убѣдился, что величайшей силой исторіи, единственной прочной силой, является сила моральная. То же свидѣтельствуетъ намъ такой компетентный по вопросу свидѣтель, какъ Наполеонъ Первый, сказавшій намъ въ послѣдніе дни своей жизни, оглядываясь назадъ на все, что онъ зналъ изъ исторіи человѣчества, что его заключеніе таково: насиліе никогда не создавало въ исторіи ничего прочнаго, постояннаго".

Этимъ опредѣляется отношеніе Вильсона къ войнамъ вообще и къ войнѣ съ Мексикой въ частности, а также и его отношеніе къ великой войнѣ европейскихъ народовъ нашихъ дней. „Я осмѣлюсь сказать, замѣтилъ онъ въ той рѣчи, что въ великой борьбѣ, бу-

шующей на той сторонѣ океана, насиліе также не создастъ ничего постояннаго".

Поэтому президентъ призывалъ въ заключеніи рѣчи своихъ слушателей (въ нью-іоркскомъ клубѣ печати) помнить, что величайшей силой Соединенныхъ Штатовъ является — идеализмъ. „Соединенные Штаты были зачаты въ идеализмѣ и только въ идеализмѣ, только стремясь къ идеалу при всѣхъ обстоятельствахъ, они сохранятъ свое право на дорогое имя, которое мы такъ любимъ, за которое мы готовы умереть, — имя Америки".

Эта рѣчь Вильсона была политически заключительнымъ аккордомъ конфликта съ Мексикой.

II.

Контрасты характерны для Америки. Существуютъ они, конечно. въ каждой странѣ, но нигдѣ не проявляются такъ ярко и выпукло, Проявилась эта американская особенность также по отношенію къ важнѣйшей проблемѣ нашихъ дней, проблемѣ милитаризма. — Искренно сочувствуя борьбѣ передовой Европы съ прусскимъ милитаризмомъ, американское общественное мнѣніе въ то же самое время вполнѣ одобряетъ милитаристическія стремленія въ собственной странѣ, которыя, правда, по духу не имѣютъ ничего общаго съ милитаризмомъ прусскихъ юнкеровъ, но совершенно противорѣчатъ стремленіямъ европейскихъ противниковъ послѣдняго покончить съ системой охраны мира посредствомъ безконечныхъ вооруженій. Роковой девизъ: „Si vis pacem — para bellum!" все болѣе и болѣе овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ Соединенныхъ Штатовъ.

„Preparedness" — „готовность" стала общимъ политическимъ лозунгомъ, самымъ популярнымъ изъ всѣхъ очередныхъ лозунговъ, признаннымъ всѣми партіями, кромѣ соціалистической. Въ Preparedness Parade, грандіозной манифестаціи за „готовность", состоявшейся въ Нью-Іоркѣ 13-го мая н. с., приняли непосредственно офиціальное участіе 150 тысячъ человѣкъ, а морально едва ли не большинство всего населенія города. Участвовали въ парадѣ всѣ классы и сословія, отъ крупнѣйшаго человѣка Америки, Томаса Эдисона, до скромныхъ подмастерьевъ изъ нашей европейской черты осѣдлости. — Въ Вашингтонѣ къ манифестаціи присоединился самъ президентъ и шелъ во главѣ „парада" съ такимъ же флажкомъ въ рукѣ и въ такомъ же скромномъ костюмѣ, какъ всѣ другіе участники.

Что побуждаетъ Вильсона, пацифиста чистѣйшей воды, оказывать поддержку этому движенію? А то, что американскіе пацифисты вѣрятъ теперь въ возможность успѣшной борьбы съ хищни-

ческимъ милитаризмомъ словесными призывами къ высшему разуму и лучшимъ чувствамъ.

Военные законопроекты еще не закончены разсмотрѣніемъ; и находятся въ настоящее время въ сенатѣ. Смѣта, представленная правительствомъ, была значительно увеличена низшей палатой и будетъ еще болѣе увеличена сенатомъ. Предполагаютъ, что въ общемъ итогѣ сумма чрезвычайныхъ расходовъ на военныя цѣли составитъ около 622 милліоновъ долларовъ, изъ которыхъ одна половина предназначена на флотъ, а другая на армію и укрѣпленія.

Противъ кого вооружается Америка?

Прямого отвѣта никто не даетъ на этотъ вопросъ. „Preparedness", — готовность, или предусмотрительность, на случай опасности. А откуда опасность придетъ, никто пока предсказать не берется. Можетъ быть, изъ Европы; можетъ быть, изъ Азіи; можетъ быть, изъ самой Америки... Одно можно сказать съ увѣренностью: эти вооруженія не имѣютъ въ виду державъ „сердечнаго согласія".

Съ Англіей Соединенные Штаты находятся въ договорныхъ отношеніяхъ, обезпечивающихъ мирное разрѣшеніе всѣхъ конфликтовъ съ помощью третейскаго суда. Къ Франціи отношеніе американскаго общественнаго мнѣнія болѣе чѣмъ дружественное, можно бы сказать — прямо нѣжное, сердечное. Россіи, хотя, — сказать откровенно, — „побаиваются", но не въ военномъ отношеніи... Боятся Германіи и Японіи.

Отношеніе американскаго общественнаго мнѣнія къ Германіи теперь вполнѣ опредѣлилось. Не мало и теперь еще германофиловъ; однихъ выходцевъ изъ Германіи и Австро-Венгріи насчитывается въ Соед. Штатахъ по переписи 1910 г. болѣе 11 милліоновъ. Но ихъ вліяніе на общественное мнѣніе теперь весьма слабое. Нерѣдки сейчасъ и прямыя, публичныя отреченія отъ нынѣшняго германизма со стороны американскихъ нѣмцевъ. Характерна въ этомъ отношеніи публичная „исповѣдь" извѣстнаго американскаго теолога нѣмецкаго происхожденія, профессора Джэмса Шерера, появившаяся 20-го апрѣля т. г. въ „New York Times".

„Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, — исповѣдуется этотъ почтенный ученый, — мое воспитаніе было систематически направлено, прямо и послѣдовательно, къ восхваленію всего германскаго. Выше всего учили меня благоговѣнію передъ германской реформаціей и всѣмъ, что отъ нея воспослѣдовало..... Въ 1907 г. я въ первый разъ посѣтилъ Германію. Это привело меня къ сильному разочарованію. Я отправился туда для дальнѣйшаго ознакомленія съ германскимъ лютеранствомъ и вернулся оттуда съ рѣшеніемъ никогда болѣе не открывать своего рта для восхваленія духовной

и этической мощи современной Германіи..... Дальнѣйшія посѣщенія только подтвердили впечатлѣнія перваго..... Германія, въ которую меня учили вѣрить, испытала, повидимому, полную метаморфозу. Германія Лютера, Гёте, Бэтховена, великая, сердечная, нѣжная, свободная, превращена была желѣзной рукой Гогенцоллерновъ въ удивительную, но бездушную машину, двигаемую ослѣпленнымъ народомъ. Таково было доминирующее впечатлѣніе, которое произвела на меня, къ моему крайнему удивленію, Германія въ 1907 г..... Лѣтомъ 1914 г. я опять былъ въ Европѣ. Вернулся я домой непосредственно передъ началомъ войны со свѣжими европейскими впечатлѣніями, которыхъ освободительная сила знакома каждому путешественнику. Пораженный внезапностью взрыва, я заперся въ своемъ кабинетѣ и въ теченіе двухъ недѣль силился, во имя старой крови и старыхъ связей, а главное, — ради чести и справедливости, понять германскую точку зрѣнія на эту войну. Я не только читалъ „Бѣлую Книгу", но снова проштудировалъ исторію новѣйшей Германіи, жизнь Бисмарка, рѣчи нынѣшняго императора и произведенія — по крайней мѣрѣ отчасти — Бернгарди и Трейчке... И чѣмъ больше я вчитывался въ германскія книги, ища германской точки зрѣнія, тѣмъ болѣе я отдалялся этими самыми произведеніями отъ возможности всякой симпатіи и былъ приведенъ къ убѣжденію, — ставшимъ мало-по-малу вполнѣ глубокимъ, — что германское правительство съ его высокой практической культурой, сознательно желая эту совершенно излишнюю войну, съ его пресловутой системой наведенія ужаса, дошло до варварства, безконечно болѣе возмутительнаго, чѣмъ варварство до-христіанскихъ временъ".

Борьбу съ такой Германіей авторъ считаетъ прямою обязанностью культурныхъ странъ и негодуетъ противъ правительства Соединенныхъ Штатовъ, занявшаго нейтральное положеніе, не дѣлающаго различія между Германіей и Англіей или Франціей. — „Сказать, замѣчаетъ онъ при этомъ, что Англія и Франція сражаются также за насъ, ради свободы и справедливости, значитъ — сказать труизмъ".

Это публичное отреченіе выдающагося представителя американскихъ нѣмцевъ отъ Германіи, естественно, вызвало большое волненіе среди послѣднихъ. На автора посылались тучи писемъ. Много было среди нихъ рѣзко протестующихъ и даже неистово ругательныхъ; но замѣчательно, что на каждое враждебное письмо изъ нѣмецкихъ круговъ приходится, по свидѣтельству автора, нѣсколько сочувственныхъ писемъ изъ тѣхъ же самыхъ круговъ. Шереръ опубликовалъ затѣмъ нѣсколько писемъ въ той же самой газетѣ. — Одинъ нѣмецъ пишетъ:

„Мой отецъ и моя мать были нѣмцами, и я всегда любилъ и почиталъ все нѣмецкое, я все время, съ самаго начала войны читалъ почти исключительно нѣмецкія изданія, но „Бѣлая Книга“ вызвала во мнѣ первыя сомнѣнія. Теперь я убѣжденъ, что единственная достойная роль для нѣмцевъ, не принадлежащихъ къ прусскимъ юнкерамъ, въ томъ, чтобы выступить за правду, за всю правду и только за правду“. Другой нѣмецъ, профессоръ лютеранскаго колледжа заявляетъ: „Мое убѣжденіе, укрѣпляющееся съ каждымъ истекающимъ днемъ, это — что военная олигархія въ Германіи охвачена чисто разбойничьимъ духомъ и что международный миръ зависитъ отъ разгрома этой господствующей въ Германіи силы“...

Общее впечатлѣніе откликовъ на исповѣдь проф. Шерера таково, что онъ считаетъ возможнымъ выразить увѣренность, что „въ случаѣ войны между Соединенными Штатами и Германіей 90% американскихъ гражданъ съ германскими именами будутъ вѣрны своему гражданству“.

III.

Наиболѣе значительнымъ документомъ для характеристики отношенія американскаго общественнаго мнѣнія къ европейской войнѣ является „Адресъ народамъ союзныхъ націй“, подписанный 500 самыхъ выдающихся представителей американской общественности. Число подписей, безъ сомнѣнія, могло бы быть увеличено до безконечности; но иниціаторы съ самаго начала рѣшили ограничиться цифрой 500, чтобы не ослаблять значенія этихъ подписей прибавкой малозначительныхъ именъ. Среди подписавшихся представлены сорокъ два штата и всѣ руководящіе слои страны: бывшіе члены правительства, дипломаты, депутаты, сенаторы, юристы, финансисты, журналисты, артисты, ученые, духовныя лица и пр. — Въ этомъ адресѣ, опубликованномъ 17-го апрѣля н. ст. тек. г., подписавшіеся заявляютъ союзникамъ:

„Мы поддерживаемъ ваше дѣло; наши симпатіи и наши надежды съ вами...

„Мы считаемъ своею обязанностью выяснить хотя бы солидарность нашихъ чувствъ съ тѣми, которые борются за охрану свободъ для всего міра и за высшіе идеалы цивилизаціи...

„Совѣсть Америки не можетъ болѣе хранить молчанія. Она не можетъ подвергать себя риску казаться душевно-нейтральной, не оскорбляя самое себя...

„Подписавшіе этотъ документъ не забываютъ великихъ заслугъ Германіи по отношенію къ новѣйшей цивилизаціи; всѣ мы сознаемъ свой долгъ передъ Германіей; многіе изъ насъ воспользовались пре-

имуществами германской образованности; нѣкоторые изъ насъ имѣютъ нѣмецкую кровь въ своихъ жилахъ. Но благополучіе цивилизаціи, которой Германія дала такъ много, и высшіе интересы самой Германіи, требуютъ, чтобы въ этомъ конфликтѣ Германія и Австрія потерпѣли пораженіе. Мы съ полной вѣрой и надеждой ожидаемъ такого результата..."

О возможныхъ условіяхъ мира адресъ пятисотъ говоритъ:

„Миръ, который не возвращаетъ Бельгію бельгійскому народу и его собственному правительству, который не даетъ имъ такого удовлетворенія, которое позволитъ имъ, насколько это возможно, возстановить разрушенные города и села, вернуть имъ ихъ былое благосостояніе; миръ, который не признаетъ правъ малыхъ національностей Европы; миръ, не дающій какой-либо гарантіи въ томъ, что такое бѣдствіе, какъ нынѣшняя война, не вернется вновь, — миръ, не дающій всего этого, былъ бы не благословеніемъ, а несчастіемъ.

„И именно потому, что мы вѣримъ, что успѣхъ Великобританіи, Франціи, Италіи и Россіи означаетъ возстановленіе Бельгіи и Сербіи и уничтоженіе милитаризма, мы горячо надѣемся на такой результатъ. Мы вѣримъ, что отъ этого зависитъ будущность цивилизаціи".

Этотъ адресъ даетъ намъ и нашимъ союзникамъ полное моральное удовлетвореніе. Но сами американцы начинаютъ сознавать, что этого недостаточно, и все громче раздаются голоса, требующіе активнаго вмѣшательства Америки въ эту великую войну, которая только разыгрывается въ Европѣ, но имѣетъ міровое значеніе.

Еще до опубликованія адреса 500 профессоръ Шарль Эліотъ, президентъ Гарвардскаго университета, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей современной Америки, заявилъ въ письмѣ въ редакцію „The New York Times", что „наступило время для самой сильной изъ республикъ подумать о томъ, какъ она могла бы оказать прямую поддержку изнемогающимъ, истекающимъ кровью Франціи и Великобританіи".

Письмо проф. Эліота напечатано было подъ заголовкомъ: „Готовьтесь къ участію въ войнѣ!" — Оно въ высшей степени интересно и заслужило бы полнаго помѣщенія и въ русской печати, но здѣсь мы, конечно, должны ограничиться возможно краткими цитатами.

Указавъ на общность моральныхъ и политическихъ интересовъ Америки съ Англіей и Франціей и на то, что это теперь ясно для „всѣхъ искреннихъ американцевъ безъ различія происхожденія",

Эліотъ заявляетъ, что при такихъ обстоятельствахъ „нейтральная позиція Соединенныхъ Штатовъ не можетъ болѣе удовлетворять американцевъ". „Настало время, говоритъ онъ, для любящихъ свободу и справедливость перестать быть простыми наблюдателями этой страшной катастрофы. Настало время рѣшительно высказать свое мнѣніе относительно того, на чьей сторонѣ находится право и приготовиться къ участію въ этомъ ужасномъ состязаніи".

Эліотъ требуетъ заключенія постояннаго, наступательнаго и оборонительнаго союза („permanent offensive and defensive alliancee") между Соединенными Штатами и Великобританіей и Франціей. Это требованіе теперь весьма популярно въ Соед. Штатахъ. Политика изоляціи едва ли еще имѣетъ здѣсь серьезныхъ защитниковъ; такъ наз., „доктрина Монроэ" отжила свое время, и Вильсонъ ясно отказался отъ нея въ своей извѣстной рѣчи на банкетѣ „Лиги борьбы за миръ". А достойныхъ союзниковъ Соед. Штаты могутъ, конечно, найти только среди державъ „сердечнаго согласія". Осуществленіе такого союза по окончаніи войны весьма вѣроятно, почти неминуемо, но оно возможно и до этого. По крайней мѣрѣ, идетъ неустанная работа въ этомъ духѣ, и письмо профессора Эліота едва ли имѣетъ чисто академическое значеніе.

Здѣсь образовалось спеціальное общество для пропаганды солидарности Соед. Штатовъ съ народами „сердечнаго согласія". Во главѣ общества стоятъ видные американскіе общественные дѣятели: Жоржъ Путнэмъ, Эвереттъ Абботъ, Б. К. Брайсъ, Франклинъ, Гайдингсъ и проч. Характерно названіе общества: The American Rights Committee. Еще болѣе характерны его основные принципы:

„Мы полагаемъ, что тевтонскія державы отреклись отъ обязанностей цивилизованныхъ націй и вызвали кризисъ, затрагивающій не только европейскія политическія разногласія, но все человѣчество.

„Мы полагаемъ, что передъ лицомъ такого міроваго кризиса нашъ народъ не можетъ оставаться нейтральнымъ, и наше правительство не должно молчать.

„Мы полагаемъ, что державы согласія вовлечены въ борьбу, имѣющую цѣлью устранить господство вооруженной силы надъ міромъ и что онѣ стремятся обезпечить малымъ націямъ ихъ право на независимое и мирное существованіе.

„Мы полагаемъ, что наша обязанность передъ человѣчествомъ и уваженіе къ нашей собственной національной чести требуютъ, чтобы наше правительство сдѣлало необходимые шаги, чтобы поставить націю въ положеніе рѣшительной оппозиціи къ стремлені-

ямъ и образу дѣйствій тевтонскаго союза, и заслуживаютъ глубокаго сочувствія стремленія державъ согласія устранить угрозу прусскаго милитаризма".

Тотъ же духъ господствуетъ въ сущности и въ основанной еще въ прошломъ году (17-го іюня 1915 г.) „Лигѣ борьбы за миръ" (League to enforce Peace), съ тою лишь разницей, что эта лига откладываетъ практическое осуществленіе своихъ принциповъ до конца нынѣшней войны. Лига ставитъ себѣ цѣлью соединить воедино всѣ націи, стремящіяся къ устраненію преобладанія военной силы во взаимныхъ отношеніяхъ между народами, при чемъ этотъ союзъ миролюбивыхъ націй долженъ имѣть оборонительный характеръ противъ тѣхъ націй, которыя воспротивятся этимъ стремленіямъ. — Во главѣ этой лиги стоитъ бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Вильямъ Тафтъ республиканецъ; своею рѣчью на банкетѣ лиги присоединился къ ней морально и нынѣшній демократическій президентъ Вудровъ Вильсонъ. Такимъ образомъ, обѣ господствующія партіи Соединенныхъ Штатовъ признали свою солидарность съ „Лигой борьбы за міръ" и принципы послѣдней становятся руководящими лозунгами американской политики. Это подтверждается также резолюціями партійныхъ конвенцій, состоявшихся въ прошломъ мѣсяцѣ. Фактъ знаменательный для будущихъ международныхъ отношеній. Какъ используетъ его европейская дипломатія?

IV.

Для Англіи и Франціи эта задача несложна; сложна и трудна она для россійской дипломатіи. Отношенія между Соединенными Штатами и Россіей, къ сожалѣнію, за время войны — не улучшились, и нелегко будетъ дипломатіи обойти пропасть, разверзшуюся между ними нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Симпатіи американскаго общественнаго мнѣнія къ союзникамъ Россіи и антипатія къ ея врагамъ не измѣнили этого положенія. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Въ сочувственныхъ союзникамъ манифестаціяхъ, — въ рѣчахъ, адресахъ, статьяхъ, — Россіи . . . . удѣляется мало мѣста. Очень сдержана въ этомъ отношеніи и печать вообще. Охотно пишутъ о

коммерческихъ перспективахъ въ Россіи; дѣловые люди очень этимъ интересуются; но политическихъ отношеній касаются мало.

Это можетъ показаться шагомъ впередъ по сравненію съ тѣмъ, что было непосредственно передъ и послѣ разрыва коммерческаго договора между Соед. Штатами и Россіей въ 1911 г. Но это было бы ошибкой. По существу, отношенія не измѣнились ни на іоту. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, резолюціи, принятыя по спорному съ Россіей вопросу на партійныхъ конвенціяхъ, состоявшихся въ іюнѣ этого года для выработки платформы предстоящихъ президентскихъ выборовъ. Рѣчей тутъ тоже не было; но резолюціи достаточно краснорѣчивы и приняты онѣ на всѣхъ конвенціяхъ единогласно. По существу, резолюціи, касающіяся отношеній съ Россіей, были одинаковы на всѣхъ трехъ конвенціяхъ: демократической, республиканской и прогрессивной. Очевидно, что здѣсь нѣтъ въ этомъ отношеніи никакихъ разногласій. Мы приведемъ поэтому только резолюцію партіи нынѣшняго президента, демократической партіи. Она гласитъ:

„Мы снова заявляемъ, что священныя права американскаго гражданства должны быть охраняемы дома и на чужбинѣ, и что никакой договоръ съ какимъ-либо другимъ правительствомъ не долженъ получить санкціи нашего правительства, который не признаетъ яснымъ образомъ абсолютнаго равенства всѣхъ нашихъ гражданъ, безъ различія расы, вѣры и прежней національности, и не признаетъ права экспатріаціи. Американское правительство должно охранять права американскихъ гражданъ не только дома, но и за границей; всякая страна, имѣющая правительство, должна быть привлечена къ полной отвѣтственности за всякую несправедливость, причиненную имъ лично или имущественно. При первой практической возможности наша страна должна серьезно стремиться къ возстановленію мира между воюющими европейскими націями и стараться добиться признанія основныхъ принциповъ справедливости и человѣчности, чтобы всѣ люди пользовались равенствомъ правъ и были свободны отъ ограниченій въ странахъ ихъ пребыванія“.

Платформа демократической конвенціи вырабатывалась при ближайшемъ участіи самого президента Соед. Штатовъ; безъ его одобренія не было принято ни одного значительнаго рѣшенія. Приведенная резолюція имѣетъ поэтому особое значеніе. Такія же резолюціи были приняты, какъ уже было указано, также на республиканской и прогрессивной конвенціяхъ. Всѣ партіи единодушны по этому вопросу.

У насъ, повидимому, склонны думать, что выраженная въ приведенной резолюціи точка зрѣнія на взаимныя отношенія между

Соединенными Штатами и другими странами случайна, — навѣяна случайной агитаціей враговъ Россіи и можетъ быть свѣяна противоположной агитаціей. Это большая ошибка. Планомѣрной агитаціи противъ Россіи теперь здѣсь нѣтъ. Отказались отъ нея сами нѣмцы, когда убѣдились, что и наименѣе расположенные къ Россіи круги готовы принять ее подъ свою защиту противъ Германіи. Неблагопріятныя Россіи сообщенія и замѣтки появляются, правда, довольно часто въ печати, но источникомъ служитъ, большею частью, сама Россія, — „услужливые друзья“ ея.

Что касается американскихъ евреевъ, послужившихъ причиной русско-американскаго конфликта, то и они за все время войны только одинъ разъ выступили въ организованномъ видѣ противъ Россіи: это, когда до нихъ дошла вѣсть о массовыхъ выселеніяхъ и гоненіяхъ евреевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ своей, чисто еврейской печати они, конечно, отмѣчаютъ всѣ переживанія ихъ единовѣрцевъ въ Россіи и не стѣсняются въ выраженіяхъ чувствъ, вызываемыхъ въ нихъ этими извѣстіями; но въ общей американской печати не было съ ихъ стороны агитаціи за все время войны, за единственнымъ, упомянутымъ выше, исключеніемъ. Самые значительные изъ руководимыхъ евреями американскихъ газетъ, какъ, напр., самая вліятельная изъ утреннихъ газетъ, „The New York Times“ и самая вліятельная изъ вечернихъ газетъ Нью-Іорка, „The Evening Post“ — рѣшительные „Pro-Allies“, т. е. на сторонѣ „сердечнаго согласія“. — „Pro-Allies“ такъ же оба лидера американскаго еврейства: глава „Американскаго еврейскаго комитета“ Луи Маршалъ и его соперникъ, президентъ Сіонистскаго комитета, Луи Брандайсъ.

Въ конфликтѣ съ Россіей, приведшему въ 1911 г. къ отказу Соединенныхъ Штатовъ отъ стараго торговаго договора съ Россіей, американскіе евреи, какъ извѣстно, имѣли рѣшающее вліяніе; но также, не столько благодаря агитаціи, сколько вслѣдствіе самаго существа дѣла, затрагивающаго самыя чувствительныя струны американской политической психологіи. Эта психологія мало знакома у насъ; между прочимъ, крайне важно, чтобы ее у насъ знали и понимали.

На нашъ политическій масштабъ позиція, занятая Америкой въ конфликтѣ съ Россіей — „радикальна“; здѣсь же она почти элементарна, основанная на фундаментальныхъ принципахъ американской государственности. Этимъ и объясняется единодушіе и настойчивость американскаго общественнаго мнѣнія въ данномъ конфликтѣ. Вудровъ Вильсонъ, нынѣшній президентъ Соединенныхъ Штатовъ, вообще человѣкъ умѣренныхъ политическихъ взглядовъ;

многіе считаютъ его консерваторомъ, и онъ самъ иногда себя называетъ таковымъ. А между тѣмъ какъ „радикально“ звучитъ на нашъ слухъ резолюція, принятая по интересующему насъ вопросу на конвенціи его партіи, вѣроятно, не безъ его одобренія. Вильсонъ принялъ близкое участіе въ русско-американскомъ конфликтѣ съ самаго его возникновенія, будучи главнымъ ораторомъ на памятномъ митингѣ въ нью-іоркскомъ Carnegie-Halle, 6-го декабря 1911 г., послужившимъ послѣднимъ толчкомъ къ отказу американскаго правительства отъ торговаго договора. Остановимся на этой роли; она намъ выяснитъ смыслъ и значеніе этого конфликта для Америки.

Вильсонъ былъ въ то время губернаторомъ въ Нью-Джерси. Его офиціальное положеніе требовало особой сдержанности въ выраженіяхъ, тѣмъ не менѣе Вильсонъ, всегда очень сдержанный и умѣренный, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ продолженія договорныхъ отношеній съ Россіей до признанія послѣдней равноправія всѣхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ при сношеніяхъ съ Россіей. Этого требуетъ, заявилъ при этомъ Вильсонъ „достоинство нашего правительства“: вопросъ затрагиваетъ не однихъ только евреевъ, это вопросъ общеамериканскій.

„Мы народъ практичный, — продолжалъ Вильсонъ. — Какъ и весь міръ, мы устанавливаемъ наши торговыя отношенія на основахъ полезности, а не сантиментальности. Чувства американскаго народа по отношенію къ русскому народу всегда были проникнуты глубокой симпатіей; точно также наши отношенія съ его правительствомъ были искренни и почтительны во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось общихъ интересовъ обѣихъ націй. Мы не уклонялись отъ дружественныхъ отношеній и не отказывали ему (русскому правительству) въ своемъ уваженіи изъ-за того, что его политика находится въ рѣзкомъ контрастѣ съ нашей. Мы желали быть другомъ и развивать наши взаимныя отношенія все тѣснѣе и тѣснѣе.

„Но наша жизнь имѣетъ свою принципіальную сторону. Америка не состоитъ только лишь изъ торговцевъ, она состоитъ изъ свободныхъ людей. Наше величіе построено на нашей свободѣ; оно моральнаго, а не матеріальнаго характера. Мы имѣемъ много склонности къ наживѣ, но также и глубокую страсть къ правамъ человѣка. Наши дѣйствія основаны на принципахъ. Безъ нихъ Америка была бы невозможна...

„И вотъ мы имѣемъ въ нашей средѣ большую группу нашихъ еврейскихъ согражданъ, давшую намъ много выдающихся представителей для всѣхъ отраслей нашей многообразной жизни, людей, ставшихъ частью самаго ядра Америки, людей, понявшихъ идеалы Америки съ поразительною ясностью, руководящихъ ея предпрія-

тіями съ мужествомъ и мудростью. Они играютъ значительную роль въ созданіи именно того благосостоянія, которому наше правительство (правительство Тафта, долго сопротивлявшееся разрыву торговаго договора) удѣляетъ столько вниманія при переговорахъ съ русскимъ правительствомъ по вопросу о правахъ человѣка. Они не евреи въ Америкѣ; они американскіе граждане. Въ этомъ большомъ вопросѣ, который насъ занимаетъ сейчасъ, мы выступаемъ за нихъ, какъ за выразителей и борцовъ за тѣ принципы, которые лежатъ въ самой основѣ нашей государственности. Они вдругъ стали представителями всѣхъ насъ. Наши выступленія за нихъ будутъ пробой нашей искренности, нашей правдивости, дѣйствительности нашихъ принциповъ".

Такъ говорилъ Вильсонъ въ качествѣ губернатора. Несомнѣнно, что и въ качествѣ президента онъ не высказался бы иначе, если бы ему пришлось снова высказаться публично по этому вопросу. Точно такъ же высказался бы и всякій другой президентъ Соединенныхъ Штатовъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ.

Конечно, русская политика есть дѣло Россіи. Россія можетъ закрыть свои двери не только для американскихъ евреевъ, но также для всѣхъ американцевъ. Это признаютъ сами американцы; но они, повидимому, предпочитаютъ, — какъ это и было заявлено на томъ же митингѣ, на которомъ выступалъ Вильсонъ съ вышеупомянутой рѣчью, — полный разрывъ сношеній съ Россіей расколу въ собственной средѣ.

V.

Соединенные Штаты готовятся войти въ семью великихъ державъ и принять дѣятельное участіе въ міровой политикѣ. Историческое событіе величайшей важности. Какіе мотивы внесетъ новая великая держава въ международый „концертъ"? Своего рода прелюдіей къ тому служитъ ея конфликтъ съ Германіей по поводу подводной войны послѣдней. Основнымъ мотивомъ рѣшительнаго выступленія Соединенныхъ Штатовъ противъ Германіи президентъ Вильсонъ призналъ въ своемъ обращеніи къ конгрессу 19-го апрѣля тек. г. слѣдующее: „...Силою обстоятельствъ мы являемся въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтственными выразителями правъ человѣчности и мы не можемъ молчать, когда эти права смываются съ лица земли водоворотомъ ужасной нынѣшней войны. Мы обязаны изъ уваженія къ нашимъ собственнымъ правамъ, какъ нація, изъ чувства долга, какъ представители правъ нейтральныхъ странъ, передъ всѣмъ міромъ, а также изъ вѣрнаго пониманія правъ человѣчества занять теперь нашу позицію самымъ торжественнымъ и твердымъ образомъ".

Громко звучитъ здѣсь нота долга передъ человѣчествомъ. Живо откликнулось на нее общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ. Первое активное выступленіе новой великой державы произошло подъ знакомъ общечеловѣческой солидарности, во имя права и человѣчности. Оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Германія принуждена была къ капитуляціи; она удовлетворила всѣ требованія Вильсона, потерпѣвъ едва ли не самое чувствительное дипломатическое пораженіе за все время существованія Германской Имперіи. Такъ начали Соединенные Штаты свою новую карьеру. Посмотримъ теперь, какъ они намѣрены ее продолжать.

Этотъ вопросъ занималъ большое мѣсто на послѣднихъ партійныхъ конфенціяхъ. Господствующее въ странѣ настроеніе вылилось въ принятыхъ на этихъ конвенціяхъ резолюціяхъ. Общій характеръ послѣднихъ рѣшительно мирный; но онѣ въ то же время требуютъ созданія сильной, постоянной арміи и могущественнаго флота. Америка желаетъ мира, но считаетъ, что для охраны послѣдняго въ настоящее время требуется — военная сила. Самая крупная изъ ея пацифическихъ организацій это — „Лига борьбы за миръ“ (Ligue to Enforse Peace).

Лига эта имѣетъ во главѣ, какъ мы уже упомянули, бывшаго республиканскаго президента Соединенныхъ Штатовъ Вильяма Говарда Тафта и пользуется, повидимому, также полнымъ сочувствіемъ нынѣшняго демократическаго президента, Вильсона. Въ ея составѣ находятся виднѣйшіе представители обѣихъ партій; она можетъ, поэтому, претендовать на особый авторитетъ и будетъ, несомнѣнно, имѣть большое вліяніе на иностранную политику Соед. Штатовъ. Необходимо, слѣдовательно, знать ея намѣренія. Они сводятся къ слѣдующему.

Соединенные Штаты образуютъ вмѣстѣ съ другими странами союзъ государствъ, связанныхъ между собою обязательствомъ передавать всѣ возникающія между ними разногласія юридическому трибуналу или третейскому суду. На особыхъ конгрессахъ представителей странъ, примкнувшихъ къ этому союзу, должны быть выработаны международные законы, служащіе основой для сужденій трибунала. Если какая-либо изъ союзныхъ державъ совершитъ враждебный актъ противъ другой союзной державы, или вступитъ съ нею въ войну, то прочія союзныя государства должны направить противъ нея всѣ свои экономическія и военныя силы.

Эту программу принялъ также президентъ Вильсонъ, заявивъ въ своей извѣстной рѣчи на банкетѣ „Лиги борьбы за миръ“, что Соединенные Штаты готовы войти въ союзъ съ другими странами для обезпеченія международнаго мира.

„Я увѣренъ, сказалъ онъ, что выражу мысль и желаніе всего американскаго народа, если заявлю, что Соединенные Штаты готовы стать партнеромъ въ ассоціаціи народовъ, имѣющей цѣлью осуществить эти задачи и обезпечить ихъ отъ нарушенія".

Задачи эти суть: право самоопредѣленія для всѣхъ народовъ, неприкосновенность малыхъ государствъ, международный миръ.

„Каждый народъ имѣетъ право избрать форму правленія, подъ которой онъ желаетъ жить.

„Малыя государства имѣютъ такое же право на самостоятельность и неприкосновенность, какъ великія и могущественныя державы.

„Миръ имѣетъ право быть освобожденнымъ отъ покушеній на его покой нарушеніемъ правъ отдѣльныхъ народовъ".

Таковы задачи, которыя ставитъ себѣ заатлантическая республика, вступая въ кругъ великихъ европейскихъ державъ. Вполнѣ совпадая со стремленіемъ народовъ „сердечнаго согласія" и съ оффиціальными лозунгами союзныхъ правительствъ, американская программа будетъ служить имъ могущественной поддержкой.

Для обновленія всего духа въ международныхъ отношеніяхъ, котораго такъ жаждутъ европейскіе народы, присоединеніе „Новаго Свѣта" къ европейскому концерту можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Свободная отъ устарѣлыхъ традицій и рутины американская дипломатія дастъ сильный толчекъ къ обновленію также и европейской дипломатіи. „Новая, здравая дипломатія" составляетъ прямое требованіе новаго партнера въ международномъ концертѣ („a new and more wholesome diplomacy"). Нелегко будетъ закоснѣвшей въ маккіавелліевыхъ традиціяхъ старой европейской дипломатіи удовлетворить этому требованію; но еще труднѣе ей будетъ уклониться отъ него.

На какихъ принципахъ должно быть основано это обновленіе? — Американскій отвѣтъ на этотъ вопросъ содержится въ той же рѣчи президента Вильсона.

„Ясно, сказалъ онъ, что въ будущемъ народы должны управляться тѣмъ же высокимъ кодексомъ чести, который мы требуемъ отъ личности.

„Произволъ и насиліе должны быть исключены изъ международныхъ отношеній".

Съ этимъ политическимъ евангеліемъ идетъ Америка въ Европу, — переживающей нынѣ крушеніе старой системы международныхъ отношеній. Совпадая по существу съ современнымъ стремленіемъ передовыхъ европейскихъ народовъ, американскіе принципы послужатъ имъ новой точкой опоры. Опираясь на

волю самаго свободнаго, самаго энергичнаго и нынѣ едва ли не самаго сильнаго, экономически и политически, изъ всѣхъ культурныхъ народовъ міра, эти принципы, вѣроятно, будутъ въ ближайшую эпоху однимъ изъ самыхъ значительныхъ факторовъ международной жизни.

„Страна неограниченныхъ возможностей въ экономическомъ отношеніи, Америка имѣетъ нынѣ почти столь же широкія перспективы и въ политическомъ отношеніи. Въ союзѣ съ „владычицей морей“ она легко можетъ занять первое мѣсто на міровой аренѣ. Такой союзъ настолько созрѣлъ политически, что скоро самъ спадетъ съ дерева, какъ спѣлый плодъ. Вмѣстѣ съ Великобританіей въ союзъ съ великой заатлантической республикой войдетъ, надо полагать и родная ей по духу Французская республика, войдутъ, вѣроятно, также всѣ, или почти всѣ малыя государства, для которыхъ осуществленіе американскихъ принциповъ международныхъ отношеній является вопросомъ жизни и смерти.

Въ этой великой международной коалиціи должна заблаговременно обезпечить себѣ достойное мѣсто и наша родина. Великія жертвы, которыя она нынѣ приноситъ ради побѣды права и справедливости надъ произволомъ и насиліемъ въ международныхъ отношеніяхъ, даютъ Россіи право на одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ „ассоаціаціи народовъ“, предлагаемой Соединенными Штатами. И это мѣсто будетъ само собой ей предоставлено, если она устранитъ всякія сомнѣнія въ ея вѣрности принципамъ права и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ осуществленіемъ этихъ принциповъ въ своей государственной жизни.

Нью-Іоркъ.

Р. Бланкъ.

ПОНИЖЕНІЕ КУЛЬТУРЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

Война принесла населенію Германіи тяжелыя временныя стѣсненія, особенно въ области продовольствія, — но не только въ ней и не только временныя. Пониженіе уровня быта во многихъ отношеніяхъ должно пережить войну. Платье, квартира, мыло, резина, обувь, бумага, газеты и т. д., а также взгляды и отношенія въ экономической жизни (см. ниже) и пр. — во всѣхъ областяхъ матеріальной и идейной обстановки жизни можно установить все ускоряющееся возвращеніе Европы къ обстановкѣ, отношеніямъ и понятіямъ прежнихъ вѣковъ. Наиболѣе организованнымъ образомъ происходитъ паденіе культуры въ Германіи, матеріаломъ о которой ограничивается настоящая корреспонденція. Убѣдившись въ неизбѣжности пониженія уровня жизни, нѣмцы стараются проводить его систематически, съ сознательной планомѣрностью, дабы жизнь ухудшалась болѣе или менѣе равномѣрно для всѣхъ. Стараніе это порождается, конечно, давленіемъ туземной демократіи, но равномѣрность оказывается далеко не идеальной — о ней можно говорить лишь въ сравненіи съ положеніемъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ.

Основной чертой организованнаго пониженія уровня культуры сравнительно со стихійнымъ является появленіе сознанія, что принимаемыя мѣры въ своей совокупности хватаютъ гораздо дальше удовлетворенія требованій момента. Когда безпорядочно и въ разной мѣрѣ для разныхъ слоевъ накопляются стѣсненія и недохватки то ножницъ, то гвоздей, то сахара, и когда принимаемыя мѣры ограничиваются обывательскими жалобами въ газетахъ и изданіемъ таксъ, то общественное сознаніе не отдаетъ себѣ еще достаточно отчета, имѣетъ ли оно дѣло съ временнымъ затрудненіемъ или съ признакомъ болѣе прочнаго пониженія уровня быта. Обратное происходитъ, когда, какъ въ Германіи, предпринимается систематическое организованное сжатіе производства и потребленія по опредѣленному плану. Тогда учитываются измѣненія, наступив-

шія въ состояніи производительныхъ силъ общества, и степень возможности вернуть прошлое состояніе. Въ результатѣ въ Германіи стало общимъ мѣстомъ, что проведенная и проводимая тамъ теперь въ жизнь регламентація производства и потребленія (регламентація въ сторону сокращенія) не сможетъ просто и прямо быть отмѣненной послѣ окончанія войны. Даже въ той области, гдѣ ограниченія наиболѣе тяжелы и болѣзненны, — въ области продовольствія, по недавнему заявленію Ф. Батоцкаго (президента имперскаго продовольств. вѣдомства) послѣ войны не будетъ просто возстановленъ свободный обмѣнъ, но будетъ проводимъ въ жизнь „планъ организаціи продовольствія", который будетъ выработанъ вѣдомствомъ лишь предстоящей зимой (интервью Батоцкаго).

Несмотря на всю хозяйственную мощь Германіи и на незатронутость ея территоріи военными дѣйствіями, — даже эта страна считаетъ свои хозяйственныя силы уже прочно и замѣтно ослабленными по сравненію съ ихъ довоеннымъ состояніемъ. А потому естественно, что послѣ войны производство, взятое въ цѣломъ, не можетъ стоять на прежнемъ уровнѣ. Было бы, впрочемъ, чудомъ, если бы дѣло обстояло иначе. Наблюдая ростъ объединенія крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, ускоренный въ Германіи войной, часто дѣлаютъ поспѣшный выводъ, что война двинула впередъ историческій процессъ экономическаго развитія. Безъ сомнѣнія, капитализмъ сталъ организованнѣе. Но такъ какъ это произошло на основѣ паденія производительныхъ силъ, то во многомъ эта организованность и сложившіяся отношенія составляютъ скорѣе шагъ назадъ, къ нѣкоторому подобію феодально-цехового строя, чѣмъ впередъ, къ высшимъ формамъ хозяйства. Вѣдь цеховой строй тоже былъ организованнѣе привычнаго намъ до войны частно-капиталистическаго. Однако, по сравненію съ послѣднимъ, цеховой строй представляетъ не высшую, а низшую ступень развитія. Ниже приведены иллюстраціи, какъ въ устахъ органовъ современнаго буржуазнаго государства воскресаютъ воззрѣнія (и мѣропріятія) цехового періода, извѣстныя намъ раньше только изъ историческихъ книжекъ. Ниже указано также широко проводимое, задуманное и для періода послѣ войны, возрожденіе экономической сути феодальныхъ отношеній въ германскомъ сельскомъ хозяйствѣ (зависимый обязательный трудъ и пр.). Возрожденіе экономическаго феодализма въ деревнѣ отлично гармонируетъ съ возрожденіемъ многихъ сторонъ цеховыхъ отношеній въ городѣ и съ приведеніемъ въ соотвѣтствіе съ уровнемъ средневѣковья всей обстановки жизни вообще. Разумѣется, процессъ этотъ совершается въ Германіи въ политическихъ рамкахъ современнаго конституціоннаго государства, что

создаетъ маскирующія формы, но онъ все же совершается, и можно развернуть достаточно убѣдительную картину охватыванья имъ хозяйственной жизни страны. При этомъ—такого охватыванья, послѣдствія котораго не могутъ быть устранены простымъ фактомъ прекращенія Германіей войны, тѣмъ болѣе, что по заявленіямъ канцлера и др. видно, что на такое прекращеніе она не можетъ сейчасъ разсчитывать.

Въ первыя недѣли войны, въ концѣ августа 1914 г. Ю. Ларинъ писалъ въ стокгольмской газетѣ Брандинга, что настоящая война по своимъ послѣдствіямъ и продолжительности составитъ аналогію эпохѣ паденія Великой Римской Имперіи, приведетъ къ „экономическому варварству" (т. е. къ натуральному хозяйству), если не послѣдуетъ быстраго возврата къ нормальнымъ условіямъ. Съ тѣхъ поръ прошло два года. Интересно, сознавали ли люди начавшееся обратное экономическое движеніе (регрессъ) при его возникновеніи въ прошлыя времена исторіи, или за массой событій, воспринимавшихся, какъ временныя потрясенія и нарушенія нормальнаго порядка, не видѣли общаго смысла эпохи. Напр., въ Великой Римской Имперіи были уже изрядные зачатки буржуазныхъ отношеній, вообще, экономически она стояла выше, чѣмъ смѣнившій строй кучи варварскихъ государствъ, образовавшихся вмѣсто этого обширнаго интернаціональнаго цѣлаго. Человѣку нашего времени кажется страннымъ преувеличеніемъ, вѣроятно, если о высокоразвитой Германіи говорить, какъ о странѣ, идущей къ средневѣковью. Должно быть, подобное же отношеніе къ непривычному, какъ у насъ сейчасъ, было и у римлянина въ начальной стадіи эпохи упадка — когда жаловались на кучу конкретныхъ бѣдъ и недостатковъ, но не представляли себѣ еще всего ихъ историческаго смысла. Особенно смущаетъ видимость экономическаго движенія ранѣе всего начавшая наблюдаться въ мѣрахъ широкаго и рѣшительнаго воздѣйствія на хозяйственную жизнь со стороны германской государственной власти и столковавшихся ради этого съ нею и между собой главныхъ центровъ германскаго капитализма.

Въ сентябрѣ 1914 г. я напечаталъ въ „Русск. Вѣд." корр. о „Мобилизаціи германскаго хозяйства", гдѣ впервые разсказалъ о начавшейся планомѣрной реорганизаціи нѣмецкой хозяйственной жизни, въ образованіи центральнаго „военнаго комитета германской индустріи" и т. д. Слѣдовательно, не отсутствіемъ свѣдѣній объ успѣхахъ Германіи въ области хозяйственной организаціи объясняются пессимистическія ожиданія въ то же время начала поворота къ „экономическому варварству" (въ родѣ

приведенныхъ Ю. Ларина). Наоборотъ, позволю себѣ напомнить, что уже тогда, почти два года назадъ, я показывалъ въ „Русск. Вѣд.“, что при помощи организаціи Германія сможетъ не умереть съ голода въ предстоявшіе годы, — чему не хотѣли вѣрить въ то время столь многіе, склонные, наоборотъ, видѣть „движеніе къ соціализму“ въ тѣхъ мѣрахъ, совокупность которыхъ я характеризовалъ тогда терминомъ „государственный капитализмъ“.

Государственный капитализмъ на основѣ паденія производительныхъ силъ — это возвратъ къ феодально-цеховому строю въ модернизированной оболочкѣ. Такова, повидимому, основная тенденція переживаемой эпохи, при чемъ степень полноты реализаціи этой тенденціи зависитъ отъ продолжительности того явленія, которое вызвало ее къ жизни. Дѣло серьезнѣе, чѣмъ временное разстройство и потрясеніе хозяйственнаго организма, и если оно гладко пойдетъ впередъ своимъ чередомъ, то мы сможемъ ближе познакомиться съ уровнемъ быта, какъ онъ былъ въ доброе старое время. Если полтора года назадъ, говоря о „государственномъ капитализмѣ“, я указывалъ лишь на сходство нѣкоторыхъ моментовъ съ установленіями цехового періода (сводя объясненіе къ возникшей въ Германіи ограниченности и извѣстности рынка и т. п.) и рисовалъ древнее Перу, какъ „идеалъ“, къ которому особо ускоренно приближаются отношенія (продолжая еще до войны высказанную Гильфердингомъ мысль), — то теперь можно еще учесть достаточно уже обозначившійся фактъ паденія производительныхъ силъ, какъ тотъ фонъ, на какомъ воздвигается зданіе государственнаго капитализма. Наличностью этого фона объясняются нѣкоторыя особенности въ установившейся нынѣ организаціи и тотъ характеръ, который пріобрѣла вся организація: приближеніе къ уровню производительныхъ силъ докапиталистическаго періода.

Разумѣется, это не значитъ, что Германія разбивается на рядъ замкнутыхъ мѣстныхъ рынковъ и т. п., какъ было въ средніе вѣка. Если почти исчезли велосипеды (запрещены) и почти исчезли автомобили (запрещены въ большинствѣ случаевъ), то желѣзныя дороги еще дѣйствуютъ. Черты феодально-цехового строя возрождаются теперь, какъ указано, въ модернизированной формѣ и при иныхъ масштабахъ въ мірѣ хозяйственныхъ явленій, чѣмъ въ средніе вѣка. Ниже будетъ дана сводка характернаго въ этомъ отношеніи въ области экономической жизни.

Пока, разумѣется, можно лишь гадать, насколько далеко назадъ успѣетъ зайти экономическій регрессъ, формально прикрываемый, маскируемый лучшею прежняго организаціей капиталистовъ.

Что за болѣе совершенной формой скрывается болѣе бѣдное содержаніе — на этотъ счетъ не дѣлаютъ себѣ иллюзій и сами нѣмцы. Ярче всего это выражается въ общераспространенномъ сознаніи неизбѣжности болѣе низкаго уровня жизни въ Германіи, чѣмъ какой былъ до войны, и уменьшенія производимой массы вообще. Недавно въ Берлинѣ состоялась обширная конференція по вопросу о „массовомъ кормленіи". Участвовало свыше ста представителей всѣхъ германскихъ правительствъ, делегаты шестидесяти крупныхъ общественныхъ организацій, бургомистры, ученые и т. д. Предсѣдатель, министръ ф. Меллеръ, закончилъ свою заключительную рѣчь такъ: „Разныя изъ вызванныхъ войной къ жизни установленій будутъ продолжать существованіе и послѣ войны. Навязанная намъ войной привычка къ умѣренности должна быть удержана и въ мирное время. До войны потребленіе разныхъ видовъ продовольствія, напр., мяса, доходило до отвратительной расточительности" (цит. по „Vorwärts'у", отъ 5 іюля). Между тѣмъ потребленіе мяса германскими рабочими предъ войной составляло всего 75 граммовъ въ день на душу, въ среднемъ менѣе одной пятой русскаго фунта (по изслѣдованію имп. статист. бюро). Даже такую скромную среднюю величину министръ ф. Меллеръ находитъ недостижимой для будущаго. Если ужъ таковы перспективы относительно продовольствія, то легко составить представленіе, насколько хозяйственные итоги войны умалятъ, откинутъ назадъ удовлетвореніе другихъ менѣе настоятельныхъ потребностей — въ платьѣ, въ помѣщеніи и т. д. Чтобы избавиться отъ такихъ слѣдствій, германскому народу надо уничтожить всѣ проценты по займамъ и вообще всю капиталистическую эксплоатацію, дабы имѣть возможность всѣ силы общества сосредоточить на поднятіи уровня народнаго быта и культуры. Тогда и уменьшенныхъ сравнительно съ состояніемъ предъ войной производительныхъ силъ хватило бы, чтобы жить въ общемъ не хуже, вѣроятно, даже лучше, чѣмъ до войны.

Но въ настоящій моментъ нельзя учесть, наступитъ ли скоро послѣ войны въ Германіи подобная перемѣна, мыслимая вообще лишь въ опредѣленной международной обстановкѣ, а паденіе быта пока уже существующій фактъ.

II.

По постановленію союзнаго совѣта отъ 10 іюня н. ст., съ 1 августа н. ст. одежду и бѣлье можно покупать въ Германіи въ каждомъ случаѣ лишь при полученіи особаго разрѣшительнаго свидѣтельства. Одеждо-бѣльевыя карточки отличаются отъ продовольствен-

ныхъ тѣмъ, что послѣднія (хлѣбную, масляную, мясную и т. д.) каждый человѣкъ имѣетъ право получить и получаетъ безъ всякихъ разговоровъ. А одеждо-бѣльевая карточка будетъ выдаваться лишь тому, кто докажетъ агентамъ, утверждаемымъ центральнымъ „имперскимъ платьевымъ вѣдомствомъ“ (Reichsbekleidungstelle), что ему нужна новая такая-то вещь. По полученной карточкѣ человѣкъ можетъ затѣмъ купить желательную ему вещь въ любомъ магазинѣ Германіи, либо купить для нея матерію и заказать любому портному. Такимъ путемъ разсчитываютъ заставить допашивать всѣ вещи до конца и износить также всѣ не модныя вещи, имѣющіяся въ частныхъ хозяйствахъ и магазинахъ. Въ свою очередь, фабрики и оптовые торговцы имѣютъ право продавать товары только тѣмъ магазинамъ и портнымъ, съ которыми они состояли въ постоянныхъ дѣловыхъ отношеніяхъ еще до 1 мая н. ст. Слѣдовательно, новые посредники исключаются, каждому производителю и оптовику указывается точно кругъ его покупателей и обратно. Магазины и портные теряютъ право изготовлять платье и бѣлье „на складъ“ (т. е. для продажи впослѣдствіи въ готовомъ видѣ пока неизвѣстнымъ покупателямъ), а могутъ изготовлять ихъ въ каждомъ случаѣ только на основаніи письменнаго заказа покупателя. Матеріи, платье и бѣлье всякаго рода должны продаваться въ оптовой и въ розничной продажѣ не выше, чѣмъ по цѣнамъ, существовавшимъ на эти матеріи, платье и бѣлье въ каждомъ предпріятіи 31 января н. ст. 1916 г. Въ сомнительныхъ случаяхъ рѣшаютъ особые повсемѣстно дѣйствующіе третейскіе суды. За время съ 10 іюня до 1 августа разрѣшается всѣмъ магазинамъ продать лишь пятую часть имѣющихся въ нихъ товаровъ (предварительно долженъ быть составленъ полный и подробный списокъ всего имѣющагося въ каждомъ магазинѣ съ указаніемъ цѣнъ, какъ онѣ были для каждой вещи 31 января 1916 г.).

Отъ продажи съ 1 августа лишь по разрѣшительнымъ карточкамъ освобождены только три рода товаровъ. Во-первыхъ, небольшая группа, сокращеніе потребленія которой признано нежелательнымъ по гигіеническимъ соображеніямъ: дѣтскія пеленки, перевязочный матеріалъ, бинты и т. п. Во-вторыхъ, тѣ товары, беречь которые нѣтъ нужды, такъ какъ исчезновеніе ихъ съ рынка не нанесетъ, по мнѣнію правительства, особаго ущерба населенію. Сюда союзный совѣтъ отнесъ: ленты, шнурки, подтяжки и подвязки, кружева, шапочки и шляпы, вуаль, зонтики, ковры, дорожки, цвѣтныя скатерти, корсеты, подбитую или покрытую мѣхомъ одежду, воротники, манжеты, галстухи, ночные капоты, шелковые ботинки и носовые платки. Иначе сказать, почти все это, особенно средніе и

дешевые сорта, будетъ немедленно раскуплено и затѣмъ исчезнетъ изъ продажи. Новыхъ подтяжекъ, носовыхъ платковъ и т. п. широкая масса германскаго населенія уже долго-долго не увидитъ. И даже послѣ войны не увидитъ въ прежнемъ количествѣ.

Въ-третьихъ, исключены предметы роскоши. Къ нимъ отнесены шелкъ и издѣлія изъ шелка, а равно всѣ предметы одѣянія дороже опредѣленной цѣны. При этомъ все время имѣются въ виду цѣны, какъ онѣ были 31 января н. ст. 1916 г. „Роскошными" вещами отнынѣ считаются въ Германіи женскія рубашки отъ 6 мар. 50 пф. за штуку (3 руб.), мужскія рубашки отъ 7 мар., женскія шерстяныя блузы отъ 15 мар., мужская жилетка отъ 10 мар., мужское лѣтнее пальто отъ 65 мар. (30 руб.), мужское зимнее пальто отъ 80 мар., женскій костюмъ отъ 80 мар., юбка отъ 25 мар. и т. д. Какъ видно, граница опредѣлена такимъ образомъ, что среднезажиточные слои смогутъ покупать обычные для нихъ по цѣнѣ предметы одѣянія безъ всякихъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ. Ограниченію, регламентаціи и контролю подвергнуты покупки только широкихъ массъ населенія (въ Германіи 88% народа входитъ въ семьи тѣхъ, чей мѣсячный доходъ не достигаетъ 101 руб., по довоенному курсу — по даннымъ подоходнаго налога за 1914 г.).

Въ первомъ засѣданіи совѣта имперскаго одежднаго вѣдомства 23 іюня н. ст. былъ разсмотрѣнъ вопросъ о модѣ и предписано обязательное количество матеріи, больше котораго нельзя употреблять для шитья каждой вещи. Напр., для кофточки при ширинѣ матеріи въ 110 сантим. можно израсходовать не свыше 1 метра 80 сантим.; для юбки къ костюму при ширинѣ матеріи въ 130 сантим. — не свыше 2 метровъ 75 сантим.; для платья дѣвочки шести лѣтъ величиной № 65 при ширинѣ матеріи въ 110 сантим. — не свыше 2 метровъ 20 сантим.; для платья дѣвочки восьми лѣтъ величиной № 75 при ширинѣ матеріи въ 110 сантим. — не свыше 2 метровъ 50 сантим.; и т. д., и т. п. На каждые 10 сантиметровъ, на которые матерія уже приведенной ширины, накидывается 10% на длину. За каждый случай нарушенія предписанныхъ размѣровъ — штрафъ не ниже 300 мар. и до тысячи.

Наконецъ 6 іюля н. ст. опубликованы имп. одежд. вѣдомствомъ руководящія начала относительно различенія случаевъ, когда надо и когда не надо выдавать карточку на покупку предметовъ одежды. Правила разработаны довольно подробно въ примѣненіи къ разнымъ частямъ населенія и разнымъ случаямъ жизни. Напр., при вступленіи въ бракъ и основаніи собственнаго домашняго очага

разрѣшается покупать и шить „не свыше пятой части обычно принятаго количества“, при вступленіи дѣвочки въ пансіонъ разрѣшается „безъ особыхъ доказательствъ потребности“ получить карточку для шитья платья и бѣлья „въ умѣренныхъ границахъ“. Зато солдатамъ и унтеръ-офицерамъ воспрещается вовсе покупать себѣ бѣлье (ибо получаютъ отъ казны), не могутъ также покупать для нихъ и родственники (спеціально оговорено). Агентами по выдачѣ разрѣшительныхъ карточекъ на покупку платья назначены частью мѣстныя самоуправленія (напр., берлинскій магистратъ).

Само собой, всѣ эти ограниченія не распространяются на вещи изъ шелка, шелковаго бархата, мѣха, кисеи и кружевъ („роскошь“) Ширина юбокъ изъ такихъ матерій не регламентируется, и покупать шелковыя рубашки можно въ любомъ количествѣ, въ мѣру кармана (запасы шелка въ Германіи велики и по Reichsarbeitsblatt'у шелковыя, бархатныя и кружевныя фабрики работаютъ теперь довольно оживленно — единственныя изъ всей текстильной индустріи). Пунктъ 4-й постановленія отъ 6 іюля н. ст. предписываетъ, буде поступятъ соотвѣтственныя просьбы объ одеждо-бѣльевыхъ карточкахъ, — „указывать зажиточнымъ кругамъ населенія на неподлежащіе регулированію предметы“.

Въ средніе вѣка въ эпоху господства феодально-цеховыхъ отношеній, каждому сословію тоже было точно указано, кому въ чемъ ходить. Дворянство носило шелкъ и бархатъ, а „просторожденнымъ“ предоставлены были скромныя матеріи съ опредѣленіемъ ихъ ширины, цѣны и т. д. Промысломъ, т. е. изготовленіемъ и продажей матерій и предметовъ одѣяній никто не могъ заниматься, кромѣ признанныхъ входящими въ цехъ (ср. съ постановленіемъ 10 іюня н. ст. о кругѣ лицъ, кому фабриканты могутъ продавать свои издѣлія, о кругѣ допускаемыхъ къ торговлѣ и т. д.). Производство на открытый рынокъ, на неопредѣленнаго потребителя, котораго надо еще искать, не признавалось; допускалась лишь работа на заказъ.

Вся эта практика цехового строя воскрешается въ Германіи съ постановкой во главѣ дѣла „послѣдняго слова капитализма“: особаго центра, представляющаго собой комбинацію и „гармоническое сочетаніе“ государственной власти и главныхъ капиталистическихъ организацій данной отрасли промышленности. Имперское одеждное вѣдомство состоитъ изъ двухъ частей. Устройство его типично для всѣхъ нынѣшнихъ подобныхъ „имперскихъ центровъ“ въ Германіи, почему остановимся на немъ подробнѣе. Административный отдѣлъ состоитъ изъ назначенныхъ канцлеромъ лицъ съ совѣтомъ при нихъ изъ представителей разныхъ частей населенія. Этотъ отдѣлъ осу-

ществляетъ контроль надъ вторымъ отдѣломъ (дѣловымъ, коммерческимъ) и рѣшаетъ основные принципіальные вопросы: о размѣрахъ производства и нормахъ распредѣленія, равно объ уровнѣ цѣнъ — въ данномъ случаѣ уровень цѣнъ уже предопредѣленъ состояніемъ ихъ на 31 января 1916 г.

Вторымъ отдѣломъ является дѣловой, коммерческій (Geschäftsabteilung). Имъ является „акціонерное общество военнаго хозяйства (Kriegswirtschafts A.-G.) съ основнымъ капиталомъ въ 16 милл. мар. Пайщиками состоятъ наиболѣе видныя фирмы и капиталисты изъ области производства и продажи матерій и предметовъ одѣянія, а также имперія, нѣкоторыя составныя государства Германіи и болѣе крупные города (предсѣдателемъ наблюдательнаго совѣта „дѣлового отдѣла“ всегда является, впрочемъ, президентъ „административнаго отдѣла“). Дѣловому или коммерческому отдѣлу предоставляется фактическое проведеніе въ жизнь нынѣшней „капиталистически-цеховой“ системы. Во-первыхъ, онъ руководитъ обмѣномъ между отдѣльными городами и частями страны (въ средніе вѣка мѣстные цехи дополнялись иногда гильдіями оптовиковъ, исполнявшими сходныя функціи). Это означаетъ, прежде всего, контроль надъ сырыми матеріалами и распредѣленіе ихъ между отдѣльными предпріятіями по опредѣленному плану. Такъ какъ заправилами „дѣлового отдѣла“ являются всегда крупнѣйшія фирмы данной отрасли промышленности и ихъ союзы, то подобный порядокъ весьма усиливаетъ позиціи крупно-капиталистическихъ элементовъ. Во-вторыхъ, „дѣловому отдѣлу“ принадлежитъ надзоръ и контроль надъ всѣми предпріятіями страны, право осмотра торговыхъ книгъ, счетовъ съ кліентами и т. п. (не только при злоупотребленіяхъ, но и вообще для опредѣленія сравнительной потребности въ матеріалахъ и товарахъ и т. д.). Это открываетъ крупнымъ предпріятіямъ и ихъ союзамъ, входящимъ въ правленіе и наблюдательный совѣтъ дѣлового отдѣленія, всѣ торговые секреты ихъ менѣе счастливыхъ конкурентовъ и позволяетъ успѣшно отбивать кліентуру и подчинять себѣ среднія предпріятія. Мелкія, въ виду ихъ техническаго несовершенства, „недопустимаго при необходимости экономить рабочія силы и средства въ военное время“, часто просто обходятся при распредѣленіи или удовлетворяются худшимъ товаромъ на невыгодныхъ условіяхъ, чѣмъ обрекаются на крушеніе. Безуспѣшныя жалобы на такую практику періодически слышны въ рейхстагѣ и въ спеціальной печати.

Такимъ образомъ, происходитъ вообще движеніе назадъ къ цеховымъ порядкамъ и въ то же время оно сопровождается небывалымъ развитіемъ и организованнымъ закрѣпленіемъ господства

капиталистической олигархіи въ каждой отрасли хозяйства, подвергнутой подобному регламентированію. Я нарочно подробнѣе изложилъ организацію одеждо-бѣльевого дѣла, потому что въ ней, — впрочемъ, какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ, — очень отчетливо выражены четыре основныхъ принципа, распространяемые теперь все ускоряющимся темпомъ съ одной отрасли германскаго хозяйства на другую.

1. Законодательное закрѣпленіе неравенства качества потребленія разными слоями населенія (ср. ниже о „массовомъ кормленіи“ и т. п.).

2. Прикрѣпленіе къ промыслу и ограниченіе его кругомъ допущенныхъ лицъ, „искони“ къ нему принадлежащихъ (отмѣна свободы промышленности).

3. Созданіе опредѣленнаго рынка: точная связь между даннымъ потребителемъ и даннымъ торговцемъ и производителемъ (ср. ниже о „припискѣ кліентуры“ и т. п.).

4. Проведеніе всего этого путемъ сочетанія въ центральной руководящей организаціи государственной власти и капиталистическихъ синдикатовъ.

Государство подчиняетъ монопольному руководству соотвѣтственнаго капиталистическаго синдиката всѣ предпріятія данной отрасли хозяйства, доселѣ стоявшія внѣ синдиката и не подчинявшіяся ему; иногда законъ принудительно заставляетъ ихъ вступить въ него (ср. ниже недавно изданные законы о водочной монополіи, о цементѣ, о торговлѣ скотомъ, о банкахъ и т. д.). Взамѣнъ этого усиленія власти (и доходности) монопольнаго капиталистическаго центра государство обезпечиваетъ себѣ контроль надъ нимъ („административный отдѣлъ“), дабы одна группа капиталистовъ не использовала своего монопольнаго положенія въ данной отрасли слишкомъ въ ущербъ остальнымъ предпринимателямъ, коммерсантамъ и финансистамъ страны. Такъ какъ контроль осуществляется правительствомъ Бетманъ-Гольвега, то онъ, естественно, преслѣдуетъ цѣли тѣхъ круговъ, интересы которыхъ режимъ Бетманъ-Гольвега вообще представляетъ.

Теперь уже для многихъ отраслей хозяйства созданы въ Германіи монопольные имперскіе центры (Reichsstelle) указаннаго типа (въ смыслѣ раздѣленія на административный и дѣловой отдѣлъ строенія, состава и полномочій этихъ отдѣловъ). Созданіе „дѣловыхъ отдѣловъ“ подобныхъ центровъ иногда смѣшиваютъ съ обычнымъ синдикатскимъ объединеніемъ предпринимателей и хотятъ видѣть въ немъ простое продолженіе тенденціи къ капиталистическимъ объединеніямъ, очень замѣтно проявлявшейся повсюду уже

о войны. Сходство заключается въ томъ, что и „дѣловой отдѣлъ“ какого-либо центра подчиняетъ себѣ всю соотвѣтственную отрасль промышленности и регулируетъ въ ней всѣ отношенія, какъ какой-либо синдикатъ, и даже еще въ большей мѣрѣ. Въ большей, ибо за „дѣловымъ отдѣломъ“ стоитъ вся сила государственной власти („административный отдѣлъ“) и велѣніемъ закона онъ достигаетъ столь полнаго подчиненія себѣ всѣхъ предпріятій данной отрасли, какого обычные довоенные синдикаты не достигали. Но этимъ внѣшнимъ формально-организаціоннымъ сходствомъ дѣло и ограничивается. Принципіальная разница направленія развитія сразу обнаруживается, если обратить вниманіе на существо дѣла: какимъ измѣненіямъ въ производствѣ соотвѣтствуютъ, какими измѣненіями въ производствѣ обусловливаются формально-организаціонныя образованія обоихъ типовъ централизованно-монопольнаго регулированія, — довоеннаго синдикатскаго и нынѣшняго „государственно-капиталистически-цехового“. Синдикатскія объединенія прежняго времени жили въ обстановкѣ расширенія сбыта и постепеннаго поднятія уровня жизни населенія. Они не имѣли нужды поэтому прибѣгать къ регламентаціи средневѣковаго типа. Нынѣшніе „центры“ съ ихъ „дѣловыми отдѣлами“ создаются въ обстановкѣ прочнаго пониженія прежняго уровня жизни населенія, сокращенія спроса и сокращенія производства. Ниже приведенъ рядъ оцѣнокъ компетентныхъ нѣмецкихъ дѣятелей, насколько и почему слѣдуетъ ждать для эпохи послѣ войны длительности меньшей производительности труда и низшаго уровня жизни, чѣмъ все это было до войны. Средневѣковыя черты нынѣшней регламентаціи возникли на почвѣ движенія уровня жизни и уровня производства назадъ. Приближеніе быта къ прежнимъ временамъ сопровождается и реставраціей разныхъ характерныхъ чертъ экономической организаціи прежнихъ вѣковъ. Зачѣмъ было бы пять лѣтъ назадъ предписывать, кто долженъ носить простое платье, а кто можетъ шелкъ, кто долженъ довольствоваться „массовымъ кормленіемъ“, выдаваемымъ изъ центральныхъ кухонь, а кто можетъ готовить дома, — когда производство шло все вверхъ, когда всякихъ вещей дѣлалось много, когда для руководящихъ слоевъ германскаго населенія не было опасности остаться съ недостаточнымъ количествомъ шелка или ѣды лучшаго качества (напр. мяса высшаго сорта). Теперь народный трудъ, взятый въ цѣломъ, не въ силахъ обезпечивать странѣ столько шелка и иныхъ продуктовъ высшаго качества, какъ до войны, и не сможетъ, какъ единодушно утверждаютъ нѣмецкіе экономисты и дѣятели правящихъ классовъ, обезпечить ихъ въ прежнемъ количествѣ и послѣ войны. Нынѣ все это, конечно, еще усиливается сравнительной

отрѣзанностью страны отъ большей половины ея внѣшняго рынка. Но какъ увидимъ, нѣмцы отлично понимаютъ, что дѣло не только въ отрѣзанности отъ заграницы, а въ пониженіи производительной способности самой страны. Отрѣзанность со временемъ прекратится, но пониженіе останется въ большей степени, чѣмъ болѣе длительно будутъ подвергаться разрушительному вліянію участія Германіи въ войнѣ ея матеріальныя и личныя силы. Вещи, дома и машины изнашиваются безъ надлежащаго возстановленія и теряютъ часть своихъ техническихъ достоинствъ. Люди слабѣютъ отъ плохого питанія во время войны и пониженія всего уровня быта, отъ перенапряженной работы, а нѣкоторые, сверхъ того, отъ переваливающаго уже на третій годъ пребыванія въ окопахъ, то на западномъ, то на южномъ, то на восточномъ фронтѣ. Къ тому же людей дѣлается меньше, какъ отъ большого числа погибающихъ, такъ и отъ крупнаго числа нерождающихся; работоспособность населенія Германіи оказывается надолго умаленной. Въ итогѣ, велосипедъ замѣняется пѣшимъ хожденіемъ, кожаные ботинки на ногахъ замѣняются картонными (см. ниже постановленіе по этому поводу союзнаго совѣта), и самый картонъ дѣлается уже не изъ бумаги, а изъ „искусственнаго“ ея суррогата. Хотя и не въ такой мѣрѣ, но извѣстное пониженіе качества и количества потребленія послѣ войны уже обезпечено, и пока не видно еще предѣла для усиленія этого пониженія и для нарастанія въ соотвѣтствіи съ нимъ средневѣковыхъ чертъ въ экономической организаціи общества.

III.

Раньше, чѣмъ идти дальше, надо привести нѣсколько иллюстрацій разносторонности пониженія быта въ Германіи подъ вліяніемъ войны.

Нѣмецкія хозяйки издавна славятся любовью къ чистотѣ и аккуратности. Если не ошибаюсь, именно въ Германіи родилось ходкое изреченіе объ измѣреніи культурности народа величиною потребленія мыла. Мыло, дѣйствительно, одинъ изъ продуктовъ культуры новаго времени; средневѣковье не знало его, какъ предмета массоваго народнаго потребленія. Наше мыло, какъ мы его знаемъ, вообще родилось только съ первой французской революціей. То, что называлось тогда мыломъ приготовлялось исключительно изъ цвѣтовъ нѣкоторыхъ растеній острововъ Средиземнаго моря. Революціонныя войны отрѣзали Францію отъ острововъ, и правительство ея издало особое „воззваніе къ изобрѣтателямъ“ съ приглашеніемъ создать что-либо замѣняющее. Въ результатѣ, было

изобрѣтено нынѣшнее мыло (изготовляемое изъ жировыхъ веществъ, сала павшихъ животныхъ и т. д.). Первые полтора года войны нѣмцы могли расходовать мыло, какъ въ мирное время. Первое ограниченіе утверждено союзнымъ совѣтомъ 6 января н. ст. 1916 г. Размѣры индивидуальнаго потребленія не были еще ограничены, но были запрещены нѣкоторые сорта и нѣкоторые способы производства. Побудительнымъ мотивомъ было, главнымъ образомъ, стремленіе сохранить побольше жировъ для употребленія въ пищу (по этой же причинѣ въ Германіи сначала ограничено, а затѣмъ особымъ закономъ вовсе запрещено производство масляныхъ красокъ).

Ограниченіе производства повело къ неравномѣрности сокращенія потребленія мыла разными слоями населенія. 19 апрѣля н. ст. союзный совѣтъ ввелъ обязательный раціонъ, одинаковый для всѣхъ: каждому жителю разрѣшалось покупать въ мѣсяцъ 100 граммовъ ($^1/_4$ русск. фунта) мыла для мытья лица, рукъ, тѣла и для бритья, и 500 гр. ($1^1/_4$ ф.) простого мыла или мыльнаго порошка для стирки. Это было уже замѣтно меньше, чѣмъ мирное потребленіе, но все же еще не трагично. Однако, уже черезъ четверть года оказалось невозможнымъ поддерживать производство и на этомъ уровнѣ, и съ 1 августа н. ст. вступаетъ въ силу новый законъ. Каждый житель безъ различія получаетъ „имперскую мыльную карту". По этой картѣ можно покупать мыло въ любомъ мѣстѣ имперіи, но только въ четвертую недѣлю каждаго мѣсяца; въ первыя три недѣли продажа воспрещена. Но самое главное — уменьшеніе вдвое раціона: съ 1 августа н. ст. разрѣшается покупать на душу только по 50 гр. (восьмая русск. фунта) мыла для умыванья и бритья (т. е. для обѣихъ цѣлей вмѣстѣ только 50 гр.) и по 250 гр. для стирки. Максимальная цѣна за 50 гр. мыла для умыванья установлена въ 20 пф. (около 75 коп. русскій фунтъ), а за 250 гр. мыльнаго порошка и пр. для стирки — 30 пфен. По особымъ прошеніямъ разрѣшается повышать мыльный раціонъ для дѣтей до полутора лѣтъ вдвое, для трубочистовъ, горнорабочихъ и рабочихъ, постоянно занятыхъ у огня или угля, — втрое, для врачей и для находящихся въ больницахъ — впятеро.

Для сравненія можно привести, что въ Россіи, гдѣ потребленіе мыла не достигло особаго развитія, рабочіе нефтяной промышленности въ Баку получали въ 1910 г. по тысячѣ граммовъ мыла въ мѣсяцъ (А. Стопани — „Нефтепромышл. рабочій", Баку, 1916), т. е. больше, чѣмъ теперь получаютъ въ Германіи даже трубочисты, не говоря ужъ объ обычныхъ жителяхъ. Если до января нѣмецъ получалъ по три восьмыхъ русскаго фунта мыла въ мѣсяцъ для умыванья, съ конца апрѣля по двѣ восьмыхъ и съ августа по одной

восьмой, то легко представить себѣ, что третій годъ войны могъ бы повести въ Германіи къ полному упраздненію мыла, къ полному возстановленію традицій средневѣковаго варварства.

„Затрудненія, какія вызваны во многихъ областяхъ отвлеченіемъ рабочихъ силъ для военныхъ нуждъ, распространились и на индустрію по производству бумаги“ — такъ начинается оффиціальное сообщеніе, опубликованное въ нѣмецкой печати 20 апрѣля н. ст. и сообщающее объ учрежденіи союзнымъ совѣтомъ „Военно-хозяйственнаго центра нѣмецкаго газетнаго дѣла“. Газеты — такое же порожденіе современной культуры, какъ мыло, потому ихъ должна была, естественно, постигнуть подобная же участь. Сжатіе „потребленія печати населеніемъ“ сказалось въ томъ, что уже за первые $1^3/_4$ года войны число органовъ періодической печати уменьшилось въ Германіи на три тысячи (оффиц. данныя). Однако, это не спасло отъ дальнѣйшаго ограниченія, для равномѣрнаго проведенія котораго и созданъ спеціально упомянутый „Военно-хозяйств. центръ газет. дѣла“. Сначала его компетенція распространялась только на гладкомашинную содержащую дерево бумагу; но 16 іюля н. ст. канцлеръ подчинилъ ему бумагу всякаго рода, какая только употребляется для печатныхъ произведеній всякаго рода. Никто не имѣетъ отнынѣ права покупать бумагу для газетъ или журналовъ иначе, какъ черезъ посредство казенной газетной „Kriegwirtschaftsstelle“. Законъ оговариваетъ, что, если какое-либо издательство имѣетъ собственную бумажную фабрику, оно все же не имѣетъ права получать отъ нея бумаги. Вся бумага и съ такихъ фабрикъ должна поступать въ распоряженіе „центра“, который распредѣляетъ ее между всѣми изданіями страны согласно особому „ключу распредѣленія“. Исходнымъ моментомъ для него является размѣръ газеты или журнала въ 1915 г. (площадь страницы, помноженная на число страницъ). Съ 1 іюля н. ст. всѣ органы печати должны были сократить свои размѣры отъ 5 до 10 процентовъ, смотря по величинѣ. Сверхъ того, съ того же дня воспрещена раздача и разсылка агитаціонныхъ и иныхъ безплатныхъ экземпляровъ (разрѣшена безплатная выдача по экземпляру на лазаретъ и казарму, равно каждому сотруднику и объявителю). Постановленіе это наноситъ, кстати сказать, замѣтный ударъ агитаціонной роли рабочей печати, сплошь и рядомъ раздававшейся безплатно. Казенный центръ газетнаго дѣла (согласно описанному образцу, въ „совѣтѣ“ при немъ представлены главные издатели) имѣетъ право и долженъ провѣрять по книгамъ, сколько экземпляровъ осталось непроданными и т. п. Непроданные устарѣвшіе экз. съ успѣхомъ могутъ пойти на переработку въ бумажные канаты и т. п. издѣлія, признаваемыя болѣе необходи-

мыми, чѣмъ газеты. Начало планомѣрнаго сбора старой бумаги для переработки относится къ 1 мая н. ст. Въ одномъ Берлинѣ, гдѣ учреждено было 450 сборныхъ пунктовъ, за первые полмѣсяца собрано почти 50 тыс. пудовъ. Въ объявленіи о сборѣ указано, что до переработки гарантируется приведеніе въ неудобочитаемый видъ жертвуемыхъ „любовныхъ писемъ и дѣловыхъ бумагъ", и что каждый, доставившій полтора пуда, получитъ „желѣзное кольцо на память о желѣзномъ времени", а доставившій три пуда — большой хорошо исполненный портретъ Гинденбурга или Макензена.

Какъ и въ случаѣ съ мыломъ, конкуррентомъ культурной потребности, созданной ростомъ цивилизаціи (мыло, газета), являются болѣе элементарныя потребности, предварительное удовлетвореніе которыхъ необходимо, какъ предварительное условіе для созданія почвы, на которой затѣмъ расцвѣтаютъ цвѣты цивилизаціи. Когда у общества не хватаетъ рабочихъ силъ обезпечить себѣ почву и цвѣты на ней, то вопросъ рѣшается въ пользу „почвы": мыло уступаетъ мѣсто заботамъ о поддержаніи жирового питанія людей, а газетная бумага отступаетъ на задній планъ предъ обращеніемъ бумаги на изготовленіе веревокъ. Берлинскія газеты отъ 27 мая н. ст. разсказали о „выставкѣ бумажныхъ канатовъ". Здѣсь находимъ всѣ ихъ виды отъ шпагата для покупокъ и веревки для привязи телятъ до якорнаго каната морскихъ пароходовъ и фабричныхъ машинныхъ ремней. Съ другой стороны, если принять во вниманіе исчезновеніе трехъ тысячъ газетъ и журналовъ, предписанное съ 1 іюля н. ст. ограниченіе размѣровъ оставшихся и воспрещеніе безплатныхъ экземпляровъ, то нѣмецкій народъ получаетъ уже лишь нѣсколько болѣе половины (60% по объему) той газетно-журнальной литературы, какую привыкъ получать въ мирное время. Шагъ къ средневѣковью уже довольно замѣтный, особенно если подумать о многозначительномъ обѣщаніи союзнаго совѣта къ 1 сент. н. ст. разсмотрѣть, насколько и какія понадобятся еще ограниченія въ расходѣ бумаги періодической печатью.

Впрочемъ, судя по крупному проценту не занятыхъ учительскихъ мѣстъ, среди подрастающаго въ эти годы поколѣнія даже въ Германіи окажется не мало такихъ, какимъ газеты вовсе не понадобятся — по неграмотности или по малограмотности. Когда на одну учительницу приходится 150 дѣтей вмѣсто 50, тогда успѣхи обученія не могутъ быть велики, особенно если на нѣсколько (обычно учебныхъ въ Германіи) мѣсяцевъ въ году школьники и школьницы освобождаются отъ посѣщенія занятій ради надеждъ на помощь ихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. На почвѣ недостатка учителей прусское мин. народн. просв. рѣшилось на такую смѣлую для

него мѣру, какъ на разрѣшеніе замѣщать христіанъ учителей еврейками-учительницами, — что вызвало въ части печати цѣлую полемику. Раньше Германія была страной абсолютной грамотности. Значитъ и въ этомъ отношеніи она становится на путь сдвига къ средневѣковью, — хотя еще не столь значительно, какъ въ другихъ областяхъ жизни [1]).

Спички тоже продуктъ цивилизаціи, — наши предки довольствовались кремнемъ и т. п. Излишне излагать здѣсь исторію „спичечныхъ мѣропріятій военнаго времени". Достаточно сказать, что къ іюню н. ст. тек. года контингентъ производства ограниченъ былъ союз. сов. уже всего половиною мирной нормы. Но въ іюнѣ оказалось (сообщеніе союза нѣм. спичечн. фабрикантовъ, 29 іюня н. ст.), что „мелкія фабрики не могутъ поддерживать производство въ полномъ объемѣ даже нынѣшняго контингента". Отчасти, конечно, можно при желаніи утѣшаться тѣмъ соображеніемъ, что меньше требуется спичекъ вслѣдствіе уменьшенія возможности зажигать источники свѣта. Уже послѣдней зимой по оффиц. даннымъ, Германія имѣла только 20% нормальнаго количества керосина. Сначала замѣтны были успѣхи электрическаго освѣщенія въ виду недостатка керосиноваго, но не удалось поднять производство угля до уровня мирнаго времени, и это остановило возможность расширенія примѣненія электричества. Такъ какъ значительная часть даже городского населенія должна была проводить вечера въ темнотѣ, то правительство распорядилось отдѣлить извѣстную часть запасовъ керосина и электрическаго тока для освѣщенія по вечерамъ школъ и нѣкоторыхъ другихъ публичныхъ зданій. Въ эти помѣщенія должны были собираться мужчины и женщины, имѣющіе платную работу на дому (швеи и др.), дабы не останавливать производительной дѣятельности. Создалось положеніе: для богатыхъ электричество (ибо зажиточные классы въ Германіи провели въ свои квартиры электричество еще до войны), а для малоимущихъ — темнота или вечера внѣ дома въ импровизированныхъ мастерскихъ-школахъ. Подобное организованно-планомѣрное раздѣленіе потребленія по качеству (ср. приведенное выше объ одеждѣ) можно отмѣтить также для организаціи приготовленія пищи. Сравнительно зажиточнымъ слоямъ населенія предоставлено попрежнему приготовлять обѣдъ дома, готовить каждый день блюда по своему выбору. Отправить ихъ въ центральныя столовыя означало бы

---

[1]) Можно отмѣтить паденіе культурной работы и среди юношества. Напр. журналъ „Arbeiter-Jugend" имѣлъ передъ войной 108 тыс. подписчиковъ, а къ 1 окт. н. ст. 1915 г. уже только 63 тысячи.

„разрушать семейный очагъ“ и т. п. Но въ примѣненіи къ малоимущимъ подобное „разрушеніе“ вводится теперь въ Германіи въ порядокъ дня. Къ началу августа н. ст. въ Берлинѣ открыты уже городскія „центральныя кухни“ свыше чѣмъ на двѣсти тысячъ человѣкъ, а въ октябрѣ городская дума обѣщаетъ наладить кухни, въ общемъ, на полмилліона человѣкъ (изъ 1.800 тыс. нынѣшняго населенія Берлина безъ предмѣстій). За 40 пф. (около 20 коп.) здѣсь выдается горячій обѣдъ (литръ), при чемъ мало разнообразное меню устанавливается городской думой. Къ подобной же организаціи массоваго кормленія малоимущихъ приступлено и въ другихъ городахъ. Идея выдвинута была въ рейхстагѣ соц.-демократами (Эбертомъ, а предварительно въ печати д-ромъ Зюдекумомъ), но съ тѣмъ, чтобы всѣмъ воспретить дома приготовлять обѣдъ и этимъ достичь полнаго контроля надъ питаніемъ всѣхъ классовъ, устранить болѣе обильный столъ болѣе зажиточныхъ и тѣмъ самымъ поднять питаніе народныхъ массъ. Однако ф. Батоцкій принялъ эту мысль съ оговоркой о ненужности принужденія и о предоставленіи желающимъ приписываться къ „центральнымъ кухнямъ“ по доброй волѣ. Въ этомъ смыслѣ осуществляютъ теперь городскія самоуправленія новую организацію. Предполагается, что къ зимѣ уже треть городского населенія будетъ получать обѣды изъ центральныхъ городскихъ кухонь. По мѣрѣ того, какъ для все бо́льшаго числа родовъ пищи вводятся обязательные раціоны, неравенство между столомъ зажиточныхъ и малоимущихъ падаетъ, но остается все же тотъ фактъ, что одни „добровольно“ приписаны къ центральнымъ кухнямъ, а другимъ предоставлено распоряжаться дома по собственному усмотрѣнію.

Самые дома, вѣрнѣе квартиры, тоже подпали вліянію общей тенденціи къ пониженію быта. Недавно имперское статистическое бюро опубликовало отчетъ о „строительной дѣятельности и квартирномъ рынкѣ въ нѣмецкихъ городахъ въ 1915 г.“. Оказывается, въ 47 крупнѣйшихъ городахъ Германіи въ мирномъ 1912 г. было вновь отстроено 68.022 квартиры, затѣмъ въ 1914 г. только 36.308 и, наконецъ, въ 1915 г. всего 14.334 квартиры или почти впятеро меньше мирной нормы. Прибавлю, что по даннымъ за первые мѣсяцы 1916 г. строительная дѣятельность сократилась еще больше. 29 іюня н. ст. 1916 г. союзный совѣтъ призналъ себя даже вынужденнымъ въ виду этого издать законъ о равномѣрномъ сокращеніи цементнаго производства. Учрежденіе новыхъ цементныхъ заводовъ, расширеніе старыхъ и заключеніе новыхъ контрактовъ на поставку цемента на срокъ послѣ 31 декабря н. ст. временно вовсе воспрещается (устройство новыхъ цементныхъ заводовъ вообще

воспрещается). Учреждается казенная „Reichsstelle für Zement“, имперскій центръ обычнаго типа, для руководства въ дальнѣйшемъ всею отраслью производства, для устраненія въ ней конкурренціи („въ интересахъ національнаго хозяйства“, какъ гласитъ оффиціальный комментарій), для проведенія равномѣрнаго сокращенія и т. д. „Достойно сожалѣнія, — замѣтилъ недовольный ростомъ государственнаго вмѣшательства „Berliner Tageblatt“, — что опять приходится привилегировать существующее на счетъ возможнаго въ будущемъ развитія“.

Остановка строительства наблюдалась во всей странѣ и можетъ быть иллюстрирована движеніемъ суммы гипотекъ и закладныхъ 37 главныхъ нѣмецкихъ гипотечныхъ банковъ. Залогъ участка и дома въ банкѣ при возведеніи постройки является въ Германіи общимъ правиломъ, почему ежегодно сумма гипотекъ возрастаетъ на нѣсколько сотъ милліоновъ марокъ въ соотвѣтствіи со среднимъ темпомъ строительства. Еще въ 1914 г. сумма всѣхъ гипотекъ и закладныхъ въ этихъ банкахъ возросла въ общемъ на 300,5 милл. марокъ. Въ слѣдующемъ 1915 г. она, наоборотъ, уменьшилась на 47,7 мил. мар. Иначе сказать, помѣщеніе капитала въ новыя постройки оказалось меньше, чѣмъ уменьшеніе суммы гипотекъ вслѣдствіе перехода старыхъ домовъ во владѣніе банковъ и ежегоднаго погашенія. Имп. статист. вѣдомство считаетъ, что за первые два года войны не достроено въ Германіи противъ обычной нормы около четверти милліона квартиръ. Въ третьемъ же году не воздвигнутся, очевидно, почти всѣ 200 тыс. квартиръ, которыя ежегодно отстраивались здѣсь вновь. Надо замѣтить, впрочемъ, что и сооружаемые вновь дома обставляются не такъ, какъ прежде. Еще въ январѣ т. г. попалось сообщеніе о „реформѣ громоотводовъ“, основанной на изысканіяхъ проф. Руппеля (безъ мѣди, безъ позолоченнаго или платинированнаго конца, безъ саженнаго или полусаженнаго металлическаго стержня, безъ изолятора, — просто легкая жестяная обивка по краямъ трубы и крыши съ небольшими наконечниками и металлическимъ проводомъ по стѣнѣ дома до земли). Или, напр., мѣдные предметы (равно изъ мессинговаго сплава и никкеля). Г. Давидъ, художественно-историческій экспертъ при „Kriegsmetallgesellschaft“ [1]), описалъ 16 іюня н. ст. 1916 г. два

[1]) При самомъ началѣ войны, 13 августа н. ст. 1914 г., учреждено „отдѣленіе сырыхъ матеріаловъ при военномъ министерствѣ“ („Kiegsrohstoffabteilung“). При немъ изъ крупнѣйшихъ фирмъ каждой индустріи (и въ связи съ соотвѣтств. банками) организовано для каждой такой индустріи „военное общество“. Этому обществу передается управленіе всѣми сырыми матеріалами для данной отрасли производства, не только казенными и секвестрованными, но и частными и завоеванными. Потому всѣ издѣлія изъ никкеля, мессинга, и т. п. попадали въ „K. metal. g.“.

громадныхъ склада секвестрованныхъ принадлежностей квартирной обстановки въ восточной гавани Берлина и въ Лихтенбергѣ подъ Берлиномъ. Онъ описываетъ безконечную отливающую золотомъ высокую стѣну, толщиной въ полторы-двѣ сажени, „сплошь отстроенную изъ сотенъ тысячъ небольшихъ сверкающихъ предметовъ — въ мирное время это были мессинговыя печныя дверцы". Трамвайныя ручки и ручки комнатныхъ дверей, висячія лампы изъ указанныхъ металловъ, ванны, трубы и всякая мѣдная и т. п. посуда — все это изъято во всей Германіи изъ народнаго потребленія и подвергнуто быстрому уничтоженію (въ измѣненномъ видѣ) на поляхъ сраженій. При той обстановкѣ, какая всѣми ожидается внутри страны послѣ войны, совершенно невѣроятно, чтобы въ ближайшіе годы населеніе Германіи смогло возстановить всю отчужденную у него теперь и уничтоженную квартирную обстановку (равно какъ истраченные довольно обильные запасы платья, имѣвшіеся до войны даже у рабочаго населенія Германіи).

Уменьшеніе домостроительства ведетъ къ увеличенію скученности населенія въ имѣющихся квартирахъ и къ соотвѣтственному ухудшенію жизни. Это неизбѣжное при такихъ обстоятельствахъ сгущеніе плотности „комнатнаго" населенія увеличивается еще „сильнымъ переселеніемъ изъ среднихъ квартиръ въ мелкія" (тотъ же отчетъ). Обѣднѣніе широкихъ слоевъ „маленькихъ людей" во время войны, смерть мужа или отца, стремленіе съэкономить на квартирной платѣ въ виду дороговизны — все это побуждаетъ еще болѣе скучиваться въ однокомнатныхъ квартирахъ, чѣмъ это вызывалось бы однимъ застоемъ въ домостроительствѣ. Культурное развитіе послѣднихъ десятилѣтій, уменьшеніе смертности, заболѣваемости и т. д. — все это было связано съ постепеннымъ увеличеніемъ количества свѣта и воздуха въ квартирѣ на одного обитателя. Теперь въ этомъ отношеніи дѣлается шагъ назадъ, который по самому существу не можетъ быть быстро парализованъ.

Приводить дальнѣйшія иллюстраціи значило бы только загромождать изложеніе. Ограничусь велосипедами и ботинками. Послѣ секвестра всевозможной старой резины и ея производныхъ (законъ 1 апрѣля н. ст. 1916 г.) и запрещенія употребленія автомобилей, кромѣ особо оговоренныхъ случаевъ, союзный совѣтъ закономъ 12 іюля н. ст. почти воспретилъ гражданскому населенію употребленіе велосипедовъ. Количество изъятій столь незначительно, что, напр., въ Берлинѣ, съ его сотней тысячъ велосипедистовъ, получили разрѣшеніе продолжать пользоваться своими велосипедами только значительно менѣе тысячи человѣкъ (по даннымъ полиціи на 24 іюля н. ст.). Владѣльцы всѣхъ прочихъ вело-

сипедовъ обязаны сдать шины и нѣкоторыя другія части своихъ аппаратовъ казенной „Kauttschukmeldestelle“ до 16 сент. н. ст. (за вознагражденіе по таксѣ). Германію можно было назвать „страной велосипедовъ“. Теперь она ею не будетъ. Въ одинъ спортивный „союзъ рабочихъ-велосипедистовъ“, примыкающій къ с.-д. партіи, входило передъ войной свыше трехсотъ тысячъ членовъ. Впредь они будутъ ходить на работу пѣшкомъ — „стальной конь“ девятнадцатаго столѣтія уступилъ мѣсто первобытнымъ способамъ передвиженія.

Вся имѣющаяся въ Германіи кожа поступаетъ въ „Kriegsrohledergesellschaft“ (того же типа, что и „Kriegsmetall“ и др.), которое распредѣляетъ ее между дубильнями. Послѣднія сдаютъ въ „Kriegsledergesellschaft“ (тоже при отдѣлѣ сырыхъ матеріаловъ воен. мин.) все, что это общество находитъ нужнымъ для обслуживанія потребностей арміи; остальное продается торговцамъ, обувнымъ фабрикантамъ, сапожникамъ и т. д. На основаніи разрѣшительныхъ картъ, выдаваемыхъ состоящимъ при мин. внутр. дѣлъ „Kontrolstelle für die Lederverteilung“. Что касается матеріала для обуви, то половину „контрольное учрежденіе“ выдаетъ фабрикантамъ, имѣющимъ не менѣе 20 рабочихъ, и половину — остальнымъ (съ распредѣленіемъ въ каждой половинѣ пропорціонально числу занятыхъ рабочихъ). Надо замѣтить, что на ряду съ небольшимъ числомъ крупныхъ фабрикъ обуви, въ Германіи имѣется около 200 тыс. мелкихъ сапожныхъ мастерскихъ (изъ нихъ 180 тыс. — сапожники безъ подмастерьевъ). Такая система раздѣла не особенно благопріятствуетъ мелкому производству — рядомъ съ чиновниками въ „Kontrolstelle“ сидятъ представители крупныхъ фирмъ. Въ первой половинѣ мая тек. года „Контрольное учрежденіе“ ограничило производство обуви для гражданскаго населенія четвертью того количества, какое производилось каждой фабрикой или мастерской въ мирномъ 1913 г. Затѣмъ, 14 іюня н. ст. союзный совѣтъ ограничилъ соотвѣтственно число недѣльныхъ рабочихъ часовъ въ сапожномъ дѣлѣ и опредѣлилъ правила возмѣщенія рабочимъ потери заработка (половину принимаетъ на себя государство; фабриканту при неисполненіи предписаннаго не выдается кожа; пониженіе расцѣнокъ воспрещено и т. д.). Союзъ сапожныхъ фабрикантовъ (куда входятъ главныя фирмы) постановилъ примѣнять картонъ для извѣстныхъ сортовъ ботинокъ. Черезъ нѣкоторое время союз. совѣтъ предписалъ съ 7 іюля н. ст. примѣнять картонъ только къ внутренней части каблуковъ, къ союзкамъ и другимъ менѣе снашивающимся частямъ ботинокъ. А городскія самоуправленія открыли тѣмъ временемъ рядъ „успѣшно“ работающихъ мастерскихъ деревянной

обуви для малоимущихъ. И прусскій мин. нар. просв., какъ я упоминалъ уже въ другомъ мѣстѣ, особымъ циркуляромъ разрѣшилъ дѣтямъ посѣщать школы босикомъ. Четвертью нормальнаго количества обуви страна не можетъ обойтись — понятно, ей приходится постепенно возвращаться къ уровню, описанному когда-то Эркманомъ Шатріаномъ для Эльзаса: деревянные сабо у взрослыхъ и босыя ноги у дѣтей. Конечно, можно жить и въ деревянныхъ ботинкахъ— жили такъ западно-европейскіе крестьяне цѣлыя столѣтія. Можно жить и босикомъ — живутъ такъ и сейчасъ нерѣдко часть года многіе люди въ нѣкоторыхъ странахъ. Словомъ, отъ паденія культуры вообще и отсутствія достаточнаго количества обуви въ частности нѣмцы не сдадутся на волю противниковъ. Но само движеніе къ матеріальной обстановкѣ жизни „добраго стараго времени" несомнѣнно. При сокращеніи въ Европѣ скотоводства [1]) недостатокъ и дороговизна кожи обезпечены и на время послѣ войны, потому босоножки въ Германіи врядъ ли исчезнутъ столь быстро, какъ появились. Изъ воспоминаній о пребываніи въ Германіи приходитъ въ голову, какъ много дѣтей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣздили тамъ въ школу на велосипедахъ или на роликахъ — теперь они бѣгаютъ пѣшкомъ, иныя, вѣроятно, безъ ботинокъ... И старшія изъ нихъ разсказываютъ сестренкамъ о тѣхъ миѳическихъ временахъ, когда въ кухнѣ привинчена была къ стѣнѣ металлическая ванна, какъ это принято у лучше поставленныхъ берлинскихъ рабочихъ, когда у всѣхъ было, сверхъ обычнаго, воскресное платье, на ногахъ ботинки и на плечахъ настоящія резиновыя подтяжки, а на хлѣбъ можно было мазать каждый день маргаринъ въ сравнительномъ изобиліи...

IV.

Отдѣльную главу въ исторіи пониженія уровня быта составляетъ, какъ извѣстно, возникновеніе „царства суррогатовъ". Если въ однихъ отношеніяхъ потребленіе просто сокращается, то въ другихъ потребляемые предметы замѣняются иными, внѣшне болѣе или менѣе совершенными. И здѣсь можно во многихъ случаяхъ под-

---

[1]) Чтобы поднять его въ Германіи послѣ войны, какъ сообщаетъ датская печать, нѣмцы закупили въ Даніи громадныя количества скота за наличный расчетъ съ тѣмъ, что въ продолженіе войны скотъ остается въ безплатномъ пользованіи у прежнихъ датскихъ владѣльцевъ, которые получаютъ еще съ Германіи плату за прокормъ скота. Скотъ долженъ быть доставленъ въ Германію сейчасъ же по заключеніи мира (теперь вывозъ воспрещенъ). Какъ сообщаютъ, подобные же массовые договоры заключены въ Голландіи и Швейцаріи.

мѣтить нѣкоторую общую черту: замѣна приводитъ къ возрожденію продуктовъ, употреблявшихся въ прежніе вѣка, но забытыхъ „подъ вліяніемъ цивилизаціи“.

Кто не помнитъ сказку Андерсена о крестьянкѣ-королевнѣ, изъ собранной на кладбищѣ крапивы приготовившей рубашки одиннадцати братьямъ-лебедямъ? Теперь въ серединѣ іюля н. ст. военное министерство основало въ Берлинѣ „Общество использованія крапивныхъ волоконъ“. Черезъ посредство прусскаго минист. сельскаго хозяйства и соотвѣтственныхъ министерствъ остальныхъ составныхъ государствъ Германіи съ 22 іюля н. ст. во всей странѣ организованъ сборъ крапивы. Продажа ея торговцамъ и инымъ частнымъ лицамъ воспрещается. За каждые шесть пудовъ высушенной очищенной отъ листьевъ крапивы собравшему выдается 14 марокъ. Сдавать надо мѣстной администраціи, которая доставляетъ въ упомянутое общество, а оно перерабатываетъ въ пряжу и распредѣляетъ по предпріятіямъ. Матерія изъ крапивы особенно пригодна для изготовленія бѣлья: она хорошо пропускаетъ воздухъ и хорошо моется. Правительство („отдѣленіе сырыхъ матеріаловъ при военномъ мин.“) предназначаетъ крапиву для замѣны хлопка. По оцѣнкамъ экспертовъ, въ Германіи свободно можно собирать ежегодно до 10 милл. килограммовъ высушенной крапивы безъ листьевъ, что соотвѣтствуетъ добычѣ 2 милл. клгр. волоконъ для изготовленія пряжи (для сравненія можно прибавить, что годовое потребленіе хлопка достигало въ Германіи передъ войной до полумилліарда клгр., т. е. 30 м. пуд.). Для увеличенія сбора крапивы предполагается сѣять ее на пустыряхъ.

Въ старыхъ романахъ можно прочесть про „липовый“ чай и т. п. „чаи“. Современная Германія не знала предъ войной такихъ напитковъ: здѣсь употреблялись кофе, какао и чай „настоящій“. Теперь всѣ эти продукты частью истощились, частью стали недосягаемо дороги. Дольше всего держался кофе, безъ котораго обычно не мыслятъ нѣмецкую хозяйку. Годовое потребленіе кофе составляло въ Германіи предъ войной 165 тыс. тоннъ (почти 10 милл. пуд.). При началѣ войны на складахъ въ Бременѣ и Гамбургѣ находилось 123 тыс. тоннъ, внутри страны до 80 тыс. тоннъ, затѣмъ въ Гамбургѣ 60 тыс. тоннъ, принадлежавшихъ бразильскому штату Санъ-Паоло, и въ Антверпенѣ взято было около 63 тыс. тоннъ. Германское правительство секвестровало бразильское и антверпенское кофе и передало его образованному позже „Reichskaffeestelle“. Черезъ два года, какъ и слѣдовало при приведенныхъ цифрахъ, запасы истощились, и въ концѣ іюля вышелъ законъ, допускающій отнынѣ выдачу кофе только по рецептамъ врача въ минималь-

номъ количествѣ; для всего же населенія правительство рекомендовало замѣну кофе сначала цикоріемъ, „какъ во времена нашихъ бабушекъ“ („Berl. Tag.“, 26 іюня н. ст.), а потомъ въ оффиц. „Продов. извѣстіяхъ“ появилась рекомендація пить вмѣсто кофе отваръ жженныхъ зеренъ ржи, ячменя и т. п.

Производство шоколада и всякихъ прочихъ „сладостей“ (Süssigkeiten) уже съ начала 1916 г. сокращено союзнымъ совѣтомъ на половину, а съ іюня — на три четверти [1]). Съ 13 іюня н. ст. союзный совѣтъ секвестровалъ все оставшееся какао и шоколадъ (всякаго рода и во всѣхъ видахъ) въ пользу учрежденнаго имъ для этого „Kriegskakaogesellschaft“ при воен. мин., а населенію въ оффиціал. „Продов. извѣстіяхъ“ (выходятъ ежедневно) рекомендовано еще раньше приготовлять „напитокъ, поразительно похожій на какао вкусомъ и цвѣтомъ“. Стоитъ взять только 45 обыкновенныхъ орѣховъ, устранить ядра, раздробить мелко въ ступкѣ скорлупу, бросить ее въ плотно закрытый сосудъ съ тремя четвертями литра воды и медленно варить въ теченіе часа, все время подливая горячую воду вмѣсто испаряющейся, чтобы соотношеніе между количествомъ воды и скорлупы оставалось постояннымъ. Потомъ надо снять горшокъ съ огня, поставить его на полчаса на горячую плиту, процѣдить затѣмъ сквозь тонкій платокъ, опять разогрѣть и прибавить молока съ сахаромъ, что создастъ „ванильный привкусъ“. Германское правительство гарантируетъ результатъ: „Ein Versuch wird überraschen“.

Относительно чая еще 18 апр. н. ст. правительство рекомендовало вернуться къ „туземнымъ чаямъ, правда, не содержащимъ алколоида тепна, но дающимъ безупречный въ отношеніи здоровья напитокъ“. Такимъ „чаемъ“ оказывается напитокъ, сваренный изъ высушенныхъ и размельченныхъ молодыхъ листьевъ ежевики, земляники, березы и нѣкот. другихъ растеній. Рекомендуется также (опять таки оффиціально) вмѣсто кофе и чая „вспомнить о добромъ старомъ утреннемъ супѣ изъ ржаной или пшеничной муки, который никогда не отсутствовалъ въ утренней закускѣ нашихъ предковъ, и вернуть ему прежнее почетное мѣсто въ нѣмецкомъ домѣ“.

Иногда аналогію вновь вводимымъ суррогатамъ приходится искать еще далѣе въ глуби вѣковъ. Нѣкоторые примитивные народы пьютъ кровь свѣже-убитыхъ животныхъ. Развитіе продовольственныхъ рессурсовъ съ теченіемъ времени устранило это блюдо изъ обѣденнаго меню европейскаго человѣчества. Обратное движе-

---

[1]) Сверхъ того, 17 іюля н. ст., вовсе воспрещено отнынѣ изготовлять рядъ сладостей, въ томъ числѣ всѣ пасхальныя и рождественскія, фруктовую пасту, засахаренный миндаль и орѣхи, „турецкій медъ“, фрукт. желе, конфекты-пралине и т. д.

ніе культуры приводитъ къ попыткамъ использованія заброшенныхъ было источниковъ питанія. По содержанію питательнаго бѣлка кровь близка къ мясу. Болѣе года разрабатывались въ Германіи способы такъ обезцвѣтить кровь животныхъ и устранить ея специфическій запахъ, чтобы употребленіе въ пищу не было противнымъ. Наконецъ, проф. Гофмейстеру удалось приготовить „кровяную муку" (Blutmehl), удовлетворяющую этимъ требованіямъ, имѣющую видъ порошка какао и вмѣстѣ съ обыкновенной мукой легко выпекаемую въ лишенный другого вкуса хлѣбъ. Отбросы, получаемые при убоѣ животныхъ, вообще подвергаются отнынѣ въ Германіи самому полному использованію. Если кровь пойдетъ людямъ, то всѣ остальные отбросы должны съ августа доставляться въ „Kriegsausschuss für Ersatzfutter", которому союзнымъ совѣтомъ поручено перерабатывать ихъ въ кормъ для скота (для той же цѣли союзный совѣтъ основалъ 26 іюня н. ст. „имперское общество изготовленія изъ кухонныхъ отбросовъ корма для молочнаго скота" и обязалъ жителей всѣхъ городовъ съ населеніемъ не менѣе 40 тыс. чел. собирать кухонные отбросы и остатки пищи отдѣльно отъ всякаго иного мусора и предоставлять безплатно этому обществу).

Разъ зашла уже рѣчь о возвратѣ къ практикѣ добраго стараго времени въ области питанія, то умѣстно упомянуть, что въ области сельскаго хозяйства возвратъ къ феодальнымъ традиціямъ уже проводится и еще болѣе подготовляется для будущаго въ Германіи въ весьма внушительныхъ размѣрахъ. Главнымъ признакомъ является здѣсь, конечно, зависимый и обязательный трудъ и прикрѣпленіе къ мѣсту, какъ было въ эпоху крѣпостной зависимости. Разумѣется, въ соотвѣтствіи съ конституціонными формами быта германскаго населенія возстановленіе экономической сущности крѣпостныхъ отношеній облекается теперь въ Германіи въ иную юридическую форму, чѣмъ какая существовала въ началѣ прошлаго вѣка. Но оно все же совершается. Привычка къ зависимому труду въ сельскомъ хозяйствѣ развита въ германскихъ помѣщикахъ и крупныхъ крестьянахъ практикой обязательнаго труда по пониженнымъ цѣнамъ около шестисотъ тысячъ военноплѣнныхъ (столько было занято въ сел. хозяйствѣ Германіи уже въ мартѣ н. ст. 1916 г.). Затѣмъ осуществлено было распространеніе принудительности на ставшихъ поневолѣ праздными текстильныхъ и иныхъ рабочихъ и отчасти вообще на „подходящихъ по физическимъ качествамъ" и не занятыхъ горожанъ. Но все это временно, лишь пока война. Между тѣмъ „бѣгство" сел.-хоз. батраковъ изъ деревни въ городъ все усиливается, и у аграріевъ явилась потребность создать источникъ зависимаго и оплачиваемаго по пониженнымъ нормамъ труда и для мирнаго времени.

Супруга нац.-либ. вице-предсѣдателя рейхстага Паашо такъ объяснила 29 марта н. ст. въ „Voss. Zeitung.“, почему рабочіе бѣгутъ изъ деревни въ городъ, а не обратно: „Къ сожалѣнію, всякой поддержкой нуждающихся со стороны своихъ общественныхъ и частныхъ учрежденій крупные города сами заботятся о томъ, чтобы никому не захотѣлось уйти изъ города“. Отсюда, казалось бы, слѣдуетъ, что для удержанія сельскихъ рабочихъ въ деревнѣ слѣдуетъ предоставить имъ тамъ всѣ пріятности и улучшенія, какія имѣются въ городахъ, — полную свободу коалицій, повышенную заработную плату, обязательную помощь при безработицѣ и т. д. Но вмѣсто этого аграріи предпочитаютъ, какъ сказано, идти инымъ путемъ: не поднять нынѣшній составъ сельскихъ рабочихъ до уровня городскихъ, а создать новый составъ, по зависимости, дешевизнѣ и прикрѣпленности напоминающій нынѣшнихъ плѣнныхъ. Личнымъ матеріаломъ для этого являются семьи погибшихъ и изувѣченныхъ на войнѣ и сами увѣчные, а средствомъ — утвержденный въ іюнѣ 1916 г. законъ „о надѣленіи капиталомъ“ (Kapitalabfindungsgesetz, касается увѣчныхъ и вдовъ погибшихъ). Въ такой постановкѣ дѣло это пріобрѣтаетъ особую патріотическую пикантность.

Упомянутый законъ сверхъ небольшой пенсіи предоставляетъ еще каждому увѣчному рядовому одновременно изъ средствъ госуд. казначейства сумму, смотря по тяжести увѣчья и возрасту (вдова получаетъ вдвое меньше). Капиталъ выдается исключительно для устройства собственнаго „домашняго очага“ путемъ покупки небольшого участка земли (огородъ, садъ) и постройки дома, главнымъ образомъ, въ сельскихъ мѣстностяхъ. Объяснительная записка правительства рейхстагу говоритъ: „Если, такимъ образомъ, будетъ проведено въ широкихъ размѣрахъ сельское мелкое разселеніе, то оно сослужитъ серьезную службу обезпеченію Германіи продовольствіемъ, народному здравію, умноженію населенія и военноспособности его, а также, до нѣкоторой степени, возмѣститъ сельскому хозяйству имѣющій наступить послѣ войны очень чувствительный недостатокъ въ рабочихъ силахъ“.

Механизмъ „возмѣщенія“ ясенъ. По большей части вдова получитъ на устройство „очага“ менѣе 2 тыс. руб., а самъ увѣчный, отъ 4 до 5 тыс. руб. На такія деньги можно въ Германіи пріобрѣсти небольшой домъ съ очень маленькимъ огородомъ или садомъ, можно обезпечить содержаніе свиньи, птицы и т. п., но не болѣе. Размѣры полагающейся сверхъ этого пенсіи тоже недостаточны для жизни, особенно, если принять во вниманіе, что полная потеря работоспособности наблюдается рѣдко, и что изъ пенсіи вдовѣ будетъ

вычтено до 200 мар. въ годъ, если она пожелаетъ получить капиталъ для устройства своего „очага“. Придется прирабатывать у сосѣдняго помѣщика или крупнаго крестьянина. Другихъ работодателей въ деревнѣ почти нѣтъ. А эти смогутъ платить женамъ и дѣтямъ увѣчныхъ (и самимъ увѣчнымъ, сохранившимъ извѣстную долю работоспособности) пониженную заработную плату. Ибо квартира обезпечена безплатно на казенный счетъ, и даже часть ѣды (свинья, яйца, огородъ). Отказаться отъ работы изъ-за недостаточной оплаты нельзя, ибо другой работы здѣсь не достанешь, а бросить и уйти — жалко терять домъ (продавать нельзя), вложенный въ участокъ трудъ и, можетъ быть, довоенныя сбереженія. Въ итогѣ — семьи увѣчныхъ и погибшихъ окажутся въ плѣну у аграріевъ, т. е. въ такой же или подобной зависимости, какъ нынѣшніе плѣнные. Государство затратитъ десять милліоновъ марокъ для того, чтобы обезпечить не столько пострадавшихъ отъ войны, сколько сельскимъ хозяевамъ дешевую рабочую силу. Таковъ объективный смыслъ проводимаго нынѣ въ Германіи надѣленія пострадавшихъ солдатъ и ихъ семей собственными жилищами.

Число увѣчныхъ и погибшихъ составляетъ въ Германіи уже около полутора милліоновъ; двѣ трети изъ нихъ женаты и имѣютъ, въ среднемъ, по двое дѣтей. Если бы всѣхъ ихъ разселить по деревнямъ въ собственныхъ квартирахъ, то это означало бы предоставленіе сельскому хозяйству свыше милліона взрослыхъ рабочихъ (часть увѣчныхъ тоже работоспособна, особенно въ сельскомъ хозяйствѣ). При чемъ дѣти впослѣдствіи замѣнили бы родителей. Этому плану нельзя отказать въ широтѣ размаха, если вспомнить, что въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи передъ войной было занято только 3.200 тыс. наемныхъ рабочихъ всякаго возраста и пола.

Возврату къ стариннымъ отношеніямъ въ области рабочей силы соотвѣтствуетъ въ германскомъ сельскомъ хозяйствѣ пониженіе матеріальнаго его оборудованія и успѣшности. Въ „Русск. Вѣд.“ мною приводились уже относящіяся сюда данныя, напр. выводы послѣдняго годового отчета центральнаго союза сел.-хоз. кооперативовъ. Въ сберегательныхъ кассахъ у иныхъ крестьянъ накапливаются бумажныя деньги, постепенно понижающіяся въ реальной своей покупательной способности. А инвентарь не возобновляется, скотъ сокращается, наиболѣе мелкія крестьянскія хозяйства вовсе забрасываются, какъ подтвердилъ и союзный совѣтъ недавнимъ постановленіемъ о продленіи до 31 дек. н. ст. будущаго 1917 г. закона о переходѣ въ общественное управленіе забрасываемыхъ сельскихъ хозяйствъ и отдѣльныхъ полей. Послѣ войны европейское земледѣліе окажется на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ было до

него. Ниже приведено, сколь мало надеждъ возлагаютъ сами нѣмцы на возможность быстро востановить прежнее состояніе.

V.

Въ довоенный періодъ хозяйственная жизнь Германіи билась полнымъ пульсомъ, производство всякихъ продуктовъ все росло, и каждый предприниматель могъ разсчитывать получить свою долю. Масса общественнаго труда была столь велика, что товаровъ, покупателей и прибыли хватало для всѣхъ предпринимателей безъ всякаго государственнаго регулированія величины, приходящейся на долю каждаго. Теперь каждый предприниматель желаетъ обезпечить себѣ свою долю при уменьшающемся общемъ количествѣ производимыхъ продуктовъ. Отсюда при данныхъ условіяхъ склонность къ такому подробному государственному регламентированію всѣхъ сторонъ хозяйственной дѣятельности, которое гарантировало бы „пріобрѣтенныя права", т. е. наличность доходности по возможности всякаго вложеннаго уже въ какое-либо дѣло капитала. И вотъ въ Германіи принимается рядъ мѣръ, заимствованныхъ изъ стараго цехового арсенала. Прежде всего, запрещается занятіе извѣстной отраслью предпріятій лицамъ, не владѣвшимъ такими предпріятіями до войны, при чемъ занятіе даннымъ производствомъ или торговлей вообще, ставится въ зависимость отъ спеціальнаго разрѣшенія, о которомъ долженъ просить каждый предприниматель, новый или старый — безразлично. Сначала союзный совѣтъ предпочиталъ достигать этой цѣли принудительнымъ синдицированіемъ данной отрасли, при чемъ на создавшійся принудительно центръ возлагалось опредѣленіе, кто можетъ быть допущенъ въ члены синдиката. Упоминавшіеся выше принудительные синдикаты — угольный, цементный и др. не содержатъ еще такого ограниченія: въ нихъ просто обязуются вступить всѣ наличныя предпріятія данной отрасли, а основаніе новыхъ предпріятій просто прекращается или даже формально запрещается закономъ. Весной 1916 г. появляются первые принудительные синдикаты, при образованіи которыхъ государство не разрѣшаетъ уже вступить въ нихъ членами всѣмъ наличнымъ предпринимателямъ данной отрасли, а ставитъ занятіе данной профессіей въ зависимость отъ спеціальнаго разрѣшенія центра вновь создаваемаго синдиката (обычно заранѣе исключая нѣкоторыя группы, напр., не бывшихъ предпринимателями въ данной области уже до войны). Наиболѣе крупной изъ первыхъ мѣръ такого рода было принудительное синдицированіе всей торговли живымъ скотомъ (рогатымъ, овцами и свиньями), для чего Германія весной текущаго года раз-

бита на рядъ крупныхъ районовъ, въ каждомъ изъ которыхъ образовано по такому синдикату (и центральный синдикатъ въ Берлинѣ, уравнивающій спросъ и предложеніе между районными синдикатами). Мѣра эта, на проведеніе которой въ жизнь ушло нѣсколько мѣсяцевъ, служитъ, между прочимъ, одной изъ организаціонныхъ предпосылокъ для предрѣшеннаго уже въ Германіи къ введенію (съ октября) равномѣрнаго обязательнаго мясного раціона для всѣхъ жителей, городскихъ и сельскихъ.

Подобныя полномочія получили многочисленныя „Kriegsgesellschaften", организованныя по предписанію правительства во многихъ отрасляхъ производства и торговли и предназначенныя быть руководящими центрами этихъ отраслей. Но черезъ нѣкоторое время союзный совѣтъ рѣшилъ еще болѣе усилить контроль надъ „принадлежностью къ цеху" и соблюденіемъ предписанной регламентаціи. Въ итогѣ, лѣтомъ 1916 г. началась своего рода эпидемія огосударствленія упомянутыхъ „военныхъ обществъ" и тѣхъ частныхъ синдикатовъ, которые, объединяя почти всю данную индустрію, фактически играли для нея роль подобнаго „военнаго общества" (въ такихъ индустріяхъ спеціальныя „военныя общества" не образовывались, — напр. въ производствѣ спирта и водки). Огосударствленіе центральныхъ „военныхъ обществъ" и частныхъ синдикатовъ производится по описанному въ главѣ о платьѣ типу, т. е. государство никому ничего не платитъ за „пріобрѣтенныя права", но и не отчуждаетъ формально у владѣльцевъ ихъ предпріятій, будь то торговыя или промышленныя. Оно присваиваетъ вновь учреждаемому „имперскому центру" только право управленія данною отраслью, право полнаго распоряженія всѣми продуктами и матеріалами производства, его размѣрами и цѣнами товаровъ. При этомъ владѣльцы продолжаютъ нести свои обычныя функціи, но повинуясь распоряженіямъ вновь созданнаго государственнаго установленія, и получаютъ прибыль, но размѣры ея предопредѣлены политикой упомянутаго установленія. Само оно, какъ указано, составляется изъ двухъ отдѣловъ: принципіально-руководящій („административный" съ совѣтомъ при немъ изъ потребителей и другихъ заинтересованныхъ группъ) остается всецѣло въ рукахъ государства, а роль „дѣлового" играетъ прежнее „военное общество" или соотвѣтственный частный синдикатъ (но съ представителемъ „административнаго" отдѣла въ качествѣ предсѣдателя). При этомъ главныя составныя государства Германіи входятъ обычно пайщиками въ „военное общество", для чего повышается его акціонерный капиталъ. Само собой, размѣры этого капитала не стоятъ въ соотвѣтствіи съ крупными оборотами „дѣлового отдѣла", ибо сама система организаціи его,

какъ акціонернаго предпріятія, избрана лишь для легкости распредѣленія голосовъ между представителями государства, представителями владѣльцевъ предпріятій соотвѣтственной отрасли хозяйства и представителями крупныхъ городовъ (городскія думы которыхъ обычно приглашаются къ вступленію въ число акціонеровъ „дѣлового отдѣла“ въ качествѣ представителей интересовъ потребителей).

Кромѣ упоминавшихся выше, за послѣднее время огосударствлены такимъ образомъ спиртово-водочная индустрія (при чемъ роль „дѣлового отдѣла“ поручена давно уже существующему синдикату спиртозаводчиковъ, въ который принудительно включены всѣ не входившіе доселѣ въ него заводы), продажа и покупка мѣшковъ, какъ изъ матерій, такъ и изъ бумаги, новыхъ и старыхъ (Reichssackstelle — законъ 27 іюля н. ст.), продажу и покупку всѣхъ маслянистыхъ растеній, какъ рапсъ, льняное сѣмя и т. д., и всѣхъ продуктовъ изъ нихъ (законъ 30 іюля н. ст.), продажу и покупку всѣхъ стручковыхъ растеній, проса и гречихи (Reichshülsenfruchtstelle — законъ 25 іюля н. ст.), всего ячменя, идущаго для пивоваренной, мукомольной и прочихъ индустрій — (законъ 3 августа н. ст.), главныхъ прѣсноводныхъ рыбъ (Kriegsteichfischverwertunggesetz. — законъ 3 августа н. ст.), свекловица для сахарнаго производства (съ 20 іюля н. ст. принудительный синдикатъ подъ руководствомъ „имперскаго комиссара“; для самого сахара и сахарина еще ранѣе учреждено „Reichszuckerstelle“ обычнаго типа) и т. д. Въ общемъ, можно отмѣтить, что въ обрабатывающей индустріи пока еще господствуютъ „военныя общества“ или принудительные синдикаты, лишь закрѣпившіе кругъ наличныхъ предпринимателей въ данной отрасли, а въ области продовольственныхъ продуктовъ перевѣсъ уже переходитъ на сторону формально огосударствленныхъ монопольныхъ центровъ, секвеструющихъ весь данный продуктъ и не только закрѣпляющихъ кругъ наличныхъ предпринимателей, но и подвергающихъ его чисткѣ съ точки зрѣнія коммерческой и прочей пригодности для даннаго цеха. Для облегченія этой задачи союзный совѣтъ создалъ въ іюлѣ н. ст. особый имперскій „Kriegswucheramt“ (вѣдомство военнаго ростовщичества) съ отдѣлами по всей странѣ — на предметъ уловленія и исключенія изъ числа допущенныхъ къ профессіи всѣхъ предпринимателей и торговцевъ, которые стали бы нарушать регламентацію.

Съ 1 сентября н. ст. вступаетъ въ силу законъ, устанавливающій разрѣшительный порядокъ занятія покупкой у производителей, оптовой торговлей, всякаго рода посредничествомъ и комиссіонерствомъ и продажей мелочнымъ торговцамъ. Этотъ законъ охватываетъ всѣ безъ исключенія продукты, идущіе на продоволь-

ствіе людямъ или на кормъ скоту, равно всѣ издѣлія изъ нихъ и всѣ матеріалы, идущіе на ихъ приготовленіе. Онъ утвержденъ союзнымъ совѣтомъ еще 24 іюня н. ст., и два мѣсяца дано администраціи на изслѣдованіе, кому изъ нынѣ занимающихся подобными дѣлами лицъ выдать разрѣшеніе на продолженіе занятія (разрѣшеніе можетъ быть всегда взято обратно). Для разсмотрѣнія всѣхъ сотенъ тысячъ заявленій учреждены повсемѣстно административныя присутствія съ участіемъ представителей торговли.

Обратную сторону точнаго опредѣленія, кто и какой можетъ заниматься торгово-предпринимательской дѣятельностью, составляетъ раздѣлъ кліентуръ, обязательная и точная приписка потребителей къ опредѣленнымъ производителямъ или торговцамъ. Сначала это было осуществлено въ разныхъ индустріяхъ (относительно снабженія сырыми матеріалами по планамъ центровъ — и „военныхъ обществъ“ и пр.), затѣмъ организована была подобная взаимная приписка между нѣсколькими сотнями „избыточныхъ“ и „дефицитныхъ“ районовъ Германіи (по округамъ мясныхъ самоуправленій), сначала для зерна и муки (Reichsgetreidestelle), затѣмъ для удобренія („Союзъ снабженія нѣм. сел. хоз.“), для всякаго корма для скота (онъ же подъ руководствомъ позже учрежденнаго Reichsfutterstelle), съ 1 авг. н. т. 1916 г. для картофеля (Reichskartoffelstelle) и т. д. Постепенно дѣло дошло и до индивидуальныхъ непосредственыхъ потребителей. Начало положилъ Берлинъ, гдѣ съ 5 іюня н. ст. вошли въ силу обязательные „списки кліентовъ“, первоначально для закупки мяса. Каждый житель обязанъ былъ къ этому дню приписаться къ какой-либо мясной лавкѣ, и каждый мясникъ имѣетъ право отпускать мясо только приписаннымъ къ нему кліентамъ. Одновременно введена была городская мясная карточка (сначала на 330 граммовъ мяса въ недѣлю, а въ августѣ уже только на 250 грам., т. е. по одной восьмой русскаго фунта въ день, принимая во вниманіе, что два дня въ недѣлю „безмясные“). Но предъявленія карточки мало — надо предъявить ее еще въ той именно лавкѣ, куда человѣкъ приписанъ. Берлинскій образецъ сталъ быстро перениматься другими городами и распространяться съ мяса на иные продукты.

Общее уменьшеніе количества производимыхъ продуктовъ создало у предпринимателей склонность къ ограниченію круга лицъ, допускаемыхъ къ устройству предпріятій въ данной отрасли, къ закрѣпленію ея за даннымъ кругомъ лицъ съ очищеніемъ его по возможности отъ недостаточно „коренныхъ“ представителей соотвѣтственнаго „цеха“ и съ закрѣпленіемъ за каждымъ владѣльцемъ причитающагося ему количества матеріаловъ и покупателей. Осуществленіе этой орга-

низаціи облегчалось тѣмъ, что она шла навстрѣчу военно-административнымъ потребностямъ государственной власти. Гдѣ власть медлила съ такими мѣрами, тамъ владѣльцы пытались подобнымъ же образомъ приспособиться къ сжатію объема хозяйственной жизни и всѣхъ оборотовъ. Такъ возникъ лѣтомъ 1916 г. рядъ синдикатовъ оптовыхъ торговцевъ и др. (Въ отчетахъ страховыхъ товариществъ отъ несчастныхъ случаевъ, принудительно охватывающихъ всѣ отрасли труда, приводится вся сумма заработной платы, выплачиваемой въ Германіи; сумма эта все понижается съ каждымъ новымъ полугодіемъ войны, и если принять во вниманіе среднее повышеніе индивидуальной заработной платы за время войны, то теперь работаетъ въ Германіи по найму лишь двѣ трети того числа людей, что въ 1913 г.).

Вся эта регламентація, столь похожая нѣкоторыми сторонами на цеховую, дополняется, какъ извѣстно, подробными таксами на всевозможные предметы въ разныхъ стадіяхъ обмѣна и производства, а довольно часто — обязательными предписаніями, что и какъ производить (напр. опредѣлено закономъ, сколько пудовъ овса разрѣшается засѣвать на гектаръ, какія должно производить на фабрикахъ матеріи и т. д.). А послѣднее время все болѣе частыми дѣлаются требованія о введеніи всесторонней регламентаціи, что кто обязанъ производить („Produktionszwang“ въ „Berl. Tagebl.“ отъ 13 іюля н. ст.). Отчасти, впрочемъ, Produktionszwang уже осуществленъ: напр., если кто забрасываетъ свои поля, то они у него отбираются и обрабатываются мѣстнымъ самоуправленіемъ.

Дѣйствительность пошла дальше въ приближеніи къ нормамъ цехового періода. Стремленіе къ наибольшей доходности предпріятія признавалось до войны оффиціально самымъ естественнымъ и само собой разумѣющимся дѣломъ. Давно прошли времена средневѣковья, когда оффиціальныя учрежденія, наоборотъ, считали чѣмъ-то противонатуральнымъ стремленіе къ возможно большей прибыли, переходящей за границы „справедливости“, т. е. за границы обезпеченія члена цеха доходомъ, соотвѣтствующимъ приличному его сословію уровню жизни. Нарожденіе капиталистическихъ отношеній убило понятія о прибыли, соотвѣтствовавшія цеховому періоду. Теперь они празднуютъ въ Германіи свое возрожденіе: движеніе назадъ къ матеріальной обстановкѣ и отношеніямъ прежняго времени повело къ оффиціальному извлеченію изъ архивовъ и торжественному провозглашенію давно забытыхъ принциповъ. Саксонское министерство заявляетъ въ циркулярѣ отъ 5 августа н. ст. 1915 г.: „Настоятельно необходимо основательно потрясти у многихъ еще видимо сохранившееся представленіе, что каждый въ

правѣ извлекать изъ своего предпріятія ту выгоду, какая допускается рыночнымъ положеніемъ". Саксонское правительство заявляетъ о намѣреніи выбить изъ головы такое представленіе, — совершенно естественное и нормальное для частно-капиталистическаго строя, — „рядомъ карательныхъ постановленій". Въ свою очередь, прусскій министръ торговли пишетъ въ циркулярѣ отъ 3 августа н. ст.: „Патріотическая обязанность, особенно въ отношеніи предметовъ ежедневнаго потребленія, довольствоваться прибылью, которая на ряду съ соотвѣтственнымъ образомъ жизни предпринимателя и его семьи обезпечивала бы также продолженіе существованія предпріятія" — и только. За разговорами послѣдовали мѣропріятія. Сначала союзный совѣтъ издалъ общее постановленіе противъ „чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ" (23 іюля н. ст. 1915 г.), предоставивъ канцлеру установить принципы опредѣленія „соразмѣрной прибыли". Канцлеръ не очень торопился съ этимъ и лишь 13 апрѣля н. ст. 1916 г., по случаю учрежденія третейскихъ судовъ для рѣшенія споровъ о цѣнахъ на одежду и матеріи, систематизировалъ и сдѣлалъ обязательными опредѣленныя руководящія указанія въ соотвѣтствіи съ отчасти уже и раньше имѣвшей мѣсто практикой „вѣдомствъ цѣнъ". Отнынѣ „соразмѣрной прибылью" (angemessener Gewinn) считается абсолютная величина прибыли, получавшаяся въ мирное время на каждомъ товарѣ. Во избѣжаніе недоразумѣній, въ Берлинѣ распубликовано 16 іюля н. ст. 1916 г. оффиціальное сообщеніе, подробно разъясняющее приведенное постановленіе (и грозящее уголовными карами за нарушенія). Точно указано, что если, напр., производитель-предприниматель въ мирное время набавлялъ 25 % къ стоимости ему товара, то теперь запрещается прибавлять такой же процентъ (не говоря ужъ о большемъ). Къ теперешней себѣстоимости товара предпринимателю онъ можетъ прибавить только столько марокъ и пфенниговъ, сколько прибавлялъ до войны, что составитъ теперь, конечно, меньшій процентъ (благодаря повысившейся вслѣдствіе вздорожанія матеріаловъ себѣстоимости товара). То же относится и къ торговцамъ. Оффиц. сообщеніе приводитъ примѣръ товара, себѣстоимость котораго для хозяина составляла въ мирное время 4 марки и который хозяинъ продавалъ тогда за 5 марокъ. Если теперь себѣстоимость поднялась до 8 марокъ, то владѣлецъ не имѣетъ права продавать товаръ дороже 9 марокъ. Провѣрка данныхъ о себѣстоимости предоставляется особымъ „Preisprüfungsstelle," вѣдомствомъ цѣнъ, учрежденнымъ по закону 25 сентября н. ст. 1915 г. Эти вѣдомства устраиваются мѣстными самоуправленіями съ участіемъ экспертовъ, представителей кооперативовъ, рабочихъ професс. союзовъ

женскихъ организацій и заинтересованныхъ круговъ и объединяются центральнымъ вѣдомствомъ цѣнъ въ Берлинѣ (на эти учрежденія и опирается, главнымъ образомъ, вновь учрежденный Kriegswucheramt). Къ началу февраля было открыто уже около восьмисотъ мѣстныхъ Preisprüfungsstellen (во всѣхъ крупныхъ и среднихъ и многихъ мелкихъ городахъ) и рядъ объединяющихъ ихъ районныхъ (по одному для Саксоніи, Баваріи, Вюртемберга, Бадена и т. д.). Всѣ эти учрежденія имѣютъ право осматривать дѣловыя книги и всѣ торговые документы, допрашивать свидѣтелей и т. д. Полномочія ихъ простираются не только на всѣ роды продовольствія, но и на всѣ предметы, „необходимые для жизни". За нарушеніе правилъ о „соразмѣрной" (angemessen) прибыли полагается тюрьма до года и штрафъ до 10 тыс. мар. за каждый случай или одно изъ этихъ наказаній, сверхъ того секвестръ товаровъ и запрещеніе впредь заниматься даннымъ дѣломъ.

Такимъ образомъ, если закрѣпленіе промысла за опредѣленнымъ кругомъ владѣльцевъ проведено уже въ примѣненіи почти ко всей хозяйственной жизни, то и точное принудительное опредѣленіе „соразмѣрной" прибыли имѣетъ мѣсто относительно длиннаго и все увеличивающагося списка товаровъ.

Затянувшіеся размѣры корреспонденціи не позволяютъ расширять изложенія. Ограничусь лишь простымъ упоминаніемъ о двухъ струяхъ въ нѣмецкой хозяйственной жизни, которымъ легко отыскать прообразъ въ экономической практикѣ прежнихъ вѣковъ. До войны союзы рабочихъ и союзы хозяевъ были направлены другъ противъ друга, какъ организаціи взаимной классовой борьбы. Война, не уничтоживъ этихъ функцій, создала новыя: въ Германіи образовался и понынѣ существуетъ рядъ „дѣловыхъ объединеній" (Arbeitsgemeinschaften) между союзами рабочихъ и союзами хозяевъ „для совмѣстной поддержки промысла" (подробности приводились въ „Русск. Вѣд."). Вторая иллюстрація, заслуживающая непремѣннаго упоминанія, заключается въ тѣхъ тенденціяхъ относительно внѣшней торговли и связи съ міровымъ хозяйствомъ, которымъ проф. Л. Брентано посвятилъ только, что вышедшую брошюру свою о „Современномъ меркантилизмѣ". Въ Германіи во многихъ кругахъ столь популярна теперь мысль о желательности ослабленія связи съ міровымъ рынкомъ не потому, что нѣмцы путемъ отвлеченныхъ соображеній дошли до этой идеи. Но наоборотъ: неизбѣжность умаленія торговыхъ оборотовъ съ внѣшнимъ міромъ вслѣдствіе пониженія производительныхъ силъ страны порождаетъ отзывчивость къ реставраціи отжившихъ идей

прошлыхъ вѣковъ [1]). Здѣсь передъ нами типичный случай, какъ движеніе назадъ въ области экономической дѣйствительности сопровождается движеніемъ назадъ въ области экономическихъ идей (подобное же отношеніе можно установить между нынѣшнимъ фактическимъ царствомъ бумажныхъ денегъ и попытками иныхъ германскихъ экономистовъ воскресить теоріи о довлѣніи ихъ самимъ себѣ и т. п.).

VI.

Если общимъ экономическимъ фономъ военнаго времени является движеніе назадъ, то это не исключаетъ одновременнаго техническаго прогресса въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ областяхъ германскаго производства. Фирма Берты Ф. Круппъ (именемъ владѣлицы которой народная молва назвала знаменитую пушку) построила на своей кильской верфи, невиданный прежде „подводный торговый пароходъ"; извѣстная „Всеоб. Комп. Электр." открыла въ Биттерфельдѣ грандіозную электрическую станцію, обслуживающую улавленіе азота изъ воздуха и превращеніе его въ порохъ и т. д. Но усиленіе хозяйственной напряженности въ подобныхъ спеціальныхъ областяхъ покупается цѣной еще большого пониженія производительныхъ силъ и итоговъ производства во всѣхъ остальныхъ областяхъ хозяйства, чѣмъ это имѣло бы мѣсто безъ подобнаго чрезвычайнаго сосредоточенія силъ въ нѣсколькихъ индустріяхъ, непосредственно обслуживающихъ войну. Въ этихъ индустріяхъ, — для Германіи рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о металлургіи и углепромышленности („война на рельсахъ"), — постепенно удалось поднять производство до трехъ четвертей мирнаго уровня (отчетъ за іюнь 1916 г.) Но если отбросить тѣ металлическія издѣлія, какія поглощаются войной, то отъ металловъ, напр., всему нормальному народному хозяйству остается едва ли половина обычнаго для него количества. Ужъ отъ одного этого матеріальный остовъ современнаго хозяйства, не возобновляемый надлежаще два-три года, долженъ былъ значительно износиться и потерять въ своемъ со-

[1]) Въ концѣ іюля союзный совѣтъ учредилъ должность имперскаго комиссара по подготовкѣ перевода хозяйства изъ военнаго въ мирное состояніе. Рѣчь идетъ гл. обр. о планомѣрномъ обезпеченіи индустріи послѣ войны сырыми матеріалами изъ-за океана и о морскомъ транспортѣ. По опублик. въ Берлинѣ даннымъ къ концу 1916 г. на нѣмецкихъ верфяхъ будутъ окончены 61 большой торговый пароходъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ почти въ милліонъ тоннъ и много мелкихъ (что болѣе чѣмъ покрываетъ потери), при чемъ послѣ войны будутъ сильно сокращены рейсы въ Китай, Австралію, Индію, Японію и Англію, и, напротивъ, усилены въ Америку, Россію, Скандинавію и Средиземное море.

вершенствѣ, сдѣлать будущій послѣвоенный трудъ менѣе успѣшнымъ. При томъ и самъ трудъ населенія Германіи будетъ болѣе низкимъ по качеству и меньшимъ по объему, чѣмъ онъ могъ быть до войны. Судя по оффиціальнымъ даннымъ (публикуемымъ германскимъ правительствомъ для членовъ рейхстага каждыя двѣ недѣли у фирмы Ад. Тиле въ Галле), потери нѣмецкихъ войскъ мертвыми и тяжело ранеными (инвалидами) составили за первые два года войны 1.400 тыс. чел. За три года это дало бы какъ разъ восьмую часть всего мужского населенія въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Но и работоспособность остальныхъ семи восьмыхъ значительно должна быть понижена трехлѣтнимъ пребываніемъ въ окопахъ или недоѣданіемъ и перенапряженной работой дома. Къ тому же вслѣдствіе усиленнаго отвлеченія оставшихся пока немобилизованными рабочихъ силъ (въ томъ числѣ женщинъ) къ наиболѣе необходимымъ сейчасъ родамъ работъ (сельско-хозяйств., снаряды), — обширные слои рабочихъ и работницъ основательно теряютъ свои цѣнные спеціальные профессіональные навыки, что обѣщаетъ послѣ войны сдѣлать трудъ въ соотвѣтственныхъ индустріяхъ еще менѣе производительнымъ. Напр. 4 іюня н. ст. 1916 г. въ Дрезденѣ состоялась конференція проф. союзовъ рабочихъ текстильной промышленности всей страны и всѣхъ направленій и рабочихъ по изготовленію одежды и бѣлья. Конференція единогласно выразила „сожалѣніе по поводу переведенія во многихъ округахъ Германіи въ сельское хозяйство, подъ угрозой лишенія пособій, текстильныхъ рабочихъ, особенно молодыхъ, и рабочихъ индустріи по изготовленію платья и бѣлья“ (что мѣстные чины производятъ „по внушенію союзнаго совѣта“). Конференція заявляетъ „возраженіе“ (Einspruch) противъ такого перевода, между прочимъ, по слѣдующимъ причинамъ: „1. сельско-хозяйственныя работы, особенно при уборкѣ урожая, слишкомъ тяжелы для рабочихъ и работницъ этихъ индустрій; 2. для лицъ ряда профессій нынѣшнее участіе въ сел.-хоз. работахъ очень затруднитъ возможность новаго примѣненія къ прежнимъ занятіямъ“, ибо тонкіе и гибкіе пальцы иной текстильщицы огрубѣютъ и т. п. Но заявленія конференціи остались безъ послѣдствій: когда по недостатку рабочихъ рукъ приходится выбирать между полученіемъ пищи сейчасъ и подрывомъ производительныхъ способностей для будущаго, — вопросъ рѣшается въ пользу пищи и, вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ, въ пользу грядущаго „упрощенія жизни“.

По всѣмъ этимъ причинамъ производительный трудъ въ Германіи послѣ войны будетъ совершаться при ухудшенномъ матеріальномъ его оборудованіи и ухудшившимися и умаленными рабо-

чими силами. Въ этой перспективѣ — печальный залогъ того, что обозначавшаяся къ концу второго года войны, тенденція къ движенію въ сторону возвращенія къ модернизированнымъ порядкамъ феодально-цеховаго строя не исчезнетъ мгновенно и безъ остатка. Больше того: если война протянется еще пару лѣтъ, то врядъ ли возможно будетъ Германіи вообще достаточно скоро оправиться отъ экономическаго регресса, который за вторые два года войны достигъ бы, конечно, еще большей величины, чѣмъ за первые. Уже и теперь присяжные патріоты и оптимисты, совершая выступленія со спеціальной цѣлью ободрить населеніе, стремятся утѣшить его тѣмъ, что черезъ нѣсколько десятилѣтій страна сможетъ доработаться до прежняго уровня благосостоянія. Нѣмецкое населеніе въ среднемъ слишкомъ интеллигентно для того, чтобы можно было просто заявлять ему, что война не имѣетъ и не будетъ имѣть никакого вреднаго вліянія на хозяйственное положеніе страны. Недавно прогрессивный депутатъ рейхстага Георгъ Готгейнъ выпустилъ патріотически-оптимистическую брошюру („Die Kriegslasten und ihre Deckung. 1916), и вотъ какъ утѣшаетъ онъ и ободряетъ своихъ соотечественниковъ: „Будетъ трудно, выдержать оставшееся послѣ войны бремя и постепенно раздѣлаться съ нимъ, но Германія можетъ это сдѣлать и сдѣлаетъ... Правда, мы надолго должны будемъ сильно ограничить потребленіе заграничныхъ предметовъ роскоши, мы должны будемъ оставить поѣздки за границу для развлеченія... Существующихъ учрежденій для производительнаго труда (Produktionsstätten) въ общемъ хватитъ на много лѣтъ благодаря, къ сожалѣнію, сильно сокращенному войной числу мужскихъ рабочихъ рукъ. Вкладывать капиталъ въ новыя предпріятія понадобится въ совсѣмъ небольшой степени... Правда, это будетъ тяжелое время сильныхъ ограниченій и напряженнѣйшей работы, пока мы до нѣкоторой степени (einigermassen) подымемся опять до прежняго благосостоянія. Но бремя съ теченіемъ времени будетъ становиться меньше... Хотя наша жизнь будетъ отличаться много болѣе умѣреннымъ тономъ (Anstrich), хотя и съ лишеніями, — но при серьезной, неустанной работѣ нѣмецкій народъ съ честью выдержитъ и тяжелыя десятилѣтія послѣ войны“ (стр. 22, 23 и 24).

Легко понять, что если такимъ языкомъ говоритъ патріотъ и оптимистъ, оптимистъ по совѣсти и по обязательному положенію, при томъ заранѣе считающій за данное благопріятное для Германіи окончаніе войны, — то немудрено, если послѣднее время даже среди промышленной буржуазіи Германіи (кромѣ „тяжелой индустріи“) сказывается серьезная тяга къ миру на какихъ-либо пріе-

млемыхъ для обѣихъ сторонъ основаніяхъ. Ибо каждое полугодіе все глубже подрываетъ почву подъ будущимъ, все болѣе твердой рукой стремится вернуть Европу, какъ казалось уже, похороненному экономическому прошлому (можно добавить: и къ культурному, — если судить по содержанію тѣхъ вопросовъ, какими занимается теперь часто европейская общественная мысль, напр., имѣютъ ли облагораживающее вліяніе на народный характеръ періодически повторяемыя взаимныя выступленія другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, является ли высшимъ критеріемъ для различенія между людьми расовая принадлежность, должно ли руководствованіе началами права, справедливости и честности ограничиваться только личной жизнью человѣка, но не общественно-государственной и т. д. и т. д.).

Внѣшнимъ выраженіемъ паденія производства въ странѣ, уменьшенія количества создаваемыхъ продуктовъ служитъ ихъ дороговизна (осложняемая и поддерживаемая, конечно, и другими обстоятельствами). Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить, что при дѣловыхъ расчетахъ промышленныя предпріятія и учрежденія мѣстнаго самоуправленія считаются съ наличностью въ періодъ послѣ войны весьма высокихъ цѣнъ. Вотъ, напр., выдержки изъ опубликованнаго въ „Berl. Tagebl.“, 25 іюля н. ст. доклада дирекціи берлинскаго трамвая о небходимости повышенія послѣ войны проѣздной платы: „Послѣ возвращенія съ войны мобилизованныхъ рабочихъ придется повысить имъ жалованье. Немобилизованные получаютъ сейчасъ на 35 % больше, чѣмъ въ мирное время, благодаря прибавкѣ по случаю дороговизны. Такъ какъ на долгое время послѣ войны не приходится ожидать достойнаго упоминанія (nennenswertes) пониженія цѣнъ на жизненные припасы, то, само собой разумѣется, что для всѣхъ служащихъ потребуется повышеніе заработной платы, которое до нѣкоторой степени соотвѣтствовало бы нынѣшнему ихъ добавочному доходу въ 35 проц... Цѣны на матеріалы, которые сейчасъ возросли въ среднемъ почти на сто процентовъ, еще въ теченіе ряда лѣтъ будутъ стоять приблизительно на такой же высотѣ, и насколько доступно человѣческому предвидѣнію (nach menschlicher Voraussicht) никогда уже не вернуться къ прежнему уровню“ (№ 376).

Къ этому можно было бы прибавить еще соображенія о грядущихъ большихъ налогахъ (директоръ „Національнаго банка“ Виттингъ высчиталъ въ „Berl. Tagebl.“, 8 августа н. ст., что уже въ результатѣ двухлѣтней войны неизбѣжно введеніе новыхъ налоговъ на десять милліардовъ марокъ въ годъ, между тѣмъ какъ предъ войной чистое налоговое обложеніе въ пользу имперіи, составныхъ госу-

дарствъ и всѣхъ мѣстныхъ самоуправленій вмѣстѣ составляло лишь шесть милліардовъ). Но налоги въ сравненіи съ общимъ обѣднѣніемъ страны, съ общимъ пониженіемъ ея производительныхъ силъ и способностей — явленіе второстепеннаго и подчиненнаго порядка. Кто ни платилъ бы потомъ проценты по займамъ, рабочіе или даже если бы никто не платилъ (госуд. банкротство, оставленіе семей погибшихъ безъ пенсій и т. д.), — это не мѣняетъ того факта, что въ странѣ станетъ меньше полезныхъ и нужныхъ для жизни вещей, меньше возможности производить ихъ въ достаточномъ количествѣ въ будущемъ и меньше по количеству и по качеству ихъ для работы.

Разумѣется, на фонѣ общаго экономическаго регресса Германіи отдѣльныя группы лицъ могли разбогатѣть, но это не мѣняетъ значенія общей картины. Металлургія и горнодѣліе въ Германіи принадлежатъ къ наиболѣе воспользовавшимися военной конъюнктурой. Обѣ эти отрасли доминируютъ въ союзѣ „тяжелой индустріи“ (Zentralverband deutscher Industrieller). Редакторомъ органа этого союза состоитъ извѣстный и въ Россіи экономистъ Штейнманнъ-Бухеръ. Въ концѣ іюля н. ст. всѣ газеты обошла выдержка изъ новаго изданія его книги о націон. богатствѣ Германіи. Шт.-Бухеръ, — надо полагать, соотвѣтственно росту наживы въ обслуживаемой имъ индустріи, — пишетъ о войнѣ, какъ о „мощномъ созидателѣ хозяйственныхъ цѣнностей“ и склоняется разсматривать „военное ремесло (Kriegshandwerk), какъ особенно выгодный промыселъ“. Безъ всякихъ основаній распространяя самочувствіе магнатовъ тяжелой индустріи на все населеніе, онъ пишетъ: „Мирный нѣмецкій народъ, такъ сказать, понюхалъ жареное мясо и нашелъ вкусъ въ войнѣ, и легко можетъ статься, что онъ впередъ склоненъ будетъ чаще прежняго упражняться въ военномъ ремеслѣ противъ той или иной стороны, напримѣръ, противъ властительницы морей, вести длительнодлящуюся войну“.

Рѣдко представляется случай рѣзче иллюстрировать противорѣчіе между интересами всего общества, нуждающагося въ скорѣйшемъ прекращеніи подрыванія его экономическаго благополучія, и интересами руководителей мощной группы предпріятій, по существу долженствующихъ служить всему народу (уголь, желѣзо), но ради своекорыстныхъ выгодъ нынѣшнихъ ихъ заправилъ стремящихся къ „длительно-длящемуся“ истощенію національныхъ силъ.

Вопросъ, насколько и какъ быстро удастся возстановить послѣ войны пошатнувшійся подъ ея вліяніемъ организмъ германскаго народнаго хозяйства, является рѣшающимъ для опредѣленія, на-

сколько прочными окажутся плоды „организованнаго пониженія культуры“ и движенія къ модернизированному быту феодально-цехового періода. Капитализмъ показалъ себя въ нынѣшнемъ испытаніи, правда, довольно эластичнымъ, — но не безгранично. Если въ первый годъ войны онъ умѣлъ въ общемъ приспособляться къ положенію настолько, что ходъ хозяйственной жизни поддерживался въ достаточныхъ, хотя и суженныхъ размѣрахъ, то второй годъ онъ сталъ уже ощущать въ Германіи какой-то предѣлъ своей эластичности. Предѣлъ этотъ обозначился, повидимому, въ связи съ пониженіемъ числа (и качества) рабочихъ рукъ ниже величины требуемой для поддержанія современнаго уровня культуры въ странѣ съ населеніемъ и протяженіемъ Германіи. Подобную же послѣдовательность можно предвидѣть и въ отношеніи степени легкости возстановленія послѣ войны капиталистическимъ хозяйствомъ Германіи своего прежняго уровня. Если бы участіе Германіи въ войнѣ продолжалось всего годъ, — возстановленіе произошло бы вѣроятно, безъ особо крупныхъ затрудненій: въ первый годъ растрачены были въ общемъ лишь „избытки“, матеріальный механизмъ хозяйства износился мало, населеніе не было столь истощено и разрѣжено (между прочимъ, смертность взрослаго гражданскаго населенія Германіи въ первый годъ войны не отличается значительно отъ нормальной, а во второй превосходитъ ее на треть). Если бы Германія прекратила войну къ концу ея второго года, возстановленіе прежняго уровня хозяйства и культуры было бы еще мыслимо, хотя и въ качествѣ длительнаго процесса, по рецепту Готгейна („тяжелыя десятилѣтія“) — считая, что основы хозяйственной жизни остались бы тѣми же, что и до войны, только при увеличенной роли государственной власти въ организаціи хозяйства. Экономическая дѣйствительность второго года войны въ Германіи характеризуется сплетеніемъ движенія къ старому (которому посвящена эта корресп.) съ движеніемъ къ новому. Какъ было указано въ „Будущемъ германскаго хозяйства“ („Вѣстн. Евр.“, сентябрь 1915 г.), „новое“ заключалось въ созданіи тѣсной и непосредственной организаціонной связи на экономической почвѣ между государственной властью, какъ представительницей общихъ интересовъ всего класса руководителей германскаго производства, съ отдѣльными, центральными для каждой области хозяйства, объединеніями промышленнаго и финансоваго капитала. Создавшаяся бо́льшая планомѣрность и организованность хозяйственной жизни обезпечивала сохраненіе доходности всѣмъ существеннымъ частямъ германскаго капитала, сравнительную легкость организаціоннаго приспособленія и къ возстановленію прежняго уровня хозяйства и къ его дальнѣйшему упадку.

Организаціонная форма допускала движеніе и къ высшей стадіи капитализма (централизованный „государственный“ капитализмъ) и въ сторону экономическаго регресса — къ укладу, отношеніямъ и порядкамъ, многимъ напоминающимъ о средневѣковьѣ. Второй годъ войны накренилъ чашу вѣсовъ въ сторону второй тенденціи. Будетъ ли Германія въ силахъ избавиться отъ полнаго подчиненія ей послѣ третьяго или четвертаго года войны — болѣе чѣмъ сомнительно. Ибо разрушительное экономическое вліяніе растетъ не въ ариѳметической, а едва ли не въ геометрической прогрессіи. Принимая во вниманіе общее хозяйственное ослабленіе Европы, для европейскихъ государствъ Германія останется, конечно, серьезнымъ экономическимъ конкуррентомъ, но не въ силу собственнаго преуспѣянія, а по причинамъ, коренящимся въ ихъ состояніи.

Въ нѣмецкой литературѣ встрѣчаются иногда указанія на ту помощь, какую Соед. Штаты Сѣв. Америки могутъ оказать хозяйственному возрожденію Европы. Но дѣло въ томъ, что дѣйствительнаго братства народовъ пока не существуетъ. Соед. Штаты лишь въ той мѣрѣ пошлютъ свои матеріалы въ Германію, въ какой она сможетъ оплатить ихъ какими-либо собственными продуктами или трудомъ своихъ жителей. Но и въ томъ и другомъ отношеніи Германія послѣ войны будетъ имѣть менѣе запасовъ для отчужденія, чѣмъ до нея. Если бы послѣ мессинскаго землетрясенія городъ Мессина возстанавливался лишь въ той мѣрѣ, въ какой его населеніе могло бы своимъ трудомъ оплатить издержки возстановленія, то это послѣднее шло бы довольно медленнымъ темпомъ. Но вся Италія слилась тогда въ одну семью, и Мессина была возстановлена. Если бы послѣ войны вся Германія тоже слилась въ одну семью, въ единую коллективную сокровищницу снеся трудъ и достояніе каждаго изъ своихъ дѣтей, то она тоже, конечно, могла бы совершить удивительныя вещи по части экономическаго возрожденія. Но на пути къ такимъ рѣшительнымъ средствамъ стоятъ весьма серьезныя препятствія. Общимъ мѣстомъ въ германской экономической литературѣ стало признаніе, что первымъ условіемъ для быстраго оздоровленія должно быть устраненіе непроизводительнаго потребленія, общественнаго и личнаго, и что оздоровленіе станетъ возможно лишь въ той степени, въ какой это устраненіе непроизводительнаго потребленія будетъ проведено въ жизнь, и всѣ силы народа будутъ планомѣрно организованы для полезной работы (полезной въ смыслѣ улучшенія быта). Патріотъ, оптимистъ и прогрессивный имперіалистъ Готгейнъ пишетъ въ упомянутой брошюрѣ: „Германія, Англія и Австро-Венгрія могли бы нести дальше бремя прежнихъ вооруженій только на счетъ возста-

новленія своего хозяйства. Послѣ ужаснаго финансоваго истощенія принудительная необходимость, быть можетъ, приведетъ къ международному соглашенію объ ограниченіи издержекъ на вооруженія. Бразилія показала въ свое время, какъ этимъ путемъ можно упорядочить постепенно положеніе".

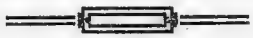
Но военный бюджетъ Германской Имперіи съ народно-хозяйственной точки зрѣнія представляется лишь очень небольшой частью всей той доли народнаго труда, которая затрачивается не на улучшеніе быта всего населенія, а на постороннія ему цѣли, напр., на обезпеченіе сверхобильнаго потребленія богатымъ людямъ, на прибыли аграріямъ и капиталистамъ. Въ мартовской книжкѣ „Вѣстн. Евр." указано, что предъ войной среднее дневное потребленіе пищи 88%-тами нѣмцевъ измѣрялось всего 3,000 калоріями, а остальныхъ (болѣе богатыхъ) 12%-товъ населенія — цѣлыми 8.490 калоріями, Если бы приравнять питаніе 12% богатыхъ питанію народныхъ массъ, то это одно уменьшило бы затрату народнаго труда на добываніе пищи на 18% (до войны среднее дневное потребленіе для всей страны составляло 3650 калорій на душу) и освободило бы почти пятую часть силъ для другихъ цѣлей или дало бы возможность легче перенести умаленіе рабочихъ силъ въ странѣ въ результатѣ войны. То же относится и ко всѣмъ видамъ потребленія. Въ другой разъ приведу пользующіеся теперь литературнымъ успѣхомъ въ Германіи подобные проекты, выходящіе при томъ не изъ рабочей среды (напр. спеціальная брошюра Попперъ-Линкеуса „Послѣ войны" выходитъ уже третьимъ изданіемъ). Съ другой стороны, какъ указываетъ хотя бы тотъ же Попперъ-Линкеусъ, съ точки зрѣнія экономическаго возрожденія непроизводительнымъ будетъ весь трудъ, затрачиваемый на содержаніе всѣхъ членовъ общества, которые могли бы работать, но не работаютъ, будучи зажиточными рантьерами (подобныхъ лицъ послѣдняя перепись насчитала въ Германіи около трехъ милліоновъ). Чтобы затраченный на нихъ общественный трудъ не пропадалъ даромъ, надо ввести для нихъ обязательную рабочую повинность (что и предлагаетъ П.-Л.). Точно также чистая потеря для населенія Германіи, если въ одномъ городскомъ участкѣ три человѣка устраиваютъ мелочныя лавки, когда населеніе съ успѣхомъ могло бы быть обслужено одною. Проведеніе раціональной планомѣрности во всѣхъ отрасляхъ индустріи чрезвычайно сократило бы непроизводительную растрату труда населенія Германіи и позволило бы съ меньшими силами достигать бо́льшихъ результатовъ. И т. д. — число подобныхъ примѣровъ можно бы увеличить. Отсюда очевидно, стоитъ лишь развернуть формулу „устраненіе не-

производительной растраты силъ“ во всю ея ширь — чтобы сразу стало ясно, какое громадное сопротивленіе вызвали бы попытки ея осуществленія со стороны нѣкоторыхъ слоевъ самого же германскаго населенія. Ибо по существу она означаетъ не что иное, какъ отстраненіе нынѣшнихъ владѣльцевъ отъ права распоряженія своими предпріятіями и передачу этихъ предпріятій въ планомѣрное управленіе такого центра, который руководился бы мыслью единственно о поднятіи уровня быта всего населенія, а не о личныхъ доходахъ прежнихъ владѣльцевъ. Представляется немыслимымъ, чтобы нынѣшніе руководители германской экономической жизни согласились на подобные практическіе выводы изъ столь ревностно теперь пропагандируемаго въ Германіи лозунга: раціонизировать хозяйство страны, устранить непроизводительное примѣненіе ея силъ и спасти этимъ отъ экономическаго регресса.

Но точно также представляется немыслимымъ, чтобы при сокращеніи производительныхъ силъ страны Германія могла сохранить всѣ виды „непроизводительнаго примѣненія народныхъ силъ“, не понижая одновременно значительно уровня быта подавляющей массы своего населенія.

М. Лурье.

Стокгольмъ.



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Воинственныя увлеченія въ Германіи. — Рѣчь канцлера въ рейхстагѣ. — Съѣздъ соціалъ-демократической партіи въ Берлинѣ. — Конгрессъ британскихъ рабочихъ союзовъ въ Бирмингамѣ. — Политическое настроеніе во Франціи. — Балканскія дѣла и греческій кризисъ.

По оффиціальнымъ даннымъ германскаго генеральнаго штаба потери германскихъ армій за два года войны, до 31 (18) іюня, выражаются въ цифрѣ 3.393.382, — въ томъ числѣ убитыхъ 841.404, раненыхъ 2.121.770, пропавшихъ безъ вѣсти 430.208. Если предположить, что столько же потеряли вмѣстѣ Австро-Венгрія и Турція, то цифра общихъ потерь центральныхъ имперій и ихъ союзниковъ составитъ не менѣе семи милліоновъ человѣкъ. Цвѣтъ здороваго населенія значительной части Европы приносится въ жертву ради того, чтобы удовлетворить національное честолюбіе Германіи и ея правящихъ классовъ. Нѣмецкіе патріоты, лично не участвующіе въ войнѣ, настойчиво требуютъ ея безпощаднаго продолженія и рѣзко нападаютъ на имперскаго канцлера за его чрезмѣрную будто бы мягкость и уступчивость въ вопросѣ о пріемахъ борьбы противъ британской морской торговли. Они высказываютъ свое негодованіе по поводу того, что нѣмецкія подводныя лодки перестали топить безъ разбора встрѣчающіеся имъ торговые и пассажирскіе пароходы и что случаи, въ родѣ потопленія „Лузитаніи", повторяются теперь слишкомъ рѣдко, изъ неумѣстнаго уваженія къ безсильнымъ американскимъ протестамъ. Образовалась вліятельная консервативно-патріотическая оппозиція, добивающаяся, повидимому, смѣщенія Бетмана-Гольвега и замѣны его болѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ дѣятелемъ, способнымъ довести систему внѣшняго террора до крайнихъ ея предѣловъ. Значительная часть нѣмецкаго общества обнаруживаетъ, такимъ образомъ, болѣе воинственные и кровожадные инстинкты, чѣмъ само правительство; націоналъ-либералы и консерваторы находятъ, что нечего церемониться съ Америкой и другими нейтральными странами, и что можно пожертвовать еще нѣсколькими милліонами людей для доказательства

превосходства нѣмецкаго народа надъ остальными культурными націями.

На этой почвѣ происходитъ странная полемика между противниками и сторонниками Бетмана-Гольвега. Защитники канцлера старались увѣрить публику, что обвинители его ошибаются, приписывая ему заботу о смягченія ужасовъ войны; напротивъ, такъже какъ и всѣ патріоты, онъ проникнутъ непримиримою ненавистью къ врагамъ, особенно къ англичанамъ, и готовъ истреблять ихъ безъ всякой жалости, не стѣсняясь никакими нормами международнаго права. Оппозиція, однако, не вѣрила газетнымъ приверженцамъ канцлера и съ нетерпѣніемъ ожидала личнаго выступленія его въ рейхстагѣ.

Парламентская сессія открылась 15 (28) сентября — двумя днями позже предположеннаго срока; и въ первомъ же засѣданіи Бетманъ-Гольвегъ произнесъ длинную рѣчь, посвященную не только оцѣнкѣ общаго политическаго положенія Германіи, но и оправданію и защитѣ его собственной политики. Въ своемъ обзорѣ текущихъ событій онъ подробно говорилъ о поведеніи Румыніи, которая при покойномъ королѣ Карлѣ была тѣсно связана съ центральными имперіями и едва не присоединилась къ нимъ при самомъ началѣ войны; начатые затѣмъ переговоры съ державами согласія велись очень долго, и австро-германская дипломатія не могла помѣшать ихъ успѣху, вопреки всѣмъ своимъ стараніямъ. „Дипломатическая игра“ румынскаго министра-президента Братіано привела къ непріятному для нѣмцевъ результату, но это обстоятельство, по мнѣнію канцлера, не можетъ оказать существеннаго вліянія на общій ходъ военныхъ дѣлъ. Правда, франко-британское наступленіе еще не остановлено, но союзникамъ все-таки „не удалось ни на западномъ, ни на восточномъ фронтѣ прорвать германскую укрѣпленную линію“. Враги стремятся будто бы къ завоеваніямъ и желаютъ уничтожить Германію; для достиженія этой цѣли „Англія употребляетъ такое напряженіе силъ и средствъ, какого не бывало еще въ исторіи“. Государственный человѣкъ, — воскликнулъ по этому поводу канцлеръ, — который поколебался бы по отношенію къ этому врагу употребить всякія возможныя средства, способныя ускорить окончаніе войны, заслуживалъ бы быть повѣшеннымъ“. Эти грозныя слова по адресу Англіи, какъ видно изъ газетныхъ отчетовъ, встрѣчены были бурными одобреніями и аплодисментами въ залѣ рейхстага и на трибунахъ. „Настоящее мое заявленіе, — продолжалъ Бетманъ-Гольвегъ, — можетъ служить достаточно убѣдительнымъ свидѣтельствомъ того негодованія, какое внушаютъ мнѣ постоянно повторяемыя утвержденія, будто не

всѣ нужныя средства пускаются въ ходъ для успѣшной борьбы съ врагомъ. Эти утвержденія вызываются либо непониманіемъ дѣйствительнаго положенія вещей, либо темными интригами, избѣгающими дневного свѣта". Канцлеръ, конечно, не сомнѣвается, что Германія добьется окончательной побѣды, хотя и цѣною колоссальныхъ усилій и крайне тяжелыхъ жертвъ. Въ заключеніе онъ намекнулъ на новый курсъ внутренней политики, который будто бы наступитъ послѣ войны, — курсъ, опредѣляемый девизомъ: „Свободный путь для всѣхъ способныхъ" [1]).

Другими словами, массѣ нѣмецкихъ обывателей обѣщается нѣкоторое уравненіе въ правахъ съ высшими привилегированными сословіями, безъ опредѣленныхъ указаній на сущность и степень этого уравненія; во всякомъ случаѣ, оффиціально замалчивается давно наболѣвшій вопросъ о реформѣ устарѣлаго, явно несправедливаго избирательнаго закона, который еще Бисмаркъ признавалъ „безобразнымъ". Но нѣмецкіе либералы не отличаются своею требовательностью; они довольствуются тѣми туманными словесными уступками и обѣщаніями, которыя отъ времени до времени дѣлаются представителями власти для успокоенія общественнаго мнѣнія. Мало того, соціалъ-демократы въ большинствѣ склоняются какъ будто на сторону правительства. Въ результатѣ получается оригинальная политическая комбинація, характеризующая внутреннее положеніе Германіи: либеральныя политическія партіи и нѣкоторыя группы, соціалъ-демократіи стоятъ за канцлера, убѣжденнаго консерватора стараго типа, а консерваторы, аграріи и часть католическаго центра рѣзко нападаютъ на него, нисколько не скрываясь отъ „дневного свѣта". Германская военная цензура пока еще не распространяется на критику правительственной дѣятельности, не относящейся непосредственно къ войнѣ, и оппозиція не имѣетъ надобности прибѣгать къ темнымъ закулиснымъ интригамъ, чтобы поколебать авторитетъ того или другого министра. Однако сами противники канцлера нашли неудобнымъ переносить свою полемику изъ газетной прессы на болѣе отвѣтственную парламентскую арену; они согласились поэтому съ другими партіями и съ правительствомъ, чтобы въ рейхстагѣ не было никакихъ преній объ общей политикѣ. Все, что имѣли сказать представители оппозиціи и что намѣренъ

---

[1]) Эти краткія извлеченія изъ рѣчи Бетмана-Гольвега мы заимствуемъ изъ телеграммы „Бирж. Вѣдомостей" отъ 17 сентября, такъ какъ петроградское телеграфное агентство почему-то не сочло нужнымъ на этотъ разъ дать отчетъ о рѣчи германскаго канцлера, а номеръ газеты „Temps" (отъ 30 сент.) съ обстоятельнымъ изложеніемъ этой рѣчи полученъ нами слишкомъ поздно, когда наше обозрѣніе было уже въ наборѣ.

былъ объяснить канцлеръ, было изложено въ закрытыхъ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи. Въ связи съ этимъ рейхстагъ отсрочилъ свои засѣданія до 11-го октября (нов. ст.).

За нѣсколько дней до открытія парламентской сессіи состоялся въ Берлинѣ, въ зданіи рейхстага, партійный съѣздъ соціалъ-демократіи, съ цѣлью разрѣшить вопросъ о военныхъ кредитахъ. Кромѣ членовъ парламентской соціалистической фракціи, въ съѣздѣ участвовало около двухсотъ делегатовъ, такъ что общее число членовъ доходило до трехсотъ человѣкъ. Предсѣдательствовавшій депутатъ Эбертъ сказалъ нѣсколько патріотическихъ словъ о членахъ партіи, находящихся на фронтѣ или павшихъ за отечество; собраніе выслушало эту рѣчь стоя, въ почтительномъ молчаніи. По словамъ Эберта, съѣздъ созванъ для того, чтобы способствовать поддержанію единства партіи, обезпечить свободу ея дѣйствій и дать ей точное и опредѣленное направленіе въ будущемъ. Депутатъ Ледебуръ отъ имени ста делегатовъ прочелъ декларацію, въ которой выразилъ протестъ противъ состава и программы съѣзда и сообщилъ о рѣшеніи своей группы не принимать участія въ предстоящихъ совѣщаніяхъ. Депутатъ Шейдеманъ сдѣлалъ затѣмъ докладъ отъ имени бюро партіи. Онъ напомнилъ, что первые военные кредиты были одобрены значительнымъ большинствомъ партіи, въ соотвѣтствіи съ настроеніемъ народныхъ массъ, которыя „вполнѣ сознавали значеніе русской опасности". Нынѣшняя оппозиція (т. е. меньшинство соціалъ-демократовъ) „не видитъ всѣхъ опасностей, угрожающихъ Германіи и сохраняющихъ понынѣ свою силу. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что отклоненіе военныхъ кредитовъ нѣмецкою соціалъ-демократіею вызвало бы аналогичное рѣшеніе со стороны соціалистическихъ партій Франціи и Англіи. Несправедливо говорить о солидарности соціалъ-демократіи съ правительствомъ. Единственная перемѣна заключается въ томъ, что въ настоящее время правительство сообщаетъ соціалистической фракціи имѣющіяся свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другимъ партіямъ; въ этомъ отношеніи исчезъ прежній исключительный порядокъ. Международные конгрессы, — продолжалъ Шейдеманъ, — принимали резолюціи о томъ, что соціалистическія партіи должны стремиться къ скорѣйшему по возможности окончанію войны, въ высшей степени желательному и для нѣмецкихъ соціалистовъ; но всѣ попытки германской соціалистической партіи дѣйствовать въ этомъ направленіи всегда встрѣчали грубый отказъ со стороны другихъ партій". Очевидно, Шейдеманъ упомянулъ о „русской опасности" только для краснаго словца, ибо нѣмецкіе соціалисты, какъ и либералы и консерваторы, поглощены

теперь заботою не о борьбѣ съ „русскимъ деспотизмомъ“, а о „подавленіи“ или даже „уничтоженіи Англіи“. Недавно еще въ Мюнхенѣ образовался комитетъ съ цѣлью придумать средства „раздавить Англію“, и воззваніе этого комитета подписано, между прочимъ, именами извѣстныхъ дѣятелей соціалъ-демократіи, въ родѣ Шиппеля и другихъ. Въ вопросахъ внѣшней политики все болѣе стирается граница между соціалистами и либералами. Берлинскій съѣздъ соціалъ-демократовъ въ заключительномъ засѣданіи 25 (12) сентября, большинствомъ 251 голоса противъ 5, принялъ предложенный депутатомъ Давидомъ проектъ резолюціи, который могъ быть одобренъ любымъ либераломъ. „Конференція соціалъ-демократической партіи — гласитъ эта резолюція — признаетъ обязанность защиты страны и выражаетъ убѣжденіе, что въ борьбѣ противъ цѣлаго міра враговъ только тѣснымъ сотрудничествомъ всѣхъ нѣмцевъ можетъ быть спасена Германская имперія отъ политическаго расчлененія и экономическаго рабства. Соціалъ-демократія, какъ и прежде, проникнута рѣшимостью держаться твердо въ защитѣ нашей страны до тѣхъ поръ, пока наши противники не будутъ располо-

подписать миръ, который обезпечилъ бы политическую независимость, территоріальную цѣлость и свободу экономическаго развитія Германіи“.

Лицемѣрная двусмысленность этой резолюціи бросается въ глаза. Никто не посягалъ на политическую независимость и территоріальную цѣлость Германской имперіи, и ничѣмъ не была ограничена свобода ея экономическаго развитія, которое въ дѣйствительности переходило въ хозяйственное господство или, по новѣйшей вульгарной терминологіи, въ засилье надъ чужими странами. Война началась нападеніемъ на Сербію, затѣмъ на Бельгію и Францію не во имя защиты неприкосновенности Германіи, которую никто не смѣлъ обидѣть или задѣть; она была вызвана полнымъ пренебреженіемъ центральныхъ имперій къ законнымъ правамъ и интересамъ чужихъ народовъ и государствъ. Война ведется союзниками именно ради обезпеченія неприкосновенности и свободы развитія малыхъ и большихъ европейскихъ націй отъ германскихъ посягательствъ и притязаній; а нѣмецкіе соціалъ-демократы дѣлаютъ видъ, что, наоборотъ, Германія нуждается въ огражденіи своей цѣлости и неприкосновенности и стремится только къ обезпеченію своей собственной безопасности. Такъ какъ союзныя державы, въ томъ числѣ Сербія и Бельгія, имѣютъ такія же права на неприкосновенность, какъ и Германія, грубо нарушившая эти права, то говорить о гарантіяхъ безопасности спеціально для Германіи — значитъ совершенно извращать дѣйствительное положеніе вещей.

Въ резолюціи берлинскаго съѣзда сознательно замалчивается вопросъ о судьбѣ чужихъ территорій, захваченныхъ Германіею: будутъ ли онѣ возвращены по принадлежности во имя политической независимости и свободы развитія народовъ, или онѣ останутся „неприкосновенными“ въ рукахъ нѣмецкихъ „завоевателей“? Можетъ ли быть рѣчь объ охранѣ безопасности и неприкосновенности Германіи, пока она сама угрожаетъ существованію чужихъ государствъ, занимая ихъ территоріи своими войсками? Та формулировка, которая дается въ резолюціи по вопросу о возможномъ мирѣ, свидѣтельствуетъ о большомъ лицемѣріи, непростительномъ для такой партіи, какъ соціалъ-демократія.

Незадолго до берлинской соціалистической „конференціи“ собирался въ Бирмингамѣ обычный ежегодный конгрессъ англійскихъ рабочихъ союзовъ (трэдъ-юніонистовъ), на которомъ, между прочимъ, обсуждались и вопросы внѣшней политики. Президентъ американской федераціи рабочихъ, Самюэль Гомперцъ, разослалъ рабочимъ ассоціаціямъ разныхъ странъ циркулярное письмо, въ которомъ предлагалъ созвать всеобщій рабочій конгрессъ одновременно съ дипломатическимъ конгрессомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ происходить послѣдній. Парламентскій комитетъ съѣзда одобрилъ это предложеніе и совѣтовалъ принять его, но встрѣтилъ сильныя возраженія, которыя нашли неожиданную поддержку въ лицѣ одного изъ членовъ комитета, члена палаты общинъ Торна. Онъ заявилъ, что высказался первоначально за проектъ только по недоразумѣнію; онъ полагалъ, что на предположенномъ международномъ рабочемъ конгрессѣ не будутъ присутствовать делегаты нѣмецкихъ рабочихъ, но, узнавъ о своей ошибкѣ, онъ рѣшительно отвергаетъ мысль о созывѣ подобнаго съѣзда. Заявленіе Торна вызвало въ собраніи шумные аплодисменты. Представитель почтовыхъ служащихъ, Аммонъ, пытался объяснить, что обязательно было пригласить и нѣмецкихъ делегатовъ и что не слѣдуетъ смѣшивать нѣмецкихъ рабочихъ съ германскимъ правительствомъ. Поднялись протесты, среди которыхъ трибуну занялъ делегатъ всеобщаго союза рабочихъ, Джекъ Джонсъ; онъ высказался въ томъ смыслѣ, что нѣмцы являются главными врагами международной солидарности рабочихъ и что отъ нихъ надо держаться подальше. Послѣ него говорилъ Джонъ Гилль, который старался доказать, что рабочій конгрессъ не будетъ имѣть никакого практическаго значенія, если онъ соберется только при заключеніи мира; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ точное содержаніе отвѣта германскихъ рабочихъ на предложеніе Гомперда. „Нѣмецкіе рабочіе, — по его словамъ, — заявили, что они находятся въ данное время подъ властью правительственнаго

абсолютизма, но что они надѣются измѣнить режимъ послѣ войны. Они сомнѣваются, будутъ ли въ состояніи присутствовать на конгрессѣ въ виду ограничительныхъ правилъ и стѣсненій для поѣздокъ за границу". Наибольшее впечатлѣніе произвела рѣчь другого оратора, Макъ-Кирреля, представителя шотландскихъ рудокоповъ. Онъ спрашивалъ, не пошлетъ ли Германія на международную рабочую конференцію тѣхъ самыхъ соціалистовъ, которымъ императоръ поручилъ послѣ разрушенія Лувена вступить въ сношенія съ бельгійскими рабочими и убѣдить ихъ въ великодушіи германскаго народа. Французскіе рудокопы сѣверныхъ департаментовъ едва ли согласятся засѣдать вмѣстѣ съ людьми, которые отправляли въ Германію ихъ женъ и дочерей въ сопровожденіи германскихъ солдатъ, обезчестившихъ столько французскихъ семействъ. „Что касается меня, — продолжалъ Макъ-Киррель, — то я соглашусь обсуждать условія мира съ германской соціалъ-демократіею только въ томъ случаѣ, когда она отречется отъ Вильгельма II и его кронпринца, когда она публично заклеймитъ преступное потопленіе „Лузитаніи" и подвергнетъ наказанію его виновника. Только при этихъ условіяхъ британскіе рабочіе могутъ возобновить товарищескія отношенія съ нѣмецкими рабочими. Членъ палаты общинъ Робертсъ подтвердилъ доводы Макъ-Кирреля ссылкою на свои личныя наблюденія: онъ всегда замѣчалъ, что вожди нѣмецкихъ рабочихъ, выставлявшіе себя пацифистами на международныхъ съѣздахъ, систематически уклонялись отъ принятія опредѣленныхъ предложеній по этому предмету. По его мнѣнію, германскіе рабочіе отвѣтственны за войну въ такой же мѣрѣ, какъ и другіе классы нѣмецкаго народа. Большинствомъ 1.486.000 голосовъ противъ 725.000 рѣшено было исключить изъ доклада парламентскаго комитета пунктъ, касающійся международной рабочей конференціи, и никогда уже не возвращаться къ его обсужденію.

Тѣмъ не менѣе вопросъ былъ вновь затронутъ на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. Делегатъ Канады, Симпсонъ, сообщилъ, что съѣздъ канадскихъ рабочихъ принялъ предложеніе объ участіи американской рабочей федераціи въ будущей международной конференціи мира послѣ окончанія войны. Французскій делегатъ, представитель „генеральной федераціи труда", развивалъ ту мысль, что даже въ разгарѣ войны безусловные сторонники мира не должны падать духомъ. „Вчерашніе пацифисты, — говорилъ онъ, — вновь станутъ пацифистами, когда война окончится, и постараются найти такія основы мира, которыя избавятъ человѣчество отъ новыхъ войнъ. Но какъ ни сильно желаніе мира, соглашеніе не можетъ осуществиться, пока пострадавшія народности не будутъ возста-

новлены въ своихъ правахъ. Представитель бельгійской федераціи рабочихъ союзовъ заявилъ, что его федерація получила отъ германскихъ соціалъ-демократовъ сообщеніе о готовности ихъ оказать поддержку бельгійскимъ соціалистамъ, когда послѣдніе будутъ въ ней нуждаться; бельгійцы, конечно, отклонили это предложеніе. Общее настроеніе съѣзда отличалось спокойною увѣренностью въ правильности избраннаго пути. На митингѣ, устроенномъ въ честь собравшихся делегатовъ въ Бирмингамѣ, 7 сентября, выступали ораторами видные члены парламентской рабочей партіи и одинъ изъ приглашенныхъ французскихъ гостей, Луазонъ. И всѣ они говорили въ томъ же твердомъ, увѣренномъ и умѣренномъ тонѣ, безъ громкихъ фразъ. Луазонъ привѣтствовалъ отказъ британскихъ рабочихъ участвовать вмѣстѣ съ нѣмцами въ будущемъ рабочемъ конгрессѣ мира. „Отнынѣ, — сказалъ онъ, между прочимъ, — международное общеніе будетъ существовать только между демократическими націями. Прежде чѣмъ претендовать на усвоеніе и примѣненіе соціализма, нѣмцы должны пройти необходимые предварительные этапы. Пусть они свергнутъ иго милитаризма и пусть своими слезами смоютъ кровь, которою покрыты ихъ руки. Во главѣ демократическихъ конгрессовъ могутъ стоять только англичане и французы, какъ практики и идеалисты. Достигнувъ торжества права на войнѣ, мы поддержимъ право и во время мира“.

Для характеристики настроенія, господствующаго въ Англіи, представляется весьма поучительнымъ содержаніе бесѣды, которую имѣлъ военный министръ Ллойдъ-Джорджъ съ однимъ американскимъ корреспондентомъ въ тотъ самый день, когда въ рейхстагѣ германскій канцлеръ громилъ ненавистную нѣмцамъ Англію. „Германія, — заявилъ Ллойдъ-Джорджъ, — рѣшила, что съ Англіей надо покончить. Мы позаботимся о томъ, чтобы она была удовлетворена. Борьба будетъ продолжаться до окончательной развязки. Весь свѣтъ, включая и нейтральныя страны, при всѣхъ своихъ благородныхъ намѣреніяхъ, долженъ знать, что не можетъ быть вопроса о вмѣшательствѣ извнѣ въ настоящемъ фазисѣ конфликта. Англія не обращалась ни къ какому посредничеству, когда она не была еще готова къ войнѣ; теперь же она готова и не допуститъ никакого вмѣшательства до тѣхъ поръ, пока прусскій военный деспотизмъ не будетъ окончательно сломленъ“. Друзья германцевъ равнодушно или съ злорадствомъ смотрѣли, какъ шли на убой неподготовленные англійскіе отряды въ началѣ войны, а теперь они выражаютъ свою скорбь о продолженіи кровопролитія, когда Германіи наносятся тяжкіе удары. Между тѣмъ „никакая бойня, никакія будущія страданія не могутъ быть хуже тѣхъ мученій, того избіенія, какія испытали со-

юзники, принужденные вынести на себѣ всю тяжесть прусской военной машины въ первые мѣсяцы борьбы". Немыслимо остановить войну, когда міръ остается подъ угрозой того же врага; „не видно еще конца военныхъ дѣйствій, но Англія не сомнѣвается въ ихъ конечномъ результатѣ". Между союзниками не можетъ быть отступниковъ; „полная солидарность ихъ давно стала нашимъ военнымъ лозунгомъ". Ллойдъ-Джорджъ говорилъ, между прочимъ, о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ недавней поѣздки на фронтъ союзныхъ войскъ. Театръ военныхъ дѣйствій представляетъ, по его словамъ, сплошной, неописуемый ужасъ. Ему казалось, что онъ находится въ преддверіи ада, гдѣ массы человѣческихъ существъ устремляются въ пекло съ сознаніемъ, что въ лучшемъ случаѣ они возвратятся оттуда искалѣченными. „Подобныя картины никогда больше не должны повторяться на землѣ, и лучшимъ способомъ положить имъ конецъ было бы такое наказаніе виновниковъ, которое навсегда парализовало бы охоту къ подвигамъ подобнаго рода. Таковы тѣ чувства, которыя владѣютъ британскою арміею". Этотъ заключительный выводъ военнаго министра и одного изъ крупнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Англіи служитъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на злобныя нѣмецкія выходки противъ британской націи. Англія — не военная держава, но, вызванная на борьбу, она съ непоколебимымъ упорствомъ и съ желѣзною послѣдовательностью организуетъ и увеличиваетъ свои силы, готовясь бороться до конца, не останавливаясь ни предъ какими жертвами. Такъ было во время Наполеоновскихъ войнъ, и такъ будетъ, вѣроятно, и въ настоящей „міровой войнѣ", затѣянной новыми германскими завоевателями,

Тѣ же черты — спокойная выдержка, твердое самообладаніе при неслыханныхъ бѣдствіяхъ, безконечное самоотверженіе во имя великой цѣли — проявляются въ поразительной степени французами, которымъ приходится испытывать на себѣ и своихъ близкихъ всѣ ужасы непріятельской оккупаціи. Въ парламентѣ и въ печати почти не замѣчается разногласій относительно основныхъ задачъ переживаемаго момента; всѣ партіи одинаково чувствуютъ и сознаютъ, что Франція вынуждена бороться за свое существованіе и за свое положеніе въ мірѣ. Отдѣльные голоса неисправимо-довѣрчивыхъ пацифистовъ теряются въ общемъ національномъ движеніи, яркими выразителями котораго являются талантливые министры и ораторы, съ министромъ-президентомъ Бріаномъ во главѣ. Въ палатѣ депутатовъ, 14 (1) сентября, прочитана была Бріаномъ правительственная декларація, въ которой, прежде всего, упоминается о новой обстановкѣ военныхъ событій, вслѣдствіе присоединенія Румыніи къ державамъ согласія и формальнаго выступленія Италіи

противъ Германіи. „Приближается часъ исправленія зла, причиненнаго вражескимъ нашествіемъ, — говорится далѣе въ декларацiи, — но мы не должны предаваться чрезмѣрному оптимизму. Было бы пагубно допускать ослабленіе нашихъ усилій подъ тѣмъ предлогомъ, что побѣда не уйдетъ отъ насъ. Нужно хладнокровно смотрѣть на реальное положеніе вещей: врагъ еще силенъ; онъ будетъ защищаться съ ожесточеніемъ и до конца; онъ можетъ быть подавленъ только многократными сокрушительными ударами. Необходимо употребить всѣ силы и средства, чтобы дать возможность нашей арміи справиться съ нимъ и одержать окончательную побѣду". Въ палатѣ, однако, нашлось нѣсколько депутатовъ, которые своими „особыми мнѣніями" внесли нѣкоторый диссонансъ въ общее настроеніе.

При обсужденіи бюджета, въ засѣданіи 15 сентября, депутатъ Ру-Костадо, бывшій педагогъ по профессіи, заговорилъ о безплодности дальнѣйшаго кровопролитія, которое обрушивается будто бы, главнымъ образомъ, на сельское населеніе, а не на городскихъ рабочихъ. Онъ находитъ, что народъ рискуетъ погибнуть, если будетъ безъ конца нагромождать горы труповъ, благодаря своему безстрашному героизму; но „желательно, чтобы на будущемъ конгрессѣ мира Франція поднимала свой голосъ, не какъ умирающая, лежа на своемъ знамени, а оставаясь еще крѣпкою и здоровою". Безъ сомнѣнія, — продолжалъ ораторъ, — мы заслужили побѣду, но побѣда безъ рукъ, безъ крыльевъ и безъ головы, распростертая на кладбищѣ, — это статуя ироніи, лежащая надъ прахомъ мертвыхъ". Когда ораторъ сталъ намекать на неравенство жертвъ со стороны различныхъ общественныхъ классовъ и даже среди отдѣльныхъ державъ, вмѣшался Бріанъ и произнесъ блестящую рѣчь, въ которой доказывалъ, что всѣ одинаково вносятъ свою долю крови и средствъ на святое дѣло защиты отечества и цивилизаціи, что нѣтъ разницы въ этомъ отношеніи между крестьянами, рабочими и буржуазіею, и что такъ же точно всѣ союзныя націи съ одинаковымъ самоотверженіемъ, безъ колебаній и расчетовъ, напрягаютъ свои силы для надлежащаго выполненія совмѣстно выработанной программы военныхъ дѣйствій.

Вслѣдъ затѣмъ выступилъ депутатъ Бризонъ, который подошелъ къ вопросу съ совершенно другой стороны — съ точки зрѣнія финансовой. Столько-то милліардовъ истрачено, — высчитываетъ онъ, — столько-то потеряно вслѣдствіе остановки производства на заводахъ и въ земледѣліи, столько-то погибло вслѣдствіе смерти производителей: „надо остановить эту трату милліардовъ, ибо мы не имѣемъ права бросать достояніе народа въ пропасть и заставлять людей кидаться въ огонь смерти; поэтому можно и должно начать переговоры. При политикѣ Бріана, — прибавилъ депутатъ

Бризонъ, — война продолжалась бы еще три года". Министръ-президентъ вторично попросилъ слова. Онъ напомнилъ, что Франція не думала о войнѣ и съ неизмѣннымъ миролюбіемъ переносила всякія вызывающія и нерѣдко оскорбительныя дѣйствія берлинской дипломатіи; она всегда старалась улаживать возникавшіе конфликты, но, наконецъ, внезапно подверглась грубому нападенію и принуждена была воевать для своей защиты. „Страну схватили за горло, ее хотѣли раздавить, и чтобы скорѣе достигнуть этого, перешли черезъ окровавленное, искалѣченное тѣло маленькаго народа, нейтралитетъ котораго сами же гарантировали. Населеніе десяти департаментовъ терпитъ неслыханныя бѣдствія подъ гнетомъ непріятеля; жены и дочери мирныхъ жителей отрываются отъ своихъ семействъ и отдаются въ распоряженіе враждебныхъ военныхъ властей, и въ это время намъ предлагаютъ начать переговоры о мирѣ. Какой это былъ бы миръ? — воскликнулъ Бріанъ. — Это былъ бы миръ войны, источникъ постоянныхъ тревогъ для будущихъ поколѣній, и мистическое честолюбіе Германіи побуждало бы ее возобновить ударъ, который не удался въ настоящее время. Это былъ бы миръ унизительный, несовмѣстимый съ чувствомъ чести, и нѣтъ ни одного француза, который могъ бы желать такого мира". Рѣчь Бріана привела слушателей въ восторгъ, и огромнымъ большинствомъ постановлено было расклеить ея печатный текстъ во всѣхъ общинахъ Франціи. Однако, три подлинныхъ француза не соглашались съ выводомъ Бріана, — депутаты Ру-Костадо, Бризонъ и поощрявшій ихъ своими возгласами Раффенъ-Дюжанъ; они, повидимому, вѣрятъ въ возможность немедленнаго заключенія мира, раздѣляя какъ будто взглядъ Бетмана-Гольвега, по которому миръ могъ бы быть заключенъ въ любой моментъ, если бы только пожелали союзники; но какія условія предложила бы имъ Германія, отдала ли бы она добровольно Бельгію, русскую Польшу и другія занятыя нѣмцами земли, — объ этомъ умалчивалъ канцлеръ, и это молчаніе, какъ мы видѣли, повторяется и въ резолюціи берлинскаго соціалъ-демократическаго съѣзда. Названные три французскихъ соціалиста едва ли могли думать, что въ подобныхъ случаяхъ молчаніе есть знакъ согласія.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій непримиримый пацифистъ Раффенъ-Дюжанъ пытался объяснить, что̀ и какъ происходило на кіентальскомъ международномъ съѣздѣ, при участіи нѣмецкихъ делегатовъ, и даже что̀ было тамъ подписано, — но возмущенная палата заглушила его слова, и въ заключеніе ораторъ былъ призванъ къ порядку; дѣло обошлось на этотъ разъ безъ вмѣшательства Бріана. Объединенная партія соціалистовъ, въ особомъ

совѣщаніи, обсуждала поведеніе своихъ членовъ-отщепенцевъ и постановила, вмѣсто спеціальнаго протеста по этому поводу, прочесть въ палатѣ декларацію общаго характера отъ имени партіи. Эта декларація была прочитана въ засѣданіи 23 сентября. „Соціалистическая партія, — говорится въ этомъ документѣ, — подастъ свой голосъ за военные кредиты. Она вотировала ихъ 4 августа 1914 года для охраны и защиты страны отъ возмутительнаго нападенія. Она вотируетъ ихъ теперь, потому что Франція, еще не очищенная отъ непріятеля, должна обезпечить свою независимость и предохранить Европу отъ всякой угрозы гегемоніи. Несмотря на случайныя разногласія вслѣдствіе индивидуальныхъ выступленій, которыя обязываютъ только ихъ авторовъ, партія въ цѣломъ, во всѣхъ своихъ различныхъ элементахъ, остается единодушною относительно принциповъ, которые она излагала еще недавно при обсужденіи послѣднихъ кредитовъ. Насколько мы противъ всякой политики, направленной къ превращенію войны національной обороны, въ которой мы участвуемъ, въ войну завоевательную, настолько мы убѣждены, что ни одинъ соціалистъ не могъ бы принять миръ, который оставилъ бы Францію искалѣченною и уменьшенною. Мы вотируемъ кредиты, потому что мы готовы употребить всѣ усилія, чтобы сохранить цѣлость французской территоріи, чтобы возстановить права Эльзаса-Лотарингіи, попранныя въ 1871 году, чтобы обезпечить полное политическое и экономическое возстановленіе Бельгіи и Сербіи, и чтобы пріобрѣсть увѣренность въ прочности мира. Достиженіе этого праваго мира зависитъ отъ союзныхъ правительствъ, какъ отъ силы ихъ твердо объединенной военной кампаніи, такъ и отъ послѣдовательности и цѣлесообразности ихъ дипломатической дѣятельности. Всему міру должны быть ясны тѣ условія, которыя обезпечатъ независимость націй и подготовятъ организацію международнаго правосудія“. Палата выслушала эту декларацію съ большимъ вниманіемъ и часто прерывала ея чтеніе единодушными знаками одобренія. Французскіе соціалисты, очевидно, остаются вполнѣ солидарными съ другими политическими партіями по отношенію къ настоящей войнѣ.

Военная цензура отчасти мѣшаетъ французскимъ газетамъ высказываться свободно по текущимъ военно-политическимъ вопросамъ, и даже въ такихъ умѣренныхъ органахъ, какъ „Temps“, встрѣчаются нерѣдко пустыя мѣста, свидѣтельствующія о заботливомъ цензурномъ контролѣ. Бываютъ, однако, случаи, когда въ печати проскальзываютъ довольно рѣзкія сужденія о военныхъ дѣйствіяхъ, и по этому поводу депутатъ Поль Понсэ, соціалистъ, обратился къ правительству съ оригинальнымъ запросомъ: почему въ цѣломъ

рядѣ газетъ, въ промежутокъ времени отъ 3 до 6 сентября, появились статьи и замѣтки, откровенно критикующія и осуждающія тактику генерала Саррайля, главнокомандующаго союзными войсками въ Салоникахъ? Газеты спрашивали, почему этотъ генералъ такъ долго медлилъ предпринять что-нибудь противъ Болгаріи и оставилъ безъ поддержки Румынію? Когда же, наконецъ, онъ выступитъ? И цензура допустила обсужденіе этихъ щекотливыхъ вопросовъ, тогда какъ вообще она отличается своею строгостью. Депутатъ Понсэ требовалъ объясненія этого факта, и Бріану пришлось оправдывать военную цензуру и, кстати, самого генерала Саррайля, который, по его словамъ, заслуживаетъ безусловнаго довѣрія. Скромный вопросъ объ упущеніи или ошибкѣ военной цензуры превратился косвенно въ серьезный и крупный вопросъ о медлительности и неопредѣленности союзныхъ военныхъ операцій на Балканахъ, и данныя Бріаномъ по этому предмету объясненія удовлетворили палату, какъ и лично депутата Понсэ.

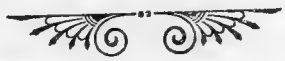
Въ дѣйствительности, балканскія дѣла запутались до того, что разобраться въ нихъ трудно, и многое остается неяснымъ и загадочнымъ для профановъ. Послѣ выступленія Румыніи, болгары вмѣсто того, чтобы чувствовать себя въ опасности и думать о защитѣ, сами, совмѣстно съ германцами, нападаютъ на румынъ и вторгаются въ предѣлы ихъ территоріи; . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . Смѣлое румынское наступленіе въ Трансильваніи оборвалось и перешло въ оборону; австрійцы вновь подбодрились и увѣровали въ счастливую звѣзду Макензена. Глядя на эти случайныя перемѣны въ ходѣ событій, греческіе правители сильнѣе прежняго прониклись страхомъ передъ Германіею и довели свой мнимый нейтралитетъ до абсурда: они предоставляютъ обѣимъ сторонамъ рвать государство на части, воевать между собою на греческой территоріи, занимать войсками греческія крѣпости и уводить въ плѣнъ ихъ гарнизоны, обезоруживать греческій флотъ и завладѣвать главными приморскими портами, — словомъ, дѣлать съ Греціею все, что имъ заблагоразсудится. Державы-покровительницы тщетно старались удержать короля Константина и его совѣтниковъ отъ секретныхъ сдѣлокъ съ германскими агентами; король все-таки слѣдовалъ берлинскимъ указаніямъ, наперекоръ общественному мнѣнію страны. Не участвуя активно въ войнѣ, Греція фактически вовлечена въ нее и пассивно подвергается ея ударамъ и бѣдствіямъ. Правительство не можетъ открыто примкнуть къ австро-германской группѣ державъ, потому что оно имѣетъ

около себя, на своей же территоріи, внушительныя союзныя силы генерала Саррайля и находится постоянно подъ угрозою бомбардировки или десанта со стороны союзнаго флота; оно не можетъ также присоединиться къ союзникамъ, потому что оно запугано Германіею и страшно боится Макензена и Гинденбурга. Непримиримыя противорѣчія внѣшняго положенія, выразившіяся особенно рѣзко въ унизительныхъ уступкахъ болгарамъ, возбудили неудовольствіе и протесты въ значительной части арміи: національно-патріотическая оппозиція, предводимая Венизелосомъ, убѣдилась въ безполезности дальнѣйшей легальной борьбы и нашла себя вынужденною организовать новое временное правительство, чтобы спасти Грецію отъ полнаго развала. Отдѣльныя части греческихъ войскъ, по иниціативѣ нѣкоторыхъ патріотически настроенныхъ генераловъ и офицеровъ, признали новую власть и подчинились ея руководству; революціонное движеніе, нашедшее свой опорный пунктъ въ Салоникахъ, послѣдовательно охватило всѣ греческіе острова, начиная съ Крита, и королю оставалось одно изъ двухъ — или радикально измѣнить свою пагубную политику или отказаться отъ престола. Ни того, ни другого онъ не сдѣлалъ, а ограничился перемѣною министерства: вмѣсто Калогерополуса поставилъ во главѣ кабинета столь же малоизвѣстнаго Ламброса, — какъ будто перемѣна министровъ можетъ имѣть какое-нибудь значеніе при томъ остромъ кризисѣ, какой переживаетъ Греція. Единственный спасительный выходъ — призывъ Венизелоса къ власти — едва ли доступенъ королю Константину, и судьба династіи зависитъ теперь отъ обстоятельствъ, надъ которыми не властны нынѣшніе правители.

Общее политическое положеніе представляется еще недостаточно опредѣленнымъ на ближнемъ Востокѣ, и оно становится все болѣе сложнымъ на западѣ, въ связи съ возобновленіемъ усиленной подводной войны и съ перенесеніемъ ея въ Атлантическій океанъ, къ берегамъ Америки. Въ германскомъ парламентѣ политическіе дѣятели, какъ лидеръ націоналъ-либераловъ Бассерманъ и предводитель партіи центра Шпанъ, высказываютъ нелѣпое и явно неосуществимое требованіе — „уничтожить Англію“ и думаютъ достигнуть этого при помощи безпощадныхъ нападеній подводныхъ лодокъ, способныхъ будто бы прервать торговыя сношенія Англіи съ Соединенными Штатами. Британскій премьеръ Асквитъ, въ обстоятельной рѣчи, произнесенной 29 сентября (12 октября) въ палатѣ общинъ, спокойно отвѣчаетъ, что англичанамъ не приходится теперь „проявлять малодушіе, нерѣшительность и колебанія“. „Нельзя допустить, — сказалъ онъ въ заключеніе, — чтобы страшныя жертвы, принесенныя союзниками, остались безрезультатными

или привели только къ непрочному, жалкому и позорному компромиссу, который прикрывался бы словомъ „миръ“. Цѣль союзниковъ не эгоистична и не внушена чувствомъ мести. Они добиваются лишь справедливаго удовлетворенія за прошлое и гарантій для будущаго“. Англія не стремится уничтожить Германію, а хочетъ только возстановить нарушенныя ею права, заставить ее соблюдать правила международнаго общежитія, гарантировать себя и своихъ союзниковъ отъ ея непомѣрныхъ и несправедливыхъ притязаній. Желаніе уничтожить такого противника, какъ спокойный, увѣренный въ себѣ и неистощимый въ своихъ рессурсахъ британскій народъ, есть, конечно, желаніе безсмысленное, но оно указываетъ на ожесточеніе, исключающее возможность какихъ бы то ни было разговоровъ о мирѣ; съ другой стороны, и цѣли, преслѣдуемыя союзниками, предполагаютъ еще долгую и тяжелую борьбу, къ которой должны быть готовы заинтересованные въ ней народы.

Л. Слонимскій.



НА ТЕМЫ ДНЯ.

Твердыя цѣны на хлѣбъ. — Іерархія совѣщаній. — Главное управленіе здравоохраненія. — Второй товарищъ оберъ-прокурора св. синода. — Два полюса церковной жизни. — Представленіе о награжденіи гласнаго петроградской думы. — Священники, какъ городскіе избиратели. — Новый министръ внутреннихъ дѣлъ. — В. И. Семевскій †.

Надежда, выраженная въ заключительныхъ словахъ моей послѣдней статьи, оправдалась только въ слабой степени. Въ соединенномъ совѣщаніи 8-го сентября пониженіе твердыхъ цѣнъ, установленныхъ продовольственнымъ совѣщаніемъ — пониженіе, за которое энергично стоялъ военный министръ и которому не менѣе упорно противился министръ земледѣлія, — было принято незначительнымъ большинствомъ голосовъ (21 противъ 19, при трехъ воздержавшихся отъ голосованія), но въ весьма незначительныхъ размѣрахъ (отъ 5 до 15 %). Оригинальны мотивы, по которымъ воздержался отъ голосованія предсѣдатель Государственной Думы; онъ объявилъ, что уменьшеніе твердыхъ цѣнъ разорительно для населенія и что онъ не можетъ голосовать за мѣропріятія, нормирующія лишь одну отрасль народнаго хозяйства, въ интересахъ лишь одного класса населенія. Почему же, однако, М. В. Родзянко не голосовалъ противъ мѣры, которую онъ находилъ разорительною для населенія? Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что въ этомъ ея свойствѣ онъ былъ не очень твердо увѣренъ? Какой классъ населенія онъ считаетъ единственнымъ, заинтересованнымъ въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ? Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду большую часть городскихъ жителей — рабочихъ, ремесленниковъ, мелкихъ служащихъ, мало зарабатывающихъ представителей разныхъ видовъ интеллектуальнаго труда; но вѣдь изъ нихъ слагается не какой-нибудь одинъ классъ населенія, а цѣлый рядъ классовъ, имѣющихъ несомнѣнное право на помощь и заботу со стороны государства. А къ какому классу относитъ М. В. Родзянко тѣхъ очень многочисленныхъ крестьянъ, которые въ теченіе половины или еще большей части года питаются покупнымъ хлѣбомъ? Во многихъ губерніяхъ они составляютъ значительное большинство сельскаго населенія. И вся эта масса, по мнѣнію М. В. Родзянко, не заинтересована въ пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ?.. Что касается до тѣхъ

землевладѣльцевъ, изъ среды которыхъ исходитъ противодѣйствіе твердымъ цѣнамъ вообще и пониженію ихъ въ особенности, то развѣ можно серьезно говорить о разореніи ихъ принятіемъ цѣнъ, значительно повышенныхъ противъ прошлогодняго уровня и оспариваемыхъ далеко не всѣми, спеціально знакомыми съ дѣломъ? Правильнѣе было бы говорить о возможномъ разореніи широкихъ круговъ населенія при колоссальномъ и непрерывномъ подъемѣ хлѣбныхъ цѣнъ.

Рѣшеніе соединеннаго совѣщанія, несмотря на всю его умѣренность и осторожность, не было послѣднимъ словомъ въ движеніи хлѣбнаго вопроса. Это слово было сказано совѣтомъ министровъ, въ засѣданіи 9-го сентября. Послѣ того какъ министръ земледѣлія высказался противъ пониженія, военный министръ — за пониженіе твердыхъ цѣнъ, многіе министры находили пониженіе ихъ крайне не желательнымъ, какъ въ интересахъ аграрныхъ группъ, такъ и въ виду того, что за пониженіе высказывались лѣвые общественные элементы, съ которыми правительству идти не по пути. Однако, тотъ доводъ, что рѣшающей власти, при разномысліи министровъ, придется дѣлать выборъ между земскимъ и городскимъ населеніемъ, возымѣлъ свое дѣйствіе, и министры приняли компромиссное рѣшеніе, все-таки не вполнѣ согласно съ пожеланіемъ гр. Бобринскаго, настойчиво рекомендовавшаго не понижать выработанныхъ имъ цѣнъ. Цѣны на рожь и на пшеницу понижены согласно съ мнѣніемъ соединеннаго совѣщанія (на 10 и 5 %), цѣны на овесъ и на ячмень — въ меньшемъ размѣрѣ (овесъ — на 7 % вмѣсто 15 %, ячмень — на 5 % вмѣсто 10 %).

Чрезвычайно характерны какъ мотивы, которыми руководилось большинство совѣта министровъ, возставая противъ пониженія твердыхъ цѣнъ, такъ и соображенія, подъ вліяніемъ которыхъ состоялось „компромиссное рѣшеніе“. Повѣрять правильность взгляда не существомъ аргументовъ, приводимыхъ въ его защиту, а источникомъ, изъ котораго онъ исходитъ — пріемъ до крайности своеобразный и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности опасный. Выборъ пути въ политикѣ, какъ и въ обыденной жизни, опредѣляется не личностью попутчиковъ, а цѣлью движенія. Не все ли равно, съ кѣмъ приходится шествовать рядомъ, если вѣрно выбрано направленіе? И чья же близость, въ данномъ случаѣ, признавалась непріемлемой? Близость „лѣвыхъ общественныхъ дѣятелей“, т. е. людей, несущихъ на себѣ, съ великой пользой для дѣла, значительную часть тяготы, которую война возложила и возлагаетъ на Россію. Между защитниками пониженія хлѣбныхъ цѣнъ было не мало вліятельныхъ членовъ тѣхъ организацій, которыя неустанно и плодотворно работаютъ на театрѣ или для театра военныхъ дѣйствій, не мало народныхъ представителей, силою закона призванныхъ къ участію въ

совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ минуты: что же устрашающаго было въ мысли о возможности согласія съ ихъ мнѣніемъ? И почему, при отсутствіи „компромиссного рѣшенія", пришлось бы „дѣлать выборъ между земскимъ и городскимъ населеніемъ"? Не по этой линіи проходитъ различіе между тѣми, кому выгодны, и тѣми, кому невыгодны высокія хлѣбныя цѣны; оно обусловливается не мѣстомъ жительства, а родомъ занятій и средствами къ жизни. Для многихъ городскихъ промышленниковъ и торговцевъ высокая цѣна на хлѣбъ можетъ быть настолько же желательна, насколько она тяжела для малоземельныхъ и безземельныхъ сельскихъ обывателей.

Когда закончилось соединенное совѣщаніе 8-го сентября и постановленія его, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ были утверждены совѣтомъ министровъ, можно было считать окончательно разрѣшеннымъ по меньшей мѣрѣ одинъ вопросъ: о распространеніи твердыхъ хлѣбныхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки, какъ съ казною, такъ и съ частными лицами. Оказывается, однако, что этотъ вопросъ поднятъ вновь министромъ финансовъ, министромъ торговли и промышленности и государственнымъ контролеромъ. Они находятъ, что полное устраненіе свободной торговли хлѣбомъ создаетъ такія затрудненія, съ которыми не будетъ въ силахъ справиться министерство земледѣлія. Своевременно ли, однако, заявленіе такихъ сомнѣній, когда въ регулированіи главной отрасли продовольственнаго дѣла и безъ того уже допущено значительное запозданіе? Цѣлесообразенъ ли новый пересмотръ дѣла первостепенной важности, только что прошедшаго черезъ множество инстанцій и представляющагося и теперь въ томъ же видѣ, какой оно имѣло въ началѣ сентября? Если и допустить, что въ рѣшеніи его была сдѣлана ошибка, то не грозитъ ли ея исправленіе новыми трудностями и усложненіями? Не слѣдуетъ ли припомнить, что въ продовольственномъ совѣщаніи на установленіи твердыхъ цѣнъ для частныхъ сдѣлокъ особенно энергично настаивали представители военнаго министерства, считая его, очевидно, весьма существеннымъ въ интересахъ обороны?

Выступленіе трехъ министровъ — не единственная аномалія въ ходѣ борьбы съ дороговизной. Не разъясненной остается до сихъ поръ роль совѣщанія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Б. В. Штюрмера. Попытка ознакомиться съ основами его дѣятельности была сдѣлана недавно въ совѣщаніи по топливу, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ министра торговли и промышленности; но она не привела къ желанной цѣли. Не мирясь съ неопредѣленностью, вредно отражающеюся на ходѣ дѣла, три участника совѣщанія по топливу члены Госуд. Думы Виноградовъ, Крипскій и Степановъ — подали слѣдующее заявленіе: „Хотя положеніе объ особомъ совѣщаніи для

объединенія всѣхъ мѣропріятій, касающихся снабженія арміи и флота и организаціи тыла, проведено въ порядкѣ управленія, оно не можетъ быть учрежденіемъ секретнаго характера, и поэтому положеніе о немъ должно быть разослано членамъ особыхъ совѣщаній. Кромѣ того, принимая во вниманіе, что особыя совѣщанія, въ силу закона, являются высшими государственными установленіями, что установленіе особаго органа, стоящаго надъ ними, не могло быть проведено иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, мы считаемъ долгомъ заявить протестъ противъ передачи предсѣдателемъ особаго совѣщанія по топливу на разсмотрѣніе этого сверхсовѣщанія дѣлъ, нами разсматриваемыхъ". Это заявленіе, къ которому присоединились членъ Госуд. Совѣта А. В. Васильевъ и представитель союза городовъ П. Х. Садыринъ раскрываетъ одну изъ серьезныхъ аномалій порядка, установившагося въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія и государственнаго хозяйства. Едва ли, однако, оно будетъ принято во вниманіе, пока не измѣнится господствующее у насъ отношеніе къ законности и закону. Распространеніе сферы верховнаго управленія за нормальные ея предѣлы — явленіе того же порядка, какъ и безграничное расширеніе области чрезвычайно-указнаго права, яркимъ проявленіемъ котораго послужило на-дняхъ созданіе въ порядкѣ ст. 87-й новаго органа высшей исполнительной власти.

Что учрежденіе новаго министерства или главнаго управленія никогда, ни при какихъ условіяхъ, не можетъ быть дѣломъ экстреннымъ, спѣшнымъ, вызываемымъ чрезвычайными обстоятельствами — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Для проведенія мѣропріятій, признанныхъ необходимыми, всегда найдется соотвѣтствующій органъ власти; замѣна его другимъ, болѣе подходящимъ — вопросъ удобства, а не необходимости, и разсмотрѣніе его нѣтъ надобности выводить изъ обычной, нормальной колеи. Чтобы убѣдиться въ примѣнимости этихъ общихъ соображеній къ данному случаю — т. е. къ образованію, въ порядкѣ ст. 87-й, главнаго управленія государственнаго здравоохраненія, — стоитъ только прочесть бесѣду вновь назначеннаго главноуправляющаго, Г. Е. Рейна, съ однимъ изъ представителей печати[1]). Всѣ аргументы, приводимые имъ въ пользу спѣшности указанной мѣры, доказываютъ только — въ случаѣ признанія ихъ основательными — ея цѣлесообразность. „Реформа, — говоритъ Г. Е. Рейнъ, — вырабатывалась не въ департаментскихъ тайникахъ, а въ комиссіи, въ которую были привлечены широкіе круги лицъ, причастныхъ какъ

---

[1]) См. № 14568 „Новаго Времени".

къ правительству, такъ и къ общественнымъ организаціямъ. Обычный порядокъ проведенія реформы въ жизнь затянулъ бы разрѣшеніе насущнѣйшаго вопроса еще на нѣсколько лѣтъ... Самостоятельный характеръ новаго органа, выдѣленнаго изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, поможетъ ему легче проводить въ жизнь намѣченныя реформы... Главное управленіе вводится пока въ дѣйствіе только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ и займется на первыхъ порахъ организаціонною работой и подготовкой ко внесенію въ Госуд. Думу, къ началу предстоящей сессіи, нѣсколькихъ крупныхъ законопроектовъ, часть которыхъ уже разсмотрѣна въ совѣтѣ министровъ. При параллельномъ разсмотрѣніи законопроектовъ, относящихся къ уставу здравоохраненія, и тѣхъ, которые относятся къ учрежденіямъ, назначеннымъ къ проведенію этого устава въ жизнь, Дума получитъ возможность убѣдиться, насколько учрежденіе вѣдомства вызывается требованіями устава здравоохраненія. Что касается до текущихъ дѣлъ по врачебно-санитарной части, то попрежнему они будутъ лежать на обязанности министерства внутреннихъ дѣлъ, а также на временныхъ организаціяхъ, возникшихъ за время войны".

Итакъ, дѣятельность новаго главнаго управленія будетъ заключаться, на первое время, въ разработкѣ и проведеніи законопроектовъ, касающихся здравоохраненія. Но чѣмъ же оно, въ такомъ случаѣ, будетъ отличаться отъ той комиссіи, изъ которой оно возникло? Что мѣшало представителямъ этой комиссіи заручиться подлежащими полномочіями отъ вѣдомства, въ которомъ до сихъ поръ сосредоточивались медицинскія дѣла — т. е. отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, — и давать законодательнымъ учрежденіямъ объясненія по составленнымъ комиссіею законопроектамъ? Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ уже прошли черезъ совѣтъ министровъ и могутъ быть теперь же внесены въ законодательныя учрежденія; что же мѣшало провести въ томъ же порядкѣ и всѣ остальные? Если, по словамъ г. Рейна, одновременное обсужденіе устава и учрежденій здравоохраненія должно выяснить необходимость послѣднихъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что до такого выясненія и должно было быть отложено образованіе новаго вѣдомства? Если преимущество комиссіи передъ „департаментскими тайниками" обусловливалось ея составомъ, то этотъ составъ могъ бы оставаться неизмѣннымъ и послѣ внесенія законопроектовъ въ законодательныя учрежденія. Если существовало опасеніе, что разрѣшеніе „насущнѣйшаго вопроса" будетъ „затянуто" примѣненіемъ къ нему общаго законодательнаго порядка, то не проще ли было бы открыть нѣсколько раньше законодательную сессію, продолжать ее безъ ненужныхъ

перерывовъ и способствовать возможно скорѣйшей постановкѣ на очередь вопросовъ здравоохраненія? Если бы медленность движенія законопроектовъ и можно было считать неотвратимымъ результатомъ существующаго у насъ законодательнаго порядка, то развѣ этимъ оправдывалось бы примѣненіе ст. 87-й, идущее въ разрѣзъ съ ея значеніемъ и смысломъ? Съ точки зрѣнія объясненій, данныхъ Г. Е. Рейномъ, порядокъ, установленный ст. 87-ю, слѣдовало бы обратить въ нормальный, распространить на всю область законодательства — а это было бы такимъ шагомъ назадъ, передъ которымъ отступило бы даже большинство принципіальныхъ противниковъ представительнаго строя... Правда, отъ Думы зависитъ отказать въ утвержденіи мѣры, принятой на основаніи ст. 87-й; но продолжительный опытъ выяснилъ затрудненія, съ которыми сопряжено пользованіе этимъ правомъ. Отмѣнить осуществленное всегда труднѣе, чѣмъ не согласиться съ предлагаемымъ къ осуществленію. Достаточно вспомнить исторію введенія земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ...

Не убѣдительны соображенія новаго главноуправляющаго и въ томъ случаѣ, если разсматривать ихъ какъ доводы въ пользу существа спѣшно принятой мѣры. Важность многихъ преобразованій, перечисленныхъ въ бесѣдѣ Г. Е. Рейна съ представителями печати, безспорна; но совершенно недоказанной остается невозможность — или хотя бы крайняя затруднительность — осуществленія ихъ безъ учрежденія новаго вѣдомства. Если „проведеніе въ жизнь“ намѣченной реформы становится болѣе легкимъ при помощи „самостоятельнаго органа“, то сколько новыхъ министерствъ или главныхъ управленій пришлось бы прибавить къ немалому уже числу существующихъ? Въ каждомъ вѣдомствѣ, соединяющемъ въ себѣ нѣсколько спеціальностей, имѣются налицо соотвѣтствующіе спеціалисты, съ помощью которыхъ и дѣйствуетъ глава вѣдомства, какъ въ фазисѣ подготовки законопроектовъ, такъ и въ фазисѣ ихъ прохожденія черезъ законодательныя палаты. Въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ есть медицинскій совѣтъ, есть медицинскій департаментъ — органы не самостоятельные въ смыслѣ власти, но вполнѣ самостоятельные въ смыслѣ примѣненія научныхъ знаній и практическихъ навыковъ къ запросамъ дѣйствительной жизни. Если необходимо особое вѣдомство для дѣлъ медицинскихъ, то какъ доказать ненужность его, напримѣръ, для дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, которыя вѣдаетъ то же министерство и которыя также представляютъ много своеобразнаго? А дѣла земскія и городскія развѣ не могли бы дать достаточный матеріалъ для занятій „самостоятельнаго органа“? Почта и телеграфъ вѣдались одно время особымъ министерствомъ; не трудно было бы подыскать мотивы и для обра-

зованія главнаго тюремнаго управленія, теперь соединеннаго довольно таки внѣшней, условной связью съ министерствомъ юстиціи... Возвращаясь къ здравоохраненію, нельзя не признать, что почти все существенное дѣлалось и дѣлается для него до сихъ поръ органами мѣстнаго самоуправленія, создавшими незнакомую другимъ странамъ „земскую медицину". Новый главноуправляющій спѣшитъ удостовѣрить, что его вѣдомство не будетъ ставить препятствій къ самодѣятельности городовъ и земствъ, а наоборотъ, будетъ оказывать имъ, въ необходимыхъ случаяхъ, помощь и содѣйствіе. Сомнѣваться въ существованіи такихъ благихъ намѣреній нѣтъ причины, хотя правые (къ числу которыхъ, какъ членъ Госуд. Совѣта, принадлежалъ Г. Е. Рейнъ) не отличаются, вообще, сочувствіемъ къ свободной общественной иниціативѣ; но чѣмъ спеціальнѣе вѣдомство, тѣмъ труднѣе для него воздержаться отъ регламентаціи, мало благопріятной для органовъ самоуправленія... Преобразованіе части въ цѣлое всегда влечетъ за собою размноженіе должностей. Въ составъ главнаго управленія здравоохраненія переходятъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ медицинскій (врачебный) департаментъ и медицинскій совѣтъ, но къ нимъ прибавляются санитарный департаментъ, совѣтъ и канцелярія главноуправляющаго, учебный отдѣлъ, отдѣлъ лѣчебныхъ мѣстностей, санитарно-техническая и строительная части, статистическая часть и рядъ чиновниковъ особыхъ порученій и врачей, состоящихъ при главноуправляющемъ. Соотвѣтствующее развитіе получатъ, безъ сомнѣнія, и мѣстныя санитарно-врачебныя установленія. Создастся, такимъ образомъ, новый и не малочисленный отрядъ чиновнической арміи... Замѣчу, въ заключеніе, что особаго министерства здравоохраненія нѣтъ, кажется, ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ государствъ и что увеличеніе числа министровъ не способствуетъ „объединенію министерства", о которомъ такъ много говорятъ въ послѣднее время.

Весьма характерно, что вслѣдъ за образованіемъ главнаго управленія здравоохраненія въ административныхъ сферахъ поставленъ вопросъ объ учрежденіи еще одного новаго вѣдомства. Его возбудилъ главный попечитель Императорскаго Человѣколюбиваго общества, П. П. Кобылинскій. Онъ обратился къ предсѣдателю совѣта министровъ съ заявленіемъ, что Человѣколюбивое общество въ настоящее время представляетъ обширное вѣдомство, по характеру своему приближающееся къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи и имѣющее большое государственное значеніе. Въ дѣятельности его возникаетъ рядъ вопросовъ, требующихъ обсужденія въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ; между тѣмъ главный попечитель, не пользуясь правами начальника вѣдомства, не можетъ

принимать участія въ засѣданіяхъ совѣта министровъ. Основываясь на этомъ, П. П. Кобылинскій проситъ Б. В. Штюрмера поставить вопросъ о преобразованіи Человѣколюбиваго общества въ самостоятельное вѣдомство, по примѣру вѣдомства здравоохраненія... И не будетъ повода для удивленія, если за этимъ ходатайствомъ послѣдуютъ другія, однородныя. Болѣе удивительно то, что находятся органы печати, по мнѣнію которыхъ санитарная реформа, создавшая до сихъ поръ только новое „вѣдомство", заслуживаетъ названіе великой и можетъ быть поставлена на ряду съ „отмѣной пьянства"...

Однородно съ учрежденіемъ новыхъ вѣдомствъ другое явленіе, часто повторяющееся въ послѣднее время: учрежденіе новыхъ должностей товарища министра. Не такъ еще давно не было, кажется, министерства, въ которомъ существовала бы должность второго товарища министра; теперь, наоборотъ, почти нѣтъ вѣдомствъ съ однимъ товарищемъ министра, а иногда число товарищей доходитъ до трехъ и даже до четырехъ. Первоначально товарищъ министра разсматривался преимущественно какъ замѣститель министра въ случаѣ отсутствія его или болѣзни; теперь товарищи министра являются его старшими помощниками, съ нѣсколько болѣе широкимъ кругомъ дѣйствій, чѣмъ директоры департаментовъ или отдѣловъ. На-дняхъ должность второго товарища учреждена въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія — одномъ изъ немногихъ, гдѣ оставался въ силѣ старый порядокъ. Назначенный на эту должность кн. Н. Д. Жеваховъ изложилъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" (№ 15817), свой взглядъ на предстоящія ему задачи. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ понимаетъ очень широко, другія — очень узко. Къ числу первыхъ принадлежитъ такъ называемая имъ „христіанизація образованія". „Первѣйшею реформой", въ его глазахъ „является реформа нашего духа, которая бы переставила наши точки зрѣнія на церковь и ея служителей, устранила бы то легкомысліе и безпечность, съ которыми люди относятся къ своей загробной жизни, дала бы иное содержаніе ихъ идеаламъ". Какъ ни смотрѣть на сущность этой „реформы", несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: „вѣдомству православнаго исповѣданія" она не по силамъ, и его попытки, направленныя къ этой цѣли, могутъ только привести къ противоположнымъ результатамъ. „Измѣненіе идеаловъ" — не дѣло властныхъ учрежденій... Въ другомъ направленіи новый товарищъ оберъ-прокурора идетъ недостаточно далеко. Для „оживленія прихода", которое и онъ признаетъ желательнымъ, не нужно, по его словамъ, „санкцій ни Госуд. Думы, ни св. синода, ни архіерея, а лишь доброе желаніе скромнаго пастыря. Дайте сельскимъ священникамъ

возможность трудиться, какъ подсказываетъ имъ ихъ пастырскій долгъ и христіанская совѣсть — и приходская жизнь войдетъ въ новое русло святой, свѣтлой и плодотворной дѣятельности". Но кто же и какъ дастъ имъ эту возможность? Почему она не давалась имъ до сихъ поръ? На этотъ вопросъ князь Жеваховъ не даетъ отвѣта. Важна, по его мнѣнію, „не юридическая, а практическая сторона; нужно проявленіе церковной жизни, а не созиданіе формы ея; жизнь сама выработаетъ форму". Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это означаетъ, повидимому, что не нужно никакого закона о приходѣ, т. е. не нужно вмѣшательства свѣтскихъ законодательныхъ учрежденій въ чуждое имъ церковное дѣло. Что кн. Жеваховъ вовсе не абсолютный врагъ „формы" — это видно изъ того, что онъ придаетъ большое значеніе кодификаціи церковныхъ законоположеній. Такая же двойственность замѣчается въ его взглядахъ на партіи. Заявляя, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи, усматривая въ раздѣленіи людей на партіи результатъ того, что они не слышатъ голоса церкви, онъ мечтаетъ, однако, объ образованіи въ Госуд. Думѣ „церковной партіи", „въ которой объединились бы пастыри церкви и церковные люди". Онъ считаетъ необходимымъ существованіе одного печатнаго органа, голосъ котораго былъ бы голосомъ церкви, отрицая тѣмъ самымъ законность и неизбѣжность отдѣльныхъ теченій, всегда, какъ показываетъ опытъ, существующихъ на церковной почвѣ. На практикѣ попытки основать такой органъ едва ли могли бы привести къ чему-либо иному, кромѣ подавленія индивидуальныхъ голосовъ, нарушающихъ недостижимое, въ сущности, единство. При господствѣ взгляда, проводимаго кн. Жеваховымъ, немыслимо было бы, напримѣръ, существованіе такой газеты, какую издавалъ священникъ Востоковъ.

Священникъ Востоковъ и протоіерей Восторговъ — это, въ настоящую минуту, два полюса церковной жизни въ Москвѣ и, до извѣстной степени, въ кругахъ гораздо болѣе широкихъ. 16-го сентября въ Москвѣ происходило собраніе благочинныхъ. Въ это собраніе явился докторъ богословія протоіерей Артемьевъ и, въ качествѣ эксперта, разсматривавшаго труды о. Востокова, заявилъ, что дѣло, возбужденное о. Восторговымъ противъ о. Востокова, представляется оскорбленіемъ, нанесеннымъ всему московскому духовенству. Предсѣдатель пытался остановить о. Артемьева, но онъ продолжалъ и просилъ передать его слова самому митрополиту Макарію [1]). Нѣсколько раньше появилось въ печати („Биржевыя Вѣдомости", № 15765) слѣдующее сообщеніе: „Ревизія отдѣла помощи

[1]) См. „Биржевыя Вѣдомости", № 15807.

русскимъ бѣженцамъ, обнаружившая много непріятныхъ вещей для протоіерея Восторгова, а также жалоба, поданная на него прокурору по обвиненію его въ присваиваніи имущества монархическаго союза, сильно взволновали о. Восторгова, такъ какъ угрожаютъ помѣщать предстоящему возведенію его въ санъ епископа. Поэтому, вернувшись въ Москву, прот. Восторговъ повелъ усиленную кампанію съ цѣлью реабилитировать себя. Онъ встрѣтилъ поддержку въ митрополитѣ Макаріи. Въ покояхъ митрополита состоялось совѣщаніе благочинныхъ, на которомъ Восторговъ произнесъ длинную рѣчь въ свою защиту. Совѣщаніе отнеслось къ о. Восторгову сочувственно и тутъ же составило протоколъ, въ которомъ высказывается въ томъ смыслѣ, что оно признаетъ о. Восторгова вполнѣ достойнымъ сана епископа". Результатъ ходатайства, заявленнаго по этому предмету, еще неизвѣстенъ.

Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, А. А. Хвостовъ, за нѣсколько дней до оставленія этой должности, вошелъ съ представленіемъ объ особомъ награжденіи гласнаго петроградской городской думы Тарасова, за ревностные труды, понесенные имъ по организаціи послѣднихъ выборовъ въ гласные думы. По указанію министра, лишь благодаря трудамъ и усиліямъ г. Тарасова въ гласные прошли элементы, желательные для правительства, и не повторилась картина, имѣвшая мѣсто въ 1912 г., когда петроградская дума очутилась въ рукахъ лѣвыхъ.

При нормальномъ отношеніи правительственной власти къ земскимъ и городскимъ выборамъ, для нея можетъ быть важно только одно: степень и характеръ вниманія избранныхъ къ интересамъ представляемой ими мѣстности. Не отъ политическихъ убѣжденій членовъ земскаго собранія или городской думы зависитъ удачное или неудачное исполненіе задачъ, лежащихъ на мѣстномъ самоуправленіи: ничего не предрѣшаетъ, съ этой точки зрѣнія, побѣда правыхъ или лѣвыхъ. Для того, чтобы составъ собранія отражалъ въ себѣ настроеніе населенія и, слѣдовательно, позволялъ ожидать служенія его потребностямъ, выборы должны быть, прежде всего, свободны; они не должны подвергаться ни прямому, ни косвенному воздѣйствію администраціи. Не должно быть мѣста для мысли, что за тѣми или другими „организаторами" выборовъ стоитъ авторитетъ внѣшней силы, слѣдящей за ихъ дѣйствіями, поощряющей ихъ борьбу, готовой наградить ихъ въ случаѣ побѣды. Прецедентъ, въ родѣ созданнаго А. А. Хвостовымъ, представляетъ серьезную опасность для будущихъ земскихъ и городскихъ выборовъ; нежелательный элементъ будетъ внесенъ въ эту

область уже однимъ предположеніемъ о возможности закулиснаго вмѣшательства власти и сопряженныхъ съ нимъ угрозъ или обѣщаній.

Въ странномъ свѣтѣ выставляется роль, сыгранная г. Тарасовымъ въ февральскихъ выборахъ. Если „лишь благодаря усиліямъ и трудамъ“ одного лица результатъ выборовъ оказался согласнымъ съ видами правительства, то въ чемъ же состояли условія, обезпечившія успѣхъ этихъ „трудовъ и усилій“? Къ выдающимся ораторамъ городской думы и городскихъ избирательныхъ собраній г. Тарасовъ не принадлежитъ; избирательная система, дѣйствующая въ Петроградѣ, ограничиваетъ, при томъ, активное участіе избирателя въ предвыборной агитаціи участкомъ, къ которому онъ приписанъ. Сравнительно большимъ просторомъ пользуются, правда, избиратели, принадлежащіе къ первому разряду; но не отъ него зависѣлъ, въ концѣ-концовъ, исходъ февральскихъ выборовъ... Оффиціальная награда за удачное руководительство выборами не можетъ не быть тяжела и для с мого награждаемаго. Кто, участвуя въ земскихъ или городскихъ выборахъ, добросовѣстно и искренно имѣетъ въ виду пользу своей мѣстности, для того должно быть совершенно безразличнымъ впечатлѣніе, произведенное исходомъ выборовъ на административныя сферы; не для нихъ онъ трудился, не ихъ цѣлей старался достигнуть. Сегодня для администраціи можетъ быть желательнымъ одинъ составъ мѣстныхъ учрежденій, завтра — совершенно другой; уже по этому одному ея точка зрѣнія путеводною нитью для избирателей, серьезно относящихся къ своимъ обязанностямъ, служить не можетъ... Отъ награды за „ревностное“ участіе въ мѣстныхъ выборахъ — разъ что она мотивирована соображеніями, приведенными въ представленіи А. А. Хвостова — только одинъ шагъ до награды за угодную правительству организаторскую дѣятельность избирателя во время обычныхъ, политическихъ выборовъ. А о моральной цѣнности такой награды не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній.

Не случайно, повидимому, представленіе о награжденіи г. Тарасова состоялось какъ разъ въ то время, когда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возникала мысль о проведеніи, въ порядкѣ ст. 87-й, указа, возстановляющаго отмѣненное городовымъ положеніемъ 1892-го года право участія духовенства въ городскихъ выборахъ. Не совсѣмъ ясно, имѣлось ли въ виду примѣнить эту мѣру только къ городскимъ выборамъ, вскорѣ предстоящимъ въ Москвѣ, или распространить ее на всѣ города, гдѣ дѣйствуетъ городовое положеніе. Въ первомъ случаѣ — менѣе правдоподобномъ, — цѣль проектированной мѣры была бы совершенно ясна: она должна была способствовать полученію въ Москвѣ результата, уже достигну-

таго въ Петроградѣ, т. е. замѣны „лѣваго“ большинства городской думы „правымъ“. Во второмъ случаѣ намѣреніе обнаружилось бы не такъ явно, но, въ сущности, было бы тѣмъ же. Пока роль священниковъ, какъ избирателей, регулируется предписаніями начальства, пока они идутъ къ урнамъ не добровольно и голосуютъ не свободно, до тѣхъ поръ расширеніе избирательныхъ правъ духовенства, въ какой бы оно сферѣ оно ни происходило, равносильно увеличенію правительственнаго давленія на выборы, совершенно несовмѣстнаго съ ихъ назначеніемъ и смысломъ. Подневольные голоса даютъ невѣрное представленіе о дѣйствительности, затемняютъ картину, правильное освѣщеніе которой должны дать выборы. Дорого они обходятся и самимъ голосующимъ, вовлекая ихъ въ мучительные конфликты, подрывая ихъ право на уваженіе и самоуваженіе. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, одно: расширеніе избирательныхъ правъ духовенства не можетъ быть проведено въ чрезвычайно-указномъ порядкѣ, не только потому, что оно не требуется и не оправдывается какими-либо исключительными обстоятельствами, но и потому, что оно идетъ въ разрѣзъ съ системой, положенной въ основаніе дѣйствующаго закона. Городовымъ положеніемъ 1870-го года, какъ и земскимъ положеніемъ 1864-го года, духовенству было дано активное участіе въ мѣстномъ самоуправленіи; земскимъ положеніемъ 1890-го и городовымъ положеніемъ 1892-го годовъ это участіе было упразднено. Чтобы возстановить его, необходимъ, очевидно, внимательный и спокойный пересмотръ мотивовъ, вызвавшихъ, четверть вѣка тому назадъ, крутой поворотъ въ отношеніи правительства къ данному вопросу. Само собою разумѣется, что въ эпоху контръ-реформъ правительственнымъ сферамъ было совершенно чуждо недоброжелательство или недовѣріе къ православному духовенству; если тогда было признано нужнымъ отстранить его отъ участія въ мѣстныхъ выборахъ, это могло произойти лишь въ силу указаній опыта, свидѣтельствовавшихъ о серьезныхъ неудобствахъ дѣйствовавшаго порядка. Отсюда ясно, что новый поворотъ можетъ быть совершенъ не иначе, какъ въ связи съ коренной реформой земскаго и городского самоуправленія, съ соблюденіемъ, при томъ, всѣхъ гарантій нормальной законодательной процедуры. Эта реформа стоитъ на ближайшей очереди; зачѣмъ же выхватывать одинъ изъ вопросовъ, входящихъ въ ея составъ, и разрѣшать его съ торопливостью, для которой нѣтъ рѣшительно никакихъ разумныхъ поводовъ?

Стремленіе власти къ обезпеченію побѣды „правыхъ“ элементовъ надъ „лѣвыми“ въ области земской и городской не вытекаетъ изъ существа отношеній между правительствомъ и органами мѣстнаго самоуправленія. Пока голосъ общества, слабый и полузаглушенный,

раздавался, отъ времени до времени, только въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ, до тѣхъ поръ правительство, охранявшее во что бы то ни стало незыблемость стараго порядка, могло придавать особое значеніе „благонадежности“ гласныхъ и оцѣнять, съ этой точки зрѣнія, результатъ земскихъ и городскихъ выборовъ. Инымъ является положеніе дѣлъ теперь, при новомъ государственномъ строѣ, создавшемъ центральное народное представительство и давшемъ ему возможность оцѣнки правительственныхъ дѣйствій. Если петроградская городская дума, въ періодъ времени съ 1913-го по 1915-й годъ, находилась „въ рукахъ лѣвыхъ“, то какія отъ этого произошли, какія могли произойти невыгодныя или неудобныя послѣдствія для министерства? Рѣшительно никакихъ. Непріятно было, можетъ быть, сознавать, что въ тѣхъ небольшихъ кругахъ столичнаго населенія, которые призваны къ участію въ выборахъ, преобладаетъ настроеніе, близкое къ оппозиціонному; но вѣдь выборы въ Госуд. Думу, происходившіе въ 1912-мъ году, показали съ достаточною ясностью всю силу этого настроенія въ кругахъ гораздо болѣе широкихъ. И едва ли кому-либо можетъ придти на мысль, что результатъ петроградскихъ городскихъ выборовъ въ февралѣ нынѣшняго года предрѣшаетъ хоть сколько-нибудь результатъ ближайшихъ столичныхъ выборовъ въ Госуд. Думу... Если бы и можно было признаться, что петроградская дума, пока въ ней преобладали „лѣвые“ элементы, оказалась не на высотѣ своего призванія, то гдѣ же основаніе думать, что выборы, „организованные“ г. Тарасовымъ, повысили уровень столичнаго самоуправленія? Судить о дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія можно и должно только по ея практическимъ результатамъ — а результаты дѣятельности петроградской городской думы въ эпоху господства „правыхъ“ были не таковы, чтобы возбуждать надежду на обновленіе городского хозяйства при нынѣшнемъ составѣ гласныхъ и избранной ими городской управы. Не даетъ повода къ такой надеждѣ и послѣднее полугодіе петроградской муниципальной жизни...

Послѣдняя перемѣна въ составѣ министерства была еще болѣе непредвидѣнной, чѣмъ многія изъ ей предшествовавшихъ. Трудно было ожидать ухода А. А. Хвостова, только за два мѣсяца передъ тѣмъ промѣнявшаго постъ министра юстиціи на постъ министра внутреннихъ дѣлъ; еще труднѣе было ожидать назначенія его преемникомъ члена политической группы, стоявшей до сихъ поръ далеко отъ административныхъ вершинъ. Удивленіе, вызванное появленіемъ у власти земца-октябриста, продолжалось, однако, недолго. Бесѣда А. Д. Протопопова съ представителями печати, рѣчь его къ

чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, свѣдѣнія о настроеніи думскихъ сферъ, отсутствіе указаній на дальнѣйшій уклонъ отъ установившихся традицій — все это вмѣстѣ взятое наводило на мысль, что и при новомъ министрѣ кабинетъ Б. В. Штюрмера остается тѣмъ, чѣмъ былъ съ самаго начала. Усвоенная, въ большей или меньшей степени, всею прогрессивною печатью, эта мысль нашла подтвержденіе въ отзывахъ реакціонной прессы. Сначала смущенные и недоумѣвающіе, они скоро приняли хвалебный характеръ; изъ вѣроятнаго врага А. Д. Протопоповъ обратился въ несомнѣннаго друга. А для тревоги, возникшей, на первыхъ порахъ, въ этой средѣ, было не мало основаній. Что составляетъ центральный пунктъ доктрины, проповѣдуемой руководителями рептильныхъ газетъ? Неприкосновенность исконнаго политическаго строя, съ внѣшней стороны слегка измѣненнаго государственными актами 1905 и 1906 гг., но сохранившаго всѣ свои существенныя черты, попрежнему не имѣющаго ничего общаго съ западно-европейскимъ конституціоннымъ укладомъ. Ту же доктрину проводятъ и правыя партіи, изъ среды которыхъ до сихъ поръ выходили всѣ вновь назначаемые министры. Тождествомъ политической окраски опредѣлялась и та матеріальная поддержка, благодаря которой могли существовать мало кѣмъ читаемыя и никѣмъ въ серьезъ не принимаемыя газеты. Прямо противоположна точка зрѣнія той партіи, девизомъ и символомъ которой служитъ манифестъ 17-го октября и къ которой принадлежалъ, какъ членъ Думы, А. Д. Протопоповъ. Торжество этой точки зрѣнія было бы непоправимымъ ударомъ для „Земщины“ и другихъ, родственныхъ ей изданій. Если они чувствуютъ, что на ихъ улицѣ все еще праздникъ, то это значитъ, что измѣнился составъ кабинета Б. В. Штюрмера, но не измѣнилась его программа. Доказать ошибочность этого заключенія можетъ только развитіе событій въ направленіи, признаковъ котораго пока не видно...

Кончина В. И. Семевскаго — тяжелый ударъ для русской науки, для русской журналистики, для русской общественной жизни. Его труды пролили массу свѣта на важнѣйшія стороны и важнѣйшіе моменты нашего прошлаго. Не случайно онъ сталъ историкомъ крестьянскаго вопроса и изслѣдователемъ первыхъ всходовъ русской политической мысли. Ему, какъ народнику въ лучшемъ смыслѣ слова, было особенно близко все то, что вело къ освобожденію и духовному подъему народной массы. Тяжелымъ испытаніемъ для В. И. было закрытіе для него педагогическаго поприща, на которое онъ вступилъ съ большимъ успѣхомъ и къ которому былъ призванъ всѣми врожденными и пріобрѣтенными качествами своей натуры,

Онъ былъ удаленъ отъ преподаванія въ тѣ печальные годы, когда та же судьба постигла М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева, В. А. Гольцева и даже столь мало причастнаго къ политикѣ О. Ѳ. Миллера. Не таковы были обстоятельства того времени, чтобы мыслимы были возраженія противъ мѣропріятій „благодушнаго" министра (И. Д. Делянова); но мнѣ не помнится и ихъ открытой защиты въ тогдашней печати. Теперь такая защита оказывается возможной. „Борцы", — сказано въ одной изъ газетныхъ статей по поводу смерти В. И Семевскаго, — „борцы хотѣли состоять на государственной службѣ и читать не совсѣмъ благонадежныя лекціи въ императорскомъ разсадникѣ чиновниковъ, а министры этого не разрѣшали. Что же дѣлали раненые борцы? Да тѣ же свои изученныя изысканія печатали въ длинномъ рядѣ увѣсистыхъ томовъ, которыхъ читать было нельзя, а надо было изучать". Здѣсь все одинаково характерно: и объясненіе тяги къ профессорской каѳедрѣ желаніемъ состоять на государственной службѣ, и низведеніе университета на степень „разсадника чиновниковъ" (чѣмъ не исчерпывалось его значеніе даже въ худшія эпохи), и оправданіе министровъ, пресѣкавшихъ въ корнѣ „не совсѣмъ благонадежныя" лекціи, и непониманіе мотивовъ, по которымъ никакіе „увѣсистые тома" не могутъ замѣнить живого общенія съ молодежью... Да, такимъ людямъ, какъ В. И. Семевскій, удаленіе съ каѳедры, несомнѣнно, наносило глубокую душевную рану, не заживавшую до самой ихъ смерти.

Широкой и многогранной дѣятельности В. И. Семевскаго будетъ посвящена въ „Вѣстникѣ Европы" особая статья [1]).

К. Арсеньевъ.

---

[1]) Въ „Вѣстникѣ Европы" напечатаны слѣдующія статьи В. И. Семевскаго: „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ" (1877, янв. и февр.); „Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII вѣкѣ" (1878, май и іюнь); „Поссессіонные крестьяне въ XVIII вѣкѣ" (1878, окт. и ноябрь); „Б. И. Водовозовъ" 1887, ноябрь и дек.); „Нѣсколько словъ о Карамзинѣ" (1893, февр.); „Насибирскихъ золотыхъ промыслахъ", (1896, май и іюнь); „Н. И. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I" (1909, январь и февраль).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. Петроградъ, 1916. Стр. XXI + 0170 + 376. Цѣна 4 р. 50 к.

Книга П. Е. Щеголева представляетъ оттискъ изъ академическаго изданія „Пушкинъ и его современники" (вып. XXV—XXVII). Въ изученіяхъ Пушкина она — событіе, какъ по важности и новизнѣ матеріаловъ, такъ и по солидности и обоснованности выводовъ автора, устанавливающаго по многимъ вопросамъ совершенно новое ихъ освѣщеніе. Она также чужда мелочнаго педантизма нѣкоторыхъ изученій, взгляды автора отличаются большою широтою и свободою отъ традиціонныхъ взглядовъ, и это сдѣлаетъ книгу надолго исходною точкою новыхъ изученій.

Въ общемъ предисловіи г. Щеголевъ справедливо указываетъ, что у насъ при огромномъ ростѣ литературы о Пушкинѣ все еще нѣтъ біографіи поэта, сколько-нибудь отвѣчающей современнымъ научнымъ требованіямъ. „Основная причина такого положенія — въ недостаточной монографической обработкѣ отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи жизни поэта". Особенно же плохо была разработана до сихъ поръ исторія послѣднихъ мѣсяцевъ жизни поэта, исторія его дуэли, смерти и нѣкоторыхъ послѣдующихъ моментовъ. „Количественно литература о дуэли и смерти поэта весьма велика, но качественно ея значеніе прямо ничтожно. Кажется, ни объ одномъ періодѣ жизни поэта нѣтъ такого множества разсказовъ, воспоминаній современниковъ, писемъ, но матеріаловъ характера документальнаго въ этомъ обиліи крайне мало, а критическія изслѣдованія имѣющихся матеріаловъ просто отсутствуютъ въ пушкиніанской литературѣ; изъ-за скудости матеріаловъ, изъ-за ихъ отсутствія оказывалось невозможнымъ построеніе чисто фактической исторіи дуэли Пушкина съ Дантесомъ, и біографы поэта, писавшіе о концѣ его жизни, вынуждались такимъ положеніемъ дѣла ко внесенію въ свою работу непровѣренныхъ розсказней очевидцевъ и анекдотовъ современниковъ". Авторъ и задался, прежде всего, уже лѣтъ тринадцать назадъ, собираніемъ документальныхъ дан-

ныхъ. При содѣйствіи академической комиссіи по изданію сочиненій Пушкина, ему удалось собрать дѣйствительно множество цѣнныхъ документовъ и свидѣтельствъ, исходящихъ отъ участниковъ событій. Таковы — донесенія барона Геккерена своему правительству и письма его къ графу Нессельроде; чрезвычайно цѣнные конспективные наброски В. А. Жуковскаго по исторіи дуэли, дающіе скелетъ всѣхъ событій, съ нею связанныхъ; документы изъ архива барона Геккерена-Дантеса; документы изъ собранія А. Ѳ. Онѣгина, въ томъ числѣ черновыя письма Жуковскаго къ отцу Пушкина и Бенкендорфу; извлеченія изъ дневника А. И. Тургенева; изъ архива герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго — подлинное письмо князя Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу; наконецъ, извѣстія о дуэли и смерти Пушкина, заключающіяся въ посланныхъ изъ Петербурга депешахъ иностранныхъ дипломатовъ. Это обиліе новыхъ матеріаловъ и систематичность въ поискахъ ихъ даютъ автору увѣренность, что въ будущемъ не представится возможности очень сильно увеличить количество еще неизвѣстныхъ документальныхъ данныхъ. Такими данными, оглашеніе которыхъ принадлежитъ лишь будущему, являются въ особенности письма Н. Н. Пушкиной къ мужу (они хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ и будутъ вскрыты лишь чрезъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ) и письма вдовы историка Карамзина и ея дочерей къ его сыну А. Н. Карамзину, неизвѣстно гдѣ находящіяся.

Книга П. Е. Щеголева открывается обширной статьею: „Исторія послѣдней дуэли Пушкина (4 ноября 1836 — 27 января 1837)". Это первый въ литературѣ о Пушкинѣ безукоризненно разработанный монографическій описательный этюдъ, подводящій точные итоги и прежнимъ и новымъ, теперь опубликованнымъ матеріаламъ о дуэли. Шагъ за шагомъ развертывается предъ читателемъ исторія Дантеса и его пріемнаго отца барона Геккерена, ихъ характеристика и темная исторія ихъ отношеній, въ которой, по утвержденію одного современника, былъ и противоестественный элементъ. Красивый, какъ картинка, избалованный успѣхами среди свѣтскихъ дамъ, которыя вырывали его одна у другой, онъ, наконецъ, влюбился и въ первую красавицу тѣхъ дней, Наталью Николаевну Пушкину. Отношенія ея къ мужу и ея личная характеристика впервые въ работѣ Щеголева раскрываются съ такою полнотою и убѣдительностью. Картина этой жизни производитъ удручающее впечатлѣніе. Насколько терялъ Пушкинъ при сравненіи съ женою со стороны ихъ внѣшности, настолько же въ духовномъ отношеніи стояла ниже мужа эта женщина, даже для той среды и времени. Удачно сказано про нее г. Щеголевымъ, что она была настолько красива,

„что могла позволить себѣ роскошь не имѣть никакихъ другихъ достоинствъ“. Успѣхи жены въ свѣтѣ и въ особенности при Дворѣ удержали въ столицѣ и Пушкина. Въ процессѣ закрѣпленія нитей-петель, стягивающихъ Пушкина въ ненавистной ему средѣ, Наталья Николаевна, быть можетъ, безсознательно, не отдавая себѣ отчета и подчиняясь лишь своему инстинкту, играла роковую роль: „Она медленно, ежеминутно терзала воспріимчивую и пламенную душу Пушкина“, говоритъ хорошо знавшая Пушкиныхъ современница. Письма къ ней мужа и стихотворенія ей посвященныя говорятъ о чисто физической и матеріальной ихъ связи, о полномъ отсутствіи какого бы ни было пониманія со стороны Натальи Николаевны литературныхъ или художественныхъ интересовъ или даже характера и генія мужа. Ея мысли цѣликомъ сосредоточены въ области ухаживаній мужчинъ и своеобразной ревности къ мужу. Послѣдняя возникала или какъ оскорбленная гордость первой красавицы, заласканной Дворомъ, или является особою манерою въ письмахъ. Въ отвѣтныхъ письмахъ Пушкина есть убійственныя для ея характера строки. Въ выходкахъ Пушкина угадывается отчаяніе влюбленнаго и любящаго человѣка и постоянная боязнь не то что серьезнаго увлеченія другимъ, но самое главное — пошлой измѣны по глупости и легкомыслію. Работа г. Щеголева убѣдительно показываетъ, какъ въ самомъ дѣлѣ катилась по наклонной плоскости Наталія Николаевна въ своихъ отношеніяхъ къ Дантесу. Въ завязавшемся между ними флиртѣ она, несомнѣнно, играла послѣднее время активную роль и поощряла Дантеса, даже вопреки желаніямъ его сводного отца, на котораго, какъ извѣстно, обрушилась вся ярость Пушкина. Мы не имѣемъ возможности изложить здѣсь мастерски развернутыхъ Щеголевымъ перипетій трагедіи, назрѣвавшей шагъ за шагомъ. Но едва ли какіе-либо новые матеріалы или даже подтвержденія, напримѣръ, того, будто Пушкинъ въ это время былъ въ связи съ сестрою жены Александриною, въ него явно влюбленною, что будто-бы и оскорбило окончательно Наталью Николаевну и толкало ее къ Дантесу — едва ли все это смягчитъ горечь обвиненій противъ нея, — развѣ только соображеніе, что выходъ замужъ за Пушкина, а не за человѣка одного съ нею духовнаго уровня, былъ все же и ея несчастьемъ... Попутно авторомъ лишь затрагивается важная тема о той сѣти сложныхъ отношеній, которыя роковымъ образомъ вели Пушкина къ неизбѣжной катастрофѣ и которыя обострили и ускорили ее. Просто и убѣдительно разсказанная вся исторія дуэли Пушкина въ этомъ превосходномъ очеркѣ впервые получила воспроизведеніе, повидимому, наиболѣе близкое къ внѣшней дѣйствительности и къ внутренней живой правдѣ психологиче-

ской точности. Все это читается, какъ живая страница жизни, какъ потрясающая правда о безконечно дорогомъ человѣкѣ. Можно пожелать отдѣльнаго изданія этого очерка въ интересахъ его доступности для болѣе широкой публики.

Обширное собраніе вышеназванныхъ матеріаловъ, составляющихъ бо́льшую часть книги, сопровождено нѣсколькими вступительными статьями. Онѣ остановятъ вниманіе всѣхъ изучающихъ Пушкина, какъ отличный анализъ и критика этихъ матеріаловъ. Въ особенности важна статья объ извѣстномъ письмѣ Жуковскаго къ С. Л. Пушкину о послѣднихъ дняхъ поэта. Какъ источникъ для біографіи Пушкина, письмо оказывается очень ненадежнымъ документомъ. „Съ такимъ искусствомъ написана статья Жуковскаго, что впечатлѣніе, навѣянное картиною умиранія поэта, неотвязно влечетъ за собою и опредѣленное,—то, а не иное,—представленіе объ его духовномъ образѣ, о внутренней жизни его въ основныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ. Описаніе Жуковскаго носитъ чисто житійный характеръ. Кончина Пушкина представлена, какъ идеалъ кончины во всей его житійной закругленности...“ Между тѣмъ, уже такой достовѣрный свидѣтель кончины Пушкина, какъ П. А. Плетневъ, еще въ 1847 году былъ „пораженъ сбивчивостью и неточностью его разсказа“. П. Е. Щеголеву, воспользовавшемуся въ особенности черновыми редакціями письма Жуковскаго, и удалось показать, шагъ за шагомъ, какъ была создана не отвѣчавшая дѣйствительности картина смерти Пушкина, „по Жуковскому“. Она была нужна друзьямъ Пушкина, чтобы повліять, съ одной стороны, на государя, и, съ другой, чтобы оградить жену Пушкина. Въ этомъ процессѣ работы для идеализаціи кончины поэта, Жуковскій, вообще склонный перерабатывать дѣйствительность въ нѣчто сантиментально-идеализованное, не останавливался предъ прямымъ редактированіемъ по-своему подлинныхъ словъ Пушкина, которыя онъ находилъ въ запискахъ врачей, пользовавшихъ умиравшаго. Жуковскій, Вяземскій, и врачъ Спасскій старались представить дѣло такъ, что Пушкинъ согласился исполнить христіанскій долгъ по собственному почину. Но приходится признать, что обращеніе къ священнику было совершено подъ прямымъ воздѣйствіемъ воли государя, выраженной Пушкину устно или письменно (довольно загадочная записка императора Николая I, которая была только показана Пушкину и увезена). Государь остался подъ весьма неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ о смерти Пушкина: онъ отказалъ Жуковскому въ изданіи особаго указа о сдѣланныхъ имъ милостяхъ семьѣ Пушкина и сослался при этомъ на то, что Карамзинъ, по смерти котораго былъ написанъ Жуковскимъ подобный указъ, не

въ примѣръ Пушкину „умеръ, какъ ангелъ“. Простую благодарность Пушкина, выраженную явно въ крайне отрывочномъ отзывѣ тяжко страдавшаго полубезпамятнаго человѣка, Жуковскій развилъ въ закругленныя фразы: „Скажи государю, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгаго-долгаго царствованія, что я Ему желаю счастья въ Его сынѣ, счастья въ Его Россіи“. Благодаря сохранившимся черновикамъ, П. Е. Щеголеву удалось возстановить весь процессъ постепенной разработки этой фразы и закругленій ея; она характеризуетъ не Пушкина, а самого Жуковскаго. Такъ, Жуковскій, — въ цѣляхъ охраны матеріальныхъ и моральныхъ интересовъ семьи Пушкина, а также въ интересахъ защиты памяти Пушкина отъ сыпавшихся противъ него обвиненій и въ безбожіи, и въ неблагодарности государю, и въ отсутствіи патріотизма и монархическихъ чувствъ, — подставилъ намъ искаженную картину того, что было въ дѣйствительности. Въ результатѣ „возвышающаго обмана“ мы не имѣемъ теперь „ни достовѣрной картины послѣднихъ дней жизни поэта, ни авторитетной и безспорной характеристики его духовной личности въ послѣдніе годы“... Матеріалъ для этого можетъ быть найденъ, конечно, только анализомъ его творчества послѣднихъ лѣтъ, но оно по природѣ поддается обобщеніямъ и толкованіямъ подъ очень спорными углами зрѣнія.

Значительный интересъ представляютъ также документы и вводныя къ нимъ статьи, касающіеся заботъ Жуковскаго по посмертнымъ дѣламъ Пушкина. Щедрыя милости Николая Павловича семьѣ Пушкина до сихъ поръ приписывались безраздѣльно его собственному почину. Теперь П. Е. Щеголевымъ твердо установлено, что вдохновителемъ государя былъ Жуковскій, намѣтившій въ значительной мѣрѣ распоряженія государя. Однако, самое главное пожеланіе Жуковскаго, чтобы изданіемъ особаго указа милостямъ государя было придано значеніе государственнаго національнаго дѣла, — значеніе, соотвѣтственное не нуждѣ семьи, а заслугамъ покойнаго, это пожеланіе не было выполнено. Если Николай Павловичъ творилъ добро семьѣ Пушкина, то дѣлалъ это отнюдь не во имя Пушкина, отнюдь не въ силу признанія за его личностью и дѣятельностью особаго значенія, а совсѣмъ по другимъ соображеніямъ. Къ религіозности Пушкина, — вѣроятно, помня исторію съ Гавриліадой, — государь относился съ большимъ сомнѣніемъ, какъ, очевидно, и къ его благонадежности, больше вѣря въ послѣднемъ отношеніи своему шефу жандармовъ Бенкендорфу, чѣмъ Жуковскому. Послѣднему пришлось чрезъ это пережить много тягостныхъ минутъ. Первоначально Николай Павловичъ разрѣшилъ

Жуковскому, при порученномъ ему разборѣ бумагъ Пушкина, сжечь вещи антиправительственныя и предосудительныя, письма возвратить авторамъ, а казенные документы — по принадлежности. Но не прошло и двухъ дней со смерти Пушкина, какъ Жуковскій узналъ, что разбирать бумаги онъ будетъ не одинъ, а съ жандармскимъ офицеромъ, что все, подлежащее сожженію, должно быть сначала доставлено для прочтенія государю, что письма постороннихъ лицъ будутъ прочтены Бенкендорфомъ, который и разберется, что съ ними дѣлать — „чтобы ничего не было скрыто отъ наблюденія правительства, бдительность коего должна быть обращена на всевозможные предметы". Работать Жуковскому пришлось совмѣстно съ извѣстнымъ начальникомъ канцеляріи III отдѣленія Дубельтомъ. Читать письма постороннихъ лицъ Жуковскій предоставилъ своему товарищу поневолѣ, тяготясь своимъ участіемъ въ нарушеніи тайны частной переписки. Много тревоги доставили Жуковскому письма графа В. А. Соллогуба. Одно изъ нихъ касалось несостоявшейся дуэли между Пушкинымъ и Соллогубомъ, а другое имѣло отношеніе къ дуэли Пушкина и Дантеса. Жуковскій былъ вынужденъ вымаливать у государя, чтобъ за принятіе вызова Пушкина не трогали Соллогуба: „Государь, будьте милостивы, — писалъ Жуковскій, — избавьте меня отъ незаслуженнаго наказанія. Сохраните мнѣ доброе имя. Меня назовутъ доносчикомъ. Вы не для этого благоволили поручить мнѣ разсмотрѣніе бумагъ Пушкина: здѣсь не можетъ быть и мѣста наказанію". (Кстати, П. Е. Щеголевъ говоритъ, что письмо гр. Соллогуба о дуэли его съ Пушкинымъ остается неизвѣстнымъ и по сей день". Это ошибочно. Въ статьѣ М. Голубцовой, въ „Отчетѣ Московскаго Историческаго Музея имени Александра III" за 1913 г., напечатаны черновыя двухъ писемъ Соллогуба, касающихся этого дѣла). Ходъ работы Жуковскаго былъ съ самаго начала заподозрѣнъ, и Жуковскому пришлось оправдываться противъ навѣта въ похищеніи бумагъ Пушкина. Какъ настаивалъ Жуковскій на полной благонадежности Пушкина зрѣлыхъ лѣтъ, это рельефно выразилось въ письмѣ Жуковскаго Бенкендорфу, воспроизведенному въ двухъ редакціяхъ, и въ письмѣ князя П. А. Вяземскаго, повторявшаго доводы Жуковскаго, къ вел. князю Михаилу Павловичу. Отмѣтимъ еще, какъ важный и очень мало извѣстный матеріалъ, перепечатанную въ книгѣ Щеголева брошюру кн. А. В. Трубецкого о Пушкинѣ и Дантесѣ и интересныя къ ней поясненія и дополненія автора.

Къ книгѣ приложено 11 портретовъ и четыре факсимиле писемъ и документовъ. Съ внѣшней стороны, вѣроятно, по обстоятельствамъ военнаго времени, изданіе не вполнѣ удовлетворительно:

книга напечатана на бумагѣ двухъ разныхъ форматовъ и т. п. Это не мѣшаетъ ей быть событіемъ въ новѣйшихъ историко-литературныхъ изученіяхъ.

Борисъ Садовской. Ледоходъ. Статьи и замѣтки. Петроградъ, 1916. Стр. 206. Цѣна 2 р. 50. коп.

Книга г. Садовского открывается предисловіемъ, написаннымъ въ раздраженно полемическомъ тонѣ. „Надо ли говорить, до чего всѣ мы, писатели и читатели", страдаемъ и задыхаемся подъ сводами литературнаго льда? Намъ не даютъ дышать свободно свои же братья-писатели, насъ давятъ всяческія цензуры. Ахъ, цензура либеральная горше цензуры военной! Самозванцы, люди съ улицы, глашатаи толпы хватаютъ писателя за горло и приказываютъ молчать. Журнальные столбцы превратились давно въ грязные участки... Русскій писатель не смѣетъ быть самимъ собой, ежели не хочетъ быть оплеваннымъ и забитымъ... Мы не знаемъ и не знали никогда нашихъ великихъ писателей въ ихъ подлинномъ видѣ. Ихъ намъ искусно поддѣлываютъ, какъ фальшивыя деньги. Замалчиваютъ одно, подчеркиваютъ другое..." Далѣе, при такомъ удобномъ случаѣ, какъ теперь повелось, послѣ „разъясненія" г. Айхенвальдомъ Бѣлинскаго, мимоходомъ достается и Бѣлинскому. Въ упрекъ критику поставлено недостаточное знакомство съ обрядами православной церкви: „Несчастный! неужели не зналъ онъ, какія священникъ вложитъ ему въ мертвую руку несравнимыя по силѣ и красотѣ слова, какія надъ тѣломъ его прозвучатъ вдохновенныя молитвы?" „Такъ и литература русская, подобно Бѣлинскому, духовному своему отцу, донынѣ съ презрѣніемъ отвращается отъ вѣчнаго искусства, отъ религіи, отъ здраваго смысла"... Эти нѣсколько истерическіе выпады не очень располагаютъ въ пользу автора, трудно считаться съ ними по ихъ чрезмѣрной общности, тѣмъ болѣе, что они очень мало вяжутся съ книгой, въ которой собраны большей частью историко-литературныя работы.

Книга содержитъ двѣ статьи о Лермонтовѣ и Тургеневѣ, рядъ замѣтокъ о Фетѣ (въ приложеніи — разнообразные о немъ сырые историко-литературные матеріалы) и серію мелкихъ критическихъ замѣтокъ о писателѣ прошлаго и настоящаго. Общій характеръ писаній г. Садовского очень двойственный. Въ немъ все время борются и выражаются иногда въ самонеожиданномъ сочетаніи историкъ литературы, любовно изучающій даже мелочи, и писатель, пишущій очертя голову, высказывающій очень необдуманныя вещи.

Напримѣръ, на стр. 19 въ статьѣ о Лермонтовѣ находимъ опытъ реабилитаціи жалкаго или распутнаго міра крѣпостныхъ дѣвичьихъ. „Дѣвичья въ помѣщичьей усадьбѣ была особымъ міромъ; сюда отбирались красивѣйшія и умнѣйшія дѣвушки, часто незаконныя дочери господъ; здѣсь зарождались крѣпостныя актрисы и танцовщицы, но подъ старость изъ дѣвичьей же выходили Арины Родіоновны и Натальи Савишны. Изъ какого-то ложнаго стыда (передъ чѣмъ?) — (вопросъ г. Садовского!) — мы все еще затѣняемъ положительныя стороны старой помѣщичьей жизни, не изслѣдованныя донынѣ". Повидимому, авторъ совершенно не сознаетъ, что если Арины Родіоновны и крѣпостные артисты въ отдѣльныхъ случаяхъ стали гордостью русскаго народа (народа, а не помѣщичьяго сословія), то произошло это не благодаря положительнымъ сторонамъ крѣпостного рабства, а вопреки ему. На стр. 26 послѣ фразы о томъ, что Лермонтовъ отъ скуки „придирается, злитъ, выводитъ изъ себя, прямо кусается, какъ бѣшеная собака", — читаемъ слѣдующее: „Собакѣ собачья смерть", сказалъ, узнавъ о кончинѣ Лермонтова, императоръ Николай Павловичъ и, конечно, по-своему былъ правъ". Въ примѣчаніи къ этой фразѣ приведена цитата, изъ которой авторъ этого неподражаемаго „по-своему правъ" могъ бы усмотрѣть, что государю, произнесшему ее, стало тутъ же — послѣ рѣзкаго протеста вел. княгини Маріи Павловны [Веймарской] — стыдно браннаго слова, и онъ, сознавъ все неприличіе выходки своей, тотчасъ вышелъ къ придворнымъ и сказалъ имъ то, что долженъ бы былъ прежде всего подумать и почувствовать: „Господа, получено извѣстіе, что тотъ, кто могъ замѣнить намъ Пушкина, убитъ". Что ужъ тутъ говорить о какой-то „правотѣ"!

Какъ импрессіонистъ, авторъ „Ледохода" приходитъ къ выводамъ иногда не менѣе поразительнымъ, чѣмъ подобныя изъявленія симпатій къ крѣпостному и деспотическому быту. Прямо поразительна статья о Тургеневѣ. Она была напечатана г. Садовскимъ лѣтъ десять назадъ въ „Русскомъ Архивѣ", при покойномъ иногда мало разборчивомъ Бартеневѣ, и жаль, что она извлечена изъ забвенія. Нужно обладать печальнымъ отсутствіемъ вкуса или быть совершенно ослѣпленнымъ предвзятою мыслью, чтобы утверждать напр.: — „И въ творчествѣ и въ жизни Тургенева нѣтъ буквально ни одной точки, предъ которою можно было бы остановиться и, залюбовавшись, отмѣтить навсегда". — „Литературная физіономія Тургенева такъ же блѣдна и расплывчата, какъ и его внѣшность": „письма его удивительно скучны". Письма Тургенева къ Віардо „ничего важнаго для характеристики Тургенева, повторяемъ, не содержатъ" (ужъ лучше бы не повторять этого). „Сочиненія его

это труды прилежнаго и кропотливаго гравера, выполненные съ замѣчательнымъ тщаніемъ и мастерствомъ. Но собственная личность художника мало чѣмъ отразилась въ этихъ тонкихъ издѣліяхъ". Таковы нѣкоторыя изъ болѣе яркихъ утвержденій г. Садовского о Тургеневѣ. Можно, конечно, не любить этого писателя: не нравится, и шабашъ. Но чтобы литературный критикъ находилъ, что литературная физіономія Тургенева „блѣдна и расплывчата", когда и начитанный гимназистъ легко отличитъ по первому взгляду прозу Тургенева отъ любой другой, это довольно неожиданно. Можно скучать надъ литературными, часто изящными и всегда блещущими умомъ, красками и жизнью письмами Тургенева. Но вѣдь это же объективно невѣрно и неправда, будто личность Тургенева мало отразилась въ его писаніяхъ, будто письма къ Віардо неважны для его біографіи, будто наблюдается какое-то забвеніе его имени и охлажденіе, о Тургеневѣ, какъ человѣкѣ, написано мало и т. д., будто Тургеневъ относился „равнодушно къ своей родинѣ", не питалъ тоски по родинѣ, и т. д.

Г-нъ Садовской изображаетъ Тургенева въ видѣ только мелочнаго безхарактернаго человѣка, завистливаго, не умѣвшаго вести себя въ обществѣ, злого „двуличнаго" шутника, коварнаго „лицемѣра" („неискренность, граничащая съ коварствомъ") и т. д. Но авторъ напрасно думаетъ, будто онъ, разнося Тургенева, держится „историко-психологическаго метода изслѣдованія", будто онъ опредѣляетъ личность художника „путемъ всесторонняго изученія историческихъ и біографическихъ данныхъ о немъ". Въ дѣйствительности онъ едва разбирается въ нихъ, крайне неразборчиво выдергивая, въ подтвержденіе чертъ своей карикатуры, факты и подобія фактовъ изъ литературы о Тургеневѣ, съ которою, видимо, знакомъ очень поверхностно. Очень жаль, что г. Садовской счелъ нужнымъ ввести въ свою новую книгу совершенный имъ нѣкогда юношескій грѣхъ въ видѣ этой во всѣхъ отношеніяхъ неудачной статьи.

Безспорную положительную цѣнность имѣетъ въ книгѣ г. Садовского часть ея, посвященная Фету. Мы имѣли уже случай говорить, что по существу неправиленъ его общій взглядъ на Фета, который будто не былъ бы Фетомъ, если бъ въ то же время не былъ и чрезмѣрно практичнымъ Шеншинымъ, т. е. мелкимъ реакціонно-настроеннымъ дворяниномъ изъ захолустья. Вмѣсто объясненія, авторъ склоняется къ апологіи, къ оправданію Шеншина. Но въ своей работѣ надъ Фетомъ, г. Садовской внимательно изучалъ не только три томика его стиховъ и воспоминанія, но и всѣ его писанія, его рукописи, собиралъ письма и пр., и это дѣйстви-

тельно серьезное отношеніе къ дѣлу благотворно повліяло, не въ примѣръ статьи о Тургеневѣ, на тонъ и на результатъ работы. Четыре небольшихъ этюда о Фетѣ довольно содержательны. Въ первомъ изъ нихъ, „Легенда“ и „Ива“, разсмотрѣны эти два раннихъ стихотворенія Фета. „Легенда“ больше напоминаетъ позднѣйшія стихотворенія Алексѣя Толстого, чѣмъ Фета. Вторая пьеса (1856 года) до неузнаваемости переработана поэтомъ изъ стихотворенія, напечатаннаго въ журналѣ „Отеч. Зап.“ 1843 г.; тогда это было навѣянное Лермонтовымъ воспоминаніе о Наполеонѣ (къ извѣстной картинкѣ, изображавшей могилу Наполеона), въ переработкѣ не сохранилось и намека на Наполеона. Такъ сказались въ раннихъ стихахъ настроенія его молодости, отданной военному званію. Второй этюдъ говоритъ о любви въ жизни и поэзіи Фета и отголоскахъ въ его стихахъ его личныхъ переживаній и романовъ. Очень любопытенъ этюдъ „Фетъ — прозаикъ“. Здѣсь говорится о немногихъ беллетристическихъ вещахъ Фета, всѣми забытыхъ. Г-нъ Садовской останавливается на нѣкоторыхъ біографическихъ чертахъ и настроеніяхъ, сказавшихся здѣсь; особенно любопытенъ „Каленикъ“ съ идеализаціею инстинкта надъ знаніемъ. Обойдены публицистическія „Письма изъ деревни“. Впрочемъ, можетъ быть, это и хорошо; при своемъ пристрастіи къ Шеншину, здѣсь г. Садовской едва ли бы былъ достаточно объективенъ. Заключительная замѣтка говоритъ о смерти Фета, намѣревавшагося покончить самоубійствомъ и умершаго въ борьбѣ изъ-за ножа, которымъ онъ хотѣлъ зарѣзаться. Не лишены значенія и другіе черновые матеріалы, собранные г. Садовскимъ о Фетѣ.

Жаль, что въ спокойную область историко-литературнаго вполнѣ ему сроднаго изученія г. Садовской вноситъ столько личнаго и произвольнаго.

Императорское Русское Историческое Общество. 1886—1916. Петроградъ. 1916. Стр. XI—193.

Это роскошное изданіе напечатано экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, съ приложеніемъ отлично исполненныхъ фототипическихъ портретовъ очень многихъ лицъ, или покровительствовавшихъ обществу со стороны Царствующаго Дома или состоявшихъ членами общества, оно вышло въ ознаменованіе пятидесятилѣтія общества, которое исполнилось 23 мая 1916 года. Очеркъ составленъ по мысли и подъ руководствомъ Августѣйшаго Предсѣдателя общества вел. кн. Николая Михайловича уже по-

койнымъ А. А. Гоздаво-Голомбіевскимъ и секретаремъ общества В. И. Саитовымъ, при участіи членовъ П. Н. Жуковича и А. С. Лаппо-Данилевскаго. Въ очеркѣ собраны данныя, касающіяся основанія, состава и собраній общества, его научно-издательской дѣятельности и участія об-ва въ правильной постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи.

Русское Историческое общество основано въ 1866 г. подъ покровительствомъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича, впослѣдствіе императора Александра III; преподавателями исторіи у него были въ дѣтствѣ Я. К. Гротъ, въ юношескомъ возрастѣ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и С. М. Соловьевъ. Особенно дѣятельное участіе въ основаніи общества принималъ А. А. Половцовъ. Въ одной рѣчи послѣдняго мы читаемъ, что обществу предлагалась, между прочимъ, особая роль противодѣйствія духу времени, такъ какъ въ шестидесятые годы „жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприглядная картина слабостей и недостатковъ, вліявшихъ на судьбу его; возвышенныя, существенныя стороны нашей государственной жизненной дѣятельности, создавшія великую и всѣмъ намъ дорогую Россію, въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ, за рѣдкими исключеніями, силою обстоятельствъ обходились молчаніемъ, разрушавшимъ народную вѣру въ себя и въ правившія имъ силы“... Къ счастью для общества и для науки, эта охранительная тенденція не отражалась чувствительно на трудахъ его. Они свелись къ изданію многихъ высоко полезныхъ для науки сырыхъ матеріаловъ, почерпаемыхъ изъ недоступныхъ обычно источниковъ, какъ государственный архивъ, архивы лицъ Царствующаго Дома и пр. Уставъ общества подписали К. Бестужевъ-Рюминъ, М. Богдановичъ, А. Бычковъ, кн. П. А. Вяземскій, А. Гамбургеръ, баронъ Жомини, К. Злобинъ, баронъ М. Корфъ, графъ Б. Перовскій, А. Половцевъ, графъ Д. Толстой и Е. Ѳеоктистовъ. Первымъ предсѣдателемъ былъ кн. П. А. Вяземскій, оказавшій обществу цѣнныя услуги, какъ разысканіемъ матеріаловъ, такъ и хлопотами объ разрѣшеніи къ напечатанію, нѣкоторыхъ изъ нихъ передъ императоромъ Александромъ II. Самимъ уставомъ Русскаго Историческаго общества изданіе „Сборника“ опредѣлено было, какъ его прямое и главное дѣло (§ 3). За полвѣка напечатано уже сто сорокъ семь томовъ сборника, большинство ихъ посвящено XVIII вѣку, но нѣкоторые томы даютъ матеріалы и по XIX вѣку, и изданіе это хорошо извѣстно всѣмъ, занимающимся русскою исторіею по источникамъ. Многіе томы редактированы виднѣйшими нашими учеными. При второмъ предсѣдателѣ общества А. А. Половцовѣ начато другое капитальное

изданіе общества, русскій біографическій словарь, средства на которое первоначально были даны Половцовымъ же. Послѣ долгихъ предварительныхъ обсужденій и работъ, занявшихъ рядъ лѣтъ (съ половины семидесятыхъ гг. и особенно съ начала восьмидесятыхъ), въ 1887 году былъ выпущенъ указатель именъ для словаря, составившій два тома сборника (60 и 62) и содержавшій до 60 тысячъ именъ. Въ этомъ изданіи также приняли участіе многія видныя силы науки, начиная съ Д. А. Милютина. Объемъ изданія въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ предполагался не свыше 300 печатныхъ листовъ, вмѣщенныхъ въ шесть томовъ; конечной хронологической гранью опредѣлено было 31 декабря 1892 года. Первый томъ вышелъ въ 1896 году. Съ годами изданіе разросталось, и къ 1916 году выпущено 22 тома, уже составившіе не менѣе 800 печатныхъ листовъ, но далеко не близкіе къ заключенію. Съ 1910 г. изданіе идетъ на личныя средства государя императора. Нынѣ составляются списки лицъ, пропущенныхъ въ вышедшихъ уже томахъ словаря, и раздвинуты его хронологическіе предѣлы: начато составленіе списковъ русскихъ дѣятелей, умершихъ послѣ 1892 г. въ видахъ продолженія словаря по 1901 г.

Съ 1911 года рамки работы общества расширены участіемъ общества въ болѣе правильной постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи, для чего образована особая комиссія по сохраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ, нынѣ объединяющая дѣятельность губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Въ приложеніяхъ къ историческому очерку даны уставы общества 1886 и 1910 гг., положеніе объ особой комиссіи по архивному дѣлу, личный составъ общества за 50 лѣтъ съ краткими справками о членахъ общества, содержаніе ста сорока семи томовъ сборника, списокъ вышедшихъ томовъ „Словаря“ и указатель личныхъ именъ въ книгѣ.

Ч. В—ій.

П. И. Люблинскій. „На смѣну стараго права“. Пгр. 1915. стр. 434. Ц. 2 р. 50 к.

Новая книга проф. Люблинскаго представляетъ собой сборникъ статей по вопросамъ текущей правовой жизни, напечатанныхъ авторомъ за послѣдніе годы въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ сборникъ вошли статьи, посвященныя вопросу о личной неприкосновенности, реформѣ мѣстнаго суда, смертной казни, улучшенію пенитенціарной системы, отвѣтственности должностныхъ лицъ,

и т. д. Нѣкоторымъ вопросамъ авторъ удѣляетъ особенное вниманіе и останавливается на нихъ въ нѣсколькихъ статьяхъ. Такъ, вопросу о личной неприкосновенности въ сборникѣ посвящено четыре статьи, улучшенію пенитенціарной системы пять статей, смертной казни три статьи и реформѣ мѣстнаго суда двѣ статьи. Нѣсколько статей навѣяны недавними политическими процессами, дѣлами о Выборгскомъ воззваніи, Лопухина и Герценштейна. Наконецъ имѣется въ сборникѣ и нѣсколько статей по вопросамъ государственнаго права, напр. объ иниціативѣ законовъ по русскому праву.

Таково разнообразное содержаніе новаго труда проф. Люблинскаго. Авторъ справедливо указываетъ въ предисловіи, что надлежащее юридическое освѣщеніе очередныхъ законодательныхъ проблемъ является одной изъ существенныхъ потребностей народнаго представительства. Книга проф. Люблинскаго, написанная съ присущей автору ея эрудиціей и отличающаяся въ то же время ясностью и общедоступностью изложенія, можетъ не мало способствовать удовлетворенію этой потребности въ сферѣ затронутыхъ ею вопросовъ. Появленіе ея слѣдуетъ, поэтому, признать вполнѣ своевременнымъ.

В. М.

Бюллетень Московскаго Общества по подготовкѣ спеціалистовъ земской и городской службы. Вып. I. Москва, 1916. Стр. 87. Цѣна 50 коп.

Названное въ заглавіе этой брошюры общество основано въ Москвѣ группою общественныхъ дѣятелей и педагоговъ въ виду все болѣе настоятельной нужды земскихъ и городскихъ самоуправленій въ спеціально-подготовленномъ служебномъ персоналѣ. Открыто общество 26 сентября 1915 года, и первый бюллетень открывается разсказомъ объ исторіи возникновенія новаго общественнаго учрежденія. Она какъ нельзя болѣе характерна для тѣхъ препонъ, съ какими приходится бороться живому общественному почину. Мотивировка препятствій къ утвержденію устава общества, со стороны сначала губернскаго присутствія и затѣмъ со стороны сената, поражаетъ человѣка, не привыкшаго къ особой логикѣ вѣдающихъ союзы коллегій. Въ первый разъ въ регистраціи отказали потому, что уставъ предусматривалъ устройство обществомъ всевозможныхъ курсовъ и лекцій, а равно и бюро спроса и предложенія труда въ земствахъ и городахъ; это характеризовало будто бы общество какъ организацію, преслѣдующую цѣли прибыли, регистрація же

таковыхъ обществъ не подлежитъ вѣдѣнію присутствія. Когда это указаніе было принято во вниманіе и въ уставъ внесены исправленія, присутствіе отказало на основаніи новыхъ, имъ обнаруженныхъ, дефектовъ устава, а именно будто утвержденіемъ устава организуется не только общество, но и спеціальное учебное заведеніе, и что въ составъ общества неминуемо должны войти лица, состоящія на земской и городской службѣ (!). Подали жалобу въ сенатъ, и черезъ два года имъ было объявлено рѣшеніе (вынесенное черезъ годъ), указывавшее новый дефектъ, по которому жалобу слѣдовало оставить безъ послѣдствій. А именно, сенатъ нашелъ, что цѣль общества — „содѣйствовать лицамъ, готовящимся къ поступленію на земскую и городскую службу или состоящимъ на таковой пріобрѣтать и пополнять свои спеціальныя знанія по разнымъ отраслямъ мѣстнаго хозяйства“ — „не можетъ быть признана выраженной опредѣленно“. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для учредителей служило признаніе сенатомъ неправильности соображеній присутствія, разъ ему самому пришлось выдвинуть новое соображеніе. — Какъ бы ни было, послѣ трехлѣтней волокиты, общество учредилось и уже начало свою дѣятельность. Оно собрало сочувственный кругъ около себя, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, и приступило прежде всего къ организаціи постоянныхъ одногодичныхъ курсовъ въ Москвѣ по народному образованію. Курсы открываются съ 1 января 1917 года и имѣютъ цѣлью теоретическую и практическую подготовку служащихъ центральныхъ и районныхъ учрежденій по народному образованію въ земствахъ и городахъ. Въ статьяхъ, вошедшихъ въ первый бюллетень и принадлежащихъ гг. Сѣрополку, Чехову, Вернеру, Іорданскому и Гудзю, даны свѣдѣнія, какъ объ уже начатомъ, такъ и предполаемомъ ходѣ дѣятельности общества. Вѣнцомъ разнообразной намѣчаемой работы долженъ стать институтъ народнаго хозяйства, новое высшее учебное заведеніе, гдѣ бы слушатели получали соотвѣтствующую подготовку въ вопросахъ муниципальнаго хозяйства не только для выступленія въ роли исполнителей, но и въ роли лицъ, направляющихъ политику муниципальнаго хозяйства (статья И. Гудзя). Подобное высшее учебное заведеніе открыто въ Мюнхенѣ баварскимъ союзомъ служащихъ въ городскихъ самоуправленіяхъ. Мысль о немъ выражена уже въ земствахъ (постановленіе уфимскаго губернскаго земства объ институтѣ внѣшкольнаго образованія), и несомнѣнно вполнѣ жизненна. Очень желательно широкое распространеніе настоящаго бюллетеня въ средѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей и дальнѣйшее укрѣпленіе въ ней идейнаго единства, осуществляемаго чрезъ молодое, но многообѣщающее общество.

Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1916—1917 академическій годъ. Годъ 9-й. Москва, 1916. Цѣна 15 коп.

Эта брошюра въ 62 страницы представляетъ справочное изданіе на предстоящій учебный годъ въ московскомъ народномъ университетѣ имени Шанявскаго, это учрежденіе пріобрѣло за восемь лѣтъ работъ широкую заслуженную популярность во всѣхъ концахъ Россіи. Изъ года въ годъ расширяясь, университетъ, между прочимъ, почти закончилъ нынѣ постепенно развивавшійся и складывавшійся планъ по созданію перваго въ Россіи учебнаго института по коопераціи; кооперативный отдѣлъ въ университетѣ составляютъ разнообразные курсы для лицъ разной подготовки, отвѣчающіе требованіямъ жизни и научнаго и практическаго изученія этой области соціальнаго строительства. Развитіе кооперативнаго движенія покрыло Россію въ короткое время десятками тысячъ кооперативовъ и сотнями ихъ союзовъ, и движеніе все еще разрастается и вширь и вглубь. При этомъ и выдвинулся съ повелительною силою вопросъ о подготовленности мѣстныхъ кооперативныхъ работниковъ и руководителей движенія. Слабая ихъ подготовка есть въ то же время и самое слабое мѣсто въ стихійномъ порывѣ. Ему неминуемо грозятъ тяжелый крахъ и разочарованія, если своевременно не будутъ приняты мѣры для воспитанія работниковъ и для энергичнаго распространенія въ массѣ, инстиктивно потянувшейся въ эту сторону, серьезнаго кооперативнаго сознанія. Университетъ имени Шанявскаго, при моральномъ и матеріальномъ содѣйствіи центральныхъ кооперативныхъ учрежденій — московскаго Народнаго банка и московскаго союза потребительныхъ обществъ — свое содѣйствіе кооперативному образованію ставитъ нынѣ особенно широко. Уже пять лѣтъ университетъ организуетъ осенніе шестинедѣльные курсы по общественному содѣйствію мелкому хозяйству и по коопераціи, разсчитанные на лицъ, стремящихся пополнить и систематизировать кооперативное образованіе и ознакомиться съ научной разработкой вопросовъ, смежныхъ съ коопераціей. Планъ этихъ курсовъ ставитъ задачей ознакомить слушателей съ теоретическими основами коопераціи и соприкасающимися съ нею вопросами экономіи, права, а также съ исторіей, организаціей и практикой кооперативнаго движенія Россіи и Западной Европы. Съ 1913 года существуетъ въ университетѣ возникшая при содѣйствіи московскаго союза потребительныхъ обществъ школа-курсы для подготовки служащихъ въ потребительныхъ обществахъ; эти курсы имѣютъ цѣлью подготовить практическихъ работниковъ потребительской коопераціи — приказчиковъ-товаровѣдовъ и счетоводовъ... На академическомъ отдѣле-

ніи университета существуетъ съ 1914—1915 года спеціальный годовой семинарій по коопераціи, а въ планѣ преподаванія научно-популярнаго отдѣленія университета имѣется семестровый курсъ по коопераціи. Наконецъ, съ 1915—16 года учреждены годовые высшіе кооперативные курсы. Задача ихъ подготовка завѣдующихъ земскими кассами мелкаго кредита, инструкторовъ и инспекторовъ по коопераціи, лекторовъ и прочихъ лицъ, играющихъ на мѣстахъ руководящую роль. Эти курсы разсчитаны на лицъ съ высшимъ образованіемъ и предполагаютъ дать возможно полное образованіе по коопераціи и смежнымъ съ нею научнымъ дисциплинамъ. Кромѣ того, университетъ организуетъ краткіе курсы по спеціальнымъ вопросамъ коопераціи. Такъ, весною 1915 г. состоялись 10-дневные курсы по вопросамъ организаціи мѣстныхъ кооперативныхъ курсовъ; въ теченіе 1915—16 года были организованы курсы по вопросамъ кооперативнаго сбыта льна и курсы по вопросамъ строительства союзовъ учрежденій мелкаго кредита. Въ настоящемъ 1916—17 году намѣчены курсы по хлѣбо-элеваторному дѣлу и повторительные курсы для инструкторовъ по коопераціи. Въ ноябрѣ 1916 г. состоятся новые курсы по вопросамъ общественной агрономіи, разсчитанные на земскихъ агрономовъ, работа которыхъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ дѣятельности кооперативовъ. Помимо перечисленнаго, по вопросамъ коопераціи читаются въ университетѣ особыя лекціи какъ на библіотечныхъ курсахъ, такъ равно и на курсахъ по внѣшкольному образованію, ежегодно устраиваемыхъ университетомъ. Такова выдвинутая жизнью система кооперативныхъ курсовъ, организованныхъ въ университетѣ. Для обслуживанія нуждъ этого широко развитаго кооперативнаго отдѣла въ 1915 году организованъ кооперативный музей-библіотека, какъ для семинарскихъ занятій, такъ равно и для самостоятельныхъ работъ изслѣдователей коопераціи. Университетъ Шанявскаго вправѣ гордиться всѣмъ этимъ созданіемъ дружной научной и практической объединенной работы своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ. Мѣстные многочисленные союзы и другія учрежденія, заинтересованные въ правильномъ развитіи коопераціи, найдутъ въ кооперативномъ отдѣлѣ университета Шанявскаго готовые образцы и планы по организаціи того же дѣла на мѣстахъ.

Ч. В — ій.

СПИСОКЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И ЛИЦЪ, ПРИСЛАВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“ ВЫРАЖЕНІЕ СОБОЛѢЗНОВАНІЯ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ М. М. КОВАЛЕВСКАГО.

1) Правленіе Московскаго общества народныхъ университетовъ, 2) Нижегородскій Народный Университетъ. 3) Общество русскихъ студентовъ-юристовъ въ Парижѣ, 4) Слушательницы харьковскаго женскаго медицинскаго института. 5) Московскій коммерческій институтъ. 6) Студенты-филологи Московскаго университета. 7) Студенты Варшавскаго университета и курсистки Варшавскихъ высшихъ курсовъ. 8) Студенты-медики младшаго отдѣленія Московскаго университета. 9) Московскіе высшіе женскіе курсы. 10) Слушательницы Харьковскихъ высшихъ женскихъ курсовъ общества трудящихся женщинъ. 11) Правленіе Кружка студентовъ-евреевъ Московскаго коммерческаго института. 12) студенты Одесскаго медицинскаго института. 13) Слушательницы высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ города Саратова. 14) Общество взаимопомощи студентовъ-медиковъ Саратовскаго университета. 15) Общество слушателей Московскаго коммерческаго института по изученію вопросовъ общественной философіи. 16) Бюро труда учащихся при юрьевскихъ университетскихъ курсахъ. 17) Юристы перваго курса Варшавскаго университета. 18) Слушательницы курсовъ Лестгафта. 19) Студенческое общество искусства и изящной литературы при Московскомъ университетѣ. 20) Историко-литературный кружокъ имени Пушкина при Петроградскомъ университетѣ. 21) Общее собраніе студенческой библіотеки института инженеровъ путей сообщенія. 22) Общество студентовъ-медиковъ при Юрьевскомъ университетѣ. 23) Студенты-украинцы Петроградскаго университета. 24) Херсонское землячество студентовъ Московскаго коммерческаго института. 25) Украинская молодежь Кіева. 26) Студенты-экономисты Петроградскаго поли-

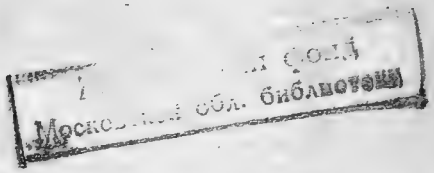
техническаго института. 27) Студентки и студенты юридическаго факультета психо-неврологическаго института. 28) Слушательницы и слушатели Петроградскаго института высшихъ коммерческихъ знаній. 29) Мусульманскій кружокъ студентовъ-политехниковъ. 30) Горцы Кавказа — учащіеся Москвы. 31) Общество студентовъ мусульманъ при Московскомъ университетѣ. 32) Касса взаимопомощи студентовъ-евреевъ Саратовскаго университета. 33) Студенты-армяне Кіевскаго политехникума. 34) Студенты Кіевскаго коммерческаго института. 35) Слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, учрежденныхъ Полторацкой. 36) Психо-неврологическій институтъ. 37) Орловскій лекціонный кружокъ. 38) Харьковское Грузинское землячество. 39) Харьковское землячество студентовъ-армянъ. 40) Студенты медицинскаго факультета Харьковскаго университета. 41) Слушательницы Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. 42) Учебный комитетъ высшихъ коммерческихъ курсовъ Побѣдинскаго. 43) Мусульмане психо-неврологи.

Получены телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ слѣдующихъ лицъ:

Мечникова, Тесленко, Кропоткина, Амфитеатрова, проф. Бузескула, Мизгко, Дживелегова, Щепкиной-Куперникъ, Палемъ, Кропивницкихъ, Килевейнъ, проф. Филиппова, Короленко, О. Грузенберга, Занчевскихъ, Г. Чулкова, Клавдіи Лукашевичъ, Сологуба, Чеботаревской, Л. Л. Толстого, Бѣляшевскаго, Вязлова, Масленникова, Штейгеля, Олсуфьева, графа Павла Толстого, Вл. Ковалевскаго, Александровскаго, Аникина, Вл. Муромцева, плѣнныхъ офицеровъ-чеховъ, семьи академика Миллера, группы болгаръ, Лидіи Шанявской, сестеръ милосердія 255 Городского лазарета, Варвары Морозовой, перводумцевъ Аникина, Бондарева, Борисова, Якобсона, князя Кугушева, перводумцевъ Рамишвили, Крылова, Букейханова, Немировича-Данченко, группы курянъ, Н. Олигера, проф. Линниченко, семьи Угримовыхъ, Михаила Хвостова, Д. М. Олсуфьева, Косинскаго, Матильды Гинцбургъ де-Мей, Ольги и Николая Шапиръ, Мих. Кулишева, вдовы проф. Несселова, Байхчисарайцева, Полтавцева, Ковалькова и Альтванга, Я. Попова, проф. Левитскаго. С. Вольмиръ, Вл. Ивановскаго, Кутоманова, Гримма, Б. Гуревича Ледницкаго, Дворковича, Ал. Федорова, мѣстной тифлисской интеллигенціи, Родичева, Вл. Беренштама, Ал. Хариной, Вл. Философова, Баженова, Маковскихъ, Бороздина, Гилерсона, перводумца Ахуна Хурамшина, Елизаветы Терещенко, Гилева, преподавателей Уразовскаго Земскаго училища, Александрова, Заболотскаго, Вискового, И. Побѣдоносцева, Ѳ. Лашкова, И. Булацеля, Л. Аша, В. Дмитріевой, И. Жилкина, А. Пономарева, І. Домбровскаго, Н. Виташевскаго.

Отъ редакцій газетъ, журналовъ и другихъ изданій:

„Юридическій Вѣстникъ“, „Итоги науки“, „Энциклопедическій Словарь т-ва бр. Гранатъ“, „Русскія Вѣдомости“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Сѣверные Записки“, „Польское Эхо“, „Новый Колосъ“, „Южный Край“, „Курьеръ“, „Школа и Жизнь“, „Одесскій Листокъ“, „Еврейская Жизнь“, „Армянскій Вѣстникъ“, „Аресъ“, „Вѣстникъ Воспитанія“, „Волжская Рѣчь“, „Лохвицкое Слово“, „Оборона“, „Русскія Записки“, „Кооперативная Жизнь“.


Московской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Проф. У. Макъ-Даугелль. Основныя проблемы соціальной психологіи. Перев. съ англ. М. Н. Смирновой, подъ ред. Н. Д. Виноградова. М., 1916. Стр. 287. Ц. 2 р. 50 к.

Книга американскаго профессора Макъ-Даугелля имѣетъ всѣ признаки серьезнаго популярно-научнаго трактата по предмету въ высшей степени интересному и сравнительно мало разработанному въ литературѣ. Но при чтеніи отдѣльныхъ главъ возникаетъ у читателя нѣкоторое недоумѣніе. Въ ряду „основныхъ инстинктовъ" человѣка ставится на первомъ планѣ „инстинктъ бѣгства", побуждающій людей учиться „особымъ пріемамъ бѣгать и прыгать"; въ подтвержденіе этого тезиса приводится „всѣмъ извѣстная исторія одного атлета, который въ дѣтствѣ, спасаясь отъ преслѣдованія дикаго звѣря, влѣзъ на стѣну, на которую потомъ не могъ взбираться до наступленія зрѣлаго возраста и полнаго расцвѣта силъ" (значитъ, по достиженіи зрѣлаго возраста, могъ уже „лѣзть на стѣну"?). Второй основной инстинктъ — „инстинктъ отталкиванія", вызываемый „прикосновеніемъ къ слизистымъ и скользкимъ веществамъ". Затѣмъ идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ — „инстинктъ любопытства", „инстинктъ драчливости", „инстинктъ самоуничтоженія или покорности и самоувѣренности или самовыставленія", и наконецъ, „инстинктъ родительскій", заставляющій мать „цѣловать своего ребенка", а у животныхъ — „лизать своего дѣтеныша".

Всего семь основныхъ инстинктовъ, — и между ними нѣтъ самыхъ элементарныхъ, общепризнанныхъ и могущественныхъ — инстинкта самосохраненія и инстинкта полового; послѣдній упоминается лишь въ числѣ второстепенныхъ, дополнительныхъ инстинктовъ съ менѣе опредѣленною эмоціональною тенденціею (чѣмъ инстинкты „бѣгства" или „драчливости"?), на ряду съ инстинктомъ „собиранія и коллекціонтрованія разнообразныхъ предметовъ", инстинктомъ „строительства" и т. п.

Обыкновенный читатель едва ли повѣритъ, что главный и первый человѣческій инстинктъ есть „инстинктъ бѣгства" въ связи съ эмоціею страха, и что ради него люди учатся спорту, искусству „бѣгать и прыгать" и даже взбираться на стѣны „по достиженіи зрѣлаго возраста и полнаго расцвѣта силъ". Не всякій также согласится съ тѣмъ, что „драчливость" есть прирожденный инстинктъ, свойственный всѣмъ вообще людямъ, или что къ числу инстинктовъ можетъ быть причислена распространенная между американцами страсть къ коллекціонерству. Авторъ часто ссылается на свои личныя наблюденія, которыя иногда кажутся довольно странными. Такъ, однажды вечеромъ онъ стоялъ у окна съ ребенкомъ на рукахъ, когда раздался громъ и у ребенка вырвался крикъ испуга; „при этомъ крикѣ — разсказываетъ авторъ — я мгновенно испыталъ такой страхъ, какъ будто мнѣ угрожали всѣ ужасы ада". Когда я бываю одинъ, — скромно прибавляетъ проф. Макъ-Дуагелль, — я не боюсь грома". Въ одномъ мѣстѣ высказывается неожиданное замѣчаніе, что „чахотка вызываетъ веселое настроеніе, полное надеждъ на будущее" (стр. 87). Очевидно, „научный" методъ автора имѣетъ мало общаго съ точнымъ наблюденіемъ и анализомъ дѣйствительныхъ явленій, и это обстоятельство подрываетъ довѣріе къ его книгѣ.

Л. С.

С. Г. Лозинскій. Царствованіе Франца-Іосифа. Петроградъ, 1916. Стр. 205. Ц. 1 р. 50 к.

Политическая исторія монархіи Габсбурговъ за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ (съ 1848 по 1908 г.), изложенная весьма живо и занимательно въ книгѣ С. Г. Лозинскаго, представляетъ особенный интересъ въ настоящее время, когда на поляхъ битвъ рѣшается судьба Австро-Венгріи. Необыкновенно продолжительное царствованіе императора Франца-Іосифа имѣло роковое, зловѣщее значеніе для значительной части подвластныхъ ему народовъ. Въ началѣ — жестокая коварная расправа съ вождями и сторонниками конституціоннаго движенія, затѣмъ цѣлый рядъ неудачныхъ войнъ, непрерывная борьба съ славянствомъ и, наконецъ, страшное кровавое предпріятіе, затѣянное подъ предлогомъ „наказанія" Сербіи, — все это неразрывно связано съ именемъ престарѣлаго монарха, на которомъ съ юныхъ лѣтъ, въ силу историческихъ случайностей, лежала непосильная задача управленія многочисленными народностями, входящими въ составъ Австро-Венгріи. Крайне ограниченный по натурѣ, проникнутый духомъ традиціоннаго высокомѣрія и безпощаднаго честолюбія Габсбурговъ, преданный интересамъ католической церкви Францъ-Іосифъ всего менѣе годился для великой отвѣтственной роли, доставшейся ему по наслѣдству. Г. Лозинскій подробно останавливается на вопросахъ внутренней австрійской политики въ связи съ взаимною борьбою національностей, при чемъ отмѣчаетъ усилія австрійскихъ мыслителей и философовъ „въ тиши кабинета разрѣшить національный споръ въ духѣ всеобщаго мира и согласія". Однако эта „тихая лабораторная работа" давала слишкомъ мало практическихъ результатовъ и проходила почти незамѣтно и безплодно для отдѣльныхъ народностей Австро-Венгріи.

A thousand years of Russian History By Sonia E. Howe. London, 1916. Стр. 432.

Очень полезная и толково написанная книга г-жи Гоу заключаетъ въ себѣ популярное изложеніе „тысячелѣтней исторіи" Россіи, приспособленное къ потребностямъ и вкусамъ англійской читающей публики. Книга снабжена многочисленными, хорошо исполненными иллюстраціями. Г-жа Гоу, русская по рожденію, вышедшая замужъ за англичанина, названа въ заглавіи уменьшительнымъ именемъ „Сони" — вѣроятно по недоразумѣнію, такъ какъ ни у насъ, ни въ Англіи, не принято называть взрослыхъ людей уменьшительными именами.

С.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Алчевская, Х. Грезы. Стихи. Харьковъ, 1916 г. Ц. 60 к.

Ауслендеръ, С. Сердце воина. Пер. 1916 г. Ц. 2 р. 60 к.

Безсалько П. Алмазы востока. Paris, 1916 г. Ц. 1 фр. 50 с.

Беневитскій, И. Враги. Драмат. сцены, Казань, 1916 г.

Бурцевъ, В. Л. О войнѣ. Съ прил. 2 писемъ П. А. Крапоткинъ. Пер. 1916 г. Ц. 55 к.

Вопросы административнаго права. Книга I. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Диканскій, М. Авторское право въ архитектурѣ. Петроградъ, 1916 г.

Зайцевъ, Б. Тихія зори. Разсказъ. Москва, 1916 г. Ц. 75 к.

Земцевъ, В. Остатки феодальнаго строя въ Прибалтійскомъ краѣ. Юрьевъ, 1916 г. Ц. 60 к.

Каутскій, К. Объединеніе средней Европы. Москва, 1916 г. Ц. 75 к.

Кистяковскій, Б. Соціальныя науки и право. Москва, 1916 г. Ц. 5 р.

Кожевниковъ, В. Буддизмъ въ сравненіи съ христіанствомъ. Пер. 1916 г. тт. I и II.

Королевичъ, В. Молитва тѣлу. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Крашенинниковъ, А. Амеля. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лебедевъ, В. Изъ рядовъ французской арміи. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

Левитинъ, С. Трудовая школа — школа будущаго. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.

Линдъ, О. Въ поискахъ принца. Ром. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

Майскій, В., Энзисъ, Velox. Марксизмъ и вопросъ войны и мира. Пер. 1916 г. Ц. 70 к.

Мельгуновъ, С. О современныхъ литературныхъ правахъ. Москва, 1916 г. Ц. 60 к.

Мечта и жизнь. Сборникъ стиховъ. Пер. 1916 г. Ц. 50 к.

Острогорскій, М. Конституціонная эволюція Англіи въ теченіе желѣзнаго полувѣка. Посвящ. памяти М. М. Ковалевскаго. Пер. 1916 г.

Павловъ, П. Тезисы рѣшеній кассац. департаментовъ правительствующаго сената за 1915 г. Одесса, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Петровскій, П. Невольныя пѣсни. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рейсъ, Р. Какъ австро-венгры вели войну въ Сербіи. Пер. 1916 г. Ц. 85 к.

Розенбергъ, Эд. бар. Экономія страданій. Пгр., 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Русскій вывозъ во Францію. Справочная книга для русскихъ экспортеровъ. Парижъ, 1916 г.

Сборники по теоріи поэтическаго языка. № 1. Пер. 1916 г. Ц. 1 р.

Сергѣевъ - Ценскій, С. Наклонная Елена. Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 35 к.

Скаутизмъ въ Россіи. Пер. 1916 г. Ц. 1 р.

Сурашевскій, Д. Тишина. Стихи. Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Сургучевъ, И. Сосѣдка, Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гр. Толстой, А. Н. Невѣрный шагъ. Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гр. Толстой, А. Н. Въ Англіи, на Кавказѣ, по Волыни и Галиціи. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

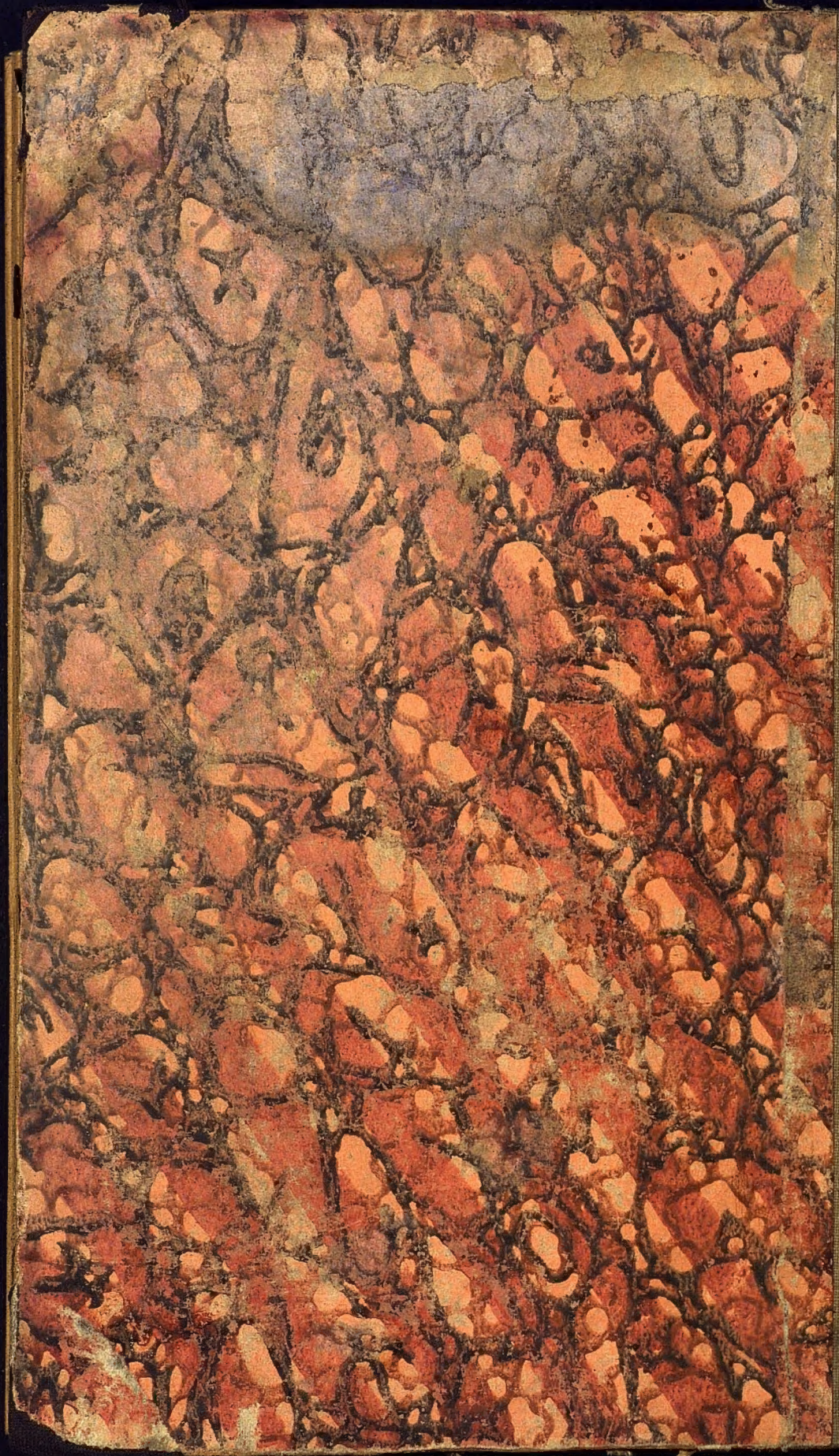
Тырковъ, А. Старая Турція и младотурки. Пер. 1916 г. Ц. 2 р.

Фюстэль де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Пер. 1916 г. Ц. 6 р. 25 к.

Шмитъ, Ѳ. проф. Законы исторіи Харьковъ, 1916 г. Ц. 2 р.

Шульговскій, Н. Терновый вѣнецъ. Стихи. Птр. 1916 г. 30 к.

Щербина, А. Слѣпой музыкантъ. Короленка. Москва, 1916 г. Ц. 40 к.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.